

Библейско-богословская коллекция
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

И. С. ЛИСТОВСКИЙ

**ФИЛАРЕТ,
АРХИЕПИСКОП ЧЕРНИГОВСКИЙ**

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство
"Аксион эстин" (<http://www.axion.org.ru>). Санкт-Петербург, 2006.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2006

И. С. ЛИСТОВСКІЙ.

ФИЛАРЕТЪ

АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія

1894.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензураго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 12-го Мая 1895 г. Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.

ФИЛАРЕТЪ АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ *)

„Пастырь добрый душу свою полагает
за овцы“. (Іоанна, 36—11).

Въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи находится древнее село Лѣспое-Конабѣво, значащееся по грамотѣ царя Θεодора Алексѣевича дворцовымъ. Оно расположено на гористомъ берегу Цны, близъ лѣса, на противоположномъ берегу этой рѣки лежитъ другое Конабѣво, называемое по характеру мѣстности Польнымъ.

Въ Конабѣвѣ былъ когда-то женскій Казанскій монастырь, и село это едва-ли не равнялось своею обширностію городу Шацку, считавше-

*) Пособіями служили мнѣ: а) собственноручныя записки архіепископа Филарета, набросанныя имъ въ Ригѣ. б) черновыя письма его къ графу Протасову, митрополитамъ Московскому и Кіевскому, графу Дмитрію Николаевичу Толстому и др., в) черновыя бумаги его и письма къ нему разныхъ лицъ, г) «Православное Обзоріе» 1886 г. Іюнь и Іюль, д) «Исторія Московской Духовн Академіи» С. Смирнова 1879 г., е) «Творенія св. отцовъ» 1883 и 1884 г., ж) «Русская Старина» 1884 г. вн. IV, 1885 г. кн. X, з) «Русскій Архивъ» 1885 г., 10, и) «Кіевская Старина» 1876 г., і) Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1866, 1867, 1870 и 1872 г., к) Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости, л) «Пресвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій», С. Пономарева, Полтава 1866 г., м) некрологи, помѣщенные въ нѣкоторыхъ газетахъ, н) «Странникъ», Сентябрь 1886 г., о) «Русскій Паломникъ» 1886 г. кн. 31, п) Письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому, прот. Смирнова. М. 1885 г., р) «Разказы и предапія, собранныя на мѣстѣ родины пресвященнаго Филарета и обязательно сообщенныя о. Николаемъ Конабѣвскимъ», с) «Разказы и отзывы сослуживцевъ и лично знавшихъ Филарета въ Московской Академіи, въ Ригѣ, Харьковѣ и Черниговѣ», т) «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, Митрополита Московскаго» т. IV, у) «Письма Митрополита Филарета къ покойному Архіепископу Тверскому Алексію 1843—1867 г.» Москва, 1883 г., ф) «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1887 г., х) «Кіевская Старина» 1882 г., ц) «Благовѣсть» 1888 г., ч) «Высокопресвященный Филаретъ, Архіепископъ Харьковскій», прот. Н. Лащенкова, «Харьковскій Сборникъ» 1891 и 1892 г.г., вып. 5 и 6-й.

муся во времена царя Алексѣя Михайловича значительнымъ городомъ. Утверждаютъ, что Конабѣво превосходило древностью своею Шацкъ, хотя основаніе послѣдняго относится къ XIV вѣку.

Съ переходомъ этого села къ Нарышкинымъ оно стало упадать, такъ какъ владѣльцы, имѣя много пустопорожнихъ земель, заселяли ихъ переселенцами изъ Конабѣва. Тѣмъ не менѣе, однако, еще въ началѣ настоящаго столѣтія оно было значительнымъ: въ немъ было свыше 5 т. м. пола душъ и двѣ церкви съ двойнымъ штатомъ священно-и церковно-служителей въ каждой.

Въ двадцати сажняхъ отъ алтаря одной изъ церквей находился незатѣйливый домъ священника, о. Григорія Аванасьевича Конабѣвскаго. Домъ состоялъ изъ двухъ просторныхъ избъ, соединенныхъ сѣнями. Въ немъ жила безбѣдно многочисленная семья о. Григорія. У него были: престарѣлый отецъ, два брата, три сестры, жена и два сына. Вся семья жила въ согласіи, любви и глубокомъ благочестіи. Впослѣдствіи она раздѣлилась на три дома. Въ родительскомъ домѣ остался о. Григорій, какъ старшій братъ; отецъ же его, желая приготовиться къ смерти и умереть въ монастырѣ, послѣдніе годы провелъ въ Черниговской обители, гдѣ и скончался.

Въ Конабѣвѣ проживалъ крестьянинъ Нарышкина по имени Алексѣй. Слыгъ онъ за полоумнаго: многіе однако почитали его блаженнымъ, приписывая ему даръ прозорливости. Зимомъ и лѣтомъ ходилъ онъ въ одной рубахѣ, безъ обуви, получаемыя деньги раздавалъ бѣднымъ, не оставляя себѣ ничего. Много притѣсненій и побоевъ переносилъ Алексѣй отъ управителя имѣнія. Не разъ представляли его въ рекрутское присутствіе, откуда возвращался онъ забракованнымъ. Помѣщикъ Нарышкинъ, пріѣхавъ лѣтомъ въ свою вотчину и встрѣтивъ Алексѣя, пожелалъ узнать, что, это за человекъ. Ему объявили, что это его крестьянинъ, полоумный или юродивый, Богъ его знаетъ. Нарышкинъ велѣлъ привести его къ себѣ. «Что ты ходишь въ одной рубахѣ? Вотъ тебѣ—одѣнься». И онъ приказалъ дать ему свою одежду. Алексѣй принялъ одежду, но, отойдя немного, снялъ ее и, повѣсивъ на церковной оградѣ, удалился. Нарышкину хотѣлось дознаться: не полагалъ ли Алексѣй по-

казаться смѣшнымъ въ несвойственной и необычной для него одеждѣ, или здѣсь была другая причина. Опять призвалъ его къ себѣ Нарышкинъ. «Твоя одежда дорогая, а моя дороже твоей», отвѣчалъ юродивый на вопросъ своего барина—что побудило его къ такому поступку? Тогда Нарышкинъ подарилъ 100 рублей. «Вѣзь тебѣ. Купи себѣ чего пожелаешь», сказалъ баринъ, подавая Алексѣю сторублевую бумажку. Поблагодарилъ юродивый, получивъ ассигнацію, дошелъ се до церкви и опустилъ въ кружку, что при колокольцѣ была поставлена для добротныхъ даяній на святой храмъ. Узнавъ о такомъ поступкѣ юродиваго, Нарышкинъ строго наказалъ своему управителю не притѣснять его и предоставить ему пошую свободу. Алексѣй поселился въ томъ же селѣ у протоіерея Дмитрія, брата о. Григорія. У него прожилъ онъ 25 лѣтъ въ великихъ подвигахъ поста и молитвы. Постоянно твердилъ онъ молитву Іисусову, и въ этомъ упражненіи замѣчали его ночью, сидящимъ предъ св. иконами. Каждый постъ онъ приобщался Св. Тайнъ. Часто удалялся онъ въ казенный лѣсъ близъ Арзамаса для молитвеннаго подвига. Тамъ въ 1827 году охотники нашли его тѣло, сложенное къ молитвѣ, тогда какъ душа его отлетѣла въ тотъ міръ, въ которомъ разгаданы были и его жизнь и его подвиги. Тѣло его предапо землѣ въ г. Арзамасѣ.

23-го Октября 1805 года въ домѣ о. Григорія была замѣтна особенная суета. Суета эта вызвана была рожденіемъ втораго сына, нареченнаго Дмитріемъ въ честь Св. Великомученника Дмитрія Солунскаго, котораго память совершается 25-го Октября.

Никто на селѣ еще не зналъ о рожденіи сына у почтеннаго настыря; знали только юродивый Алексѣй и, взобравшись на колокольню, возвѣстилъ о рожденіи трезвономъ. Перенолощенный несвоевременнымъ звономъ, народъ бросился къ церкви. Стали спрашивать юродиваго, кто велѣлъ звонить и зачѣмъ? «Рады Алешка, что родился великій Тимошка! А онъ будетъ звонить, звонить будетъ на всю Русь», отвѣчалъ юродивый. Раздосадованный народъ не внялъ пророческому голосу блаженнаго, и пошлись люди, выместившіе свою досаду на его спицѣ. Юродиваго высѣкли, а онъ приговаривалъ во время наказанія: «бейте больше,

родился большой Тимошка». Не довольствуясь однако тѣлеснымъ наказаніемъ, его на цѣлую недѣлю приковали къ столну.

Итакъ, первымъ вѣстникомъ явленія па свѣтъ свѣтильника нашей церкви и молитвенника за нашу родину былъ юродивый. И какъ было ископи, такъ повторилось и здѣсь: не поразмыслилъ народъ надъ пророческими словами юродиваго, не воздалъ хвалы Богу, а предалъ вѣстника мученію.

Дмитрій росъ, развиваясь не по лѣтамъ, будучи пяти лѣтъ, пѣлъ на клиросѣ и читалъ почти всю Псалтирь наизусть. Голосъ онъ имѣлъ дискантъ очень пѣжный и сохранилъ его до поступленія въ академію. Обучала его чтенію тетка его, дѣвица, умершая девяностолѣтнею. Христіанская жизнь его семьи, служившая, какъ говорятъ, примѣромъ для окружающихъ, доброта и ласки всѣхъ, въ особенности матери, дѣйствовали на душу и сердце воспринчиваго ребенка. Отецъ его отличался, при глубокомъ благочестіи, какъ замѣчательный проповѣдникъ и примѣрный священникъ. Мать его, Настасья Васильевна, была образцомъ древне-русской благочестивой женщины. Убравшись съ хозяйствомъ, въ праздничные дни она непременно шла въ церковь, «чтобы совѣстливѣе было за столъ сѣсть, дара Божія, хлѣба-соли вкусить». Она принимала странниковъ, одѣляла пищихъ. Молитва, въ особенности за дѣтей своихъ, была, какъ утверждаютъ, такою потребностью для нея, что нерѣдко вставала она въ глухую полночь «безъ помѣхи помолиться Богу, съ полнымъ сосредоточеніемъ мыслей и чувствъ и съ усерднымъ колѣнопреклоненіемъ предъ «Подателемъ всяческихъ». Дѣтей своихъ она постоянно брала въ церковь, примѣромъ своей молитвы поучая ихъ молиться. И Дмитрій такъ полюбилъ церковную молитву, что она сдѣлалась для него живѣйшею потребностію. Такая обстановка и посреди ея аскетическая жизнь тетки-наставницы рано развили въ будущемъ Филаретѣ склонность къ монашеству.

Дмитрій былъ небольшого роста, всегда худенькій, живой и рѣзвый: въ его глазахъ свѣтились умъ и энергія. Отецъ держалъ его въ страхѣ Божіемъ и, не прибѣгая никогда въ наказаніи къ мѣрамъ кру-

тымъ, тѣмъ не менѣе сдерживаль рѣзваго мальчика. Нѣжная мать иногда находила, что наказаніе не заслужено и укоряла стараго супруга. О. Григорій, не возражая ей при дѣтяхъ, озабочившись вдвоемъ, дѣлалъ ей внушеніе, что она портить дѣтей и даетъ имъ поводъ къ осужденію отца въ несправедливости. Когда Дмитрій еще былъ очень маленькимъ, отецъ привязывалъ его шпкою къ столу, и Дмитрій долженъ былъ сидѣть или стоять у стола, пока самъ отецъ его не отпуститъ. Наказанія этого стыдился Дмитрій, но не смѣлъ бѣжать, о чемъ вспоминалъ, будучи архіепископомъ. Когда же Дмитрій сталъ учиться, то по своей пылкости не могъ долго оставаться за книгою: его тянуло на улицу побѣгать, и вотъ изъ запертой комнаты онъ черезъ окно бѣжитъ къ товарищамъ, а главное къ рѣкѣ полюбоваться прекрасными видами, подышать во всю дѣтскую грудь свѣжимъ лѣтнимъ воздухомъ. А село Лѣское Конабѣево дѣйствительно замѣчательно красотою мѣстности: къ сѣверу отъ него нескончаемые лѣса, на сѣверо-востокъ обширные луга и пастбища, рѣка Цна, за нею другое Конабѣево.

Красота мѣстности не могла не внести извѣстнаго вклада въ характеръ Дмитрія. Дмитрій съ дѣтства любилъ природу. И теперь указываютъ мѣсто любимой прогулки его, гдѣ онъ, пріѣзжая домой изъ училища, а потомъ изъ семинаріи, погружался въ созерцаніе природы. Бывъ ректоромъ Московской духовной академіи, онъ ухаживалъ за цвѣтами; изъ Риги онъ писалъ, что подъ окнами «кое-какъ, съ усиліями, развелъ садикъ въ церковной оградѣ»; въ Черниговѣ превратилъ онъ монастырскіе дворы въ сады съ куртинами розъ и другихъ цвѣтовъ. Иногда любуясь видами изъ своей бесѣдки на обширную долину р. Десны, перерѣзанной шоссе и усѣянной селеніями и рощами, а передъ нимъ историческое мѣсто—сосновую рощу и святое озеро (въ которомъ, по преданію, приняли Св. Крещеніе Черниговцы) онъ сосредоточивался и глубоко вздыхалъ. И куда летѣли эти вздохи? Была ли то давнѣе дѣтскимъ воспоминаніямъ или молитвенное возношеніе къ Творцу?

Вообще онъ любилъ деревенскую жизнь, которая несомнѣнно пробуждала въ его душѣ не мало воспоминаній изъ его дѣтства. Живя

въ Харьковѣ онъ лѣтомъ перѣдко удалялся въ загородную дачу «Все-
 святское» для отдыха, тамъ гулялъ, ежедневно купался. Онъ любилъ
 ловить рыбу и дважды поплатился немалымъ испугомъ. Разъ, пріѣхавъ
 купаться, пожелалъ потянуть волокомъ рыбу. Расторошный староста
 Артемъ сейчасъ же доставилъ волокъ и преосвященный со своимъ риз-
 ничимъ Пименомъ потянулъ волокъ, идя по горю въ водѣ. Вдругъ онъ
 исчезаетъ подъ водою, попавъ въ яму. Пимень не растерялся, потянулъ
 волокъ и владыка выплылъ. Усиленный ловъ вознаградила за испугъ. А
 суровый его духовникъ Пармень, стоя на берегу, укоряетъ его въ не-
 осторожности. Въ другой разъ онъ съ монахомъ Іезикилемъ и тѣмъ же
 ризничимъ, пріѣхавъ на мельницу, вздумалъ половить рыбу сътью. Очень
 маленькая и ветхая лодка опрокинулась и они упали все въ воду. Къ
 счастью, было неглубоко. «На этой случайности надо остановиться»,
 замѣтилъ Филаретъ, «въ своемъ желаніи ловить рыбу, чтобы не до-
 статся когда-либо на съѣденіе живущимъ въ этой стихіи». Любилъ
 также онъ пчеловодство. Романовскій и Хрущовъ подарили ему по де-
 сятку колодъ пчель и пчеловодъ, священникъ Власовъ—8 колодъ. Онъ
 въ свободное время, въ особенности во время роенія пчель, саживалъ
 въ пасѣвѣ, самъ ловилъ выходившіе рои и самъ ихъ усаживалъ.

Способности у Дмитрія были замѣчательныя, память необыкно-
 венная, острота слова и находчивость, по словамъ воспитательницы-
 теткы, удивительныя. Дальнѣйшимъ его обученіемъ занялся отецъ. Семи
 лѣтъ, однако, онъ помѣстилъ его въ Вышинскую пустынь къ ученому
 іеродіакону Никону, бывшему префекту Рязанской семинаріи, гдѣ про-
 былъ онъ два года и ознакомился со всеми предметами училищнаго
 курса. Сюда поступилъ онъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Никитою
 Воскресенскимъ (впослѣдствіи архимандритъ Никонъ, настоятель Георгі-
 евскаго первокласснаго монастыря близъ Севастополя, скончавшійся на
 покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ).

Въ дѣтствѣ Дмитрія съ нимъ было нѣсколько случаевъ, приня-
 тыхъ имъ и его родителямъ, какъ доказательства особаго храненія его

Промысломъ. Еще почти младенцемъ, онъ однажды, во время весенняго ледохода, вскочилъ на льдину. Ледъ тронулся, и сообщеніе съ берегомъ такъ скоро прекратилось, что крошечный мальчикъ и не замѣтилъ. Тогда только, познавъ опасность, сталъ онъ осматриваться кругомъ: но, не видя никакой возможности выбраться и никого на берегу, кто могъ бы оказать ему помощь, въ слезахъ крикнулъ онъ: «Маменька! Помолись хоть ты за меня!» И вдругъ льдину его повернуло къ берегу и притянуло къ выдающемуся мысу. Дмитрій проворно выскочилъ на берегъ, и въ его дѣтской душѣ осталось убѣжденіе, что онъ спасенъ по молитвамъ благочестивой матери. Рассказывая объ этомъ случаѣ уже въ старости, онъ каялся, что отъ родителей скрылъ о томъ, опасаясь, что его откровенность лишитъ его свободы.

Слѣдующіе два случая по разсказу очевидца ихъ, архимандрита Никона, были съ нимъ во время ихъ жизни въ Вышинской пустыни. Разъ, въ Іюль мѣсяцѣ, пошли оба они купаться въ р. Вышу. Шли они къ мѣсту, по указанію ихъ наставника, черезъ лѣсъ. Дмитрій былъ въ башмакахъ на босу ногу. Нечаянно наступилъ онъ на большую змѣю. Змѣя обвилась вокругъ его ноги. Небезопасно стряхнулъ онъ башмакъ съ ноги, а съ башмакомъ свалилась и змѣя. Въ испугѣ и страхѣ заплакалъ Никита. «Братъ! Тебя укусила змѣя?» — «Нѣтъ», спокойно отвѣчалъ Дмитрій. Затѣмъ, взявъ палку, онъ погнался за змѣей и, догнавъ ее въ кустахъ, сказалъ, обратясь къ ней: «Ты меня не уязвила, ибо ангель-хранитель мой не допустилъ тебя уязвить меня». Такова была вѣра у отрока. Возвратясь къ прежнему мѣсту, онъ взялъ башмакъ и, не надѣвая, отнесъ его къ рѣкѣ, гдѣ ополоснулъ его въ водѣ и положилъ просушить на солнышкѣ. Не успѣли они покупаться, какъ заботливый наставникъ пришелъ къ нимъ. «Мнѣ что-то грустно и скорбно, сказалъ онъ имъ, а вы такъ долго не возвращаетесь». Увидѣвъ мокрый башмакъ, онъ спросилъ: «Дѣти! Что это значитъ?» Приученный говорить правду, Дмитрій разсказалъ все, какъ было и показалъ дорогою самое мѣсто, гдѣ произошелъ разсказанный случай. Наставникъ передалъ о случившемся своимъ духовнымъ друзьямъ—іеромонаху Варсонофію и іеродіакону Зосимѣ, которые на другой день сов-

мѣстно съ нимъ отслужили молебень Божіей Матери, со слезами благодаря Ее за чудное спасеніе. Узнавъ о молебнѣ и причинѣ его, настоятель съ братією извѣстили о случившемся родителемъ Дмитрія. По прибытіи ихъ, настоятель отслужилъ соборне молебень, а наставникъ дѣтей о. Никонъ произнесъ проповѣдь, слушая которую все плакали, а нѣкоторые даже рыдали.

Вотъ среда, въ которой жилъ Дмитрій, отрокомъ оставивъ родительскій домъ.

Второй случай былъ слѣдующій. Въ половинѣ Декабря, съ разрѣшенія своего наставника, пошелъ мальчикъ Дмитрій съ Никитой, въ сопровожденіи монастырскаго портнаго погулять въ лѣсъ. Отойдя около версты отъ пустыни, они замѣтили бѣлокъ. Портной былъ охотникъ: а какъ съ нимъ были лыжи и ружье, то опъ, прицѣпивъ лыжи, погнался по пухлому снѣгу за юркимъ звѣрькомъ. Отроки остались вдвоэмъ. Не дождавшись его и услышавъ звокъ къ вечерней службѣ, они поспѣшили къ монастырю. На пути туда попалъ на Дмитрія волкъ, израненный капканомъ и тѣмъ приведенный въ ярость. Мгновенно смялъ онъ Дмитрія и сталъ рвать зубами. Никита, забывъ страхъ, схватилъ привающую дубинку и сталъ ею отбивать Дмитрія отъ волка. Разсвирѣпѣвшій волкъ, казалось, не обращалъ вниманія на удары мальчика; съ другой стороны и силы ребенка были слишкомъ слабы для такой борьбы. На крикъ его прискакалъ верхомъ монастырскій работникъ, которому совместно съ Никитою едва удалось стащить волка съ Дмитрія. А Дмитрій всталъ и совершенно спокойно объявилъ, что ему ничего волкъ не сдѣлалъ. Оказалось, что на пемъ въ ключки порвана заячья шуба и обгрызены сапоги.

Изъ Выни Дмитрій поступилъ въ Шацкое духовное училище. Здѣсь онъ былъ помѣщенъ на квартирѣ у дьячка Рождественской церкви Александра Онисимова. И опять попалъ онъ на добрыхъ людей. Вотъ одинъ случай, вызывавшій молитвенное воспоминаніе покойнаго объ его Шацкой хозяйкѣ. Утромъ на его квартиру приходилъ сбитенщикъ со сбитнемъ и кренделями. Взявъ стаканъ сбитня, Дмитрій пошелъ въ свой сундучекъ за деньгами, допилъ сбитень и поставилъ стаканъ въ сунду-

чекъ, гдѣ въ разсѣянности его и забылъ. Получивъ деньги и повѣря стабаны, сѣтепщикъ не досчитался одного. Онъ пошелъ осматривать въ сундучкахъ у мальчиковъ и, къ удивленію всѣхъ, нашелъ стаканъ въ сундучкѣ Дмитрія. Дмитрій, горячей головѣ котораго вообразилось, что его поступокъ объяснять воровствомъ, растерялся отъ смущенія и убѣжалъ изъ комнаты. Онъ измѣнился въ лицѣ и потерялъ побужденіе къ пищѣ и сну. Послѣ ужина, за которымъ просидѣлъ онъ молча и не приеаясь къ пищѣ, онъ ранѣе всѣхъ полѣзъ на палаты, гдѣ спали обыкновенно всѣ мальчики. Но зорко слѣдила за нимъ добрая хозяйка. Когда влѣзли на палаты мальчики и легли спать, неславный Дмитрій притворился спящимъ. Онъ думалъ мрачную думу: не могъ вынести онъ позора, которымъ, казалось ему, онъ покрылъ свое имя. Лучше не жить, думалось ему, чѣмъ слыть воромъ. И воспаленная голова ребенка подсказывала ему ужасную мысль — лишить себя жизни. Но лишь только заснули товарищи Дмитрія, онъ услышалъ пѣжный и участливый голосъ своей хозяйки: «Ты спишь, Митя?» Дмитрій не отвѣчалъ, «Ты спишь, что ли, Митя?» повторилъ тотъ же голосъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ Дмитрій, «Ты боленъ, какисъ, Митя? Ты бы хорошенько помолился Богу, да съѣздилъ домой: тамъ пеможко бы поправился». Ласковая рѣчь доброй женщины мгновенно облегчила душу ребенка. Дмитрій зарыдалъ. «Что съ тобою, родной мой? Ты совсѣмъ, видно, болеешь». И растроганная его рыданіемъ, она погладила его по головѣ; а когда Дмитрій, тронутый ея ласкою, еще болѣе разрыдался, она сняла его съ палатей, причемъ паткнулась рукою на приготовленный имъ ножъ. Дмитрій сквозь слезы сознался въ своемъ памѣреніи, объясняя, что положеніе свое находилъ онъ безвыходнымъ и съ позорнымъ именемъ вора не могъ ужиться. Нетрудно уже было этой доброй женщицѣ совершенно успокоить ребенка.

И не объ одной этой женщицѣ благодарною памятью воспоминалъ святитель. Въ томъ же Шацкѣ, жена смотрителя училища, Екатерина Ивановна Люминарская, своими ласками и вниманіемъ къ дѣтямъ, учившимся въ училищѣ, стяжала признательную ихъ память. Пресвященный Филаретъ, котораго пережила она, посылалъ ей свои сочиненія и былъ ея всегдашнимъ молитвенникомъ.

Въ 1817 году новый случай ознаменовалъ собою тоже дивное чужденіе Дмитрія. Во время сильнѣйшаго пожара въ Шацкѣ, истребившаго весь городъ, крѣпко спавшій Дмитрій былъ разбуженъ своею доброю хозяйкой. Испуганный мальчикъ, вскочивъ съ постели, схватилъ свой сундучекъ съ бѣльемъ и книгами и побѣжалъ съ ними мимо училища, черезъ огромный оврагъ къ Черной слободѣ, расположенной по другую сторону оврага. Считая мѣсто это безопаснымъ отъ пожара и утомленный подъ тяжкою для него ношею, онъ расположился у плетня, саженьяхъ во ста отъ дворовъ, и сейчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ. Но свирѣпствовавшій пожаръ, казалось, искалъ все новой жертвы, и огонь метался изъ края въ край. Вскорѣ запылала Черная слободка, а съ нею и самый плетень, у котораго заснулъ никѣмъ не замѣченный Дмитрій. Вотъ ползеть огонь по плетню и яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ спящаго мальчика. По счастью шла тутъ крестьянка. Она бросилась къ нему, разбудила и тѣмъ спасла.

Хотя Дмитрій и учился въ Вышѣ и Шацкомъ училищѣ, но болѣе всего его воспитаніемъ занимался отецъ. Дмитрій, бывъ ученикомъ духовнаго училища, очень часто проводилъ время дома въ занятіяхъ съ отцемъ. И когда привелось ему держать экзамень въ училищѣ, присутствовавшій тутъ отецъ, довольный его отвѣтами, сказалъ: «Ну, Митя, если-бъ еще мы позанялись съ тобою, то съ нѣкоторыми предметами и семинарскаго курса познакомились бы». Это въ устахъ о. Григорія было словомъ похвалы.

Природная склонность и направленіе, данное Дмитрію отцомъ, развили у него любовь къ чтенію. Книги читалъ преимущественно религиозно-нравственнаго содержанія. Книга была съ дѣтства его неразлучнымъ другомъ и товарищемъ. И находясь въ училищѣ, онъ, кромѣ игры въ мячъ, не принималъ участія въ дѣтскихъ забавахъ, а въ свободное время весь погружался въ чтеніе. Рассказывалъ о немъ одинъ крестьянинъ, пережившій его, что однажды, увидѣвъ его съ книгой, сидящимъ въ полѣ на десятиномъ столпѣ, онъ замѣтилъ ему: «Митрій! Что бы тебѣ заняться дѣломъ? Вотъ, хоть бы взять соху, да пахать».—«Ахъ! отвѣчалъ ему Дмитрій, еслибъ ты зналъ, что въ этой книгѣ написано,

ты не разстался бы съ нею». «И много разъ», дополнилъ крестьянинъ свой разсказъ, «я видалъ его одного съ книгою либо въ полѣ, либо на лугу».

Приѣзжая домой изъ училища, а потомъ изъ семинаріи, Дмитрій по-прежнему не пропускалъ церковной службы, которая въ двухъ приходахъ справлялась почти ежедневно. Попрежнему становился онъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ, участвуя въ нотномъ хоровомъ пѣніи, издавна введенномъ въ Конабѣевѣ. И съ дѣтства развилась у него любовь къ церковному пѣнію, которою отличался онъ до смерти: архіерейскій хоръ его всегда славился особенною стройностію. Онъ самъ часто, несмотря на труды ученые и занятія спархіяльныя, присутствовалъ при снѣвкахъ.

Когда онъ былъ уже епископомъ Харьковскимъ, онъ въ первое время ежедневно слушалъ раннюю обѣдню, гдѣ прекрасное пѣніе въ четыре голоса ему необыкновенно нравилось. Въ особенности «Слава и Единородный» Кіевского напѣва, «Херувимская», Симоновская тріо, «Милость мира» Маркова и за-причастникъ «Въ молитвахъ неусыпающую» іеромонаха Виктора, всегда вызывалъ горячія слезы при его молитвѣ. И каждый разъ послѣ обѣдни онъ этихъ пѣвцовъ угощалъ у себя чаемъ.

Во время каникулъ Дмитрій со своею благочестивою матерью или теткою всегда ходилъ пѣшкомъ на Вышу или въ Черневъ монастырь. Разъ съ теткою посѣтилъ онъ Саровскую пустынь. Путешествіе это было замѣчательно предсказаніемъ о Дмитріи старца Серафима. Пошли они въ Саровъ пѣшкомъ и, отстоявъ литургію, отправились въ лѣсъ, гдѣ была келія о. Серафима. Имъ встрѣтился маленькій согбенный старичекъ, въ бѣломъ балахончикѣ, опоясанный веревкой. Онъ остановился, какъ бы ожидая ихъ, и оперся на топоръ, служившій ему посохомъ. Угадавъ въ этомъ маленькомъ старичкѣ того великаго передъ Богомъ человѣка, котораго чтить вся Россія, наши богомольцы подошли къ нему и поклонились ему въ ноги. Блаженный провидецъ, благословивъ ихъ и посмотрѣвъ на Дмитрія, сказалъ: «Сей отррокъ будетъ великимъ свѣтильникомъ церкви и прославится по всей Руси, какъ ученый мужъ». Еще прежде Серафимъ спросилъ пришедшаго къ нему за благословіемъ со своими родными Никиту, есть ли у него двоюродный братъ Дмитрій? и на утвердительный отвѣтъ сказалъ: «онъ будетъ солить, солить на

всю Россію!» Повѣствователь такъ объясняетъ эту образную рѣчь старца: «Соль предохраняетъ отъ порчи снѣдь, дѣлая пищу здоровою и пріятною. Подобно тому Дмитрій, вполнѣдствіи архіепископъ Филаретъ, своими молитвами привлекая на міръ благословіе Божіе своею дѣятельностію и примѣромъ чистой и благочестивой жизни имѣя нравственное вліяніе на окружающую среду, будетъ предохранять ближнихъ своихъ, свою паству отъ нравственной порчи и тѣннїа и способствовать нравственному ея оздоровленію». Намъ кажется однако, вѣрнѣе отнести пророческія слова старца къ просвѣтительной дѣятельности Филарета. Какъ бы желая троекратнымъ свидѣтельствомъ подтвердить свое пророчество, тотъ же старецъ и въ третій разъ, когда поздиѣ старшій братъ Дмитрія Василій, возымѣвъ намѣреніе принять монашество, пришелъ за благословіемъ къ нему, сказалъ: «Это только твоему брату Богъ далъ талантъ каждый мѣсяцъ по книжкѣ изъ кармана вынимать, а ты ступай домой и живи какъ укажетъ Богъ». Василій поступилъ діакономъ въ церковь, гдѣ служилъ его отецъ. Последнее пророчество старца Серафима имѣетъ очевидную связь съ первыми двумя и объясняетъ намъ, что разумѣлъ старецъ подъ словомъ «солить».

Въ 1819 году, на экзаментъ въ Шацкомъ училищѣ, въ присутствіи Тамбовскаго преосвященнаго Іоны (вполнѣдствіи экзарха Грузіи), Дмитрій и Никита обратили на себя вниманіе своего владыки. Дмитрій былъ первымъ ученикомъ, а Никита вторымъ. Пожелавъ узнать ихъ имена, преосвященный немало удивился: перваго фамилія была Конобѣвскій, а втораго Тартаровъ. Онъ приказалъ переимѣнить имъ фамиліи (что въ то время часто дѣлывалось въ семинаріяхъ): первому называться Гумилевскимъ, а второму Ангеловымъ. «Учитесь оба прилежно», сказалъ имъ владыка, «и ведите себя честно. Я васъ пошлю въ свое время въ академію. Да помните и всѣ вы, дѣти, что наука есть только золотая узда, а лошадь-то поведеніе». Затѣмъ почтенный архипастырь всталъ и, запѣвъ «Днесь благодать Св. Духа нась собра», приказалъ пѣть съ нимъ и мальчикамъ. Слова его сбылись; но отправляя въ академію Гумилевскаго съ Ангеловымъ преемникъ Іоны, архіепископъ Аѳанасій.

По окончаніи перваго года въ богословскомъ отдѣленіи Дмитрій сталъ сватать невѣсту, исполняя желаніе и волю отца, чтобы занять его мѣсто. Но во время послѣднихъ каникулъ, гуляя съ своимъ братомъ и товарищемъ Никитою въ обширномъ саду, разведенномъ его отцомъ, Дмитрій подошелъ къ одной яблонѣ, задумался, а потомъ повѣдалъ своему другу о дивномъ видѣніи, бывшемъ ему во время сна подъ этою яблонею. «Восторженно передавалъ онъ сонъ», повѣствуетъ рассказчикъ, «а слезы радости текли по его ланитамъ». «Вижу я во снѣ пришедшаго ко мнѣ святителя, подобнаго Василию Великому, и онъ торжественно говоритъ мнѣ: планъ твой и отца твоего разрушится, а исполнится надъ тобою то, что сказано тебѣ впередъ архіереемъ Іоною. Возьми мои сочиненія въ Тамбовской семинарской библіотекѣ, въ нихъ увидишь мой образъ и читай оныя на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Сверхъ того, ходи каждый день къ утрени въ архидіаконскую церковь и становись передъ образомъ святителя и чудотворца Дмитрія Ростовскаго». Разказавъ это, Дмитрій со слезами просилъ своего друга до смерти никому не открывать о повѣданномъ. А между тѣмъ самъ онъ отъ этого времени совершенно измѣнилъ прежній образъ жизни. Несмотря на неудовольствіе и даже угрозы отца, онъ не только покинулъ мысль о женитьбѣ, но цѣлый годъ кромѣ церкви и семинаріи никуда не выходилъ и вступилъ въ 1826 году въ Московскую духовную академію, гдѣ черезъ два года принялъ монашество.

Въ семинаріи Дмитрій отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Рѣдко кто видѣлъ его безъ книги: и въ классѣ до прихода наставника, и въ квартирѣ своей онъ всегда былъ съ книгой. Помогать въ занятіяхъ товарищамъ составляло его исключительную черту. Отлично зная Латинскій языкъ, онъ передъ классомъ подходилъ къ товарищамъ съ предложеніемъ перевести какое-либо трудное мѣсто изъ Латинской книги. И, говорятъ, всегда передъ началомъ Латинскаго класса толпа товарищей окружала юнаго классика, слушая и записывая его переводъ. Готовность служить товарищамъ, какъ служить ближнему вообще, была усвоена Дмитріемъ на сознательныхъ началахъ христіанскаго ученія. Трудъ же для него былъ дѣломъ привычнымъ, такъ какъ съ дѣтства онъ посто-

янно былъ въ трудѣ. Благодаря отличной памяти и навыку къ занятіямъ, онъ скоро выучивалъ уроки и предавался въ свободное время чтенію. Когда же не было книгъ для чтенія, онъ занимался перепискою лекцій богословскаго класса. За трудъ свой онъ, какъ сынъ достаточныхъ родителей, ничего не бралъ; занимался же этимъ единственно, чтобы наполнить время и знакомиться съ предметами высшаго курса. Стыдливость его не менѣе поражала товарищей. Онъ не могъ слышать бранныхъ словъ, весь краснѣлъ; «какъ огнемъ-попымемъ загоралось лицо его», по выраженію его товарища, и онъ сейчасъ же удалялся отъ позволившаго себѣ грубую выходку. Начальство и преподаватели, замѣчая такую скромность въ Дмитріи, относились къ нему особенно мягко. Во весь семинарскій курсъ Дмитрій ни разу не былъ наказанъ, что въ то время составляло едва ли не единственное исключеніе.

По словамъ его товарищей, Дмитрій шелъ наравнѣ съ первымъ ученикомъ, но отмѣчался то шестымъ, то третьимъ, то вторымъ. По Нѣмецкому языку онъ считался настолько успѣвшимъ, что, бывъ еще самъ ученикомъ богословскаго класса, исполнялъ обязанность лектора въ низшемъ классѣ. Хотя былъ выше третьяго и даже втораго своего товарища, но выпущенъ четвертымъ, по той странной причинѣ, что лѣтамъ былъ моложе ихъ и ростомъ менѣе. Дѣйствительно онъ былъ такъ молчаливъ, что его, бывшего ученика богословскаго класса, можно было принять за ученика училища, т.-е. дать ему самое большее—14 лѣтъ. И онъ выдавался своими талантами, въ особенности даромъ проповѣдничества, быть можетъ, унаслѣдованнымъ отъ отца. Въ вѣдомости проти его имени была отмѣтка ректора, архимандрита Іасона: «отлич in declamatione». И очень часто маленькій проповѣдникъ произносилъ церковной каведры свои проповѣди. Его ребяческій и скромный видъ его задушевная и теплая рѣчь при красивомъ и оживленномъ ли привлекали много слушателей даже изъ высшаго круга общества.

Въ 1826 году, выдержавъ успѣшно приѣмные экзамены, Дми Гумилевскій поступилъ въ составъ VII академическаго курса Мос

ской духовной академіи. Аттестуя его всегда какъ лучшаго и благо-
нравнѣйшаго студента, инспекторъ академіи, архимандритъ Евлампій
въ 1829 году въ вѣдомости написалъ: «Дмитрій Гумилевскій отли-
чается особенною кротостію и смиреніемъ, строгимъ вниманіемъ къ себѣ
и къ поступкамъ своимъ и постоянно благочестивымъ настроеніемъ
духа, по которому и расположилъ себя къ иночеству». Такимъ оста-
вался онъ и впослѣдствіи. Такъ въ 1837 году, когда онъ былъ уже
ректоромъ академіи, А. Н. Муравьевъ писалъ князю А. Н. Голицыну:
«между учеными архимандритами первое мѣсто занимаетъ ректоръ ака-
деміи Филаретъ, молодой лѣтами, но весьма свѣдущій, скромный и
постникъ и умѣвшій внушить къ себѣ уваженіе».

Итакъ, принятіе Дмитриемъ иночества не вытекало изъ расчета на
извѣстную іерархическую карьеру. Уже архіепископомъ Харьковскимъ
онъ, представляя своимъ посягателямъ старушку-тетку свою и настав-
ницу, засвидѣтельствовалъ, что она своею аскетическою жизнію распо-
ложила его съ дѣтства къ монашеству. И отъ дѣтства своего и во весь
семинарскій курсъ, въ особенности въ послѣднемъ классѣ, онъ, видимо,
готовился къ монашеству. Его взглядъ на монашество, выраженный въ
письмѣ къ его ученику и другу А. В. Горскому, котораго онъ скло-
нялъ послѣдовать его примѣру, подтверждаетъ, что иночество принято
было Дмитриемъ Гумилевскимъ по душевному предрасположенію. Вотъ,
между прочимъ, что писалъ онъ въ Маѣ 1842 г. изъ Риги, гдѣ былъ
епископомъ: «И какъ я обрадовался бы, какъ возблагодарилъ бы Господа,
когда бы услышалъ, что ты, наконецъ, рѣшился облечься въ святое
иноческое одѣяніе подъ кровомъ прендобнаго Сергія! Господа ради, по-
слушайся, оставь напрасныя твои сомнѣнія: ты будешь полезенъ Церкви
Святой; она ждетъ тебя давно, очень давно.... Въ томъ нѣтъ сомнѣнія,
что безъ Господа Иисуса, безъ благодати Его святой ничего истинно
добраго никто еще не дѣлалъ и не можетъ дѣлать. Но сомнѣнія твои
не въ томъ и состоятъ, а касаются только того, что ты боишься опас-
ностей, противъ которыхъ Господомъ даны тебѣ средства въ душевныхъ
силахъ». На замѣчаніе же Горскаго, что трудно быть ученому монаху,
Филаретъ возражаетъ: «Ты указываешь, другъ мой, на мой собствен-

ный опытъ тому, какъ трудно жить ученому монаху. Если дѣло касается до моего опыта, то, призвавъ Господа въ помощь, искренно скажу тебѣ, что доселѣ, при содѣйствіи неизреченной милости Господа Іисуса, мнѣ не приходило и на мысль жалѣть о моемъ монашескомъ положеніи. Грѣховъ моихъ бездна, беззаконій моихъ необозримая бездна, а монашество едва ли не въ одномъ имени; тѣмъ неменѣе благодарю Господа моего, что Онъ, не взирая на нечистоты души моей и прошедшія, и настоящія, не отвергнулъ принять меня подъ кровь иночества. Благодарю за то, что Онъ оградилъ меня отъ волнъ міра и его губительныхъ правилъ, приличій, обычаевъ. Живя здѣсь, еще болѣе могу видѣть, что значить жизнь міра, что значать его правила и примѣры; могу видѣть, какъ онъ освящаетъ, часто безсознательно, самыя гибельныя дѣла, самыя несообразныя съ христіанскою жизнію правила. Попробуйте поговорить съ міромъ о подобныхъ дѣлахъ: онъ вамъ представитъ тьму извиненій и оправданій имъ, и вы останетесь только съ тою увѣренностію, что несчастенъ міръ, запутавшій самъ себя въ дѣла языческія, въ правила, противныя христіанской совѣсти. Да, иначе нельзя окончить размышленій о многомъ, что совершается въ мірѣ. Какъ же не благодарить Господа, что Онъ избавилъ душу отъ тяжкихъ и бесполезныхъ трудовъ разсчитываться съ обычаями міра, что Онъ далъ душѣ свободу употреблять время и силу на дѣла, столь приближающія душу къ Ему Единому, Кому всѣ кости мои должны служить и возвѣщать: Господи! Господи, кто подобенъ Тебѣ? О скорби же жизни иноческо-ученой ни слова: онѣ могутъ быть тяжки; но Онъ направляетъ ихъ во славу Свою. Подумай же!“

Когда, въ концѣ 1829 года, Дмитрій Гумилевскій заявилъ начальству и митрополиту о своемъ непремѣнномъ намѣреніи принять иноческій чинъ, митрополитъ, видимо, отнесся съ большимъ одобреніемъ къ такой рѣшимости. Онъ отмѣтилъ Гумилевскаго особеннымъ отличіемъ, давъ ему одному при постриженіи свое имя. За все время 46-ти-лѣтняго начальствованія это былъ единственный примѣръ. Онъ рѣшился оставить въ сторонѣ установившійся обычай давать имя, начинающееся съ той же буквы, какою начинается имя прежнее. Сохранилось пре-

даше, что Московскій святитель готовилъ его себѣ въ преемники. Въ отношеніяхъ его къ юному иноку замѣчалась отеческая заботливость и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительная строгость. Видно было, что зоркій и неуклонный правитель церкви желалъ образовать достойнаго себѣ преемника. И несомнѣнно, что эта школа мудраго іерарха имѣла великое вліяніе на Филарета. Вліяніе это замѣчалось въ Академіи, вслѣдствіе чего, и по сопоставленію таланта зрѣлаго съ начинающимъ, въ Академіи, обыкновенно, называя Митрополита Филаретомъ, называли юнаго ученаго инока «Филаретикомъ». Расположеніе же митрополита Филаретъ, при блестящихъ своихъ дарованіяхъ, списалъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Для него, какъ говорятъ, не было предметовъ второстепенныхъ, но каждый предметъ, языки древніе и новые приковывали полное вниманіе этого труженика.

По принятіи иноческаго чина (19-го Января 1830 г.), Филаретъ Гумилевскій 29-го Іюня былъ посвященъ въ іеродіаконы. Въ этомъ санѣ оставался онъ до окончанія курса 29-го Августа того же года, когда былъ посвященъ въ іеромонахи.

Изыявившагося принять иноческій чинъ, для богомыслия и большей сосредоточенности, удаляютъ на время отъ общенія съ другими. Въ этомъ одиночествѣ и случилось искушеніе: Филаретъ загрузилъ и покинулъ свою келію. Старецъ, которому поручено было его приготовленіе (духовный отецъ), не найдя его въ затворѣ, повѣдалъ осторожно о случившемся одному брату, которому, при помощи одного товарища Филарета, удалось найти его въ трактирѣ. Товарищъ привелъ его разстроеннаго, взволнованнаго. Между тѣмъ доложили митрополиту, который строго воспретилъ оглашать о томъ такъ, чтобъ юному Филарету и не было извѣстно, что о случившемся доложено ему. Это доказываетъ необыкновенную опытность Московскаго святителя и глубокое познаніе человѣка: одно оглашеніе о случившемся могло погубить 24-лѣтняго пылкаго Филарета.

Еще бывъ студентомъ, а именно 6-го Іюня 1830 года, Филаретъ былъ опредѣленъ бібліотекаремъ академической бібліотеки. Такое назначеніе вполне отвѣчало его склонности. Здѣсь онъ проводилъ все

свободное время, роаясь въ книгахъ, читая безъ помѣхи. Онъ такъ полюбилъ библіотеку, что когда изъ нея удѣляли часть для вповь открытой Казанской духовной академіи, то съ сокрушеніемъ писалъ: «очень великая будетъ потеря»; но какъ бы въ успокоеніе себѣ тутъ же добавилъ: «но надобно и собою жертвовать для другихъ.»

Въ бытность свою ректоромъ академіи онъ настолько обогатилъ библіотеку ея, что каялся въ этомъ, какъ въ своемъ увлеченіи. Но тѣмъ неменѣе продолжалъ пополнять ее, уже бывши епископомъ Рижскимъ и предложилъ самъ все новое по богословской нѣмецкой литературѣ просматривать и полезное выписывать для библіотеки, такъ какъ все это присылалось ему книгопродавцами и учеными. «Такимъ образомъ, писалъ онъ, пожалуй, я буду для васъ издателемъ *Litteraturblatt*». Изъ Петербурга, жалуюсь на скудость источниковъ для его сочиненій, онъ писалъ Горскому: «И можно ли здѣсь сдѣлать то, что въ академіи? Бывало раздѣтый въ библіотекѣ во всемъ привольѣ; а если свои поги не совѣмъ послушны: готовъ ко всему любезный мой Александръ Васильевичъ. А здѣсь, и съ людьми во всемъ чужими, чего ожидать, чего надѣяться? Скучно!»

Зорко слѣдивъ за ходомъ академическаго образованія, митрополитъ Филаретъ давалъ особенную цѣну экзаменамъ, тѣмъ болѣе публичнымъ. Заблаговременно правленіемъ академіи представлялись ему записки о предстоявшихъ испытаніяхъ. Тщательно просматривалъ ихъ владыка, требуя исключительной осмотрительности. Но всего строже относился онъ къ сочиненіямъ, предназначавшимся для чтенія на публичныхъ испытаніяхъ. Критика его была строга, можно сказать, безпощадна, а подь-часъ, пожалуй, и придирчива. Сочиненія эти представлялись ему послѣ тщательнаго просмотра ректоромъ академіи. 8-го Іюня 1830 г. ректоромъ, архимандритомъ Поликарпомъ, представлены были два такихъ сочиненія студентовъ послѣдняго курса, изъ коихъ одно іеродіакона Филарета: «О духѣ и свойствѣ христіанскаго мученичества». «Ни того, ни другаго разсужденія, написалъ митрополитъ, не могу признать достаточно приготовленными ни для напечатанія, ни для прочтенія въ

публичногь собраніи. Разсужденіе о мученичествѣ и теперь безконечно обширно и какъ въ отношеніи къ логикѣ, такъ и въ отношеніи къ словесности, слабо. Это принужденное склоненіе словъ и выраженій, историческихъ обстоятельствъ, выписокъ, а не систематическое произведеніе ума, котораго бы всѣ части были направлены къ опредѣленной цѣли. Я прочиталъ оболу половины онаго (дочитать не имѣю ни времени, ни терпѣнія), но не встрѣтилъ еще ничего, что прямо и съ силою было бы направлено къ указанной во вступленіи цѣли, т.-е. къ защищенію мученичества отъ нареканій. Послѣ неопредѣленнаго и утомительнаго разсказа о гоненіяхъ Іудейскихъ, Римскихъ, Персидскихъ, Магометанскихъ, Россійскихъ, поставлено восклицаніе: *таково начало и происхожденіе мученичества! Маккавеи предуготовили* (сіе слово написалъ о. ректоръ) *вѣтхозавѣтную церковь къ таковымъ же подвигамъ въ новозавѣтной церкви.* На что же было готовить вѣтхозавѣтную церковь къ такимъ подвигамъ, которые не въ ней, а въ послѣдующей за нею новозавѣтной церкви совершаться должны? Мнѣ кажется, это не значитъ очищать сочиненіе отъ погрѣшностей. Впрочемъ, нимало не возбраняется оба разсужденія, о коихъ здѣсь говорено, передать комиссіи духовныхъ училищъ на ея усмотрѣніе». Комиссія духовныхъ училищъ была снисходительнѣе митрополита Филарета, суровая критика котораго со смиреніемъ принималась будущимъ ученымъ и свѣтильникомъ церкви.

Такъ точно сурово и строго относился митрополитъ и къ административной дѣятельности своего любимца, когда онъ былъ инспекторомъ и ректоромъ академіи, подчиняя прирожденную ему мягкость и незлобіе требованіямъ службы и порядка.

Іеродіаконъ Филаретъ окончилъ курсъ со степенью магистра, вторымъ, хотя далеко былъ выше своего совѣтника Нечаева. Предпочтеніе послѣднему, полагають, было оказано какъ воспитаннику своей, т.-е. Московской семинаріи.

По окончаніи курса и посвященіи Филарета въ іеромонахи, онъ оставленъ былъ при академіи бакалавромъ, а въ сентябрѣ занялъ ка-

ведру церковной исторіи и, какъ ученый іеромонахъ, былъ причисленъ къ собору іеромонаховъ Московскаго Донскаго монастыря. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ цензоромъ. Цензура не мало отнимала у него времени, награждая подѣ-часъ большими хлопотами и непріятностями. Такъ въ 1834 году онъ одобрилъ къ напечатанію самую невинную книжку, азбуку: «Безцѣнный подарокъ дѣтямъ». Въ слѣдующемъ году книжка это вышла изъ типографіи въ количествѣ 1200 экземпляровъ. И вотъ, въ 1837 году, когда Филаретъ былъ уже ректоромъ, всплыло пренепріятное дѣло. Митрополитъ Серафимъ привезъ въ Синодъ экземпляръ этой книжки и указалъ непростительныя опечатки, а именно въ Символѣ вѣры напечатано: «Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ. Отъ Бога истинна рожденна, не Свѣта отъ Свѣта, Бога истина, сотворенна единосущна Отцу». Въ седьмой заповѣди опущена частица «не». Сообщили Московскому митрополиту объ отобраніи экземпляровъ этой книжки и запрещеніи продажи, а отъ цензуры потребовано объясненіе. Оказалось, что мѣщаниномъ Чижковымъ была представлена азбука для разрѣшенія напечатать, но по напечатаніи она цензурѣ не представлялась, и билета на выпускъ ея въ свѣтъ цензурою не выдавалось. Прошло семь мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Управа Благочинія представила объясненія Чижкова и содержателя типографіи Пономарева. Чижковъ, чтобъ оправдаться, представилъ билетъ цензуры; но оказалось, что билетъ выданъ на выпускъ другой книжки «*Полезный подарокъ дѣтямъ*». Между тѣмъ, въ отобранныхъ у Чижкова и у книгопродавцевъ 182 экземплярахъ этой книжки съ указанными погрѣшностями не оказалось ни одной; быть можетъ здѣсь была только ошибка: неисправленный корректурный экземпляръ попалъ въ числѣ другихъ въ продажу и на бѣду попался митрополиту Серафиму. Представляя экземпляръ безъ погрѣшностей, изъ числа отобранныхъ въ Синодъ, митрополитъ Филаретъ ходатайствовалъ объ освобожденіи цензоровъ и комитета отъ отвѣтственности. Синодъ только въ 1839 году далъ знать, что онъ освобождаетъ цензуру отъ отвѣтственности, а Пономарева передалъ суду. Чижковъ же успѣлъ умереть.

Академическая бібліотека сдѣлалась жилищемъ молодого профессора. Здѣсь занимался Филаретъ составленіемъ своихъ лекцій, которыя были

полны интереса, новы по содержанію и увлекательны по изложенію. Находя, что Филаретъ былъ историкомъ по призванію, утверждаютъ, что онъ явился въ академіи новаторомъ по этой кафедрѣ. До него студенты занимались предметомъ этимъ плохо, безъ малѣйшаго интереса, преподаватели тяготились читать его, стараясь перемѣнить на предметъ болѣе интересовавшій студентовъ: а потому болѣе года, много—двухъ, никто не оставался на этой кафедрѣ. Читали, обыкновенно, по учебникамъ митрополита Филарета (Начертаніе библейской исторіи) и Иннокентія Пензенскаго (Начертаніе церковной исторіи), дѣлая кое-какія дополненія. Не такъ отнесся къ этому предмету Филаретъ, не любившій стѣснять себя учебниками. Онъ самъ сталъ работать надъ этимъ предметомъ, придавъ своимъ лекціямъ увлекающій интересъ и тѣмъ вызвалъ живое отношеніе къ предмету въ своихъ слушателяхъ. Онъ вдохновилъ одного изъ нихъ, впоследствии своего друга и знаменитаго преемника А. В. Горскаго. Онъ приучилъ его вначалѣ въ качествѣ помощника своего къ кропотливой работѣ историка.

Ко всякому труду Филаретъ относился съ живымъ интересомъ, можно сказать, съ увлеченіемъ. Его пылкій и живой темпераментъ, привычка къ труду, желаніе служить церкви и ближнему подогрѣвали всякое дѣло въ его рукахъ. Но къ первому предмету своего профессорскаго преподаванія, т. е. къ исторіи Русской церкви, онъ относился какъ жетца, съ наибольшимъ одушевленіемъ. И чтобъ разгадать этотъ выборъ въ его ученыхъ трудахъ, мы должны вернуться къ его дѣтству. Мы уже видѣли, какое вліяніе на его характеръ, на его нравственный укладъ имѣла благочестивая семья его родителей вообще, а въ этомъ случаѣ онъ обязанъ исключительно своему отцу. Въ свободные часы, въ особенности въ долгіе зимніе вечера, о. Григорій имѣлъ обычай собирать свою семью къ большому столу и самъ читалъ житія святыхъ изъ Четьи-Минеи или изъ Пролога. Ребенокъ Дмитрій, которому не было еще семи лѣтъ, подпершись рученками, съ жадностью слушалъ чтеніе отца и объясненія жизни и мученическихъ подвиговъ святыхъ православной церкви. Въ его дѣтской душѣ складывались образы великихъ подвижниковъ церкви, а въ сердцѣ разгорался огонекъ любви къ Богу и Его свя-

тымъ, который, обратившись въ пламя, объялъ его всего въ мужественную пору его служенія церкви. И самъ Филаретъ даетъ понятъ, какое отводилъ онъ значеніе вліянію на него отца. «Да», писалъ онъ изъ Риги, «теперь, когда такъ давно нѣтъ на свѣтъ моего родителя, которому много, очень много обязанъ по душѣ, какъ мнѣ по временамъ хочется взглянуть на него хотя на четверть часа! До кончины его не чувствовалъ я такой душевной нужды». И вотъ темою перваго своего студенческаго сочиненія онъ избираетъ «О духѣ и свойствахъ христіанскаго мученичества». Первыми же капитальными трудами его были: «Исторія Русской церкви» и «Историческое ученіе объ отцахъ церкви».

Чтобъ видѣть, какъ смотрѣлъ онъ на ученый трудъ, сколько теплоты и одушевленія вливалъ онъ въ него, достаточно прочесть нѣкоторыя письма его къ Горскому. Въ каждомъ почти письмѣ онъ весь выливался, если можно такъ выразиться, въ извѣстную нравственную форму, представляя высокій образецъ служителя Божія. «Читаю и пересматриваю труды отцовъ нашихъ, открытыхъ почтеннымъ и опытнымъ Востоковымъ *). Востоковъ много, весьма много открылъ намъ новаго, иногда такого, на что мнѣ приходилось неразъ смотрѣть, но чего не понималъ я. Новый міръ открыть. И какой же міръ? Міръ отцовъ нашихъ, отцовъ благочестивыхъ, иногда ошибавшихся, но любившихъ Господа Іисуса пламенною душею».

По прочтеніи статьи магистра Аничкова «О крестныхъ ходахъ православной церкви», онъ пишетъ: «Простите, что скажу грѣшную мысль о крестныхъ ходахъ. Сочиненіе написано слишкомъ холодно, обдаетъ душу стужою; священныя дѣйствія—плодъ чувствъ сильныхъ и живыхъ, а потому, по крайней мѣрѣ, для ихъ происхожденія и значенія можно пожертвовать строгостію копотливыхъ мыслей и дать просторъ чувству. Скажете: старая пѣснь? Правда, но простите бѣдняку, скудному въ мысляхъ».

Прочитавъ въ «Москвитянинѣ» статью объ осадѣ Троице-Сергіевской Лавры, онъ догадался, что авторъ ея—Голохвастовъ, желавшій

*) Въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго музея».

обългать своего предка. Но ему горько было, что автором униженъ Палицынъ, и онъ сейчасъ же проситъ Горскаго написать статью объ Аврааміи Палицынѣ и помѣстить въ томъ же «Москвитяинѣ». «Не думаю, чтобъ Погодинъ отказался, писалъ онъ: онъ благороденъ и для лица не пожертвуетъ правдою. Напишите ему и отъ меня, что *amicus Plato, sed magis amica veritas*».

И не одинъ Палицынъ возбудилъ желаніе его возстановить истину: онъ соболѣзповалъ и о князѣ Голицынѣ. «Онъ сорокъ лѣтъ былъ въ тюрьмѣ у Поляковъ: зачѣмъ же такъ безчестить страдальца, родоначальника обширѣйшаго рода Голицыныхъ?» Считая умноженіе рода благословеніемъ Божиимъ, онъ требуетъ провѣрки свѣдѣній о кн. Голицынѣ. Горскій исполнилъ желаніе своего друга-наставника, но не удовлетворила послѣдняго его статья: онъ находилъ ее холодною. По прочтеніи отзыва объ этой статьѣ, онъ остановился на фразѣ критика: «сочинитель нигдѣ не измѣняетъ покойному своему тону», и желаетъ уяснить эту фразу, высказывается ли здѣсь одобреніе или вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе видѣть иногда болѣе теплоты, «болѣе любви къ предмету». «Что до меня, продолжаетъ онъ, говоря съ вами обыкновеннымъ языкомъ, желаю, чтобы послѣднее требованіе въ показанной степени вы не оставили безъ вниманія. Правда, хотя въ ученыхъ разсужденіяхъ всего болѣе нужно спокойствіе души и естественный ходъ мысли, предоставленной управленію размышляющаго разсудка; но, какъ мнѣ кажется, и въ ученыхъ разсужденіяхъ, если разсуждать надо о предметѣ дорогомъ не для одного разсудка, но и для всей души, неестественно оставлять въ бездѣйствіи чувство; неестественно тому быть, чтобы любовь къ предмету не высказалась въ разсужденіи свойственнымъ ей образомъ, въ словахъ, въ тонѣ выраженій, въ образахъ, дышавшихъ жизнью и движеніемъ. Мнѣ кажется, что въ противномъ случаѣ читателю нельзя не оскорбиться холодностію, какую видитъ онъ въ сочинителѣ, такъ какъ холодность эта относится къ предмету достойному любви, уваженія, дѣятельности цѣлой души. Правда, въ такомъ сужденіи моемъ участвуетъ и моя настроенность духа, организація грѣшной души моей, такъ часто тревожной и пылкой и тамъ, гдѣ, не нужно горячиться чувствомъ и воображенію,

а нужно одно разсужденіе. Но вотъ я смотрю на Нѣмцевъ. Народъ размышляющій, народъ ученый; но какъ хотите, только преобладаніе въ немъ мысли иссушило душу его. Скажите искренно, послѣ спокойнаго размышленія о предметѣ, хорошо ли это, что Нѣмцы теперь съ такимъ хладнокровіемъ пишутъ хулы на Господа Иисуса; а другіе Нѣмцы съ такимъ хладнокровіемъ слушаютъ и читаютъ хулы? Послѣдніе, прочтя хулы языческой души, говорятъ: мы не можемъ не отдать уваженія богатству свѣдѣній сочинителя, глубокому его изслѣдованію предмета и пр. Какъ? Уважать то, что даръ Божій употребляетъ христіанинъ такъ, какъ употребилъ его сатана? О, помилуй насъ Богъ отъ такого состоянія! Не хочу опровергать тѣхъ оправданій, которыя Нѣмецкое хладнокровіе привыкло говорить себѣ самому. Всѣ эти оправданія столь же правы, сколько и хладнокровіе; потому что оный плодъ той же холодности къ предметамъ самымъ высокимъ и самымъ дорогимъ для души, для которыхъ жизнь души—не жизнь, а пагуба. Какъ мнѣ кажется, нынѣшнее положеніе Нѣмецкой учености изуродовало положеніе души, ибо какъ называть состояніе живого существа, когда въ немъ живетъ и дѣйствуетъ одна только часть на счетъ всѣхъ другихъ частей? Представьте, что въ цѣломъ организмѣ тѣлесномъ жива и здорова одна голова, а руки, ноги, желудокъ, первы—омертвѣли. Что это такое? Уродъ! Зачѣмъ же не сознаться, что точно тоже означаетъ душа, въ которой живетъ и дѣйствуетъ одинъ разсудокъ безъ отдыха, неутомимо настраивающій и разрушающій затѣйливыя мысленныя фигуры? Но я слишкомъ увлекся общимъ предметомъ. Дорожа любимую душею, душевно прошу васъ—остерегитесь Нѣмецкой холодности къ предметамъ высокимъ. Зачѣмъ поставлять себя въ неестественное состояніе? Душа ваша любитъ Господа, сколько успѣла возлюбить Его при помощи Его благодати; говорите же о Господѣ такъ, чтобы всѣ кости ваши говорили о Немъ. Пусть все славить Господа, потому что все въ насъ должно славить святое имя Его. Душа ваша чтить и любить св. угодниковъ Его. Говорите же о св. угодникахъ Его такъ, чтобы вся душа ваша говорила о нихъ должное. Не убивайте чувствъ вашихъ святыхъ грѣшными сомнѣніями, предостереженіями, уступленіями, условіями холоднаго разсудка. Мы и безъ того

столько ли любимъ Господа и все угодное Ему, сколько должны бы любить? Столько ли душа наша горигь усердіемъ и ревностію къ святому закону Его, сколько должна горѣть? Столько ли возросла въ насъ любовь къ благочестію о Христѣ, чтобы могло оно быть живительнымъ началомъ жизни нашей на цѣлую вѣчность? О, вѣчность—вѣчность! Какъ грозна мысль о тебѣ грѣшной, немощной, лѣнливой, гордой, тщеславной душѣ моей! Господи, Господи, умилосердись надъ нами грѣшными! Научи насъ творить святую волю Твою, воспламени насъ огнемъ любви Твоей, да не погибнемъ бездыханные на цѣлую вѣчность!» «Простите мнѣ, что напоминаю о недостаткѣ вашемъ, тогда какъ у меня толпа грѣховъ, которыхъ вовсе не вижу. Взамѣнъ прошу вспомнить о мнѣ грѣшномъ, когда будете молить Господа объ исправленіи недостатка вашего.

Трудолюбивый Филаретъ въ числѣ недостатковъ своихъ считалъ лѣность, и это сѣтованіе на лѣность произносилось имъ въ то время, когда очевидецъ его трудовъ, изумляясь неустанной его дѣятельности, задаетъ себѣ вопросъ: «спалъ ли онъ когда нибудь?»

Несомнѣнно, свѣтлый нравственный обликъ Филарета былъ постоянно передъ глазами его ученика и друга, какъ маякъ въ морскихъ пучинахъ. Замѣчаніе Филарета упало на сердце его юнаго друга, и онъ ищетъ указаній, на что получаетъ сейчасъ же въ отвѣтъ: «Мое ма-ранье объ учености нѣсколько возмутило покой вашъ, и вы спрашиваете, чтожь дѣлать для того, чтобы совмѣщать ученость съ живымъ духомъ любви къ истинѣ и святости? Первое, безъ сомнѣнія, произошло въ душѣ вашей отъ того, что объ иномъ сказано очень рѣзко. Не такъ ли? Повторю и теперь съ большею, чѣмъ прежде, увѣренностью, что требова-ніе живого духа у меня болѣе плодъ собственнаго неумѣренно-горячаго и часто безтолковаго свойства души. Да, это совершенная правда. Вполнѣ свято то, что надобно говорить правду, надобно показывать и доказывать истину вопреки тѣмъ, которые говорятъ неправду, а не выказывать себя самого, свое неспокойное состояніе. Въ послѣднемъ случаѣ очень часто бываетъ со мною, что по осмотрѣ оказывается рядъ вопро-совъ и дѣльнаго—почти ничего. Тѣмъ не менѣе несогласенъ я хвалить

вась за статью о св. Лаврѣ, что помѣщена въ «Москвитянинѣ». Согласенъ, что необходимо спокойствіе въ изслѣдованіи истины, но не думаю, чтобы хорошо было смотрѣть спокойно на наглос оскорбленіе истины и святости. А Голохвастовъ, если не часто, то по мѣстамъ, не безъ наглости къ св. Лаврѣ. Эти люди воображаютъ себя удивительно какъ учеными и чудными политиками. Если бы въ душѣ было только желаніе узнать истину, не совсѣмъ ясную для многихъ и даже представленную въ другомъ видѣ: скажи свои мысли съ осторожностію желающаго дознать истину, а не выставляй изъ себя человѣка, который одинъ только и можетъ знать истину, а всѣ прочіе говорили и говорятъ вздоръ. Иначе выходитъ на дѣлѣ, говоря простымъ языкомъ, хвастунъ. Если же придется имѣть дѣло съ хвастуномъ, то для дѣльнаго изслѣдованія у него мѣдный лобъ, отъ котораго все дѣльное летитъ прочь; его надо не вразумлять, а наказывать сатирою. Пусть лежитъ клеймо на немъ, достойное его. Оно остановитъ другихъ хвастуновъ. Иначе вслѣдъ за однимъ появится цѣлый рядъ подобныхъ людей, и тогда прощайся съ правдою, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи лягутъ во гробъ со вредными мыслями, попавшими къ нимъ только по милости мѣднаго лба. Но я уже заговорился; во многоглаголаніи немного добра».

«Что касается до второго пункта, то нелегко рѣшишь его, а еще нелегче исполнять то, что хотѣлъ бы сказать. Миѣ кажется, что молитва лучше всего можетъ поддерживать въ душѣ теплоту и жизнь духа. Нелегко молиться такъ, какъ надлежало бы молиться». Но надобно же молиться? Какъ же быть? Какъ достигать того, чтобы и молиться, и молиться такъ, какъ должно? Понуждать себя къ молитвѣ, ранить безпощадно за дурную молитву, употреблять или тотъ или другой способъ къ возбужденію молитвы, такой способъ, какой кому полезнѣе, перемѣнять способы, избирая болѣе удобный и полезный. Не знаю, какъ по твоей душѣ молитва съ поклонами? Случалось слышать, что это только выраженіе души и важно только какъ выраженіе. А миѣ представляется, что это вмѣстѣ и способъ. Кажется, за меня и великіе молитвенники. Они молились по цѣлымъ ночамъ, творя то малые, то большіе поклоны.

Къ чему нибудь они считали это нужнымъ? Не означало же это только изліяніе души. Нѣтъ сомнѣнія, что молитва можетъ быть молитва — молитвою одной души. Такова молитва созерцательная. Впрочемъ, и та, какъ видимъ по сочиненіямъ о ней, не была безъ участія внѣшнихъ дѣйствій, и въ ней требовалось напряженіе тѣлесному организму и даже, быть можетъ, болѣе тяжелое, чѣмъ въ обыкновенной молитвѣ. Всего прежде не надобно забывать, что если я возьмусь за созерцательную молитву, то вмѣсто созерцаній выйдутъ одни мечтанія, одно броженіе мыслей, безъ сокрушенія, безъ глубокаго сознанія нечистотъ души. А молитва безъ ощущенія виновности и недостойнства — худая молитва, даже можетъ обращаться во вредъ душѣ, приводитъ можетъ къ направленію мыслей и воли гордому. Сего унаси Боже. Такъ лучше молиться просто такъ, какъ обыкновенно молятся и какъ Богъ устроилъ насъ. Будемъ чаще посѣщать храмъ Божій — точнѣе слѣдовать чину церкви. Въ молитвахъ церковныхъ немного высокихъ мыслей, но много жизни и теплоты. «Онѣ просты, но тѣ изъ нихъ и сильнѣе дѣйствуютъ на душу, болѣе плодотворны, которыя болѣе прочихъ просты. Попались двѣ-три молитвы, сильно поражающія безчувственную душу; повторай ихъ съ поклонами: согрѣбься». При этомъ онъ по своему всегдашнему обыкновенію шлетъ себѣ укоръ: «Иногда, грѣшный, стою какъ деревяшка, какъ болванъ или брожу мыслями по разнымъ сторонамъ. Что это за молитва?» — «Письмо мое опечалило душу вашу, говоритъ онъ въ слѣдующій разъ. Вмѣстѣ съ вами молю Господа, чтобы было на пользу душѣ. Чего же болѣе желать, какъ не здравія душѣ? Все прочее останется на землѣ. О, какъ бы сохраниены были души наши для Господа!» Такъ молодой наставникъ вразумлялъ, ободрялъ и поддерживалъ духъ молодого своего друга.

Дорожа дружбою Филарета и почитая его какъ руководителя въ духовной жизни, Горскій во всѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ обращался къ нему за совѣтомъ. Такъ, возымѣвъ намѣреніе принять предложенное ему мѣсто при Константинопольской миссіи, онъ предварительно обращается къ Филарету (тогда епископу Рижскому). Приведемъ отвѣтное письмо Филарета не столько какъ доказательство его вліянія на

Горскаго, сколько для лучшаго знакомства съ самимъ авторомъ, съ его взглядомъ на жизнь и на служеніе церкви. «Вы писали о намѣреніи на счетъ Константинополя. Другъ мой! Оставь и мысль объ этомъ. Тебѣ дѣло это представилось совѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Ты думаешь найти тамъ нищу для благочестивой любознательности или для благочестивыхъ подвиговъ въ преподаваніи истины Христовой. Нѣтъ, не то ожидаютъ отъ того, кого хотять туда послать. Тамъ надобно жить при посольствѣ, въ одномъ углу, нерѣдко запершись. Тамъ хотять имѣть орудіе политики для переговоровъ, видѣть человѣка, который бы имѣлъ въ виду расчеты земныхъ властей, а послѣ того, если угодно, и расчеты по жизни духовной; имѣютъ нужду въ ловкомъ, свѣтскомъ человѣкѣ, который бы умѣлъ подъ черною одеждою скрывать намѣренія земной мудрости. Мы съ тобою не рождены для подобной жизни: она убьетъ насъ. Еслибы тебѣ пришлось здѣсь только недѣлю пожить, то ты понялъ бы, что не только такое мѣсто, каково мѣсто при посольствѣ въ Турціи, но и мѣсто здѣшняго приходскаго священника опутываютъ сѣтями интригъ земныхъ. На видъ кажется, что хлопчуть о дѣлѣ вѣры, о дѣлѣ православія, даже только и словъ съ человѣкомъ незнакомымъ, чужимъ, что православіе и вѣра; а все это на языкѣ сердца означаетъ: наше дѣло политика, все прочее дѣло стороннее. Боже мой, Боже мой, какъ тяжело смотрѣть на такое положеніе дѣлъ! Какъ странно жить среди такихъ людей! Боишься и страшишься за свою душу, не унесли бы и ея бури помысленій въ погибельную пропасть суеты земной. Нынѣ и завтра, сейчасъ и въ слѣдующій часъ объ одномъ заставляютъ думать: то думать о томъ, какъ бы не запутали тебя въ какую-либо интригу, то судить и даже осуждать интригановъ, ставящихъ вѣру и святыню на какую-нибудь ленту, а часто и на улыбку знати высшей. Жизнь такая мученіе. Господа ради прощу тебя, оставь всякое помысленіе о Константинополѣ».

Онъ сообщаетъ Горскому, что ему приходила мысль вызваться на миссію въ Іерусалимъ, когда Англичане посылали туда своего епископа; удостовѣрившись, что не можетъ рассчитывать на поддержку, Филаретъ отказался отъ этой мысли. Для себя я рѣшилъ сомнѣніе тѣмъ: безо-

паси́е идти путемъ, который Господь назначилъ, чѣмъ избирать самому путь, хотя бы онъ казался и болѣе близкимъ къ спасенію. Могу ли я быть увѣренъ, что моихъ силъ достанетъ для великаго подвига, когда вижу, что такъ мало дѣлаю и на пути, теперь назначенномъ? Да другъ мой! Будемъ трудиться на пути, по которому идемъ».

Трогательная забота о нравственной чистотѣ друга выражена въ письмѣ отъ 20 ноября 1844 г. Самому духовному наставнику еще не было 40 лѣтъ, а между тѣмъ письмо его отражаетъ въ себѣ челоуѣка, уразумѣвнаго жизнь старика-подвижника. «Миѣ странная пришла мысль въ голову: пришло желаніе сказать другу о предметѣ, о которомъ умные не говорятъ, а развѣ дураки. Но—пусть по обряду глупца говорить буду съ другомъ. Натура во всѣхъ идетъ одинакимъ путемъ. Во всѣхъ стремленія ея вступаютъ въ права свои то рано, то поздно, то днемъ, то ночью. Надобно много труда и бдительности надъ собою, чтобы тайное стремленіе натуры дурной, начавъ дѣйствовать, не довело обманомъ до положенія слишкомъ дурного. И если къ чему это приложить надобно, то всего болѣе къ стремленію половому. Не оскорбись, другъ мой, Господа ради. Не знаю, не вижу тебя теперь. Но когда видѣлъ, то не видѣлъ еще пробужденія стремленийъ тѣла грѣшнаго. Однако, если даже и доселѣ нѣтъ пробужденія, Господа ради, не вѣрь себѣ, не думай, чтобы они не пробудились. Трудно, другъ мой, дать тебѣ совѣтъ: какъ поступить съ собою, когда эта бѣда натуры появится въ душѣ? Плакать, плакать надобно; но не скажу того, чтобы и это тотчасъ избавило отъ бѣды. Лучше, далеко лучше, если плакать будешь до наступленія бѣды. Да, другъ мой, готовься напередъ, готовься *слезами и памятю о смерти и гнилости тѣла, объ адѣ*, готовомъ для растлѣннаго тѣла. Ни одна страсть такъ не скрытна, какъ эта страсть. Десятки лѣтъ проходятъ, и ея какъ будто нѣтъ; а когда появится, то много лѣтъ можетъ пройти, пока ее увидятъ. *Бдите и молитесь*. Прекрасенъ цвѣтокъ — чистота тѣлесная; но, какъ онъ рѣдокъ, какъ онъ дорого достается! Другъ мой, береги душу твою. Смотри за нею зорко. Ахъ, легко быть можетъ, что прекрасный цвѣтокъ легко погибнетъ отъ вѣтра жгучаго! Тысячи извиненій, тысячи оправданій

появятся, коль скоро появится въ душѣ это злое растеніе—любовь къ другому полу. Называю злымъ и по сравненію съ чистотою, и по тѣмъ тысячамъ грѣховъ, какіе влечетъ за собою эта страсть. Да, мы не въ раю. Прости, другъ мой, глупости друга души твоей. Если онъ вретъ не ко времени: скажи—Богъ проститъ ему. Обнимаю душу твою, какъ дорогую для Господа Іисуса».

И вотъ гдѣ источникъ обильныхъ слезъ самого Филарета. Отъ первой минуты, когда предсталъ онъ предъ престоломъ Божиимъ въ качествѣ служителя алтаря и до самой смерти, каждую службу, начиная отъ Херувимской пѣсни до причащенія, слезы текли изъ глазъ его; принявъ же Агнца и читая молитву предъ причащеніемъ, онъ всхлипывалъ. И долго, приобщившись, онъ не могъ унять тока слезъ своихъ. Забывая, кажется, все окружающее, онъ плакалъ, вздыхалъ и молился. Это замедляло служеніе. Сослужащіе съ нимъ иногда даже выражали нетерпѣливость и неудовольствіе (замѣчаетъ служившій при Филаретѣ въ Харьковѣ протоіерей о. Іоаннъ Шароцкій) на обильно текущія слезы и вздохи его пресвященства: но были и такіе, которые радовались этимъ слезамъ, этимъ вздохамъ и въ глубинѣ души благодарили Господа, что Онъ даетъ такой обильный источникъ слезъ архипастырю, *приносящему святыя дары о своихъ грѣхахъ и о людскихъ невѣжествахъ* (Евр. VII, 27: IX, 7).

Во время всенощной, эти вздохи доносились изъ алтаря до стоящихъ возлѣ клироса и многихъ, освобождая отъ разсѣянности, побуждали слышать свои молитвы съ молитвами смиренного архипастыря.

Только два года привелось іеромонаху Филарету читать церковную исторію. Въ началѣ 1832—33 учебнаго года, по волѣ и предначертаніямъ, вѣроятно, того же руководящаго ума, направлявшаго дѣятельность молодого ученаго, т.-е. по планамъ митрополита Московскаго, Филарету поручено чтеніе Священнаго Писанія, а затѣмъ нравственнаго и пастырскаго богословія. Видя, какъ относится Филаретъ къ занятіямъ по преподаванію, понимая его умъ и способности, Московскій святитель не желалъ, быть можетъ, однообразнаго ихъ направленія и, находя, что предметъ, читанный Филаретомъ, достаточно освѣщенъ и освѣженъ имъ,

онъ направилъ трудъ его къ предметамъ богословскимъ. Пособіемъ для преподаванія этого предмета было сочиненіе профессора С.-Петербургской духовной академіи І. С. Кочетова: «Черты дѣятельнаго ученія вѣры»: но учебникъ этотъ еще при предмѣстникѣ Филарета по преподаванію признавался недостаточнымъ и подвергался значительному измѣненію. Филаретъ и здѣсь явился самобытнымъ. По свидѣтельству отца Смирнова *), «онъ оставилъ о себѣ память, какъ объ отличномъ профессорѣ, соединявшемъ въ себѣ съ обширною ученостію необыкновенное трудолюбіе. Онъ выступилъ на это поприще съ новыми приѣмами: съ критикою источниковъ, съ филологическими соображеніями, съ исторією догматовъ, съ рѣзкими опроверженіями мнѣній, порожденныхъ раціонализмомъ въ протестантскомъ Западѣ». Въ своихъ изслѣдованіяхъ Филаретъ руководствовался догматиками Клея и Бреннера; но онъ заимствовалъ у нихъ, и то отчасти, только планъ, а, главнымъ образомъ, пользовался приведенными ими мѣстами изъ классическихъ писателей и отцовъ церкви. Изложеніе у него, болѣе сжатое, запечатлѣно характеромъ самостоятельной работы. «Филаретъ отличался особеннымъ складомъ рѣчи: выраженія его, особенно тамъ, гдѣ онъ борется съ древними еретиками и неправославіемъ католицизма и протестантства и съ крайними воззрѣніями раціоналистовъ, довольно рѣзки и оригинальны. Таковъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, таковъ и въ догматикѣ».

Чтеніе богословія доставило Филарету громкую извѣстность. Едва онъ пріѣхалъ въ 1841 году въ Петербургъ для посвященія въ епископа Рижскаго, какъ ему предложили наши высшіе духовные іерархи заняться составленіемъ «Догматики» и выписать для того свои лекціи изъ академіи. Недостатокъ въ руководствѣ къ изученію «Догматическаго Богословія» признавался всеми. На него нѣсколько позднѣе указывалъ гр. Протасову и митрополитъ Филаретъ. Когда же, по своей скромности и опасливости, Филаретъ отказывался, то прибѣгли къ посредничеству самаго сильнаго человѣка, оберъ-прокурора Св. Синода, графа Протасова.

*) Исторія Московской духовной академіи.

Тотъ настойчиво присталъ къ Филарету. По поводу этой настойчивости писалъ тогда Филаретъ: «Эти предложенія льстивы для самолюбія, но не льстивы для благоразумія, внимательнаго къ положенію дѣлъ. Я и теперь еще не касаюсь сего дѣла; пусть откроетъ Господь, что грѣшному начинать, куда склонить выю. Да, довольно, почти насытился мечтами. И то правда, кто жъ виноватъ, что гонялся за мечтами? Каждому надобно знать свой путь. Бреди по тому, который указанъ: пойдешь по чужому: не прогнѣвайся, если натолкають въ шею»,

Несмотря на выдающуюся дѣятельность Филарета по преподаванію богословія, Московскій митрополитъ не оставлялъ своей тактики, строже чѣмъ къ другимъ относился къ юному профессору и сильно пробиралъ его на экзаменахъ. Но тѣмъ не менѣе тотъ же митрополитъ передавалъ свои проповѣди на просмотръ молодому ученому, о чемъ съ обычною скромностію писалъ сей послѣдній своему другу изъ Петербурга: «Владыко готовитъ къ печати все Московскія проповѣди. И на мою долю досталось читать дѣла великана. Проситъ измѣрять шаги великана. Смѣшное дѣло! Съ моими ли шагами спѣшить по слѣдамъ его?» Да, другъ мой, какъ скоро у него ходятъ ноги! Все проповѣди писалъ за одинъ разъ, въ нѣсколько часовъ. Это видно по подлинникамъ.

1-го Мая 1833 года Филаретъ былъ назначенъ инспекторомъ академіи, т.-е. кромѣ преподавательскихъ занятій, онъ былъ приуроченъ къ административному труду и тѣмъ болѣе сложному, что съ этою обязанностию соединялось настоятельство въ какомъ-либо монастырѣ. Филарету было поручено настоятельство въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ.

Кроткому и смиренному иноку должность эта была далеко не легка. Надзоръ за молодыми людьми почти его возраста, подчасъ съ привычками, коихъ чуждался онъ отъ юности, ставилъ его между двухъ огней: строгими мѣрами онъ могъ раздражить студентовъ, снисходительность могла навлечь неудовольствіе начальства. А недремлющее око митрополита бдительно слѣдило за всею, что совершалось въ академіи. Ежемѣсячно инспекторъ долженъ былъ представлять свои донесенія. Тщательно просматривалъ ихъ митрополитъ и дѣлалъ разнаго рода вопросы и замѣчанія.

О трудности своей обязанности жаловался молодой инспекторъ другу своему Горскому. Послѣ разговора объ этомъ предметѣ съ Филаретомъ, Горскій записалъ въ свой дневникъ: «Вотъ какъ опредѣлилось понятіе о высокомъ званіи инспектора здѣшняго мѣста. Онъ долженъ имѣть не простой надзоръ за благопристойностію студентовъ, предупреждать, пресѣкать какіе-либо безпорядки у нихъ, но, проикая до самаго корня всѣхъ безпорядковъ, стараться о преобразованіи ввѣренныхъ ему людей нравственномъ, христіанскомъ. Къ сему должна непременно побудить важность ихъ предначертанія и приготовленія. Они требуются прямо на высокое служеніе церкви; отъ нихъ зависитъ образованіе всѣхъ пастырей церкви. Общество наставниковъ духовныхъ выше становится по своему званію каждаго, въ своемъ кругу дѣйствующаго священника. Итакъ, смотря на такую цѣль образованія здѣшнихъ молодыхъ людей, нельзя надзирателю ихъ,—тому, кому ввѣрено смотрѣніе за самою существеннѣйшею стороною въ пастырѣ церкви, нравственно-духовною—ограничиваться такимъ тѣснымъ кругомъ, въ какомъ они обыкновенно имѣютъ обращеніе».

Такой взглядъ на нравственно-воспитательный характеръ надзора усвоенъ былъ Филаретомъ и проводился на практикѣ. По крайней мѣрѣ біографъ преосвященнаго Филарета упоминаетъ, что этотъ свѣтлый взглядъ *удержалъ*, съ большою силою развивалъ и выражалъ на практикѣ А. В. Горскій. И оно естественно, если принять во вниманіе краткость срока служенія Филарета въ должностяхъ инспектора и ректора въ сравненіи со срокомъ службы его друга.

Академическія воспоминанія о Филаретѣ рисуютъ его инспекторомъ не очень строгимъ и записятъ на страницахъ исторіи академіи, что онъ дополнилъ инструкцію комнатнымъ старшимъ студентамъ, составленную бывшимъ инспекторомъ Евлампіемъ. Заведено имъ было оригинальное правило, которое объяснить можно личнымъ уваженіемъ Филарета къ письменной работѣ. Замѣчая во время классныхъ часовъ студентовъ въ ихъ комнатахъ, онъ сейчасъ-же отсылалъ ихъ въ аудиторію; тѣхъ же, которыхъ заставлялъ въ это время за работою письменныхъ сочиненій, оставлялъ за этою работою, не дѣлая замѣчаній.

Разсмотрѣвъ готовившійся проектъ преобразованія Академіи въ 1833 году, Филаретъ изложилъ такъ свой взглядъ: «То, что полагають назначить для классовъ по полтора часа, и мнѣ кажется полезнымъ. Отмѣны ежегодныхъ испытаній великое ли приобрѣтеніе для учестости? Сомнѣваюсь. Дѣло не въ томъ, есть ли испытаніе, а въ томъ, каково испытаніе. Главный вопросъ въ ходѣ образованія—движеніе образованности впередъ. Болѣе ли приобрѣтутъ студенты, заучивая по примѣру краснойголовой птицы слова другихъ, чѣмъ приготавлиаясь къ живому отчету въ своемъ? Очень сомнѣваюсь. Наконецъ, сомнѣніе мое достигаетъ едвали не крайней степени, когда подумая о томъ, что хотять опытомъ надъ однимъ сочиненіемъ сдѣлать сочинителя. Крайность—заставляегъ въ двѣ недѣли готовить одно сочиненіе. А дать волю занимагся однимъ два года—почти тоже, что дать волю ничего не дѣлагъ и не оставлять для себя надежды увидѣть сколько-нибудь опытнаго самобыслителя. Академія не школа для изученія азовъ и буквъ. Горе съ тѣми, у кѣго силъ достаетъ только на то, чтобы перенять замѣченное у другихъ и подражать замѣченному, хотя бы надъ собственною ланкою. Нѣтъ, кашцеляристъ не сочинитель и солдатъ не богословъ».

Какъ замѣтно постепенное превращеніе Филаретиза въ Филарета. Возьмемъ хотя настоящее его мнѣніе. Въ немъ какъ будто слышатся мысли великаго Филарета со всею оригинальностію ихъ выраженій и неотразимою правдою.

И самъ онъ съ увлеченіемъ предавался работѣ. Углубившись въ нее, онъ не замѣчалъ времени и нерѣдко опаздывалъ на лекціи. Когда онъ былъ ректоромъ, онъ занимался сидя или полулежа на коврѣ. Съ двухъ сторонъ лежала бумага и стояли двѣ чернильницы. Тутъ, дѣлая справки и изысканія, набрасывалъ онъ ихъ на бумагу. Углубленный въ эту работу, онъ не обращалъ вниманія на то, что руки его испачканы чернилами и что онъ, отирая потъ со лба или прогирая глаза, переносилъ чернильные пятна на лицо. Когда отвлекали его отъ его занятій напоминаніемъ, что студенты ждутъ его въ аудиторіи, онъ бѣжалъ прямо туда съ перепачканными руками и лицомъ. Въ началѣ такой видъ молодого ректора вызывалъ улыбку студентовъ, но впоследствии они

стали относиться къ этому какъ къ дѣлу обыкновенному. Къ тому же, какъ только начиналась его лекція, всѣ слушали ее съ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

Наконецъ, полюбимый митрополитомъ Филаретомъ ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Поликарпъ 14-го декабря 1835 г. былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ академіи архимандритъ Филаретъ. Своеволие Поликарпа раздражало митрополита. «Или отрѣшите меня отъ академіи совѣмъ, или оставьте при ней. Иначе нельзя знать, за что отвѣтствовать», писалъ онъ Поликарпу. Но такіе вразумительныя замѣчанія мало трогали Поликарпа. По назначеніи на эту должность смиреннаго Филарета, митрополитъ, въ предупрежденіе подобныхъ столкновеній, написалъ ему такую инструкцію: «Напоминаю вамъ, что неразъ, въ роюгню, при васъ напоминалъ предшественнику не презирать правила устава, которое велитъ рѣшеніе по дѣламъ важнѣйшимъ не приводить въ исполненіе безъ вѣдома архіерея. А какія дѣла важнѣйшія? Для гордаго и невнимательнаго нѣтъ ни одного, а скромно мыслящій самъ узнаетъ ихъ».

На выискѣ изъ журнала комиссіи духовныхъ училищъ объ опредѣленіи архимандрита Филарета ректоромъ, митрополитъ Филаретъ положилъ слѣдующую резолюцію: 1) произвести освидѣтельствованіе академическихъ суммъ по приходорасходнымъ книгамъ и счетамъ за 1835 г.; 2) войти въ разсужденіе о растратѣ суммъ по Казанскому округу при бывшемъ секретарѣ Доброхотовѣ; 3) отъ секретарей потребовать реестры нерѣшенныхъ дѣлъ и донесеніе о состояніи архивовъ; 4) донести о состояніи библиотеки; 5) представить записку о собственности академической.

Трудно было молодому ректору разрѣшить заданную ему задачу. Многихъ дѣлъ не оказывалось на лицо. Обнаружить этотъ безпорядокъ, значило еще болѣе отягчить положеніе Поликарпа. И вотъ смиренный Филаретъ рѣшился сдѣлать воззваніе къ снисхожденію митрополита. Но митрополитъ на это отвѣчалъ: «Вы требуете, о ректоръ, чтобы я умѣрялъ требованія правды духомъ любви. Хорошо, согласенъ. Но къ чему сіе клонится? Сказать, что дѣла цѣлы и въ порядкѣ, когда они неполны

и нѣтъ ихъ, не значить умѣрять правду, но солгать; не сказать ничего нельзя, ибо о томъ идетъ дѣло. Беспорядокъ нѣсколькихъ лѣтъ уже открылся начальству, и уже сдѣлано то, чего оно требовало, т.-е. предшественникъ вашъ уволенъ. Теперь, сколько бы дѣлъ беспорядочныхъ ни открылось, другаго послѣдствія уже не будетъ для прикосновенныхъ къ беспорядку; теперь самое безопасное время показать все, какъ есть, и потомъ приводить въ порядокъ. А если вы скажете, что дѣла цѣлы, когда они неполны и растеряны, но потомъ случится осмотръ, или справка, которая откроетъ, что они не цѣлы, то вы и ваши сотрудники будете отвѣчать, подобно вашему предшественнику и, можетъ быть, строже, за беспорядокъ вторичный и за беспорядокъ утаенный. И такъ духъ любви говорить, сколько мнѣ слышится, что надо чистотою теперешняго дѣйствія беречь васъ и вашихъ сотрудниковъ, отъ чего не будетъ вреда и для вашихъ предшественниковъ, а не надобно уже обличенные грѣхи вашихъ предшественниковъ хитро прикрывать и тѣмъ васъ подвергать опасности, когда хитрость обнаружится. Вы говорите, что нѣкоторые растерянные бумаги можно достать изъ семинарскихъ правлений. Сколько работы, сколько времени! Между тѣмъ вы уже будете виноваты, что не дадите отчета въ принятіи академіи. Какъ вы потребуете бумаги, особенно представленія? Въ копіяхъ? Сіи копіи будутъ вѣчнымъ доказательствомъ, что подлинныя бумаги растеряны и что вы обманули начальство, донеся о цѣлости. Въ видѣ подлинниковъ, подписанныхъ старымъ числомъ?? Да сохранить васъ Богъ отъ того; чтобы пускаться на такіе подлоги!»

Указавъ, какіе слѣдуетъ составить реестры, митрополитъ замѣтилъ: «Приучайтесь къ понятію о точности въ дѣлахъ, которыя произвольныхъ мудрованій не допускаютъ безъ опасности быть виновату. Хорошо, что я принялъ на себя потребовать отчета въ принятіи академіи. Если бы потребовала коммиссія духовныхъ училищъ (какъ и была мысль у нѣкоторыхъ), вы теперь были бы уже виноваты, что до сихъ поръ нѣтъ никакого донесенія, которому надлежало быть тотчасъ по крайней мѣрѣ о вступленіи въ должность и о принятіи наличныхъ суммъ».

Затѣмъ митрополитъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія на представленіе новаго ректора: «Въ архивѣ переплетать надобно журналы. Этого

не много ли? Дѣла не переплетаются и тамъ, гдѣ архивы важнѣе вашего. Для денегъ по вѣдшему правленію нужна книга прихода и расхода. А почтовые объявленія зачѣмъ въ нее писать? Не перемудрите».... «Нехотѣніе ваше разбирать дѣла о суммахъ мнѣ непонятно, и потому ничего сказать не имѣю».

«Премудростию дѣлъ Божіихъ занимаетесь вы, отецъ ректоръ, а не умѣете разобрать премудрости дѣлъ приказныхъ», отвѣчалъ митрополитъ на письмо ректора Филарета о предполагаемомъ имъ способѣ взысканія съ имѣнія умершаго секретаря Доброхотова, растроченной имъ суммы. «Требовать запрещенія на имѣніе, котораго нѣтъ, значить приводить въ смѣхъ губернское начальство; требовать запрещенія и ареста имѣнія, которое уже находится у васъ подъ арестомъ, значить приводить еще въ бѣднѣйшій смѣхъ, ибо это значить искать рукавицы, которыя у васъ за поясомъ. (Здѣсь нельзя не замѣтить, что въ данномъ случаѣ Московскій владыка не стоялъ на строго-юридической почвѣ). Мнѣ кажется, это могли бы понять и сказать вамъ прочіе члены академическаго правленія, если-бы вы ихъ объ этомъ спросили. Могъ бы растолковать вамъ о. намѣстникъ, если-бы его спросили. Для предосторожности можно было написать въ губернское правленіе о наложеніи запрещенія на имѣніе Доброхотова, *буде таковое имѣется или окажется*; но и это едвали не напрасно, потому что, кажется, не чему быть у него кромѣ того, чтѣ въ вашихъ рукахъ. Не думайте, что приказныя дѣла превышаютъ разумъ человѣческій и что въ нихъ надобно по буквѣ дѣлать и то, чтѣ противно здравому смыслу; разбирайте, давайте мѣсто разсужденію сочленовъ, совѣтуйтесь и, поступая осмотрительно, берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите моихъ словъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло и показываю, какъ ему быть надобно».

«По приему академіи вы много вдругъ дали себѣ дѣла. Вамъ предписано принять отъ всѣхъ ранорты, вы бы ихъ и приняли и по нимъ донесли, а какая оказалась бы нужною дальнѣйшая повѣрка, она пошла бы потомъ исподволь. Теперь вы и принимаете дѣла, какъ они есть, и въ тоже время изслѣдуете прежнія опущенія, отъ того вдругъ много

работы, а не дѣлается то, чему скорѣе сдѣлану быть надлежитъ, какъ то: до сихъ поръ нѣтъ свѣдѣнiя о состоянiи академической собственности, кромѣ однихъ денегъ. Посмотрите 6-й пунктъ моей резолюціи 21 Января, исполненіе по нему надлежало сдѣлать тотчасъ послѣ освидѣтельствванiя суммъ, какъ тамъ и предписано. Если это до сихъ поръ не сдѣлано и окажется нецѣлость, то, можетъ быть, неясно будетъ въ ваше или прежнее управленіе она произошла. Напоминаю вамъ о исполненiи сего пункта».

«По 6 пункту той-же резолюціи о библиотекѣ и по 7 о дѣлахъ и архивѣ, исполните, какъ предписано, не пускаясь преждевременно въ даль. Пришлите донесенiя, повѣрьте ихъ общимъ осмотромъ и донесите съ мнѣніемъ, что еще нужно дѣлать далѣе для подробной повѣрки сихъ донесенiй, или для приведенiя въ порядокъ предметовъ, о которыхъ говорятъ сіи донесенiя».

Направивъ такъ дѣло и дѣятельность ректора Филарета, митрополитъ доносилъ Синоду, между прочимъ: «что по вступленiи въ должность нынѣшняго ректора приняты мѣры къ повѣркѣ архива и приведенiю въ порядокъ недосмотрѣнныхъ прежде частей онаго: дано движеніе дѣламъ, частію немалое время оставшимся безъ движенiя; сдѣланы распоряженiя къ болѣе безопасному движенiю переходящихъ черезъ академию суммъ».

Митрополитъ требовалъ, чтобы ректоръ по дѣламъ особенно важнымъ, предварительно представленiя академическаго правленiя или конференціи, докладывалъ ему и узнавалъ его мнѣніе. Отступленiя въ такихъ случаяхъ вызывали замѣчанiя митрополита, которыхъ не избѣжалъ и молодой ректоръ. Такъ, по поводу представленiя конференціи объ исходатайствованiи профессору Ѳ. А. Голубинскому пенсіи въ размѣрѣ третьей части жалованья, получаемого по должности цензора, митрополитъ положилъ резолюцію: «Это значитъ требовать новаго закона. Нужно подумать, чтобы рѣшиться въ добрый часъ, не снѣшить доложить на мѣстѣ. Я всегда совѣтую о предметахъ, требующихъ совѣщанiя, представлять мнѣ на мѣстѣ, а все долженъ жаловаться, что не такъ бываетъ».

Митрополитъ не пропускалъ ни одной мелочи: даже фразы вызывали его критику. По случаю, напимѣръ, предполагаемаго посвященія инспектора іеромонаха Евсевія *) въ архимандриты, академическое правленіе представило о разрѣшеніи ему четырехдневнаго отпуска для исполненія обряда. Митрополитъ написалъ: «Это не увольненіе, а отиравленіе по должности». Или, правленіе доносить, что отъ случившагося въ Лаврѣ пожара академія не понесла никакого ущерба. Митрополитъ написалъ: «Записка инспектора благочестивѣе сего представленія: тамъ упомянуто о молебствіи». Или, представляютъ объ увольненіи бакалавра Славолобова на 7 дней въ Москву по крайней нуждѣ. Митрополитъ пишетъ: «На неопредѣленномъ выраженіи *крайняя нужда* нельзя основывать рѣшенія. Человѣкъ, слѣдуя прихоти или незаконному побужденію, можетъ сказать: крайняя нужда». Разъ, ректоръ Филаретъ, не получивъ еще отъ митрополита дозволенія отправиться въ Москву на Пасху, уѣхалъ изъ академіи. Митрополитъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, написалъ ему: «Вы поѣхали въ Москву, не дождавшись разрѣшенія. Не было его потому, что только изъ писема о вашемъ отбытіи узналъ я, что просите разрѣшенія. Со мною въ семь суда цѣтъ; но для предосторожности впродѣ скажу, что увольнять самого себя есть поступокъ весьма неофициальный и, если дойдетъ до высшаго начальства, могущій имѣть непріятныя послѣдствія».

Такъ строго относился митрополитъ къ молодому своему соименнику. Въ этомъ суровомъ отношеніи нельзя однако не подмѣтить, что митрополитъ, цѣняя скромность и смиреніе молодого ректора, старался смягчить свою рѣчь добавленіями: «Не примите моихъ словъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло»... «Миръ съ вами»... «Не скучайте затрудненіями»... «Богъ пошлетъ помощь и облегченіе» и т. п. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ представленіи своемъ Синоду, хотя и говоритъ о своихъ распоряженіяхъ, но дѣлаетъ значительное удареніе на томъ, что новые порядки пошли по вступленіи въ должность нынѣшняго ректора, устанавливая тѣмъ въ Синодѣ извѣстную репутацію молодому ректору.

*) Евсевій Орлинскій, впоследствии архіепископъ Могилевскій.

Съ неменьшею строгостію относился Филаретъ и къ учебному дѣлу. Такъ, на конспектѣ по догматическому богословію, представленномъ ректоромъ Филаретомъ въ 1838 году, митрополитъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Въ конспектѣ было написано: «понятіе о Богѣ откровенія ветхозавѣтнаго, понятіе о Богѣ откровенія новозавѣтнаго, сужденія разума, пантеистическое понятіе о Богѣ». Митрополитъ написалъ: «Понятіе о Богѣ изъ откровенія ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго. Какъ будто два разные понятія! Какъ будто откровеніе разнится съ откровеніемъ! Въ урокахъ, можетъ быть, видно, но въ конспектѣ загадочнымъ представляется, какъ и для чего одно изъ лжеученій прислонено къ истинному ученію». На выраженіе: «въ предисловіи Евангелія Іоаннова», митрополитъ замѣтилъ: «Въ началѣ Евангелія. Предисловіемъ называется нѣчто принятое, не принадлежащее къ составу книги. Странно, что въ столь отрывочномъ конспектѣ словесности не могли пропустить «сатиры» и «элегіи», какъ будто это крайне-нужно для духовной академіи». Въ 1836 году писалъ онъ ректору Филарету, просмотрѣвъ представленныя семь послѣднимъ два студенческія сочиненія, назначенныя для публичныхъ испытаній: «Возвращаю вамъ разсужденіе о толкованіи Священнаго Писанія по теоріи приспособленія. Самая тема изложена неудачно, такъ и далѣе. Говорить о семъ на Русскомъ-небезопасно, чтобы, вмѣсто разрѣшенія возникшихъ сомнѣній, не пробудить сомнѣній, которыхъ не знали. Сочинитель и противниковъ невѣрно изображаетъ и отвѣчаетъ имъ неудовлетворительно» и т. д. «Что за слово годичный?» спрашиваетъ, между прочимъ, митрополитъ. «Седмичный отъ слова седмица. Неужели годичный отъ годицы? Отъ года годовой».

Вотъ какого учителя и руководителя имѣлъ Филаретъ въ началѣ своего преподавательскаго и административнаго служенія.

Архимандриту Филарету не по душѣ, надо думать, была ректорская его служба. Онъ втянулся въ ученныя занятія, отъ которыхъ, конечно, много отвлекала его ректорская обязанность. Къ тому же любящій, смиренный и снисходительный, онъ нелегко уживался съ холодною формальностію, которая требовалась его службою, а отчасти и съ

своеобразными понятіями митрополита. Напримѣръ, извѣщая Горскаго изъ Петербурга въ 1841 году, что митрополитъ согласенъ утвердить продолженіе расходной академической книги. но не шпаче, какъ тѣмъ числомъ, когда она будетъ ему представлена, онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Что дѣлать? Порядокъ, порядокъ, порядокъ. Таково время. Время формъ. А содержаніе?»... Хотя опытный и строгій взглядъ митрополита Филарета направлялъ дѣятельность молодого ректора, но теплая душа послѣдняго сказывалась вездѣ, всегда придавая особый оттѣнокъ его рѣчи и сужденіямъ. Такъ, когда извѣстное дѣло Павскаго было въ разгарѣ, его переводъ Библии отбирали, въ Московской духовной академіи производилось слѣдствіе о томъ, кто и черезъ кого выписывалъ экземпляры литографированной Библии, нашъ ректоръ писалъ Горскому изъ Петербурга, куда былъ вызванъ для хиротоніи: «То, что вы пишете объ искренности отвѣтовъ, данныхъ нѣкоторыми студентами, несомнѣнно порадовало меня. Но Господня воля! Сказавъ о наставникахъ, они не развязали узла, а затянули его и крѣпко затянули. Дай Богъ, чтобы мысли мои были несправедливы и опасенія напрасны. Къ сожалѣнію, ходъ дѣла нынѣ таковъ, что заставляетъ опасаться многого. Да, прекрасное дѣло откровенность дѣтская; но и для нея есть случаи, когда она можетъ быть непрекрасною, такъ какъ велѣно намъ быть не только простыми простотою голубиною, но и мудрыми подобно змію. Студенты, добрые студенты мои ошиблись; они еще не знаютъ жизни. Если спрашиваетъ меня судья благонамѣренный, судья съ христіанскою совѣстію, судья такой, который искренно хочетъ заботиться и о грѣхѣ моемъ, и о душѣ моей: я готовъ, я долженъ открыть ему душу. Но если я вижу, что судья моему нужна не душа моя, а нуженъ только грѣхъ, если вижу, что судья самъ сильно боленъ страстями, ищетъ нищи для страстей, готовъ словамъ давать значеніе, котораго они не имѣютъ, оставлять безъ вниманія значеніе, которое принадлежитъ имъ въ душѣ моей: скажите, не обяываетъ ли меня самого любовь къ большому судья моему не говорить ему. того, что можетъ раздражать страсть егѡ, не говорить неправды, но и молчать о подробностяхъ правды? Тѣмъ болѣе не говорить о томъ, что для меня самого сомнительно, было ли это или нѣтъ?»

Филареть, бывъ ректоромъ, обратилъ вниманіе на тѣсноту аудиторій и больницы, и при немъ надстроены третій этажъ для аудиторій и квартиръ для холостыхъ наставниковъ, также флигель для больницы. Преданный своимъ любимымъ ученымъ трудамъ и должности, Филареть не входилъ въ хозяйственный порядокъ дѣла о постройкѣ, и хотя не было никакихъ злоупотребленій, но самое дѣло оказалось не въ порядкѣ. Правда, здѣсь была вина бывшего секретаря академическаго правленія, а виновтъ съ тѣмъ довѣрчивость къ нему ректора. Новому секретарю пришлось поправлять чужую бѣду. Тѣмъ не менѣе Филарету памятна была судьба Поликарна, и его не могло не беспокоить это дѣло. Безпорядокъ обнаружился во время пѣздки Филарета на ревизію Симбирской семинаріи. Выдавая себя головою, онъ писалъ Горскому: «Такъ надобно по грѣхамъ моимъ, чтобы и въ академіи случились вещи, о которыхъ вы пишете. Грѣхъ мой обличенъ: кажется, объ этомъ иначе не надобно думать. Пусть такъ! Воля Господня да будетъ! Онъ—Сердцевѣдецъ. Правда, правда, отъ грѣшника чего ожидать, какъ только грѣховъ? Господи, не види въ судъ съ рабомъ Твоимъ. Накажи, но и помилуй! Накажи здѣсь, но помилуй тамъ—въ вѣчности. Нужно наказаніе, необходимо нужно; я много забылся, много растерялся, многое оставилъ, чего не надлежало бы оставлять, ко многому привыкъ, къ чему не надобно привыкать. Умножились грѣхи мои, какъ вода при таяніи снѣговъ. Умножились нечестія сердца, какъ волосы на дикомъ волѣ. Помилуй мя, помилуй мя Господи! Научи мя творити волю Твою!» Но любимаго ректора не допустили пострадать за его довѣрчивость. Митрополиту не было доложено, и дѣло, какъ мы сказали, приведено въ порядокъ. Исчезнувшія бумаги явились снова при дѣлѣ. Какимъ путемъ? Объ этомъ не надо и говорить. Это было дѣло любви и признательности.

На ректора и инспектора академіи и на ея профессоровъ возлагалась ревизія семинарій. Обязанность эта была крайне непріятна: приходилось жертвовать канкулярнымъ временемъ, лишая себя отдыха, почти всегда натапливаться на непріятности; да и самая поѣздка при плохихъ тогда дорогахъ и незатѣйливыхъ экипажахъ была утомительна. Этой служ-

бы не избѣжалъ и Филаретъ. Въ должности инспектора, въ 1834 году, двадцативосьми-лѣтній ревизоръ осматрѣлъ семинаріи: Вологодскую, Ярославскую и Костромскую, въ 1836 году Вианскую и въ 1839 Владимирскую. Отчеты о ревизіяхъ Филаретъ представлялъ своевременно, въ началѣ Октября, что отвѣчало строгой точности митрополита и вызывало его удовольствіе, тогда какъ несвоевременное представленіе ревизіи профессоромъ Голубинскимъ породило цѣлое непріятное дѣло.

Но и здѣсь приходилось Филарету поступаться своимъ мнѣніемъ предъ сильнѣйшимъ авторитетомъ митрополита, неумолимая логика и опытный взглядъ котораго были въ непрестанномъ всеоружіи. Напримѣръ, молодой ревизоръ сдѣлалъ предложеніе: для лучшаго присмотра за учениками въ низшихъ классахъ учредить классическихъ старшихъ изъ учениковъ старшихъ классовъ, которые бы наблюдали за учениками въ классахъ до прихода профессоровъ. Онъ писалъ, что мѣра такая введена въ Ярославской семинаріи по предложенію архіепископа Авраамія. Митрополитъ возражилъ: «Учрежденіе особыхъ классическихъ старшихъ для низшихъ отдѣленій изъ высшаго, по мнѣнію моему, неудобно и способно не уничтожить безпорядокъ, а произвести новый. Если каждый день будетъ назначаемъ особый старшій, то для двухъ частей низшаго отдѣленія надобно ихъ 12, а если и для средняго отдѣленія, то 24. Какой расходъ въ людяхъ, тогда какъ изъ высшаго же отдѣленія назначаются лекторы и старшіе комнатные и квартирные! Какая суета симъ 24 человекамъ разобратся днями и мѣстами, кому, когда и куда, и передавать ежедневно другъ другу новозобрѣтенную книгу порядка и безпорядка. Трудно понять, въ какое время сіи старшіе должны находиться въ классахъ низшаго отдѣленія. Учебный часъ въ низшихъ и высшихъ отдѣленіяхъ начинается одною и тою же минутою: слѣдовательно, ученикъ высшаго отдѣленія долженъ быть въ своемъ отдѣленіи въ то самое время, когда посылаютъ его въ низшее. Говорятъ: до прихода профессора. И такъ надобно профессору опоздать, чтобы дать время ученику высшаго отдѣленія отправить должность старшаго въ низшемъ? И если случится, что профессоръ богословія будетъ прилежиѣ учителя низшаго отдѣленія и придетъ въ классъ ранѣе, то ученикъ богословія потеряетъ часть своего

богословскаго урока, гоняясь за низшимъ отдѣленіемъ. Полагаю: а) распоряженіе, какъ несообразное съ истиннымъ порядкомъ, уничтожить; б) усилить классическій надзоръ классическихъ цензоровъ и чрезъ наставниковъ по каждому классу; в) какъ предложеніе правленіемъ пустого времени до прихода профессора показываетъ опаздываніе профессоромъ приходомъ въ классы, то подтвердить имъ, чтобы въ классъ приходитъ не опаздывали, чѣмъ и время безпорядка уничтожится само собою, когда векоръ за учениками явится профессоръ и примется за дѣло».

На замѣчаніе инспектора Филарета по ревизіи Вологодской семинаріи митрополитъ написалъ: «Ревизоръ нашелъ, что богословіе преподано частію на Латинскомъ, частію на Русскомъ. Вѣроятно первое изъ возможнаго послушанія уставу, а послѣднее по необходимости, потому что ученики не сильны въ Латинскомъ языкѣ, какъ и ревизоръ замѣтилъ. Въ такомъ случаѣ, требовать непременно преподаванія богословія исключительно на Латинскомъ значило бы требовать неудобнаго и незнакомымъ языкомъ останавливать распространеніе богословскихъ познаній, тогда какъ и кромѣ сего владычество въ православномъ богословіи Латинскаго языка (прежде языческаго, а нынѣ нашестическаго и протестантскаго) есть явленіе недовольно сообразное съ духомъ и цѣлію духовныхъ училищъ церкви восточной. По сему полагаю преподаваніе нѣкоторыхъ частей богословія на Русскомъ языкѣ оставить безъ преслѣдованія».

Во Владимирской семинаріи ректоромъ обращено вниманіе на неудовлетворительные отвѣты и сочиненія первыхъ отдѣленій богословія и философіи, частые пропуски уроковъ учениками, измѣненіе семинарскимъ правленіемъ своихъ опредѣленій, утвержденныхъ мѣстнымъ пресвященнымъ, неопрятность и плохое содержаніе учениковъ, что поставлено на видъ семинарскому правленію.

Замѣтивъ въ 1836 году, по приѣздѣ въ Виѣанскую семинарію, нѣкоторые непорядки, митрополитъ далъ предложеніе академическому правленію «наблюдати, чтобы неправильности сіи были прекращены, и такъ какъ при бывшей ревизіи Виѣанской семинаріи ревизоромъ (Голубинскимъ) неправильности тѣ начальству не открыты, то назначить для сей семинаріи ревизію болѣе внимательную». Академическое правленіе назначило

самого ректора Филарета. Такое назначеніе указываетъ намъ, какимъ понималъ Филарета и самъ владыка митрополитъ. Ревизоръ, однако, даль благопріятный отзывъ и указалъ на ректора и инспектора семинаріи, какъ на лицъ, заслуживающихъ одобреніе, что имъ и объявлено было отъ комиссіи.

Неизвѣстно болѣе подробностей объ упомянутыхъ ревизіяхъ; но въ 1841 году ревизія ректоромъ Филаретомъ своей родной Тамбовской семинаріи была строгая и дала толчекъ въ жизни этой семинаріи. По свидѣтельству лица, начальствовавшего въ ней впоследствии, и она была произведена умно, авторитетно и внимательно и принесла много пользы духовно-учебнымъ заведеніямъ Тамбовской епархіи. Это подтверждаетъ мнѣніе о несомнѣнной пользѣ, какую добылъ молодой архимандритъ службою подъ непосредственнымъ руководствомъ Московскаго митрополита. Съ другой стороны, строгое и правильное понятіе молодого ревизора о томъ способѣ, какой избралъ онъ, чтобъ воздать добромъ своей родной семинаріи, указываетъ на его свѣтлый взглядъ. А поле, какъ свидѣлствуютъ, для обозрѣнія и его очищенія было обширное и заросшее. «Въ Тамбовѣ нашелъ я много новостей, писалъ Филаретъ; нѣкоторыя странны. Но что дѣлать? Господь всемъ владѣеть. Да будетъ святая воля Его и съ нами грѣшными». Въ семинаріи было до 700 воспитанниковъ, и кромѣ того подъ вѣдѣніемъ ректора семинаріи состояли и духовныя училища. Ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Адріанъ, имѣвшій репутацію человѣка добраго, незлобиваго, но очень недалекаго. Съ 1840 г. инспекторъ также попался ему человѣкъ, не превосходившій его способностями, но превосходившій странностями. Дѣло поддерживалось наставниками, насколько это было возможно для нихъ, а главнѣе преосвященнымъ Арсеніемъ *). Онъ щадилъ Адріана за его кротость. Во времени ревизіи преосвященнаго Арсенія уже не было въ Тамбовѣ; а преосвященный Николай, назначенный вмѣсто него, еще не прибылъ.

Присутствовавшіе при ревизіи находили дѣйствія Филарета странными. Смысль ихъ и причину могъ понимать одинъ только ректоръ Адріанъ.

*) Впоследствии митрополитъ Кіевскій.

Филаретъ, прійдя на экзамень, послѣ молитвы, занялъ свое кресло, не глядѣвъ ни на учениковъ, ни на преподавателей, которые, по обычаямъ того времени, не исключая и ректора Адріана, стояли. Онъ просмотрѣлъ списокъ, программу и началъ спрашивать, а самъ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Ученикъ произноситъ текстъ. «Не тотъ текстъ», замѣчаетъ ревизоръ. Ректоръ Адріанъ подсказываетъ ученику другой. «Не этотъ текстъ», замѣчаетъ, не измѣняя своего положенія, ревизоръ. Онъ имѣлъ видъ тяготившагося порученнымъ ему дѣломъ. Но не дѣло это тяготило его. Пріѣхавъ въ Тамбовъ, онъ остановился у инспектора, отъ котораго, конечно, по просьбѣ ректора, перебрался къ сему послѣднему. И это пребываніе тяготило и разстраивало Филарета. «Съ отцомъ Адріаномъ у насъ происходило состязаніе, писалъ онъ Горскому. Странный человѣкъ! Я не думалъ, чтобъ онъ былъ до такой степени странный. При извѣстной слабости ума онъ до того упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, что нѣтъ силъ преодолѣвать упорство его».... «Не могу не заключить тѣмъ, что отягощаюсь пребываніемъ у о. Адріана и сожалею, что пріѣхалъ къ нему». «Пиша сін строки, я несовѣтъ покоенъ. И теперь я сталъ нѣсколько покойнѣе, чѣмъ во всю ночь и утро». И затѣмъ, какъ-бы смягчая слова свои, добавляетъ: «но Господь милостивъ и къ грѣшникамъ». И вотъ, послѣ бессонной ночи, раздраженный утреннимъ состязаніемъ со своимъ хозяиномъ, явился онъ на первый экзамень по предмету богословія, читанному тѣмъ же страннымъ человѣкомъ.

Правленіемъ Московской духовной академіи сдѣланы были слѣдующія замѣчанія по докладѣ ревизіи Тамбовской семинаріи: 1) уроки богословскіе учениками вышшаго отдѣленія 1 класса не были усвоены съ надлежащимъ разумѣніемъ, у многихъ замѣчается недостатокъ мысленія въ сочиненіяхъ. И знаніе церковной исторіи неудовлетворительно. Последнее зависѣло отъ болѣзни наставника (Орнатова); 2) Недостаточные успѣхи учениковъ по классу чтенія Св. Писанія и по предмету ученія объ отцахъ церкви: сей недостатокъ зависѣлъ отъ многолюдства учащихъся; 3) Ученики средняго отдѣленія 2 класса занимаемы были сочиненіями менѣе надлежащаго; 4) Уроки по первому классу словесности (А. Е. Пономарева) изложены не совѣтъ ясно и просто для учени-

ковъ, отъ чего они не были хорошо поняты учениками. Уроки по сему предмету даются каждымъ наставникомъ свои (3 отдѣленія); 5) Ученики средняго отдѣленія оказали весьма неудовлетворительное знаніе греческаго языка, что зависѣло отъ недостаточнаго приготовленія ихъ по сему классу въ уѣздномъ училищѣ, — особенно тѣхъ, которые поступали изъ Тамбовскаго и Шацкаго училищъ. Вслѣдъ за предписаніемъ академическаго правленія было получено второе съ предложеніемъ обер-прокурора Св. Синода, завѣдывавшаго въ то время духовно-учебными заведеніями, по тѣмъ же замѣчаніямъ ревизора. Ректоръ Адріанъ былъ переведенъ. Такая быстрота, небывалая въ то время, приписывалась энергіи ревизора. Всѣ указанія его выполнены были въ самомъ непродолжительномъ времени, и польза этой замѣчательной ревизіи была ощутительна.

Командировка ректора Филарета въ Тамбовъ принесла надежду его любящей матери на давно желаемое свиданіе съ нимъ. Но отдаленность Конабѣева отъ почтовой дороги, затѣмъ поспѣшность, которая требовалась дѣломъ (такъ какъ воспитанники семинарій Тамбовской и Пензенской, которыя долженъ былъ обревизовать Филаретъ, не отпускались на каникулы до его прибытія), не дозволили Филарету проѣхать на родину. Изъ Пензы онъ проѣхалъ въ Тамбовъ, оттуда, для поклоненія мощамъ св. Митрофана, въ Воронежъ, а на обратномъ пути, или по недостатку средствъ, или по требованіямъ службы, онъ проѣхалъ прямо въ Москву. Изъ Тамбова же онъ послалъ матери гостинецъ—100 рублей. Старушка-мать сильно была опечалена. «Ужели мнѣ деньги замѣнятъ свиданіе съ ничѣмъ?» говорила она. И чтобъ успокоиться духомъ и помолиться о сынѣ, она отправилась на Вышну; возвращаясь же изъ монастыря, простудилась и вскорѣ отошла въ вѣчность.

Только что возвратился Филаретъ въ Москву, какъ ему уже готово было новое порученіе—по указу Св. Синода—ревизія Симбирской семинаріи. Ревизія эта была дѣломъ тяжелымъ. Она не имѣла характера обычной ревизіи, а поручена Филарету, вслѣдствіе величайшихъ безпорядковъ, допущенныхъ ректоромъ, архимандритомъ Гавриломъ. «Дай Богъ, чтобы дѣло это окончилось безъ непріятностей для слѣдователя». Такимъ

представлялось оно Филарету. Тѣмъ очевиднѣе непріятная сторона его была для опытнаго глаза Митрополита, который, соболѣзнуя о Филаретѣ, встрѣтилъ его словами: «Не отказаться ли тебѣ за болѣзнію?» Но всегда покорный волѣ начальства и читая въ ней указаніе Промысла, Филаретъ промолчалъ, «въ той мысли, что о невозможномъ и говорить нечего». Митрополитъ «много далъ совѣтовъ, рассказалъ ходъ дѣла, обративъ вниманіе на трудные пункты дѣла. Господь спасетъ его!» — «Правда колетъ глаза, писалъ Филаретъ изъ Симбирска, а здѣсь она такъ горька, такъ черства, что до бѣды доводить. Буди воля Господня! Вамъ извѣстны безтолковыя мои правила, т.-е. дѣлать до упаду. Почти тоже и здѣсь творится со мною. Не браните меня грѣшнаго, а помолитесь о мнѣ Преподобному Сергію». Во все тяжкія минуты жизни въ Петербургѣ и въ Ригѣ онъ постоянно обращался къ молитвенному предстательству преподобнаго Сергія.

Богословскій классъ оказался слабъ, въ экономическихъ дѣлахъ хаосъ, семинарскія зданія строились и рушились. По миѣшю Филарета, нужно было вмѣсто перегородокъ вводить капитальныя стѣны, чтобы не разбирать зданій. «О дѣлахъ семинаріи и доселѣ не могу сказать ничего опредѣленнаго, писалъ Филаретъ (16 Октября). Это — тогу вабогу»^{*)}. Начальствующія лица Симбирской семинаріи были уволены. Ректоръ Гавріилъ получилъ въ управленіе Зилантьевъ монастырь близъ Казани**), инспекторъ Благовидовъ переведенъ на должность паставника въ другую семинарію. Распоряженіе это было сдѣлано Св. Синодомъ еще до представленія ревизіи Филарета. Заботою сего послѣдняго было, кѣмъ замѣстить, хотя временно, эти должности. Онъ обратился къ одному архимандриту, тотъ отказался болѣзнію. Тогда онъ рѣшился просить митрополита поручить должность ректора наставнику Смирнову.

Какъ ни много представляла заботы порученная Филарету ревизія, но онъ взялъ еще съ собою работу. «Между дѣлами изысканія грѣховъ

*) Еврейскія слова изъ 2 стиха въ 1 главѣ кн. Бытія, опредѣляющія первоначальное состояніе земли: «Земля же бѣ невидима и неустроена».

**) Онъ занялъ послѣ каеэдру богословія въ Казанскомъ университетѣ до 1850 — 57 учебнаго года.

чужихъ *), писалъ онъ Горскому (очень приличное занятіе для грѣшника!) перелистываю и поправляю тетради, бывшія у митрополита.

Изъ Симбирска Филаретъ проѣхалъ на родину. «Рѣшился побывать на родинѣ, поклониться гробу матушки. Да будетъ воля Божія! Начальству повиновеніе, а роднымъ любовь! То и другое — долгъ. Господь видитъ сердца».

Черезъ 12 лѣтъ Филаретъ очутился на родинѣ и, вмѣсто живой и привѣтливой рѣчи родителей, онъ самъ произнесъ «вѣчную память» на двухъ близкихъ сердцу могилахъ, изъ которыхъ одна еще была только прикрыта землею. Въ родномъ храмѣ, гдѣ возносились предъ Богомъ его дѣтскія молитвы, онъ отслужилъ литургію, а потомъ надъ могилами родителей панихиду и простился уже на вѣки съ своимъ роднымъ, осиротѣлымъ гнѣздомъ. Въ Шацкѣ онъ посѣтилъ училище и навѣстилъ вдову бывшего своего начальника, смотрителя училища, Люминарскую. За ласки ея къ нему, ребенку, онъ, говорятъ, имѣлъ случай заплатить ей въ бытность въ Тамбовѣ, пазначивъ сына ея въ академію. При этомъ указываютъ на оригинальное мнѣніе Филарета, высказанное въ разговорѣ съ семинарскимъ начальствомъ. «Мы пошлемъ къ вамъ въ академію такого, который и себѣ напишетъ отличное сочиненіе и десяти другимъ», сказалъ одинъ изъ преподавателей. «Намъ такихъ не надо, отвѣчалъ Филаретъ: они испортятъ полъ-академіи, у насъ и безъ него есть подобные».

* * *

Въ это самое время на сѣверо-западной окраинѣ Россіи совершалось великое дѣло, и какъ часто малый случай ведетъ за собою большія послѣдствія, такъ было и здѣсь. Въ протестантскомъ краю гореть грошей и нѣсколько кусковъ хлѣба положили основаніе православной Русской церкви. Знать, жертва эта дана была отъ чистаго сердца, исполненнаго любовью къ ближнему, была свята. Въ Лифляндіи, которая при Екатеринѣ Великой называлась просто Рижскою губерніей (а

*) Т.-е. ревизіи.

во многомъ намъ не мѣшало бы заимствовать у Великой Государыни былъ неурожай хлѣба. Народъ умиралъ отъ голода. Человѣкъ семь голодныхъ Латышей забрели во дворъ архіерейскаго дома. Преосвященный Иринархъ, увидѣвъ ихъ, одѣлилъ ихъ изъ скудныхъ средствъ своихъ деньгами и велѣлъ дать имъ хлѣба. Черезъ нѣсколько дней явилось къ нему до 70 душъ Латышей. «Друзья мои, говоритъ имъ епископъ, вы меня извините: то, что далъ я семи, не могу дать семидесяти». — «Нѣтъ батюшка, отвѣчали пришельцы, мы не за хлѣбомъ пришли къ тебѣ. Но когда намъ наши сосѣди сказали, что ты съ такимъ участіемъ отнесся къ ихъ бѣдѣ и помогъ имъ, тогда какъ наши бароны, на которыхъ мы и отцы наши работали въ потѣ лица, равнодушны къ нашему положенію; когда наши пасторы, которыхъ мы содержимъ, безучастны къ намъ; а ты, архіерей чужой намъ церкви, протянулъ по-евангельски руку помощи, мы подумали: стало, ученіе твоей церкви—есть истинное ученіе Христова и церковь твоя—есть истинная Христова церковь. И вотъ мы пришли къ тебѣ съ просьбою: прими насъ въ лоно твоей святой церкви». Просьба ихъ была исполнена, и народъ, забывая о голодѣ, пошелъ по своимъ деревнямъ, проповѣдуя всюду, что онъ обрѣлъ истину. Черезъ нѣсколько дней пришло за тѣмъ же нѣсколько сотъ Латышей къ владыкѣ Иринарху. Повалилъ народъ тысячами. Спихватились бароны, увидѣвъ, что политическое покрывало, которымъ думалось имъ укрыть иноплеменныхъ туземцевъ, готово слетѣть; что цѣнь, которою обвита страна и за концы которой, казалось, крѣпко держалъ сосѣдъ, порвана. Они стали употреблять всевозможные козни, пытки, клевету, что повторилось при преемникѣ Иринарха и, пожалуй, отчасти повторяется и нынѣ. Каверзы бароновъ свили гнѣздо при дворѣ, и, наконецъ, удалось имъ добиться перевода Иринарха, котораго *вывезли* изъ Риги.

Движеніе останоилось. Все, казалось, затихло. Бароны и пасторы ликують. Петербургъ успокоился. Съ православіемъ, значитъ, порѣшено. Бароны и пасторы опять стали распорядителями судебъ страны, гдѣ каждая пядь земли куплена цѣною Русской крови и омыта слезами и мученическою кровію новыхъ чадъ православной церкви. Значитъ, все обстояло благополучно.

Но, быть можетъ, одинъ только умъ смотрѣлъ на это иначе; только онъ одинъ понималъ, что чѣмъ болѣе жертвъ и страданій приносилось во имя церкви, тѣмъ прочнѣе ея основаніе, тѣмъ глубже ея корни проникали въ почву. Не всѣ ли апостолы окончили мученически свою жизнь? Не мученическою ли кровію ихъ послѣдователей орошена нива церкви, прежде чѣмъ принесла плоды? Этотъ до прозорливости дальновидный умъ неспорно принадлежалъ великому Московскому святителю.

Иначе нельзя объяснить назначеніе его любимца ректора Филарета епископомъ Рижскимъ. Митрополиту извѣстна была пламенная любовь къ церкви молодого инока, его покорность волѣ Божіей, его смиреніе, его глубокое пониманіе истинъ вѣры и всѣхъ заблужденій протестантства и, наконецъ, близкое знакомство его съ Нѣмецкою богословскою литературой и Нѣмецкимъ языкомъ. Митрополитъ понималъ, что корни православія на Лифляндской почвѣ должны дать отростки. И лучшаго выбора сдѣлать было нельзя.

Но вѣсть эта, полученная Филаретомъ въ Симбирскѣ, какъ громомъ поразила его. Онъ такъ привязанъ былъ къ академіи, къ своему дѣлу, къ библиотекѣ, что ничего, казалось, не жалѣлъ болѣе, какъ только не разставаться съ ними. Онъ столько вложилъ труда и такіе, быть можетъ, широкіе имѣлъ планы для своихъ занятій, что ему больно было отречься отъ нихъ. «Довольно, почти насытился мечтами!» съ какою-то грустію пишетъ онъ. Такая же привязанность къ академіи и ученымъ занятіямъ удержала друга его, Горскаго, отъ монашества: хотя по жизни своей онъ былъ истиннымъ монахомъ, но за монашествомъ шло архіерейство, а съ нимъ неизбѣжная разлука съ академіею и въ значительной мѣрѣ съ наукой.

Еще до полученія этого извѣстія Филаретъ, скучая объ академіи, писалъ Горскому: «За всѣмъ тѣмъ надежды нѣтъ, чтобъ скоро возвратиться подъ теплое крыло Преподобнаго. Да, пока живешь на одномъ мѣстѣ, не чувствуешь, что можно и скучать по мѣсту. Не то случается, когда приходится испытывать на дѣлѣ разность мѣстъ». «Здѣсь живу я въ такой глуши, что голосъ изъ родной лавры и академіи для меня очень дорогъ». И вотъ дошелъ этотъ голосъ, и что принесъ онъ

ему? Роковую вѣсть о его назначеніи. Правда, много участія и любви высказано было его другомъ, возвѣщавшимъ тяжелую новость, но это не измѣнило положенія дѣла. «Господь да вознаградитъ тебя за любовь твою ко мнѣ грѣшному», писалъ Филаретъ. «Странное дѣло! Извѣстіе твое много возбудило во мнѣ думъ и скорбей. Но воля Господня да будетъ. Много хотѣлъ писагъ; но обстоятельства и на этотъ разъ не велѣть поступать такъ, какъ думалъ я прежде сдѣлать. Странное дѣло! одно могу сказать. Ты помнишь, другъ мой, какъ часто говорилъ я тебѣ въ послѣдній разъ о скукѣ душевной, которой объяснить не могъ. Нѣсколько разъ начиналъ я говорить тебѣ объ одномъ чувствѣ или предчувствіи, но каждый разъ останавливался при мысли, что чувства или предчувствія бываютъ иногда тоже, чтд вѣтеръ, движеніе воздуха. Теперь видно, что чувство или предчувствіе мое не было простое движеніе души. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ послѣднее время постоянно душа чувствовала, что я какъ будто чужой въ академіи. И чувство это было такъ сильно, что подавляло меня, что никакъ не могъ прогнать его. Много мнѣ надобно было дѣлать усилія надъ собою, чтобы сколько-нибудь на время заглушить его. Пустота, отчужденіе отъ всего окружающаго меня, отчужденіе всего отъ меня—постоянно оставались въ душѣ. Надобно было бороться съ собою, чтобъ воскресить въ себѣ извѣстный тебѣ пламень любви къ своей академіи, къ ся дѣламъ, къ ея положенію. Скорби, огорченія, которыя въ послѣднее время такъ дружно слѣдовали для меня одна за другою, оставляли одно только чувство во мнѣ: я чужой здѣсь; все говоритъ мнѣ, что я чужой. Едва на часы могъ съ насиліемъ возбудить въ себѣ теплоту любви къ студентамъ, какъ къ своимъ роднымъ, къ дѣламъ академіи, какъ моимъ собственнымъ, какъ опять въ душѣ тоже чувство: ты чужой, и все здѣшнее для тебя чужое. И товарищи трудовъ академическихъ, которыхъ всѣхъ прежде такъ близко къ душѣ держалъ я, казалось, говорили мнѣ: ты чужой. Вотъ, другъ мой, какое чувство тяготило грѣшную душу мою. Теперь тебѣ понятно, почему и искреннее твое слово, искренній твой упрекъ въ моихъ ошибкахъ и слабостяхъ, то слово любви, которое потрясло всю душу мою, послѣднее время, какъ замѣчалъ ты и самъ, мало будило

меня. Чтò дѣлать было съ собою? Видно, въ душѣ есть свои уставы, которыхъ волѣ трудно переименить».

Это письмо весьма цѣнно для опредѣленія характера и академической дѣятельности Филарета. Изъ него мы видимъ, какъ близко было къ нему академическое. Начиная отъ него и до послѣдняго студента, это была одна семья, дружно работавшая ко славѣ церкви и науки. Потому-то время ректорства Филарета считается золотымъ временемъ Московской духовной академіи.

Вотъ отзывъ о немъ и его трудахъ за время его ректорства одного свѣдущаго лица. «Въ 1840 году, по случаю преобразованій учебной части въ семинаріяхъ, на Московскую академію возложено было составленіе конспекта по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса. Всѣ предметы распределены были между преподавателями, а по догматическому богословію конспектъ составленъ былъ самимъ ректоромъ Филаретомъ. Кромѣ этихъ конспектовъ, Филаретомъ въ 1839 году былъ составленъ конспектъ по патристикѣ. Творцомъ этой науки былъ онъ самъ. Составленное имъ «Историческое ученіе объ отцахъ церкви», въ трехъ томахъ, было учебною книгою въ академіяхъ, а сокращенное изложеніе «Ученіе объ отцахъ церкви» было введено какъ учебникъ по патристикѣ въ духовныхъ семинаріяхъ. Такимъ образомъ, благодаря ему; въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ была открыта новая кафедра. Составленные корпораціею ученыхъ въ Московской академіи конспекты и программы, благодаря непосредственному вліянію митрополита Филарета, по силѣ своего многообъемлющаго разумнія стоявшаго высоко надъ умами цѣлыхъ ученыхъ обществъ, а также кропотливымъ и усидчивымъ трудомъ неутомимаго архимандрита Филарета, нерѣдко оказывались лучшими, чѣмъ въ другихъ академіяхъ. Такъ составленнымъ въ Московской академіи программамъ логики и психологіи дано предпочтеніе передъ другими, «по ясности изложенія, полнотѣ содержанія и систематической послѣдовательности», и эти программы разосланы для руководства по университетамъ. Такимъ образомъ, Московская академія въ управленіе ея Филаретомъ въ научномъ отношеніи стояла выше другихъ и была руково-

дательницею въ постановкѣ философскихъ наукъ въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе такого высокаго подъема науки въ Московской академіи Св. Синодъ неоднократно возлагалъ на архимандрита Филарета весьма важныя порученія. Такъ, ему поручено пересмотрѣть и исправить Славянскій переводъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на Евангеліе отъ Маттея. Для исполненія этого порученія изъ профессоровъ академіи былъ составленъ особый комитетъ. Онъ нашелъ Славянскій переводъ неудобнымъ къ употребленію, и, по его представленію, ему разрѣшено было вновь перевести творенія Златоустаго на Русскій языкъ. Профессору Делицыну поручено было перевести на Русскій языкъ толкованіе св. Іоанна Златоустаго на Посланіе къ Римлянамъ. Труды эти были напечатаны въ 1839 году и производились подъ непосредственнымъ надзоромъ ректора Филарета.

Множество возникавшихъ вопросовъ, требовавшихъ эрудиціи канонической, исторической, а подъ часъ и археологической, тщательно разрабатывались молодымъ ректоромъ, усерднымъ помощникомъ которому въ его трудахъ былъ Горскій.

«Безъ преувеличенія можно сказать, что самое лучшее, золотое время для Московской академіи было время управленія ею архим. Филаретомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого митрополита». — «Въ этотъ періодъ, какъ уже сказано, совершенно много переводовъ свято-отческихъ твореній; въ это время корпорація профессоровъ академіи особенно много трудилась надъ составленіемъ самостоятельныхъ сочиненій, въ чемъ легко убѣдиться изъ перечня ученыхъ трудовъ тѣхъ лицъ, которыя служили въ академіи, и во главѣ всѣхъ тружениковъ, какъ образецъ для нихъ, а отчасти и руководитель, былъ самъ ректоръ Филаретъ. Въ «Исторіи Московской академіи» С. К. Смирнова исчислены ученые труды ректоровъ академіи. Изъ этого перечня видно, насколько богаче, разнообразнѣе и плодотворнѣе была ученая дѣятельность архим. Филарета 2-го въ сравненіи съ учеными трудами его предшественниковъ. Первый ректоръ академіи Симеонъ составилъ два слова, второй

ректоръ Филаретъ 1-й *) (1815—1819) написалъ и напечаталъ тоже два слова; третій Кирилль **) (1819—1824) написалъ пять словъ и одну рѣчь; четвертый Поликарпъ (1824—1835) издалъ книгу словъ и бесѣдъ, книгу переводовъ съ Греческаго языка на Русскій и составилъ, по порученію начальства, для низшаго класса *Latinam Chrestomatiam* (1827). Ректоръ же Филаретъ 2-й Гумилевскій въ теченіи шести лѣтъ издалъ гораздо болѣе, чѣмъ его предшественники въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ. И труды его не слова и рѣчи, не переводы только съ иностранныхъ языковъ, не учебники для училищъ, а ученые изслѣдованія, какъ-то: «Изысканіе о проповѣдникахъ XIII вѣка», «Св. Серапіонъ, епископъ Владимирскій», «Свидѣтельство апостольскаго времени о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изображать крестъ»; весьма цѣнныя и для нашего времени историческія сочиненія, какъ то: «О препод. Максимѣ Грекѣ», «Исторія пѣнопѣвцевъ Греческой церкви», въ 3-хъ частяхъ. Въ тоже время, преподавая догматическое богословіе, онъ составилъ свое знаменитое «Православное Догматическое Богословіе» въ 2-хъ книгахъ. Трудился онъ и надъ переводами съ иностранныхъ языковъ, особенно съ Греческаго, принималъ дѣятельное участіе наравнѣ съ другими въ переводѣ на Русскій языкъ свято-отческихъ твореній. Къ этому же періоду его ученой дѣятельности относится переводъ его «Луга Духовнаго».

«Въ ректуру архим. Филарета Московская академія достигла апогея своей учености. Недаромъ у него явилось желаніе основать при академіи духовный журналъ. Въ этомъ отношеніи онъ сталъ въ уровень съ знаменитымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ. Самая мысль объ изданіи ученаго періодическаго журнала показываетъ избытокъ духовныхъ силъ, высокое стремленіе обогатить и другихъ истинною мудростію. Почти семилѣтнее, упорное, не преклонявшееся даже предъ авторитетомъ митрополита Филарета, преслѣдованіе своей любимой мечты—основать свой академическій журналъ, доводитъ мечту эту до осуществле-

*) Филаретъ Амфитеатровъ, впоследствии митрополитъ Кіевскій.

**) Кирилль Богословскій-Платоновъ, впоследствии архіепископъ Каменецъ-Подольскій.

нія. Первые и лучшіе годы изданія этого журнала, т.-е. «Твореній Св. Отцовъ», обязаны своимъ содержаніемъ знаменитому труженику Филарету».

Для оцѣнки его профессорской дѣятельности можетъ служить письмо митрополита Филарета къ оберъ-прокурору гр. Протасову въ іюль 1842 года, послѣ ревизіи имъ Московской академіи, т.-е. черезъ полгода по отъѣздѣ ректора Филарета: «Главный предметъ академическаго ученія, богословіе догматическое оказалось преподааннымъ и принятымъ въ духѣ православія, съ основательностію и силою, съ приведеніемъ для утвержденія истины, какъ изреченій священнаго писанія, такъ и свидѣтельствъ святыхъ отцовъ. Выбытіе подъ конецъ прошедшаго года наставника сего предмета (нынѣшняго епископа Рижскаго) и вступленія новаго не оставило никакихъ слѣдovъ разноты и не уменьшило единства и силы преподаванія. По герменевтикѣ это какъ въ правилахъ истолкованія священнаго писанія, такъ и въ самыхъ опытахъ истолкованія и въ свѣдѣніяхъ о книгахъ священнаго писанія усмотрѣна сообразность съ ученіемъ церковнымъ и истолкованіями св. отецъ».

«Ученіе объ отцахъ, *) несмотря на недавнее введеніе сего предмета въ академическій учебный курсъ, представило свѣдѣнія занимательныя, удобопринятая и общающія пользу, какъ потому, что вводитъ въ знакомство со св. отцами, такъ и потому, что побуждаютъ къ чтенію опытъ».

Будучи вызванъ въ Петербургъ, оттуда и затѣмъ изъ Риги, онъ постоянно побуждалъ Горскаго снѣшить журналомъ и съ грустію передавалъ о разныхъ затрудненіяхъ, поставляемыхъ извнѣ. «Митрополитъ не снѣшитъ движеніемъ журнала; тѣсное время требуетъ того, время, которое заставляеть зорко смотрѣть за каждымъ шагомъ. Господи помилуй насъ грѣшныхъ!» Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не взирая на препятствія, онъ проситъ трудиться для журнала: «Господа, ради подвизайтесь съ ревностію для славы имени Христова. Трудъ вашъ тамъ будетъ оцѣненъ».

*) Предметъ, введенный въ курсъ академическихъ наукъ бывшимъ ректоромъ Филаретомъ.

О живомъ отношеніи Филарета къ этому дѣлу и о томъ, какія представлялись затрудненія, даетъ понятіе слѣдующее письмо его къ Горскому, при которомъ посылалъ онъ изъ Риги статьи свои для журнала. «Посылаю двѣ статьи о Златоустомъ святителѣ. Старался быть краткимъ; но предметъ такъ занимателенъ, такъ великъ, что душа рвется и къ тому, и къ другому: не удержишь. Неандеръ написалъ двѣ книжки, а мнѣ кажется, что можно написать по крайней мѣрѣ два фоліанта и — извините болѣе занимательные, чѣмъ книжки Неандера, нерѣдко пятнавишаго чистое, небесное лицо Златоустаго. Чѣмъ болѣе читаешь Златоустаго, тѣмъ болѣе увлекаешься имъ, тѣмъ болѣе исполняешься уваженіемъ и любовію къ нему... Я думалъ и думаю послать вамъ статью: «Златоустый-учредитель богослуженія»; въ ней много о литургіи. Но опять помѣха: о литургіи говорится въ ней такъ, какъ, можетъ быть, не захотятъ говорить иные, разумѣю раскольниковъ въ штанахъ. Впрочемъ, подумаю».

Митрополитъ въ переводѣ отцовъ требовалъ послѣдовательности, и статья о Златоустомъ не могла по этому плану быть напечатана, чего желалось Филарету. «Да, писалъ онъ, если дожидаться будете со статьею о Златоустомъ учителѣ до перевода сочиненій (разумѣю Василия Великаго, Ефрема Сирина, Григорія Нисскаго и др.), вѣроятно, дождетесь сего тогда, когда кости мои будутъ лежать въ утробѣ общей матери земли. Нѣтъ, не дожидайтесь! И безъ того не безъ утѣшенія посмотрятъ на Златоустаго. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, тѣмъ болѣе, что Златоустый представляешъ не только какъ пишущій и бесѣдующій, но и какъ дѣйствующій или точнѣе—весь дѣйствіе живое и неутомимое. Но это только мои мысли. Хорошо одинъ умъ, а у васъ не два»,

Однако, опасаясь, чтобъ въ этомъ желаніи не зародилась земная суетность, онъ, по своему величайшему смиренію и изъ боязни повредить изданію своею настойчивостію, въ догонку за письмомъ шлетъ другое. «Послѣднее письмо написалъ я очень посиѣшно, въ нѣкоторомъ потерѣннѣи; отвѣты о статьяхъ моихъ писаны не въ духѣ спокойномъ, и это беспокоило меня послѣ письма. На все нужно присутствіе духа,

а въ тревогѣ душевной, какова бы она ни была *), мысли болѣе или менѣе могутъ получить неправильное направленіе. Правда, въ концѣ оговорилъ я, что предоставляю все общему вашему совѣщанію, и это нѣсколько облегчило меня; но тѣмъ не менѣе нехорошо писать письма не въ духѣ спокойномъ или сколько-нибудь безпокойномъ. За это надобно бранить себя. Отъ этого надобно оберегать себя. Въ такихъ случаяхъ всего чаще и всего болѣе дѣйствуетъ самолюбіе. Такъ было со мною и въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ нетерпѣливо захотѣлось, чтобы статья была напечатана. Но для чего эта нетерпѣливость? Къ чему эта нетерпѣливость? Отъ чего она въ душѣ? Плодъ и пища самолюбія. Господи, прости меня грѣшнаго! Согрешилъ и каждую минуту согрѣшаю предъ Тобою».

Такое отношеніе къ дѣлу главнаго дѣятеля, конечно, придавало журналу особое направленіе.

Еще не возвратился Филаретъ изъ Симбирска, какъ заботливый другъ сталъ собирать его въ путь: приводить дѣла въ порядокъ къ сдачѣ, бібліотеку, вещи, и Филаретъ въ трогательныхъ выраженіяхъ благодаритъ его и, по своему постоянному правилу, отдаетъ себя въ волю Божію.

Нелишне объяснять, какъ установились отношенія Филарета къ Горскому. Два года Горскій слушалъ «Церковную исторію» у Филарета. Человѣкъ съ недюжинными способностями и трудолюбіемъ, Горскій почти-тельно относился къ труженику науки, молодому профессору. Въ 1833 г., назначенный бакалавромъ этого же предмета въ академіи, Горскій сдѣлался помощникомъ въ трудахъ Филарета, а послѣдній сталъ его руководителемъ. Они вмѣстѣ съ Филаретомъ почти безвыходно проводили время въ академической бібліотекѣ. Въ 1835 году, когда Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ и получилъ болѣе просторное помѣщеніе, онъ принялъ Горскаго къ себѣ. И вотъ наука и нравственные качества связали крѣпкою дружбою, рѣдкою въ наше время, эти два существа. Они сдѣлались необходимыми другъ другу, какъ для успѣшности ученыхъ занятій, такъ и для поддержки въ жизни. Это были два труженика науки, два

*) Онъ писалъ изъ Риги.

отшельника, жившіе въ мірѣ. Главнымъ хранителемъ ихъ отъ суеты міра была наука. Трудившемуся, согнувъ спину, цѣлый день, дорогá минута отдыха для тѣла, а умъ не переставалъ работать. Почувствовавъ утомленіе, Филаретъ шелъ въ комнату друга, ложился, чтобъ расправить тѣло, на диванчикѣ и велъ бесѣду съ другомъ о томъ мірѣ, который открываетъ знаніе, о томъ пути, по которому ведетъ оно. И съ какимъ удовольствіемъ объ этихъ минутахъ отдыха и бесѣды воспоминаетъ Филаретъ впоследствии!

Любовь и привязанность къ академіи не ослабили у Филарета ни время, ни труды, ни скорби и ни обстоятельства.

Пріѣхавъ въ Симбирскъ въ день препод. Сергія, 25 Сентября, онъ мысленно переносился въ несокрушимыя стѣны обители: «когда вы торжествовали праздникъ угодника Божія, мнѣ оставалось только издали смотрѣть на ваше торжество, какъ отчужденному грѣшнику. Такъ надобно по моему недостоинству! Да будетъ воля Господня и надъ грѣшникомъ!» — «Напишите мнѣ обо всемъ академическомъ,» писалъ онъ изъ Петербурга, «пишите больше, больше. Здѣсь тяжело, сыро, душно, холодно».

И Петербургская академія не понравилась ему. «Нынѣ былъ въ образцовой академіи; по точную правду скажу, что въ корридорахъ вонь. На дворахъ чисто. Солдаты на часахъ. О прочемъ что-то не хочется говорить». «Пожалуйста, пиши ко мнѣ чаще, мнѣ скучно». «Обнимаю и цѣлую тебя о Господѣ. Какъ хотѣлось-бы посидѣть у тебя въ комнаткѣ! А еще болѣе полежать! Прошлаго не возвратить. Пусть такъ!»

«Поздравляю тебя съ свѣтлымъ праздникомъ, дорогой мой Александръ Васильевичъ! Воскресній Спаситель да обрадуетъ душу твою святою, чистою, свѣтлою радостью. Пожелайте и грѣшному скитальцу того-же. Въ прошлый годъ мы вмѣстѣ съ тобою почью ожидали свѣтлаго утра. А теперь гдѣ я? Съ кѣмъ? Для чего? И откуда? Тяжко, другъ мой, но велѣлъ Онъ терпѣть. Такъ надобно по грѣхамъ моимъ. Наслаждайся тихою, безмятежною радостью, ангелъ Божій! Да благословляетъ тебя Господь отъ Сіона болѣе и болѣе своимъ миромъ и тихою радостью! Не

забывай и о мнѣ грѣшномъ въ минуту молитвы тихой и тихихъ утѣшеній».

Въ 1854 году онъ посѣтилъ лавру и, по возвращеніи въ Харьковъ, писалъ: «все еще брежу лаврою, академію, Москвою. Дорогія душѣ моей мѣста». О митрополитѣ Филаретѣ онъ иначе не говорилъ, какъ «нашъ владыка». «Я не перестаю звать его своимъ, говори душою». Митрополитъ же считалъ его настолько близкимъ къ академіи, что даже послѣ хиритоніи его въ епископа черезъ него, живя въ Петербургѣ, дѣлалъ свои распоряженія. Увидѣвъ его черезъ 10 лѣтъ уже епископомъ Харьковскимъ, митрополитъ, при всей спокойной сдержанности своего характера, выразилъ своимъ пріемомъ большую любовь къ святителю. Дорожа добрымъ именемъ своего ставленника, митрополитъ о всѣхъ доходившихъ до него слухахъ сообщалъ Филарету, не оставляя его совѣтами. Съ сыновнею почтительностью и признательностью принималъ Филаретъ эти совѣты. Цѣня заслуги Филарета передъ церковью, его неустанную дѣятельность и понимая пользу, какую могъ онъ принести академіи, митрополитъ, по словамъ многихъ, прочилъ его себѣ въ преемники. Въ свою очередь, Филаретъ считалъ дѣятельность митрополита по академіи столь плодотворною, что укорялъ въ лицѣ Горскаго академію, которая, по замѣчанію его, «въ долгу передъ святителемъ, не поставивъ до сего времени его портрета».

Когда раздували дѣло о переводѣ Библии, Филаретъ, хотя и опасался за себя, какъ бывшій ректоръ академіи, но предавалъ себя въ волю Божию. «Безъ сомнѣнія, дойдутъ и до меня съ вопросами и, безъ сомнѣнія, не повѣрятъ отвѣтамъ. Но пусть будетъ то, что угодно Господу. Тѣмъ не менѣе грѣшному Филарету придется поплатиться скорбями за дѣла эти. Въ этомъ сомнѣваться трудно при настоящихъ обстоятельствахъ». «Господи! Тебѣ только, Господи, извѣстны помысленія сердечныя. Грѣшенъ я и достоинъ наказаній всякаго рода. Да будетъ святая воля Твоя». Но его болѣе всего смущала возможность дурныхъ послѣдствій для академіи. «Будьте, Господа ради, осторожны въ веденіи дѣла передъ комиссією. Вы знаете мысли членовъ ея.

Знаете, что въ одномъ *) немного благоразумія и частію чистоты намѣреній, а въ другомъ почти и вовсе нѣтъ здраваго смысла **). Поймите, что такихъ членовъ избралъ графъ съ особенными видами, чтобы какъ нибудь да обезчестить академію для своей славы. Боже мой, Боже мой! Будь защитникомъ уповающимъ на Тебя единого!»

Несомнѣнно, интрига была направлена противъ Московскаго святителя. Митрополитъ, со своимъ проницательнымъ умомъ и глубокими познаніями, со своею несокрушимою логикою, о которую разбивались все проекты графа Протасова, стоялъ передъ нимъ на дорогѣ. Дѣятельная роль Аванасія и страдательная одряхлѣвшаго митрополита Серафима содѣйствовали намѣреніямъ оберъ-прокурора. Ему желалось очистить для себя поле, и вотъ Филаретъ уволенъ въ Москву, а одновременно съ нимъ и Филаретъ Кіевскій. Вотъ какъ писалъ о томъ нашъ Филаретъ въ письмѣ къ Горскому: «Митрополитъ принялъ дѣло это, разумѣется, не въ духѣ раскольниковъ. Сперва онъ желалъ, чтобы по сему случаю начать дѣло объ изданіи Русскаго перевода» (Какъ извѣстно, Московскій митрополитъ далъ отзывъ, что если народъ жаждетъ читать Священное Писаніе на родномъ языкѣ, то слѣдуетъ удовлетворить этой жаждѣ и существующій переводъ, очистивъ отъ погрѣшностей, издать). «Но такъ какъ вопль раскольниковъ поднялся такой неистовый противъ перевода, продолжалъ Филаретъ, что думать о переводѣ не было возможности, при томъ его самого сталъ оглашать графъ начальникомъ и сѣятелемъ мыслей, заключающихся въ переводѣ, то принята была другая мысль очень умѣренная: напечатать заглавіе главамъ съ замѣчаніями, или хотя бы одни заглавія. Это предложеніе предательски было взято у него и обращено въ громкое безчестіе лицу его и всему Синоду, за исключеніемъ старика, потерявшаго смыслъ».

То было время, когда все въ церковномъ вѣдомствѣ раболѣнствовало передъ графомъ Протасовымъ. Онъ умѣлъ разобщить духовныхъ

*) Агапичъ, бывшій епископъ Томскій, жившій на покой въ Москвѣ и въ слѣдующемъ году получившій въ управленіе Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ).

***) Теофанъ, архимандритъ Донскаго монастыря.

ієрарховъ и обратитъ нѣкоторыхъ служителей церкви на служеніе ему и противъ нея. Воспитанникъ іезуитовъ, знавшій свою церковь лишь съ вѣншей стороны, слуга самолюбія и тщеславія, онъ былъ въ области церкви тираномъ въ томъ смыслѣ, какое отводитъ этому слову понятіе народа.

Вотъ что писалъ о положеніи нашей церкви архієпископъ Могилевскій Анатолій (Мартыновскій): «едва ли есть церковь несчастнѣе нашей русской церкви. Утверждаю это потому, что мнѣ 70 лѣтъ и съ 1812 года я состоялъ въ училищной службѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ происшествій въ нашей церкви. По своему положенію онъ теперь точно въ такомъ отношеніи къ свѣтскому правительству, въ какомъ отношеніи такъ называемыя церковныя области къ папскому правительству. А если поставить её съ XI т. св. законовъ (изд. 1857 г.) въ рукахъ въ параллель съ другими вѣроисповѣданіями, находящимися въ Россіи, то едва ли наша церковь не болѣе всѣхъ стѣснена, связана, унижена болѣе чѣмъ всякое общество другихъ вѣроисповѣданій». Въ подтвержденіе того, что другія церкви пользуются болѣе выгоднымъ положеніемъ въ Россіи, чѣмъ господствующая православная церковь, можно указать на бюджетъ ихъ. Такъ на удовлетвореніе духовной потребности католическихъ подданныхъ, т. е. содержаніе католическаго духовенства, казна отпускала сумму въ размѣрѣ 15 коп. на каждаго подданнаго католика, тогда какъ для православныхъ сумма эта не превышаетъ 7½ коп. Если принять во вниманіе, что католическое духовенство безбрачное, то насколько, спрашивается, положеніе его обезпеченнѣе православнаго духовенства. Казалось бы справедливымъ установить расходъ этотъ въ обратной пропорціи. Не лишая католическое духовенство нынѣ получаемаго, наше православное духовенство было бы вполне обезпечено. И только нынѣ по волѣ Монарха положено начало для будущаго обезпеченія духовенства.

«Съ какимъ удовольствіемъ читаю я каждое письмо твое», писалъ изъ Петербурга Филаретъ своему другу. «Ты, живя въ прежней тишинѣ блаженной, не можешь представить себѣ здѣшняго положенія дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и моего положенія. Брошенному въ самую тѣсную атмосферу, гдѣ, кажется, бродятъ и кружатся однѣ тѣни, конечно

отрадно получить голосъ изъ любимаго мѣста душъ живыхъ и дышащихъ о Господѣ. Да, это правда, и такая правда очень тяжка для души. Избави Богъ всякаго жить въ нынѣшнее время въ Петербургѣ. Сибирь холодна для тѣла, но и тамъ свободно дѣлають для Господа. Не знаю, что будетъ со мною здѣсь. Положеніе мое таково, что я не умѣю какъ назвать его. Боюсь судить о немъ, такъ какъ близорукому трудно судить о томъ, что дѣлается по распоряженію Власти поставленной».

Совѣтуя поспѣшить представленіемъ отчета о ревизіи Виѳанской семинаріи, онъ писалъ: «Вы видите, что нынѣ выскиваютъ грѣхи наши, чтобъ ради ихъ забирать правленіе въ свои руки и церковь сдѣлать ареною честолюбивыхъ подвиговъ. Повѣрьте, Господа ради, что пишу правду, хотя правда эта слишкомъ горька. Надо же пощадить свою душу и церковь, искупленную Господомъ. Тяжело страдать за свою душу. Каково же отвѣчать за страданіе церкви Христовой.

Филаретъ, близко принимавшій къ сердцу судьбы церкви, присутствуя въ Синодѣ, въ 1858 году писалъ духовному другу своему, предводителю Дворянства Романовскому въ Харьковѣ: «Дай Богъ, чтобъ устроилось полезное для св. церкви. А могло бы, какъ думается по-человѣчески, устроиться многое на пользу церквей». Къ числу этого многого онъ относилъ предположеніе учредить семинарію евангельскихъ миссіонеровъ для проповѣди слова Божія между язычниками и магометанами, не исключая даже Китайской имперіи. «Дай Богъ, писалъ онъ, чтобы это св. дѣло скорѣе устроилось. Но бѣдны мы деньгами», замѣчаетъ онъ. Это было сейчасъ же послѣ Севастопольской войны, ослабившей наши финансовыя силы.

Однимъ изъ тяжелыхъ дней его Петербургской жизни былъ, конечно, день его представленія оберъ-прокурору графу Протасову. Онъ такъ описываетъ это представленіе: «Болѣе часа продержалъ онъ меня у себя, и все время прошло въ разговорахъ; но это было испытаніе или лучше пытка. Вопросы предлагаемы были самые тяжкіе для души; напр., каковъ такой-то архіерей, такой-то секретарь консисторіи? Поймите сами, что о ректорахъ и семинаріяхъ еще болѣе было допросовъ. Признаюсь,

я вышелъ отъ него въ большемъ смущеніи и съ большою тяжестію на душѣ. Онъ самъ послѣ сказалъ другимъ, что пыталъ меня. Да, легко пытать; но каково быть въ пыткѣ? Пусть будетъ воля Божія! Я и теперь не умѣю ничего сказать объ этой бесѣдѣ или точнѣе о ея послѣдствіяхъ. Къ добру или къ худу поведетъ она, не знаю. Одно извѣстно мнѣ теперь, что съ этими людьми говорить пелегко, очень нелегко. А отецъ Аѳанасій *)! О, великій Аѳанасій! Но да прости меня Господь, великій на такіа дѣла, о которыхъ не хотѣлось бы никогда и слышать. Признаюсь, что хотя и прежде не были свѣтлы дѣла его, но теперь? Боже мой, Боже мой! До чего доводятъ насъ страсти? До чего доводитъ можетъ оскорбленная дикая гордость? Человѣкъ будетъ жечь людей на кострѣ, будетъ отдавать святыхъ на поруганіе и однако будетъ оставаться въ полуувѣренности, что онъ дѣлаетъ все это на пользу человечества. Несчастный человѣкъ! Бакъ жаль, что таковъ теперь Аѳанасій. Прости меня, другъ мой, что я назову его Іудею **). Слишкомъ жестоко? Но, если согрѣшилъ я, Господи, прости меня. Другъ мой, я чувствую, что пишу тебѣ только о своихъ чувствахъ и не показываю дѣлъ. Но чтò же мнѣ дѣлать съ своею душею? Она такъ возмущена, что иначе не можетъ говорить, не можетъ не называть вещей ихъ именемъ, отягченная чернотою именъ. Аѳанасій, да, Аѳанасій, а не другой кто, проповѣдуетъ: для меня исповѣданіе Могилы ***) и Кормчая, все—и болѣе ничего. Аѳанасій, а не кто другой—орудіе и дѣйствователь отчаянный по видамъ и волѣ бритыхъ раскольниковъ ****). Что имъ нужно дѣлать, все готовъ дѣлать и дѣлаетъ. Боже мой, спаси насъ! Да, наши грѣхи довели насъ до такого положенія. Господи, даждь ми зрѣти моя согрѣшенія! Несчастный человѣкъ! Язва для своей души! Язва опусто-

*) Ректоръ Петербургской академіи, впоследствии епископъ Астраханскій.

***) Герменевтика Аѳанасія запрещена по замѣчаніямъ митрополита Московскаго. Аѳанасій высказывалъ порицанія Еврейскому тексту Библии, требовалъ канонизации перевода LXX толковниковъ, говорилъ о недостаточности св. Писанія для указанія истинъ вѣры.

****) Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій.

*****) Разумѣется здѣсь графъ Протасовъ и его сотрудники, Сербиновичъ и др.

шительная для цѣлой церкви! Но вы скоро сами увидите нѣкоторыя изъ дѣлъ его, а меня освободите отъ тяжести говорить о его дѣлахъ.

Еще передъ этимъ писалъ онъ Горскому, что Аѳанасій запретилъ профессору Карпову читать философію по его запискамъ, а далъ ему Винклера *). «Вы знаете отвагу о. Аѳанасія. Къ тому присоединилась, какъ видно, сильная охота сдѣлать угодное людямъ вѣка. Господь да проститъ насъ грѣшныхъ!» Тотъ же услужливый Аѳанасій со своимъ комитетомъ, разсматривая книги вреднаго направленія, насчиталъ 177. Оказалось же ихъ 53. «Считали не только число экземпляровъ, но и число книжекъ, частицъ журнальныхъ, и вотъ образовалось число грозное—177. Господи, даждь ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего». Такъ извѣщалъ Филаретъ о дѣятельности комитета, занявшагося просмотромъ книгъ еще въ исполненіе указа Св. Синода 14 Мая 1825 г. (!), по поводу мистическихъ сочиненій.

Мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ нѣсколько словъ о недавнихъ здѣшнихъ событіяхъ; но они такъ черны, такъ грязны, что лучше молчать о нихъ. Много, быть можетъ, грѣшилъ я, осуждая нынѣшнее теченіе дѣлъ. Но недавнѣшнія дѣла бритыхъ раскольниковъ до того грязны, что о нихъ трудно было бы и гадать прежде, нежели обнаружались. Теперь одною только мыслию успокоивается душа, тою мыслию, что дѣла сами открыли людей, казавшихся дотолѣ похожими на ревнителей добра; теперь несомнѣнно для каждаго, что изъ бездонной грязной ямы выходятъ ихъ дѣла. И потому остается съ твердостью слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыхъ они не одобряютъ, а еще съ болѣею любовію молить Господа, чтобы не оставилъ Своею помощію насъ грѣшныхъ. Ихъ же дѣло остается передать суду Правосуднаго и Всевидящаго!

Еще передъ этимъ онъ писалъ Горскому: «Вы нищете съ сожалѣніемъ о молчаніи нашихъ генераловъ **). Ахъ, другъ мой, еслибъ вы посмотрѣли здѣсь на положеніе нашихъ генераловъ, вы бы пролили слезы о нихъ! Дѣла въ такомъ положеніи, что едва, едва можно по вре-

*) Winkler, Institutiones philosophiae.

***) Т.-е. членовъ Св. Синода.

менамъ дѣлать отраженіе натисковъ. Иначе приходится только встрѣчать пули въ бокъ и стоять, не морщась. Да, точно таловы дѣла. О вылазкахъ или наступательныхъ дѣйствіяхъ и думать нельзя. Вамъ извѣстны мои прежнія мысли и чувствованія; извѣстно, какъ иногда терзалась душа неразумительными мыслями о бездѣйствіи генераловъ; теперь вижу, что надобно молить Господа, дабы далъ имъ твердость и рѣшимость выдержать осаду. Силы истощены, средства отобраны». Такъ терзался душою при видѣ положенія церкви ея молодой служитель. Когда Горскій, для напечатанія труда Филарета: «Историческое ученіе объ отцахъ церкви» совѣтовалъ ему обратиться къ оберъ-прокурору, Филаретъ отвѣчалъ: «Ближе къ душѣ владыка нашъ, но и того не хочется тревожить; онъ и безъ того, многострадальный подвижникъ церкви Господней». По совѣту митрополита, Филаретъ ходатайствовалъ о дозволеніи печатать жизнеописанія святыхъ отдѣльными книжками. Отказъ объяснялъ Горскій экономическими расчетами. «Причина едва ли не въ томъ, отвѣчалъ Филаретъ, что они Русскія. Несмотря на эту причину, не возмущаюсь: посмотрѣлся на дѣянія и дѣла. Будемъ молиться Господу Богу, чтобы онъ послалъ свою помощь на созиданіе спасенія».

Между тѣмъ замедляли отъѣздъ его въ Ригу. «Теперь только о томъ расскажу», писалъ онъ, «что мнѣ здѣсь еще долго жить: праздникъ проведенъ будетъ здѣсь. Такова участь. Сперва велятъ снѣшнить, потомъ велятъ ждать. Но что же? Велятъ другіе, а не самъ желаю— и того довольно. Чѣмъ меньше простора, тѣмъ лучше».

«Не думаешь ли другъ мой», писалъ онъ позднѣе, «что я теперь въ Ригѣ? Нѣтъ, не думай. И доселѣ въ Петербургѣ. Что же дѣлать? Такъ Господу угодно! Отъ чего это такъ? Не могу тебѣ объяснить: это дѣло выше глазъ».

Видимо, недѣятельная жизнь въ Петербургѣ томила Филарета.

Наступила и весна, во время которой Филаретъ страдалъ жестоко лихорадкою. Уже стали разъѣзжаться по дачамъ, а объ отъѣздѣ ни слова. Единственнымъ развлеченіемъ служили ему занятія: но и ихъ вести было трудно безъ пособій, которыми оказалась скудна библіотека Петербургской академіи. «Знаете-ли чего нѣтъ въ библіотекѣ академи-

ческой? писалъ онъ Горскому. Не угадаете. «Памятниковъ Русской словесности XII вѣка!» По сему разумѣйте и о прочемъ. Старое и изветшалое въ довольномъ изобиліи; а новаго не спрашивайте. Они боятся ереси. Конечно, это опасеніе дѣло святое, но въ какомъ случаѣ? Христосъ съ ними!»

Единственное пріятное впечатлѣніе, вынесенное имъ во время пребыванія въ Петербургѣ, было экзаменъ въ Смольномъ монастырѣ. «Между наставниками лучший профессоръ исторіи Ахматовъ. Этотъ человѣкъ знаетъ свое дѣло почти какъ нельзя лучше, ловкій, способный заставить слушать себя и со свѣдѣніями обширными. Дѣвушки отвѣчали очень хорошо по исторіи. Миѣ даже было весело смотрѣть, что такъ умѣютъ учить. Въ глаза бросается особенно то, что отвѣчаютъ очень свободно, и онъ разсуждаетъ съ ними, какъ бы въ обыкновенномъ разговорѣ. Ошибся бы я, еслибы сказалъ, что это вертлявый франтъ. Нѣтъ, ничего похожаго на то нѣтъ въ немъ. Напротивъ, онъ человѣкъ довольно суровый или по крайней мѣрѣ невеселый. Напримѣръ, онъ не подумалъ объ оскорбленіи правилъ свѣтской вѣжливости, когда вдругъ останавливаетъ одну и говоритъ: «порядокъ—душа дѣла; а вы перемѣшали событія и многое выпустили».

Графъ Протасовъ продолжалъ настаивать, чтобы Филаретъ составлялъ Догматику. Можетъ быть и здѣсь отчасти таилась причина медленности въ отправленіи Филарета. Гвардейцу, оберъ-прокурору, дѣло это казалось, быть можетъ, очень легкимъ; но не таково оно было для Филарета, который жаловался, что у него нѣтъ даже его тетрадей (т.-е. его лекцій), нѣтъ даже Новаго Завѣта: все отправлено въ Ригу.

Къ страданіямъ, которыя переживалъ Филаретъ, присоединилась собственная, кровная бѣда. Родная тетка его, сестра его отца, была замужемъ за крѣпостнымъ крестьяниномъ Нарышкина, Дмитриевымъ. Онъ и его родственники служили при экономической конторѣ. Главнуправляющимъ былъ нѣмецъ, человѣкъ злой, жестокій. Замѣтивъ, что Дмитриевы осуждаютъ его дѣйствія относительно крестьянъ, онъ сдѣ-

лался ихъ непримиримымъ врагомъ и искалъ случая отмстить Дмитріевымъ. По прїѣздѣ помѣщика лѣтомъ въ имѣніе, нѣмецъ управляющій увѣрилъ его, что Дмитріевы приобрѣли богатство незаконнымъ образомъ, т.-е. поживившись на барскій счетъ. Тутъ же была рѣшена ихъ участь: имущество отобрано, нѣкоторые приставлены къ черной работѣ; другіе молодые, въ томъ числѣ два двоюродныхъ брата Филарета, должны были поступить въ солдаты. Филарету сообщилъ объ этомъ семейномъ горѣ дядя его, протоіерей Димитрій. Филаретъ обратился за совѣтомъ и помощью къ *своему владыкѣ*. Митрополиту, черезъ тестя Нарышкина, удалось уговорить его—освободить Дмитріевыхъ и позволить выкупиться. Распоряженіе объ освобожденіи двумя часами упредило отдачу въ солдаты Дмитріевыхъ. Нарышкинъ согласился дать волю за 8 тыс. р. Но гдѣ было взять такую сумму? «Теперь дѣло за деньгами. Четыре тысячи внесено, а четыре еще надобно внести. Надобно помогать. Да и татаринъ не отказался бы отъ помощи въ подобномъ случаѣ. Буди святая воля Его!» Въ этомъ дѣлѣ много помогъ Филарету, какъ слышали мы, другъ его дѣтства, сынъ бывшаго управляющаго Нарышкиныхъ, впоследствии товарищъ министра финансовъ III. Съ нимъ Филаретъ до самой смерти велъ переписку.

Филаретъ отправилъ брата, прибывшаго къ нему по этому печальному случаю въ Петербургъ, въ обратный путь на родину, поручивъ ему въ Троицкой лаврѣ отдать письмо къ Горскому. «Примите его съ любовью. Пусть онъ и сынъ его помолятся Угоднику Божію. Имъ преклонить головы тамъ, конечно, негдѣ, какъ развѣ у твоей любви. Пригрѣй ихъ съ любовью. Они жили здѣсь довольно долго, но мало или не все нужное для нуждъ своихъ получали. Поговорите съ ними и покажите св. лавру. А еще одна просьба въ томъ: ссудите имъ на дорогу рублей 25. У меня теперь нѣтъ: живу кое-какъ, что имѣлъ, отдалъ имъ. Упованіе на Господа Бога! Постараюсь воздать любви твоей любовью». Въ денежныхъ средствахъ Филаретъ былъ очень затрудненъ. За сочиненія свои онъ еще не могъ ничего получать; нѣсколько лѣтъ прошло прежде, чѣмъ ихъ одобрили къ печати. Добрый и сострадательный къ нуждамъ ближняго, онъ не дѣлалъ сбереженій изъ своего не-

особенно-большого жалованья. Да и всякій излишек шель у него на книги.

Къ роднымъ своимъ, въ особенности къ матери, Филаретъ питалъ нѣжную привязанность. И къ чести его надо отнести, что онъ во время служенія своего не окружалъ себя роднею, которая, при всецѣломъ посвященіи времени трудамъ ученымъ, могла злоупотреблять его именемъ, а если и нѣтъ, то подала бы поводъ къ лишней клеветѣ. По просьбѣ своего родного племянника, бывшаго діакономъ въ Конабѣевѣ, онъ написалъ Тамбовскому преосвященному, нельзя ли назначить его вторымъ священникомъ въ томъ же селѣ. Послѣ пожара 1828 года, истребившаго все Конабѣево, оно сильно упало. Многіе крестьяне переведены были въ другія вотчины, вмѣсто двухъ деревянныхъ церквей выстроена одна каменная при одномъ штатѣ священнослужителей. Мѣстный священникъ, узнавъ о письмѣ Филарета, отправился къ преосвященному и объяснилъ ему, что двоимъ священникамъ нечѣмъ будетъ жить. «Не могу, отвѣчалъ владыка, не исполнить желанія такого уважаемаго архипастыря (Филаретъ въ то время былъ архіепископомъ Харьковскимъ) и долженъ сдѣлать представленіе въ Синодъ». Священникъ просилъ дозволенія самому написать Филарету. Филаретъ, узнавъ изъ письма священника объ обстоятельствахъ дѣла, отказался отъ своего ходатайства.

Письма Филарета къ матери, роднымъ, дядѣ, протоіерею Дмитрію Воскресенскому, съ которымъ онъ велъ постоянную переписку, дышали нѣжною дружбою и участіемъ. Къ сожалѣнію, они истреблены пожаромъ 1869 года. Эти письма, по свидѣтельству лица, имѣвшаго случай читать ихъ, наглядно выражали высокій характеръ святителя. Матери своей онъ постоянно посылалъ деньги. Разъ вдова-дьячиха (жива до сего времени) обратилась къ матери Филарета за помощью: не доставало ей денегъ заплатить за лошадь. Старушка Настасья Васильевна, давая ей деньги, замѣтила: «Какой у меня добрый сынъ! Пишетъ, что мало прислалъ денегъ, потому что все роздалъ; а того не знаетъ, что мнѣ и тѣ деньги, которыя присылаетъ, дѣвать некуда». Одинъ родственникъ-священникъ просваталъ дочь и обратился за денежною помощію къ Филарету, бывшему тогда въ Харьковѣ. «Денегъ у меня теперь нѣтъ»

но передайте вашему свату, что я ихъ скоро вышлю и увѣрьте, что архіерей не обманетъ». Черезъ двѣ недѣли онъ получилъ 200 руб. На могилѣ матери Филаретъ соорудилъ памятникъ, а въ родную церковь прислалъ на поминованіе 300 р. и серебряные сосуды цѣною въ 400 р. Когда къ нему, въ Харьковъ, приѣхали его дядя протоіерей Дмитрій и старушка тетка-наставница, онъ со слезами встрѣтилъ ихъ и неоднократно восклицалъ: «Милые мои дядюшка и тетюшка! Ну, какъ я радъ видѣть васъ!» На другой день онъ предложилъ дядѣ служить съ собою, а послѣ литургии, представляя посѣтителямъ своихъ деревенскихъ гостей, засвидѣтельствовалъ, что теткѣ своей обязаць развитіемъ въ немъ склонности къ монашеству. Случайно одинъ священникъ, осужденный Филаретомъ на пребываніе въ монастырѣ, встрѣгилъ приѣзжаго гостя. Сознавая свою вину, батюшка выразилъ свое горе: семья изъ-за него страдаетъ. Какъ ни былъ строгъ Филаретъ къ погрѣшностямъ, за которыя осудилъ священника, но по просьбѣ своего дорогого гостя простилъ его. Двоихъ племянниковъ своихъ онъ вызвалъ въ Харьковъ, опредѣлилъ въ семинарію, но единственно для надзора за ними и руководства. Окончивъ курсъ, они поступили въ сельскіе священники. Денежную же помощь онъ оказывалъ бѣднымъ родственникамъ заочно.

По окончаніи курса въ Тамбовской семинариі одинъ племянникъ, Иванъ Гумилевскій, былъ вызванъ въ Ригу и назначенъ священникомъ Конюгузенской Петропавловской церкви. Ему Филаретъ поручилъ цензуру проповѣдей, писанныхъ на латинскомъ языкѣ Пастырѣ этотъ въ теченіи двухъ лѣтъ обратилъ въ православіе изъ лютеранъ 72 челов., 4 католиковъ и двоихъ раскольниковъ. Движеніе среди лютеранъ-крестьянъ въ пользу присоединенія къ православію было общее, а потому обращеніе 72 лютеранъ-латышей не представляегь ничего еще особеннаго, но обращеніе католиковъ и раскольниковъ даегь понять, что пастырѣ стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ на высотѣ своей задачи и обязанности. Но по переводѣ Филарета положеніе о. Гумилевскаго сдѣлалось столь тяжелымъ, что Филаретъ долженъ былъ его взять, назначивъ его въ Сумы, въ Николаевскую церковь. Между тѣмъ гонителями православія сдѣланъ былъ доносъ на него, обычный въ то время, что будто бы онъ, при

обращенія въ православіе, прибѣгалъ къ принудительнымъ мѣрамъ. Мѣстная власть не защитила, какъ и многихъ тогда священниковъ, отъ клеветы и о. Гумилевскій, съ воспрещеніемъ священнослужепія, былъ приговоренъ къ заключенію въ Каренную пустынь Курской губерніи. «Прощу любовь вашу», писалъ Филаретъ Иннокентію, бывшему на чредѣ въ св. Синодѣ, «вступитесь за бѣдняка о. Іоанна Гумилевскаго, чтобы крайней мѣрѣ страданія невиннаго не отягчались до безмѣрія продолжительностью», а изъ Чернигова писалъ Романовскому: «обстоятельства кровныхъ моихъ не радостны. Надобно предаваться волѣ Божіей, предъ которою и безъ того мы много грѣшны». Желѣ же племянника писалъ онъ: «Миръ Божій да будетъ съ тобою. Господь милостивъ. Онъ, если и посылаетъ намъ скорби, то для нашего же спасенія. Потому, что необходимо для вѣчной жизни, что полезно для спасенія нашей души, то должны мы принимать съ благодарностью Господу или по крайней мѣрѣ съ покорностью Ему. Что мужъ твой не сказалъ тебѣ, зачѣмъ поѣхалъ въ Курскъ, виши меня, я не велѣлъ ему сказывать тебѣ о томъ, чтобъ безвременно не отягощать тебя скорбью. Теперь скорби наши близки уже къ концу. Я писалъ къ преосвящ. Курскому за мужа твоего И преосв. писалъ мнѣ, что онъ все употребитъ для успокоенія судьбы вашей. На первый разъ онъ назначилъ мѣсто о. Іоанну въ Миропольѣ. Это недалеко отъ Сумъ. Впослѣдствіи обѣщаетъ дать лучшее мѣсто, когда откроется такое мѣсто. Итакъ, вотъ видишь, что напрасны твои страданія за дѣтокъ. Все устроится. Потерпимъ и помолимся Господу Богу. О томъ, что пишу тебѣ, цѣтъ нужды говорить другимъ. Послѣ того, что сказано о вашей судьбѣ, думаю, ты не будешь болѣе волноваться сомнѣніями и скорбями. Бойся грѣха. Повторяю: молись и Господь все устроитъ. Надежда на Него,—никого не оставляющаго въ стыдѣ. Люди думаютъ дѣлать намъ зло, а Господь обратитъ зло въ благое». «Посылаю тебѣ на нужды. Надѣюсь скоро увидѣться съ преосвящ. Курскимъ и сказать и попросить его за васъ». Черезъ 3½ мѣсяца онъ, пославъ ей 35 руб., опять убѣждалъ молиться и надѣяться на Бога. «Молись Господу и уповай! Грѣхъ не надѣяться на Господа, а надѣясь не молиться». «Въ нуждахъ твоихъ помогать готовъ». При этомъ извѣ-

щаль онъ, что владыка Курскій уже сдѣлалъ о мужѣ ея представленіе въ Синодъ. Въ началѣ слѣдующаго 1853 года онъ былъ освобожденъ отъ заключенія монастырскаго и получилъ приходъ въ Курской епархіи, а въ 1855 году Филаретъ перевелъ его въ Харьковъ; но въ 1859 г. Макаріемъ онъ переведенъ былъ въ Ахтырку. Приѣзду брата своего въ Харьковъ Филаретъ былъ чрезвычайно радъ, неоднократно служилъ съ нимъ и писалъ Романовскому: «вчера въ Славянскѣ въ послѣдній разъ служилъ вмѣстѣ съ братомъ, а въ пятницу служилъ съ нимъ въ Святогорьѣ. Богъ знаетъ: увидимся ли мы съ нимъ? А мы съ нимъ вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ были наказываемы. Ему бѣдному, много-много доставалось отъ горячаго отца своего. Съ нимъ мы, что важнѣе прочаго, полагали начало духовной жизни». Сходство обоихъ братьевъ было поразительное.

Не только родные пользовались его вниманіемъ и поддержкою, но всякій землякъ былъ ему близокъ. Такъ одинъ юноша, не окончившій курса въ Тамбовской семинаріи, съ сумкою за плечами и рублемъ, пришелъ въ Харьковъ. Письмо діакона Василя, брата архіепископа Филарета, должно было отворить дверь бѣдному юношѣ. Съ участіемъ принялъ его святитель, поговорилъ съ нимъ и, подмѣтивъ его способности, далъ предложеніе семинарскому начальству принять его въ богословскій классъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ юноша, окончивъ академическій курсъ, назначенъ наставникомъ въ Черниговскую семинарію въ бытность Филарета уже архіепископомъ Черниговскимъ. Его трудолюбіе приобрѣло ему любовь и расположеніе святителя до конца его жизни.

Хиротонія Филарета во епископа Рижскаго была въ Казанскомъ соборѣ 21-го Декабря 1841 г. По обычаю, новопосвященный епископъ дѣлеть обѣдъ для членовъ Св. Синода. Филаретъ обошелъ этотъ обычай частію по личному взгляду на него, а частію и по скудости средствъ. Только черезъ полгода, въ Юлѣ 1842 года, онъ отпраздновалъ въ Ригу. «Какъ ни трудно жить мнѣ здѣсь», писалъ онъ изъ Петербурга, «но чувствую, что не такія скорби ждутъ меня впереди. Недавно прислали мнѣ сюда журналы Рижскаго правленія. Тогда-то увидѣлъ я отчасти, что общаетъ мнѣ Рига, какими заботами, какими страданіями душевными хочетъ надѣлать она меня. Но буди во всемъ воля Божія». «Мнѣ остается собираться въ Ригу, несчастную Ригу, достойную меня». «Прошу тебя, пиши мнѣ въ Ригу чаще: мнѣ тамъ будетъ очень тяжело и очень скучно; это уже мнѣ извѣстно».

Вотъ съ какимъ чувствомъ ѣхалъ Филаретъ въ Ригу; но о томъ, что ожидало его въ этой злополучной епархіи онъ имѣлъ еще очень слабое представленіе.

Въ 1841 г. между Латышами распространился слухъ о существованіи указа, разрѣшавшаго имъ переселиться во внутреннія губерніи. Это вызвало сильное оживленіе: изнуренный работами, отягощенный налогами, народъ повалилъ въ Ригу записываться на переселеніе. Когда губернское начальство, чтобы прекратить движеніе, придумало сажать ихъ въ тюрьму, брить головы, какъ арестантамъ, и не принимать прошеній и когда, по распоряженію этого же начальства, въ приемѣ прошеній имъ отказывалъ и жандармскій полковникъ Киршъ, они обратились къ архіерею. Преосвященный Иринархъ посовѣтовалъ имъ возвратиться домой, заниматься своимъ дѣломъ и оставаться въ повиновеніи

у помѣщиковъ, однако просьбы ихъ принялъ. Не одно соболѣзнованіе къ ихъ безотрадному положенію побудило его къ такому поступку: по смыслу архіерейской присяги, обязывающей «заступать немощныя», и въ случаѣ необходимости писать и самому Государю, онъ считалъ своимъ долгомъ довести объ этомъ недугѣ края до свѣдѣнія Монарха. Съ этою цѣлію прошеніе Латышей было препровождено имъ къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову. Между тѣмъ Латыши, узнавъ, что архіерей принялъ прошеніе Виттенгофскихъ крестьянъ, стали являться къ нему толпами. Препровождая три подлинныя прошенія графу Протасову, Иринархъ написалъ ему, «что крестьяне Лифляндской губерніи толпами приходятъ въ Ригу искать защиты отъ притѣсненій тамошнихъ помѣщиковъ, обременяющихъ ихъ изпурительными работами и налогами, чрезъ что лишаются они съ семействами дневного пропитанія; что къ таковымъ жалобамъ присоединяютъ они просьбы о переселеніи ихъ въ другія губерніи, гдѣ они могли бы быть казенными крестьянами». Вскорѣ послѣ того въ прошеніяхъ, постунавшихъ къ Иринарху, стали излагаться два ходатайства: о переселеніи и о присоединеніи къ православію. Не принимая первыхъ, онъ, по долгу священнаго сана, не могъ отказывать послѣднимъ. Иринархъ снова сообщилъ гр. Протасову, что нѣкоторые Латыши изъявляютъ желаніе присоединиться къ православію, что у нихъ нѣтъ хлѣба, что ихъ не выпускаютъ въ городъ, подвергаютъ тѣлесному наказанію и тюремному заключенію за принесеніе жалобъ начальству. Государь Николай Павловичъ пришелъ въ негодованіе и выразился графу Протасову, что отъ него была скрыта истина. Министру внутреннихъ дѣлъ графу Строганову и графу Бенкендорфу Государь объявилъ свое неудовольствіе. Тогда всѣ возстали противъ Иринарха, а въ особенности генераль-губернаторъ баронъ Паленъ.

У б. Палена съ Иринархомъ возникла рѣзкая переписка. Иринархъ писалъ ему, что бумагу его вмѣстѣ съ просьбами Латышей онъ препроводилъ къ гр. Протасову. Это взорвало Палена. Онъ окружилъ архіерейскій домъ переодѣтыми солдатами, которымъ было поручено всѣхъ выходящихъ отъ Иринарха арестовывать, а Иринарху написалъ, чтобъ онъ не принималъ приходящихъ къ нему съ просьбами о присоединеніи

и обращалъ ихъ предварительно къ губернскому начальству. Иринархъ отвѣчалъ, что у него никакихъ записей не производится, но что отказать въ присоединеніи къ православію онъ, какъ служитель алтаря, не можетъ; что Латышей, не бывшихъ у губернскаго начальства, онъ не принимаетъ, свидѣтельствомъ чему ихъ бритыя головы, и что окружающая домъ его полиція и безъ того забираетъ ихъ. Онъ присовокупилъ, что и это отношеніе Палена препровождено имъ къ графу Протасову, Отвѣтъ Иринарха былъ доведенъ б. Паленомъ до свѣдѣнія Государя Николая Павловича, какъ доказательство рѣзкости Иринарха въ сношеніяхъ съ гражданскимъ начальствомъ. Императоръ написалъ: «не сузу отвѣта, не зпавъ привѣта». Должны были доложить и отношеніе къ Иринарху генераль-губернатора. Прочитавъ его, Государь положилъ такую резолюцію; «какъ аукнется, такъ и откликнется». Казалось, гроза пропеслась надъ Иринархомъ.

Но что могъ сдѣлать одинъ борецъ за церковь предъ цѣлымъ сонмомъ враговъ ея? Баронъ Паленъ сообщилъ гр. Строганову и Бенкендорфу о возмущеніи края 'епископомъ Иринархомъ и его духовенствомъ, которое поддерживаетъ въ народѣ надежду на переселеніе. Онъ отыскалъ и свидѣтеля, нѣкоего Спасскаго, исключеннаго Иринархомъ изъ духовнаго званія за неодобрительное поведеніе. Какъ оказалось впоследствии, этотъ свидѣтель былъ подкупленъ самимъ Рижскимъ губернскимъ начальствомъ. Графъ Строгановъ доложилъ о томъ Государю и сообщилъ графу Протасову. Сей послѣдній, на основаніи всеподданнѣйшаго доклада графа Строганова и свѣдѣній, доставленныхъ Паленомъ, составилъ докладъ Государю, наипрая на то, что б. Паленъ отоситъ заблужденіе крестьянъ на счетъ переселенія къ дѣйствіямъ епископа, въ доказательство чему представилъ черновое прощеніе, будто бы поправленное рукою священника Фасонова, чтѣ впоследствии не подтвердилось. Онъ изложилъ притомъ мнѣніе, чтобы Иринарху было предписано не допускать преребаній съ гражданскимъ начальствомъ и не принимать подобныхъ просьбъ отъ крестьянъ, обращая ихъ къ генераль-губернатору. Очевидно, самый докладъ составленъ былъ односторонне, и заключеніе оберъ-прокурора было только выводомъ изъ него. Государь,

согласившись съ мнѣніемъ графа Протасова, добавилъ, чтобы Иринарху было сдѣлано «строгое внушеніе о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій».

Въ исполненіе воли начальства, Иринархъ не сталъ принимать прошеній, въ которыхъ соединялись два ходатайства: о переселеніи и о присоединеніи. Узнавъ объ отказѣ епископа, Латыши стали обращаться къ нему съ исключительною просьбою о присоединеніи и приходили толпами. Какъ ни тяжелы были преслѣдованія и интриги, направленные противъ Иринарха, но служитель Божій не могъ отвергнуть приходящихъ къ нему. Когда же онъ разяснялъ Латышамъ, что съ переходомъ въ православіе не соединяются никакія земныя выгоды, то Латыши отвѣчали съ поразившею его твердостью: «Если Государю угодно, чтобы мы оставались на настоящихъ своихъ мѣстахъ жительства, то мы останемся спокойно; только мы хотимъ быть Русскими по вѣрѣ и ея обрядамъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ многіе священники донесли своему владыкѣ о просьбѣ Латышей поѣхать къ нимъ и присоединить къ православію ихъ семейства. Иринархъ обо всемъ донесъ своему епархіальному преосвященному Псковскому и графу Протасову.

Иринархъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые въ служеніи церкви остаются передъ страхомъ гоненія. А потому, чтобы обезпечить успѣхъ въ противодѣйствіи православію, надо было совѣмъ отдѣлаться отъ Иринарха, и вотъ составленъ планъ. Понимая, насколько чутокъ былъ Государь ко всему, что могло вызвать волненіе и, пожалуй, способенъ даже придать преувеличенное значеніе подобнымъ обстоятельствамъ, хитрые правители ударили въ эту чувствительную струну Монарха. И вотъ черезъ графовъ Строганова и Бенкендорфа баронъ Паленъ представилъ Государю, что весь Остзейскій край охваченъ народнымъ бунтомъ, главными вождями котораго Иринархъ и его священники. Баронъ Паленъ доносилъ, что Иринархъ принимаетъ по прежнему прошенія отъ Латышей и отправляетъ ихъ къ священникамъ въ крѣпость, гдѣ имъ толкуется о возможности переселенія подѣ условіемъ принятія православія; что крестьяне уже начинаютъ составлять скрытныя собранія, копятъ деньги и относятъ ихъ черезъ своихъ выборныхъ къ Ири-

парху; что Латышскіе выборные на заставѣ будто бы встрѣчаются отставнымъ солдатомъ (впрочемъ не отысканнымъ), который, выдавая себя за высланнаго отъ Иринарха проводника, препровождаетъ ихъ къ священнику, а тотъ, въ свою очередь, общается имъ съ принятіемъ православія дома, земли, скотъ и все хозяйственное обзаведеніе; что крестьяне пренебрегаютъ работою, выражаютъ сопротивленіе и грозятъ *кровавою развязкою* не далѣе осени измѣнить существующій порядокъ. Такія свѣдѣнія, дошедшія до Государя, произвели свое дѣйствіе. Не только Государь, но и всѣ Русскіе, стоявшіе близъ трона, съ тревогою взглянули на эти событія, предвидя въ нихъ какъ будто зарево политическаго пожара, который можетъ охватить всю Россію.

Между тѣмъ баронъ Паленъ нарядилъ слѣдственные комиссіи, назначилъ военныя экзекуціи, даже поѣхалъ самъ по Лифляндіи; словомъ, обнаружилъ удивительную энергію къ «подавленію бунта». О всемъ этомъ онъ доносилъ въ Петербургъ, гдѣ все и принималось за чистую монету. Наши солдаты и казаки, выступавшіе противъ бунтовщиковъ, дивились, что нигдѣ ихъ нѣтъ: крестьяне занимались своимъ дѣломъ. Но какъ же нибудь надо доставить зрѣлище, надо какую нибудь устроить охоту на Латышей? Вѣдь они не Нѣмцы: почему же и не поохотиться! И вотъ цивилизованный правитель, встрѣтивъ на привалѣ обозъ Латышей, ѣхавшихъ за провизіей въ Ригу, окружилъ ихъ, забралъ и рассадилъ по тюрьмамъ.

Зная о томъ, каковы должны быть донесенія барона Палепа Государю, Иринархъ писалъ графу Протасову: «Что касается до волненія крестьянъ, которое генераль-губернаторъ представляетъ почти явнымъ возмущеніемъ и противъ котораго онъ признаетъ нужнымъ употребить военную силу, то я могу увѣрить, ваше сіятельство, что сіе волненіе или возмущеніе ничто иное есть, какъ сильное и почти всеобщее желаніе крестьянъ присоединиться къ православной церкви». Указывая, что это желаніе породило сильное безпокойство гражданскаго начальства, онъ убѣждалъ употребить всѣ мѣры, чтобы дѣло не было рѣшаемо по одностороннему донесенію генераль-губернатора. «Чтобъ разлить новый свѣтъ на настоящее дѣло и придать новую степень достовѣрности тому

(писалъ онъ), что здѣшніе крестьяне, дѣйствительно, расположены принять православіе, я долженъ сказать вашему сіятельству, что лютеранство здѣшняго края совершенно переродилось въ неологизмъ, подобный тому, какой распространился по всей германіи, чтобы не сказать по всей Европѣ; что сельскіе пасторы являются однажды въ мѣсяцъ на кафедрахъ, если еще не рѣже; что крещеніе младенцевъ совершаютъ они только у знатнѣйшихъ своихъ прихожанъ, у прочихъ же крестьянъ кистеры или церковные старосты, которые представляютъ пасторамъ записи о совершенныхъ ими крещеніяхъ для внесенія оныхъ въ метрическія книги, и что такимъ же образомъ происходитъ погребеніе умершихъ. Такое отравленіе своихъ обязанностей пасторами давно уже охладило сердца крестьянъ къ лютеранской религіи и къ ея служителямъ и расположило ихъ въ пользу православной церкви, гдѣ всѣ требы совершаются священниками и гдѣ они видятъ во всемъ приличное благолѣпіе».

Но графа Протасова мало трогали слова Иринарха и мало заботило дѣло церкви. Съ другой стороны, пѣмецкіе происки велись съ полною энергіею. На Государя начали дѣйствовать съ разныхъ сторонъ, не исключая даже и изъ Пруссіи. Принцъ Вильгельмъ (впослѣдствіи императоръ Германскій) писалъ своей царственной сестрѣ, чтобы она преклонила Государя къ защитѣ «угнегеннаго протестантства». Бенкендорфъ, возвратясь изъ Риги, представлялъ о необходимости удержать тамъ войска. Одинокій стоялъ Иринархъ передъ очами Бѣга Вышняго. На землѣ, въ защиту кровнаго дѣла земли Русской и Русской церкви, не достигалъ до него ни одинъ ободряющій голосъ. Наконецъ, по докладу оберъ-прокурора, повелѣно было Иринарха вывезти въ сопровожденіи командированнаго чиновника Скрипичица изъ Риги въ Псковъ, а священниковъ Заболоцкаго, Фасопова, и послушника архіерейскаго Анченкова выслать для допросовъ въ Петербургъ. Иринарху были предложены 14-ть вопросовъ пунктовъ, построенныхъ на ложныхъ допесеніяхъ правительству. Когда отвѣты Иринарха и священниковъ доложены были Государю, онъ, казалось, прозрѣлъ истину; по крайней мѣрѣ произведенное на него прежними допесеніями впечатлѣніе значительно ос-

лабло. Священниковъ Синодъ предположилъ размѣстить въ Петербургской епархіи; Государь утвердилъ опредѣленіе Синода, а Иринархъ получилъ назначеніе викарнымъ въ Воронежъ. Дѣло объ Иринархѣ сдано въ архивъ, а вмѣстѣ съ нимъ предано забвенію, или, вѣрнѣе, положено подъ сильный гнетъ и дѣло о православіи въ Лифляндіи.

При такихъ-то обстоятельствахъ состоялось назначеніе нашего Филарета епископомъ Рижскимъ.

Вотъ какъ изображаетъ одинъ современникъ новаго Рижскаго святителя и его положеніе въ краѣ: «Избранная личность, несмотря на свой тщедушный и слабый организмъ, отличалась необыкновенною энѣргіею воли и огромною эрудиціей. Къ несчастію, эта воля, жаждущая дѣятельности, способная на великія жертвы для православія, обставлена была такъ, что обречена была на совершенное бездѣйствіе; была связана, какъ говорится, и по рукамъ и по ногамъ».

Передъ самымъ отъѣздомъ, когда Филаретъ представлялся Государю, ему вмѣнено въ обязанность дѣйствовать осторожно и съ согласія гражданскаго начальства. Дѣйствовать въ дѣлѣ православія съ согласія гражданскаго начальства, всѣми силами старавшагося подавить православіе, конечно, равнялось обреченію Филарета на бездѣйствіе. Мало того, инструкція епископу Рижскому была измѣнена. «Вниманіе и съ благоразуміемъ соединенная заботливость и осторожность требуются со стороны викарія въ обращеніи съ иновѣрцами, коими большею частію населены Лифляндская и Курляндская губерніи; въ сношеніяхъ съ мѣстными свѣтскими начальствами необходима особенная осмотрительность по такимъ дѣламъ, по которымъ его мнѣнія оказываются не одинаковыми съ мнѣніемъ духовнаго начальства; въ сихъ случаяхъ, прежде рѣшительнаго дѣйствія, викарій испрашиваетъ руководства отъ епархіальнаго архієпископа, и, смотря по важности дѣла, доводитъ оное до свѣдѣнія оберъ-прокурора Св. Синода, причемъ единомысліе и согласное дѣйствованіе начальства должны быть охраняемы крайне тщательно». Опасливость шла далѣе: «прошенія, подаваемые архієрею, заключающія въ себѣ два предмета, а именно ходатайство о присоеди-

неній къ православію и другія, подлежащія разсмотрѣнію губернскаго начальства, вовсе возбраняется принимать».

Напуганный исторією Иринарха и тѣми предостереженіями, которыя ему довелось выслушать и оффиціально, и частно отъ разныхъ лицъ, Филаретъ началъ съ величайшею осмотрительностію свое служеніе. Осмотрительность Филарета доходила до того, что онъ отвѣты свои генераль-губернатору, конечно, по болѣе серьезнымъ обстоятельствамъ, прежде отсылки по адресу, препровождалъ для просмотра оберъ-прокурору Св. Синода. Объ этомъ свидѣлствуетъ имѣющееся у насъ письмо графа Протасова къ Филарету. Ему нужно было хорошо, прочно поставить себя въ глазахъ правительства, чтобъ наговоры не принимались на вѣру, а его собственныи отзывъ имѣлъ вѣсъ и значеніе. Утвердивъ себя въ глазахъ правительства, можно было начать дѣйствовать и смѣлѣе.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Ригу, Филаретъ пишетъ Горскому: Грѣшно было бы жаловаться на недостатокъ любви здѣшней паствы къ пастырю. Нѣтъ, паства обрадовалась, обрадовалась тѣмъ болѣе, что несчастныя обстоятельства, взволнованныя нѣмцами, заставили думать о невозможности быть здѣсь пастырю». И легко могло быть, что это входило въ планы враговъ православія.

Латыши, узнавъ о приѣздѣ новаго архипастыря, не оставляли мысли о присоединеніи. Въ донесеніи своемъ оберъ-прокурору Св. Синода Филаретъ такъ описываетъ первый случай обращенія къ нему Латышей. «Вечеромъ 1-го Августа 1842 года услышалъ я, что приходили въ Ригу два Латыша и, спросивъ обо мнѣ священника, удалились. Утромъ 2-го числа счелъ я за долгъ лично объясниться съ его превосходительствомъ г. гражданскимъ губернаторомъ о семъ случаѣ (военнаго губернатора тогда не было въ Ригѣ). Сказавъ о тѣхъ двухъ Латышахъ, я спрашивалъ, нѣтъ ли опасенія для спокойствія гражданского, если, согласно съ совѣстію моею и съ объявленными мнѣ наставленіями Государа Императора, выслушаны будутъ мною, когда явятся, Латыши. При семъ объяснилъ я, что во всякомъ случаѣ готовъ я слѣдовать искреннимъ совѣтамъ и что считаю за долгъ не иначе выслушать Латышей,

какъ въ присутствіи г. полицеймейстера и въ его же присутствіи записать. Г-нъ губернаторъ исполнѣ одобрилъ мое намѣреніе выслушать Латышей въ присутствіи полицеймейстера, при чемъ присовокупилъ мысль, которая, впрочемъ, была и у меня, что записанныя обоими нами слова будутъ имѣть видъ акта. Въ продолженіе всего разговора онъ ничѣмъ не далъ замѣтить, что есть какія-либо опасенія на счетъ спокойствія Латышей, такъ какъ и ни изъ чего другого не видно было такихъ опасеній. Въ видѣ дружескаго совѣта онъ говорилъ, чтобы остерегался я принимать толпу и мѣры рѣшительныя и потомъ позволилъ частно, чтобы священникъ, если придутъ къ нему Латыши, могъ сказать о моемъ прибытіи и мѣстопребываніи, но не болѣе (!) Такимъ образомъ я оставался совершенно спокоенъ и въ твердой увѣренности, что если случится мнѣ увидѣть Латышей, отъ того не выйдетъ ничего особеннаго, и поступокъ мой будетъ сообразенъ съ мудрою волею Государя Императора и съ требованіями самой строгой осторожности. Спокойствіе мое укрѣплялось и тѣмъ, что, по всеѣмъ свѣдѣніямъ, какія получалъ я чрезъ священниковъ и отъ другихъ лицъ, въ здѣшней сторонѣ все спокойно; самое положеніе мѣстнаго начальства, сколько оно мнѣ было извѣстно, увѣряло меня въ томъ. Августа 4-го числа, около 3-хъ часовъ пополудни, когда только что возвратился я съ кладбища, гдѣ служилъ литургію и поминовеніе, услышалъ я, что два Латыша желаютъ видѣть меня. Не допуская ихъ до себя, я сказалъ, чтобы пригласили ко мнѣ г. полицеймейстера Языкова. При прибытіи его, я, между прочимъ, спрашивалъ его о положеніи Латышей. Онъ рассказалъ мнѣ о прежнемъ состояніи ихъ; говорилъ, что теперь они совершенно спокойны, что у нихъ родился очень хорошій хлѣбъ и они мирны. Нечаянно, но благотѣльно по послѣдствіямъ, спросилъ я его о томъ, довѣряетъ ли онъ переводчику, когда сей послѣдній явился съ Латышами? Онъ отвѣчалъ, что онъ самъ столько знаетъ Латышскій языкъ, сколько нужно для того, чтобы замѣтить невѣрность переводчика, если онъ будетъ, и что потому другой переводчикъ не нуженъ. Затѣмъ отбираемы были показанія и записываемы мною со всею точностію, и я старался, при помощи Божіей, соблюдать все вниманіе къ требованіямъ правды. Считаю нуж-

нымъ замѣтить, что вопросы предлагаемы были большею частію г. полковникомъ. По окончаніи показаній, полковникъ поспѣшилъ отъ меня удалиться, указывая на неотлагаемую нужду быть при одномъ слѣдствіи. Съ своей стороны, слѣдуя волѣ Государя Императора, я, вслѣдъ за удаленіемъ Латышей, отправился къ г. военному губернатору для личныхъ объясненій, послѣ чего намѣрень былъ отнестись и бумагою съ вопросами о семь дѣлѣ».

Генераль-губернатора Фелареть не засталъ и отложилъ свиданіе до слѣдующаго утра. Утромъ полицеймейстеръ, пріѣхавъ для подписанія вчерашняго заявленія Латышей, хотѣлъ ограничиться удостовѣреніемъ, что слова Латышей записаны вѣрно; но осторожный Филареть потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ его предложеніе на счетъ переводчика и свой отвѣтъ о знакомствѣ съ Латышскимъ языкомъ.

Какъ ни былъ остороженъ молодой епископъ въ данномъ дѣлѣ, но не могъ онъ избѣжать непріятностей и не полатиться за него многими скорбями. Успѣхъ интриги въ дѣлѣ Иринарха придалъ смѣлости Нѣмецкой партіи, главнымъ пособникомъ которой былъ самъ генераль-губернаторъ баронъ Палень. Только что собрался Фелареть къ нему, какъ ему доложили о прибытіи самого генераль-губернатора. «Слѣдуя паставленію Государя Императора», писалъ, Филареть оберъ-прокурору, «я употреблялъ, по прибытіи въ Ригу, всѣ усилія, чтобы пріобрѣсть любовь какъ его высокопревосходительства, такъ и прочихъ гг. гражданскихъ начальниковъ и благодарилъ въ душѣ моей Господа, что, какъ казалось, старанія мои достигли успѣха. Теперь же г. военный генераль-губернаторъ, прибывъ въ домъ, изъявилъ сильныя неудовольствія, ни почему для меня неожиданныя, и объявилъ, что мои дѣйствія начнутъ опять волненія между Латышами точно такъ же, какъ дѣйствія предшественника; что я долженъ былъ, не вступая ни въ какія сношенія съ Латышами, отослать ихъ въ Губернское Правленіе, гдѣ они были бы спрошены при искусномъ переводчикѣ и что полицеймейстеръ не знаетъ Латышкаго языка. Съ смущеніемъ души, но съ полною благопокорностію, я объяснилъ его высокопревосходительству, что еслибы объявлены мнѣ были прежде сіи требованія и опасенія, я за непремѣнный долгъ

почелъ бы слѣдовать имъ съ точностію. Я упомянулъ ему о сношеніи моемъ съ г. губернаторомъ, объ увѣреніи г. полицеймейстера, о волѣ Государя Императора. Сии объясненія мои нѣсколько успокоили г. военнаго генераль-губернатора, и я, возблагодаривъ Господа, счелъ за необходимое присовокупить въ сношеніи моемъ прошеніе мое о томъ, не признаны ли будутъ пужными особенныя мѣры для подобныхъ случаевъ прибытія Латышей, изъявляя такимъ образомъ постоянную готовность мою сообразоваться съ указаніями мѣстнаго гражданскаго начальства. 6 числа получено мною отношеніе его в—ства. 5, 6 и 7 числа были для меня весьма тяжки. Полиція приведена была въ движеніе смотрѣть за тѣмъ, не придуть ли еще Латыши. Благодареніе Господу, доселѣ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ были до несчастнаго прибытія ко мнѣ Латышей».

Казавшійся Филарету успокоеннымъ б. Паленъ не оставилъ припятаго тактики и энергическаго преслѣдованія православія. Имъ назначена особая коммиссія, дѣйствовавшая привычнымъ орудіемъ—истязаніями, клеветою, подкунами и т. п. Все стараніе употреблено для отысканія виновности православнаго духовенства и средства къ тому не разбирались. Недовольные единовѣріемъ раскольники и всякіе негодяи набирались для свидѣтельства, и придумано обвиненіе единовѣрческаго священника Емельянова въ подстрекательствѣ Латышей къ принятію православія.

Филаретъ писалъ графу Протасову: «Слѣдователи доселѣ не возвращались и, признаюсь, не знаю, чѣмъ все это кончится и для чего отправились они на мѣсто! Казалось бы, если опасаются безпокойствъ, не надлежало бы страшиться одного появленія въ мѣстахъ Латышей, тѣмъ болѣе чѣмъ-либо другимъ возбуждать какое-либо неспокойствіе. Но буди воля Господня! Одинъ Богъ, знаетъ, чего стоитъ для меня это принятіе Латышей. Окруженный прежде покоемъ, теперь я окруженъ тревогою и нерасположеніемъ. Нѣкоторые одобряли передъ г. военнымъ генераль-губернаторомъ мой образъ принятія Латышей и, можетъ-быть, это удержало отъ слѣдствій, какія могли и готовы были быть въ самомъ началѣ дѣла. Можно ли надѣяться благополучнаго окончанія

дѣлу—судите сами. Положеніе такъ тяжело, какъ только быть можетъ. Съ своей стороны, считаю за нужное присовокупить и ту мысль мою, что если худо мнѣ теперь, долженъ я ждать болѣе худшаго, когда сочтутъ себя оскорбленными какимъ-либо донесеніемъ моимъ. Моя доля терпѣть и молить Бога».

Письмо это написано еще нѣсколько сдержанно; оно не выражаетъ вполне душевнаго состоянія Филарета, какъ оно рисуется въ одновременномъ письмѣ его къ Горскому. «Много бы надобно писать вамъ, но повремените. Я теперь въ тяжкомъ испытаніи. Господа ради, прошу всѣхъ любящихъ и помнящихъ меня помолиться о мнѣ грѣшномъ. Господа ради, помолитесь препод. Сергію, отслужите молебенъ за меня грѣшнаго. Писать о сущности дѣла пока не могу». «Ничего не пишу вамъ о своихъ скорбяхъ», писалъ онъ вскорѣ затѣмъ, «потому что еще не кончились. Дѣло касается Латышей; оно началось слишкомъ невыгодно, а чѣмъ кончится—не знаю».

Филаретъ внимательно слѣдилъ за ходомъ слѣдствія, сообщая о каждой выдающейся его особенности оберъ-прокурору. «На дняхъ окончили формальное слѣдствіе о дѣлѣ приходившихъ ко мнѣ двухъ Латышей, начавшееся по полученіи предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ сіе слѣдствіе, такъ и предварительное частное, происходили въ вѣдѣніи и распорядженіи одного гражданскаго начальства. Окончаніе слѣдствія ведетъ только къ новымъ огорченіямъ для духовенства православнаго. Еще по предварительномъ изслѣдованіи, отъ меня потребовали, чтобы единовѣрческій священникъ Дороевъ и единовѣрческій же причетникъ Сазоновъ, какъ замѣшанные въ беспорядкахъ прошедшаго года и участвовавшіе, будто бы, въ нынѣшнемъ волненіи, удалены были изъ Риги. Тоже требованіе повторяется и по окончаніи другаго слѣдствія. Такъ какъ начало дѣла показало слишкомъ ясно, что какое бы то ни было несогласіе мое поведетъ только къ самымъ худымъ послѣдствіямъ, при томъ сознавая и то, что лицо, столько уполномоченное довѣріемъ Высочайшей власти, обязываетъ мою совѣсть полагаться на его отзывы, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково спокойствіе гражданское: я съ своей стороны отзывался словесно, что Сазоновъ удаленъ будетъ

немедленно (притомъ онъ и считался только временно-исправляющимъ причетническую должность, а по состоянію оставался мѣщаниномъ), а о священникѣ просилъ покорнѣйше, чтобы дозволено было ему остаться до времени, пока найденъ будетъ другой на такое трудное мѣсто, каково мѣсто единовѣрческаго священника. На сіе согласились; между тѣмъ писано было мною о семъ къ его высокопреосвященству. Дѣйствія мои по сему дѣлу симъ только и ограничились, такъ какъ болѣе того дѣлать что-либо въ публичныхъ сношеніяхъ не находилъ я никакой для себя возможности; не могъ говорить что-либо даже и частнымъ образомъ противъ какого-либо дѣйствія. Положеніе мое было таково, что мнѣ необходимо было употреблять все усилія къ тому, чтобы гражданское начальство удержало свои тревоги и волненія, что потребовало многихъ трудовъ и скорбей. Все, что видѣлъ я и испытывалъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, пока дѣлались изслѣдованія о двухъ Латышахъ, слишкомъ ясно показываетъ моему совѣсти, что каждый шагъ въ семъ дѣлѣ будетъ оканчиваться безъ всякой пользы для дѣла, и слѣдствіями его будутъ только безпокойства для моего начальства, бѣдствія для многихъ, не говоря о себѣ. И слова, и дѣла показываютъ, что тысячи не хотятъ того, чтобы Латыши были православными; а при такомъ положеніи что могу сдѣлать я одинъ? Для дѣла ничего; никакая осторожность, никакая чистота не спасутъ ни меня, ни дѣла моего. Не могу не сознаться, что Латыши хотятъ придти ко мнѣ; но когда совѣсть и благо-разуміе увѣряютъ, что начинать сіе дѣло, значить начинать дѣло такое, которое не приведетъ его къ концу, а къ другимъ слѣдствіямъ, то я принужденъ былъ говорить, что теперь невремя. Остается предоста-вить Господу все и ожидать Его изволенія».

На нетерпѣливые вопросы Горскаго Филаретъ писалъ: «Дѣло о Латышахъ по отношенію ко мнѣ состоитъ въ томъ, что они желаютъ православія, а Нѣмцы душатъ ихъ за это желаніе и настаиваютъ на томъ, что они бунтовщики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій, кто только касается дѣла. Вотъ содержаніе несчастной исторіи! Каждый шагъ мой дознаютъ, каждое желаніе проникаютъ; шпіоны ходятъ даже въ комнаты и иногда съ прошеніями о помощи противъ нихъ же; домогаются

всѣми средствами впутать меня въ какую-нибудь грязную исторію. Клеветы сыплются изъ обѣихъ рукъ. Если Господь не защититъ, конечно, надежды нѣтъ на избавленіе отъ ковъ. Извѣстно мнѣ, что велѣно про-извести новое слѣдствіе. Но кто и какъ будетъ производить—это дѣло особенное и неизвѣстное. Меня частію уже прицѣпили къ дѣлу прихो-дившихъ ко мнѣ Латышей. Послѣ того, что со мною было, мнѣ уже нельзя дѣлать ни шагу въ этомъ дѣлѣ, и объ этомъ уже сказано кому слѣдовало. Да будетъ воля Господня!»

Между тѣмъ, графъ Протасовъ доложилъ Государю письмо Фила-рета съ описаніемъ перваго приѣма его Латышей, и Государь повелѣлъ передать Филарету одобреніе его дѣйствій, находя ихъ «благоразумными и осмотрительными». Это немало принесло успокоенія Филарету.

Филаретъ понималъ, что ему нужна «мудрость змѣина». Донесе-нія его оберъ-прокурору даютъ понятіе объ его дальновидности и преду-смотрительности. Дѣлая удареніе на томъ, что если будутъ оскорблены какимъ-либо донесеніемъ его, то положеніе его еще ухудшится, онъ какъ бы предупреждалъ графа Протасова о сохраненіи вѣдъ гласности его сообщеній. Не безъ цѣли также онъ указывалъ, что не только не находилъ возможнымъ входить въ публичныя сношенія по этому дѣлу, но даже и въ частномъ разговорѣ касаться его. «Не легко говорить о дѣлахъ чужихъ, писалъ онъ графу Протасову, когда совѣсть не можетъ признавать ихъ дѣлами совѣсти христіанской».

Филаретъ передаетъ слова б. Палена: «Нѣтъ нужды присоединять теперь Латышей къ православію; черезъ сто лѣтъ мы всѣ будемъ пра-вославными черезъ браки». Далѣе, когда нужно было хвалить протес-тантство, онъ сказалъ: «Вотъ какое благодѣтельное дѣйствіе имѣетъ наше вѣроисповѣданіе на сердца: когда въ прошедшемъ году происхо-дило возмущеніе, то, хотя употреблены были и строгія мѣры, даже воен-ная сила, ни одинъ Латышь никого не тронулъ». Когда же надобно было показать, что православное духовенство можетъ начинать возмущеніе, правитель сказалъ: «Вотъ въ прошедшемъ году воз-мущенія распространились между Латышами, какъ пожаръ послѣ приѣма ихъ духовенствомъ; тоже будетъ и нынѣ. Ничто тогда не могло оста-

новить; тоже будетъ и нынѣ». И эту вопіющую несправду долженъ былъ выслушивать служитель истины! «Повѣрьте, ваше с—ство, писалъ онъ графу Протасову, что три мѣсяца были для меня слишкомъ тяжелы; я не могъ почти совсѣмъ заниматься дѣлами, едва не приближался ко гробу, и что же вышло? Воля Господня да будетъ!» «Господь не оставитъ Своего дѣла, писалъ нѣсколько успокоившись Филаретъ. Ваше сіятельство прошу покорнѣйше не беспокоиться по сему дѣлу. Если Господь будетъ столько милостивъ къ грѣхамъ моимъ, что, не взирая на нихъ, будетъ поддерживать меня, то любовію надѣюсь при Его помощи достигнуть того, чего нельзя достигнуть другими способами; входить же въ какія-либо судебныя разбирательства не считаю ни полезнымъ, ни сообразнымъ съ моею совѣстію».

Смирный тонъ писемъ Филарета, чуждыхъ раздражительности, яркость извѣстій, имъ сообщаемыхъ, голосъ Русскихъ людей съ ихъ сѣтованіемъ на невниманіе къ Русскому дѣлу, чаще и чаще доходившій до слуха оберъ-прокурора, наконецъ, пробудили и его. вмѣстѣ съ тѣмъ графа Строганова замѣнилъ въ то время энергичный, умный, вполне Русскій по душѣ, Л. А. Перовскій, принявшій дѣло православія, какъ дѣло Русское, близко къ сердцу. Графъ Протасовъ подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ въ докладѣ Государю изложилъ свѣдѣнія, сообщенныя архіеремъ, и напомнилъ объ образѣ его дѣйствій, одобренныхъ самимъ Государемъ. Между прочимъ, онъ представилъ Государю слѣдующія соображенія: «При столь противорѣчивыхъ отзывахъ по дѣлу сему баропа Палспа и епископа Филарета и по значительности лица священника Емельянова, имѣющаго большое вліяніе на тамошнее единовѣрское общество (его усиліями столь еще недавно исторгнутое изъ раскола), не благоугодно ли будетъ высочайше повелѣть передать сіе дѣло по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія и приведенія онаго въ извѣстность узаконеннымъ порядкомъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ дѣйствительной виновности сего священника, духовное начальство могло имѣть справедливое и законное основаніе немедленно удалить его и подвергнуть по мѣрѣ вины строгому взысканію?» Госу-

дарь повелѣлъ исполнить. Вся переписка Филарета передана была оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодъ: Синодъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе мѣру, вполнѣ отвѣчающую времени и обстоятельствамъ, а именно, чтобы епископъ Рижскій о каждомъ желающемъ присоединенія испрашивалъ разрѣшенія Синода. Это, по мнѣнію Синода, въ примѣрахъ частнаго присоединенія должно обнаружить: многіе ли его желаютъ, по какимъ побужденіямъ и какія требуется приять предосторожности и способы. Главная же суть дѣла заключалась въ томъ, что такая мѣра освобождала епископа отъ столкновеній съ мѣстною властію, для которой борьба съ Синодомъ была труднѣе. Но Государь до окончанія слѣдствія о священникѣ Емельяновѣ приостановилъ дать согласіе на постановленіе Св. Синода.

Такой поворотъ дѣла еще болѣе придалъ смѣлости Филарету. Однако, испытанный примѣрами прежнихъ слѣдствій, онъ еще неполнѣ довѣрялъ безпристрастію новаго, а потому писалъ Горскому: «Помолитесь! теперь здѣсь великое для меня дѣло дѣлается; слѣдователь изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію производитъ слѣдствіе. Когда бы подобный Сергій не оставилъ меня грѣшнаго!» Извѣщая же въ слѣдующемъ письмѣ объ удовлетворительномъ исходѣ дѣла, Филаретъ добавляетъ: «Помолимся Господу Богу! Скажу только, что и для меня доселѣ не было извѣстно, чтобы ненависть Нѣмцевъ до такой степени простиралась ко мнѣ, до какой она дѣйствительно простирается. Только молитвы преподобнаго Сергія защитили меня грѣшнаго. Иначе слишкомъ, слишкомъ худо хотѣли поступить со мною Нѣмцы. Господь да проститъ ихъ!»

Филаретъ, при его глубокой учености, стойкости, любознательности, ревности къ церкви и энергіи, былъ опасенъ для Нѣмцевъ и ихъ господства на окраинѣ Россіи. Ни одно обстоятельство, ни одинъ памятникъ, ни одна развалина не миновали его вниманія. Такъ, напр., послѣ поѣздки своей въ Венденъ, онъ пишетъ Горскому: «Недавно былъ я въ Венденѣ и тамъ видѣлъ копію со стариннаго плана, составленнаго не позже XVII в. Тамъ, близъ стѣны замка, въ городѣ показано Grund

der russischen Kirche *) и начертанъ планъ самой церкви. Теперь это мѣсто застроено обывательскими домами. Послѣ того я увидѣлъ, что въ одной Нѣмецкой поздней книжкѣ нѣмецъ пишетъ: «Преданіе (Sade) говоритъ, что въ Венденѣ была церковь Русская въ XIV вѣкѣ. Со всею вѣроятностію, или точнѣе съ несомнѣнностію должно положить, что при Магнусѣ или при Іоаннѣ Грозномъ была здѣсь церковь для жены Магнуса и племянницы (если не ошибаюсь) Грознаго». Плодомъ подобныхъ наблюденій явилась черезъ годъ въ Іюньской книжкѣ «Москвитянина» (1843 г.) статья Филарета: «Откуда коренные жители Лифляндіи получили христіанство, съ Востока или Запада?» Эта статья не могла укрыться отъ Нѣмцевъ и дала понять, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло.

Любознательность Филарета не ограничивалась предѣлами его епархіи. Какъ ревнитель церкви вообще, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного явленія ея жизни, ни одного пережитаго ею случая. Такъ, посѣтивъ Вильну по поводу воссоединенія униатовъ, онъ пишетъ, что вѣдиль «раздѣлять торжество православія надъ властію папизма». «Да, надобно дивиться, какъ тому, что прежде было въ Вильнѣ, такъ и тому, что происходитъ теперь. Знаете ли, въ какомъ положеніи было православіе въ Вильнѣ въ XVII-мъ вѣкѣ и въ какомъ въ началѣ XIX-го? Сохранилась старая карта Вильны XVII-го или XVIII-го в. По ней видно, что въ Вильнѣ было 15 православныхъ церквей. А что засталъ XIX-й вѣкъ? Въ его началѣ оставался только одинъ Духовъ монастырь и въ немъ настоятель безъ братіи. Странно; въ высшей степени странно! Въ настоящее время дѣла приняли обратный путь: православіе распространяется, а папство стѣсняется въ предѣлахъ».

Приведемъ сужденіе Филарета о протестантствѣ, чтобъ болѣе освѣтить его дѣятельность на пользу православной церкви и отношенія къ нему Нѣмцевъ. «Пройдите мыслию исторію протестантизма до настоящаго времени. Съ чего начался онъ, и на чемъ теперь остановился? Лютеръ требовалъ, чтобы каждый былъ судьей и при чтеніи Писанія и при обзорѣннн положенія души своей. Онъ потребовалъ, чтобы жила мысль. И вмѣстѣ съ тѣмъ выразилось требованіе, чтобы довѣрчивость чувства

*) Основаніе Русской церкви.

другимъ, смиренная покорность опытности блаженствующихъ на небѣ были брошены. Его послушались. Послушались, потому что требованіе льстило самолюбію. Чего же лучше для самолюбія, какъ когда говорятъ: живи по своему усмотрѣнію? Его послушались. И что же потомъ, что же наконецъ нынѣ? Сначала еще было въ движеніи чувство (нельзя вдругъ убить его въ себѣ): жизнь борется сама по себѣ со смертію, на что бы ни обратилась смерть. Сначала много было огня и въ словахъ, и въ дѣлахъ, хотя болѣе это былъ огонь воображенія, возбужденнаго самолюбіемъ, чѣмъ искренняго, благочестиваго чувства. Потомъ чувство становилось слабѣе и слабѣе. Отъ чего? Отъ того, что сильнѣе и сильнѣе начала дѣйствовать мысль. Прошло три вѣка послѣ Лютера, и чѣмъ же стало его христіанское общества? Движущеюся мыслию, по съ смертвѣннимъ для Господа чувствомъ».

Московская академія либовала: до нея дошелъ слухъ; что Филаретъ получилъ высочайшую благодарность за его дѣйствія. Все, что писалъ Горскому Филаретъ, читалось всею академіею, и близко принимались ею скорби бывшаго ея начальника. Филаретъ извѣщалъ своего друга: «Не писалъ я, потому что не могъ писать. Это секретныя бумаги; здѣсь о нихъ извѣстно только мнѣ, и теперь пишу не безъ опасеній. Не понимаю, какъ узнали о всемъ въ Москвѣ; но какъ украсили действительность! Повторяю, грѣшный, что благодареніе Господу и за сіи милости, которыхъ недостойнъ. Милость для меня тѣмъ болѣе ощутительна, что ждалъ я не того, а уже искалъ, сильно искалъ мыслию уголокъ, гдѣ бы укрыться для совершеннаго уединенія. Если бы знали здѣшніе друзья мои, что знаютъ въ Москвѣ, то задали бы мнѣ звону. Ты не можешь, другъ мой, представить, какъ много нужно здѣсь имѣть предосторожностей и опасеній! Каждый шагъ замѣчаютъ, слова записываютъ; записываютъ и то, когда и какъ былъ я у кого-либо изъ здѣшнихъ знаменитостей. Такъ и надобно, другъ мой. Когда самъ я такъ небрежно, такъ безпечно живу, такъ трачу время, не думая на что трачу и для чего дано оно: необходимо, чтобы другіе замѣчали и давали мнѣ знать о моей безпечности. О, какъ милостивъ Господь и щедръ къ такому мерзавцу, какъ я!»

Между тѣмъ вскорѣ генералъ-губернаторъ б. Паленъ былъ вызванъ въ Петербургъ. «Здѣсь что-то необыкновенное готовится», писалъ Филаретъ; «а что именно не могу рассказать. Дѣла кипятъ тамъ, въ Петербургѣ. О, Господи, соверши потребное для славы святаго имени Твоего!» Бывшій Рижскій епископъ Иринархъ вызванъ изъ Воронежа въ Петербургъ и почтенъ благоволеніемъ. Изъ Петербурга доносился слухъ, что ему, въ присутствіи Государя, будетъ дана очная ставка съ военнымъ губернаторомъ. «Время самое критическое», замѣчаетъ Филаретъ. Что же вызвало такую перемѣну?

Мѣсто графа Строганова, какъ мы знаемъ, занялъ Перовскій. Онъ взглянулъ на дѣло Латышей во всю ширь и глубь ея. Разсмотрѣвъ вышеупомянутое слѣдствіе, онъ доложилъ Государю, что обвиненія священника Емельянова и вообще всѣ обвиненія духовенства выдуманы, а дѣйствія мѣстнаго Лифляндскаго начальства пристрастны. Оберъ-прокуроръ Св. Синода сталъ дѣйствовать тогда уже смѣлѣе. Послѣ доклада Перовскаго онъ испросилъ соизволенія Государя на исполненіе прежде состоявшагося постановленія Св. Синода относительно порядка въ присоединеніи Латышей. Утвердивъ это постановленіе, Государь повелѣлъ учредить богослуженіе для Латышей и Эстовъ на ихъ природномъ языкѣ. Барону Палену трудно было путемъ извращеній удержать положеніе дѣлъ въ прежнемъ видѣ. Перовскій съ настойчивостію, достойною государственнаго мужа и патріота, избличалъ неправду. Баронъ Паленъ не имѣлъ уже поддержки: всесильный графъ Бенкендорфъ, который такъ усердно ему содѣйствовалъ, отошелъ въ вѣчность *). Вѣсть объ его кончинѣ (12 Сент. 1844) наводитъ Филарета на слѣдующія размышленія: «Благословеніе Божіе нужнѣе всего на свѣтѣ. Съ нимъ надобно жить и за гробомъ. Безъ него худо и на землѣ. Люди съ сильнымъ умомъ возвышаются надъ временемъ, обращаютъ на себя взоръ потомства.

*) На возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ свой Фалль, Государь, нѣкогда вѣрившій ему безгранично, видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ въ Магдебургѣ, во время своего проѣзда въ Англію, весною 1844 г. Самъ графъ Бенкендорфъ получалъ невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и этимъ объясняется остуда къ нему Государя. П. Б.

Много говорятъ о нихъ, говорятъ съ энтузіазмомъ, надѣляютъ ихъ множествомъ именъ громкихъ; но если это только дѣло человѣка, если сильный умъ живетъ только съ собою и собою, какъ грустно величіе его! Сарказмъ, ѣдкій сарказмъ — величіе его. Чѣмъ тамъ онъ теперь, великій земли? О немъ здѣсь громко говорятъ; но громкая слава земли не составляетъ ли для него тяжкихъ ударовъ? ~~Вѣрите ли вы~~ Вѣрите ли вы тому, что за тысячу верстъ душа можетъ ощущать, что ее трогаютъ, ~~ее~~ толбають движенія чувствъ людскихъ? Да, бываетъ, что въ душѣ отдается голосъ людской, издающійся за тысячу верстъ отъ меня. Что же? Если здѣсь есть связь между душами, почему же не быть и тамъ? А это неотрадная дѣйствительность для души, пользующейся незаконною землею славою! Правда Божія строга. Каждому отдаетъ свое, отдаетъ до послѣдней мортки *). Нищъ и убогъ я, какъ никто другой! Сорокъ лѣтъ на землѣ; а что готоваго для вѣчности?»

Графа Бенкендорфа замѣнилъ Русскій человѣкъ графъ Орловъ. И вотъ Л. А. Перовскому совмѣстно съ нимъ удалось добиться удаленія барона Палена и назначенія на его мѣсто Е. А. Головина. Эта перемѣна заставила призадуматься всю нѣмецкую партію. Барона Палена почитали настолько прочнымъ, что объ удаленіи его и въ мысли никому не приходило. А тутъ еще замѣстили его Русскимъ, по крайней мѣрѣ человѣкомъ съ Русскимъ именемъ. Мало того, Государь Николай Павловичъ сказалъ рѣшительное слово, безповоротно свою волю, ободрившую всѣхъ присоединенныхъ: желающимъ присоединиться къ православію, безпрепятственно вступать въ нѣдра св. церкви. Дворянскимъ депутатамъ Лифляндіи Государь сказалъ, что онъ, «самъ, принадлежа къ православію, не можетъ и не долженъ запретить свободный переходъ въ господствующую церковь». Онъ выразилъ имъ непремѣнную волю «заняться улучшеніемъ быта крестьянъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщая генералъ-губернатору о волѣ Государя Императора, обратилъ его вниманіе на притѣсненія помѣщиками и протестантскимъ духовенствомъ крестьянъ, присоединившихся къ православію, и сообщилъ резо-

*) Мортка — самая древняя малая монета.

люцію Его Величества: «Глядѣть въ оба глаза, новаго не затѣвать и слѣпо держаться данныхъ мною разрѣшеній на всѣ случаи, а съ неповинующимися моею волѣ, *кто бы ни былъ*, поступать какъ съ бунтовщиками. Аминь».

При такихъ добрыхъ знаменіяхъ началось новое движеніе къ присоединенію въ 1845 году. Но увы, всѣ эти надежды разлетѣлись прахомъ. Генералъ-губернаторъ Головинъ оказался очень слабымъ. Дѣло присоединенія не могло встрѣчать его энергической поддержки, потому что онъ сохранялъ убѣжденіе въ возможно-скорой *перемѣнѣ* системы и мнѣнія самого Государя. Военный министръ, графъ Чернышовъ, чтобы подставить ногу Перовскому, старался, во что ни стало, вредить его плапамъ въ Лифляндіи. Многіе изъ состоявшихъ при Головинѣ отличались полнымъ равнодушіемъ къ этому дѣлу, если не сказать болѣе. Чуть ли ни единственнымъ человѣкомъ, горячо преданнымъ церкви и Русскому дѣлу, былъ графъ Д. Н. Толстой, съ которымъ сошелся преосвященный и сохранилъ добрыя отношенія до смерти.

По прибытіи въ Ригу Филаретъ нашелъ дѣло православія почти погибшимъ. Изъ обращенныхъ въ апостольское служеніе Иринарха болѣе половины отпало. Филаретъ писалъ, между прочимъ, графу Протасову: «Надобно сожалѣть, что помѣщики сильно обезпечены желаніемъ крестьянъ присоединиться къ св. православію. Тревоги пасторовъ естественны, хотя нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до изступленныхъ выходокъ противъ православія. Въ искреннихъ разговорахъ въ Ригѣ помѣщики сознавались, что собственно не ослабленіе лютеранства занимаетъ ихъ, но они боятся только того, что а) при православныхъ священникахъ они не будутъ имѣть той безотчетной власти надъ крестьянами, какую имѣли при лютеранскихъ пасторахъ, и б) что имъ вообще хочется удержать въ Лифляндіи дѣла *въ отдѣльномъ видѣ отъ Россіи и не допускать въ нее ничего Русскаго*».

Какъ Русскій человѣкъ, Филаретъ желалъ успѣха дѣлу Русскому. Такъ напримѣръ, когда начали выходить при Московской духовной академіи «Творенія Святыхъ Отцовъ», онъ писалъ Горскому: «Объявленіе

о вашемъ журналѣ будетъ разослано по Лифляндіи. Пусть колбасники не чванятся. Ахъ, простите за жесткое слово!» Профессору академіи П. С. Делицыну: «Печатайте, печатайте акты о дѣятельности великаго Ломоносова, великаго Русскаго человѣка. Надобно, чтобы Россія знала этого человѣка; особенно же пужно, чтобы знали его Нѣмцы и умѣрили свою глупую кичливость предъ Русскими. Пусть были у него свои слабости; но для Русской души дороги и слабости Русскія, не потому только, что онѣ наши, но и потому, что Русскій по этимъ слабостямъ можетъ научиться, какъ отклонять свои слабости. Пора быть намъ учителями себѣ самимъ, а не слушать съ разинутымъ ртомъ, что болтаетъ Нѣмецъ или Французъ. Извините, что говорю Русскимъ языкомъ. И однако прибавлю, что страшно, отъ чего только Нѣмцы и Чухны въ Академіи, а нѣтъ Мордвы и Чуваншъ?» Или вотъ, напримѣръ, отзывъ его о статьѣ архимандрита Іосифа. Указавъ на нѣкоторыя недостатки ея, онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Кто писалъ статью о церкви? Она основательна; это не то, что Французскій кисель».

Ревности Филарета не могла удовлетворить забота о сбереженіи оставшагося православія. Зная хорошо исторію, понимая, насколько несправедливы и противны политическимъ видамъ отечества притязанія бароновъ, онъ пламенно желалъ поставить дѣло присоединенія прочно, оградить отъ козней враговъ, предвидѣлъ торжество церкви и коренное сліяніе края съ обширною Россіей. Для выполненія этой задачи онъ признавалъ необходимымъ установить такую программу:

- 1) Распредѣлить приходы и соорудить церкви.
- 2) Чтобы привязать новыхъ членовъ къ церкви, назначать священниковъ изъ ихъ среды; но такъ какъ для этого пужна подготовка, то
- 3) учредить духовное училище.
- 4) Съ цѣлію привязать къ церкви доставленіемъ духовнаго утѣшенія въ общественной молитвѣ, ввести богослуженіе на природномъ языкѣ новообращеннымъ, и съ сею цѣлію
- 5) готовить пастырей, знающихъ Латышскій языкъ.
- 6) Озаботиться объ образованіи народа въ духѣ Русскаго православія, для чего взамѣнъ лютеранскихъ школъ открыть церковно-приходскія.
- 7) Облегчить переходъ въ православіе;
- 8) для сей цѣли поднять уровень мѣстнаго духовенства привлеченіемъ къ

этому служенію людей съ высшимъ образованіемъ, академиковъ, для чего 9) обезпечить содержаніе духовенства; 10) съ тою же цѣлю оградить населеніе отъ преслѣдованій и притязаній бароновъ и пасторовъ; 11) чтобы поднять въ глазахъ населенія православіе, защищать его всѣми силами отъ порицаній и оскорбленій со стороны протестантовъ.

И вотъ какъ выполнялась имъ эта программа

По первому пункту.

Филаретъ составилъ распредѣленіе церквей и приходовъ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, вопросъ о разграниченіи приходовъ, назначеніи мѣстъ для церквей и школъ разрѣшался по соглашенію генераль-губернатора съ архіереемъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Синявинымъ, командированнымъ въ Ригу по представленію Перовскаго. Въ совѣщаніи рѣшили послать двухъ священниковъ съ двумя чиновниками для личнаго обзора и соглашенія съ помѣщиками и арендаторами. Командированы были Потуловъ и Шишмаревъ, оба неопытные, только-что изъ флота. Филаретъ, предвидя, что бароны, давъ согласіе на словахъ о постройкѣ на ихъ землѣ церкви или школы, могутъ потомъ отречься отъ обѣщанія (черезъ что дѣло будетъ тянуться безъ исполненія), настаивалъ, чтобы о согласіи каждаго помѣщика чиновники составляли протоколы. Мало еще посвященный въ мѣстную казунстику, Синявинъ былъ противъ этого предложенія; однако Филарету удалось поставить на своемъ. Предложеніе его было внесено такимъ образомъ въ инструкцію. «Архіерей упрямится», замѣчаетъ графъ Д. Н. Толстой. «Я думаю, впрочемъ, что епископъ правъ: иначе поѣздки будутъ бесполезны».

Еще въ 1844 году дозволено было открыть православную церковь въ Виндавѣ. Но чего это стоило! Филаретъ представилъ Синоду о необходимости устроить православную церковь въ Виндавскомъ замкѣ, гдѣ была лютеранская церковь, для которой выстроено новое зданіе. Необходимость оны мотивировалъ отдаленностію Либавской церкви (30 верстъ). Баронъ Паленъ писалъ и Филарету, и графу Протасову, и Перовскому, что этого исполнить вовсе невозможно, потому что всѣ части замка за-

няты, при чемъ представилъ отзывъ строительной комиссіи, въ которомъ говорится, что еслибъ и не былъ занятъ замокъ, то церкви потому нельзя устроить, что 1) замокъ расположенъ близъ гавани, отъ чего неминуемо можетъ происходить замѣнательство во время отправленія божественной литургіи (какая забота о благочиніи служенія въ православной церкви!); 2) помѣщеніе, предполагаемое для церкви, проходитъ черезъ два этажа, и къ нему непосредственно примыкаютъ конюшня и тюрьма, въ которой по полицейскому порядку должны производиться, и въ воскресные, и въ праздничные дни, во время самой литургіи, полицейскія взысканія (здѣсь забота о возбраненіи въ воскресные и праздничные дни совершать экзекуціи не прилагалась); 3) самая конструкція замка не дозволяетъ поставить алтарь съ иконостасомъ такъ, чтобы они могли быть видны всѣмъ молящимся. Но Перовскій не ограничился этимъ сообщеніемъ, а потребовалъ планъ замка. Разсмотрѣвъ планъ, Перовскій нашелъ, что присутственныя мѣста такъ просторно размѣщены въ замкѣ, что безъ стѣсненія можно очистить помѣщеніе для церкви. Онъ счелъ даже возможнымъ помѣстить церковь, гдѣ предлагалъ архіерей, и устранить неудобства, кои указаны комиссіей, уничтоженіемъ конюшни и воспрещеніемъ въ праздничные дни во время литургіи производить наказанія въ тюрьмѣ. Перовскій мысль свою сообщилъ графу Протасову, который доложилъ Государю. Этотъ докладъ вселилъ сомнѣніе въ Государѣ на счетъ чистоты дѣйствій барона Палена. Весьма вѣроятно, что графъ Протасовъ одновременно доложилъ и письмо Филарета, въ которомъ излагалось, какъ гауптманъ Ренне, возвратившись изъ Митавы, разсказывалъ, что губернаторъ обѣщалъ настоять, чтобъ православная церковь не была устроена въ замкѣ, гдѣ онъ жилъ, а въ особомъ безобразномъ домѣ, окруженномъ корчмами, что и будетъ сдѣлано, несмотря на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Государь по докладу графа Протасова приказалъ исполнить, что очень озадачило всю Нѣмецкую партію съ барономъ Паленомъ во главѣ.

Противодѣйствіе устройству церковей доходило до того, что полковника Пистолькорса, построившаго на своей мызѣ церковь, оштрафовали за такую измѣну протестантству 50-ю рублями.

Генераль-губернаторъ Головинъ, посѣтивъ Аренсбургъ и найдя тамъ церковь въ полуразрушенномъ видѣ, изъявилъ Филарету готовность войти съ представленіемъ о ея исправленіи. Подождая до осени 1845 года, Филаретъ сообщилъ запискою о состояніи церкви графу Протасову, указывая, что ее придется запечатать. Какъ видно, генераль-губернаторъ хотѣлъ успокоить Филарета своимъ вызовомъ, а тѣмъ временемъ церковь по ветхости могла быть закрыта. Слѣдившій за всею, что касалось православія, Филаретъ не позволялъ себя убаюкивать обѣщаніями, а, пождавъ нѣкоторое время, самъ принялся за дѣло, хотя дѣло это, при неувольствіяхъ военнаго министра съ Перовскимъ, трудно было двинуть впередъ, такъ какъ церковь Аренсбургская состояла въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

Еще въ первый годъ Филаретъ убогую свою и тѣсную домовую церковь расширилъ и привелъ въ благолѣпный видъ. Онъ мечталъ устроить, по совѣту своего преемника по академіи ректора Евсевія, монастырь и утѣшалъ, что «Богъ дастъ заведутся монахи». Хотя этого ему не удалось устроить, но, получивъ для архіерейскаго загороднаго дома отъ одного жертвователя, потомственнаго почетнаго гражданина, Ивана Александровича Комарова, дачу Эйхенбергъ (дубовая гора, гдѣ и нынѣ есть дубы величественныхъ размѣровъ), онъ устроилъ тамъ что-то въ родѣ скита, съ церковью во имя Рождества Юанна Предтечи.

Всего болѣе заботило Филарета то, что разбросанная паства его, не имѣя церквей и священниковъ, лишена была утѣшенія молиться въ храмѣ и возможности удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ, черезъ что самое познавать глубже и укрѣпляться въ новой вѣрѣ. Филаретъ хлопоталъ о сооруженіи церквей. Но хотя и выдача была на этотъ предметъ сумма изъ государственнаго казначейства, но на сооруженіе нужно время. Къ томъ же потребность въ церквахъ возрастала по мѣрѣ распространенія православія среди Латышей. Филаретъ ходатайствовалъ о сооруженіи временныхъ церквей. Государь разрѣшилъ и этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Еще въ 1843 г., выѣзжая обозрѣть епархію, Филаретъ въ немногихъ словахъ выражаетъ ея состояніе: «Я нынѣ собираюсь въ путь,

странствовать по Нѣмецкой Лифляндіи, чтобы отыскивать бѣдное православіе, кроющееся въ ея углахъ, какъ птичку въ грозную бурю». О томъ же пишетъ графъ Д. Н. Толстой: «Положеніе вновь присоединившихся жалкое. Ихъ уже 12 тысячъ, разсѣянныхъ по цѣлой Лифляндіи. Не имѣя никакой компактной связи, а слѣдовательно и никакой силы, они подвергаются всякаго рода лишеніямъ. Нищета и голодъ ихъ преслѣдуютъ, и никто не только не хочетъ, но и не смѣетъ подать руку помощи. Они умираютъ—имъ отказываютъ въ могилахъ. Приказано впредь до отвода мѣсть для кладбищъ хоронить на лютеранскихъ; пасторы противятся. Сегодня писали губернатору, чтобъ настояль на дознаніи. Жалко! Никто, ни даже за высокую плату, не хотѣлъ уступать помѣщенія для храма Божія. Хотя бы ненужная развалина, и ту нельзя было пріобрѣсти для этой цѣли».

По открытіи богослуженія на Латышскомъ языкѣ въ Покровской церкви, Филаретъ, паходя ея неудобною, ходатайствовалъ о сооруженіи особаго храма. По своему правилу излагать дѣло съ полною ясностію, дабы ни въ чемъ не встрѣтить отпора, онъ и настоящее ходатайство обставилъ самыми вѣскими доводами. Такъ онъ писалъ графу Протасову: «О Рижской Латышской церкви необходимо войти въ новое разсмотрѣніе. а) Кладбищенская Покровская церковь находится за городомъ, въ концѣ Петербургскаго кладбища; вблизи сей церкви очень мало жилищъ, отъ центра города она верстахъ въ пяти; носему инымъ изъ православныхъ Латышей приходится ходить къ ней версть за 8 и 9, ни одному же не ближе трехъ верствъ. Это и въ теплое время тяжело, но зимою для иныхъ невозможно. б) Покровская церковь холодная; а теплою, при ея ветхости и устройству съ куноломъ, трудно сдѣлать. в) Эта отдаленность Покровской церкви и неудобство ея для зимы выставляется нѣкоторыми изъ Латышей причиною того, что они и доселѣ не рѣшаются присоединиться къ православію мурномазаніемъ и изъявляютъ готовность принадлежать къ православію, коль скоро назначенъ будетъ удобный храмъ. Эти неудобства были въ виду и тогда, какъ происходило дѣло о назначеніи церкви для Латышкаго богослуженія; но другаго ничего нельзя было сдѣлать». Указавъ, почему ни одна изъ го-

родскихъ церквей не можетъ быть уступлена для Латышскаго богослуженія, Филаретъ признаетъ необходимымъ устроить особую церковь для Латышей и указываетъ мѣсто — на форштадтѣ, какъ болѣе населенномъ Латышами. Но какъ на форштадтѣ по закону о крѣпостяхъ каменныя постройки возводить воспрещается, онъ предлагаетъ перевести переданную въ его вѣдѣніе деревянную госпитальную церковь, на что полагаетъ достаточно употребить 1000 р. сер. При этомъ, предвидя разныя возраженія, Филаретъ объясняетъ: «Лютеранскіе горожане, какъ извѣстно, готовы спорить за мѣсто, гдѣ бы надлежало поставить православную церковь; говорятъ, что они сами поставятъ тамъ лютеранскую кирху, въ которой имѣютъ нужду. Но въ этомъ болѣе упорства противъ православія, чѣмъ нужды для лютеранства. Для кирхи можетъ быть отвѣдено другое мѣсто; городу принадлежитъ не только вся земля, занимаемая городомъ и форштадтами, но и въ окрестности на 10 версть. Между тѣмъ мѣсто, гдѣ пужно было поставить православную церковь и прежде было подъ православною церковью; только послѣ пожара 1812 года поставлена Александровская (прежде Живописнаго Источника) на другомъ мѣстѣ. Что касается до опасенія, не стали бы Латыши считать своей церкви какою-то особою отъ православною, если они будутъ имѣть особый молитвенный храмъ, то: а) все, что доселѣ видно въ образѣ мыслей ихъ, не подтверждаетъ сего опасенія. Они сперва сильно желали, чтобы имъ дозволено было сидѣть на скамейкахъ въ храмѣ; для старыхъ и слабыхъ по списхожденію дозволено было поставить по скамейкѣ около стѣны. Но теперь они сами вынесли эти скамейки и говорятъ, что передъ Господомъ точно приличнѣе стоять, чѣмъ сидѣть. Объ органѣ теперь уже ни слова. Они вообще полюбили всѣ православныя обряды и не находятъ въ своемъ прежнемъ ничего лучшаго. Очень рады и молитвословію надъ рождающимися младенцами, и крещенію ихъ, и погребенію мертвыхъ. Единственное, что изъ прежняго они удерживаютъ, это пѣніе своихъ молитвъ въ вечерню, иногда въ утреню. Но это необходимо потерпѣть даже и потому, что изъ православною службы такъ мало еще переведено на Латышскій языкъ. б) Латыши вовсе не чуждаются того, что православныя, знающіе Латышскій языкъ, раздѣ-

ляють съ ними моленіе. Русскіе православные, съ своей стороны, стали бы чаще чѣмъ теперь посѣщать Латышское богослуженіе, когда была бы церковь на предполагаемомъ мѣстѣ: тогда близко было бы ходить въ храмъ. Ничто не препятствовало бы и тогда поставить въ правило, чтобы въ сей церкви совершалось богослуженіе какъ на Латышскомъ, такъ и на Славянскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ Рижскихъ Латышей хорошо знаютъ Русскій языкъ и могутъ понимать Славянскую службу». Нѣтъ сомнѣнія, что такія обстоятельныя записки, знакомя хорошо оберъ-прокурора съ дѣломъ, облегчали ему и доклады его Государю, а чрезъ то возвышали значеніе самого Филарета въ глазахъ графа Протасова..

Вопреки безучастію и сопротивленію мѣстныхъ властей, Филаретъ открылъ 63 прихода изъ новоприсоединенныхъ, устроилъ 20 постоянныхъ церквей и 43 временныхъ, изъ коихъ 9 въ домахъ военнаго поста. «Боголюбивый графъ!» писалъ онъ графу Д. Н. Толстому, 23 Апрѣля 1847 г., «виждь писаніе нѣкоего боголюбца и добролюбца, усердствующа совершити приношеніе св. храму православныя наша вѣры, да азъ какожде разсужду дѣло его, нѣсть благо лично ми. Прошу же и молю боголюбивую ти душу, да еще возможны, примени на ся дѣло и разсудиши право. О семъ молишь твою свѣтлость недостойный молитвенникъ, убогій Филаретъ епископъ.»

По второму пункту.

Филаретъ понималъ, что для утвержденія церкви необходимо дать Латышамъ своихъ священниковъ изъ людей болѣе просвѣщенныхъ между ними. Такъ, въ Мартѣ 1845 г., присоединивъ Давида Баллода, онъ сначала рукоположилъ его во діакона, а 10-го Февраля 1846 г. опредѣлилъ священникомъ Лаудонской Предтеченской церкви. Баллодъ пользовался извѣстностью среди Латышей, и за нимъ цѣлыя поселенія готовы были перейти въ православіе. Предупреждая такую возможность, интрига успѣла вызвать распоряженіе мѣстнаго начальства, что-бы священники не иначе объѣзжали приходъ свой для выполненія требъ, какъ

въ сопровожденіи чиновника. Если принять въ соображеніе, что Лифляндскіе поселяне живутъ хуторами въ одинъ и три двора, то такое распоряженіе было равносильно обреченію священника не выходить изъ своего дома. Къ тому же изъ чиновниковъ генераль-губернатора, замѣчаетъ графъ Толстой, «трое въ командировкѣ, двое при постоянной обязанности неотлучны оставались; а присоединившихся до 14 тыс. душъ. Сколько умирающихъ, требующихъ послѣднихъ утѣшеній религіи! А священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнять долгъ свой, долженъ посылать въ Ригу за чиновникомъ». Какою болью отзывалось это въ серцѣ Филарета! «Да, Московскіе святители отвергли меня, какъ недостойнаго. Такъ надобно по грѣхамъ моимъ», писалъ онъ.

По третьему пункту.

Назначеніе пастырей изъ среды Латышей, безъ подготовки ихъ, могло удовлетворить, и то отчасти, настоятельной нуждѣ; но надлежало озаботиться о предоставленіи возможности Латышамъ имѣть своихъ пастырей болѣе просвѣщенныхъ, знающихъ дѣло не только по духу, но и по разуму. И Филаретъ, вскорѣ по прибытіи, возбудилъ ходатайство объ открытіи духовнаго училища. Уже 11-го Декабря 1842 г. онъ сообщалъ Горскому объ исполненіи его представленія по этому предмету. «Благодареніе Господу! Учители еще не пріѣхали, но ученики почти всѣ здѣсь; остались послѣ вакаціи въ надеждѣ». И какъ онъ торопился этимъ дѣломъ! Чтобы ускорить открытіе, заручившись, вѣроятно, обѣщаніемъ разрѣшить его ходатайство объ училищѣ, онъ удержалъ мальчиковъ. Многіе изъ нихъ, въ особенности лишившіеся родителей во время гоненій, были принимаемы на казенный счетъ.

По четвертому пункту.

На докладъ графа Протасова, 12-го Марта 1844 года о желающихъ присоединиться, Государь добавилъ, чтобы «богослуженіе совершалось на Латышскомъ языкѣ, для чего нѣтъ необходимости строить

особую церковь, а совершать богослужение можно в одной изъ Рижскихъ православныхъ церквей». Мѣра эта имѣла благодѣтельное послѣдствіе. Филаретъ немедленно занялся переводомъ богослужебныхъ книгъ на Латышскій языкъ. Онъ поручилъ это лицу свѣдующему, Михайлову, пользовавшемуся уваженіемъ, а затѣмъ посвятилъ его въ священники. 21-го Апрѣля 1845 г. Филаретъ торжественно присоединилъ десять Латышей изъ Герингутерскаго общества, а на Фоминой недѣлѣ въ Покровской церкви открылъ богослужение на Латышскомъ языкѣ. Совершалъ о. Яковъ Михайловъ, чтецами были новообращенные Карлъ Эрнестъ и Баллодъ, а пѣли пѣвчіе архіерейскаго хора, знавшіе полатышски. Впечатлѣніе было невыразимое. Церковь не могла вмѣстить приходящихъ. И присоединившіеся, и Нѣмцы, знающіе Латышскій языкъ, шли въ эту церковь. Свидѣтельствуютъ, что послѣ этого движеніе Латышей къ православію было такъ сильно, понеслось такою широкою волною, что захватывало даже Рижскихъ раскольниковъ, которые до того, совокупно съ Нѣмцами, дѣйствовали противъ православія.

Филарету приходилось вводить эту мѣру съ осмотрительностію, потому что противодѣйствіе мѣстныхъ властей было сильное. Такъ писалъ онъ графу Протасову: «Относительно Латышскаго богослуженія въ Венденѣ, которое непостоянно открывается тамъ, надобно имѣть въ виду еще и положеніе обстоятельствъ въ Венденѣ. Епископу давно было извѣстно, что въ Венденѣ не любятъ Латышскаго православнаго служенія. На мѣстѣ, во время освященія храма, это было видно еще болѣе. Епископа не разъ и съ жаромъ вызывалъ графъ С... къ отвѣтамъ на вопросы: «Зачѣмъ Лютеранъ хотять дѣлать православными? Зачѣмъ не обращаютъ ревности на Жидовъ и Магометанъ?» и пр. Епископъ долго и со всею любовію старался утишать смущеніе разсужденіями и на послѣдній вопросъ вынужденъ былъ, наконецъ, сказать: «Ваше с—во, всѣхъ Евреевъ предоставляю вашимъ пасторамъ». При такомъ расположеніи Вендена, для епископа представилось лучшимъ дѣломъ «сперва ввести одно Славянское богослуженіе, а по времени, когда благоразуміе будетъ заступать мѣсто смущенія, открыть и Латышское, чтò и имѣть быть съ прибытіемъ дѣйствительныхъ священника и діаконовъ въ Венденъ».

По пятому пункту.

Одного духовнаго училища была недостаточно, чтобы удовлетворить потребности въ священнослужителяхъ. Во первыхъ, нѣсколько лѣтъ еще должно пройти прежде, чѣмъ дождаться перваго выпуска. Во вторыхъ, сколько лѣтъ затѣмъ должно пройти прежде, чѣмъ нѣсколько выпускныхъ могли бы укомплектовать требуемый составъ духовенства. Между тѣмъ, по мѣрѣ распространенія православія среди Латышей, должна возникать потребность въ увеличеніи приходовъ. По этимъ соображеніямъ Филаретъ представилъ объ усиленіи преподаванія въ Псковской семинаріи Латышскаго и Эстонскаго языковъ. Представленіе его было уважено. Не ограничиваясь этимъ, онъ набиралъ въ священники кого могъ, изъ людей добронравныхъ и знающихъ Латышскій языкъ. Такъ онъ посвятилъ бывшаго бухгалтера въ имѣніи графа Шереметева, Михайлова, который зналъ, кромѣ Русскаго языка, языки Латышскій, Нѣмецкій и Французскій. Затѣмъ, онъ посвятилъ нѣкоторыхъ чиновниковъ испытанной нравственности, знавшихъ Латышскій языкъ, какъ напримѣръ, Павловскаго, учителя Трескина и многихъ другихъ, представляя о каждомъ изъ нихъ въ запискахъ оберъ-прокурору, въ которыхъ указывалъ на нравственную ихъ сторону.

Вмѣстѣ съ этимъ Филаретъ излагаетъ свое мнѣніе въ отвѣтъ на вопросы, такъ часто слышанные имъ и восходившіе, по всему вѣроятію, выше. «Люди, готовые судить о вѣщахъ, которыхъ не знаютъ и не въ состояніи знать, могутъ говорить и частію говорить: кѣмъ замѣнить православіе ученыхъ пасторовъ? На это отвѣтъ совѣсти такой: а) Пусть разсуждаютъ сколько угодно о своихъ дѣлахъ и не беспокоятся о дѣлахъ чужихъ; каждый за себя въ отвѣтъ передъ Богомъ и людьми. б) Православіе должно молить Господа, чтобы священники Его не были похожи на лютеранскихъ Лифляндскихъ пасторовъ, которыхъ паства бросаетъ какъ людей занятыхъ не паствою, а деньгами, суетностію и жизнію болѣе чѣмъ непорядочною. в) Рижскій епископъ, назначая извѣстныя лица къ должности священнической, уповасть о Господѣ, что эти лица не постыдятъ его ни предъ Богомъ, ни предъ людьми добрыми;

о судѣ же дурныхъ или недалководидныхъ людей не считаетъ нужнымъ заботиться. При выборѣ лицъ на должность священническую онъ прежде всего смотритъ на жизнь и христіанскій духъ выбираемыхъ. И въ этомъ онъ утверждается не только на повелѣніяхъ Слова Божія, но и на требованіяхъ новоприсоединяющихся къ православію. Тѣ, которые въ священникѣ Лифляндскихъ крестьянъ желаютъ видѣть прежде всего высокопарную Нѣмецкую ученость, слишкомъ мало знаютъ нужды здѣшнихъ крестьянъ и судятъ о дѣлѣ, какъ говорится, съ вѣтру, или что то же на манеръ Европейскихъ верхоглядовъ. Безжизненная, эгоистическая ученость лютеранскихъ пасторовъ слишкомъ уже надоѣла здѣшнимъ крестьянамъ, и они гнушаются ею. Имъ нуженъ священникъ полный любви христіанской, простой въ обращеніи, ласковый въ разговорѣ, дышащій благочестіемъ, готовый скорбѣть скорбями ихъ, радоваться радостями ихъ, молиться за нихъ вмѣсто нихъ. Они твердятъ теперь же: «Какъ это хорошо, что въ Русской службѣ молятся и за больныхъ, и за заключенныхъ въ тюрьмѣ, и за всѣхъ страждущихъ». Въ Рижской церкви діаконъ Давидъ читаетъ теперь каждое воскресенье служеніе-поученіе; но это не производитъ такого дѣйствія на простые сердца, какъ простые церковныя молитвы. Неразъ случалось слышать отъ присоединившихся: «вотъ теперь мы молимся за себя и за близкихъ сердцу; а то пасторы молились только за себя, когда только молились, а мы вовсе не молились; теперь мы молимся за Царя, благодѣтеля нашего, чего у насъ не бывало». Они рады теперь, когда священникъ поговоритъ съ ними о ихъ домашнемъ бытѣ; а если епископъ найдетъ время спросить у нихъ о чемъ-нибудь съ любовью, то бываютъ въ восторгѣ. Что касается до познаній, то епископъ смотритъ, чтобы въ священникѣ было ихъ не болѣе какъ столько, сколько нужно для крестьянскаго пастыря. Большаго искать—значитъ искать неразумнаго. А тѣ, которые предназначаются теперь для званія священническаго, всѣ имѣютъ такія познанія въ самой удовлетворительной мѣрѣ. Правда, они не всѣ могутъ дѣлать комплименты баронамъ, не всѣ могутъ шаркать погами по паркету, не обучены проводить время за картами съ помѣщиками, не играютъ на фортепіанахъ, не лепечутъ пофранцузски; но не стыдно ли

за тѣхъ, которые восхищаются такими качествами въ лютеранскихъ пасторахъ?»

Одновременно съ Филаретомъ подвизавшійся на пользу Русскаго дѣла въ Лифляндіи, графъ Д. Н. Толстой высказываетъ на счетъ духовенства для Латышей тѣже мысли, хотя къ тому положенію онъ приходитъ инымъ путемъ. «Вездѣ, гдѣ духовенство сообычно и соправно народу, религія тверда. Вотъ почему Русскій народъ столь привязанъ къ церкви; потому же и Нѣмцы вѣрны своей религіи: образованность ихъ и пасторовъ равна. Но не то съ Латышами; возрѣпія ихъ совершенно различны отъ взгляда пасторовъ, черезчуръ для нихъ образованныхъ. Духовенство смотритъ на нихъ не какъ на паству, а какъ на пастбище, на которомъ само пасется».

Записка Филарета, представленная графу Протасову, важна во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ она указываетъ на особенную дальновидность Филарета. Знакома мало свѣдущаго въ дѣлахъ церкви обер-прокурора съ тѣми понятіями и доводами, кои всего сильнѣе могутъ служить возраженіемъ противъ жалобъ на недостатокъ образованности православнаго духовенства въ сравненіи съ пасторами, онъ тѣмъ влагаетъ въ его руки оружіе противъ враговъ православія. Для него не было сомнѣнія въ томъ, что послѣдніе желаютъ пустить въ ходъ выказанныя мысли, чтобъ добиться въ высшей нашей сферѣ охлажденія къ дѣлу православія въ Лифляндіи. Во вторыхъ, записка эта даетъ понять, что положеніе Филарета въ Петербургѣ, такъ сказать, окрѣпло. Несомнѣнно, что удаленіе б. Палена облегчило нѣсколько положеніе Филарета; но надо было сверхъ того личными качествами купить себѣ довѣріе въ Петербургѣ, такъ какъ, съ переменною генералъ-губернатора, общій порядокъ дѣлъ въ Лифляндіи мало измѣнился къ лучшему; развѣ нѣсколько ослабѣла клевета на Филарета. Но зато при Суворовѣ вернулись для него и для православія времена б. Палена. Этотъ правитель, по словамъ одного современника, «славный именемъ предка, но не своими дѣяніями», былъ страшнымъ бичемъ православія. Въ третьихъ, записка знакомитъ насъ съ осмотрительностію Филарета въ выборѣ священни-

ковъ, такъ какъ ничто не могло столько поддержать значеніе церкви въ глазахъ простаго народа, какъ достойные ея пастыри.

Не ограничиваясь тщательнымъ выборомъ пастырей для молодой своей паствы, Филаретъ старался очистить церковь отъ тѣхъ пастырей, которые своимъ образомъ дѣйствій могли повредить православію. Отъ такихъ священниковъ просилъ Филаретъ «всесдушно и всепокорно» графа Протасова освободить Ригу, и безъ того страждущую разными болѣзнями, которыя надлежало врачевать; «иначе я», писалъ онъ, «не въ состояніи здѣсь ничего сдѣлать: надежда только на новыхъ сотрудниковъ» Но въ этомъ онъ встрѣчалъ значительный отпоръ со стороны своего епархіальнаго архіерея, Псковскаго архіепископа Наѳанайла. Человѣкъ старый, хилый, Наѳанайлъ легко поддавался интригѣ. Всякій священникъ, недовольный Филаретомъ, обращался подъ защиту епархіальнаго архіерея, стараясь снискать его расположеніе клеветою на своего пастыря и тѣхъ священниковъ, кои добросовѣстнымъ исполненіемъ своего дѣла снискали расположеніе Филарета. Доносы приписывались Наѳанайломъ безъ всякой провѣрки. Говорятъ, что Наѳанайлъ съ какимъ-то неудовольствіемъ смотрѣлъ на распространеніе православія между Латышами, опасаясь за свое значеніе. Мы не можемъ, конечно, судить, насколько это справедливо, и склонны предполагать здѣсь другую причину—старческую слабость. Какъ бы то ни было, но это производило разладъ между двумя архипастырями, затрудняя немало и безъ того стѣсненную дѣятельность Филарета. Особенно много горя принесъ ему протоіерей Кунинскій. Приведемъ его письмо, чтобы ознакомиться съ тѣми недостойными пріемами, къ которымъ прибѣгали для возстановленія епархіальнаго архіерея противъ его викарія. «Ходъ дѣла объ обращеніи къ православію Латышей и Чухонцевъ для меня, непосвященнаго въ таинства такого дѣла, былъ и есть тайна, проявлявшаяся отчасти кое-въ какихъ феноменахъ по обстоятельствамъ и ходу дѣлъ темныхъ, но нѣсколько освѣщавшихъ дѣло по догадкамъ. Притомъ все, что я могъ узнать, то сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ не въ то время, когда (если было тайно производимо какое сѣяніе) былъ посѣвъ, или полагалось основаніе для епархіальнаго удѣла, но позже. Не въ то время, потому что я 2-го Іюня,

когда о дѣлѣ распространенія православія не было никакихъ слуховъ, отправился въ отпускъ и возвратился на 25 число въ ночи, когда уже дѣло открылось и происходила секретная переписка генераль-губернатора и гражданскаго губернатора съ его преосвященствомъ. Если на дѣло обращенія Латышей и Чухонъ смотрѣть пынѣ не только какъ на предпріятіе распространить православіе въ здѣшнемъ краѣ, по возможности пользуясь свободнымъ расположеніемъ иновѣрцевъ къ православию вѣрѣ, *но какъ на предпріятіе положитъ основаніе новой епархіи*, то кажется такое предпріятіе *предупредило* происшедшее въ прошедшемъ году волненіе *тремя или четырьмя годами*. Ибо еще въ то время, когда бывшая униатская духовная коллегія заботилась о сближеніи унии съ древнимъ православіемъ и дѣло предвѣщало благоприятныя послѣдствія, Лукьянъ Анщенковъ *), служившій при особѣ его преосвященства, въ половинѣ 1838 года, говорилъ мнѣ положительно, что въ здѣшнемъ краѣ образуется особая епархія чрезъ присоединеніе униатовъ и что къ удѣлу Рижскаго викариатства присовокунятся губернія Виленская. Это я слыхалъ отъ Лукьяна неоднократно; но говорилъ ли онъ о томъ другимъ, того не знаю. Лукьянъ же человекъ незначительный, говорилъ вѣрно не свое: онъ, не знаю какъ, проразумѣвалъ многія тайны и оказывался провидцемъ многихъ обстоятельствъ».

Надобно замѣтить, что учрежденіе самостоятельной Лифляндской епархіи было собственною мыслью Государя Николая Павловича. Св. Синодъ, пожалуй, взглянулъ на дѣло болѣе узкимъ взглядомъ, измѣривъ его числомъ исповѣдующихъ православную вѣру, и въ отвѣтъ на мысль Государя представилъ объ учрежденіи лишь викариатства. Такой порядокъ, какъ внослѣдствіи оказалось, ставилъ много препятствій и затрудненій въ веденіи дѣла. Можетъ быть, преосвященный Иринархъ и высказывалъ свой взглядъ въ даншомъ случаѣ, такъ какъ невыгода отъ установленнаго порядка, при его апостольскомъ служеніи, отзывалась весьма чувствительно для дѣла. Но это былъ взглядъ, а отнюдь не планъ для дѣйствій.

*) Келейникъ преосвященнаго Иринарха.

Протоіерей Кунинскій шелъ далѣе въ своемъ письмѣ; онъ сообщалъ, какъ, во время голода, когда Латыши бродили толпами, ища себѣ помощи и защиты противъ помѣщиковъ, тотъ же Лукьянъ говорилъ ему: «Вотъ, о. протоіерей, вамъ случай получить отличіе! Вразумляли бы вы Латышей-то, чтобы они обратились къ православію, тогда Государь и просьбу-то ихъ уважилъ бы. Да ужели же здѣсь вѣчно быть викариатству? Кабы болѣе православныхъ, такъ владыка нашъ постарался бы учредить здѣсь особую епархію. Эта мысль не холопская», замѣчаетъ писавшій. Далѣе онъ налагаетъ тѣнь на священниковъ Михаила Заволоцкаго и Николая Фасанова, причемъ очень прозрачно сквозитъ зависть по поводу обѣщанной первому награды. Потомъ идетъ извѣтъ архіерея, что онъ вовремя всепощной службы, призвавъ къ себѣ дьякона Петра Попова, заставилъ писать у себя прошенія Латышей (отъ 136 семействъ) и обѣщалъ его поставить протопопомъ въ Латышскую церковь.

Не упустилъ упомянуть сочинитель этого доноса и о томъ, что священники Заволоцкій и Фасановъ часто бывають у архіерея, что все дѣло держится ими въ секретѣ и что вообще всеѣмъ служащимъ въ архіерейскомъ домѣ строго наказано не проговариваться и внушено заранѣе, что и какъ отвѣчать на вопросы.

Препровождая это письмо въ подлинникѣ къ митрополиту Серафиму, преосв. Навапайлъ писалъ ему, по вызовѣ Заволоцкаго и Фасанова въ Петербургъ: «Вмѣсто К. употреблены были въ дѣло находящіеся нынѣ въ С.-Петербургѣ священники Фасановъ и Заволоцкій. Черезъ нихъ-то, безъ сомнѣнія, внушена мысль Латышамъ объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ чрезъ присоединеніе къ Русской церкви. Такъ впоследствии сами объ этомъ открыто Латыши говорили (?). О ходѣ дѣла никто не зналъ, кромѣ священниковъ Фасанова и Заволоцкаго, кои часто приходили въ домъ преосвященнаго и въ квартирахъ своихъ имѣли совѣщанія. Между тѣмъ, однакоже, мѣстная полиція (это было въ послѣднихъ числахъ Юня), видя необыкновенное движеніе крестьянъ въ городѣ и замѣчая, что они особенно толпились около архіерейскаго дома и квартиры священника Заволоцкаго, принимала свои мѣры» и т. д. Письмо это, конечно, имѣло большое значеніе въ дѣлѣ Иринарха.

И вотъ, съ такимъ лицомъ, какъ протоіерей Куинскій, долженъ былъ служить Филаретъ! Вѣроятно, онъ узналъ о той роли, какую игралъ Куинскій въ дѣлѣ Иринарха. Впрочемъ, Куинскій успѣлъ уже показать себя и при Филаретѣ. Филаретъ настоятельно просилъ Наванаила объ увольненіи Куинскаго отъ должности члена правленія. Хотя Филарету и удалось добиться его увольненія, но все-таки онъ оставался въ Ригѣ, по возможности вредя православію. Наконецъ, Филаретъ въ Маѣ 1846 г. написалъ оберъ-прокурору: «Разъ уже просилъ я ваше сіятельство объ употребленіи содѣйствія вашего къ тому, чтобы протоіерей Куинскій выведенъ былъ изъ Риги. Теперь снова покорнѣйше прошу о томъ же, какъ объ одной изъ настоятельныхъ нуждъ здѣшняго мѣста. 1) Одно уже то, что Куинскій, по званію своему первый помощникъ епископу, не занимаетъ никакихъ должностей по управленію епархіальному, говоритъ, что этотъ человѣкъ совершенно ненуженъ для здѣшняго мѣста; и поелику онъ праздно занимаетъ мѣсто главнаго помощника въ епархіальномъ управленіи, которое съ пользою могъ бы занимать другое, то долженъ быть замѣщенъ другимъ способнымъ, съ выводомъ его съ праздно-занимаемаго мѣста. 2) Съ самаго пріѣзда моего въ Ригу увидѣлъ я въ Куинскомъ человѣка вздорливаго, неспособнаго ни съ кѣмъ ужиться, такъ что все священники, діаконы и причетники одинъ за другимъ приносили мнѣ на него жалобы въ оскорбленіяхъ, претерпѣваемыхъ отъ Куинскаго—тогда перваго члена правленія и благочиннаго. Положивъ за правило снисходить къ слабостямъ и побуждать благимъ зломъ, я старался водворять миръ лучшими увѣщаніями какъ оскорбляемымъ, такъ и оскорбляющимъ. Но вздорливость характера не смягчалась: напротивъ, въ дѣлахъ правленія оказывалась до того, что надобно было употреблять особенныя усилія къ сокращенію зла. Наконецъ, истощившись въ средствахъ и силахъ, я вынужденъ былъ просить высокопреосвященнѣйшаго Наванаила, чтобъ онъ удалилъ Куинскаго отъ участія въ правленіи». Указавъ затѣмъ на страсть къ сутяжничеству, денежные растраты и сокрытіе обстоятельствъ дѣла, на полное неповиновеніе распоряженіямъ Св. Синода, Филаретъ заключаетъ: «Наконецъ, пр. Куинскій въ послѣднее время началъ вступать въ тайныя сношенія съ

Нѣмецкою партією въ Ригѣ. Это поведеніе Кунинскаго по особеннымъ обстоятельствамъ края выставляетъ его совершенно-нестерпимымъ въ вѣдомствѣ Рижскаго епископа. Епископъ встрѣчаетъ множество непріятностей и чрезвычайныхъ затрудненій для дѣла православія со стороны Нѣмцевъ; но имѣть еще домашняго врага православію уже слишкомъ тяжело, такъ что если Кунинскій не будетъ выведенъ *безъ промедленія* *врсми* изъ Риги, пылѣншій епископъ едва ли найдетъ въ состояніи исполнять возложенное на него дѣло православія».

Такой рѣшительный тонъ письма свидѣтельствуетъ, что чаша терпѣнія для Филарета переполнилась. Въ прежнемъ своемъ представленіи онъ упоминалъ, что Кунинскій не явился къ нему, будучи вызванъ вслѣдствіе отношенія оберъ-прокурора съ сообщеніемъ Высочайшаго повелѣнія. «Я тогда прикрылъ грѣхъ его, ожидая исправленія», сознавался Филаретъ. А между тѣмъ въ то же время Наѳанайлъ въ письмѣ къ графу Протасову аттестовалъ Кунинскаго съ самой лучшей стороны. Вотъ какую борьбу приходилось выдерживать Филарету въ епархіальныхъ дѣлахъ своихъ съ людьми, которые должны были служить одной съ нимъ цѣли.

По шестому пункту.

Забываясь объ образованіи повопросвѣщенныхъ въ духѣ Русскаго православія, Филаретъ желалъ открыть церковно-приходскія школы. Онъ составилъ программу, которая и застряла въ кашчеларіи генераль-губернатора. Толкалъ во все дѣри Филаретъ прежде, чѣмъ дѣло доведено было до конца. «Не примете ли па себя трудъ похлопотать о введеніи въ дѣло правилъ обучающихся?» писалъ онъ графу Толстому. «Писалъ, писалъ, просилъ, просилъ, а дѣло не подвигается ни на пядь. Между тѣмъ, кресгьяне сильно скорбятъ, а враги смѣются. Пусть бы измѣнили положеніе, какъ хотятъ; но оставлять дѣло въ перѣшленномъ положеніи цѣлые годы и дѣло при такихъ обстоятельствахъ, каковы обстоятельства Лифляндіи—это превышаетъ все силы терпѣнія. Если уже о самомъ существенномъ дѣлѣ для святой вѣры такъ мало заботь, почему же требуютъ отъ меня каменнаго терпѣнія? Жалѣютъ и вола».

«Чтобы сказать вамъ пріятное, прибавлю: печатается на Русскомъ языкѣ грамматика Эстская и грамматика Латышская», писалъ Филаретъ Горскому. Не безъ цѣли, конечно, эти руководства составлены на Русскомъ языкѣ: какъ для лучшаго ознакомленія съ мѣстнымъ языкомъ Русскихъ людей, такъ и еще болѣе для ознакомленія съ языкомъ Русскимъ мѣстныхъ туземцевъ, которыхъ желалось Филарету обратить въ Русскихъ по всему. Съ этою же цѣлю подъ его руководствомъ составленъ былъ и напечатанъ букварь Латышскій съ Русскимъ и Славянскимъ, и все на его средства.

Но «вода пробиваетъ камни», и своею настойчивостію Филаретъ все-таки успѣлъ вывести на свѣтъ Божій благое дѣло: при каждой церкви открыты были школы. Нынѣ дѣло это значительно развилось: независимо церковно-приходскихъ школъ учреждены вспомогательныя. Такъ какъ населеніе живетъ разбросанно, по одному по большей части двору, одинъ отъ другаго на довольно значительномъ разстояніи, то и приходы растянуты на 20, 30, 40, и болѣе верстахъ, а потому въ такихъ вспомогательныхъ школахъ нужда настоятельная. Жажда къ ученію была замѣчательная. Въ Понедѣльникъ утромъ являлись мальчики съ хлѣбомъ и кое-какою провизіею въ школу и оставались до Субботы, когда брали ихъ родители домой. Такой порядокъ, впрочемъ, остается и нынѣ.

По седьмому пункту.

Познакомивъ ген.-губернатора Головина съ Высочайше утвержденной инструкціей, данной рижскому епископу, Филаретъ просилъ его предложить губернатору снабдить командированнаго имъ на мызы Латышскаго священника орденомъ. По этому ордеру обязательно долженъ явиться мызный судья для присутствія при отобраніи священникомъ подписокъ о желаніи присоединиться. Но, такъ какъ мызный судья подъ какимъ-либо видомъ можетъ уклониться и поѣздка священника сдѣлается бесполезною, то Филаретъ просилъ, чтобы по ордеру этому предоставлено было право священнику требовать для указанной цѣли волостнаго судью или волостнаго правителя.

Губернаторъ обѣщалъ послать лишь предписаніе, чтобы на мызахъ, гдѣ всѣ крестьяне изъявляютъ желаніе присоединиться, безпрепятственно являлись мызные судьи къ священнику по его прибытіи; но чрезъ нѣсколько дней онъ объявилъ Филарету, что такое распоряженіе для него сдѣлать неудобно. По настоянію Филарета въ циркулярномъ предписаніи своемъ ген.-губернаторъ далъ однако знать, что крестьянамъ, отправляющимся въ Ригу по домашнимъ дѣламъ и желающимъ присоединиться къ православію, не возбраняется для сей цѣли являться къ священнику. Такое распоряженіе было очевидно сдѣлано въ отмѣну распоряженій б. Палена. Но каково было удивленіе Филарета, когда черезъ мѣсяцъ послѣ этого полиціймейстеръ Языковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ обыватели не держали у себя пріѣзжающихъ Латышей болѣе сутокъ. Разумѣется, въ сутки нельзя было совершить присоединеніе, такъ какъ для того все-таки присоединяющійся долженъ быть подготовленъ. Въ запискахъ Филарета упомянуто, что крестьянинъ съ мызы Штурценгофъ Янъ Андерсъ Зандеръ, давшій показаніе о вѣрѣ 6 Мая и присоединенный 20-го Мая, имѣлъ увольнительное свидѣтельство на приписку, гдѣ пожелаетъ. Полиціймейстеръ не далъ ему и дня на присоединеніе дѣтей и выпроводилъ изъ Риги. Филаретъ просилъ хотя тремя днями, наконецъ двумя, ограничить сроки пребыванія. Получивъ отказъ, онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія графа Протасова.

Дабы не утруждать Латышей путешествіемъ въ Ригу, Филаретъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы желающіе присоединиться отправлялись для сего въ ближайшій городъ. Чѣмъ же отвѣчало мѣстное начальство на эту мѣру? Оно распорядилось, чтобъ крестьяне, желающіе присоединенія, получали изъ мызнаго правленія (т.-е. изъ вотчинной конторы протестанта-помѣщика) записку съ означеніемъ города. Въ запискѣ обыкновенно означался городъ, гдѣ не было священника! Приходитъ туда крестьянинъ, ему вымажутъ лицо и голову дегтемъ. Онъ идетъ въ другой городъ; но, не допуская его до священника, его выпорютъ и засадятъ въ тюрьму, гдѣ онъ три или четыре мѣсяца просидитъ прежде, чѣмъ Филарету удастся упросить ген.-губернатора распорядиться о его освобожденіи. А семья 3—4 мѣсяца безъ работника, что вызываетъ

несостоятельность къ платежу за землю, и его потомъ выгоняють изъ усадьбы. И выпускають-то его изъ тюрьмы не въ его одеждѣ, а въ арестантской, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ; да кому обрѣють лобъ, кому правую или лѣвую сторону головы. Отправляютъ же домой цѣлою толною связанными и не прѣмымъ путемъ, а заставляютъ исколесить всю Лифляндію, преимущественно тѣ мѣста, гдѣ было движеніе къ присоединенію, для вразумленія, что-то-де будетъ и вамъ. Гдѣ было движеніе къ присоединенію, тамъ, доносили, бунтъ и посылали войска. Иныхъ прогоняли сквозь 1500 шпиритеновъ по два раза, а депутата дворянскій фонъ Нумерсъ приговаривалъ: «такъ будетъ наказанъ всякій, кто только пожелаетъ въ теплую землю, въ Русскую вѣру, не будетъ слушать помѣщиковъ и пасторовъ и будетъ слушать обманщиковъ, возмутителей».

Все это происходило въ Русской области, при Русскихъ правителяхъ съ желающими присоединиться къ господствующей въ Имперіи церкви. Филаретъ изнемогалъ душою. «Страшное положеніе!» писалъ онъ графу Толстому. «Со всѣхъ сторонъ жутко. Впрочемъ, для настоящаго дѣла ждалъ я времени: если и послѣ сего не будетъ достойной защиты, пусть находятъ болѣе меня могущаго. Прошу не осуждать и меня. Сколько имѣлъ способовъ и силъ, сражался, не ложась на отдыхъ, не уклонялся отъ битвъ изъ страха. Вы знаете, что нѣкоторые молчать *). Это многое объяснить».

Въ это же время писалъ онъ Горскому: «Много хлопотъ мнѣ грѣшному въ Ригѣ. Много заботился, ѣздилъ, дознавалъ, судилъ; но послужилъ ли къ пользѣ, не знаю. Доселѣ остаюсь въ полумракѣ. Бѣды впереди, опасеній и опасностей на пройденной дорогѣ—тъма. Кто провести? Не знаю. Надѣющийся на Господа не погибнетъ. Но гдѣ у души моей надежда? Она снискивается долгими, слезными молитвами и опытами, слѣдующими за молитвами. Всего того нѣтъ у окаяннаго Филарета». Въ такія критическія минуты, близкія, можно сказать, къ отчаянію, заботливый виновникъ назначенія Филарета въ Ригу посылалъ ему слово утѣшенія. «Если вы и сказали», писалъ ему митрополитъ Москов-

*) Вѣроятно, намекъ на графа Протасова.

скій, «что силы ваши доведены до изнеможенія, надѣюсь, однако, что будете имѣть еще силы, сказавъ съ Апостоломъ: *егда немоществую, тогда силенъ есмь*».

Наконецъ, Филаретъ добился распоряженія, чтобы, по прибытіи на мызу священника, мѣстные орднунгсрихтеры *) являлись для присутствія при отобраніи отъ Латышей подписокъ о вѣрѣ; въ приглашеніи для сей надобности вололостнаго судьи или правителя отказано. Но какъ же это было выполняемо? Верровскій священникъ для указанной цѣли пригласилъ орднунгсрихтера Энгельгардта. Тотъ, по отобраніи отъ двухъ Латышей подписокъ, отказался остаться долѣе за неимѣніемъ времени; а затѣмъ объявилъ, что можетъ присутствовать только два дня въ недѣлю, въ Среду и Субботу. Но въ эти дни онъ отбиралъ только по три показанія и удалялся. Видя же, что терпѣніе священника неистощимо, онъ пересталъ вовсе являться. Жалобы были напрасны. Въ Маріенбургѣ кирхшильрихтеръ, которому поручено было присутствовать при отобраніи подписокъ, передалъ эту обязанность мѣстному помѣщику Фитингофу. Тотъ, прійдя въ квартиру священника, когда къ нему собралось уже много Латышей, сталъ кричать, что священникъ не имѣетъ права никого принимать вновь, а долженъ ограничиться присоединеніемъ тѣхъ, которые прежде дали показанія, и что онъ не позволитъ собираться въ своемъ имѣніи безпокойнымъ толпамъ. Онъ даже возымѣлъ намѣреніе заключить подъ стражу Латыша-причетника за то, что тотъ позволилъ себѣ разговаривать съ двумя Латышами. И священникъ, чтобъ успокоить барона, распустилъ Латышей.

Передъ нами любопытная бумага-документъ—это собственноручно составленное Филаретомъ черновое сообщеніе ген.-губернатора барону Фитингофу по поводу сказаннаго случая. Это не копія, потому что здѣсь тою же рукою сдѣланы и исправленія. Сообщеніе написано самымъ вѣжливымъ и мягкимъ тономъ. Вотъ оно: «Г. Рижскій епископъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что: 1) Когда священникъ православной церкви Михайловъ съ св. дарами прибылъ въ Маріенбургъ, ваше высокоблагородіе

*) Уѣздные судьи, или, вѣрнѣе, прежніе исправники, съ судебно-полицейскою властью.

отвели ему неприличное для богослуженія помѣщеніе, именно въ заѣздомъ домѣ. 2) Когда священникъ въ сей и слѣдующій дни, на основаніи Высочайше утвержденной инструкціи о присоединеніи иновѣрцевъ Лифляндіи къ православію, собравшимся къ нему крестьянамъ объяснялъ предметъ желаній ихъ и испытывалъ ихъ въ чистотѣ и искренности намѣреній, именно вразумлялъ, что принятіе православной вѣры отнюдь не измѣняетъ отношеній ихъ и обязанностей къ помѣщикамъ, ваше высокоблагородіе явились въ квартиру его, разогнали собравшихся крестьянъ и объявили имъ, будто бы священникъ не смѣетъ никого принять. 3) Ваше высокоблагородіе вскорѣ послѣ того своими руками привели состоящаго въ должности причетника Давида Баллода, обвиняя его, что онъ Латышамъ говорилъ, что православные священники не получаютъ никакой платы ни за погребеніе, ни за крещеніе: причемъ объявили ваше намѣреніе отослать Баллода подъ арестъ въ Ригу; наконецъ, даже поставили караулъ предъ дверьми священника. Какъ я вообще желаю, чтобы таковыя непріятные случаи избѣгасмы были помѣщиками, мнѣ лично особенно жалко слушать столь важныя жалобы на ваше высокоблагородіе. И этому чувству вы припишете, что я сему дѣлу далъ не официальное производство, и на сей разъ, *какъ возможность дозволяетъ* оказать спусхожденіе и пощаду, ограничиваюсь тѣмъ, чтобы предостеречь и напомнить государственные законы. Таковой поступокъ, выставляемый епископомъ какъ покушеніе препятствовать или отклонять иновѣрцевъ, желающихъ присоединиться къ православію, угрожаетъ строгимъ наказаніемъ. Сіе предостереженіе тѣмъ болѣе имѣю поводъ сдѣлать приватно в. в — дію, что Его Императорское Величество повелѣлъ учредить въ Маріенбургѣ подвижную церковь, чрезъ что вы, какъ помѣщикъ этой мызы, во многихъ отношеніяхъ будете имѣть дѣло съ православнымъ духовенствомъ. Посему, рекомендуя вамъ крайнюю осторожность какъ въ распоряженіяхъ при исполненіи Высочайшаго повелѣнія, такъ къ крестьянамъ, перешедшимъ въ православіе или имѣющимъ переходить, дабы избѣгали вы всего, что могло бы быть поводомъ къ жалобамъ со стороны духовнаго начальства, каковыя жалобы подвергнуть васъ неизбѣжной отвѣтственности».

Очевидно, Головинъ съ удовольствіемъ согласился на такой мирный исходъ дѣла. А почему Филаретъ согласился на него и принялъ на себя трудъ составить приведенную сейчасъ бумагу, это объяснить слѣдующая записка его оберъ-прокурору. «По Мариенбургскому дѣлу г.-губернаторъ полагаетъ ограничиться частными внушеніями Фитингофу и Коскулю *), чтобы не производить шума. При настоящемъ положеніи дѣлъ епископъ, съ своей стороны, считаетъ это неизбѣжнымъ; ибо, если начать слѣдствіе, то слѣдователи могутъ быть здѣсь только Лютеране; Русскихъ православныхъ чиновниковъ нѣтъ въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, исключая двухъ человѣкъ у г. ген.-губернатора, которымъ однако слишкомъ много дѣла и въ Ригѣ, такъ что безъ опасности для дѣлъ православія нельзя имъ отлучаться. Совершенно неизбѣжно, чтобы прислано было въ Ригу нѣсколько православныхъ чиновниковъ. Ген.-губернаторъ уже видитъ и чувствуетъ нужду и для своей канцеляріи въ Русскихъ чиновникахъ не только для дѣла о православіи Латышей и Чухонъ, но для самой большей части своихъ дѣлъ. Для своей канцеляріи онъ признаетъ нужнымъ, чтобы въ ней на половину было Русскихъ чиновниковъ, опасаясь сдѣлать непріятное Нѣмцамъ. Безъ сомнѣнія онъ былъ бы благодаренъ, еслибы правительство само распорядилось прислать способныхъ чиновниковъ Русскихъ. Что касается до слѣдствій по дѣлу о Латышахъ и Чухнахъ, обращающихся въ православіе, то епископъ вынужденнымъ найдется формально просить, чтобы не производили ни одного слѣдствія, пока остаются только съ лютеранскими чиновниками». При этомъ Филаретъ заявилъ, что до сего времени не приглашали депутата отъ духовной стороны и что, хотя производились и производятся слѣдствія, но при такихъ условіяхъ ему ничего не можетъ быть извѣстно о нихъ.

Вотъ—причина всему. И нельзя не отдать справедливости большому такту Филарета и не подивиться его необыкновенной энергіи. Понимая неблагопріятныя послѣдствія для дѣла церкви, когда оно должно вестись ея врагами, съ другой стороны, считая гибельнымъ для него оставить поступокъ Фитингофа безъ вниманія, онъ придумываетъ дать

*) Ордунгерихтеру.

такой оборотъ дѣлу, чтобы не уронить значенія церкви и хотя нѣсколько припугнуть барона. Онъ зналъ, что въ г.-губернаторской канцеляріи ничего не сдѣлается, если передать туда дѣло, и потому самъ сочиняетъ бумагу для ген.-губернатора. Видя безхарактерность послѣдняго и нерѣшительность въ пополненіи штата канцеляріи людьми Русскими, онъ не упускаетъ случая довести объ этомъ до свѣдѣнія об.-прокурора, рассчитывая несомнѣнно, что черезъ него дойдетъ это и до министра внутр. дѣлъ. Такую настоятельную нужду Филаретъ подтверждалъ фактами. Такъ, объяснивъ одно дѣло истязанія, онъ говоритъ: «Исправникъ началъ дѣло неправильно, съ открытымъ пристрастіемъ къ лютеранству и противъ православія, и тотъ же исправникъ производитъ слѣдствія. Это означаетъ, что виновный становится судьей въ своемъ дѣлѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, когда не будетъ здѣсь православныхъ чиновниковъ, какъ теперь нѣтъ, надобно избрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ продолженія присоединенія Латышей, или взять на себя отвѣтъ предъ Господомъ за бѣдственную участь присоединяющихся къ православію». «Все, чтó доселѣ здѣсь сдѣлалось въ пользу православія», писалъ онъ графу Протасову, «сдѣлано только Господомъ. Это слишкомъ ясно. Предписанія высшаго правительства для здѣшнихъ—только бумага, которую они и разбирать начинаютъ иногда только спустя два мѣсяца. Въ примѣръ можно сослаться на производство ревизіи магистрата. Нѣмецкое начальство оставляетъ свое упорное невниманіе и сопротивление чему либо, когда его порядкомъ стукнуть. Съ этой стороны только вражда и неумолимыя козни. Ген.-губернаторъ кромѣ того, что новъ въ здѣшнемъ мѣстѣ и потому не знаетъ ни лицъ, ни дѣлъ—окруженъ Нѣмцами. Силъ его не можетъ достать, чтобы преслѣдовать и открывать всѣ Нѣмецкія интриги. Въ канцеляріи у него и близкій къ нему только одинъ Русскій. Тотъ старается показывать дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ; но тысячи голосовъ переходятъ въ слухъ ген.-губернатора совѣмъ другіе». До какой наглости доходило неуваженіе къ власти, открываетъ намъ слѣдующій случай. Латышь Ѳедоръ Бучинскій за то, что на вопросы Латышей объяснилъ имъ, что священники за требы не берутъ и по просьбѣ ихъ далъ имъ Латышскія православныя

книжки, былъ по интригѣ барона Менгдена заключенъ въ тюрьму. Епископъ, которому заявила о томъ жена Бучинскаго, два раза относился къ Головину; но на два предложенія Головица губерпскому правленію онъ не получилъ и отвѣта. Были случаи еще возмутительнѣе. Когда по заявленію Филарета ген.-губернаторъ далъ предложеніе губерпскому правленію (3 Іюля № 195) немедленно возвратить присоединенной Латышкѣ Трипѣ (въ православіи Екатерина) шестилѣтняго ея сына Іоанна, котораго не выдавалъ ей помѣщикъ Расмусъ, губерпское правленіе отвѣчало, что «не считаетъ сего дѣла справедливымъ, потому что дѣти по возрастѣ могутъ сами присоединиться, если пожелаютъ». Вотъ почему вполне вѣрно замѣчаніе Филарета, что «тысячи голосовъ обрабатываютъ дѣло и дѣла въ Нѣмецкомъ, а не Русскомъ стилѣ. Чтб, на примѣръ, можно сдѣлать, когда пять ордунгсрихтеровъ пишутъ, что ходятъ разные непріятные слухи, и вотъ здѣсь было то, а тамъ другое? Послать чиновника на мѣсто? Но кого? Нѣмца, того, который, быть можетъ, ведетъ тайную переписку съ тѣмъ и другимъ ордунгсрихтеромъ и даетъ наставленіе, какъ и когда написать?»

Были Русскіе при Головинѣ; но какъ служили они Русскому дѣлу и православію! Напр., вице-губернаторъ, о которомъ Филаретъ выразился, что онъ «самый лютей врагъ православія и, если смѣю сказать, самый безсовѣстный и въ другихъ отношеніяхъ; довольно къ чести его и того, что онъ брата отдалъ подъ судъ за грабежъ казны, тогда какъ деньги остались въ его карманѣ, а не у брата, человѣка довольно простого». Что касается полицеймейстера Языкова, то, по словамъ Филарета, «не было ни одного безчестнаго и вредоноснаго для православія дѣла, въ которомъ бы онъ не участвовалъ». «Съ своей стороны», писалъ Филаретъ графу Протасову, «желая думать о людяхъ лучшимъ образомъ, извинялъ я тогда въ мысляхъ г-на полицеймейстера положеніемъ его въ отношеніи къ начальствовавшимъ. Такъ онъ и самъ себя извинялъ въ личныхъ объясненіяхъ со мною. Теперь, казалось бы, при православномъ градоначальникѣ, искреннему сыну православія можно и должно иначе дѣйствовать. На дѣлѣ не такъ». Чѣмъ же особенно ознаменовалась дѣятельность Языкова въ противодѣйствіи православію? А вотъ чтб

разсказываетъ о дѣянiяхъ его Филаретъ. Онъ внушилъ ген.-губернатору неожиданно потребовать списокъ присоединяющихся къ православію съ цѣлью или передать въ лютеранскую консисторію, или поставить епископа въ непріятное къ ген.-губернатору положеніе. Онъ выгопалъ изъ Риги присоединившихся Латышей, если у нихъ былъ на девять дней просроченный паспортъ, хотя бы десять лѣтъ они тамъ жили. Онъ не допускалъ Латышей въ архіерейскій домъ записываться, когда они пріѣзжали по своимъ торговымъ дѣламъ безъ паспорта, какъ обыкновенно водилось. При этомъ онъ старался путемъ клеветы и лжи возбуждать неудовольствіе ген.-губернатора къ православію. Напримѣръ, онъ доложилъ Головину, что девять Латышей заявили, что дали показаніе о желаніи присоединиться подъ вліяніемъ сдѣланнаго имъ обещанія разныхъ льготъ. Сейчасъ же Головинъ поручилъ жандармскому штабъ-офицеру сообщить о томъ Филарету. Изумленный такою дерзкою клеветою, Филаретъ пригласилъ къ себѣ полицеймейстера и просилъ его указать, кто эти девять Латышей. На это полицеймейстеръ сказалъ въ отвѣтъ, что подобныхъ Латышей ему неизвѣстно ни одного, а были только изъявившіе желаніе. Съ ними былъ еще Русскій чиновникъ при Головинѣ, В., который стыдился признать себя Русскимъ и увѣрялъ, что онъ Полякъ. О немъ говоритъ Филаретъ, что онъ, по близкому родству съ Рижскимъ губернаторомъ, былъ жестокимъ гонителемъ православія и Русской народности. Онъ готовъ былъ изъ угожденія партіи извращать очевидность. Вотъ какъ передается одинъ разговоръ его съ Филаретомъ: «Описавъ, какъ мирно въ Дерптѣ совершается присоединеніе Латышей къ православію, В. вдругъ говоритъ, что онъ опасается, чтобы не вышло безпокойства между крестьянами. Удивленный такимъ оборотомъ рѣчи, Филаретъ спрашиваетъ: «дознали-ли вы отъ Эстовъ, что они питаютъ худыя расположенія для спокойствія? Говорили-ли Эсты при показаніяхъ что-нибудь о земныхъ надеждахъ?» В. отвѣчалъ, что этого отъ Эстовъ онъ не дозналъ.— «На чьихъ же показаніяхъ основываете вы опасенія свои?» Въмѣсто отвѣта совершенное замѣшательство. В. началъ было говорить о случаяхъ, но, почувствовавъ, что это худой источникъ, онъ сказалъ только: «Правда, мы, отправляясь въ

Дерптѣ, думали пайти тамъ волненіе, но не нашли ничего». Далѣе В. утверждалъ, что у крестьянъ нѣтъ надлежащаго понятія о вѣрѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, надѣвъ на себя кресты, увѣряютъ, что они православные. На это епископъ замѣтилъ, что онъ самъ не можетъ найти крестовъ для присоединяющихся и что, какъ В. извѣстно, Дерптскій протоіерей не могъ даже совершить присоединеніе по неимѣнію въ Дерптѣ крестовъ».

Вотъ тѣ Русскіе люди, которые состояли при Головинѣ и заправляли Русскимъ дѣломъ! Видя въ средѣ ихъ одного только вполне Русскаго человѣка, графа Толстого, находилъ онъ присутствіе его въ Ригѣ необходимымъ. Филаретъ понялъ, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ внимательно слѣдитъ за ходомъ Русскаго дѣла въ Ригѣ, и сношенія его съ оберъ-прокуроромъ не прерываются, а этимъ путемъ и мысль Филарета можетъ доходить до него.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого видимъ въ штатѣ ген.-губернатора нѣсколько Русскихъ молодыхъ чиновниковъ. Объ одномъ изъ нихъ, тогда юношѣ, Самаринѣ, такъ писалъ Филаретъ Горскому: «Пишу эти строки съ тѣмъ, чтобы рекомендовать тебѣ добраго и умнаго Юрія Ѳедоровича Самарина. Съ нимъ я провелъ много дней самыхъ пріятныхъ. Онъ очень достойный и рѣдкій человѣкъ. Будьте съ нимъ радужны, просты и откровенны. Онъ стѣдитъ душевной любви. Отъ него узнаете и о моемъ житьѣ-бытьѣ, особенно же онъ хорошо знаетъ здѣшній край, изученный Русскою его душою». Такъ же признательно понималъ Филаретъ бывшаго короткое время въ Ригѣ товарища министра-внутреннихъ дѣлъ Синявина. «Очень много одолженъ я бывшему Московскому губернатору, а нынѣшнему товарищу г-на министра внутреннихъ дѣлъ, Ивану Григорьевичу Синявину. Добрая, русская умная душа! Онъ жилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ. Да воздастъ ему Господь по благодати своей! Да помянетъ его преп. Сергій въ молитвахъ своихъ, столько сильныхъ предъ Господомъ!»

Все многотрудное дѣло насажденія православія Филаретъ несъ одинъ. И вотъ что побуждало его къ такому единоличному труду. «Со стороны духовенства», писалъ онъ графу Протасову, «дѣло о православіи

дѣлается у одного епископа: а) Одни не могутъ его дѣлать; другіе хотятъ только вредить ему, для Нѣмецкаго хлѣба. б) Два или три такіе, которыхъ и можно было бы призвать къ участию; но при твердой увѣренности, что дѣло это доведетъ ихъ до пагубы, состраданіе заставляетъ назначать имъ другія нужныя дѣла. Послѣ того, что можетъ прибавить отъ себя къ успѣху православія одинъ епископъ? Ни послать къ кому-либо, ни сдѣлать то или другое кромѣ того же епископа, который и пишетъ предписанія, и даетъ себѣ совѣты, и ѣздитъ то къ ген.-губернатору, то къ губернатору, то къ бургомистру, то къ какому-нибудь упорному противнику православія, съ которымъ надобно говорить, какъ съ другомъ православія». — «Столько мараю бумаги, что недостаетъ средствъ и на покупку бумаги. Писцовъ же у меня такъ мало! Остается самому и чернить и писать набѣло», жаловался Филаретъ Горскому.

Передъ нами массы подобныхъ бумагъ, записокъ, показаній, писанныхъ собственноручно Филаретомъ. Но намъ извѣстно, что это только частичка уцѣлѣвшихъ бумагъ его. Видно было, какъ рука его подчасъ уставала, и подъ его диктовку писался черновой отпускъ безграмотнымъ писцомъ, а потомъ опять та-же трудящаяся рука неустаннаго борца продолжала начатое. Филаретъ просилъ прислать ему какого-либо чиновника, который былъ бы въ помощь епископу при сношеніяхъ его съ гражданскимъ начальствомъ. Онъ рассчитывалъ, конечно, что назначеніе къ нему Св. Синодомъ чиновника, состоящаго внѣ вѣдѣнія и вліянія мѣстной администраціи, облегчитъ для него труды и обезпечитъ его успѣхи. «Дѣло само по себѣ многосложное и тяжелое, окружено со всѣхъ сторонъ нападеніями: можно ли ожидать ему успѣха при настоящемъ положеніи? Богъ помогаетъ, но не творитъ чудесъ тамъ, гдѣ дѣло могутъ дѣлать люди». Такъ убѣждалъ онъ графа Протасова; но представленіе его не было уважено.

Изошряясь въ средствахъ противоудѣйствовать распространенію православія, Нѣмецкая партія распускала слухи, которые могли бы ослабить стремленія Латышей. Но не всегда мѣры эти достигали намѣченной цѣли. Такъ Филаретъ указываетъ на нѣкоторыя изъ нихъ, наоборотъ послужившія въ пользу православія: «1) Изгнаніемъ Латышей изъ Риги хо-

тѣли достигнуть того, чтобы остановить православіе въ самомъ началѣ. Но такъ какъ открытая несправедливость возбудила глубокую скорбь и недовольство противъ защитниковъ лютеранства, то самые изгнанные Латыши стали первыми проповѣдниками православія по мызамъ Лифляндіи. 2) На мызаль стали отказывать въ паспортахъ присоединившимся къ православію и пожелавшимъ его, чтобы, частію, отмстить за желаніе православія, частію, удержать людей сихъ въ своей власти и подъ вліяніемъ пасторовъ. Но это опять только усилило ревность къ православію и недовольство лютеранствомъ, не только въ тѣхъ, которые прежде желали православія, но и въ стороннихъ, такъ какъ несправедливости слишкомъ были ясны и для стороннихъ. 3) Въ Маѣ и началѣ Іюня распространяли слухъ, что присоединеніе къ православію окончится то послѣднимъ числомъ Мая, то пятнадцатымъ Іюня. Это послужило къ тому, что къ симъ числамъ спѣшили являться для показаній о вѣрѣ».

Въ отклоненіе нареканій на духовенство, Филаретъ объяснялъ гр. Протасову, что онъ постоянно вмѣняетъ священникамъ въ обязанность разъяснять Латышамъ, что съ присоединеніемъ ихъ къ православію не соединяются никакія земныя выгоды. И даже само гражданское начальство, добавляетъ онъ, высказывало ему одобреніе священникамъ за ихъ осторожное и добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу.

Но приходилось ему и платиться за неосмотрительность подчиненныхъ своихъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ графу Толстому. «При отправленіи о. Ѳомы *) не имѣлъ удобства написать вамъ неформеннаго посланія. Не знаю, ко времени-ли теперь пишу; по крайней мѣрѣ исполню требуемое душою. Прежде всего искренно благодарю васъ, что побранили Алексѣя **). Опъ столько надѣлалъ мнѣ скорбей, что еще не соображусь съ его путаницей. Не подумайте, Господа ради, что я не готовъ принять какую-либо мысль вашу, тѣмъ болѣе мысль о порядкѣ хожденія крестьянъ. Я много бранить буду Алексѣя, что онъ тогда уже вздумалъ написать о своемъ затрудненіи въ принятіи ихъ,

*) о. Ѳома Варницкій.

***) о. Алексѣй Пановъ, священникъ г. Аренсбурга на о. Эзелѣ.

когда толкнули его. Доселѣ не видѣлся я съ ген.-губернаторомъ. Я сказалъ для священника, что можно записывать по тридцати человекъ на одномъ показаніи. Это: а) имѣетъ тотъ только смыслъ и въ томъ случаѣ, когда при словесномъ испытаніи не встрѣтилось никакой причины считать показанія ихъ разными по мыслямъ, хотя слова ихъ нѣсколько разные. б) Когда нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ записывать со всею точностію и буквально показанія ихъ. в) Впрочемъ, если ни въ какомъ другомъ случаѣ, тѣмъ болѣе въ Аренбургскомъ дѣлѣ, при вашемъ присутствіи, священникъ не долженъ относительно вида показаній быть буквальный и спорить изъ малости. Богъ да соблюдетъ сердца наши въ мирѣ! Надобно еще прибавить, что мысль о такомъ записываніи пришла мнѣ съ того, что въ другихъ мѣстахъ сами гражданскіе чиновники подавали ее. Я же съ своей стороны той мысли, что чѣмъ строже ведутъ дѣло, тѣмъ покойнѣе для меня». «Алексѣй не мало потревожилъ меня и тѣмъ, что долго ни слова не писалъ, получилъ-ли отъ в. с—ства бумаги мои. По этому примѣру можете судить, какъ много надобно слѣдить за дѣлами этого человека. А бѣда тутъ еще та, что за 400 верстъ немного увидишь, немного услышишь и скоро передашь отъ себя мысль».

Но не все слухи, распускаемые среди Латышей, оказывались по своимъ послѣдствіямъ полезными для православія. Такъ жаловался Филаретъ, что распустили въ народѣ, будто послѣ 29-го Сентября воспрещено присоединеніе. «Какая неутомимость въ присканіи мѣръ вредить православію! Это уже четвертое назначеніе предѣла», замѣчаетъ онъ. Но болѣе вредными, по словамъ Филарета, были слухи, распускаемые на счетъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ, соединенныхъ будто-бы съ принятіемъ православія. Филаретъ безошибочно указывалъ на корень этихъ слуховъ, понимая хорошо цѣль поднять смуту въ умахъ и запутать православное духовенство. Филаретъ указывалъ и на отдѣльные случаи. Такъ, «крестьяне-хозяева вотчины Штомерзес и Балнамойзе, Ретчъ Пукишъ съ сыномъ Симономъ и братомъ Ланомъ Пукишъ пріѣхали въ Ригу, чтобы добиться правды. Они утверждали, что безъ всякаго интереса, по чистому побужденію, принимаютъ православіе. Между

разговоромъ они сообщали, что у нихъ голодъ и что многіе очень бѣдствуютъ. Хотя пасторы убѣждаютъ ихъ, говорили они, не перемѣнять вѣры, говоря, что тутъ «таится только обманъ»; но они сердечно вѣруютъ и уповаютъ на то, что когда присоединятся къ православію, то Всемогущій Создатель услышитъ вопль ихъ и молитвы ихъ будутъ благоугодны Ему, а теперь Господь наказываетъ ихъ за грѣхи ихъ. Говорили это они со слезами, стоя на колѣнахъ. Но тутъ же квартальный Горбачевскій обратился къ нимъ съ замѣчаніемъ, какъ смѣли они явиться безъ паспортовъ и въ рабочее время оставили мызу. Хотя и объясняли они, что ими оставлены работники для исполненія работъ, но тѣмъ не менѣе имъ должны были отказать въ присоединеніи по непредставленію паспортовъ. Но когда Янъ Андреевъ Зандеръ явился хотя и съ паспортомъ въ Ригу, то полицеймейстеръ его выгналъ, не допустивъ присоединенія его дѣтей. Были такіе случаи, что не допускали до записи показаній о вѣрѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что эти крестьяне жаловались на беспомощность со стороны помѣщиковъ или о невыдачѣ имъ увольненія на прокормленіе себя и дѣтей. «Священникъ во всей точности исполнялъ», добавляетъ Филаретъ, «данное ему наставленіе, чтобы не имѣть дѣла съ подобными людьми, а предоставлять волѣ Господа, вѣдущаго слезы невинныхъ».

Защищая невинныхъ отъ клеветы въ распространеніи ложныхъ слуховъ, Филаретъ писалъ оберъ-прокурору, что онъ точно удостовѣрился, что, къ сожалѣнію, ложные слухи распространяются не только людьми средняго сословія, но и людьми высшаго класса съ цѣлію примѣшать къ дѣлу религіи земныя блага или поколебать чистоту стремленій Латышей. «При угнетающемъ недостаткѣ хлѣба и притѣсненіяхъ помѣщиковъ (можетъ быть юридически правыхъ, хотя неправыхъ передъ христіанскою правственностію), въ бѣдныхъ Латышахъ даже и безъ помянутыхъ толковъ пустоты могутъ рождаться несбыточныя и неосновательныя мечты о послѣдствіяхъ присоединенія къ православію; чего же ожидать, когда присоединяются толки пустоты? Потому-то, кажется, едва-ли неестественнѣе искать виновность въ богатыхъ празднолюбцахъ, чтобы не сказать болѣе, чѣмъ въ угнетенной бѣдности? Она и безъ того до-

селѣ, большею частію, остается безъ защиты, на волѣ богатаго самоуправства».

Въ Ригѣ собрался 19-го Сентября 1845 года конвентъ Лифлядскихъ дворянъ. Филаретъ внимательно слѣдилъ за его занятіями, насколько доступно было ему получать о немъ свѣдѣнія, и обо всемъ сообщалъ съ своими замѣчаніями гр. Протасову. Онъ писалъ ему, что хотя конвентъ и собрался подъ предлогомъ разуждать о нуждахъ крестьянъ, но собственно цѣль другая—какъ остановить присоединеніе Латышей къ православію. Сначала рѣшено было отправить депутацію къ Государю; потомъ рѣшили испросить предварительно на то разрѣшеніе. Но что должны были сказать депутаты? Запѣть старую пѣсню о возмущеніи? Не повѣрять: уже разъ эта ложь была обнаружена. Надо сказать, что дѣло православія совершается незаконно. Доложить Государю принялъ на себя президентъ генеральной лютеранской консисторіи, баронъ Мейендорфъ. «Епископъ съ своей стороны жалѣеть», замѣтилъ Филаретъ, «что его пр—ву неугодно было выслушать православнаго епископа о дѣлѣ православія, а удовольствоваться только разсужденіями людей, которые и не могутъ имѣть точныхъ свѣдѣній о дѣлѣ православія и не желаютъ разсуждать о томъ иначе, какъ непріязненно для православія».

Дѣло же присоединенія велъ Филаретъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностію. Испытанія производили два священника, отлично знавшіе Латышскій языкъ. Эти испытанія повторялись никогда не менѣе двухъ разъ, а иногда по три и по четыре раза. Испытаніямъ велся журналъ, въ который заносились не только дни, но и часы испытаній, при которыхъ всегда присутствовалъ гражданскій чиновникъ, а потомъ и двое: одинъ, знающій Латышскій, а другой—Эстонскій языки. При тѣхъ же чиновникахъ совершалось и самое присоединеніе, обрядъ котораго продолжался до двухъ часовъ. «Священникъ, какъ предъ лицомъ Господа, благодатно обитающаго во храмѣ, испытываетъ совѣсть и дѣлаетъ наставленія присоединяющимся», пишетъ Филаретъ. Онъ объяснял оберъ-прокурору, что все идущіе присоединиться, при разъяненіи имъ о томъ, что съ православіемъ не соединяется никакихъ земныхъ выгодъ, отвѣчаютъ: *«мы уже объ этомъ знаемъ, намъ много разъ объявлено»*.

Еслибъ вздумали доводить до свѣдѣнія правительства ложный слухъ— будто обѣщаніемъ земныхъ выгодъ привлекаются Латыши къ православію, такое предупрежденіе Филарета должно было ослабить довѣріе къ подобному доносу. Не безъ цѣли, конечно, сообщалъ Филаретъ и о лестномъ отзывѣ генераль-губернатора о священникѣ Михайловѣ и другихъ, коимъ поручено было дѣло присоединенія.

Филаретъ не ограничивалъ свою дѣятельность областью настоящаго. Онъ дѣлалъ все, чтобы упрочить православіе для будущаго, и конечно въ этихъ широкихъ планахъ встрѣчалъ еще болѣе противодѣйствій. Осторожность и предусмотрительность Филарета доходила, въ силу обстоятельствъ, до того, что онъ безъ Высочайшаго разрѣшенія не обѣзжалъ епархіи. Приведемъ интересное представленіе его по этому поводу обер-прокурору 28-го Сентября 1845 г. (№ 1331): «Подъ высокою защитою Благочестивѣйшаго Государя Императора православіе совершаетъ весьма значительные успѣхи. Съ Мая мѣсяца 650 отцовъ семействъ уже присоединилось къ св. православію. Около 400 отцовъ семействъ дали показаніе о желаніи православія по указанному высокою мудростію Государя Императора порядку, но еще не присоединены къ св. православію. Дѣти тѣхъ и другихъ, не подтвержденные, также должны быть присоединены къ св. православію; прочіе члены семействъ тѣхъ же отцовъ безъ сомнѣнія послѣдуютъ примѣру отцовъ семействъ, какъ семейныхъ главъ. Между тѣмъ, число отцовъ, изъявляющихъ желаніе православія, со дня на день возрастаетъ. Если отправить на мызы священниковъ для совершенія частію присоединенія, частію испытанія показанныхъ лицъ, то священники подвергнутся только спорамъ, жалобамъ и обвиненіямъ, какъ уже и показалъ опытъ въ Маріенбургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполне увѣренъ я, что цѣлыя тысячи крестьянъ готовы принять св. православіе и *быть Русскими по всему*, но удерживаются частію отдаленностію отъ православныхъ священниковъ, а еще болѣе разными мѣстными препятствіями. Санъ епископа въ семь дѣлѣ, какъ надѣюсь, оградить дѣло православія отъ вымышленныхъ злобою толковъ предъ выснимъ начальствомъ. Потому считалъ бы весьма полезнымъ личное мое обозрѣніе Лифляндіи, дабы въ моемъ присутствіи могло совершаться какъ присоеди-

неніе къ православію дѣтей отцовъ, изъявившихъ желаніе православія, такъ испытаніе другихъ лицъ, имѣющихъ объявлять желаніе православія, при чемъ необходимо и то, чтобы присутствовалъ гражданскій чиновникъ, уполномоченный довѣренностію генераль-губернатора Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Поелику же, и при твердой увѣренности въ пользѣ сего намѣренія для церкви, не могу быть увѣреннымъ, чтобы исполненіе сего намѣренія не подвергло меня нѣкоторымъ нареканіямъ со стороны сильнаго здѣсь лютеранства: то обращаюсь съ покорнѣйшею моею просьбою къ в. с—ву, не благоугодно-ли будетъ повергнуть сіе мое намѣреніе на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Его воля такъ священна для каждаго сына православной церкви; его слово такъ много уже сдѣлало чудесъ для св. православія какъ между обращающимися дотолѣ къ Риму, такъ еще въ недавнее время между закоренѣлыми раскольниками, а благотворительную любовь его къ св. православію вѣка будутъ чувствовать и благодарно возносить къ престолу Отца щедротъ. И въ настоящемъ дѣлѣ одно слово его, и всѣ будутъ мирны».

Это представленіе важно не столько потому, что оно знакомитъ съ особенною осторожностію Филарета, а потому, что даетъ понятіе о томъ—съ какою энергіей преслѣдуетъ онъ цѣль—«распространить православіе во что-бы ни стало», какъ замѣтилъ Гр. Толстой.

Оберегая отъ отвѣтственности священниковъ, въ виду постоянныхъ преслѣдованій и доносовъ на нихъ, Филаретъ шелъ самъ на проломъ и принималъ лично на себя всѣ неспрїятности. Заручившись Высочайшимъ разрѣшеніемъ, онъ могъ дѣйствовать смѣлѣе. Зная характеръ своего Государя, онъ чистосердечно придавалъ его слову магическую силу. Не безъ цѣли, конечно, указывалъ онъ на готовность Латышей *сдѣлаться по всему Русскимъ*. Въ Петербургѣ не доглядывали того, что видѣлъ на мѣстѣ дальновидный человекъ, горячо преданный Русскому дѣлу. Это прозрѣвали тамъ развѣ два лица—императоръ Николай Павловичъ и его министръ Перовскій.

Представленіе было доложено Государю, который не только одобрилъ намѣреніе Филарета, но послѣ того горячо высказался предъ Лифляндскими депутатами, какъ защитникъ православія въ Лифляндіи.

Весьма много споспѣшествовали дѣлу присоединенія переводъ катихизиса, молитвослова и литургіи на Латышскій языкъ и совершеніе на немъ богослуженія. «Многіе Латыши, еще до присоединенія, посѣщая церковь, знакомятся съ православнымъ богослуженіемъ и, вынося отрадное для души впечатлѣніе, желаютъ потомъ сами православія», доносилъ Филаретъ. Чтобъ укрѣпить вновь присоединенныхъ въ православіи и утвердить въ ученіяхъ церкви, онъ раздавалъ выписанныя изъ лавры иконки Божіей Матери, Спасителя, пр. Сергія, св. Николая Чуд., Предтечи, изображенія Б. М. «утѣшеніе скорбящимъ». Прося прислать выписку изъ Нѣмецкой книги «православный чинъ исповѣди», онъ, между прочимъ, писалъ Горскому: «Повѣрите-ли, что Нѣмецкій православный катихизисъ митрополита здѣсь истребляютъ? Каковы Нѣмцы!» Усердное и частое служеніе Филарета немало Латышей привлекало въ храмъ, вначалѣ изъ любопытства, а потомъ и по душевному расположенію. Къ тому же Филаретъ очень часто говорилъ поученія, которыя, по свидѣтельству сослуживца его, своею задушевностію производили сильное впечатлѣніе. Объ этомъ служеніи своемъ святому дѣлу онъ, съ присущею ему скромностію, такъ писалъ Горскому: «Что сказать о себѣ? Что я говорю проповѣди и говорю нерѣдко, въ томъ нѣтъ ничего особеннаго; кто теперь не говоритъ проповѣдей?» Филаретъ сообщалъ графу Протасову и о пасторахъ, не увлекавшихся общимъ примѣромъ, но объявлявшихъ Латышамъ, что если они искренно желаютъ православія, то могутъ свободно идти къ священнику. Такія исключенія, по свидѣтельству его, были и среди бароновъ. Нельзя не пожалѣть, что лица эти не поименованы, а говорится о нихъ вообще, какъ объ отрадномъ исключеніи.

Когда присоединеніе, вслѣдствіе уклоненія сельскихъ властей, стали совершать въ Ригѣ, это не понравилось. «Къ чему», заговорили опять, «не присоединяютъ на мѣстѣ жительства?» Филаретъ замѣчаетъ по этому поводу Гр. Протасову: «на это прежде всего отвѣтъ тотъ, что *нѣтъ предписанія—поступать такъ, какъ желали-бы враждующіе.*» Затѣмъ онъ обстоятельно разбираетъ эту мѣру, обстоятельства, ее вызвавшія, всегда логично разбивая мнѣнія враговъ и часто побѣждая ихъ ихъ собственными положеніями.

Между тѣмъ Головинъ все болѣе и болѣе позволялъ опутывать себя Нѣмецкою интригою, и противодѣйствія православному духовенству въ дѣлѣ церкви, принимая все большіе размѣры, оставались безъ преслѣдованій. Филаретъ въ письмѣ своемъ графу Протасову указывалъ, какъ рядомъ со стѣсненіемъ духовенства въ дѣлахъ вѣры идетъ смѣлая пропаганда лютеранскаго духовенства. Гернгутеры готовы были присоединиться къ православію. Но, писалъ Филаретъ: «пасторъ Трей, тотъ самый, который имѣлъ дѣло пастырское съ Латышами-Гернгутерами, открылъ теперь частныя вечернія собранія въ своемъ домѣ для лютеранской проповѣди, и къ нему стали собираться толпы. Теперь сравните ваше с—во положенія православнаго духовенства въ Ригѣ. Если быя дозволилъ себѣ послать кого-нибудь или изъ священниковъ, или изъ мірянъ благочестивыхъ въ домъ къ какому-нибудь Латышу, даже изъ изъясвившихъ желаніе православія, то очень хорошо знаю, что его немедленно схватили бы какъ бунтовщика. Не подумайте В. с—во, что преувеличиваю горькую дѣйствительность. Нѣтъ, мнѣ уже извѣстно, что по послѣднему дѣлу разыскивали вездѣ и всячески, не былъ-ли когда-нибудь и кто-нибудь посланъ отъ меня къ Латышу въ домъ? Извѣстно и болѣе того; но Господь съ ними, до своей личности не хочу касаться. Такимъ образомъ мнѣ остается предать все волѣ Господа. Если Онъ милостивъ будетъ къ православію и назначитъ другое начальство для Риги, то безъ шума и смятеній православіе будетъ дѣлать успѣхи. Мнѣ одному не преодолѣть столько людей сильныхъ. И что я значу передъ ними? Впрочемъ, быть можетъ Господь умилосердится и пошлетъ помощь устроить разстроенное дѣло. Только для сего необходимо спокойствіе. Противъ здѣшняго упорства, часто нагло, малоуспѣшна открытая борьба. Ко мнѣ не разъ опять приходили съ желаніемъ православія (посылать кого-нибудь изъ своихъ— боюсь и считаю невозможнымъ); но начинать что-нибудь формально не могу до времени лучшаго. Необходимо бы по крайней мѣрѣ обуздать секретными мѣрами тѣ смѣлыя выходки враговъ православія, о которыхъ упомянулъ я».

Итакъ, Филаретъ, увлекаясь болѣе и болѣе ревностію служенія, ведя дѣло на мѣстѣ осторожно и осмотрительно, въ тоже время дѣйствуетъ въ

Петербургъ все смѣлѣе и смѣлѣе: онъ какъ бы укоряетъ самого Протасова въ его равнодушiи, высказывая увѣренность, что только надѣется на помощь Божию и упоминаетъ *о перемѣнѣ начальства въ Римъ*. вмѣстѣ съ тѣмъ въ его дѣйствiяхъ усматривается всегда присутствующее его сердцу побужденiе: перенося на себѣ гоненiя, ограждать отъ нихъ подначальныхъ служителей алтара. Съ тою же цѣлю освобождалъ онъ ихъ отъ исполненiя щекотливыхъ порученiй. Желая только оградить православiе отъ стѣсненiй, онъ ведетъ дѣло съ незлобiемъ и не измѣняетъ духу христіанскаго ученiя. Такъ, на примѣръ, по поводу неуважительныхъ отзывовъ пасторовъ о православiи онъ говоритъ: «Объ этомъ у епископа много письменныхъ показанiй Латышей, хотя епископъ не желалъ и не желаетъ дѣлать изъ того употребленiя, непрiятнаго пасторамъ». Или: «Не хотѣлъ и не хочу говорить или судить невыгодно о людяхъ. Ихъ судiя—Господь. Но что необходимо связано съ дѣломъ православiя, о томъ вынуждаюсь сказать». Вообще же онъ наиболѣе представлялъ о необходимости общихъ мѣръ; если же указывалъ иногда на отдѣльные случаи, то, группируя ихъ, обрисовывалъ общее положенiе дѣла. А когда графъ Протасовъ потребовалъ сообщить ему, кто изъ помѣщиковъ наказывалъ обратившихся къ православiю Латышей, онъ отвѣчалъ: «По моимъ средствамъ и долгу не могу въ точности собрать свѣдѣнiй по сему предмету».

О необходимости перемѣны въ Ригѣ начальства могъ-ли не указать Филаретъ послѣ того, какъ Головинъ на одномъ изъ засѣданiй прямо высказался противъ присоединенiя, утверждая, что присоединенiе потрясетъ вѣковой порядокъ? Ревность Филарета умалила передъ нимъ собственную опасность, и онъ тутъ же, въ глаза, назвалъ Головина «Нѣмцемъ».

Головинъ вполне довѣрялъ чистосердечности помѣщичьихъ опасенiй и паническому страху, что требованiе войскъ основано было на создаваемой ими необходимости. Какъ ни старался графъ Толстой объяснить ему, что у бароновъ въ данномъ случаѣ есть задняя мысль—дать видъ, что присоединенiе произошло подъ натискомъ штыковъ, Головинъ оставался при своемъ. Графъ Толстой представлялъ Головину, что вопросъ этотъ зашелъ такъ далеко, что поворота нѣтъ, и исходъ одинъ—вести дѣло прямо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ указывалъ на необходи-

мость внушить баронамъ, что правительство не можетъ оставить крестьянъ на жертву ненависти лютеранъ. Головинъ утверждалъ, что помѣщики охотно исполнили бы волю Государя, еслибъ онъ высказался категорически. Графъ Толстой замѣтилъ, что здѣсь новая хитрость: имъ хочется, чтобъ Государь весь срамъ, которымъ пристрастная Западная Европа прикрываетъ это дѣло, принялъ на себя, и чтобы предоставилъ оправданіе свое отдаленной исторіи, которая въ свою очередь можетъ быть обманута. «Обстоятельства любопытныя, но дѣло тяжелое», пишетъ графъ Толстой, заканчивая эту замѣтку слѣдующими словами: «Господи, дай мнѣ силы и терпѣнія!»

Если такой возгласъ вырвался у свѣтскаго лица, смотрѣвшаго на дѣло въ качествѣ Русскаго и сына православной церкви, то что долженъ былъ чувствовать ревностный ея служитель, какимъ былъ Филаретъ? «Повѣрьте, нѣтъ ни одной клеветы, нѣтъ ни одного низкаго средства, за что бы не взялись въ поддержаніи лютеранства», писалъ онъ графу Протасову. «Если оставить меня опять одного бороться съ звѣрми, отвѣтъ передъ судомъ Божиимъ и человѣческимъ за слѣдствія вредныя падеть не на меня. Я чистъ совѣстію, объявляя дѣло въ настоящемъ его видѣ послѣ того, какъ горькимъ опытомъ дозналъ и въ безсонныя ночи размышлялъ о всемъ, что дѣлается и имѣетъ дѣлаться».

Но не такъ смотрѣлъ на дѣло государственный правитель, не только отрекаясь отъ служенія своей церкви, но закрывая глаза передъ политической задачей своей родины, которая такъ видимо, такъ вразумительно, сама собою выполнялась, безъ всякой предварительной подготовки, безъ всякихъ усилій правительства. Этого мало. Той же интригѣ и тѣмъ же правителямъ удалось обойти и самого Государя. Послѣ столь опредѣленной программы, какая была имъ высказана, нельзя было ожидать поворота въ образѣ дѣйствій такого человѣка, какимъ былъ Николай Павловичъ. Надо предполагать, что Государя увѣрили, будто присоединеніе совершается слишкомъ поспѣшно, будто присоединявшимся нѣтъ времени одуматься и обсудить столь важный вопросъ, какъ перемѣна исповѣданія. Быть можетъ, указали и на случай, когда Латыши-Гернгутеры, уже заявившіе желаніе присоединиться, но имѣвшіе время обсудить, отказа-

лись внослѣдствіи. А случай этотъ не ускользнулъ отъ вниманія Филарета, и онъ изслѣдовалъ это дѣло. Оказалось, что Латыши были призваны въ лютеранскую консисторію, гдѣ ихъ манили обѣщаніемъ дозволить имъ устроить молитвенный домъ и школу (что до движенія къ православію консисторіею не дозволялось). Конечно это обѣщаніе, побудившее Гернгутеровъ отказаться отъ своего намѣренія, было скрыто отъ Государя. И вотъ неожиданно-негаданно пришло Высочайшее повелѣніе, чтобы отъ объявленія желанія присоединиться до самаго присоединенія проходило шесть мѣсяцевъ. Такое распоряженіе крайне смутило Филарета и, по словамъ его, «повергло въ недоумѣніе и уныніе всѣхъ, ищущихъ православія». Такая мѣра имѣла неотразимымъ послѣдствіемъ полнѣйшій просторъ интригѣ и гоненіямъ и охлажденіе въ стремленіи къ присоединенію.

Но, дивное дѣло! Вскорѣ вновь появилось движеніе и мѣстами очень сильное. Только достигалась цѣль съ бѣльшими страданіями, только бѣльше терній насаживалось на пути шествія бѣднаго народа въ объятія его новой матери—Россіи. Насмѣшка ли здѣсь судьбы или неисповѣдимые планы Зиждителя? Ни козни, ни муки, которымъ теперь дано бѣлье простора, не останавливали народа.

По восьмому пункту.

Мы знакомы со взглядомъ Филарета на священниковъ, какіе нужны для новопросвѣщенныхъ Латышей. Но образованное общество Риги не могло быть удовлетворено такимъ составомъ. Даже самолюбіе требовало, чтобъ въ Ригѣ духовенство не уступало въ образованности пасторамъ, которыми такъ кичились бароны. «Нѣмцы доселѣ говорили, что Русскіе попы мужики», замѣчаетъ Филаретъ. Неспорно, такое замѣчаніе для всякаго Русскаго было слишкомъ обидно; а потому мысль Филарета поднять образовательный уровень Рижскаго духовенства сочувственно привѣтствовалась Русскими людьми. Филаретъ какъ-бы ссылается на авторитетъ самаго Государя въ этомъ вопросѣ, приводя его слова: «Вотъ съ крестиками-то священники (т.-е. магистры Академіи) мнѣ нравятся; сколько видѣлъ ихъ, они люди хорошіе, образован-

ные, ихъ назначать ко мнѣ въ гвардію». А по своей признательности къ Московскому митрополиту Филаретъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Да, другъ мой, это много значить, много значить для св. вѣры, много значить для отца нашего митрополита, которому всёмъ этимъ одолжена церковь наша».

По тѣмъ же соображеніямъ, какъ мы знаемъ, Филаретъ съ живымъ участіемъ отнесся къ желанію одного барона, жепатаго на Русской, назначить ему на мызу хорошаго священника, который могъ бы быть законоучителемъ его сыновей. Филаретъ назначилъ это мѣсто для воспитанника Московской Академіи и очень хлопоталъ о скорѣйшемъ отысканіи благонадежнаго лица для замѣщенія. Наконецъ и для самого епархіальнаго управленія пужны были люди болѣе развитые. Филаретъ хлопоталъ привлечь въ Ригу академикомъ. Ходатайство его было разрѣшено Св. Синодомъ, и ему предоставлено озаботиться приисканіемъ желающихъ. Разумѣется его взоры обратились къ родной его, Московской Духовной Академіи. Близка была ему она по его любви къ ней, близка по тому направленію, какое давалось ея питомцамъ. И вотъ шлетъ онъ туда просьбу за просьбою, мольбу за мольбою. «Господа ради, прошу васъ, прошу всю братію, прошу о ректора—пришлите питомцевъ вашихъ. Истинно говорю, что это будетъ несомнѣннымъ благомъ для церкви. Отъ души прошу тѣхъ, которыхъ вы выберете, не тяготиться жребіемъ; сколько достанетъ силъ и средствъ, постараюсь, при помощи Божіей, успокоить ихъ положеніе». «Да, забылъ упомянуть: квартиры для духовенства здѣсь казенныя, т.-е. пріобрѣтенныя приходами для церкви. Это, конечно, немалость, особенно на первый разъ». «Мнѣ очень будетъ тяжело, если вы не удѣлите отъ своихъ питомцевъ трехъ юношей преподобнаго Сергія. Вы, конечно, понимаете, почему мнѣ хочется именно изъ нашей Академіи видѣть здѣсь пастырей. Видѣлъ я грѣшный, воспитанниковъ Питера. Христосъ съ ними! Господомъ прошу, не откажите въ милости». «Вы спрашиваете меня относительно удобствъ, какія могутъ быть для предназначенныхъ Синодомъ въ Ригу питомцевъ вашихъ, и пишете съ душевною скорбію. Конечно, вы не сомнѣваетесь, что и я, грѣшный, озабоченъ симъ дѣломъ по любви къ питомцамъ преподобнаго Сергія. Но не думайте, прошу васъ, такъ невыгодно о здѣшнихъ

мѣстахъ, какъ думаете вы. Вы полагаете, что здѣшніе священники вовсе ничего не получаютъ отъ прихожанъ (кромѣ жалованья). Нѣтъ, здѣшніе прихожане очень любятъ священниковъ. Довольно сказать, что они состоятъ изъ купцовъ и мѣщанъ: а вы знаете, что купечество наше, благодареніе Господу, набожно; здѣшнее таково же и даже болѣе привержено къ церкви, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Это зависитъ и отъ того, что, живя среди иновѣрныхъ, оно само, иновѣріемъ и особенно его враждою противъ православія, располагаетя любить православіе и православныхъ». Далѣе онъ сообщаетъ, какъ великъ доходъ священниковъ и приводитъ въ примѣръ одного изъ нихъ, который получаетъ вдвое противъ другихъ, благодаря своему истинно-пастырскому служенію, чѣмъ приобрѣлъ любовь своихъ прихожанъ.

Но студенты, которымъ, какъ видно, предлагалъ Горскій, опасались службы въ Ригѣ. Ни для кого не было тайною, что тамъ дѣлается. И опечаленный Филаретъ писалъ: «Очень жаль, жаль, что студенты отказываются отъ Риги. Теперь еще болѣе вижу, что имъ было бы очень выгодно жить здѣсь. По собраннмъ недавно вѣрнымъ свѣдѣніямъ здѣсь ни одинъ священникъ не получаетъ менѣе 2.000 руб. (ассигн.). Теперь же еще назначается по 200 руб. сер. въ годъ. Да и жизнь для нихъ покойная. Другое дѣло жизнь грѣшнаго Филарета. Но воля Господня да будетъ!»

Отказъ студентовъ Московской Академіи побудилъ Филарета обратиться къ Петербургу. По счастью выборъ, какъ кажется, былъ удаченъ. «Не угодно преп. Сергію послать питомцевъ своихъ. Какъ бываетъ мнѣ это по временамъ скорбно! Петербургскіе хороши: но мнѣ было бы утѣхою быть со своими. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что положеніе тѣхъ, которые прибыли-бы сюда, было бы очень счастливое. Вотъ прислано каждому по 150 руб. сер. на обзаведеніе. Не говорю о жалованьи и мѣстахъ. Но опять повторю: да будетъ благословенно имя Господа Вышняго!»

Но Филаретъ, надо думать, не терялъ надежды на родную Академію и желая, быть можетъ, ея питомцевъ имѣть ближе къ себѣ, оставлялъ для нихъ мѣста въ Ригѣ. Къ такой увѣренности Филарета немало содѣйствовало личное участіе Московскаго митрополита. «О требуемомъ для васъ избраніи», писалъ митрополитъ, «заботимся, но еще успѣха

нѣтъ. Вы знаете, что въ Москвѣ и около центра стремительная сила болѣе, нежели центробѣжная». Какъ видно митрополитъ, сдѣлавъ укоръ Филарету за необращеніе непосредственно къ нему, и на оправданіе Филаретъ писалъ ему: «Прежде всего позвольте поспорить противъ вашей мысли, что вамъ тягостно было беспокоить меня доукою о кандидатахъ священства, и будто тягостно даже для совѣсти. Для совѣсти тягостно было бы, еслибы изъ челоуѣкоудодія, чтобы не беспокоить меня не требовали отъ меня нужнаго для общественной пользы. И вы не похвалу мнѣ написали, назвавъ безпопойствомъ для меня требованіе общепользнаго; если я это почитаю бесполезнымъ, то просилъ бы отличить меня и возбудить къ лучшимъ расположеніямъ». Великій учитель Московскій не измѣнялся, какъ видимъ, съ годами. «Требованіе ваше предложилъ я академическому правленію и начинаю беспокоиться, что не спѣшатъ, и располагаюсь беспокоить подтвержденіемъ. Жалѣю, что не очень удобно исполнять требованіе сего рода. Въ Москвѣ особенно крѣпко прирастаютъ люди къ мѣсту, и не охотно позволяютъ оторвать себя», замѣтилъ митрополитъ. Въ противоположность такому приращенію къ мѣсту Филаретъ указывалъ Горскому на одного воспитанника Петербургской Академіи, который отказался отъ профессорства и предпочелъ служеніе въ Ригѣ. А чтобы заохотить Московскихъ, онъ не упускалъ случая о всѣхъ выгодахъ для Лифляндскихъ священниковъ сообщать Горскому, увѣряя, что и въ Москвѣ немного такихъ приходоу.

Въ Декабрѣ 1847 года Филаретъ писалъ уже Горскому, прося прислать пятерыхъ академиковъ, для которыхъ остаются незащитными мѣста. «Тенерь обстоятельства здѣсь уже не прежнія; Русь начинаетъ имѣть просторъ; теперь въ одной Лифляндіи до 70 православныхъ священниковъ, а прежде не было и семи». Вотъ какихъ результатовъ достигъ своею неутомимою настойчивостію Филаретъ. Понятъ нетрудно послѣ этого все озлобленіе противъ него Нѣмцевъ.

Наконецъ родная Академія удѣлила ему двухъ своихъ питомцевъ, и Филаретъ извѣщаетъ о нихъ Горскаго: «Назаревскій и Варницкій *)

*) Первый былъ ректоромъ дух. училища въ Ригѣ. Скончался въ Москвѣ въ 1881 г. Второй и нынѣ состоитъ ключаремъ Рижскаго кафедральнаго собора, сохраняя почитительную память о Филаретѣ.

здѣсь не скучаютъ. Тотъ и другой довольно тепло живутъ». А мнѣ со своими какъ-то свободнѣе и легче. Нельзя жаловаться и на Петербургскихъ. Всѣ трое смиренны. Но со своими душѣ свободнѣе, опять скажу».

Прибывшіе священники, осмотрѣвшись, удостовѣрились, что жить дѣйствительно можно. Они стали перетягивать и другихъ «Я жду отъ васъ надежнаго священника, о которомъ писалъ въ Академію Владиміръ Григорьевичъ *). Выберите получше, подобрѣе, такого какъ Владиміръ Григорьевичъ, котораго очень люблю и какъ добраго и какъ умнаго». — «Тотъ, о которомъ писали вы, по вашимъ же словамъ не очень одобрителенъ. А въ Ригѣ житье мудреное. Нѣмцы—народъ умный, городъ торговый, гдѣ богатство портитъ людей и, портя, губитъ счастье». Одною изъ преградъ, какую ставили себѣ воспитанники Академіи это—незнаніе туземнаго языка. Филаретъ убѣждалъ, чтобы этого не пугались, увѣряя, что на мѣстѣ легко выучатся и приводилъ примѣры: «Это говорю по опыту: 60 священниковъ, посвященныхъ мною, которыхъ первоначальныя познанія въ народномъ языкѣ были или слабы, или даже и ничтожны, теперь всѣ и говорятъ и пишутъ на народномъ языкѣ». При этомъ Филаретъ совѣтовалъ пріѣзжать неженатыми и избиралъ себѣ по другъ жизни здѣсь. «Это полезно во многихъ отношеніяхъ, на первый разъ и для разговора съ народомъ. Къ тому же скучно и женѣ быть на чужой сторонѣ, скучно и мужу не имѣть вблизи себя звѣна, связующаго съ здѣшней мѣстностію».

Но все таки, и помышляя уже о переводѣ изъ Риги, Филаретъ не переставалъ осаждать родную Академію требованіями священниковъ, очевидно желая, насколько это возможно, упрочить дѣло, на случай, еслибъ преемникъ его оказался человѣкомъ съ малымъ запасомъ энергіи. Въ отвращеніе такой гибельной для церкви случайности онъ просилъ въ преемники себѣ ректора Евсевія, зная его твердый, неуклончивый характеръ. Горекому же писалъ: «Я все ожидаю вашихъ питомцевъ. Такъ они нужны мнѣ. Приходы остаются безъ священниковъ. Размѣщеніе ихъ

*) Назаревскій.

соединено для меня съ нѣкоторыми затрудненіями. Приходится переводить прежнихъ на новыя мѣста, а это, какъ понимаете, печалить переводимыхъ».

Наконецъ, явились ожидаемые воспитанники выпуска 1848 года и назначены: «Карелинъ на о. Эзель благочиннымъ и священникомъ, Посильловъ въ г. Вольмаръ, Троицкій на мызу Кароленъ въ готовый церковный домъ и церковь, Бѣликовъ въ Ряшино, отецъ богатое доходами. Я просилъ за нихъ преемника». Такъ извѣщалъ Филаретъ Горскаго, передавая уже свою паству новому пастырю.

Такимъ образомъ, девять академиковъ заняли священническія мѣста въ Лифляндіи.

По девятому пункту.

Чтобы поднять духовенство и привлечь къ служенію церкви людей образованныхъ, конечно нужно было увеличить убогіе штаты священнослужителей. Это заботило Филарета, который на первыхъ же порахъ сталъ ходатайствовать объ увеличеніи содержанія духовенству. Къ прискорбію его, мѣстный епархіальный архіерей, Псковскій преосвященный Наанаилъ возсталъ противъ этого. Утверждая, что Рижское духовенство болѣе обеспечено чѣмъ духовенство Псковской епархіи, онъ представилъ Синоду объ оставленіи ходатайства Филарета безъ уваженія. Ключемъ къ разгадкѣ такого противодѣйствія Наанаила можетъ служить мѣстная епархіальная интрига и слишкомъ узкій взглядъ владыки. Но Филаретъ былъ настойчивъ, и его это не остановило. Ходатайство свое онъ подкрѣпилъ слишкомъ вѣскими доводами, между прочимъ «разчетомъ поставить духовенство на видныя мѣста, чтобы иновѣріе не могло указывать на недостатки жизни въ упрекъ православію» *). Синодъ, разумѣется, не могъ выключить вопросъ этотъ въ такія узкія рамы, въ конхъ смотрѣлъ на него Псковскій владыка, и ходатайство Филарета было уважено. Получены штаты, къ нимъ добавочныя, далѣе на обзаведеніе.

*) Ходатайство Филарета докладывалось Государю; въ слѣдъ за тѣмъ Филаретъ побуждалъ Московскихъ академиковъ ѣхать въ Ригу и извѣщалъ Горскаго. Жалованье еще прибавится, на что имѣю увѣреніе изъ Синода, пока частное»;

Какую же награду просилъ для себя Филаретъ? «Если-бы духовенство Рижское помянуло меня за гробомъ!» писалъ онъ Горскому, съ особенною радостію извѣщая его объ успѣхѣ этого дѣла.

По десятому пункту.

Много горя пришлось перенести Филарету въ его заботахъ объ огражденіи присоединившихся и искавшихъ присоединенія къ православію отъ жестокаго ихъ преслѣдованія.

Вотъ какъ описывается положеніе Латышей на основаніи официальныхъ свѣдѣній, имѣющихся при дѣлахъ оберъ-прокурора Св. Синода. «Кажется, всякаго рода насилія, истязанія, жестокости и ухищренія пущены были въ ходъ и приведены въ дѣйствіе, чтобы отвратить Латышей и Эстовъ отъ принятія православія. Несчастливыхъ жертвъ морили голодомъ, сгоняли съ земли съ цѣлою семьей, лишали мѣсть, бросали въ тюрьмы, били палками, забивали до изуродованія и даже до смерти, волочили по судамъ, подстерегали каждое ихъ слово и дѣйствіе, подвергали допросамъ, брили имъ головы, издѣвались надъ ними всячески, употребляя все мѣры, все средства, чтобы вывести ихъ изъ терпѣнія и возбудить къ бунту; такъ что по выраженію преосв. Филарета, надобно при этомъ удивляться только одному — терпѣнію невинныхъ страдальцевъ. Истинно, самъ Господь подкрѣпляетъ ихъ силы, терзасемая изувѣрствомъ и своекорыстною ненавистію. Надолго ли станетъ терпѣнія ихъ? Богъ знаетъ. Доселѣ они покойно идутъ, какъ овцы на бойню—на судъ Нѣмецкій».

Картину этого времени хорошо рисуетъ одинъ и, за исключеніемъ Филарета, быть можетъ, единственный въ то время Русскій дѣятель въ Лифляндіи въ духъ православія и человѣколюбія, графъ Д. Н. Толстой. Онъ привелъ въ извѣстность все правительственныя распоряженія по дѣлу о присоединеніи и раздѣлилъ ихъ: 1) относящіяся до порядка присоединенія и содѣйствія духовной власти со стороны гражданскаго управленія, 2) къ устройству постоянныхъ и временныхъ церквей и школъ, 3) по охраненію общественнаго порядка и спокойствія, 4) о преслѣдованіи злоупотребленія властью и обязанностями. Этимъ желалъ онъ дать правильное направленіе и движеніе дѣлу, вывести его изъ хаоса. Но

едва удалось ему окончить трудъ этотъ, какъ дѣло снова было сбито съ правильнаго пути въ непроглядную сферу хаоса и интригъ. Получилось секретное распоряженіе военнаго министра объ учрежденіи военно-судной комиссіи для дѣлъ о разглашателяхъ. Въ народѣ всегда ходятъ какіе-либо слухи, затрогивающіе болѣе и менѣе близкія ему струны. Такъ было и здѣсь. Истрадавшійся народъ искалъ въ своихъ мечтахъ исхода къ лучшему. И вотъ пошла огласка, что можно переселяться въ теплыя земли, т. е. на Югъ, гдѣ непречтственно исповѣдуются православная вѣра. Надежда на переселеніе, весьма можетъ быть, придавала бодрости и терпѣнія. Но эти невинные слухи окрасили небывалымъ народнымъ волненіемъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначень былъ ген.-м. Крузенштернъ, членами флигель-адъютанты Ефимовичъ и Анпенковъ. Самое назначеніе Крузенштерна убѣждало всѣхъ въ томъ, что здѣсь дѣло Нѣмецкой партіи. «Но не въ этомъ еще зло», говоритъ графъ Толстой; «оно заключается въ разъединеніи дѣйствій правительства по одному и тому же дѣлу. Сношенія наши съ Петербургомъ раздѣлились на четыре пути: первый—прямой, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; второй—архіерейскій, черезъ оберъ-прокурора св. Синода; третій—черезъ военнаго министра и, наконецъ, по начинающемуся, какъ слышно, движенію въ Эстляндіи (состоящей въ С.-Петербургскомъ викаріатѣ), четвертый—черезъ митрополита Антонія. Естественно, что донесенія эти будутъ различествовать по мѣрѣ различія въ воззрѣніяхъ на предметъ, и вмѣсто того, чтобы придать дѣйствію правительства болѣе энергіи и единства, мы должны теперь ожидать мѣры на мѣру, повелѣнія на повелѣніе».

И какъ же пошло дѣло? Чтò нашли? «Флигель-адъютанты пріѣхали и напрасно ищутъ дѣла. Военный министръ не ладитъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и вотъ прислалъ флигель-адъютантовъ, потому что будто бы изъ множества производящихся здѣсь слѣдствій ни одно не кончено (это вздоръ), а въ самомъ дѣлѣ ему нужно противодействовать Перовскому. Для Чернышова здѣсь нѣтъ ничего и никого: въ виду одинъ Перовскій. И бѣднаго старика моего *) тянутъ и рвутъ во всѣ стороны и сбиваютъ съ толку. Графъ Протасовъ видитъ въ этомъ дѣлѣ ленту;

*) Головина.

епископъ хлопочеть о распространеніи паствы *во что бы ни стало*; ген.-губернаторъ, думая въ душѣ быть безпристрастнымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается слабымъ. Одинъ Перовскій глядитъ широко и видитъ въ этомъ дѣлѣ распространіе Русскаго элемента. Онъ постигаетъ, что положеніе здѣшняго края аномальическое для Россіи, и потому я служу въ его министерствѣ. Я служу, ибо раздѣляю его убѣжденія; чуть замѣчу, что дѣло противно моему убѣженію, противно совѣсти, — брошу и уйду». — «Часто мы обманываемъ себя, относя къ безпристрастію равнодушніе и холодность нашу къ дѣлу, въ которомъ чувствуемъ, что должны бы были принять участіе; и чтобы помириться самимъ съ собою, громко называемъ себя безпристрастными». Конечно слова эти всецѣло относились къ Головину, который, по замѣчанію графа Толстого, наконецъ сдѣлался совершеннымъ Нѣмцемъ по убѣжденіямъ.

Интрига работала во всеоружіи. «Теперь дѣло присоединенія находить новыхъ обвинителей», повѣтствуетъ графъ Толстой: «говорятъ, разумѣется, православные, что нашъ народъ не хочетъ обращаться съ неофитами и что даже Русскіе жители Дерпта хотѣли подавать объ этомъ пѣсьбу. Начинаютъ опасаться раскола тѣ, которые никогда прежде того не заботились объ интегральности Русской церкви. Говорятъ, что новоприсоединенные вносятъ протестантизмъ въ нѣдра нашей церкви».

Когда Государь выѣхалъ въ чужіе края, Имперіею управлялъ Государь-Цесаревичъ. Онъ повелѣлъ раздѣлить обвиняемыхъ въ разглашеніи ложныхъ слуховъ о выгодахъ, сопряженныхъ будто-бы съ переходомъ въ православіе, на два разряда: «1) Дѣйствующихъ съ злостнымъ умысломъ посредствомъ обольщеній привлечь въ православіе простодушныхъ. 2) Безъ умысла повторяющихъ слышанное. Первыхъ судить военнымъ судомъ, а вторыхъ подвергать полицейскимъ наказаніямъ». Чѣмъ же это кончилось? Тюрьмы переполнились, и ни одинъ изъ заключенныхъ, по свидѣтельству графа Толстого, не принадлежалъ ни къ первому, ни ко второму разряду. Забыли о третьихъ, которые на самомъ дѣлѣ одни только и были: это тѣ, которые безъ злостнаго умысла говорятъ вздоръ, не повторяя однако-же слышаннаго, а сами толкуя превратно дѣло, по крайнему своему разумѣнію. Такими-то и были наполнены тюрьмы.

Какъ же относился Филаретъ къ этому убійственному въ собственномъ смыслѣ дѣлу? Прежде всего онъ обратился къ молитвенной помощи родной своей лавры. «Здѣсь столько теперь трудовъ и скорбей! Нѣмцы со все́мъ ожесточеніемъ возстали противъ дѣла православія. И происки, и клеветы—все въ ходу. Бѣдныхъ крестьянъ волнуютъ и мучать. Волнуютъ и высшее начальство сомнѣніями. Чиновники летаютъ изъ Петербурга въ Ригу для повѣрокъ. Слѣдствія за слѣдствіями. Помолитесь Господу Богу за грѣшнаго Филарета. Помолитесь Божіей Матери и преподобному Сергію о защитѣ невинныхъ и святаго православія. Радъ бы писать, но нѣтъ времени».

«Нынѣ—покой, завтра—тревога» писалъ Филаретъ. «Ни за одинъ день нельзя поручиться. Вотъ недавно два раза присылаемъ былъ флигель-адъютантъ. Тревогъ довольно. Сперва огласили: въ Перновѣ бунтъ, оказался покой. Вотъ затѣмъ огласили: въ Аренбургѣ бунтъ, и опять не нашлось бунта. Представьте, что о каждомъ такомъ дѣлѣ пишутъ ко все́мъ министрамъ и къ Государю. Вы поймете, что много надобно твердости, чтобы не возмущаться по этой волнующейся пучинѣ. По крайней мѣрѣ у меня грѣшнаго нѣтъ такой крѣпости, чтобы оставаться покойнымъ. Да будетъ воля Господа! Видно, каждому своя дорога. Каждаго ведетъ Отецъ Небесный Своимъ путемъ. Въ прошломъ Декабрѣ (1845 г.), теперь скажу какъ о прошломъ, все́мъ готовился я для того пути, которымъ выѣхалъ отсюда предмѣстникъ мой. Такъ назначали, такъ объявляли, такъ писали. Но вотъ доселѣ еще здѣсь, на радость Нѣмцамъ добрымъ. Что будетъ далѣе, что будетъ завтра? Не знаю, истинно не знаю».

Но подъ давленіемъ тяжелой скорби и собственныхъ опасеній не слабѣетъ дѣятельность Филарета. Напротивъ, какъ будто бы она еще болѣе возбуждается ими. Обливаясь слезами, описываетъ Филаретъ притѣсненія и обиды Латышей и препровождаетъ записки свои къ генералъ-губернатору, то ѣдетъ къ нему просить о несчастныхъ, то къ губернатору, то просить посредничества графа Толстого и обо всемъ пишетъ въ Петербургъ графу Протасову; а несчастныхъ, приходившихъ къ нему, укрѣпляетъ въ терпѣніи, даетъ совѣтъ и собственными слезами участія облегчаетъ имъ душу.

Противодѣйствіе православію дошло до наглаго его оскорбленія. Такъ наприм., кирхенфорнильсратъ Дерптско-Берровскій, собравъ общее собраніе всѣхъ церковныхъ попечителей и проповѣдниковъ своего округа, въ виду «настоящей и въ близкой будущности нашей отечественной (?) церкви предстоящей участи» (какъ писалъ онъ) предложилъ имъ для непремѣннаго руководства слѣдующія правила: 1) *Српствующій* (?) Русскій священникъ не имѣетъ права требовать на мызѣ помѣщенія для подвижной церкви, пока не предъявитъ полнаго отъ орднунгсгерихта удостовѣренія въ отпращеніи его для исполненія духовныхъ требъ на землѣ того мызнаго управленія. 2) О прибытіи Русскаго священника обязаны мызные управленія немедленно черезъ нарочныхъ доносить орднунгсгерихтамъ, церковнымъ попечительствамъ и мѣстнымъ проповѣдникамъ. 3) Всѣ священнодѣйствія священниковъ, за исключеніемъ частныхъ требъ, какъ-то: крещенія, погребенія и т. п., должны происходить въ присутствіи лица, командированнаго отъ орднунгсгерихта и мѣстнаго попечительства. При этомъ вмѣнялось и мызному управленію въ обязанность назначать отъ себя представителя для строгаго контроля надъ дѣйствіями священника. 4) Въ тѣхъ мызахъ, гдѣ пѣтъ членовъ общества, присоединившихся къ Греческой церкви, отнюдь не дозволять исполненія духовныхъ требъ. 5) Не допускать, чтобы подвижная церковь ѣздила по деревнямъ, и совершалось тамъ присоединеніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по настоятельной необходимости исполнить какую-либо духовную потребу священникъ поѣхалъ бы въ деревню, мызный представитель обязанъ былъ ему сопутствовать и строго наблюдать за неуклопеніемъ священника отъ установленныхъ правилъ, т.-е. чтобы не допускали записыванія и муропомазанія. Въ противномъ случаѣ предлагалось черезъ нарочнаго обращаться за содѣйствіемъ къ орднунгсгерихту, а до времени, въ качествѣ мызной полиціи, дѣйствія священника съ осторожностію и благоразуміемъ остановить. 6) Строго наблюдать, чтобы при подвижной церкви не записывались тѣ, кои о желаніи своемъ заявляли только по прибытіи церкви. (Здѣсь опять забота: чтобы народъ, обманутый и возмущенный распространенными слухами объ ожидаемыхъ, вслѣдствіе присоединенія, свѣтскихъ выгодахъ, не взиралъ на появленіе подвижной

церкви, какъ на вызовъ и повелѣніе присоединяться). 7) Опять повторяется, вѣроятно для вящаго вразумленія, о строгомъ наблюденіи за *странствующими* Русскими священниками, о донесеніи оберокирхенфоршнильгерихту и принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ. 8) Дозволяя *странствующему* Русскому духовенству въ присутствіи представителя мызнаго правленія богослуженіе и совершеніе требъ на тѣхъ мызахъ, гдѣ уже есть члены общества, перешедшіе къ Греческой церкви, допускать присоединеніе только прежде записанныхъ членовъ общества, но не иначе, какъ въ присутствіи церковныхъ попечителей и испытаніи каждаго присоединяющагося въ томъ, что онъ имѣетъ твердое и истинное желаніе присоединиться, не побуждаясь къ тому земными выгодами и по надлежащемъ по томъ *въ правилахъ Греческой церкви законоученіи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалось строгому наблюденію, чтобы присоединяемые имѣли надлежащія умственные способности и совершеннолѣтіе (для мужчинъ 18 лѣтъ, для женщинъ 16 лѣтъ). Недостигшіе же послѣдняго не иначе должны допускаться, какъ съ согласія обоихъ родителей. Въ случаѣ отступленій также предлагалось доносить ордунгстерихту и остановить дальнѣйшія дѣйствія священника (здѣсь «осторожность и благоразуміе» уже не рекомендовались) и т. п. Еще два параграфа, въ которыхъ между прочимъ говорится, чтобъ проповѣдники доставили немедленно свѣдѣнія о числѣ присоединенныхъ къ православію малолѣтнихъ. Эту инструкцію оберокирхенфоршнильсратъ заключаетъ увѣренностію, что се будутъ выполнять «съ благоразуміемъ и сознаніемъ своихъ христіанскихъ, человѣческихъ и *подданническихъ* (?) обязанностей».

Итакъ, одновременно съ повелѣніями государственной власти шли распоряженія мѣстнаго лютеранскаго духовнаго управленія, затрудняющія исполненія первой и убаюкивающія бдительность Русскихъ правителей трогательною заботливостію о выполненіи вѣроподданческаго долга! Филаретъ горячо отстаивалъ новыхъ чадъ церкви, побѣждая лютеранскую консисторію своею несокрушимою логикою, уличая ее ея же словами. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ ген.-губернатору въ Декабрѣ 1845 г. «По разсмотрѣніи препровожденнаго дѣла и сличеніи съ документами, находящимися у меня, считаю долгомъ предложить слѣдующій отзывъ:

«1) Экстрактъ консисторіи говоритъ о движеніяхъ церковныхъ, происходившихъ до Апрѣля мѣсяца сего года; а въ Ноябрьѣ консисторія проситъ суда надъ Карломъ Эрнестомъ и Давидомъ Баллодомъ. Но: а) если смотрѣть на Эрнеста и Баллода какъ на виновныхъ въ церковныхъ движеніяхъ (какъ заставляетъ смотрѣть и отношеніе консисторіи), то, поелику они присоединились къ св. православію, по силѣ ст. 209 и 211-й XV т. Св. Зак. должны считаться свободными и отъ отвѣтствія, и отъ суда, тѣмъ болѣе, что они теперь самые искренніе христіане православія. Предъ самымъ присоединеніемъ ихъ отзывъ г. гражданскаго губернатора отъ 5-го Апрѣля сего года за № 4456 (требовавшійся по первоначальному порядку присоединенія) говорилъ о Давидѣ Баллодѣ: «поведенія хорошаго», о Карлѣ Эрнестѣ: «ведетъ пристойно званію добропорядочную жизнь, и о немъ полиціи ничего предосудительнаго неизвѣстно». Самые отзывы выисканныхъ лицъ экстракта представляютъ Карла Эрнеста и Давида Баллода ищущими только одного благочестія; сами пасторы въ экстрактѣ говорятъ о нихъ тоже. б) Если-бы Баллодъ и Эрнестъ и оставались еще въ лютеранствѣ и не были бы ограждены отъ подозрѣній свидѣтельствомъ гражданскаго начальства и отзывами самаго экстракта, и тогда странно, что отношеніе консисторіи требуетъ суда только надъ этими двумя лицами, тогда какъ экстрактъ ея говоритъ еще о Лукѣ Михельсонѣ, Андреѣ Вейдѣ и другихъ, открывавшихъ недовольство свое церковнымъ положеніемъ. А еще страннѣе, еще непонятнѣе, что консисторія, горячо возставая противъ Баллода и Эрнеста, которые ни личностію, ни выставляемымъ дѣломъ православія, болѣе не подлежатъ ея вѣдѣнію, оставляетъ безъ вниманія дѣла пасторовъ Трея и Ширена, которыхъ такъ винитъ самый экстрактъ. в) Благовременно ли консисторія собралась успокаивать движенія, происходившія въ лютеранствѣ? Почти полтора года прошло послѣ того, какъ было первое, выставленное ею, виновное по ея понятію, движеніе, и цѣлые семь мѣсяцевъ послѣ послѣдняго движенія; теперь дѣйствія ея скорѣе говорятъ о явномъ противодѣйствіи православію, чѣмъ о порядкѣ дѣла».

«2) Что касается до дѣла нѣкоторыхъ членовъ братства *), изъяснившихъ мнѣ благочестивыя желанія свои, до чего частію касается

*) Гернгутеровъ.

экстрактъ; то: а) прежде всего слѣдуетъ сказать, что это дѣло совершенно отдѣльное отъ дѣла о присоединеніи Латышей къ православію. Последнее отдѣлено отъ перваго Высочайшею волею, сообщенною мнѣ въ отношеніи г-на оберъ-прокурора Св. Синода отъ 14-го Марта сего года за № 1799 и пространище изображено въ дополнительной инструкціи Рижскому епископу, Высочайше утвержденной 25-го Апрѣля сего года. Сообразно съ сею волею, каждый, желающій православія, изъявляетъ желаніе отъ себя, а не отъ общества и испытывается въ чистотѣ и искренности добровольнаго желанія за себя самого, въ присутствіи гражданскаго или сельскаго чиновника. Самое первое такое испытаніе, сообразно съ Высочайшею волею, происходило 25 Марта, а въ самый первый разъ присоединеніе Латышей-лютеранъ къ православію совершено 21-го Апрѣля, т.-е. далеко послѣ всего, о чемъ говоритъ экстрактъ. Кто хотѣлъ подвергаться такому испытанію, тотъ и былъ подвергаемъ; кто искренно желалъ православія, тотъ и былъ присоединенъ; а кто, хотя и изъявлялъ когда-либо желаніе православія, но перемѣнилъ желаніе, по себѣ ли самъ, или отвращенный отъ добраго намѣренія усиліями худыхъ людей, — тотъ предоставляется суду Божию, какъ и отвращавшій его. Такимъ образомъ консисторія напрасно въ своемъ отношеніи позволяетъ себѣ оскорбительныя выраженія о дѣлѣ православія: напрасно, безъ всякихъ доказательствъ, чернить православныхъ Баллода и Эрнеста именами, которыхъ не оправдываетъ даже экстрактъ ея, не имѣющій, какъ сказано, связи съ присоединеніемъ къ православію, а еще менѣе самое дѣло присоединенія: напрасно тѣмъ болѣе, что консисторіи, какъ показываетъ экстрактъ ея, извѣстна Высочайшая воля, сообщенная ей отъ 20-го Марта, запрещающая, какъ и общеизвѣстный законъ Имперіи, всякій поступокъ противъ православія. б) Для пользы тѣхъ, которые грѣшатъ, по невѣдѣнію, противъ благочестиваго дѣла *), вынуждаюсь сказать, что дѣло членовъ братства происходило такъ. Послѣ принесенной мнѣ горькой жалобы членами братства на то, что пасторы упорно отказываютъ имъ въ дозволеніи совершать утреннее и вечернее богослуженіе (понятно, что такой жалобы не могъ я причислить къ формальнымъ моимъ дѣламъ),

*) Вразумительно и для ген.-губернатора.

послѣ врученія членамъ православнымъ Латышскихъ книгъ, предложены были на Русскомъ и Латышскомъ языкѣ письменныя условія, на которыхъ православный епископъ согласенъ принять во вниманіе благочестивыя желанія страждущихъ, а между условіями было и соединеніе съ православіемъ. Бумага съ условіями отдана была самому братству, читана была членами въ собраніи братства и въ домахъ, и кто соглашался съ условіями, подписывался подъ бумагою, кто не хотѣлъ соглашаться, не подписывался. Православный катихизисъ, православный молитвенникъ, православная литургія, всѣ три на Латышскомъ языкѣ, отданы братству, вполнѣ уясняли для братства то, о чемъ шло дѣло. Слѣдовательно каждый подписавшійся, какъ умѣющій читать, а еще болѣе слушать, могъ знать въ чемъ дѣло. Когда набралось значительное число желавшихъ поступать, согласно съ условіями, на подачу прошенія къ епископу, потребовалась довѣренность отъ общества одному лицу, и довѣренность, написанная на Русскомъ языкѣ и кратко выражавшая содержаніе вышепомянутой бумаги, подписана собственноручно унтеръ-офицеромъ Маркевичемъ, Давидомъ Баллодомъ, Карломъ Бертулемъ, Атомъ Медни, и за другихъ подписана Маркевичемъ же. Такимъ, образомъ, аа) никто не могъ жаловаться на кого-либо по этому дѣлу; дѣло было предоставлено разумѣнію и волѣ каждаго. бб) Считая тяжелымъ для совѣсти обличать неправды другихъ, ограничиваюсь однимъ примѣромъ. Экстрактъ говорить о Яковѣ Маркевичѣ, будто по показанію его, Маркевича, онъ, Маркевичъ, не самъ подписывалъ довѣренность, а подписывалъ за него Баллодъ, и будто онъ только 8-го Марта въ полиціи узналъ, что дѣло идетъ о соединеніи съ православіемъ. Ни того, ни другаго не говорилъ и не могъ говорить Маркевичъ: перваго потому, что довѣренность подписывалъ онъ самъ своею рукою, и даже подписывалъ ее за другихъ, какъ показываетъ самая довѣренность; втораго потому, что не только довѣренность подписана имъ за себя и за другихъ, но и бумагу съ условіями соединенія подписалъ онъ своею рукою, да и онъ же присоединился къ православію однимъ изъ первыхъ. вв) Вынуждаюсь повторить опять, что если консисторія не знала хода дѣла братскаго, то ей надлежало по крайней мѣрѣ

быть осторожною въ своемъ отзывѣ о дѣлѣ православія, чтобы не подвергнуться самой осужденію; если же знала, то тогда не лучше и для совѣсти, и для чести ея».

Самую яростную оппозицію выразило православію Дерптско-Вервское главное церковное попечительство. Прежде всего оно обратилось къ Дерптскому протоіерею Березскому съ своимъ протестомъ, стараясь подкрѣпить его ссылками на разные законы и даже указы 1819 года. Вотъ этотъ курьезный протестъ и отвѣтъ на него Филарета генералъ-губернатору.

«Въ силу приложеннаго у сего въ копіи § 25 Высочайше утвержденнаго устава духовныхъ консисторій отъ 27-го Марта 1841 г. обязаны священники желающихъ присоединиться къ православной Греко-россійской вѣрѣ иновѣрцевъ прежде всего наставлять и утверждать въ ученіи православной вѣры, а указомъ отъ 8 Января 1819 г. (также при семъ въ копіи приложенномъ и выписанномъ изъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи) Св. Правительствующій Синодъ, принявъ въ соображеніе, что присоединять къ православной церкви такихъ протестантовъ, кои не по прямому расположенію, но по другимъ самую церковь отвергаемымъ видамъ обращаются къ ней, было бы противно Евангельскому духу, приказаль принимать и присоединять къ церкви протестантовъ, которые имѣютъ понятіе и совершенный возрастъ, требуемый для дѣйствительности произволенія къ супружеству, т.-е. по сему синодскому указу лица мужскаго пола 15, а женскаго 12 лѣтъ, а Свода Зак. изд. 1842 г. т. X зак. гражд. по статьѣ 3-й (основанной на Высочайшемъ указѣ отъ 19-го Юля 1830 г.) лица мужскаго пола 18, женскаго 16 лѣтъ; совершать же обрядъ присоединенія протестантовъ не иначе, какъ если они, по предварительномъ испытаніи, окажутся имѣющими твердое и истинное расположеніе, а присоединеніе малолѣтнихъ дѣтей, до вышеозначеннаго возраста, по таковомъ же испытаніи и когда родители тѣхъ дѣтей подтвердятъ произволеніе ихъ своимъ согласіемъ. Необходимость въ точнѣйшемъ исполненіи сихъ Высочайшаго и синодскаго указовъ высказывается нынѣ относительно здѣшнихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что (какъ всеѣмъ и всякому извѣстно) вслѣдствіе,

слуховъ, распространившихся между ними, подтвердилось и у крестьянъ ложное мнѣніе, будто бы они присоединеніемъ къ православной Греко-россійской церкви получаютъ большія выгоды, какъ-то: по числу душъ раздѣленную землю, освобожденіе отъ барщины, подушныхъ податей или рекрутской повинности, или другія свѣтскія выгоды, либо отвратятъ угрожающіе имъ ущербы, а именно возвращеніе въ прежнее крѣпостное состояніе. Все это не можетъ быть неизвѣстно здѣшнему Греко-россійскому духовенству, а особливо вашему высокопреподобію, тѣмъ болѣе, что вы присутствовали при многихъ въ здѣшнихъ полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ произведенныхъ слѣдствіяхъ, изъ которыхъ ясно обнаруживалось существованіе таковыхъ ложныхъ слуховъ и мнѣній, и что были случаи, въ которыхъ Эсты православнаго Греко-россійскаго исповѣданія и даже природные Русскіе являлись для внесенія ихъ именъ въ списокъ подобно крестьянамъ лютеранскаго исповѣданія, частно у своихъ господъ, а частно у вашего высокопредобія, съ тѣмъ намѣреніемъ (какъ по слѣдствіямъ оказалось), чтобы имѣть участіе въ выгодахъ, ожидаемыхъ крестьянами, присоединяющимися къ Греко-россійской церкви, или чтобы избѣжать предполагаемаго ими возвращенія въ крѣпостное состояніе. Несмотря на вышеизложенные законы и обстоятельства, несмотря на то, что по п. 2-му публикаціи генераль-губернатора отъ 29-го Октября с. г. присоединеніе къ церкви должно быть совершаемо по Высочайшей волѣ согласно предписанному общему порядку, — присоединено въ г. Дерптѣ нѣсколько тысячъ здѣшнихъ крестьянъ лютеранскаго исповѣданія къ Греко-россійской церкви, и присоединяется почти ежедневно до *ста*, даже до *двухсотъ* человѣкъ, безъ всякаго наставленія и утвержденія ихъ въ ученіи сей церкви и безъ всякаго предварительнаго испытанія, а въ особенноти испытанія сообразнаго съ нынѣшними обстоятельствами, могущаго удостовѣрить въ томъ, что они не въ ожиданіи свѣтскихъ выгодъ, но по прямому и твердому расположенію желаютъ оставить свою прежнюю вѣру и принять Греческую. Являющіеся къ присоединенію допускаются по большей части толпами около *сорока* и болѣе человѣкъ, и кромѣ объявленія, что имъ не ожидать свѣтскихъ выгодъ, спрашиваютъ ихъ не по одиночкѣ, но всѣхъ

совокупно о томъ, желаютъ ли они присоединиться изъ лютеранства къ православію чистосердечно и отъ всей души, на что естественно слѣдуетъ изъ находящейся чрезъ помянутые ложные слухи въ заблужденіи толпы утвердительный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что даже носится слухъ между ними, будто священникамъ не позволено сказывать имъ правду относительно ожидаемыхъ ими выгодъ. Сверхъ того присоединено къ Греко-россійской церкви въ противность законныхъ постановленій и много малолѣтнихъ дѣтей, ниже 18 и 16 лѣтъ безъ согласія ихъ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто». Затѣмъ попечительство, заявляя о такомъ будто-бы нарушеніи православнымъ духовенствомъ правъ евангелическо-лютеранской церкви и оскорбленіи ея, грозитъ о такихъ несообразныхъ съ законами дѣйствіяхъ духовенства довести до свѣдѣнія, куда слѣдуетъ. Подписалъ ландратъ баронъ Брюнингъ.

На этотъ вызовъ Филаретъ отвѣчаетъ, что лютеранское попечительство требуетъ: «1) Не того о чемъ говорить. Если-бы оно было искренно, оно созналось бы, что домогается собственно того, чтобы остановить успѣхъ православія. Соблюдается-ли или не соблюдается православными священниками правило православной консисторіи, лютеранскому попечительству, нѣтъ дѣла до того; и оно, конечно, чувствуетъ, что входитъ въ чужое дѣло, съ опасностію получить выговоръ за вмѣшательство въ чужое дѣло». (Здѣсь, конечно, заключается легкій намекъ на то, какой взглядъ долженъ установить на это дѣло представитель власти).

«2) Не того, чего бы обязано было требовать. Оно обязано наблюдать, чтобы ни частныя, ни начальственные лица лютеранскаго исповѣданія не оскорбляли правъ человѣчества. А что дѣлается лютеранами Лифляндіи? Когда вводилось лютеранство на мѣсто Римскаго исповѣданія, помѣщикъ вводилъ пастора въ костелъ и говорилъ крестьянамъ: вы теперь лютеране, и вотъ вамъ пасторъ! Если же кто послѣ того не шелъ слушать пастора, того помѣщикъ велѣлъ бить палками, пока бѣднякъ начиналъ кричать «и я лютеранинъ». Теперь пасторъ и помѣщикъ

хватываютъ крестьянина и послѣ домашнихъ истязаній отдають, подъ судъ—за что? За то что бѣднякъ и простякъ сказалъ другому исповѣдь своей души: Русская вѣра хороша. Пусть подумаетъ лютеранское попечительство, о чемъ оно обязано теперь пещись?

3) Требуя подробно наставленія для каждаго присоединяющагося, оно требуетъ по настоящему положенію дѣлъ невозможнаго. а) Дерптское попечительство хорошо знаетъ, что оно само первое закричало бы: бунтъ, бунтъ, заговоръ, заговоръ, если бы священникъ собралъ около себя хотя бы до 500 крестьянъ-лютеранъ, для преподаванія имъ наставленія о различіи православія отъ лютеранства. Говорю: хорошо это знаетъ, потому что предсѣдатель попечительства г-нъ Брюнингъ первый въ концѣ Сентября прислалъ въ Ригу допись на какой-то бунтъ въ Дерптѣ, когда крестьяне приходили къ священнику для православія, и онъ же, г-нъ Брюнингъ, получилъ справедливый выговоръ за дерзость того-же времени противъ генераль-губернатора. б) При общемъ движеніи народа къ какому бы то ни было благородному дѣлу не спрашиваютъ у каждаго частнаго лица отчета, почему, къ чему и для чего онъ стремится къ благородному дѣлу? Тогда начальство обязано только радоваться этому движенію, хвалить его, усиливать прекрасное чувство, управляющее движеніемъ: тогда тотъ, кто сталъ бы упрекать начальство въ томъ, что оно не объясняетъ каждому, къ чему и для чего онъ стремится, былъ бы врагъ общества, врагъ всего благороднаго, преступникъ уголовный. Такъ бываетъ при движеніяхъ народа въ защиту отечества. Такъ бываетъ при движеніяхъ религіозныхъ. Законъ, которымъ прикрываетъ свое требованіе попечительство, не говоритъ о такихъ случаяхъ. в) Если попечительство позволяетъ себѣ говорить, будто Дерптское духовенство присоединяетъ крестьянъ «безъ всякаго предварительнаго испытанія, а въ особенности испытанія сообразно съ нынѣшними обстоятельствами», то оно слишкомъ смѣло и подвергаетъ себя опасности быть подъ судомъ за клевету: *во-первыхъ*, лютеранское попечительство не приглашаютъ къ присутствію при принятіи крестьянъ съ желаніями вѣры; и слѣдовательно оно не въ состояніи своею личностію

свидѣтельствовать, какъ совершается принятіе такихъ крестьянъ, если-бы отзывъ его и принять былъ за отзывъ свидѣтеля. *Во-вторыхъ*, ни одинъ чиновникъ, прикомандированный къ Дерптскому-ли или къ другому священнику, никогда, ни частно, ни формально, не жаловался (да и не имѣетъ основанія жаловаться), чтобы присоединяли крестьянъ «безъ всякаго испытанія». Особенно же въ послѣднее время, когда столько сдѣлано подтвержденій священникамъ, столько введено новыхъ строгостей по дѣлу принятія крестьянъ: надобно имѣть слишкомъ мало совѣсти, чтобы позволять себѣ дѣлать такой отзывъ о святомъ дѣлѣ, какой дѣлаетъ лютеранское попечительство.

4) Лучше думать, что лютеранское попечительство не понимаетъ, чего требуетъ. Принимающія православіе лица лютеранскаго исповѣданія суть или конфирмованныя или неконфирмованныя. Неконфирмованныя: а) по правиламъ лютеранской церкви не могли быть допущены къ св. причастію, не бывъ предварительно наставлены (конфирмованы) относительно главнымъ предметомъ христіанства въ познаніи Бога, Св. Троицы, великаго подвига Господа нашего Иисуса Христа и въ нравственныхъ правилахъ вѣры. Если же конфирмованные утверждены въ главныхъ существенныхъ предметахъ вѣры, то православная церковь не имѣетъ причины лишать ихъ таинства муропомазанія, или что тоже по-ставлять ихъ въ рядъ Магометанъ. б) Конфирмованныя по правиламъ лютеранской церкви для полученія права на св. причастіе утверждены въ существенныхъ правилахъ вѣры и жизни. Но для нихъ не считалось необходимымъ, чтобы доходили они до тонкихъ и высшихъ богословскихъ разсужденій о вѣрѣ, доступныхъ только тѣмъ, которые исключительно посвятили себя изученію богословія. И это дѣлано справедливо. Съ одной стороны христіанская вѣра—вѣра всеобщая, доступна для всѣхъ, какъ высокихъ, такъ и ограниченныхъ по образованію умовъ, какъ скоро не мѣшаютъ ея доступу къ душѣ страсти. Съ другой—требовать отъ каждаго утонченныхъ разсужденій о вѣрѣ значило бы требовать невозможнаго, даже по занятіямъ земной жизни. Если же не требуются такія разсужденія о вѣрѣ для полученія права на имя христіа-

нина, то православіе поступило бы вопреки христіанству, еслибы требовало такихъ разсужденій о православіи для полученія права на имя православнаго христіанина. в) Самая поразительная разность между православіемъ и лютеранствомъ состоитъ въ томъ, что послѣднее стремится питать только умъ разсужденіями о вѣрѣ, православіе же назидаетъ умъ и сердце, сердце благоговѣйными молитвами и обрядами, умъ — мыслями вѣры, скрывающимися въ обрядахъ, и поученіями. Основанія же этой разности скрываются въ самыхъ догматическихъ началахъ того и другого исповѣданія, такъ какъ лютеранство говоритъ: вѣрь (иначе умствуй), и сего довольно; православіе же говоритъ: вѣрь и дѣлай по вѣрѣ. Потому каждый конфирмованный, если онъ слушаетъ православное служеніе въ храмѣ на понятномъ для него языкѣ, уже чувствуетъ и сознаетъ, чего не доставало ему въ лютеранствѣ и что даетъ ему православіе; а входитъ съ нимъ въ тонкія разсужденія означало бы не лечить болѣзнь духа его, а растравлять. Другія разности между православіемъ и лютеранствомъ такъ немногосложны и просты для общаго смысла, что для объясненія ихъ церковью вовсе не устала никакого особеннаго оглашенія (наставленія), тогда какъ устала шестидневное, оглашеніе для Іудея, Магометанина и язычника. И слѣдовательно какъ по существу дѣла, такъ и по чину церкви не требуется подробное наставленіе конфирмованнымъ при принятіи православія. Муромазаніе съ самыхъ первыхъ временъ христіанства соединяется съ крещеніемъ. Въ крещеніи не отказываютъ младенцамъ ни лютеранство, ни православіе. Если же въ крещеніи не отказывается младенцамъ, наставленіе же въ вѣрѣ предоставляется будущему времени: то православная церковь, безъ нарушенія чина своего, не можетъ отказывать и въ муромазаніи младенцу, по тѣлесному-ли возрасту или по духовному».

«Послѣ того немного остается сказать о некофирмованныхъ или такихъ, которые еще не получили достаточныхъ понятій о христіанствѣ. По отношенію къ некофирмованнымъ можемъ прибавить только то, что наполнять неиспорченную душу наставленіями о разностяхъ между православіемъ и своеволіями лютеранства значило бы наказывать невиннаго».

Филаретъ, какъ только получилъ протестъ попечительства съ угрозою «довести до свѣдѣнія куда слѣдуетъ», послѣшилъ сдѣлать разъясненіе ген.-губернатору, побивая на всѣхъ пунктахъ попечительство и даже слегка коснувшись того, что допускать противодѣйствіе православію со стороны начальства преступно. Конечно, такое предупрежденіе должно было бы въ значительной степени ослабить впечатлѣніе, произведенное на Головина допущеніемъ попечительства, а стало-быть по крайней мѣрѣ на половину поколебать энергію въ преслѣдованіи безвиново обвиняемыхъ. Къ удивленію, состоялось распоряженіе Головина, чтобы показанія о православіи отбирались орднунгсгерихтерами, а по отобраніи послѣдними сообщались духовному начальству. Дознаніямъ, произведеннымъ добросовѣстно чиновниками ген.-губернатора Варадиновымъ, Ханьковымъ, Самаринымъ, Бюргеромъ, о жестокихъ поступкахъ бароновъ и пасторовъ съ Латышами, не давалось никакого значенія и хода. «Ген.-губернаторъ», писалъ Филаретъ графу Протасову, «добрый христіанинъ; но что ни одна жалоба крестьянина орднунгсгерихтеру или не дойдетъ до ген.-губернатора, или дойдетъ въ искаженномъ видѣ, и крестьяне будутъ награждаемы только новымъ гоненіемъ, въ этомъ можетъ сомнѣваться только тотъ, кто, имѣя здоровые глаза, говоритъ, что ничего не видитъ».

Жалобы на невыдачу паспортовъ были, напримѣръ, такія. Крестьянинъ съ мызы Марценгофъ Мартынъ Лапинъ съ женою и тремя дѣтьми живетъ въ Ригѣ 10 лѣтъ, но нынѣ, по присоединеніи къ православію, не получаетъ паспорта подъ тѣмъ предлогомъ, что, плативъ прежде по 10 руб., нынѣ обязуется заплатить 16 руб. На мызѣ не имѣетъ ни дома, ни земли. Крестьянинъ съ мызы Тегапсъ Андрей Витуль, жившій 9 лѣтъ въ Ригѣ и нынѣ отправившій 6 р. 50 к. на паспортъ, получилъ паспортъ только для жены, а съ него требуется еще 10 руб. На мызѣ не имѣетъ ни дома, ни земли. Присоединившаяся къ православію вотчины Петкенсгофъ дѣвица Каролина Андерсонъ, проживавшая въ Ригѣ 10 лѣтъ, всегда получала паспортъ безъ всякаго платежа; по присоединеніи ея баронъ Врангель требуетъ съ нея 10 р. сер., грозя ей въ противномъ случаѣ вызвать къ крестьян-

скимъ работамъ, коихъ она по непревычѣ и слабости здоровья не могла исполнять. Указавъ о подобномъ притѣсненіи Еввы Граганъ, Филаретъ просилъ генераль-губернатора поручить полиціи или другому правленію требовать отъ помѣщиковъ формальнаго объясненія по подобнымъ заявленіямъ и представлять непремѣнно на благоусмотрѣніе его высокопревосходительства.

Всѣ эти жалобы были собственноручно записываемы Филаретомъ. Понятно, что трудъ такой бралъ на себя лично Филаретъ, чтобъ не впутывать въ дѣло другихъ и не подвергать ихъ случайности и преслѣдованіямъ, подобно пострадавшему безвинно о. Дорофею Емельянову. Записки эти Филаретъ препровождалъ къ генераль-губернатору, часто подкрѣпляя личнымъ ходатайствомъ за притѣсняемыхъ. Не получая удовлетворенія, Филаретъ повторялъ свое ходатайство особой запиской. Но эти записки, эти просьбы Филарета вмѣсто того, чтобы возбуждать энергію Головина довели его до того, что онъ не могъ равнодушно читать ихъ, а наконецъ и слышать о Филаретѣ. Видя, что (благодаря, конечно, его безхарактерности) его предписанія не исполняются и что онъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы поднять свое значеніе, Головинъ однако не могъ выносить уколовъ своему самолюбію и предпочелъ поставить между собою и епископомъ стѣну. Къ кому же было тогда обращаться Филарету? Единственный человѣкъ, до кого достигать могъ голосъ его и кто печаловался вмѣстѣ съ нимъ объ участи несчастныхъ, это былъ графъ Д. Н. Толстой; но и его Филаретъ долженъ былъ предупреждать, чтобъ не знали, что извѣстное ходатайство исходитъ отъ него. «Посылаю къ вамъ записку», писалъ онъ къ нему, «но не съ тѣмъ, чтобы отъ моего имени дѣлалось что-нибудь. Дѣло въ томъ, что за тѣмъ же хлѣбомъ прибыло съ той же мызы много другихъ крестьянъ въ Ригу; говорятъ, что рѣшительно нѣтъ хлѣба. Для Господа и творите милость, и предупреждайте козни! Не говорите, пожалуйста, Е. А. *) о моемъ имени. Были у васъ **), но ихъ не пустили».

*) Евгенію Александровичу Головину.

**) Здѣсь подразумѣвается, что крестьяне были у генераль-губернатора.

Агенты пасторовъ и бароновъ вездѣ шныряли и поделушивали рѣчи поселянъ. Эти неосторожныя рѣчи, въ которыхъ порицались проповѣди пасторовъ, заключавшія въ себѣ площадную брань на православіе, или высказывалось намѣреніе присоединиться къ православію, оканчивались всегда большимъ несчастіемъ.

Вотъ грустный разсказъ объ одномъ изъ множества подобныхъ случаевъ. Узнали, что одинъ поселянинъ желаетъ принять православіе. Его отправили изъ мызнаго правленія съ порученіемъ въ Ригу. Едва прибылъ онъ туда, какъ ему надѣли кандалы и посадили его въ тюрьму. Двѣ недѣли не высыхали глаза у этого узника отъ слезъ, которыя текли при мысли о женѣ и дѣтяхъ, ихъ безпокойствѣ и нищетѣ. Союзники удивлялись этому обилію слезъ. Съ грустію взглянувъ разъ черезъ форточку на Петропавловскій православный соборъ, несчастный увидалъ на паперти свою жену. А та сидѣла на паперти, опершись на руку и задумавшись надъ тѣмъ, куда дѣвался ея мужъ, опора семьи. Гдѣ его найти? «Анна!» раздался знакомый ей голосъ изъ окна тюрьмы. «Учи дѣтей. Пусть обо мнѣ не плачутъ. Я еще живъ. Пospѣвши сама присоединиться и дѣтей соедини». Анну прогнали; форточка закрылась....

Исторія новаго мученичества въ Лифляндіи весьма вразумительна для тѣхъ, кто, читая о подвигахъ христіанъ-мучениковъ первыхъ вѣковъ, сомнѣвается и видитъ въ нихъ прикрасу повѣствователей. Самъ осужденный при страданіяхъ за свои убѣжденія о чемъ заботится? Чтобы жена и дѣти слышали присоединиться, зная хорошо и на собственномъ опытѣ и на опытѣ другихъ, что ихъ ожидаютъ за то горе и страданія.

Анна бросилась къ единственной двери, которая, по словамъ ея сына, не запиралась для несчастныхъ; это была дверь, ведущая въ келлію Рижскаго православнаго епископа Филарета. И самъ повѣствующій дѣлаетъ такой вопросъ: «Спасъ-ли онъ когда-нибудь? Къ нему

всегда можно было придти». Филаретъ обѣщалъ похлопотать. Нѣсколько успокоенная обѣщанной защитой, Анна бредетъ къ тюрьмѣ. Въ удивленію, ее допустили; но, оказалось,—уже къ трупу ея мужа. Все тѣло его, въ особенности лицо было покрыто кровавыми пятнами, челюсти судорожно сжаты, изо рта сочилась кровавая пѣна. Докторъ далъ ему лѣкарство. Попробовавъ, онъ отказался его допить. Тогда докторъ выплеснулъ остальное ему въ глаза. Такъ объяснили заключенные съ нимъ. Съ отчаянными воплями припала Анна еще къ теплomu трупу дорогогаго ей человѣка, друга и опоры семьи.... Оттащили несчастную отъ трупа, изъ тюрьмы прогнали. Побрела опять она къ Филарету, пріемная котораго была переполнена подобными ей страдальцами. И вотъ стоитъ передъ Филаретомъ, едва держась на ногахъ, несчастная женщина и передаетъ ему, захлебываясь слезами, скорбную свою повѣсть. А епископъ стоитъ передъ нею, и слезы текутъ по лицу его. И плачетъ онъ надъ горемъ ближняго, надъ своимъ безсиліемъ, надъ позоромъ своей родины, надъ поруганіемъ своей матери-церкви.... Онъ спрашиваетъ ее съ участіемъ: «какъ велико семейство? можетъ ли кто изъ сыновей помогать править хзяйствомъ? въ какомъ оно положеніи? есть ли домъ и великъ ли? какъ велика барщина и повинность? есть ли чѣмъ похоронить мужа?» Одного изъ сыновей, Ивана, впоследствии священника, тутъ же записываетъ онъ въ духовное училище. «Можетъ онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ? Кромѣ твоего я еще девятирехъ приму Латышей и постоянно буду принимать. Тамъ ненужно будетъ ничего платить: все будетъ готовое. Если будутъ хорошо учиться, то онъ и всѣ будутъ священниками». Узнавъ, что она почти безъ денегъ, онъ вынесъ ей послѣдніе 5 руб., извиняясь, что болѣе не имѣетъ. «Это была правда», утверждаетъ повѣствующій. «Гласъ народа—гласъ Божій», говоритъ пословица. А Филаретъ еще при жизни пріобрѣлъ наименованіе *Филарета-Милостиваго*.

Горе женщины, о которой говорили мы, не исчерпано потерю мужа, и участіе Филарета въ ея положеніи не кончилось. Все ея иму-

щество было продано. Ее съ малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшему было 9 лѣтъ, выгнали изъ дома. И холодную осень, безъ куска хлѣба, провела она въ сараѣ, гдѣ навозная куча служила ей и дѣтямъ постелью. Неоднократно писалъ Филаретъ генераль-губернатору, который обнадсживалъ и писалъ о ней; но доходило ли его писаніе до кого слѣдовало, или здѣсь было явное пренебреженіе къ распоряженіямъ Русской власти, только къ облегченію положенія несчастной ничего не дѣлалось. Графъ Толстой отсутствовалъ. Филаретъ писалъ ему: «Любезный графъ! Дѣло Колманга сокрушительное. Семь человекъ дѣтей остались безъ отца и безъ всякаго призора. Дѣло ведено, извините, судомъ Шемякинымъ. Не возьмете ли на себя пересмотрѣть его? Еслибы что-нибудь подобное сдѣлано было со стороны православія противъ какого-нибудь Нѣмца, Нѣмцы не только потрубили бы о томъ по всей Россіи, но напечатали бы во всѣхъ газетахъ Европы. Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ. Бога ради возвратитесь скорѣе. Съ любовію о Господѣ грѣшный Филаретъ».

Изъ этого письма очевидно, что графъ Толстой былъ единственною опорою для Филарета. Понимали то и бароны, и это обстоятельство не укрылось отъ ихъ интригъ. Голѣвина стали увѣрять, что Толстому приписывается слишкомъ большое вліяніе на дѣла. Другими словами, задѣвая самолюбіе слабаго старика, добивались охлажденія его къ Толстому. Этого мало. Стараясь ослабить ревность графа Толстого къ дѣлу православія, озаботились подорвать добрыя отношенія Толстого къ Филарету и съ этою цѣлію доводили до его слуха разныя небылицы. Филаретъ узналъ объ этомъ, уже бывъ въ Харьковѣ, откуда по этому поводу писалъ графу Толстому: «Я слышалъ, васъ хотѣли поставить противъ меня; вамъ говорили о мнѣ Богъ знаетъ какія страшности. И вы вѣрите? Не вѣрю: вы знаете меня. Говорю объ этомъ, потому что люблю васъ и дорожу вашимъ расположеніемъ. И въ знакъ любви искренней скажу вамъ искреннее слово: пожалѣйте того, кто до того зачернился, что по одному страху, не говорятъ ли о немъ всей правды, дозволяетъ себѣ дѣлать низости. *Sat sapienti*».

Разумѣется такой расчетъ не имѣлъ успѣха. Графъ Дмитрій Николаевичъ остался глубоко преданнымъ Филарету и отзывался о немъ восторженно, какъ о великомъ свѣтильникѣ церкви и страдалецѣ за нее. Письма Филарета, по его словамъ, онъ хранилъ какъ святыню. Благодаря счастливой случайности, намъ удалось списать нѣкоторыя изъ нихъ. Но можно надѣяться, что рано или поздно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, они явятся въ печати *).

По чувству пріязни и уваженія къ Филарету графъ Толстой навѣститъ его въ Харьковѣ, послѣ чего писалъ ему Филаретъ, между прочимъ: «Какъ вы многимъ подарили меня, подаривъ нѣсколько времени на пребываніе въ Харьковѣ! Я глубокою памятью помню васъ; но, повидавшись съ вами, я обвѣялъ душу радостными мыслями, что во очію видѣлъ безкорыстнаго друга Божія».

Единственнаго человѣка въ Ригѣ, къ помощи котораго прибѣгалъ Филаретъ, бесѣда съ которымъ доставляла ему утѣшеніе, графъ Д. Н. Толстого, наконецъ, поставили въ такое отношеніе къ дѣлу Русской церкви, что для его успѣха Филаретъ долженъ былъ прервать свиданія съ нимъ. «Любезный графъ», писалъ ему Филаретъ, «душа рвется побывать къ вамъ... Но истинно боюсь. Боже мой что моя жизнь? Знаете ли за чѣмъ хочется мнѣ къ вамъ? Затѣмъ, чтобъ поклониться вамъ въ ножки... за многое, за многое. Благодать Господа Іисуса Христа да хранитъ васъ. Грѣшный Ф. Какъ тяжело на душѣ!» Къ этому времени вѣроятно относится замѣтка графа Толстого о перемѣнѣ въ Головинѣ, котораго находилъ онъ «совершеннымъ Нѣмцемъ и какъ будто-бы поклявшимся вредить православію».

Приведемъ свидѣтельство профессора Дерптскаго университета Розберга о дѣлѣ православія въ Лифляндіи и о положеніи присоединившихся. Онъ писалъ графу Протасову: «Безъ всякаго подущенія, безъ всякихъ осязательныхъ человѣческихъ средствъ, не надѣясь ни на какія земныя

*) Нынѣ нѣкоторыя письма уже появились въ «Журналѣ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи».

выгоды, толпы простодушныхъ поселянъ, кончивъ свои полевья работы, мирно стремятся подъ незаблемую сѣнь Восточной церкви. Это зрѣлище есть самое возвышенное, трогательное и чистое ея торжество: ибо тутъ переходятъ въ ея нѣдра не полудикіе язычники, не уніаты, довольно тѣсно съ нею связанные, но протестанты, цѣлыя три столѣтія находившіеся подъ вліяніемъ мудрованія, діалектики и краспорѣчія образованныхъ пасторовъ. Съ 19-го числа (Сентября 1845) по нынѣшнее, въ продолженіе шести дней, записалось до 4000, между которыми есть много муцинь и женщинъ уже въ преклонныхъ, старческихъ лѣтахъ, много деревенскихъ судей и старшинъ. Къ священнику они являются какъ можно лучше одѣтыми, и крестятся, и бьютъ себя въ грудь, когда узнаютъ, что ихъ имена уже внесены въ протоколъ. Скрипицынъ *) и г.-м. Муравьевъ были до глубины души поражены всѣмъ, что они собственными глазами видѣли, собственными ушами слышали». «Весь Эстонскій народъ безусловно принимаетъ православіе. Дѣло истинно нерукотворенное! Съ 19-го Сентября по нынѣшній день—28-го Сентября—уже слишкомъ 15.000 душъ муцинь и женщинъ записалось у протоіерея о. Березекаго. При всемъ томъ тишина и благоговѣйное спокойствіе необозримой толпы, стоящей съ утра до ночи предъ его домомъ, не нарушались доселѣ ни малѣйшимъ безпорядкомъ. Нѣмцы на это крайне досадаютъ; имъ душевно бы хотѣлось, чтобъ произошло какое-либо безпокойство, и попятно! Рвеніе Эстонцевъ присоединиться къ православію доходитъ до изступленія: многіе приходятъ и приѣзжаютъ изъ дальнихъ мѣстъ, сутокъ по двое почти ничего не пьютъ и не ѣдятъ, почуютъ около города подъ открытымъ небомъ, изнуренные холодомъ и голодомъ, терпѣливо дожидаются очереди». Розбергъ указываетъ на слѣдующія побудительныя причины этого стремленія къ православію: 1) «Пасторы наши слишкомъ большіе господа; 2) на кирхахъ нашихъ не сіяетъ крестъ, общее знаменіе христіанства, но воткнута какая-то индѣйка; храмы наши разваливаются отъ ветхости, никто не печется о нихъ; 3) пасторы наши вмѣсто литургіи и проповѣди читаютъ намъ нерѣдко одни объявленія, что такой-то умеръ, тотъ-то родился; 4) у

*) Чиновникъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода.

насъ нѣтъ утѣшенія затеплить свѣчу, окропиться св. водою, отслужить молебень, раскрыть прегрѣшенія своему духовному отцу; 5) наконецъ, православіе исповѣдуетъ нашъ Государь. Благоговѣніе этихъ людей къ августѣйшему Монарху трудно описать. Когда о. Березскій между прочими именами предложилъ имя Николая, всѣ въ голосъ крикнули: нѣтъ! такого имени мы недостойны; это имя нашего Государя; оно слишкомъ велико для насъ. Многіе присутствовавшіе заплакали. Когда протоіерей Березскій, отнимая у Эстонцевъ всякую надежду на достиженіе временныхъ выгодъ отъ перемѣны вѣроисповѣданія, присовокупилъ, что самое богослуженіе только медленно облечется въ благолѣпіе, они дружно отвѣчали ему: коли мы не дождемся этого, дѣти наши дождутся; мы жертвуемъ собою для дѣтей! Соображая это съ высокоуміемъ, нерадѣніемъ и корыстолюбіемъ большей части пасторовъ, мы получимъ удовлетворительное объясненіе происшествія для многихъ загадочнаго. Восгочная церковь, сія мѣстами между здѣшнихъ простодушныхъ племенъ, своими обрядами, своею вышпостію, своимъ духомъ, какъ могучій магнитъ, привлекала ихъ неудержимо. Другихъ причинъ нѣтъ».

Тотъ же Розбергъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ вѣроисповѣднымъ движеніемъ на бароновъ. «Господа Остзейцы, сначала ошеломленные первымъ порывомъ народа къ православію, мало-по-малу приходятъ теперь въ себя. Между ними кипитъ теперь неутолимая дѣятельность; всѣ пружины, всѣ страсти приводятся въ движеніе, всѣ перья скрипятъ, всѣ уста изрыгаютъ хулу. Существуетъ рѣшительное намѣреніе, съ одной стороны испугать правительство, а съ другой стороны настращать бѣдняковъ-поселянъ, внушая имъ, что сюда придутъ войска съ цѣлію гонять ихъ сквозь строй. Лифляндцы вѣ себя отъ безмятежности Эстонцевъ: имъ бы крайне хотѣлось подстрекнуть ихъ къ послушанію, скомкать снова все вмѣстѣ и набросить на настоящія обстоятельства тѣнь мнимаго разстройства, неповиновенія властямъ, нарушенія коренныхъ правъ. Сердцу станетъ тяжело, и здравый разумъ оцѣненѣтъ, если ихъ пронырства и искательства увѣнчаются хотя слабымъ успѣхомъ. Въ ослѣпленіи, въ судорожныхъ припадкахъ задѣятаго за-живо самолюбія, они даже не видятъ собственныхъ прямыхъ выгодъ.

Нѣмецкая гордыня, нечаянно уязвленная въ самое больное мѣсто, изви-
вается, какъ змѣй подъ коньемъ Георгія Побѣдопосца, въ бессильной
ярости жала сама себя. Всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, должно
представить, что каждое колебаніе въ нынѣшнемъ положеніи, каждый
понятный шагъ окажутся на повѣрчѣ непростительными ошибками и
могутъ повести къ бѣдамъ».

По свидѣтельству одного безпристрастнаго Остзейскаго Нѣмца,
«поступки бароновъ съ Латышами напоминали времена первыхъ вѣковъ
христіанства и повторялись на нашихъ глазахъ въ странѣ, почитающей
себя частію образованной Германіи, времена мучениковъ. Иногда слу-
чались настоящія сборища инквизиціи. Начинаются (Латышамъ и Эстамъ)
запросы, допросы, увѣщанія, вынытыванія, какъ будто дѣло идетъ о
какомъ-то неслыханномъ преступленіи; а преступленіе заключается въ
мирномъ желаніи принять вѣру Государя и Россіи».

Вотъ какъ изображаетъ положеніе присоединившихся Лемзальскій
священникъ Меньшиковъ: «Горе и съ тѣми, которые присоединились къ
св. церкви; ибо рѣдкій Божій день проходитъ, чтобы кто-нибудь изъ
нихъ не приходилъ ко мнѣ. Одни просятъ совѣта избавиться отъ голод-
ной смерти, другіе жалуются на голодь и на безжалостныхъ своихъ
господъ и судей; иной проситъ какой-нибудь милости, а всѣ билетовъ
для отлучки въ Ригу за хлѣбомъ. Нельзя безъ скорби слышать о ихъ
скорби, безъ слезъ смотрѣть на ихъ слезы истинно горькія». Далѣе
приводитъ тотъ же священникъ рядъ жертвъ злобы и метительности
бароновъ. Крестьянинъ Андреасъ Линилъ изъ мызы Нанкуль приходитъ
въ слезахъ, заявляя, что семья умираетъ отъ голода, а ему не даютъ
ни мызникъ, ни кирхенгерихство ни хлѣба, ни билета въ Ригу за
полученіемъ хлѣба; что опъ два раза былъ въ Ригѣ, гдѣ безъ билета
отъ мызника не даютъ хлѣба. Съ тою же жалобою обращались къ нему
многіе изъ мызы Кедъ-Янгъ. Нѣсколько человекъ изъ мызы Залисбургъ
жаловались, что они обращались и къ помѣщику, и во всѣ суды, и
ко всѣмъ властямъ Вольмарскаго уѣзда и не могли получить ни хлѣба,
ни билета, тогда какъ Латышамъ-лютеранамъ оказывается помощь. Имъ
даже объявилъ мызникъ, что отъ нихъ отбирается земля, и что они

могутъ идти, куда хотять. Въ Мартѣ 1846 года Венденскій священникъ доносилъ Филарету, что уже одинъ крестьянинъ умеръ отъ голода; а около Феллина умерло нѣсколько человѣкъ. О такой же жестокости доносилъ и Верровскій священникъ, присовокупляя, что мызники, издѣваясь надъ православіемъ, отсылають голодающихъ *«къ тому, кто крестилъ ихъ»*. Нѣкоторые крестьяне изъ мызы Аргафъ жаловались, что у одного изъ нихъ умеръ отъ голода 4-хъ лѣтній сынъ, у другого умираетъ жена съ новорожденнымъ младенцемъ. Крестьянинъ изъ мызы Одемпе, Карпъ Ребали съ женою и дѣтьми, умирая отъ голода, просилъ помощи. Изъ мызы Венгута съ такими же жалобами обращались нѣсколько крестьянокъ, заявивъ, что неприсоединенные уже три раза получили хлѣбъ.

Чтобы скорѣе изморить народъ, бароны, несмотря на полный неурожай, взыскали съ присоединившихся весь хлѣбный долгъ и оставили ихъ съ осени безъ хлѣба. Кто не могъ доплатить, того наказывали. Такъ крестьянинъ д. Кенпорми Георгій, 60-ти лѣтъ, былъ посаженъ на день въ тюрьму и наказанъ 25 розгами за недодачу хлѣба; онъ предлагалъ взять у него лошадь, корову; но ему отвѣчали: *«Ты Русскій! Ты богатъ и не хочешь платить»*. Крестьянину мызы Ней-Шузенъ за требованіе билета на присоединеніе помѣщикъ Миллеръ далъ 15 ударовъ палками подъ предлогомъ, что тотъ будто бы должный ему ячмень возвратилъ мерзлымъ. Корчмаръ мызы старой Конгуты и содержатель мельницы Янъ-Миллеръ, за желаніе присоединиться, выгнанъ помѣщикомъ Фитингофомъ съ угрозою сослать его вмѣстѣ съ *«записателемъ, пьянымъ попомъ»*. У казаннаго крестьянина мызы Тамы, Георгія Сирка, арендаторъ Трейманъ отобралъ лошадь, весь хлѣбъ и оставилъ всю его семью умирать голодною смертію. Крестьянка д. Пивлоты Марья Плотинъ, за то что не въ очередь сказала, что желаетъ принять православіе для спасенія души, была тутъ же чиновниками, записывавшими показанія, наказана 25 ударами, хотя она была только двухъ недѣль по разрѣшеніи отъ бремени. Инцемскій крестьянинъ Зоосъ продержанъ три недѣли въ тюрьмѣ по дѣлу о договорѣ принять православіе Яна Янсона, который объяснилъ, что ничего подобнаго отъ него не слыжалъ. Но, не смотря на то, хотя онъ и былъ не осужденъ, какъ невиновный,

его выпустили изъ тюрьмы съ бритою головою и вели домой въ кандалахъ, какъ преступника. А когда его привели на мызу Трейдепъ, приходскій судья наказаль его 60-ю ударами палокъ, приговаривая: «когда ты перешель въ Русскую вѣру, то получишь и Русское наказаніе».

Нѣтъ, ни одна страница въ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи не представляетъ такой мрачной картины. Если были случаи злоупотребленій властью, то это были случаи отдѣльные, исключительные: «въ семьѣ не безъ уroda», говоритъ пословица. Но чтобы дѣйствовать сплоченно, составлять уговоръ, извести голодомъ народъ, это такая повальная жестокость, для которой въ сердцѣ Русскихъ людей не только не найдется мѣста, но и опредѣленія. Возьмемъ къ тому въ соображеніе степенъ образованности съ одной стороны бароновъ, а съ другой Русскихъ помѣщиковъ какого-нибудь нашего захолустья сороковыхъ годовъ. И не здѣсь-ли отчасти лежитъ разгадка стремленія Латышей къ православію? Они поняли духъ ученія православной церкви, дѣйствующей на душу и сердце людей и ея воспитательное значеніе для народа.

Но этотъ плачь и стоны, отзываясь жгучею болью въ сердцѣ Филарета, не шли далѣе, не трогали никого. Скрутивъ несчастныхъ Латышей, порѣшили во что бы ни стало ослабить голосъ Филарета въ Петербургѣ. Пошли опять разныя интриги противъ него. «На мнѣ теперь лежать дѣла тяжелыя», писалъ онъ Горскому. «Помолитесь о мнѣ препод. Сергію! Заставляютъ дѣлать дѣло (съ Латышами), котораго сколько ни бился, никакъ не могу сдвинуть съ мѣста. И тяжело и опасно! Да будетъ воля Господа Бога. Помолитесь любовію вашей». «Не сдѣлаете ли той милости для меня», писалъ онъ графу Толстому. «чтобы сообщить копіи замѣчаній N.N. и вашихъ отвѣтовъ, или по крайней мѣрѣ первыхъ? Разумѣю замѣчанія на мѣры къ огражденію православія. Нужно же знать и голосъ враговъ, чтобы при случаѣ сумѣть и найтись оборонять дѣло». Изъ этого мы можемъ видѣть, что независимо отъ сообщенія Филаретомъ о всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ притѣсненій въ особыхъ запискахъ генераль-губернатору, которыхъ (черновыхъ) значительное количество у насъ подъ руками, Филаретъ представлялъ въ Петербургѣ и объ общихъ мѣрахъ для огражденія православія.

Но голосъ его былъ голосомъ вопіющаго въ пустынь. Мало того, подъ напоромъ интригъ и козней онъ долженъ былъ и самъ дѣлать уступки. Одна уступка, имѣющая, правда, частный характеръ, была сдѣлана по убѣжденіямъ графа Толстого, чтобы спасти общее дѣло. «Слова в. с — ва», писалъ Филаретъ, «немедленно исполнилъ: вновь подтверждаю, чтобы Ивановъ остался въ Аренбургѣ, съ однимъ прибавленіемъ, что не долженъ участвовать въ дѣлѣ присоединенія крестьянъ. Что касается до запрещенія священнослуженія, то войдите въ мое положеніе: я имѣю только донесеніе самого священника о дѣлѣ и ничего болѣе. На чемъ же могу основать запрещеніе священнослуженія? Впрочемъ сдѣлаю секретное распоряженіе, негласное, о неслуженіи. Я написалъ Попову, чтобы, какъ угодно будетъ вашему сіятельству, такъ и былъ спрошенъ Конюшевскій».

Правда, уступка здѣсь не измѣнила общаго дѣла и, быть можетъ, предотвратила вредное для него раздраженіе правителей; къ тому же Филаретъ вмѣсто *запрещенія* служенія согласился на *негласное распоряженіе* о неслуженіи; но все-таки чего, полагать надо, стоила Филарету эта уступка? «Господомъ прошу васъ», писалъ онъ далѣе, «употребите стараніе не для меня, а для св. церкви и православія, которыя подвергаются тяжелой опасности». А Горскому писалъ онъ: «Вотъ видите, другъ мой, какъ живу я здѣсь. За часъ пишу и говорю свободно, а въ слѣдующій не могу ни говорить, ни писать. Утромъ встаю какъ будто бы безъ видовъ на скорби, а случается, что съ полдня едва доживаю до вечера отъ тяжестей душевныхъ. Чтѣ дѣлать?»

Наконецъ, утомленный въ преслѣдованіи православія генераль-губернаторъ Головинъ въ 1848 году замѣненъ былъ свѣжею силою — княземъ Суворовымъ. Но положеніе Филарета становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Митрополитъ Московскій, извѣщая о перемѣнѣ начальства въ Ригѣ, поздравилъ Филарета съ перемѣною къ лучшему. Не такъ оно оказалось на самомъ дѣлѣ и съ первыхъ же дней. «Новый начальникъ края привезъ съ собою много гостинцевъ Нѣмецкихъ», писалъ Филаретъ. Вскорѣ по назначеніи Суворова Филаретъ имѣлъ поводъ писать о немъ къ Горскому: «Мои здѣшнія обстоятельства день отъ дня не легче. Видно,

такова воля Божія. Князь Суворовъ, несмотря на то, что внукъ знаменитаго любовью ко всему Русскому дѣлу, до крайности страшенъ въ своемъ усердіи къ Нѣмцамъ. Назвать-ли его лютеранскимъ генераль-суперъ-интендептомъ или только человѣкомъ, для котораго важны одиѣ звѣзды, не знаю. Безпрестанно твердить, что онъ Русскій съ ногъ до головы, а насмѣхается подъ всеѣмъ Русскимъ и унижаетъ Русскихъ открыто: твердить, что имѣеть глубокое чувство правды, а покровительствуетъ лютеранизмъ и преслѣдуетъ православіе при всеѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ, и ясно только то, что падобно молиться, чтобы Господь избавилъ отъ искушенія». Когда лицамъ, назначеннымъ изъ Московской Академіи на священническія мѣста въ Ригу приказано было предварительно явиться въ Петербургъ, Филаретъ писалъ Горскому». «Это продѣлки одного и того же Суворова. Но до этого человѣка не хочу касаться мыслями, чтобы не тревожить души своей».

Князь Суворовъ по вступленіи въ должность сразу поставилъ себя въ слишкомъ официальные отношенія къ епископу и сразу отодвинулъ дѣло православія назадъ. Придирки къ Филарету напомнили времена Палена и Иринарха. Мы не можемъ не привести здѣсь письма Филарета къ Суворову и того, что отвѣчалъ епископу генераль-губернаторъ. Последнее письмо оставляетъ весьма тяжелое впечатлѣніе: такого ципизма въ побіеніи архіерея, безгранично преданнаго святому дѣлу, самою подслащенною рѣчью еще не передавало, кажется, Русское перо. «Отъ 9-го Апрѣля с. г. за № 459», пишетъ Филаретъ, «имѣлъ я честь получить отношеніе в. свѣтлости. Исполненный уваженія къ вамъ, не позволяю себѣ отвѣчать на оное формально; но по требованію дѣла не могу остаться и въ молчаніи, такъ какъ иначе могли бы продолжаться недоумѣнія, ко вреду дѣла. При помянутомъ отношеніи приложены въ копіи двѣ бумаги, скрѣпленныя г-мъ Тидебелемъ. Въ отношеніи говорится, что это *протоколы*, составленные будто бы въ моей канцеляріи, и что лица, о коихъ говорятъ бумаги, приносили мнѣ жалобы на притѣсненія. Ваша свѣтлость въ отношеніи изволите упоминать, что при словесномъ объясненіи со мною удостовѣрились вы, что мѣстное духовенство не желаетъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Съ своей стороны

исполнѣ остаюсь увѣреннымъ, что в. с—ть, при свойственной вамъ любви къ правдѣ, когда будете имѣть время собственнымъ опытомъ узнать положеніе здѣшнихъ дѣлъ и отношенія лицъ, дойдете до полной увѣренности въ томъ, какъ и во многомъ другомъ (такъ какъ и самое содержаніе настоящаго отношенія вашей св—ти ясно мнѣ показываетъ), что сомнѣніе относительно сего предмета, выраженное въ отношеніи, было плодомъ только стороннихъ внушеній. Если-бы не необходимость заставила, никогда не позволилъ бы я моей совѣсти даже и того, чтобы увѣрять вашу св—ть въ нежеланіи моемъ и подчиненнаго мнѣ духовенства касаться дѣлъ чужихъ. Тогда какъ убѣжденъ я и убѣжденъ до того, что страдаю, что дѣла православія находятся въ разстройствѣ и требуютъ долгаго времени и трудовъ, чтобы устроить ихъ, неблагоприятно оставлять свое и брать на себя чужое. Тогда какъ священники находятся въ такомъ положеніи, что каждое слово ихъ готовы перетолковать въ другомъ смыслѣ, каждому поступку дать другое значеніе, священникамъ остается употреблять слишкомъ много времени и труда, чтобы предохранять себя отъ несовѣтливой зоркости соглядатаевъ. Для меня было бы непонятнымъ, если-бы г-нъ Тидебель, который столько лѣтъ служитъ въ канцеляріи, не зналъ, какъ составляются протоколы. Протоколы, какъ ему должно быть извѣстно, подписываются членами присутствія и скрѣпляются секретаремъ. Между тѣмъ копія, скрѣпленные г-мъ Тидебелемъ, не имѣютъ подписи ни члена или членовъ, ни секретаря. На какомъ основаніи г-нъ Тидебель выдалъ передъ вашей св—тью скрѣпленные имъ копія за протоколы? И что значить поступокъ ихъ? Но для того, чтобы в. с—ти исполнѣ гзвѣстно было дѣло въ подлинномъ его видѣ и не было перетолковываемо другими, скажу о значеніи бумагъ, скрѣпленныхъ г-мъ Тидебелемъ. Такъ какъ я не знаю ни по-латышски, ни по-эстски, слѣдовательно не могу выслушивать и знать просьбы, или объясненія, или жалобы являющихся ко мнѣ Латышей и Эстовъ, то по сей необходимости приказано мною въ канцеляріи знающему Латышски или Эстонскій языкъ съ буквальною точностію вносить въ частную *записку* слова крестьянина и эту записку представлять мнѣ. Если содержаніе записки относится къ духовному

вѣдомству, то содержаніе ея вносится въ *формальную бумагу* и *этою* уже бумагою начинается дѣло. Если же содержащееся въ запискѣ не относится къ духовному вѣдомству, то проситель получаетъ отвѣтъ идти, куда слѣдуетъ, съ своею просьбою или жалобою. Такимъ образомъ в. св—ть согласится, что составленные въ моей канцеляріи записки составляютъ дѣло, не имѣющее никакого вида формальности ни въ моей канцеляріи, ни для кого-либо другого».

«Слѣдуетъ объяснить, почему при прошеніяхъ, о которыхъ г-нъ Тидебель представилъ в. св—ти, приложены были и записки, хотя отнюдь не формальныя бумаги. Причина та, что такъ угодно было предметнику в. с—сти генералу Головину, между прочимъ по недовѣрію къ переводчику своему. Повѣрьте, в. с—сть, мнѣ неприятно касаться послѣдняго предмета: но чтѣ дѣлать? Не припоминая неприятныхъ исторій, составлявшихся изъ этого неприятнаго обстоятельства, дозволяю себѣ указать на печатную публикацію генераль-губернатора отъ 26-го Октября 1845 года № 228: въ ней третій пунктъ въ Латышскомъ переводѣ былъ совершенно искаженъ даже противъ Нѣмецкаго текста, и изъ этого вышли худыя послѣдствія. По этимъ послѣдствіямъ главное управленіе вынуждено было этотъ пунктъ съ исправленнымъ Латышскимъ переводомъ, спустя около года, напечатать особо и разослать въ отдѣльномъ видѣ. Для видимости честь имѣю приложить при семъ ту и другую публикацію».

Нельзя не остановить вниманія на этомъ извращеніи текста въ публикаціи, утвержденной генераль-губернаторомъ. Случай этотъ поражаетъ какъ смѣлостію, такъ и безнаказанностію его и, наконецъ, тѣмъ покровомъ пагло-виновному, какое прочтемъ мы въ письмѣ Суворова въ отвѣтъ на кроткое предостереженіе Филарета. Но обратимся далѣе къ письму Филарета. «В. св—ть, конечно, не найдете въ томъ ничего противнаго порядку, если-бъ проситель, котораго записанная жалоба найдена была относящеюся не къ моему разсмотрѣнію, а разсмотрѣнію в. св—ти, отослать былъ отъ меня къ в. св—ти. Слушать, что говоритъ другой—дѣло обыкновенное; слушать изъ состраданія жалобу бѣдняка—дѣло состраданія; указать незнающему путь, которымъ онъ долженъ

идти и котораго онъ не разумѣлъ, также дѣло милосердія. Кромѣ того, в. св — ти извѣстна клятвенная присяга, которую даетъ каждый епископъ при своемъ посвященіи. В. св — ть изъявляете свою готовность обращать особое вниманіе на жалобы здѣшнихъ православныхъ крестьянъ. Въ этомъ не позволялъ я себѣ никогда сомнѣваться. Напротивъ, зная доброту души вашей истинно-православной, я убѣжденъ, что чѣмъ болѣе будете вы собственнымъ опытомъ узнавать положеніе здѣшнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе будетъ расти въ васъ эта готовность. Въ одномъ только позвольте, в. св — ть, остаться съ сомнѣніемъ, въ томъ именно, чтобы вы падали себя въ состояніи удовлетворять».

На это письмо Филаретъ получилъ слѣдующій конфиденціальный отвѣтъ новаго генераль-губернатора.

«Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь. В. п — во изволили почтить меня 18-го минувшаго мѣсяца, вслѣдствіе отношенія моего за № 459, конфиденціальнымъ письмомъ, на которое я еще не имѣлъ чести отвѣчать. Приношу в. п — ву покорнѣйшее въ томъ извиненіе и покорнѣйшую просьбу не отказать мнѣ въ увѣренности, что и медлилъ столь долго лишь вслѣдствіе желанія моего не ограничиться въ настоящемъ случаѣ поспѣшнымъ отвѣтомъ несомнѣтельнымъ съ искреннимъ уваженіемъ моимъ къ вамъ, милостивый архипастырь, съ вниманіемъ, которое я обязанъ оказывать каждому изъ словъ вашихъ, и съ важностью предмета. Двѣ поѣздки по ввѣренными мнѣ губерніямъ, мною между тѣмъ предпріятыя, и множество накопившихся дѣлъ, доселѣ препятствовали мнѣ отозваться, съ желаемой подробностью соображеній, на вышепомянутое почтеннѣйшее письмо в. п — ва».

«Мысли ваши, м — вый архипастырь, въ немъ изложенныя, преимущественно относятся къ одному отдѣльному предмету, а именно къ прежней между нами перепискѣ о принятіи капцеляріей в. п — ва, или приходскими священниками, показаній отъ крестьянъ, приносящихъ разныя жалобы на свѣтскія начальства, и о сообщеніи оныхъ мнѣ, въ видѣ особыхъ записокъ, или въ видѣ отношеній за вашей подписью. Но съ другой стороны, письмо ваше отъ 18-го Апрѣля касается въ сущности

не только самых источниковъ приносимыхъ крестьянами жалобъ, но и вообще положенія дѣлъ управленія Балтійскимъ краемъ».

«Покорнѣйше прошу в. п—во позволить мнѣ войти въ сколь возможно отдѣльное разсмотрѣніе сихъ между собою нетождественныхъ предметовъ».

«Я вполнѣ сознаю справедливость словъ в. п—ва: «слушать, что говорить другой, дѣло обыкновенное: слушать изъ состраданія—дѣло состраданія; указать незнающему путь, которымъ онъ долженъ идти и котораго онъ не понимаетъ—также дѣло состраданія». Глубоко уважаю чувство, въ этихъ словахъ выраженное и, позвольте присовокупить, раздѣляю его. Но в. п—ву извѣстно, что проявленіе чувствъ состраданія на поприщѣ должностныхъ сношеній нѣсколько обусловлено закономъ и государственными учрежденіями. При употребленіи официальныхъ формъ предполагается официальное участіе въ дѣлѣ, и когда в. п—ву угодно было при сообщеніи принесенныхъ вамъ жалобъ требовать (что неоднократно случалось) увѣдомленія о послѣдствіяхъ, то подъ симъ могло быть разумѣемо болѣе чѣмъ одно чувство состраданія. Равнымъ образомъ, когда приходскіе православные священники, выслушавъ просителей, отсылали ихъ для дальнѣйшаго принесенія жалобъ не къ подлежащимъ гражданскимъ властямъ, а къ в. п—ву (что также неоднократно случалось), то мнѣ кажется нѣсколько сомнительнымъ, чтобы просителямъ *былъ указанъ тотъ путь, которымъ они должны следовать*. Вообще я полагаю, что рядъ гражданскихъ властей, Высочайшею волею установленный, доселѣ не признанъ недостаточнымъ; что въ случаѣ признанія какихъ-либо недостатковъ они могли бы устраниться путемъ гражданскихъ преобразованій; и наконецъ, что если-бы приходскіе священники и были законно призваны къ принятію жалобъ на гражданскія пачальства, то по свойственному имъ чувству христіанскаго состраданія они не могли бы ограничиться предѣлами своей духовной паствы (?): ибо христіанская любовь къ ближнему не стѣсняется условіемъ единовѣрія. Между тѣмъ то обстоятельство, что къ православнымъ священникамъ являются съ просьбами или жалобами, почти безъ исключенія, лишь одни новоприсоединенные къ православію крестьяне,

доказываетъ ошибочныя понятія сихъ послѣднихъ и обнаруживаетъ въ нихъ заблужденіе, несомѣстное съ общими законами государственнаго благоустройства. Ободряемые естественною готовностію священника выслушивать просьбы ихъ, ободряемые еще болѣе столь же естественною склонностію односторонне допускать основательность принесенныхъ жалобъ, крестьяне ожидаютъ отъ своихъ пастырей болѣе чѣмъ однихъ духовныхъ пособій, а на поприщѣ гражданскаго быта болѣе чѣмъ однихъ совѣтовъ. Недовѣріе къ другимъ властямъ (?), возбужденное мнимымъ открытіемъ новаго судебнаго пути, постепенно превращается въ пренебреженіе къ нимъ, а въ этомъ пренебреженіи заключается первый шагъ къ непокорности и самоуправству. В. п—во сами изволите согласиться, что, руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, я обязанъ, по долгу возложеннаго на меня званія, принимать все зависящія отъ меня мѣры къ отклоненію зла, и просьбу объ оказаніи съ вашей стороны необходимаго содѣйствія безъ сомнѣнія не изволите признать неуваженіемъ къ человѣколюбивымъ чувствамъ православнаго духовенства».

«Вышеизложенныя соображенія были прямымъ поводомъ къ отношенію моему отъ 9-го Апрѣля за № 459. В. п—во изволите находить, что употребленныя въ немъ выраженія присваиваютъ излишнюю формальность тѣмъ запискамъ, которыя поступили ко мнѣ изъ вашей канцеляріи. Долгомъ считаю увѣдомить в. п—во, что во ввѣренномъ мнѣ управленіи помянутыя записки всегда признаваемы были формальными письменными вопросами, въ канцеляріи вашей снятыми и скрѣпленными, вмѣсто чьей либо подписи, печатью в. п—ва, за которою они присылались; что каждая записка считалась бумагой непосредственно отъ васъ, милостивый архипастырь, поступившей; и что по каждой производилось особое дѣло, причемъ неоднократно случалось, что в. п—во были увѣдомляемы о послѣдствіяхъ. Наконецъ, в. п—во изволите пзяснить, что показанія крестьянъ были отбираемы въ канцеляріи вашей, между прочимъ, по недовѣрію моего предѣстника къ своему переводчику, нынѣ исправляющему ту же обязанность при мнѣ. Неблагонадежность его конечно имѣла бы крайнюю важность; но я долженъ предполагать, что сомнѣнія генерала Головина были устранены впоследствии, ибо онъ не

только не замѣнилъ его другимъ переводчикомъ, но еще возложилъ на него должность цензора мѣстныхъ повременныхъ изданій».

«Предавъ на снисходительное благоуваженіе в. п—ва мои мысли относительно принесенія крестьянами жалобъ мимо гражданскихъ властей, я обращаюсь къ самой сущности жалобъ и къ источникамъ ихъ. В. п—во увѣрены въ томъ, что при всѣхъ моихъ стараніяхъ я не найду возможности удовлетворить справедливыя жалобы православныхъ крестьянъ; и уже неоднократно, въ прежней перепискѣ съ моимъ предмѣстникомъ и со мною, изволили обнаруживать увѣренность въ упорномъ угнетеніи туземныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и въ угнетеніи ихъ именно за единовѣріе съ нами».

«Я знаю, что въ отношеніи къ жалобамъ, поступающимъ отъ православныхъ крестьянъ, постоянно предполагается, что присоединеніе къ православію было поводомъ къ тѣмъ распоряженіямъ, на которыя они жалуются; я знаю, что приходскіе священники безусловно допускаютъ основательность подобныхъ жалобъ и что в. п—во нерѣдко сами изволили присоединять къ донесеніямъ священниковъ вѣсь вашего мнѣнія и заранѣе, до производства необходимыхъ изслѣдованій, изволили требовать взыскапія съ виновныхъ въ противозаконномъ гоненіи. Повторяю, что я глубоко уважаю тѣ чувства христіанскаго состраданія къ ближнему, которыми в. п—во были руководимы; но на мнѣ лежитъ должностная обязанность не увлекаться подобными чувствами и озабочиваться безпристрастнымъ и безусловнымъ (!) соблюденіемъ дѣйствующаго закона. Я не отрицаю общаго недоброжелательства лютеранъ къ новоправославнымъ; я допускаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгость законовъ упадаетъ на сихъ послѣднихъ безъ снисходительности, нерѣдко (?) оказываемой лютеранамъ; но тѣмъ не менѣе, входя въ ближайшее разбирательство каждой отдѣльной жалобы и имѣя въ виду прежнія дѣла сего разряда, въ вѣренномъ мнѣ управленіи производящіяся, я долженъ былъ нѣсколько уклониться отъ точки зрѣнія в. п—ва. Къ моему предмѣстнику поступило и ко мнѣ поступаетъ отъ лютеранскихъ крестьянъ множество просьбъ и жалобъ совершенно однородныхъ (?) съ тѣми, которыя приносятъ крестьяне православнаго исповѣданія. Источникъ

ихъ, по большей части, лежитъ въ общихъ условіяхъ крестьянскаго быта, коего недостатки издавна уже обратили на себя вниманіе правительства. Съ другой стороны, самое свойство гражданскихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами показываетъ, что притѣсненія могутъ касаться преимущественно лишь хозяевъ усадебъ, между которыми, какъ вамъ извѣстно, сравнительно мало православныхъ. Наконецъ, в. п—ву равномерно извѣстно, что незаконность почти всѣхъ жалобъ, доведенныхъ до вашего свѣдѣнія, доказана произведенными по онымъ изслѣдованіями. Часто случалось, что крестьяне при слѣдствіи отпирались отъ первоначальныхъ своихъ показаній: часто обнаруживалось, что жалобы ихъ первоначально были неточно понимаемы: еще чаще оказывалось, что домогательства ихъ были неосновательны и показанія ложны. Это подтверждено множествомъ произведенныхъ изслѣдованій. Знаю, что мѣстные власти явно подозрѣваются въ пристрастіи и несправедливости; но во-первыхъ, я не могу рѣшиться на безусловное обвиненіе цѣлыхъ сословій, всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и каждаго члена каждаго присутственнаго мѣста Лифляндской губерніи въ преднамѣренной лжи, въ нарушеніи должностной присяги и въ злобномъ преслѣдованіи иновѣрныхъ (?): во вторыхъ, я имѣю въ виду многія извѣстныя вамъ, милостивый архипастырь, слѣдствія, произведенныя православными чиновниками, въ благонадежности кончь имѣть надобности сомнѣваться, наиримѣръ кол. ас. Варадиновымъ, кол. ас. Толстымъ, подполк. Щербачевымъ и т. д.»

«Главный и почти единственный видъ несправедливости помѣщиковъ къ православнымъ крестьянамъ заключается въ отказѣ по содержанию усадебъ. Но в. п—ву извѣстно, что доколѣ подобный отказъ не нарушаетъ закона, я не властенъ, съ моей стороны, нарушать законныхъ правъ на объявленіе отказа. Здѣсь бесполезны жалобы, какимъ-бы путемъ онѣ ни доходили къ начальству. Долгомъ считаю передать въ севъ отношеніи на благоуваженіе ваше, что по моему мнѣнію поводомъ къ объявленію таковыхъ отказовъ отчасти были самыя слѣдствія, по жалобамъ православныхъ крестьянъ произведенныя (?). В. п—во изволите знать, что распространеніе православія дѣло новое въ этомъ краѣ и первоначально было сопряжено со множествомъ частныхъ и офици-

ціальнихъ недоразумѣній; вы сами изволите согласиться, что постоянныя жалобы на Лютеранъ и постоянныя противъ нихъ подозрѣнія (?) не могли не имѣть раздражительнаго вліянія; что при томъ множество новыхъ заботъ и порученій, возложенныхъ по дѣламъ православія на всѣ мѣстныя начальства, не могли не быть обременительными; и по всѣмъ симъ уваженіямъ можетъ быть изволите признать нѣсколько естественнымъ желаніе помѣщиковъ не имѣть у себя тѣхъ усадебныхъ хозяевъ, коимъ будто-бы открыты исключительныя исковыя пути (?), и со стороны которыхъ каждая жалоба неминуемо ведетъ къ гласному подозрѣнію въ противодѣйствіи православію, въ пристрастномъ злоупотребленіи власти и нарушеніи Высочайшей воли Его Императорскаго Величества. Сіи неблагопріятныя для православныхъ крестьянъ обстоятельства могутъ быть отклонены лишь неліцепріятнымъ дѣйствіемъ правительственной власти и постепеннымъ устраненіемъ съ поприща мірскихъ тяжбебъ и жалобъ чуждаго ему вопроса о различіи вѣроисповѣданій. Къ достиженію сей цѣли клонятся всѣ ея усилія; но при *всегдашней, неоднократно вамъ изъявленной готовності моеи строго преслѣдовать каждое злоупотребленіе*, я тѣмъ не менѣе вынужденъ покорнѣйше просить в. и—во позволить мнѣ сохранить убѣжденіе, что мѣрами кроткаго вліянія и водвореніемъ довѣрія къ главному мѣстному начальству вообще будетъ оказано православнымъ крестьянамъ болѣе прямой пользы, чѣмъ множествомъ полуинквизиціонныхъ жалобъ (?) и слѣдствій».

«Наконецъ, мнѣ остается упомянуть о недоразумѣніяхъ, которыя, по словамъ в. и—ва *«не престають возбуждать во мнѣ, пользуясь новостію положенія моего въ краѣ»*. Покорнѣйше прошу васъ, милостивый архипастырь, позволить мнѣ объясниться по сему предмету съ тою добросовѣстною откровенностію, съ которою я безвозвратно сроднился (?) на поприщѣ прежней моея службы».

«В. и—во изволите предполагать, что нѣкоторые лица, вами ближе не указанныя (?!), озабочены вокругъ меня искаженіемъ истины и дозволяютъ себѣ неблагопамѣренныя происки, ускользающіе отъ глазъ моихъ. Къ сожалѣнію, я не могу отрицать этихъ происковъ; но смѣю уфѣрить в. и—во, что тѣ лица, которыя съ самаго пріѣзда моего въ здѣшній

край упорнымъ искаженіемъ истины противодѣйствуютъ добросовѣстнымъ стараніямъ моимъ, которыя усиливаются вселять недоувѣріе ко мнѣ въ единовѣрныхъ и единокровныхъ моихъ соотечественникахъ, которыя, наконецъ, избрали, для сообщенія мнѣ мыслей своихъ, унижительный способъ лжеименныхъ писемъ, что всѣ эти лица, говорю я, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ я признаю благонадежными исполнителями воли правительства и которымъ я полагаю себя въ правѣ оказывать доувѣріе (?). Я знаю, что нѣкоторые изъ моихъ недоброжелателей присваиваютъ себѣ исключительно право собственности на горячность къ православнои вѣрѣ и на любовь къ отечеству, признаютъ перо свое прямымъ внукомъ меча Петра Великаго и полагаютъ себя призванными пополнить, самопроизвольною дѣятельностію, недостаточныя по мнѣнію ихъ указанія Высочайшей воли и недовершенные подвиги праотцовъ (?). Но я бы и не упомянулъ о нихъ, если-бы не было слѣдовъ ихъ вліянія въ дѣлахъ здѣшняго края, и если-бы здѣшній край не имъ, отчасти, былъ обязанъ водвореніемъ обычая систематически раздражать одно изъ мѣстныхъ племенъ противъ другого, употреблять нареканія вмѣсто доказательствъ, вводить чувства личной неприязни въ кругъ официальныхъ сношеній, и забывать, что въ Балтійскихъ губерніяхъ, наравнѣ съ прочими частями Имперіи, распорѣчіе исполнителей должно безмолвствовать предъ велѣніями власти самодержавной».

«Принишу в. п—ву усерднѣйшую просьбу удостоить благосклоннаго обсужденія вышеизложенныя мысли мои и извинить откровенность, съ которою я изъяснился. Ласкаю себя надеждою, что вы изволите отдать справедливость моимъ намѣреніямъ и не изволите сомнѣваться въ искреннемъ желаніи, съ моей стороны, всегда относиться къ в. п—ву какъ почтительный сынъ православнои церкви къ одному изъ достойнѣйшихъ ея пастырей. Лицу себя надеждою, что вы не осудите меня торопливо, одностороннимъ судомъ и не откажете въ содѣйствіи къ отклоненію между нами прискорбныхъ для меня недоразумѣній. Если же какія-либо распоряженія мои не удостоятся одобренія вашего, милостивый архипастырь, то позвольте мнѣ надѣяться, что в. п—ву угодно будетъ снисходительно принять въ соображеніе, что я главный

начальникъ вѣреннаго мнѣ края; что на мнѣ лежитъ отвѣтственность въ управленіи онымъ; что я имѣю долгомъ наблюдать за ненарушимостію дѣйствующихъ узаконеній и озабочиваться не только пользою того или другого класса жителей, но и пользою общей, и наконецъ, что я обязанъ руководствоваться, при исполненіи Высочайшей воли, своимъ взглядомъ и своими убѣжденіями, до тѣхъ поръ, пока Государю Императору благоугодно будетъ сложить съ меня должностныя обязанности, имъ на меня возложенныя».

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и истинной преданности имѣю честь быть и пр.»

Мы просимъ извиненія у читателей, что утомили ихъ, приведя вполнѣ это письмо. Къ тѣмъ безпристрастнымъ показаніямъ, какія дали даже нѣкоторые Нѣмцы, къ тѣмъ фактамъ, которые установлены путемъ юридическихъ дознаній и историческихъ актовъ, письмо князя Суворова служитъ цѣнною иллюстраціей. Письмо это даетъ намъ понятіе о безпомощности и одиночествѣ Филарета. Оно возвышаетъ въ глазахъ потомства заслуги для церкви и отечества этого борца, «сражавшагося, сколько имѣлъ способвъ и силъ, не ложась на отдыхъ, не уклоняясь отъ битвъ изъ страха», какъ выразился самъ онъ въ письмѣ къ графу Толстому. Передъ глазами графа Толстого протекла Рижская дѣятельность Филарета. Мы упомянули о томъ, какъ высоко цѣнили ее графъ Толстой, а потому въ этихъ словахъ всегда скромнаго Филарета звучитъ несомиѣнно истина.

Князь Суворовъ не хотѣлъ сообразить, что край Лифляндскій находился въ исключительномъ положеніи. Младенческій по гражданственности, младенческій по вѣрѣ народъ, тѣснямый со всѣхъ сторонъ, весьма естественно идетъ за совѣтомъ и защитою къ тому, кто ближе ему, болѣе по душѣ, къ своему духовнику, своему пастырю. Если послѣдній видитъ слезы и страданія народа, претерпѣваемыя лишь за то, что онъ принялъ отъ него истинное ученіе вѣры, что онъ чрезъ его посредство вступилъ въ составъ великой семьи Русской, не естественно ли ему принять посредничество между народомъ и единственною властію въ краю, которой должны быть близки эти интересы? Въ краю, какъ

видѣли мы, между народомъ и этою властію не было иного надежнаго пути, не было другого сноса; чтобъ стоны народа дошли до ея слуха въ ихъ дѣйствительной формѣ. Это такъ просто, такъ естественно, такъ исторически вѣрно. Только закрывъ глаза передъ исторіею собственнаго отечества, можно отрицать естественность такого порядка. Не прежде-ли всего слѣдовало заботиться, чтобы новая вѣра окрѣпла въ народѣ, чтобъ значеніе церкви стояло высоко въ его глазахъ? Не духовная ли власть готовила и укрѣпляла духовную и политическую связь этого народа со всею обширною Имперіей и упрочивала обаяніе Русской правительственной власти въ глазахъ этого народа? Не наоборотъ-ли, не на перекоръ-ли опасеніямъ князя Суворова, подрывъ значенію церкви и духовной власти вносилъ недовѣріе къ власти правительственной — Русской? Но вѣдь это собственно и нужно было для Лифляндскихъ бароновъ. Въ намекъ епископу на то, что вмѣшательство духовной власти производитъ смуту въ умахъ населенія и недовѣріе къ гражданскому начальству открывалось Филарету, откуда грозила ему опасность клеветы, которая и не замедлила себя обнаружить. Указывая на слѣдствія, произведенныя нѣкоторыми чиновниками, князь Суворовъ думаетъ удостовѣрить ихъ правильность Русскими именами слѣдователей. Да развѣ онъ самъ не носилъ Русскаго имени? Во сколько же разъ положеніе его выше, независимѣе, отвѣтственнѣе передъ Царемъ, отечествомъ и исторіей! Почему же не указалъ онъ на слѣдствія, произведенныя Самаринимъ, Ханыковымъ, Бюргеромъ (Нѣмцемъ)? Почему не указалъ онъ, что выяснено по слѣдствію, напримѣръ, этого Бюргера, какъ объясняютъ намъ записки Филарета? Помѣщикъ Вульфъ на мызахъ Штокмерзе и Кальномойзе объявилъ Латышамъ, что всякій изъ нихъ, принявшій православіе, будетъ прогнанъ съ земли. На мызѣ Кальномойзе *застѣненъ до смерти Латышъ*, и хотя сѣкшій его старшина старался выгородить помѣщика Трапзе, но участіе послѣдняго выяснено обстоятельствами дѣла. Ордунгерихтеръ Коскуль оказался виновнымъ въ истязаніяхъ совершенно безвинныхъ маркитантовъ Юрія и Андреса за одно лишь объявленіе о желаніи присоединиться. Всѣ эти факты удостовѣрены слѣдствіемъ Бюргера. Не знаемъ, на какое слѣдствіе, произведенное Вара-

диновымъ, указывалъ князь Суворовъ, какъ доказательство несправедливости обвиненій бароновъ со стороны крестьянъ. Передъ нами свидѣтельство о слѣдствіяхъ, произведенныхъ Варадиновымъ и Липранди и подтвердившихъ притѣсненія баронами крестьянъ.

Это пространное іезуитское письмо можетъ быть переведено на Русскій обыкновенный языкъ очень коротко: *«Я водворю въ край, во что бы то ни стало, прежній его строй»* (къ чему и была направлена дѣятельность этого безславнаго для Россіи времени въ Лифляндіи); *«прошу епископа въ это дѣло не мѣшаться подѣ страхомъ Иринарховой участи, если не хуже»*.

Такъ и понялъ Филаретъ. Онъ писалъ графу Толстому 26-го Октября 1848 г.: «Не знаю, какія послѣдствія имѣла бумага. Вы были столь добры, что обѣщали слѣдить за ходомъ дѣла. Вслѣдъ за одной послано нѣсколько другихъ. Что будетъ послѣдствіемъ? Вопросъ этотъ тревожитъ меня. Нельзя ли по крайней мѣрѣ извѣстить? Моя такая доля, что меня бьютъ и меня же обвиняютъ. К. С—въ *) проповѣдуетъ всею крѣпостію о себѣ, что онъ ревностный сынъ православія. Странно, что люди до такой степени могутъ противорѣчить словами своими дѣламъ своимъ. Не понимаю такой совѣсти. Господь—Судія».

Итакъ, Филарету оставалось только затворить свою дверь, дотолѣ ни для кого не затворяющуюся, и въ молчаніи ожидать дальнѣйшей участи, о которой дѣятельно сталъ заботиться представитель Русской правительственной власти въ Лифляндіи.

Нельзя обойти молчаніемъ, что съ этой стороны старались дѣйствовать и на Головина. И его увѣряли, что внимательство духовной власти здѣсь неумѣстно, подрывая значеніе и авторитетъ власти гражданской. Головинъ, какъ человѣкъ слабый, то поддавался этимъ внушеніямъ, то, видя, что для утѣшеннаго народа, дѣйствительно, нѣтъ къ нему иного пути, отрекался отъ нихъ. Объ этомъ Филаретъ писалъ графу Протасову. Онъ указывалъ, что враги православія, послѣ разныхъ безуспѣшныхъ мѣръ вредить ему, обратились къ слѣдующей, самой вредной:

*) Князь Суворовъ.

«Генераль-губернатору безпрестанно твердятъ, что принятіе жалобъ отъ крестьянъ епископомъ противно порядку; что крестьяне, если не получаютъ билетовъ и паказываются помѣщиками, должны обращаться съ жалобами къ гражданскому начальству». Объяснивъ о составляемыхъ у него запискахъ тоже, что впослѣдствіи объяснилъ кн. Суворову, Филаретъ добавлялъ, что «доселѣ ни по одной жалобѣ епископъ не входилъ къ гражданскому начальству формальнымъ отношеніемъ, что ни по одной запискѣ его не приступлено къ формальному преслѣдованію, тогда какъ по ложнымъ дописамъ какого-нибудь фанатика Энгельгардта дѣлаются формальныя слѣдствія». Заявивъ, что ни одна жалоба крестьянъ орднунгсрихтеру или не доходитъ до генераль-губернатора, или доходитъ въ искаженномъ видѣ, онъ замѣтилъ, что воспретить духовному начальству выслушивать эти жалобы, значить—узаконить гоненіе противъ православія. Онъ указалъ на странность: когда онъ не посылалъ записокъ и просителей къ генераль-губернатору, изъяснялось неудовольствіе; когда посылалъ—не избѣгалъ его тоже. Онъ предупреждалъ графа Протасова, что терпѣнію человѣческому есть мѣра, и предославлять судъ надъ новоприсоединенными тѣмъ же гонителямъ ихъ—опасно для спокойствія.

Князь Суворовъ не допустилъ колебаній. Онъ, какъ видѣли мы, прямо отрѣшилъ Филарета отъ дѣла защиты его новой паствы противъ гонителей православія.

Филаретъ не напрашивался на такую работу; но кто могъ оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ невинныхъ? Онъ и писалъ графу Протасову: «Епископъ вовсе не радъ тому, что ему приходится выслушивать горькія жалобы на гоненія противъ православія и радъ бы былъ если-бы не могъ слышать ихъ, какъ не можетъ радоваться и каждое частное лицо такому положенію дѣлъ». Не легко ему было, надо полагать, видѣть невысыхавшія слезы народа. Онъ писалъ митрополиту Филарету уже, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, изъ Харькова: «Что касается до Лифляндскаго дѣла, то въ первые годы по прїѣздѣ въ Харьковъ одно воспоминаніе о немъ приводило всѣ нервы мои въ сотрясеніе; такъ разстроены были весь организмъ мой муками, какія испытывалъ я семь лѣтъ сряду. Теперь благодарю, благодарю и хвалю без-

предѣльно милосердіе Божіе, спасшее меня отъ тысячи бѣдъ.» Таково для него было служеніе его въ Ригѣ.

По одиннадцатому пункту.

Православію приходилось принимать оскорбленія отъ лютеранъ и преимущественно ихъ пасторовъ. Послѣдніе съ церковной своей каѳедры произносили брань на православіе въ самой неприличной формѣ. Такъ Роденпойскій пасторъ Вальтеръ обратился съ каѳедры къ нѣкому Бедрилю, изъявившему желаніе присоединиться: «Ты знаешь, что добрые люди не идутъ въ эту вѣру, а только дураки, негодяи и свиньи» и т. д., распространяясь преимущественно на счетъ свиней. «Развѣ это православная вѣра, въ которой даютъ изъ ложки причастіе, намѣшанное съ разными разностями!» Затѣмъ служитель алтаря, подойдя къ Бедрилю, сталъ царапать его по глазамъ и груди, изображая «какъ Русскіе мажутъ масломъ», и увѣряя, что онъ, перемѣнивъ вѣру, будетъ «Іудею, предавшимъ Христа». Иные твердили желающимъ присоединенія, что они предають себя сатанѣ. Маріенбургскій пасторъ Гиргенсонъ ругалъ съ каѳедры православныхъ священниковъ обманщиками. Пасторъ кирки Тормы съ каѳедры проповѣдывалъ, что «Русская вѣра — есть вѣра бѣсовская, что у тѣхъ, кто приметъ ее, чертъ возьметъ душу и сердце и съѣстъ какъ волкъ овцу. Іендорфскій пасторъ отказался похоронить на кладбищѣ малолѣтняго сына присоединившагося крестьянина. Въ д. Энгелотъ, при погребеніи 60-ти-лѣтняго старика Онча Сильса Якобштадтскимъ священникомъ о. Мутовозовымъ, пасторъ не допустилъ гроба на лютеранское кладбище. Филаретъ, освѣдомившись черезъ священниковъ о подобныхъ случаяхъ, представилъ о необходимости общей мѣры, вслѣдствіе чего и состоялось Высочайшее повелѣніе: впредь до устройства кладбищъ для православныхъ погребать послѣднихъ на лютеранскихъ кладбищахъ. Но и Высочайшая воля встрѣтила дерзкій отпоръ. Такъ присоединившемуся крестьянину Томсу Оазольсу, мызы Лаунскамъ, отказали въ погребеніи его ребенка на лютеранскомъ кладбищѣ и намѣренно отсылали его отъ одной власти къ другой, а трупъ лежалъ въ клевѣ и подвергся силь-

нѣйшему разложенію. Узнавъ о томъ, Филаретъ предписалъ священнику предать тѣло землѣ на лютеранскомъ кладбищѣ. Въ подобныхъ случаяхъ обращался Филаретъ къ генераль-губернатору, который по два раза посылалъ предписанія; но по свидѣтельству графа Толстого, они оставались безъ исполненія. Вотъ образчикъ того, какъ доходили распоряженія генераль-губернатора. Дробышской (мызы Карльеру) пасторъ жаловался ему, что Латыши его прихода хотятъ перейти въ православіе и что у нихъ кроются нѣмѣренія опасныя для общаго спокойствія. Головинъ объяснилъ, что онъ ихъ видѣлъ въ Венденѣ, говорилъ съ ними и былъ доволенъ спокойнымъ изложеніемъ ими своего дѣла, при чемъ спросилъ пастора, получили-ли онъ предписаніе его отъ 20-го Іюня, въ коемъ сказано, чтобы пасторы отнюдь ни словомъ, ни дѣломъ, не мѣшали дѣлу православія? Пасторъ отвѣчалъ, что не получилъ. Предписаніе было послано черезъ ордунгсрихтера, который тоже подтвердилъ о неполученіи. Вотъ какая была почта для дѣлъ о православіи.

Полковникъ гвардіи, помѣщикъ Миллеръ, вбѣжавъ въ церковь, произвелъ безчиніе и ударилъ въ грудь священника. Священникъ велѣлъ его связать. Это дѣло было передано не въ пользу священника; напротивъ, старались дать видъ возмущенія крестьянъ противъ помѣщика. Филаретъ сейчасъ-же сообщилъ запискою генераль-губернатору, очень ловко составленную. Онъ сначала говоритъ, что «если священникъ приказывалъ связать полковника, это дурно, такъ какъ укрощать буяна дѣло полиціи; но если буйство угрожало смертію, то необходимо защищать жизнь. Если не знали, что это помѣщикъ и полковникъ, то и дѣйствія противъ него нельзя разсматривать, какъ направленные противъ помѣщика. Миллеръ ударилъ священника въ грудь, когда тотъ имѣлъ при себѣ святыя дары. Это обстоятельство чрезвычайно важно».

При всемъ однако противодѣйствіи, Филаретъ настоялъ, чтобы пастора Трея предали суду за оскорбленіе православія.

Въ Лифляндіи было немало раскольниковъ. Филаретъ не отнесся равнодушно къ этому явленію. Съ одной стороны у него болѣло сердце, глядя на отщепенцовъ св. церкви, съ другой въ немъ говорило опасеніе за пропаганду ихъ среди новыхъ чадъ ея. Онъ возлагалъ большія надежды на академикомъ-священниковъ въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ, о чемъ писалъ и Горскому, между прочимъ, рисуя такъ расколъ: «Бъ несчастію, раскольники здѣшніе очень злы; это что-то въ родѣ уродовъ». Описавъ яркими красками ихъ ужасное нравственное состояніе, онъ добавляетъ: «Вы скажете, чего-же смотреть полиція и гражданское начальство? Они смотрятъ на то, какъ получить тысячу рублей отъ одного и другую отъ другого раскольника, а болѣе ничего имъ не нужно».

Въ заботахъ дѣйствовать противъ раскола Филаретъ просилъ Горскаго прислать разсужденія Покровскаго и Ундольскаго о крестномъ знаменіи. «Здѣсь они съ пользою могутъ быть прочтены для раскольниковъ, которыхъ здѣсь болѣе 10 тыс.», писалъ онъ. Далѣе онъ проситъ прислать и схимника Іоанна. «Дополненіе о древности перстосложенія». «Весьма нужно, писалъ онъ, имѣть подлинныя слова Германа патріарха о крестномъ перстосложеніи и то объясненіе, какое дано имъ, если не ошибаюсь, у Фабрица. Разумѣю, что число 6,500 выражается въ благословеніи рукою, какъ говоритъ Германъ. У Котельера ((*Patr. Apost. t. 1, p. 44*) сказано, что Николай Смирнскій и Бода говорятъ что-то въ подтвержденіе объясненію. Но помнится, кромѣ Котельера, въ какой-то особенной книгѣ *de Graeca Ecclesia* приведены и объяснены слова Германа. Большую также имѣю нужду въ *Обличеніи Теофилакта* неправдѣ раскольничьей. М. 1745 г.». «Попросилъ-бы что-нибудь изъ рукописнаго для раскола, напр. хотя-бы Никодимовы замѣчанія», писалъ онъ, напоминая Горскому, какъ они однажды въ его комнатѣ начинали читать отвѣтъ Неофита Поморцамъ, который нашли умнымъ; онъ желалъ имѣть ихъ хотя на короткое время и съ первою почтою. Такъ спѣшилъ онъ этимъ дѣломъ. Прося Горскаго сдѣлать выписки всего, что найдется по этому предмету, онъ пишетъ далѣе: «Вы понимаете, что статьи, составляющія догматы нашихъ раскольниковъ, всего важнѣе для меня. Между тѣмъ не совсѣмъ убѣждаюсь, чтобы въ первомъ періодѣ нашемъ

не было смѣшенія мыслей о перстосложеніи, разности обычаевъ. Не доискиваюсь основаній для несомнѣнной увѣренности въ чемъ-либо постоянномъ. Станнымъ для меня кажется, какъ разразилась эта буря при Никонѣ. Столько разности въ обычаяхъ, и онѣ появились такъ скоро! Ужели никакихъ мыслей, ни одного слова, ни одного намека, ни одного памятника не было о всемъ томъ до Стоглаваго собора? И какъ Стоглавый соборъ не вошелъ въ разсмотрѣніе разностей и ихъ начала? Г. Востоковъ нынѣ прислалъ мнѣ дополненія къ отвѣтамъ на вопросы Нифонта. Но и въ дополненіяхъ, и въ томъ, что прежде извѣстно было, и вообще въ извѣстныхъ письменныхъ памятникахъ, ни намека не вижу на предметы споровъ нынѣшнихъ. Страшно!» Эти догадки Филарета еще болѣе получили положительности, когда прочелъ онъ замѣчанія Маркевича (въ «Исторіи Малороссіи»), гдѣ говорится, что Малороссія дважды отказывалась отъ соединенія съ Россіею, потому что въ Россіи очень много толковъ и расколовъ, а это было до Никона и въ началѣ его патріаршества. «Ваши замѣчанія о древнихъ иконахъ мозаическихъ очень полезны для меня. Желалъ-бы видѣть еще что-нибудь подобное о древнихъ обычаяхъ».

Мы привели это разсужденіе Филарета, чтобы показать, какъ занимала его мысль ослабить расколъ и съ какою осмотрительностію разбирался онъ въ предметахъ спора, чтобъ явиться обличителемъ раскола во всеоружіи исторической правды. Плодомъ такихъ изслѣдованій была статья его: *Свидѣтельство временъ апостольскихъ о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изобразить крестъ*. Митрополитъ замѣтилъ ему, что онъ будто-бы даетъ оружіе въ руки раскольникамъ. Вѣроятно по поводу этого замѣчанія Филаретъ писалъ Горскому: «Мнѣ грѣшному кажется, что полезное для всѣхъ можетъ быть полезно и раскольнику, а мнимо-полезное раскольнику не годится никому».

Въ вопросѣ о расколѣ Филаретъ шелъ или готовъ былъ идти на уступки; но мы не можемъ вывести изъ такой готовности, что онъ легко смотрѣлъ на нерушимость церковныхъ уставовъ. Нѣтъ. Въ годы его молодости, въ началѣ его ученой и профессорской дѣятельности, онъ иногда увлекался богословіемъ западныхъ; но митрополитъ Филаретъ сдержалъ

во время это увлеченіе. И Филаретъ съ годами все болѣе и болѣе крѣпъ въ правилахъ церковнаго устроительства. Но эта уступка была выраженіемъ христіанской любви и желанія церковнаго мира и единенія. Онъ былъ увѣренъ, что нужно только сдѣлать этотъ шагъ, и всеобъемлющая благодатная сила Главы Церкви уничтожить всякую рознь.

Передъ нами собственноручная записка Филарета по этому вопросу, озаглавленная имъ: «Какъ облегчить соединеніе раскольниковъ съ православною церковью?» Объяснивъ, что препятствіемъ къ соединенію поставляется проклятiе, положенное соборомъ патріарховъ 1662 г., онъ указываетъ на желаніе раскольниковъ - поповцевъ быть принятыми въ единеніе съ нашею церковью, съ ихъ попами и епископами, посвященными Греческимъ митрополитомъ. Онъ полагалъ, что Св. Синоду слѣдовало-бы просить Константинопольскаго патріарха рѣшить на соборѣ: а) анаѣема собора 1667 служить-ли препятствіемъ для совѣстей тому, чтобы удерживающіе старые обряды и книги свободно соединялись съ православною церковью и ея іерархіею, съ удержаніемъ обычныхъ для нихъ обрядовъ? б) Могутъ-ли священники и епископы, принявшіе рукоположеніе отъ Греческаго митрополита, приняты быть въ общеніе съ православною церковью? Чтобы облегчить разрѣшеніе этихъ вопросовъ, онъ почиталъ необходимымъ доставить собору свѣдѣнія какъ о желаемомъ нѣкоторыми раскольниками единовѣрiи, такъ и о томъ, что извѣстно Св. Синоду о порядкѣ совершенія рукоположенія Греческимъ митрополитомъ.

Мы не знаемъ, данъ-ли ходъ этой мысли Филарета; но что она была подсказана ему чувствомъ христіанской любви, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вотъ, пожалуй, одинъ частный случай, подтверждающій такое предположеніе. Разъ въ Черниговѣ къ нему явились трое купцовъ, изъ коихъ двое были старообрядцы, а одинъ единовѣрецъ. Старообрядцы поклонились ему, а единовѣрецъ подошелъ принять благословеніе. Филаретъ его благословилъ большимъ крестомъ. Проводивъ потомъ ихъ въ залъ, онъ раскланялся. А когда единовѣрецъ подошелъ къ нему, чтобы принять еще напутственное благословеніе, Филаретъ крѣпко его обнялъ и трижды поцѣловалъ. Единовѣрецъ, увидавъ такой порывъ христіанской любви, понялъ смыслъ этихъ объятій. Онъ понялъ, что въ его лицѣ привѣт-

ствовалъ архипастырь своею любовію всѣхъ отказавшихся отъ заблужденій и вернувшихся въ лоно св. церкви. Единовѣрецъ прослезился.

Труды Филарета противъ раскола обратили вниманіе Св. Синода, который поручилъ ему, еще въ Ригѣ, составить «Исторію Русской церкви» для школы Екаторинбургскихъ раскольниковъ.

Но и въ этомъ дѣлѣ заботы Филарета разбивались о равнодушіе власти предрежащей. Въ Іюль 1847 года писалъ онъ графу Толстому: «Препровожаю къ в. с—ву двѣ бумаги о раскольникахъ. Хотѣлось-бы видѣть возвращеніе блуждающихъ къ св. церкви. Не найдеть-ли любовь в. с--ва къ св. церкви способа отклонить *преграду* тѣмъ или другимъ путемъ?» Мы знаемъ всетаки, что немало раскольниковъ возвратилось при Филаретѣ въ лоно св. церкви. Хотя это и объясняется вразумительнымъ вліяніемъ на нихъ общаго движенія Латышей, по тутъ проявилась и личная дѣятельность Филарета.

*
* * *

По своей ревности къ церкви и пылкости, въ чемъ упрекалъ онъ себя самъ, Филаретъ иногда рѣзко выражался въ своихъ бумагахъ и дѣловой перепискѣ и часто присылалъ ихъ предварительно къ графу Толстому. Тотъ нерѣдко смягчалъ тонъ бумаги, за что Филаретъ всегда благодарилъ его. Последнее обстоятельство служитъ доказательствомъ тому, что рѣзкость не была слѣдствіемъ неуживчивости и раздражительности. Эта рѣзкость ставилась ему въ укоръ и Московскимъ святителемъ. «Нѣкто бывшій въ вашемъ краю», писалъ митрополитъ, «сказалъ мнѣ также, что преосвященный Платонъ въ Вильнѣ обходительностію своею со всѣми болѣе успѣваетъ, нежели вы у себя. Конечно, это успѣхъ поверхностный», замѣчаетъ митрополитъ, «но не всегда надобно пренебрегать онымъ. Служить Богу можемъ, убѣгая людей; служить управленію людьми нельзя иначе, какъ общеніемъ. Только надобно, чтобы оно не противорѣчило характеру служенія». Вотъ въ какомъ видѣ толковалось служеніе Филарета, что даже такой дальновидный мужъ, какъ митрополитъ Московскій,

не имѣлъ яснаго представленія объ особенностяхъ, коими было обставлено это служеніе. Гдѣ же у Филарета было время для общенія съ людьми и съ кѣмъ? Для его паствы не затворялись двери его келіи, а внѣ ея съ кѣмъ ему имѣть было это общеніе, и для кого оно было нужно? Здѣсь требовалось челоувѣкоугодничество, а не общеніе; а на такую сдѣлку съ совѣстію Филаретъ не могъ идти. Объясненіе его рѣзкости мы найдемъ только въ пастырской ревности его къ св. церкви. Тою-же ревностью вызванъ рѣзкій поступокъ Мирликійскаго святителя съ Аріемъ. Она же заставила и Самого Пастыреначальника-Христа свить вервие и изгнать имъ торжниковъ изъ Божьяго храма. И позднѣе, бывъ въ Харьковѣ, Филаретъ на повторенный оберъ-прокуроромъ, всеисильнымъ графомъ Протасовымъ, запросъ, возмущавшій его монашескую совѣсть и прирожденную скромность, отвѣчалъ: *«по совѣсти говорю, что отвѣчать не буду»*. Такъ и удовольствовался этимъ отвѣтомъ оберъ-прокуроръ. Разъ въ Черниговѣ, передъ открытіемъ комитета по дѣламъ земства, губернаторъ кн. Г. сдѣлалъ распоряженіе по духовному вѣдомству помимо епархіальнаго архіерея. Филаретъ написалъ ему между прочимъ *«...но поелику положено мною за правило дѣйствовать въ согласіи съ гражданскимъ начальствомъ, то только по этой причинѣ, согласно съ желаніемъ вашимъ, указано консисторіи измѣнить 5-ю и 6-ю статью распоряженія ея. Изумляюсь при томъ, что у в. с—ва, обязаннаго такимъ множествомъ дѣлъ, не дозволившимъ вамъ и извѣстить епархіальнаго начальника объ открытіи дѣла о земствѣ въ губерніи, достаетъ времени и охоты заниматься дѣлами, подлежащими вѣдѣнію особаго начальства. При такой ревности вашей къ дѣламъ, остаюсь увѣреннымъ, что в. с—во оградите духовенство отъ неприятностей по дѣлу о земствѣ, въ родѣ слѣдующей»* и т. д. Кн. Г. поступилъ какъ истый бояринъ: прочитавъ эту бумагу комитету и сознавшись въ ошибкѣ (чисто впрочемъ механической, канцелярской), онъ объявилъ, что въ переписку по этому поводу входить не будетъ и за сямъ остался съ Филаретомъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Но на другой день одинъ изъ членовъ комитета, челоувѣкъ, близкій къ Филарету, указалъ ему на рѣзкость его бумаги. *«Да я потомъ и самъ объ этомъ подумалъ и пожалѣлъ. Но скажите только мнѣ:*

правду я сказалъ или нѣтъ?» — «Да, совершенная правда». — «Ну, а если правда, то я и спокоенъ». И эта «правда» была всегда у него на первомъ планѣ, какъ въ дѣлахъ церковнаго управленія, такъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, которымъ отдавалъ онъ свои досуги.

Среди книгъ онъ забывался иногда, и ученныя занятія его были часами отдыха и душевнаго покоя, за исключеніемъ тѣхъ минутъ, когда, по его выраженію, «не зналъ, куда и душу дѣвать». Сообщая реестръ приобрѣтенныхъ имъ книгъ Горскому, онъ замѣчаетъ «Вотъ вамъ мои собесѣдники. Въ уединеніи моемъ я имѣю разговоры только съ отсутствующими, т.-е., кромѣ тебя, съ отшедшими въ ту далекую страну, въ которую и намъ идти надобно. Читаю и перечитываю труды отцовъ нашихъ, открытые почтеннымъ и опытнымъ Востоковымъ».

Но сочиненіе его «Историческое ученіе объ отцахъ церкви» не выходило изъ «цензурныхъ тисковъ», какъ выражался Филаретъ. Оберъ-прокуроръ, которому представленъ былъ этотъ трудъ, извѣстивъ Филарета по его запросу, что рукопись передана имъ Св. Синоду. Каково же было удивленіе Филарета, когда присутствовавшій въ Синодѣ архіепископъ Курскій Иллодоръ увѣдомилъ его, что ея въ Синодѣ нѣтъ. Такъ тянулся годъ за годомъ, и семнадцать лѣтъ прошло прежде, чѣмъ это сочиненіе явилось въ печати. Между тѣмъ матеріальныя средства Филарета были очень слабы, а желаніе помогать окружающей нищетѣ слишкомъ сильное. Это-то желаніе и продиктовало Филарету въ его запискѣ митрополиту Киевскому (о чемъ будетъ говорить ниже) замѣчаніе, что «архипастыри должны быть выведены изъ нынѣшней ихъ скудости, которая оставляетъ ихъ безъ средствъ быть раздаятелями милости для бѣдныхъ». Только иногда за мелкія статьи свои изъ академіи получалъ онъ незначительный гонораръ, которымъ не пренебрегалъ, какъ единственнымъ добавленіемъ къ скудному жалованью. Впослѣдствіи случалось ему получать солидныя суммы за свои сочиненія, по никогда не имѣлъ онъ денегъ и не оставилъ ихъ. Никто изъ обращающихся къ нему въ нуждѣ не отходилъ отъ него безъ помощи. При скудныхъ средствахъ въ академіи, онъ, кромѣ матери и родныхъ, помогалъ и другимъ. Такъ на-

примѣръ, изъ переписки его съ Горскимъ видно, что онъ по пяти руб. въ мѣсяць выдавалъ какой-то бѣдной старушкѣ, поручая Горскому акуратне продолжать эту выдачу по своему отъѣздѣ. Во время объѣзда изъ Харьковской епархіи, онъ пріѣхалъ въ г. Лебединъ послѣ пожара, унесшаго все состояніе, какъ говорится, до послѣдней нитки, у одного священника (нынѣ протоіерея) о. Іоанна Чижевского. Филаретъ утѣшилъ пострадавшаго, надѣлилъ его, сколько могъ, деньгами и даже собственнымъ платьемъ и обѣщалъ перевести на хорошій приходъ, гдѣ бы легче ему было оправиться отъ своихъ потерь. Онъ впоследствии перевелъ его въ г. Харьковъ, гдѣ облагодѣтельствованный и поныпѣ благословляетъ память своего благодѣтеля. Разъ, когда Филаретъ былъ архіепископомъ Черниговскимъ, пришелъ къ нему священникъ, прося помощи: онъ погорилъ. «Что же я тебѣ дамъ?» какъ бы въ недоумѣніи спрашиваетъ Филаретъ. «Денегъ у меня ей-ей теперь нѣтъ». — «Владыка», говоритъ тотъ», я въ чужой даже рясѣ». — «Ну, вотъ пойдѣ, возьми въ шкафу мою рясу», какъ бы обрадовавшись мысли, говоритъ Филаретъ. Священникъ, взявъ рясу, кланяется своему архіепископу и жалуется, что на немъ и подрясникъ-то чужой». Послѣ пожара въ с. Плоскомъ Черниговской епархіи, рассказываетъ протоіерей о. Трифонъ Стефановскій, «я совершенно все потерялъ: въ чемъ были, въ томъ и остались. Сгорѣла и церковь. Прихожу къ владыкѣ совершенно разстроенный. Владыка вынесъ мнѣ 25 руб. и замѣтилъ: «Ну, что ты какъ горюешь? Развѣ ты первый потерпѣлъ? Богъ, любя, посылаетъ испытанія. Надѣйся на Его святую помощь. Да еще такъ хорошо будешь жить, какъ и не жилъ.» «Эти слова были сказаны столь убѣдительно, что я принялъ ихъ какъ пророчество и вышелъ съ облегченнымъ духомъ». Филаретъ сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы благочинные, каждый въ средѣ духовенства своего благочинія, объявили подписку на помощь пострадавшему собрату; а чтобы это предложеніе не осталось простою канцелярскою бумагою, онъ предписалъ благочиннымъ доносить ему объ успѣхѣ сбора. «И посыпались», говоритъ о. Трифонъ, «ко мнѣ пожертвованія; а тутъ еще представился случай купить очень дешево усадьбу, и я устроился и зажилъ лучше прежняго. По благословенію же владыки, напечатать воззвание, я получилъ пожертво-

ваній на храмъ 35 тысячъ руб., кромѣ утвари и вещей, и выстроилъ прекрасную каменную церковь». «Его милости и благодѣянія, свидѣтельствуешь о. Іоаннъ Фіалковскій, сыпались щедрою рукою не только на духовенство Черниговской епархіи, но и на всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, гонимыхъ судьбою,— такъ что слава о его добрыхъ дѣлахъ и подвигахъ благотворительности еще и теперь не умерла; и какъ легенды передаются рассказы въ народѣ и духовенствѣ». — «Случилось въ 1862 г., когда бывшимъ въ м. Любечѣ пожаромъ истреблено было все мое имущество и домъ, въ которомъ я жилъ съ семьею. Являсь къ владыкѣ для доклада о томъ, что во время пожара сгорѣла ставленная грамота и нѣкоторые изъ церковныхъ документовъ, я съ страхомъ ожидалъ отъ него по крайней мѣрѣ выговора за небрежное храненіе церковныхъ вещей. Но каково было мое удивленіе и радость, когда вмѣсто ожидаемаго гнѣва онъ подарилъ мнѣ рясу, кафтанъ и 50 рублей, утѣшая сими словами: «въ жизни не должно унывать».

Случалось въ Харьковѣ не разъ, что бѣдники—ставленники являлись къ рукоположенію въ подрясникѣ и рясѣ Филарета, который узнавъ отъ Романовскаго, что они не имѣютъ средствъ на эти предметы, дарилъ бѣдникамъ свои рясы и кафтаны. Протоіерей о. Гавріилъ Ѳедоровскій, здравствующій и нынѣ, рассказывалъ, какъ Филаретъ, обозрѣвая въ 1857 г. 3-й благочин. округъ Валковскаго уѣзда, приказалъ ему, какъ благочинному, собрать всѣхъ, призрѣваемыхъ епархіальнымъ попечительствомъ и особенно нуждающихся въ помощи, и всѣхъ одарилъ деньгами, а для раздачи отсутствующимъ вручилъ деньги ему, о. Гавріилу, воспретивъ объявлять, что эти деньги получены отъ него.

Такъ отзывчивъ былъ Филаретъ къ чужой бѣдѣ. Конечно, такіе случаи не единичные. О большинствѣ ихъ только свидѣтельствуется передъ Богомъ въ сердечной молитвѣ.... Казначей Черниговскаго Елецкаго монастыря, гдѣ зимою имѣлъ пребываніе Филаретъ, встрѣтился разъ на почтѣ съ однимъ помѣщикомъ. «Что вы здѣсь дѣлаете батюшка?, спрашиваетъ его послѣдній. «Да получаю 6 тыс. руб. отъ книгопродавца за владыкины сочиненія». — «Ну, теперь владыка будетъ при деньгахъ», замѣтилъ помѣщикъ. «Э, нѣтъ!» сказалъ казначей, «владыкѣ я ничего

не привезу: онъ далъ мнѣ реестръ, кому раздать и разослать». Разъ спрашиваетъ онъ своего келейника, сколько у него рубахъ? «38», отвѣчаетъ келейникъ. «Что ты это? Что-жъ ты, замужь кого собираешься выдавать что ли? Раздай, раздай!» И, оставивъ себѣ 8 рубахъ, онъ велѣлъ остальные раздать въ монастырѣ.

Деньги для него не имѣли цѣны. Онъ какъ будто бы боялся ихъ. Справедливо замѣчено, что, не смотря на значительныя средства, которыми онъ могъ располагать во время пребыванія своего на Харьковской и Черниговской кафедрахъ, онъ постоянно долженъ былъ сокращать свои расходы, потому что получаемыя имъ средства шли большею частію на дѣла благотворительности. А сколько онъ долженъ былъ получать за свои сочиненія, когда Макарій, по назначеніи его въ Вильну, пожертвовалъ 200 тысячъ рубл. на преміи за сочиненія? Вотъ какъ велъ Филаретъ свои денежные счета: далъ онъ 2.500 р. на обороты свѣчнаго завода, имъ же устроеннаго при Троицкомъ монастырѣ; изъ нихъ 1.500 р. ему возвратили по 100 и по 150 р. «Охъ, ужъ надоѣли мнѣ ваши счета; пусть ужъ лучше останется у васъ». Такъ точно онъ употребилъ шесть тысячъ руб. на типографію при Елецкомъ монастырѣ. Двѣ тысячи рублей ему возвратили изъ выручки. «Да Богъ съ вами», сказалъ онъ казначею, «уже надоѣли вы мнѣ расчетами; молитесь лучше за меня, какъ помру, и за родителей моихъ». Такъ было и въ Харьковѣ. Онъ за нѣсколько лѣтъ не только не бралъ своей части изъ доходовъ архіерейскаго дома, но домоуправленіе и свѣчной заводъ оставались ему должными передъ его отъѣздами, бравъ у него заимообразно на свои нужды, такъ что образовалась довольно крупная сумма, которую, уѣзжая, онъ подарилъ архіерейскому дому.

Мы видѣли, какъ мало свѣтлаго выпало на долю Филарета въ тяжкіе дни его Рижской жизни. Борьба ему была уже не по силамъ: поддержки ни откуда, и сердце его истерзалось, глядя на страданія паствы. «Моя душа уныла. Видно, время пришло знать только себя и свои грѣхи и оставить пустую заботу быть полезнымъ другому. Куда! Чего Богъ не далъ, зачѣмъ восхищать себѣ мечту?» Такъ выражалъ свою скорбь покинутый людьми, среди враговъ, одинокій труженикъ. Одиночество Фи-

ларета было замѣтно всякому. Графъ Клейнмихель, навѣстивъ его и присмотрѣвшись къ его положенію, сказалъ ему: «вы здѣсь настоящій монахъ, одни, безъ людей».

*

А между тѣмъ дѣло православія остановилось. Филаретъ неоднократно писалъ Протасову, прося вызвать его въ Петербургъ по дѣламъ церкви; но на это не послѣдовало разрѣшенія. Графъ Протасовъ просьбу Филарета и не докладывалъ Синоду, какъ и многое, сообщаемое Филаретомъ, объ этомъ уже изъ Харькова писалъ Филаретъ своему Московскому покровителю. «И что же вышло изъ того? Послѣ путаницы св. дѣло остановилось, а на моемъ имени оставили разные обвиненія, ни чуть несправедливыя. Покойный преосвященный Гедеонъ Полтавскій, предъ самую кончину свою, проѣзжая чрезъ Харьковъ въ Полтаву, выслушавъ мои рассказы о ходѣ Лифляндскаго дѣла, сказалъ со вздохомъ: «мы этого не знали, намъ говорили совсѣмъ другое; жаль!» — Да жаль, и очень жаль, тѣмъ болѣе, что и не могли поправить», замѣтилъ Филаретъ. «Послѣ вызывали и не разъ Платона; но послужило ли это собственно дѣлу св. православія?»

Истомленный борьбой и недоброжелательствомъ, Филаретъ думалъ о покоѣ или переводѣ, предлагая на свое мѣсто ректора Евсевія. «Правда», замѣтилъ онъ, «сюда необходимъ человекъ особеннаго рода. Тутъ надо имѣть много и много терпѣнія. Необходима воля такая гибкая, какъ сталь, и также нехрупкая, какъ сталь».

Въ то время, какъ графъ Протасовъ скрывалъ отъ Св. Синода суть дѣла и только по извѣстнымъ расчетамъ и побужденіямъ докладывалъ въ томъ или другомъ видѣ Государю, на Филарета не переставали сыпаться клеветы и доносы. Князь Суворовъ превзошелъ въ этомъ случаѣ Палена. Онъ коснулся келейной жизни святителя, не останавливаясь передъ самою гнуснѣйшею клеветой.

Но отвернемся отъ этого ужаснаго и отвратительнаго дѣйствія людской злобы и закончимъ повѣствованіе о Рижскомъ служеніи Филарета свидѣтельствомъ лица, предъ глазами котораго протекала его дѣятель-

ность въ Ригѣ, Латыша, отецъ котораго пострадалъ за вѣру. Мы не можемъ не отвестись съ довѣріемъ къ іерейской совѣсти свидѣтеля, тѣмъ болѣе, что здѣсь не лезть передъ живымъ человѣкомъ, а дань сердца отошедшему въ вѣчность. «Господи! Сколько потрудился въ Лифляндіи этотъ святитель! Одинъ, только съ своимъ письмоводителемъ, не зная онъ покоя ни днемъ, ни ночью, не зная времени обѣда и чая. Просфора—вотъ его ежедневный и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Просфорой да чаемъ онъ только и питался. Какъ сейчасъ его вижу: кожаный диванъ, простой столъ, огромная кша писаной и бѣлой бумаги, письменный приборъ и на концѣ стола стаканъ чаю. Тутъ онъ описывалъ страданія новыхъ чадъ православной церкви своею истомленною, исхудалою рукой. Это былъ Давидъ, исторгавшій изъ пасти хищнаго звѣря агнцевъ отца своего. Это былъ Даніиль во рвѣ львиномъ».

*
* * *

Но заслуги Филарета были слишкомъ велики, чтобы съ нимъ можно было поступить, какъ съ Иринархомъ. Съ другой стороны, Государь Николай Павловичъ, въ виду ошибочнаго осужденія Иринарха, не ограничился бы, конечно, на сей разъ однимъ докладомъ. Вотъ почему рѣшено было перевести Филарета съ почетомъ на высшую, архіепископскую кафедру въ Харьковъ. «Вѣрю радости, съ какою приняли вы и другіе сущіе съ вами», писалъ Филаретъ Горскому, «вѣсть о назначеніи меня въ Харьковъ. Благодареніе Господу, вѣсть отрадная справедлива. Совсѣмъ готовъ я въ путь. Черезъ день или два выѣду изъ Риги. На мое мѣсто поступаетъ Ковенскій Платонъ, тотъ самый, что былъ недолго ректоромъ Костромскимъ и котораго мнѣ грѣшному пришлось въ 1843 году посвящать съ высокопр. Іосифомъ въ епископа Ковенскаго. Больно ему переѣзжать изъ Ковны въ Ригу, а еще тяжелѣе будетъ управляться съ здѣшними дѣлами. Имѣть дѣло съ Нѣмцами тоже, что носить камни на гору. Да управить Господь Богъ дѣлами церкви Своей по Своей благой волѣ».

Хотя переводъ этотъ былъ жестецъ для Филарета; но во всякомъ случаѣ, по его послѣдствіямъ для православія, на него нельзя иначе смотрѣть, какъ на торжество Нѣмецкой партіи.

Его оплакивала юная паства, дѣти, горсть Русскихъ людей Риги, которымъ близокъ былъ Филаретъ по его горячей преданности Русскому дѣлу. «Русскіе Рижане со многими знаками любви прощались со мною. Господь да воздастъ имъ за ихъ любовь ко мнѣ!» писалъ Филаретъ своему другу.

Зная скудость его средствъ, они подарили ему экипажъ, чѣмъ дали ему возможность выѣхать, не обременивъ себя долгомъ.

Печальная страшность. Мы какъ будто-бы все оцупью идемъ въ нашемъ политическомъ шествіи. Ни вразумительные уроки исторіи, ни патріотическія попытки нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, ни даже примѣры сосѣдей не открывали намъ глазъ на нашу собственную задачу, не создали у насъ опредѣленной политической системы. Въ то время, когда сосѣдь-Нѣмецъ обращаетъ въ Нѣмцевъ иноплеменныхъ подданныхъ своей короны противъ ихъ воли, мы отказываемъ такимъ въ добровольномъ ихъ желаніи быть Русскими, забывая, что чѣмъ болѣе притупляется и исчезаетъ племенная рознь въ государствѣ, тѣмъ прочнѣе его положеніе, обезпеченнѣе его будущность. Разомъ могли мы обрусить пограничный край; но мы этого не сдѣлали. Мы дали возможность истолковать наше равнодушіе нравственнымъ и политическимъ нашимъ безсиліемъ. На смѣху Нѣмецкой притязательности мы допустили веплывать идеѣ о какой-то «Латвіи» съ ея самостоятельнымъ социальнымъ и политическимъ устройствомъ. Чтò же заставляло насъ отречься отъ своихъ собственныхъ выгодъ. Преклоненіе передъ Европой, отъ которой добывались мы получить аттестатъ зрѣлости, и угодливость тому сосѣду, который, дѣлая одно у себя, не терпитъ этого въ домѣ своего сосѣда, какъ въ послѣднее время въ вопросѣ о выселеніи. И это не фразы: передъ нами свидѣтельства современниковъ. Въ своей недальновидности мы идемъ далѣе, дозволяя отрывать отъ народа и церкви ихъ части. Мы подъ видомъ обрусѣнія вводимъ въ киркахъ и костелахъ богослуженіе на Русскомъ языкѣ, не понимая того, что люте-

ранское, а тѣмъ болѣе католическое духовенство, фанатизируя свою паству, ничѣмъ не рискуетъ, къ тому же всякому изъ нея понятнѣе Русскій языкъ чѣмъ Латинскій; но для добродушныхъ Русачковъ это — ловушка. Филаретъ радовался успѣху православія въ Литвѣ, когда это дѣло было поставлено мудрою и опытною рукою блаженнаго митрополита Іосифа Симашки *). Зналъ онъ Поляковъ, зналъ и Русскихъ, и это знакомство побуждало его всеми силами сопротивляться исполненію подобной мѣры. Онъ предвидѣлъ въ ней зло для православія, потерю для Русской народности. Какимъ былъ слугою православія и Русской народности преосвященный Іосифъ въ Литвѣ, такимъ былъ Филаретъ въ Лифляндіи.

Самая борьба безпомощнаго, одинокаго Филарета съ врагами православія даетъ понять, что обрусѣніе края не входило въ планы и систему правительства, что на пробужденіе въ Латышахъ стремленія къ православію смотрѣли только съ одной церковной стороны и какъ на мимолетное явленіе. Дѣлая нѣкоторыя уступки церкви, заботились лишь о томъ, чтобы не было большого безпокойства и шума. Вотъ почему такъ легко переводились изъ Риги архіереи, которые не думали о своемъ положеніи и заботились только о церкви.

Полагаемъ, что и доблестный Черногорскій герой впалъ въ ошибку, давъ ничтожной горсти своихъ католическихъ подданныхъ епископа и отправивъ для *католической науки* въ Римъ молодыхъ Черногорцевъ. Эти будущіе пропагандисты *папской вѣры* въ своей отчизнѣ внесутъ разъединеніе въ среду пынѣ почти цѣльскаго народа. Зорко и съ злорадствомъ смотреть на это сосѣдъ. А быть можетъ, здѣсь выполненъ его собственный планъ? Жалко, что это можетъ навести въ глазахъ потомства темное пятно на доброе имя знаменитаго и симпатичнаго настоящаго вождя славнаго народа Черной Горы. Не во всемъ мы заслуживаемъ подражанія.

*) Мы назвали митрополита Іосифа блаженнымъ по его подвигамъ для церкви и по особому явленію благодати, замѣченной въ петлѣннн его тѣла. Погребали его на 11-й или 12-й день по кончинѣ и стояли возлѣ гроба какъ возлѣ живаго челоуѣка. Мы слышали, что одно лицо, присутствовавшее при погребеніи, предлагало совершавшему погребеніе архіеп. Макарію (впослѣдствіи митроп. Московскому) составить о томъ негласный актъ на память будущему, но послѣдній почему-то отказалъ въ этомъ.

Но мы идемъ дальше въ нашемъ самоотреченіи. Послѣ полутора-вѣковой борьбы, напоивъ всю землю дорогою Русскою кровью, мы лучшую ея часть (Закавказье) въ награду за необычайныя жертвы Русскаго народа отдали Нѣмцамъ! Мы не остановились и на этомъ. Мы разрѣшили протестантскимъ пасторамъ свободную проповѣдь въ средѣ покореннаго нами народа *). Такимъ образомъ мы въ своей землѣ положили начало чуждому политическому тѣлу, которому, кромѣ присущей Нѣмцамъ пастойчивости и изворотливости, дали все средства для упроченія и распространенія, разрѣшивъ имъ съѣзды и собранія по церковнымъ дѣламъ, эти будущія, а быть можетъ, и настоящія политическія сборища. Такимъ образомъ, полтора вѣка проливая кровь для покоренія края, мы создаемъ въ будущемъ новую арену у себя дома для военныхъ упражненій. Найдутся-ли однако тогда у насъ Иринархи и Филареты?... Мы слишкомъ отвлеклись отъ предмета; но да проститъ намъ читатель: всякій уколъ прямо въ сердце слишкомъ чувствителенъ, чтобы удержаться отъ вздоха. И очень недавно правительственные лица, на другой окраинѣ, противодействовали учителямъ-Черемисамъ и Чувашамъ въ ихъ желаніи принять православіе. Чѣмъ же объяснялось это противодействіе? «За учителями пойдутъ и ученики, и довѣріе къ школѣ пропадетъ въ народѣ». Хорошъ отвѣтъ Русскаго дѣятеля, которому вручено народное образованіе въ округѣ. А между тѣмъ пѣтъ равнодушнѣе къ религіи народа, какъ Чуваша и Черемиса. Это всякому извѣстно, кто маломальски наблюдалъ ихъ.

Все эти печальныя обстоятельства убѣдительно свидѣтельствуютъ, что у насъ не было выработано опредѣленнаго политическаго плана. Будь онъ разъ установленъ, ни одинъ изъ правителей не посмѣлъ бы идти противъ него, опасаясь стать въ отвѣтъ за государственную измѣну. И увѣренность Головина въ возможной перемѣнѣ правительственной системы въ Лифляндскомъ дѣлѣ служить доказательствомъ отсутствія этого плана, и отчасти самому ему оправданіемъ...

* * *

*) Отмѣнено въ настоящее время.

20 Декабря 1848 года, подождавъ до вечера, въ Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ порѣшили, что если новый владыка и подъѣзжаетъ къ Харькову, то остановится на ночлегъ на послѣдней станціи, но ночью не пріѣдетъ. А съ какого тракта его ожидать, того никто не зналъ. Между тѣмъ по дорогѣ изъ Кіева приближался къ Харькову неуклюжій дорожный экипажъ и въ немъ сидѣлъ задумавшійся новый Харьковскій епископъ. Ему всего было въ ту пору 43 года; но семилѣтнія страданія въ Ригѣ положили сильный отпечатокъ на его лицѣ. Тѣ, которые видѣли его ректоромъ, съ удивленіемъ замѣчали въ немъ перемѣну, несвойственную годамъ.

О чемъ же думалъ путникъ? Онъ спѣшилъ въ Харьковъ, хотя бы поздно ночью пріѣхать, но завтра служить. А на завтра, 21 Декабря, истекала великая седмица (семь лѣтъ) со дня его посвященія въ епископы, семь лѣтъ его архіерейскаго служенія, семь лѣтъ скорбей и страданій, которыя переносилъ онъ, по своему величайшему смиренію, съ полною благопокорностью.

Вотъ экипажъ, прогремѣвъ по мостовой, остановился передъ крыльцомъ архіерейскаго дома. Келейникъ отворилъ дверцу. Владыка вышелъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вокругъ темно. Въ корридорѣ его встрѣтилъ послушникъ и со страхомъ доложилъ, что его комнаты заперты и служитель съ ключемъ ушелъ. Владыка его благословилъ и велѣлъ вести себя въ крестовую церковь. Помолившись, онъ обратился съ вопросомъ:

«Гдѣ о. экономъ? Вы о. экономъ? Завтра буду служить въ домовой церкви. Распорядитесь. Миѣ ничего не надо, развѣ стаганчикъ чаю. Укажите спальную комнату: миѣ надо приготовитья и отдохнуть».

Разобрался келейникъ съ вещами, накормили егоужиномъ, напоили его чаемъ. Уже успѣли допытаться у него жильцы архіерейскаго дома, что новый владыко имѣетъ привычку мало отдыхать, много трудиться и усердно служить. И жильцы архіерейскаго дома вдоволь патолковались, собравшись въ кучку у о. эконома, о новомъ архипастырѣ, и объ его привычкахъ. Конечно среди нихъ находились и такіе, которые смотрѣли на эти привычки не съ одобреніемъ. Наконецъ, заснулъ и келейникъ,

разбрелась и кучка, кійждо во свояси, и все погрузилось въ сонъ. А въ архіерейской спальной еще долго теплилась свѣча передъ иконами, и колѣнопреклоненно молился владыка. И молился онъ не объ избавленіи его отъ скорбей, а о благословеніи его новаго служенія во славу церкви и во благо его паствы.

На слѣдующій день, 21 Декабря, Филаретъ служилъ въ своей крестовой церкви. День былъ непраздничный, пріѣздъ его былъ почти неожиданный, а церковь была полна молящимися. Оповѣщенное духовенство собралось для представленія своему новому архипастырю. «Съ жаднымъ любопытствомъ», говоритъ о. Іоаннъ Шароцкій, описывая пріѣздъ Филарета, «каждый изъ насъ желалъ увидѣть новаго архипастыря во время служенія; но, по небольшому росту его, немногимъ это удалось. По выходѣ изъ церкви, въ залѣ архіерейскаго дома мы все увидѣли новаго нашего архипастыря, который всеѣмъ одинаково показался смиреннымъ рабомъ Христовымъ, лицомъ красивымъ, хотя и блѣднымъ, худенькимъ, небольшого роста, съ волосами на головѣ и бородѣ черноватыми».

Какъ отозвался келейникъ о своемъ владыкѣ жильцамъ архіерейскаго дома, такимъ онъ и показалъ себя. Служивъ 21 Декабря въ своей крестовой церкви, онъ въ день Рождества Христова, затѣмъ 1 и 6 Января, служилъ въ соборѣ, а 7 въ Воскресенской церкви. Все полагали, что дальній путь и, наконецъ, частое служеніе должны утомить архипастыря, вызвать необходимость отдыха, а между тѣмъ съ первыхъ же чиселъ Января онъ сталъ обозрѣвать городскія церкви и притомъ безъ предваренія. Замѣчая чистоту и порядокъ въ церкви, онъ лично благодарилъ настоятеля; но гдѣ наоборотъ усматривалъ неопрятность и непорядокъ, объявлялъ настоятелю замѣчаніе черезъ благочиннаго. Въ этомъ опять сказалась черта его характера: доброе слово и признательность ему пріятно было выразить лично и, напротивъ, тяжело было и стѣсняло его дѣлать лично замѣчанія. Оставлять же безъ замѣчаній непорядокъ въ церкви не могъ онъ, понимая хорошо, что небрежное содержаніе храма Божьяго почти всегда указываетъ на такое же отношеніе священника и къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ. И Филаретъ относился строго въ подобныхъ случаяхъ. Такъ, уже при объѣздѣ Чер-

пиговской епархіи, онъ, вслѣдствіе замѣченной неопрятности въ С. церкви, не допустилъ ея священника къ служенію съ собою, строго ему замѣтивъ: «что ты—Жидъ что ли?»

Эти замѣчанія немедленно же приобрѣли Филарету славу архіерея строгаго. Но вскорѣ, какъ только ближе стали узнавать Филарета, увидѣли въ немъ пастыря кроткаго, милостиваго и внимательнаго. Строгъ онъ былъ къ «внимающимъ вину многу», замѣчаетъ повѣствователь его Харьковскаго служенія, да не любилъ кляузничества и говорилъ обличительное слово «противу вражды, склонной къ доносамъ». Сутяжничество и вражду не выносилъ онъ вообще: тѣмъ тяжелѣе для него было видѣть это въ духовенствѣ.

Что касается управленія епархіею, то его можно было пазвать самоличнымъ. «При самомъ бѣгломъ разсмотрѣніи его резолюцій, положенныхъ имъ на дѣлахъ консисторскихъ» пишетъ о. Лашенковъ, «изумляешься—какъ доставало у него силъ и времени нести такую массу трудовъ». Вотъ почему многія резолюціи, кромѣ краткости, бывали слишкомъ рѣзки: «постановленіе это дико». «Опредѣленіе это глупо». Многія постановленія дополняли, измѣняли или возвращали для новаго пересмотра въ консисторію. Онъ составилъ руководство въ пособіе для пріисканія законовъ къ извѣстному дѣлу и цѣль этого труда объяснилъ въ слѣдующихъ строкахъ своего предложенія консисторіи. «Такъ какъ по опытамъ мнѣ извѣстно, что въ Харьковской консисторіи постановляются то ошибочныя рѣшенія, то слишкомъ медленно составляются опредѣленія отъ того, что чрезвычайно трудно отыскать, разсѣянные по дѣламъ разныхъ годовъ и книгамъ, указы и правила церковныя, то извлеченныя мною изъ дѣйствующихъ законоположеній правила церковныя, прилагая при семъ, предлагаю консисторіи съ тѣмъ, чтобы она пользовалась симъ извлеченіемъ, какъ пособіемъ для пріисканія законовъ и правилъ, самыя же правила и законы, какъ понятно, должны быть приводимы къ дѣлу въ подлинномъ ихъ видѣ». Принимая всѣ прошенія, пиша всѣ важныя бумаги собственноручно, неослабно занимаясь учебнымъ дѣломъ, совершая неупустительно священнослуженіе и отвлекаясь учеными трудами, Филаретъ, понятно, долженъ былъ дорожить временемъ.

Вотъ почему онъ не любилъ разговаривать съ просителями, усматривая въ прошеніи клевету, бросалъ его къ ногамъ просителя и уходилъ, не сказавъ ни слова. Безмолвіе его при пріемѣ просителей ставили ему въ укоръ и находили, что онъ дѣлаетъ это изъ подражанія Московскому митрополиту. На такой упрекъ Филаретъ отвѣчалъ Иннокентію: «не могу отгадать, по какому поводу обвиняютъ меня въ пошибѣ Московскомъ. Не потому ли, что не говоривъ. Но это не дѣло воли».

Онъ мало давалъ простора членамъ консисторіи. Съ участіемъ относясь къ положенію сельскаго духовенства, онъ такимъ порядкомъ веденія дѣлъ оберегалъ его отъ притѣсненій. Онъ хорошо зналъ и понималъ, что сельскому духовенству всегда дороже тотъ архипастырь, который въ дѣла епархіи болѣе влагаетъ личнаго труда и авторитета. И оно естественно: архіерей, кромѣ того, что получаетъ сугубый даръ священника, какъ по своему положенію въ церкви и обществѣ, такъ и по отсутствію для него тѣхъ мелкихъ связей и отношеній, которыми опутано бѣлое духовенство, всегда въ рѣшеніяхъ дѣла безпристрастнѣе. Здѣсь не было у Филарета наклонности къ самовластию. Онъ дѣлалъ это съ большимъ стѣсненіемъ для своей совѣсти, но дѣлалъ именно по высказаннымъ сображеніямъ, чѣмъ и оправдывался позднѣе передъ своимъ Московскимъ покровителемъ. Наконецъ, что такое именно убѣжденіе клалъ онъ въ самоличное управленіе епархіею, можетъ подтвердить одно письмо его изъ Чернигова оберъ-прокурору Св. Синода князю Урусову. Повторяя ходатайство о закрытіи трехъ духовныхъ правленій, онъ между прочимъ писалъ: «Излишнимъ считаю объяснять другія причины закрытія правленій; скажу только, что духовенство, состоящее въ ихъ вѣдѣніи, отслужитъ благодарный молебенъ, когда получитъ распоряженіе о закрытіи духовныхъ правленій».

Но сколько ни былъ Филаретъ внимателенъ и участливъ къ положенію сельскаго духовенства, пользу церкви ставилъ онъ выше личныхъ симпатій и состраданій. Вотъ въ доказательство отвѣтъ на его просьбу друга его, Романовскаго. «И я грѣшный, кажусь вамъ по временамъ неправымъ. Вы думаете, а иногда и говорите, что не исполняю

просьбъ и желаній вашихъ по неправымъ причинамъ. Права ли совѣтъ моя передъ Господомъ, знаетъ это одинъ Всевѣдущій. Но—я желаю поступать не иначе, какъ по совѣсти. Если бы иначе поступалъ я, вы сами имѣли бы право и осуждать меня, и не любить меня. Богъ свидѣтель—я люблю добрую душу вашу, по потому-то, что очень люблю васъ, и долженъ наблюдать за своимъ сердцемъ, чтобы не увлекалось оно чувствами къ несправедливому. Повторяю: изумляюсь, какъ иные дѣлають дѣла шутя. Не умѣю дѣлать дѣла шутя. Страхъ суда Божія мѣшаетъ».

Въ примѣненіи закона и уставовъ управленія онъ отводилъ значительную долю личнымъ воззрѣніямъ и опыту. Такъ, наприкладъ, статью 82-ю устава дух. консисторій *предоставлено* было священнослужителямъ, по достиженіи 60-лѣтняго возраста и по болѣзненному состоянію, *право* просить увольненія. Филаретъ же самъ увольнялъ по дряхлости и болѣзненности. Уволенные жаловались. Филаретъ объяснялъ, что признаетъ несправедливымъ, чтобы изъ-за одного весь приходъ переносилъ неудобства, когда священникъ, по слабому состоянію своего организма, не можетъ неукоснительно выполнять требы. Св. Синодъ не только одобрилъ систему Филарета, но рекомендовалъ ее для руководства всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ.

Филаретъ при удобномъ случаѣ напоминалъ и совѣтовалъ старцамъ-священникамъ заблаговременно заботиться о семьѣ, предоставляя свое мѣсто зятю. Не могу не напомнить старцамъ-священникамъ, что они напрасно къ скорби своихъ семей не дѣлають благовременныхъ распоряженій, а когда дѣлаетъ начальство это распоряженіе, негодуютъ и тяжело грѣшатъ противъ начальства». Въ такихъ ходатайствахъ и близкій къ нему человекъ Романовскій не всегда успѣвалъ это, и давалъ поводъ послѣднему упрекать Филарета въ жестокости. А на такіе упреки Филаретъ отвѣчалъ: «Не грѣшите, не жалуйтесь на жестокость мою. При свиданіи съ вами скажу вамъ нѣсколько словъ въ защиту себя противъ обвиненій меня въ жестокости» — «Просьбу вашу исполнилъ. Сергій передъ вами. Не грѣшите же — не жалуйтесь на жестокость мою».

Принимая прошенія, тутъ же просматриваль онъ ихъ, требоваль, когда наставала надобность, изъ консисторіи дѣло или переписку и, положивъ резолюцію, отпускаль просителя. Проситель, узнавъ участь свою или своего дѣла, отпраплялся домой съ полною увѣренностію, что перемѣны не будетъ. Иногда резолюціи были суровы; «но при набожномъ настроеніи души преосвященнаго», замѣчаетъ тотъ же повѣствователь, «онъ скоро и перемѣняль резолюціи, если по чьему-либо ходатайству или разъясненію дѣла находилъ, что сурово поступилъ». Такимъ онъ былъ въ Харьковѣ, такимъ и въ Черниговѣ. Такъ въ Черниговѣ, лишивъ благочинія одного священника и убѣдившись, что послѣдній былъ оклеветанъ, онъ при встрѣчѣ съ нимъ, во время объѣзда епархіи, въ с. Бѣльмачевкѣ, поклонился ему низко и сказалъ: «Прости меня о. Іоаннъ; я невинно тебя осудилъ».

Или вотъ что разсказываетъ священникъ, о. Григорій Тимошевскій «однажды я былъ оклеветанъ передъ владыкой. Буря поднялась было не на шутку. Самъ владыка говорилъ, какъ онъ сильно огорченъ. Лица, бывшія при этомъ, вступились за меня и доказали владыкѣ, что на меня взведена неправда. Владыка потребоваль формулярный списокъ и, прочитавши его, вздохнулъ и сказалъ: прости меня, Господи! Я обмануть жестоко. Передайте этому бѣдному, обиженному священнику, мое извиненіе. Да, я въ запальчивости могъ надѣлать великой бѣды. Намъ всегда нужна осмотрительность. Слава Богу, что я не распорядился наказаніемъ». «Таковъ-то, былъ владыка», замѣчаетъ разказчикъ. «Да дастъ ему Господь по богатству добродѣтели его». — Довѣривъ представленію благочиннаго о зазорной жизни одной молодой вдовы священницы, Филаретъ лишилъ ея пособія изъ суммъ попечительства и исключилъ изъ духовнаго званія. Когда Романовскій, хорошо знавшій священницу, доказаль Филарету, что благочинный изъ личной вражды оклеветаль ея, Филаретъ вызваль къ себѣ благочиннаго и вдову-священницу, приказаль первому подать объ увольненіи отъ благочиннической должности, вдовѣ объявилъ, что уничтожаетъ свою резолюцію, прибавляеть ей пособіе и даеть ей обѣщаніе быть ея защитникомъ и покровителемъ. Вдова упала на колѣна и обливаясь слезами, цѣловала его

ноги, при чемъ такъ сильно охватила ихъ руками, что келсеиникъ едва могъ освободить отъ нея своего владыку. А Романовскій потомъ высказалъ дружескій, но рѣзкій, укоръ за его довѣрчивость къ доносу благочиннаго.

Филаретъ обыкновенно говорилъ духовнымъ лицамъ подвѣдомой ему епархіи «ты», но въ обращеніи съ духовенствомъ былъ «отечески добръ». «Вы» говорилъ онъ только тому, къ кому былъ недоволенъ. Это было своего рода наказаніе. Сколько ни случалось намъ получать свѣдѣній отъ служившихъ при немъ священниковъ трехъ епархій, каждый называлъ его «незабвеннымъ благодѣтелемъ». Надо замѣтить, что Филаретъ, при его добромъ и отзывчивомъ сердцѣ, былъ въ высшей степени благовоспитанный, былъ, можно сказать, изящный человекъ во многихъ отношеніяхъ. Его манера и бесѣда сразу давали вамъ понять это. Все эстетическое, все возвышенное плѣняло его. Вотъ образчики его благовоспитанности. Разговаривая съ семинаристомъ, сидя на лавочкѣ въ своемъ саду, онъ выпустилъ изъ рукъ посохъ. Близъ стоящей семинаристъ поднялъ посохъ и вручилъ ему. Архіепископъ, не прерывая бесѣды съ другимъ, отвѣчалъ вѣжливымъ поклономъ на услугу семинариста. Такая учтивость архиепископа была необычною для семинаристовъ, и этотъ поклонъ долго служилъ темою ихъ разговоровъ. Въ одномъ мѣстечкѣ Сѣверо-Западнаго края, при проѣздѣ его изъ Риги въ Вильну, ему отвели ночлегъ въ католическомъ монастырѣ. Настоятель монастыря принялъ его радушно и предложилъ трапезу. Когда подали первое блюдо, оказавшееся мяснымъ, Филаретъ отказался, извиняясь, что по уставу нашихъ монастырей мясная пища возбраняется. Это очень смутило настоятеля. Филаретъ просилъ не беспокоиться и сказалъ ему: «позвольте мнѣ стаканъ молока и кусокъ хлѣба, и съ меня довольно». Но радушный хозяинъ не допускалъ этого и, извиняясь, увѣрялъ, что сейчасъ же будетъ приготовленъ постный столъ. «Подали обѣдъ», рассказывалъ Филаретъ, «но я сейчасъ же понялъ, что все было съ тѣми же соусами и бульономъ. Что было дѣлать? Въ первомъ случаѣ я имѣлъ полное основаніе отказать, а во второмъ было уже не деликатно обличать хозяина въ обманѣ. Я не далъ и виду, что подозреваю его». Но желудку, от-

выкшему въ продолженіе 15-ти лѣтъ отъ мяса, трудно было справиться и съ самою умѣренной порціею преподобныхъ католическихъ постниковъ, и Филаретъ чуть не заплатилъ жизнью за свою деликатность, перепугавъ и своихъ радушныхъ хозяевъ. Филаретъ нюхалъ табакъ. Привычку эту онъ усвоилъ, какъ и многіе въ то время, для освѣженія зрѣнія, утомляемаго непрестаннымъ напряженіемъ. Этой привычки онъ не скрывалъ, но нюхая въ обществѣ, дѣлалъ это онъ какъ-то незамѣтно, никогда не вынимая табатерки и не начиная носа, какъ дѣлалось это другими къ немалому неудовольствію присутствующихъ. Открывая же табатерку въ карманѣ своего подрясника, онъ конечно понемногу разсыпалъ тамъ табакъ и, смѣясь, говорилъ одному знакомому своему, что его за то (келейники) пачкуномъ называютъ.

Извѣстно, что архіереи носятъ цвѣтную одежду. Никогда нельзя было замѣтить на Филаретѣ безвкусное сочетаніе цвѣтовъ въ одеждѣ. Памятна очень намъ одна бесѣда въ Черниговѣ, и послѣдняя притомъ, которой коснемся ниже. (Быть можетъ потому осталась въ памяти и его одежда). Это было лѣтомъ. На немъ была ряса лиловаго цвѣта муарь-антикъ и такой же матеріи бѣлый подрясникъ. Панагія состояла изъ бѣлаго каме въ изящной золотой оправѣ съ аметистами. И всегда онъ былъ одѣтъ, строго соглашаясь съ требованіями вкуса. И было бы погрѣшностію утверждать, что на этомъ онъ сосредоточивался. Нѣтъ, это выходило у него какъ дѣло заурядное. Удовлетвореніе требованіямъ эстетики, вкуса шло у него обычно, какъ-то просто, какъ, напримѣръ, потребность имѣть на себѣ чистое бѣлье. Такимъ же изяществомъ отличались и его священныя одежды. Въ Черниговскомъ соборѣ довольно много старинныхъ Евангелій; но при его служеніи всегда употреблялось одно, пожертвованное полковникомъ Малороссійскаго полка Василюмъ Дунинымъ-Борковскимъ въ 1685 году, какъ самое изящное по работѣ, хотя оно менѣе всѣхъ. По своей же тяжести Евангеліе это не такъ правилось протодіакопу, какъ его владыкѣ. Чтобы указать на правильное пониманіе Филаретомъ изящнаго, приведемъ изъ письма его къ Горскому сужденіе о двухъ зданіяхъ въ Петербургѣ: соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній и Исакиевскомъ соборѣ. «Я, кажется, не писалъ

тебѣ о соборѣ учебныхъ заведеній: превосходный храмъ! Какое великолѣпіе, какая красота, какая легкость! Чудный человѣкъ Растрелли, необыкновенный человѣкъ! Внутри отступили отъ его плана, и едва ли вышло лучше. Вѣрнѣе—въ половину убавили величіе у иконостаса, который теперь не достигаетъ высоты, назначенной для него у Растрелли. Видѣлъ рисунки иконостаса, назначеннаго для Исакіевскаго собора. Наружность же не разъ видѣлъ въ натурѣ. Будетъ очень хорошо; по того что у Растрелли не будетъ. Правда, того и невозможно сдѣлать при опредѣленныхъ условіяхъ; а потому Монферанъ въ своемъ родѣ великій архитекторъ. По богатству этотъ храмъ будетъ чудо! Столько колоннъ громадныхъ на воздухѣ! Столько барельефовъ лучшей работы изъ дорогого матеріала! Тотъ, кто взялся поставить въ такомъ положеніи такія громады, безъ сомнѣнія, не изъ ряда обыкновенныхъ людей.» Разъ, въ бытность его въ Харьковѣ, вздумали возвысить въ Валковскомъ соборѣ трапезу, устроивъ ее въ два яруса. Соборъ былъ построенъ въ 1787 году. Филаретъ сейчасъ же возразилъ противъ такого проэкта, полагая, что такая постройка повредитъ красотѣ храма, не особенно высокаго.

Бесѣдуя онъ съ терпѣніемъ и благодушіемъ выслушивалъ собеседника, извращающаго историческіе факты или высказывающаго невѣрный взглядъ на предметъ, а потомъ въ очень мягкой и скромной формѣ объяснить суть дѣла и незамѣтно выведетъ ошибающагося на настоящій путь. И это такъ просто дѣлалось, съ такою осторожностію, при томъ безъ малѣйшей кичливости своими знаніями. Спрашивается: откуда у сына сельскаго священника такое чутье къ изящному, такое правильное его пониманіе? Откуда у него бросающаяся въ глаза благовоспитанность? Мы не погрѣшимъ, полагаю, если скажемъ, что первое развила въ немъ любовь къ природѣ: гдѣ болѣе гармоніи и красоты, какъ не въ самой природѣ? Второе сформировали у него прирожденная скромность и смиреніе, строгость къ себѣ, любовь къ человѣку и уваженіе къ нему.

Такое же полное впечатлѣніе, какъ и бесѣда, производило его служеніе. Оно было и торжественно, и просто. Просто потому, что онъ не въ заученное время преклонялъ колѣна, а когда это вызывалось благоговѣйнымъ порывомъ души. Безъ помощи иподіаконовъ, какъ это

обычно, онъ въ слезахъ повергался передъ престоломъ. Хоръ его отличался стройностию и все служеніе—отсутствіемъ суетливости и порядкомъ. Оно шло чинно и благоговѣнно, неспѣшно и безъ перерывовъ. Надо замѣтить, что Филаретъ много переносилъ клеветы, о чемъ поговоримъ ниже; но мы были свидѣтелями, когда одна прїѣзжая особа, выходя отъ служенія его, въ Середу первой седмицы Великаго поста, въ слезахъ, громко произнесла: «Что бы ни говорили на Филарета, ничему не повѣрю». Таково вынессилось впечатлѣніе.

Служилъ онъ часто, каждый воскресный, праздничный и торжественный день, преждеосвященныя литургіи въ Середу и Пятницу первой и четвертой недѣли и всю Страстную недѣлю. При семь первую седмицу и послѣднюю до Четверга онъ не принималъ пищи. Бывъ въ Черниговѣ, онъ два раза въ недѣлю читалъ акаѳисты въ Троицкомъ и Елецкомъ монастыряхъ, тоже самое и въ Харьковѣ онъ служилъ каждый воскресный и праздничный день, каждую Середу и Пятницу соборно-акаѳистное служеніе. Ни слабость здоровья, ни труды не отвлекали его отъ чтенія великопостныхъ каноновъ. «Богослуженіе совершалъ онъ чрезвычайно умирительно,» замѣчаетъ протоіерей о. Лаценковъ. «О сколько вознесено, говоритъ онъ, имъ предъ престоломъ Господа благоговѣнныхъ воздыханій души и молитвенныхъ воплей, сколько пролито сердечныхъ слезъ о мирѣ, здравіи и спасеніи пасомыхъ.» Часто въ будніе дни слушалъ литургію въ алтарѣ домовой своей церкви. Когда послѣ пожара въ Елецкомъ монастырѣ (гдѣ проживалъ онъ въ зимнее время) пришлось перестраивать домовую церковь, помѣщикъ В. В. Кочубей далъ ему мысль устроить такъ алтарь, чтобъ онъ примыкалъ къ его спальнѣ и чтобы можно было такимъ образомъ проходить туда незамѣтно для народа. «Не дѣлайте вы этого, владыка», сказалъ ему другой помѣщикъ: «такое соеѣдство какъ-то несовмѣстимо со святостию мѣста; а потомъ, зачѣмъ же вамъ лишать благословенія людей, желающихъ его получить? Вы знаете ли, у крестьянъ какое существуетъ убѣжденіе: если 50 разъ принять благословеніе отъ святителя, получается спасеніе». — «Благодарю васъ за добрый совѣтъ», сказалъ Филаретъ. «Да, древнее Русское благочестіе говоритъ противъ такого плана».

Первымъ почти дѣломъ, на которое, по прибытіи своемъ въ Харьковъ, обратилъ вниманіе Филаретъ, была семинарія. Изъ письма его къ Горскому видно, что онъ на другой или третій день по пріѣздѣ былъ уже тамъ. Семинарія до него помѣщалась въ домѣ, занимаемомъ нынѣ духовнымъ училищемъ (возлѣ градской полиціи) и въ зданіи бывшаго коллегіума (возлѣ архіерейскаго дома). Такое помѣщеніе одного учебнаго заведенія въ двухъ домахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого значительнымъ разстояніемъ, было крайне неудобно. Духовное попечительство помѣщалось въ темныхъ и малыхъ комнатахъ архіерейскаго дома, а архивъ въ сыромъ подвалѣ. Новыя-же зданія семинаріи, начатыя постройкою при Иннокентіи, не были еще отдѣланы. Преосвященный Филаретъ началъ настаивать надъ скорѣйшимъ окончаніемъ и передачею зданія въ вѣдѣніе семинарскаго правленія. Жалуясь на неокончаніе постройки семинарскаго зданія, Филаретъ писалъ Горскому: «Вездѣ нужно давать движеніе дѣломъ». Благодаря только его настойчивости, которую проявилъ онъ съ самыхъ первыхъ дней по пріѣздѣ, временный комитетъ рѣшился передать зданіе, не выполнивъ нѣкоторыхъ формальностей. Къ Пасхѣ ученики были уже переведены туда, а послѣ Пасхи Филаретъ освятилъ уже и храмъ во имя Іоанна Богослова, пожертвовавъ для иконостаса иконы работы художниковъ. Освободивъ коллегіумскій домъ, онъ перевелъ туда консисторію, духовное же училище помѣстилъ въ другомъ зданіи прежней семинаріи, которое занимаетъ оно и понынѣ.

Въ Сентябрѣ 1843 года преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ полученъ изъ Синода указъ (отъ 18-го Августа), коимъ давалось знать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ объ учрежденіи въ Петербургской епархіи, по волѣ Государя Николая Павловича, образцоваго училища для дочерей священно и церковно-служителей. Цѣль учрежденія, какъ сказано было въ Высочайшемъ указѣ, дать воспитаніе «согласно съ прямымъ назначеніемъ духовнаго состоянія и съ истинными потребностями и уставами нашей церкви». Училищу этому повелѣно состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Александры Θεодоровны и попечительствомъ великой княжны Ольги Николаевны. На содержаніе училища ассигновано было изъ духовно-учебнаго капитала болѣе 10 т. р.

При указѣ приложены были уставъ и штаты. Пр. Иннокентій учинилъ шаблонную резолюцію «къ свѣдѣнію и руководству». Не такъ отнесся къ этому дѣлу Филаретъ: онъ близко придвинулъ его къ себѣ. Сейчас же потребовалъ онъ свѣдѣнія о суммахъ, какими можно располагать на сей предметъ. Оказалось всей суммы 121 р. 55 к., а съ пожертвованными протоіереемъ Д. на пріютъ 621 р. 55 к. Столь солидное дѣло съ такими ничтожными средствами очевидно невозможно было начинать. Но оно было такъ близко душѣ Филарета, онъ такъ горячо отнесся къ нему, что вѣрилъ въ его осуществленіе. Онъ обратился съ воззваніемъ къ духовенству, положивъ въ основаніе дѣлу значительную собственную жертву. Его примѣръ и его слово возымѣли дѣйствіе: не только духовенство, но и лица свѣтскія стали жертвовать. Въ пользу его онъ назначилъ первый томъ изданія «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи». «Не знаю, благословить ли меня Богъ милостію Своею открыть этотъ пріютъ; но вотъ уже третій годъ бьюсь надъ тѣмъ, чтобы собрать достаточные способы для прочнаго существованія этого заведенія. При помощи Божіей довольно собрано способовъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ не хочется строить зданіе на пескѣ, или начинать строить зданіе, не приготовивъ напередъ всѣхъ способовъ для постройки и существованія зданія. Поручая Горскому печатаніе «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», онъ писалъ ему: я забылъ сказать вамъ объ одномъ. Изданіе описанія назначается въ пользу пріюта бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія. Вотъ почему я такъ много трудился надъ описаніемъ Харьковской епархіи. Имѣю вѣрныя причины думать, что это описаніе скоро разоидется по епархіи, ---его ожидаютъ. И потому вполнѣ надѣюсь, что оно доставитъ пріюту не малые способы для существованія его. Потому прошу васъ на самой рукописи написать въ приличномъ мѣстѣ: «изданіе въ пользу пріюта бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія» «Филаретъ», замѣчаетъ по этому поводу прот. о. Н. Лащенковъ, «смотрѣлъ на свои труды, какъ на подвиги въ высшемъ иноческомъ смыслѣ, подобно, какъ древніе подвижники все, сдѣланное своими руками и выручаемое, за это дѣлаше, раздавали на пользу другихъ или созиданіе и благоуукрашеніе обителей и храмовъ». Между

тѣмъ составила сумма 21,500 р. Можно было приступать уже къ сооруженію. Мѣсто, за неимѣніемъ другого, отвели на землѣ городского кладбища. По этому поводу писалъ Филаретъ Горскому: «Это опять особенность; но совѣсть моя говоритъ, что это согласно съ духомъ заведенія и много ближе къ духу православія чѣмъ то, когда втѣсняють училище дѣвиць свѣтскихъ въ дѣвичьи монастыри по западному обычаю».

Явились лица, предложившія личный трудъ на благое дѣло, кромѣ крупныхъ своихъ пожертвованій; это бывшій начальникъ Харьковской земледѣльческой школы ст. сов. М. Л. Ильинскій и бывшій городской голова С. К. Костюринъ, пожертвовавшіе первый 3.500 р., а второй на 900 р. кирпича. Дѣйств. ст. сов. Ковалевскій пожертвовалъ 2.000 р. Со всей губерніи, а наиболѣе изъ Москвы, стали присылать чай, сахаръ, ситецъ, холстъ, коленкоръ, кисею, камлотъ, платки, иконы, книги и пр. Въ вознагражденіе за свой трудъ и жертвы Ильинскій и Костюринъ просили только молитвъ за усопшихъ родственниковъ. Самъ Филаретъ всегда полагавшій, начало благому дѣлу собственною жертвой, пожертвовалъ отъ себя 5860 руб. и отъ архіерейскаго дома 3000 руб. Работы производились быстро и съ соблюденіемъ строгой экономіи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Филарета. По письмамъ его къ Романовскому можно судить, съ какимъ живымъ интересомъ относился онъ къ этому дѣлу. «Корридоръ въ училищѣ еще не готовъ,» писалъ онъ. Что же дѣлать? Спѣшимъ, спѣшимъ а все не у берега. Такъ Богу угодно для леченія нашихъ грѣховъ. «Сироты дѣти,» пишетъ прот. о. Лащенковъ, въ лицѣ своего архимонастыря видѣли нѣжнаго отца, который зорко вникалъ во все, что относилось къ ихъ содержанію, обученію и воспитанію.

Выборъ начальницы Анны Николаевны Лукьяновской былъ необыкновенно удаченъ. Для завѣдыванія дѣлами училища Филаретъ учредилъ комитетъ изъ трехъ протоіереевъ. Штатъ преподавателей состоялъ изъ законоучителя, онъ же и священникъ домовоі церкви, учителя русскаго языка и ариѳметики и учителя церковнаго пѣнія. Начальница преподавала географію и исторію. Кромѣ ихъ была класная дама, учительница шитья и экономка. Цѣныя труды начальницы, Филаретъ доро-

жилъ ею и замѣчая ея утомленіе, отправлялъ ее въ домъ Романовскаго для отдыха, гдѣ она иногда оставалась на цѣлый мѣсяць. Этимъ не ограничивалось вниманіе къ ней Филарета и онъ въ письмахъ къ Романовскому всегда спрашивалъ о ея здоровьи. Какова Анна Николаевна — поправляется ли? - «Аннѣ Николаевнѣ приказъ быть покойной».

Училище это Филаретъ просилъ принять подъ свое покровительство Св. Синодъ, желая, конечно, не связать этого заведенія съ земнымъ тщеславіемъ, а упрочить его благословеніемъ, хотя и ожидалъ, что «инымъ не поправится это».

Составленная имъ программа преподаванія доказываетъ, что Филаретъ думалъ объ истинной пользѣ учащихся и о выполненіи училищемъ его прямой задачи. Вотъ эта программа: а) Законъ Божій, изучаемый основательно и тщательно въ качествѣ главнаго предмета; кромѣ Св. Исторіи и Катихизиса, ученіе о священныхъ храмахъ и ихъ принадлежностяхъ, о дѣйствіяхъ и временахъ богослуженія, исторіи церкви вселенской и Русской; б) чтеніе на Русскомъ и Славянскомъ языкахъ и чистописаніе; в) Русская грамматика и словесность съ упражненіями въ изложеніи мыслей на бумагѣ; г) ариѳметики первая часть и счисленіе на счетахъ; д) Русская исторія и географія; е) всеобщая исторія и географія въ краткомъ видѣ; ж) нотное церковное пѣніе, и з) рукодѣлія въ возможно-обширномъ объемѣ. Сверхъ сего, воспитанницъ во все время пребыванія ихъ въ училищѣ пріучаютъ къ опытному домашнему хозяйству во всѣхъ его видахъ, какъ-то: печенію хлѣба и просфоръ, приготовленію разнаго рода продуктовъ для зимы, огородничеству и садоводству».

Понятно, что съ такими познаніями дѣвушки, выходя замужъ за священниковъ, умѣло брались за свое хозяйство и были истинными помощницами въ ихъ жизни. Тѣ-же, кои оставались незамужними, всегда имѣли кусокъ хлѣба, исполняя обязанности экономокъ въ достаточныхъ помѣщичьихъ домахъ. Богобоязненные и скромные, пріученныя къ труду, взрослія при скромной обстановкѣ жилища, онѣ не тяготились такимъ положеніемъ и представляли собою истинный кладъ для тѣхъ, кому онѣ служили.

Успѣхи дѣтей радовали Филарета и были лучшею ему наградой за его труды и попеченія. Въ 1856 году, спустя два года по открытіи училища, Филаретъ писалъ уже Синоду: «Испытаніе, произведенное мною тридцати ученицамъ, обучавшимся два года въ училищѣ, показало ихъ вполне успѣшными во всѣхъ предметахъ, такъ что остается благодарить Господа за ихъ успѣхи, сверхъ успѣха въ знаніи краткаго гатихизиса, русской исторіи, географіи и др. предметовъ, онъ уже весьма удовлетворительно занимаются работами—шитьемъ и по хозяйству, такъ что сшили себѣ и новымъ ученицамъ рубашки и платья и связали чулки; дѣти сами отправляютъ чтеніе и пѣніе при богослуженіи храма, но двѣ изъ нихъ поочередно помогаютъ въ столовой и кухнѣ, наблюдаютъ за чистотой въ классныхъ и спальныхъ комнатахъ. Необыкновенно быстрыми успѣхами своими, Харьковское училище дѣвицъ одолжено преимущественно благочестивой ревности и опытности начальницы Анны Николаевны Лукьяновской—дѣвицѣ духовнаго званія, долго занимавшей должность учительницы и въ пансіонахъ и въ частныхъ благородныхъ домахъ». Такое донесеніе Филарета подтверждено отзывомъ одного свѣтскаго лица, присутствовавшего на экзаменѣ: «весьма удовлетворительные отвѣты, большею частью своими словами, бѣглою складною рѣчью, а такая развязность воспитанницъ привели въ восхищенія присутствовавшихъ на экзаменѣ, даже изумили многихъ, видѣвшихъ при открытіи училища, назадъ тому два года, какими дикарями поступала тогда большая часть этихъ дѣвицъ». Описанный Филаретомъ экзаменъ даетъ понять: какое вниманіе обращено на все, что необходимо знать женѣ священника—домоправительницѣ и на тѣ правственныя начала, кои образуютъ христіанку-женщину. Не безъ цѣли установилъ, напримѣръ, Филаретъ, что старшія дѣвочки обшиваютъ младшихъ.

Мы видѣли, что творцомъ училища былъ Филаретъ; по въ донесеніи Св. Синоду онъ отстранилъ себя, не ища славы на землѣ, а воздалъ благодареніе Богу и указалъ затѣмъ на начальницу, какъ на лицо, которому послѣ Бога, обязано училище своимъ хорошимъ положеніемъ. А самъ Филаретъ заботился объ училищѣ, какъ о своемъ дѣтищѣ. Когда въ 1858 году онъ былъ на чредѣ въ Св. Синодѣ, писалъ Романовскому:

«прошу васъ любовію побывать въ училищѣ, посѣтитъ больную Анну Николаевну и написать мнѣ, что увидите тамъ». Уѣзжая онъ поручилъ училище наблюденію ректора Сѣминаріи, архимандрита Герасима, а по вызовѣ послѣдняго въ Петербургъ, возложилъ эту обязанность на Романовскаго, убѣдивъ его слѣдующими словами: «вы любите о Господѣ дѣтей училищныхъ». А на вопросъ Романовскаго въ чемъ будетъ заключаться его обязанность, Филаретъ отвѣчалъ: «Вы спрашиваете: какія дѣла падутъ на васъ съ званіемъ попечителя объ училищѣ? Напрасно спрашиваете Ваша любовь найдетъ предметы занятій по силамъ, а моя любовь къ вамъ не можетъ ожидать отъ васъ того, что не по силамъ вашимъ. Я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы въ званіи попечителя приняли участіе въ распредѣленіи сиротъ къ мѣстамъ, иныхъ въ замужество, другихъ для полезнаго служенія въ домахъ людей не бѣдныхъ. о. Макарій говоритъ, что это можетъ понести съ пользою Николай Николаевичъ. И думаю, что онъ правду говоритъ. Пусть для успокоенія нашего инспекторъ останется попечителемъ особенно по учебной части. При такомъ положеніи вамъ, конечно, нѣтъ нужды часто бывать въ Харьковѣ. Ваше участіе и изъ Валокъ (гдѣ Романовскій былъ предводителемъ д--ва) можетъ быть полезнымъ вотъ еще въ какихъ случаяхъ: въ случаяхъ какихъ либо скорбей малодушія, взаимной недовѣрчивости и тому подобнаго. По первому предмету, по устройству сиротъ, оставляющихъ училище, скажу вамъ мысль души: думаю каждой сиротѣ, выходящей въ замужество, выдавать по 50 руб. сверхъ мѣста священническаго или дьяконскаго, — впрочемъ, смотря по поведенію и образованію сироты. О двухъ священническихъ мѣстахъ объявлено мною, что предоставлены будутъ тѣмъ, кто возьметъ сиротъ училищныхъ въ замужество: это мѣсто въ Коломакѣ и Мерсѣѣ». Вотъ какими заботами и любовью архипастыря было окружено дѣвичье училище. Мудрено-ли было ему достигнуть своего благосостоянія: вѣдь Христіанская любовь творитъ чудеса.

Всегда систематическій и всегда настойчивый надъ точнымъ выполненіемъ извѣстнаго плана, Филаретъ нерѣдко посѣщалъ училище, не оставляя ничего безъ вниманія. Также точно строго наблюдалъ онъ и надъ учрежденнымъ имъ позднѣе такимъ же училищемъ въ Черни-

говѣ. Приѣзжая туда обыкновенно послѣ обѣда, онъ обойдя училище, въ лѣтнюю пору шель въ огородъ, гдѣ обязательно каждая воспитанница имѣла свою грядку. Подойдя къ одной изъ нихъ, онъ спрашивалъ «чья грядка?» Одна изъ воспитанницъ выступала впередъ и докладывала, что грядка ея. «А что ты тутъ посѣяла?» «Ну, трудитесь, трудитесь, дѣти!» Дѣти понимали, что диктовали эти слова, и его приѣздъ въ училище былъ всегда для нихъ праздникомъ. Къ прискорбію, Черниговское училище измѣнило Филаретовскій типъ. вмѣсто скромнаго дома съ тѣсненькими комнатами, близко напминавшими каждой воспитанницѣ обстановку родительскаго дома, воздвигнуть дворець, вмѣсто четырехъ классовъ — шесть, съ программю чуть-ли не института, гдѣ вмѣсто церковнаго языка, пожалуй, болѣе прилагается стараній ломать Французскую рѣчь, а вмѣсто церковнаго пѣнія вы слышите бряцапіе на рояли. Схвативъ верхи знаній, непрікладныхъ для ихъ жизни, новыя матушки способны, конечно, вносить въ домъ своего супруга-труженика такія требованія, коихъ онъ по своимъ скуднымъ средствамъ не въ состояніи удовлетворить, а вмѣсто того, чтобы служить семьѣ, сами способны требовать услуги. Тѣ-же самыя условія закрываютъ для ихъ дѣятельности и двери частныхъ домовъ. Вотъ что значитъ человекъ системы и ума, подогрѣтаго истиннымъ побужденіемъ добра!

Въ 1853 г. зданіе Харьковскаго училища было окончено, весною слѣдующаго года отдѣлано, а 6-го Іюня уже освящено Филаретомъ. При этомъ, по неизмѣнной привязанности къ Лаврѣ и вѣрѣ въ молитвенное предстательство почивающаго въ ней Угодника, онъ просилъ молитвъ предъ мощами препод. Сергія, «да будетъ благословеніе его на семь дѣлѣ, столько сильное предъ Господомъ».

Дѣло такое велъ Филаретъ съ большою осмотрительностію, начиная его всегда скромно и въ малыхъ размѣрахъ, чтобы не обременить духовенство. Собравъ 21.500 р., онъ выстроилъ домъ въ 18 комнатъ, на 90 воспитанницъ. При постройкѣ была соблюдена строгая экономія. По смѣтѣ на домъ этотъ было исчислено 19 т. р. Онъ же выстроилъ его, обмеллировалъ, обгородилъ мѣсто, устроилъ колодезь въ 22 саж. глубиною и на все это израсходовалъ 10.300 руб., а 11 т. руб. у него

остались, какъ капиталъ заведенія. Въ 1856 году онъ сдѣлалъ пристройку съ сѣверной стороны дома съ церковью, а черезъ два года такую же пристройку съ южной стороны, израсходовавъ на обѣ пристройки съ церковью 18 т. руб. Хотя пожертвованія, не переставая, текли въ кассу заведенія; но Филаретъ не увлекался этимъ при сооруженіяхъ, предпочитая составить капиталъ и обезпечить тѣмъ прочность существованія училища. Уѣзжая изъ Харькова, онъ оставилъ 23.631 р. 20 к. училищнаго капитала.

Въ то-же время, составляя духовное завѣщаніе, онъ, въ заботахъ о своемъ дѣтищѣ-«пріютѣ», назначилъ въ пользу его всѣ собственныя вещи и деньги сверхъ 4 тыс. руб., получившихъ, какъ увидимъ ниже, особое назначеніе. Конечно, по добротѣ своей Филаретъ не способенъ былъ дѣлать сбереженія, и дѣйствительно у него по смерти денегъ не оказалось, а потому этотъ пунктъ завѣщанія не имѣлъ особаго значенія для училища; но гораздо важнѣе могло быть для него предоставленное ему право издавать въ свою пользу его сочиненія въ установленный закономъ срокъ.

Когда онъ былъ переселенъ на Черниговскую кафедру и изъ Петербурга заѣхалъ въ Харьковъ, поспѣшилъ въ училище. Дѣти провожали его со слезами. Безутѣшно плакавшую начальницу онъ благословилъ иконою Пресв. Богородицы и записалъ въ синодикѣ: «завѣщеваю всеѣмъ іереямъ, имѣющимъ служить при училищной церкви, поминать въ своихъ молитвахъ первую начальницу Харьковскаго духовнаго женскаго училища, боголюбивую рабу Анну (Лукьяновскую) по ея кончинѣ. Грѣшный Филаретъ А. Ч. Іюля 3 дня 1859 года». Переводъ его въ Черниговъ не порвалъ его связи съ Харьковскимъ училищемъ. Такъ писалъ онъ изъ Чернигова Романовскому: «любящей Господа Аннѣ Николаевнѣ земной поклонъ. Пусть мужается и укрѣпляется сердце ея въ упованіи на Господа. Наше дѣло сѣять дождь; а тепло подастъ Господь. Приходится сѣять и въ холодъ; но нельзя не сѣять. Безъ хлѣба нельзя жить. Милостивый Отецъ небесный! Худыя мы дѣти Твои, но все же Твои. Не оставь насъ. Спасай насъ милостію Твоею. Видно не стоимъ мы милостей Твоихъ. Но и псы пользуются крохами, падающими со

стола». По поводу невѣрнаго слуха, дошедшаго до него о лишеніяхъ, кои, за недостаткомъ будто-бы средства, испытываютъ воспитанницы, онъ писалъ ему же: «Нацѣлите и о томъ, не найдется ли средства оказать помощь безъ оскорбленія отношеній любви и даже безъ возбужденія поводовъ къ тому, чтобы считать себя оскорбленнымъ? Подумайте съ совѣстью христіанскою. Что могу сдѣлать. Подкрѣпляйте Анну Николаевну добрыми вашими совѣтами. Желалъ бы утѣшить ее, но могу-ли? Видите сами». А Анна Николаевна, потерявъ въ Филаретѣ нравственную свою опору, скорбно, надо думать, продолжала свой подвигъ и въ 1861 году была, по прошенію, уволена пр. Макаріемъ. Но въ 1864 г. Филаретъ пригласилъ ее на ту же должность въ Черниговъ, въ учрежденное имъ, училище, гдѣ она пребыла до его кончины, оставивъ добрую о себѣ память. Остальные годы жизни своей она провела въ домѣ Романовскихъ и скончалась въ 1886 году.

Устраивая дѣвичье училище или, какъ называлъ онъ его, пріютъ, онъ не забылъ и свою родную Тамбовскую епархію, внося въ нее трудовую лепты: деньгами, вырученными за сочиненія его, онъ положилъ основаніе Тамбовскому дѣвичьему духовному училищу, въ которомъ, по признательной памяти къ его основателю, каждое Воскресенье и каждый праздникъ (за исключеніемъ дней высокаторжественныхъ) совершается поминовеніе о душѣ «благодѣтеля-архіепископа Филарета». Тотъ же предметъ заботилъ его позднѣе и въ Черниговѣ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Но всего болѣе обращалъ вниманіе Филаретъ на постановку и направленіе учебно-воспитательнаго дѣла. Мы знаемъ, что онъ прибылъ въ Харьковъ ночью на 21 Декабря. 22 или 23 воспитанники семинаріи отпускаются на зимніе каникулы; но онъ успѣлъ побывать до этого времени въ семинаріи, не съ цѣлію осмотрѣть зданіе, а былъ въ классахъ и повѣрялъ, какъ видно, познанія и ходъ преподаванія, такъ какъ писалъ на Рождествѣ Горскому: «Безъ архіерея нѣсколько разлѣнились было. Преосвященный Иннокентій жилъ въ Петербургѣ, а Елпидифоръ не умѣлъ или не хотѣлъ посмотрѣть за ними. На бѣду, Филаретъ не имѣлъ хорошихъ помощниковъ. «Пожалѣйте меня, писалъ онъ другу

своему, что въ Харьковской семинаріи теперь и ректоръ, и инспекторъ люди не очень грамотные. Писаль, писалъ, но все не въ пользу».

Когда Филаретъ окончилъ постройкою зданіе семинаріи и освящалъ ея церковь, онъ такъ началъ свое пастырское слово: «Домъ образованія готовъ. Храмъ просвѣщенія освященъ. Остается учиться. Придите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ». Слова эти не были пустою фразой въ устахъ святителя. Произнеся эти слова, онъ оживилъ ихъ, одухотворилъ своею дѣятельностью, своею неустанною работою надъ задачей не одного лишь образованія юношества, а надъ приготовленіемъ добрыхъ пастырей, для врученной ему, паствы. Онъ не ограничился выборомъ достойныхъ преподавателей, но самъ просматривалъ письменныя работы студентовъ. Слѣдилъ за преподаваніемъ, посѣщалъ богословскіе классы, присутствовалъ на экзаменахъ и, не довольствуясь этими экзаменами, оканчивающихъ курсъ призывалъ къ себѣ и въ саду бесѣдовалъ съ ними, провѣряя ихъ познанія. Такъ дѣлалъ онъ въ Харьковѣ, такъ дѣлалъ и въ Чершиговѣ. При этихъ испытаніяхъ онъ ближе присматривался къ испытуемымъ и составлялъ болѣе вѣрныя понятія о каждомъ. Студенты считали всегда эту бесѣду важнѣе семинарскаго экзамена. По возвращеніи домой, сами воспитанники говаривали: «правда, кто какъ посѣялъ, такъ и пожалъ», потому что святитель тутъ же отмѣчалъ достойныхъ по познаніямъ, прилежаніямъ и нравственнымъ качествамъ, предоставляя имъ лучшія мѣста. Не взирая на молодые годы, онъ достойныхъ священниковъ назначалъ благочинными. Особенно ему были по душѣ воспитанники, бывшіе подъ руководствомъ инспектора семинаріи, Архимандрита Іакова Носпѣлова, воспитанника Москов. Дух. Академіи. Необыкновенная энергія, строгость, разумная и высокая монашеская жизнь давали особую ему цѣну въ глазахъ Филарета. Студенты семинаріи питали къ святителю чувство глубокой признательности за его заботы. Мы приведемъ прекрасное слово, произнесенное въ день именинъ Преосв. Филарета однимъ изъ воспитанниковъ, слово, коимъ выражено, по его свидѣтельству, общее чувство всѣхъ: «Въ тотъ самый день, когда почилъ на Елисея сугубый духъ Іліинъ,—сыны пророческіе, какъ говорится въ книгѣ царствъ,

вышли на срѣтеніе Елисею и поклонились ему до земли (4 кн. цар. 2—15). Что побудило сыновъ пророческихъ воздать столь глубокое почитаніе? Безъ сомнѣнія и чувство благоговѣйнаго уваженія къ сугубой пророчествующей благодати почившей на Елисеѣ, а съ другой стороны и чувство глубокой признательности къ нему за его попеченіе о нихъ: ибо извѣстно, что училище пророческое, гдѣ сыны пророческіе получали духовное образованіе, было управляемо самимъ пророкомъ Елисеемъ. — Съ тѣми же чувствами и мы, воспитанники, духовнаго просвѣщенія, исходимъ въ срѣтеніе тебя, преосвященнѣйшій владыко, въ день твоего тезоименитства. Срѣтаемъ тебя, пр. вл., и съ чувствами глубокаго почтенія: ибо чрезъ это почитаніе желаемъ выразить уваженіе къ сугубой Благодати Божіей, почившей въ тебѣ, и къ благодати ангела Божія, въ образъ котораго ты нынѣ былъ облеченъ, и къ благодати святительства предвѣчнаго Архіерея, котораго ты также облеченъ былъ Духомъ Святымъ чрезъ нѣсколько дней послѣ настоящаго дня. Срѣтаемъ тебя нынѣ съ сыновними чувствами искреннѣйшей нашей признательности къ тебѣ, милосердый отецъ нашъ и архинастырь: ибо настоящій день живо напоминаетъ намъ объ отеческихъ опытахъ архинастырскаго твоего правленія нашимъ духовнымъ вертоградомъ, подѣ сѣвію котораго мы такъ покойно наслаждаемся всѣми удобствами къ образованію и умственному и нравственному, удобствами, смѣемъ сказать, такими, какихъ не многіе имѣютъ» и т. д.

Признавая всю важность брака священника съ воспитанною и нравственною дѣвушкой, изучившею и домашнее хозяйство, которая могла бы быть и заботливою подругой и доброю матерью, онъ и спѣшилъ устроить женское духовное училище, давъ предложеніе консисторіи: «Дать знать по епархіи, что по окончаніи курса дѣвицъ въ духовномъ женскомъ училищѣ принято мною будетъ за правило — дозволять кандидатамъ священника вступать въ бракъ съ получившими образованіе въ духовномъ училищѣ, но не со свѣтскими или получившими свѣтское образованіе, тѣмъ менѣе не получившими никакого образованія». Воспрещенію вступать въ бракъ съ дѣвицами хотя и духовнаго званія, но получившими свѣтское образованіе, говоритъ о предусмотрительной заботѣ святителя

о духовно-правственномъ укладѣ семьи; такъ какъ свѣтское образованіе можетъ внести иной взглядъ, иные нравы и требованія, которыя трудно удовлетворить бѣдному служителю алтаря.

Вниманіе Филарета къ учебному дѣлу не ограничивалось кругомъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Такъ намъ извѣстно о его хлопотахъ дать хорошаго преподавателя богословія, логики и психологіи Харьковскому университету. «Имѣю нужду указать Синоду на способнаго совмѣстить сіи должности въ Харьковскомъ университетѣ», писалъ онъ Горскому. Указывая послѣднему на нѣкоторыхъ магистровъ родной своей Академіи, онъ убѣдительно просилъ его, если они откажутся, рекомендовать изъ хорошо ему извѣстныхъ магистровъ, предупредивъ, что преподаватель долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ университетской церкви. О томъ же писалъ онъ и профессору академіи Голубинскому, прося обоихъ поспѣшить этимъ дѣломъ. На замѣчаніе Горскаго: къ чему въ словѣ «о вліяніи христіанства на общество», Филаретъ приурочилъ университетъ и учебныя заведенія, Филаретъ отвѣчалъ: «Вы вѣрно забыли, другъ, что въ Харьковѣ *университетъ*. Въ числѣ слушающихъ были всѣ здѣшніе профессора и начальства. Вспомнивъ объ этомъ, вы припомните о содержаніи Высочайшихъ повелѣній, разосланныхъ по университетамъ, о важности и нуждѣ христіанскаго образованія. Они-то и были въ виду, когда говорено было слово». Это указываетъ, какъ неуклонно выполнялъ Филаретъ свои пастырскія обязанности и какъ близко ему было дѣло воспитанія вообще.

Знаменательно, что, одновременно съ Филаретомъ, какъ бы сговорившись, въ другомъ университетскомъ городѣ, Казани, на тотъ же предметъ говорилъ слово архіепископъ Григорій *). Видно, оба ревнителя святаго ученія находили своевременнымъ дѣлать такія вразумительныя напоминанія.

Слово Филарета было принято съ большимъ сочувствіемъ.

Между тѣмъ университетъ все болѣе родился съ нимъ. Его посѣщали профессора, и время у нихъ проходило, какъ писалъ онъ «въ

*) Впоследствии митрополитъ С.-Петербургскій.

пріятныхъ бесѣдахъ». Отдавая дань уваженія трудамъ и познаніямъ Филарета, профессорá университета выражали удивленіе, что авторъ «Исторіи» не награжденъ докторскимъ дипломомъ. Эти слова, какъ произнесенныя людьми науки, были уже наградою Филарету и приняты послѣднимъ близко къ душѣ. И Харьковскій университетъ первый почтилъ его званіемъ почтеннаго своего члена въ 1852 году, а за нимъ и Московскій въ 1855 году.

Въ знакомствѣ его съ профессорами сказалась неизгладимая привязанность его къ родной Академіи. Между ними былъ его товарищъ И. В. Платоновъ, бесѣда съ которымъ была особенно пріятною для Филарета. «Вы знаете, какъ дороги душѣ воспоминанія о союзахъ молодости», писалъ онъ по этому поводу Горскому.

Не менѣе ревновалъ Филаретъ о благолѣпіи церкви, и дѣятельность его по этому предмету въ Харьковѣ была изумительна. Какъ только перевелъ онъ консисторію изъ архіерейскаго дома, онъ занялся расширеніемъ и перестройкою домовою своею и главной крестовою, Покровскою, церковью. Расширивъ домовую церковь присоединеніемъ къ ней корридора, онъ устроилъ новый иконостасъ съ иконами работы художниковъ и самый храмъ освятилъ въ честь иконы Божіей Матери «всѣхъ скорбящихъ радости». Трапезную часть Покровской своей церкви увеличилъ и украсилъ иконами художнической работы. На Озерянскую икону Божіей Матери, которая къ 1-го Октября приносится въ Покровскую церковь, сдѣлалъ золотую ризу въ 17 т. руб. Для увеличенія доходовъ архіерейскаго дома онъ, частію на свои средства, частію позаимствовавъ у попечительства, выстроилъ два большіе каменные дома въ два и три этажа, которые отдавались въ наемъ, устроилъ домъ для богадѣльни, обновилъ весь архіерейскій домъ какъ въ Харьковѣ, такъ и загородный съ церковью «Всѣхъ Святыхъ» (Всесвятское). А въ какомъ видѣ нашелъ онъ архіерейскій домъ, можно судить потому, что въ немъ 17 лѣтъ не были крашены полы. Обновивъ все, онъ составилъ опись наличности архіерейскаго дома и ризницы, о чемъ никто прежде не заботился.

Вскорѣ по прибытіи Филарета въ Харьковъ, большая каменная церковь на городскомъ кладбищѣ, совершенно выстроенная вчерѣ, разрушилась. Одинъ государственный мужъ Англіи сказалъ: «несчастье страны, когда министръ финансовъ профессоръ». Полагалъ знать, онъ, что читать теорію финансовъ можно, не зная страны; но, не зная страны, нельзя вести государственное хозяйство. Или находилъ онъ, что человѣкъ, утонувшій въ ученой специальности, отчуждается отъ народной жизни, патриотическое чувство у него блекнетъ, такъ сказать, иссыхаетъ; а чтобъ вести финансовое дѣло съ успѣхомъ для страны, нуженъ живой патриотъ, человѣкъ, вырванный изъ той самой жизни, которой интересы ставятся на первомъ планѣ. Впрочемъ разбирать это не станемъ, да оно и не къ мѣсту. Мы желаемъ только въ оправданіе государственнаго мужа указать, что какъ-бы не случилось то самое здѣсь. Строить простой рядчикъ церковь въ селѣ, и она стоитъ столѣтіе, обѣщая простоять и не одно; а пастоящую строилъ профессоръ архитектуры при Харьковскомъ университетѣ— и она развалилась.

Но какъ помочь бѣдѣ, когда собранныя на сооруженіе деньги израсходованы? Филаретъ приглашаетъ къ себѣ на вечерній чай мѣстныхъ гражданъ, горюетъ предъ ними объ общей бѣдѣ и проситъ помочь. Тутъ же начинается подписка съ его легкой руки. Профессора-архитектора по боку. Практикъ строитель Костюринъ принимаетъ на себя завѣдывать постройкою. Церковь разобрали до основанія, а 27-го Апрѣля 1857 года она была уже освящена Филаретомъ.

Еще въ 1848 году преосвященнымъ Елпидифоромъ была заложена церковь во имя Св. Духа; но, по недостатку средствъ, постройка шла крайне неуспѣшно. Изыскивая средства для окончанія храма, Филаретъ между прочимъ разрѣшилъ своему хору давать Великимъ постомъ духовные концерты для этой цѣли. И въ 1854 году церковь была имъ уже освящена.

Находя Троицкую церковь тѣсною и неблаголѣпною, онъ убѣждалъ прихожанъ построить новую. Проектъ, который наименовалъ про восхитившій Филарета соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, не былъ утвержденъ. Прислали новый проектъ. Не имѣя средствъ въ ру-

кахъ, Филаретъ никогда не задумывался производить такія сооруженія и не сомнѣвался въ успѣхѣхъ. Такая увѣренность истекала изъ глубокой вѣры этого святителя, что на всякое благое начинаніе ниспосылается помощь свыше. Она была ощущительна и въ данномъ случаѣ: 7-го Іюня 1857 года Филаретъ заложилъ эту церковь, а въ 1861 году она уже была освящена его преемникомъ.

Однимъ внѣшнимъ благолѣпіемъ не ограничивались заботы Филарета о храмѣ Божіемъ. Всего болѣе занимали его — выборъ и подготовка достойныхъ пастырей и церковнослужителей. Университетскій городъ, Харьковъ, конечно, былъ требовательнѣе въ отношеніи пастырей и Филаретъ сейчасъ же обратился къ своей родной Академіи, пригласивъ студентовъ Академіи на службу въ Харьковъ. Такъ писалъ онъ Горскому: «Здѣсь житіе священника доброе. Городъ богатый, веселый хоть куда. Не думаю, чтобы какой-либо другой губернскій городъ могъ сравниться съ Харьковомъ, если судить по обычаямъ свѣта. Можетъ быть даже онъ слишкомъ веселъ». И онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ дѣлѣ: никогда, ни прежде, ни послѣ Филарета Харьковская епархія не имѣла столько пастырей съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Всѣ члены консисторіи, за исключеніемъ одного, назначеннаго предмѣстникомъ Филарета, были воспитанники Академіи, изъ нихъ трое магистры, благочинный городскихъ Харьковскихъ церквей тоже магистръ. «Питомцевъ Академіи люблю», писалъ Филаретъ горскому въ 1852 г. «Теперь по всеѣмъ уѣзднымъ городамъ помѣщены академики протоіереями. Но дальше не знаю, гдѣ буду помѣщать ихъ.» Но далѣе онъ назначалъ ихъ и въ сельскіе приходы.

Между тѣмъ городское духовенство, не получавшее жалованья, было поставлено матеріально въ такое отчаянное положеніе, что сельскіе священники считали для себя переводъ въ городъ не наградой, а наказаніемъ. Валкскій предводитель Н. Н. Романовскій, въ запискѣ поданной Филарету, сдѣлалъ расчетъ, по коему весь доходъ Валкскаго священника оказался въ 450 руб., а самая скромная жизнь ему съ семьей самъ-пять требовала 451 р. 82 к. Чтобы имѣть понятіе о скромномъ бюджетѣ, составленномъ Романовскимъ, достаточно сказать,

что на бѣлье, обувь, платье и верхнюю одежду въ годъ вычислено 73 р. 13 коп. на пять человѣкъ. Очевидно, что священникъ долженъ былъ жить болѣе чѣмъ скромно, а воспитывать дѣтей въ семинаріи и не имѣлъ никакого способа. Филаретъ вошелъ съ представленіемъ въ Синодъ, неоднократно повторялъ свое ходатайство и наконецъ, бывъ въ Синодѣ на чредѣ, добился его исполненія. Всего опредѣлено на жалованье городскимъ священникамъ и городскимъ причтамъ Харьковской епархіи 9930 руб.

Желая поднять богословско-нравственное образованіе духовенства своей епархіи, Филаретъ основалъ при церквахъ въ городахъ и богатыхъ селеніяхъ бібліотеки, выписывалъ для нихъ поученія для народа и академическіе журналы, преимущественно «Творенія Св. Отецъ». По поводу этого писалъ онъ консисторіи: «Сознавая обширную пользу и для изученія вѣры, и для назиданія въ благочестіи, какую доставляетъ изданіе твореній отцовъ церкви, предлагаю консисторіи сдѣлать распоряженіе, дабы соборныя городскія и изъ сельскихъ церкви первыхъ трехъ классовъ непременно выписывали бы для церковныхъ бібліотекъ творенія отцовъ церкви, начиная съ перваго года изданія ихъ, и продолжали выписывать и продолженіе ихъ. Объ исполненіи сего имѣютъ донести мнѣ благочинные». А какое значеніе давалъ онъ этому изданію, онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ Горскому. «Отцы церкви, особенно препод. Ефремъ Сиринъ, вѣрные путевказатели».

Съ тою же цѣлью и въ расчетѣ занять свободное время священника полезнымъ дѣломъ, онъ привлекъ ихъ къ совмѣстному труду по составленію «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи, завелъ при церквахъ лѣтописи, въ которыя священники обязаны были вносить записи о замѣчательныхъ въ приходѣ событіяхъ, и обязалъ ихъ обучать народъ въ церкви молитвамъ. Онъ можно сказать ввелъ въ своей епархіи церковную проповѣдь, настаивая надъ неупустительнымъ произнесеніемъ проповѣдей. Такъ въ предложеніи отъ 13 января 1854 г. онъ писалъ консисторіи: «По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, многіе изъ священниковъ не говорятъ, назначенныхъ имъ, проповѣдей, равно многіе почти никогда не предлагаютъ поученій даже изъ печат-

танпыхъ книгъ. По сему постановляется: а) проповѣди по назначенію начальства произносить только въ городахъ и мѣстные городскіе благочинные имѣютъ быть цензорами проповѣдей; о исполняющихъ или неисполняющихъ сей обязанности цензоры благочинные имѣютъ доставлять мнѣ вѣдомости каждый годъ; б) вмѣняется въ непремѣнную обязанность, дабы священники въ воскресные и праздничные дни и особенно въ дни чтырехъ постовъ говорили поученія, если не своего сочиненія, то изъ печатанныхъ книгъ, каковы Синодскія поученія блажен. Тихона Воронежскаго о должностяхъ христіанина, Владиміра, епископа Костромскаго, и др. новѣйшихъ учительныхъ и назидательныхъ архипастырей, выбирая предварительно самое близкое къ состоянію и понятію паствы своей. Консисторія имѣетъ учинить немедленно распоряженіе». Конечно, не всѣ священники признавались способными къ исполненію такой задачи и Филаретъ, зная каждаго, дѣлалъ иногда на благочинническихъ вѣдомостяхъ оригинальныя отмѣтки, такъ напр. на росписаніи проповѣдей по благочинію въ Харьковѣ 1850 года въ графѣ вѣдомости показанъ священникъ Воскресенской ц. І. К. съ обозначеніемъ числа, мѣсяца и года, когда онъ обязанъ былъ произнести проповѣдь своего сочиненія, Филаретъ отмѣтилъ: «запятъ особымъ дѣломъ, съ него довольно и того». (Онъ пѣлъ въ архіерейскомъ хорѣ). Въ графѣ противъ священника той же церкви Г. П.— «и себя не выучилъ добру.» Протоіерей Рождественской церкви Н. М.— «и въ молодыхъ лѣтахъ мало имѣлъ способностей къ проповѣдничеству. Гдѣ ужъ быть проповѣдникомъ старику? Соборной успенской цер. священникъ Е. М.— «Плохой проповѣдникъ». Троицкой ц. священникъ І. Л.— «по книгамъ не умѣетъ читать. Гдѣ ужъ сочинять что нибудь, кромѣ глупостей?»

Сами благочинные обязаны были разъ въ годъ являться въ каѳедральный соборъ для произнесенія проповѣдей, которыя цензировались ректоромъ или инспекторомъ Семинаріи. Преподаватели духовнаго училища и Семинаріи не освобождались отъ такой обязанности и по разу или по два въ годъ произносили проповѣди и чаще всего во время Великаго поста, на такъ называемыхъ пассіяхъ. На этихъ пассіяхъ самъ Филаретъ произносилъ въ Покровскомъ монастырѣ свои «драгоцѣнныя

для души и сердца», «Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа».

Просматривая вѣдомости благочинныхъ, отъ тѣхъ священниковъ, кои безъ уважительныхъ причинъ не говорили поученій, штрафоваль по 2 и 3 руб. въ пользу двѣичьяго училища. Филаретъ не ограничивался просмотромъ отчетовъ, а требоваль внезапно, помимо консисторіи, отъ благочинныхъ представленія всѣхъ произнесенныхъ священниками проповѣдей, назначая при томъ очень краткій срокъ одну недѣлю, дабы обнаружить, гдѣ былъ допущенъ обманъ и предупредить его на будущее время. Такія распоряженія Филарета говорятъ намъ, что это былъ человекъ системы и настойчивый. Онъ не дѣлалъ дѣла шутя и не считалъ потому, что если выпущена бумага за №, — дѣлу конецъ.

Чтобы освѣжить въ памяти духовенства и поддерживать постоянно у него богословскія познанія, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, а наиболѣе во время обзора епархіи производилъ имъ испытанія по догматическому и нравственному богословію, по расколѣ, тутъ же предлагалъ сказать нѣсколько словъ въ видѣ краткаго поученія простому народу противъ пьянства, воровства, божьбы и т. п. Діаконовъ и причетниковъ испытываль онъ въ знаніи катихизиса, церковнаго устава и пѣнія; по чаще послѣднихъ экзаменоваль инспекторъ семинаріи, архимандритъ Іаковъ, или членъ консисторіи прот. І. Галоповъ. Эти испытанія такой страхъ наводили на причтъ, что во время объѣзда епархіи въ 1849 году 100 человекъ скрылось, за что и были оштрафованы въ пользу училища: священники по 1 руб., діаконы по 50 коп. и причетники по 25 коп. Вотъ какъ описываетъ благочинный о. Григ. Тимошевскій душевное состояніе духовенства въ ожиданіи экзамена, преосвящ. Филарета «Предстоялъ экзамень. Это было въ 1855 году. Вотъ тутъ то всполошилось духовенство и старое и молодое. Дѣло предстояло страшное — экзамень. Всѣ мы ожидали архіерея въ церкви. Струсилъ, признаюсь, и я, когда увидѣль, что съ владыкою пріѣхаль инспекторъ семинаріи архимандритъ Іаковъ, строгій аскетъ, и протоіерей Галоповъ извѣстный проповѣдникъ. Владыка приказаль всѣмъ идти ко мнѣ въ домъ, здѣсь будетъ экзамень. И пошло духовенство съ великимъ

страхомъ. А что было съ нимъ до приѣзда владыки, трудно и передать. Вся эта братія ходила съ катихизисомъ по огороду и вычитывала, а болѣе смѣлые и шутники прятали книжки у своихъ товарищей. Шумъ и чуть не отчаяніе всеобщее: тотъ бѣгаетъ съ крикомъ: «теперь я пропалъ!» другой обѣщаетъ послѣ счастливаго экзамена сходить на богомолье въ Воронежъ, и т. п. Словомъ во время ожиданія владыки была суматоха такая, что и выразить трудно.» Однако въ большинствѣ Филаретъ находилъ богословскія познанія священниковъ удовлетворительными, а у иныхъ и очень основательными. Знакомясь такимъ образомъ съ духовенствомъ на мѣстѣ, онъ дѣлалъ въ спискѣ противъ каждаго лица отмѣтки, напримѣръ: «священникъ С. С. отвѣчалъ при испытаніи весьма хорошо, имѣть въ особомъ вниманіи.» «Священникъ І. Р. очень удовлетворительно.» «Священникъ І. Ч. весьма хорошо,—имѣть въ особомъ вниманіи.» «Прот. Н. С. отлично-способный и благонамѣренный, имѣть въ особомъ вниманіи, между прочимъ и тогда, когда нужно дѣлать важныя порученія.» Такая отмѣтка весьма цѣнна для церкви. Иногда по жалобѣ на благочиннаго епархіальный архіерей, не зная нравственныхъ качествъ лица, поручаетъ произвести дознаніе другому, который, ожидая, что скоро быть можетъ первому поручать произвести слѣдствіе надъ нимъ, покрываетъ погрѣшности, къ соблазну прихожанъ и ущербу церковнаго авторитета. «І. Г. священникъ свѣдущій, образованный и способный.» «Священникъ С. П. хорошо отвѣчалъ.» «Священникъ М. довольно разумный.» «Свящ. Н. Д. очень хорошъ, заслуживаетъ благодарности.» «Свящ. Г. С. при испытаніи отвѣчалъ очень хорошо,—имѣть въ особомъ вниманіи» и т. д. Конечно были и такіе священники, кои не могли заслужить одобренія Филарета и о нихъ онъ дѣлалъ слѣдующія, напримѣръ, отмѣтки: «Свящ. І. Д. пеучь.» «Свящ. І. Б. слабый.» «Свящ. І. Я. мало толку.» «Свящ. І. Ж. плохо знаетъ о крещеніи.» «Свящ. М. Р. плохо, не умѣетъ сказать ничего противъ воровства.» «Свящ. А. Н. дуракъ, ничего не знаетъ.» Хотя это рѣдко случалось, но иногда отвѣты священниковъ отличались полнѣйшимъ отсутствіемъ знанія даже догматовъ вѣры. Такъ напр., свящ. Г. Ѳ. и А. А. на вопросъ: «сколько лицъ въ Иисусѣ Христѣ» оба отвѣчали:

«два». На вопрос: «кто таковъ Иисусъ Христосъ по естеству?» Прот. Н. В. отвѣчалъ: Спаситель, родившійся отъ дѣвы», а на вопросъ: «сколько лицъ въ Иисусѣ Христѣ? отвѣчалъ пять». Между тѣмъ этотъ протоіерей былъ настоятелемъ Бѣловодскаго собора. Филарета поразило такое невѣжество соборнаго протоіерея. Онъ сейчасъ же велѣлъ забрать о немъ справку, по которой оказалось, что П. В. въ 1808 г. былъ назначенъ въ Бѣловодскій соборъ пономаремъ, въ 1820 г. діакономъ, а въ 1823 году занялъ въ немъ мѣсто священника отца своего. Въ 1842 году за примѣрное поведеніе и усердіе къ благолѣпію храма, на который онъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 4600 руб., преосвященный Иннокентій Борисовъ возвелъ его въ санъ протоіерея, а въ 1847 году, по представленію его, Синодъ наградилъ его скуфьей. Принавая заслуги протоіерея П. В., преосвящ. Филаретъ оставилъ его на мѣстѣ, но вызвалъ въ Харьковъ и заставилъ подъ руководствомъ прот. І. Шароцкаго, изучить догматы вѣры. Въ благодарность за свое обученіе старикъ пожертвовалъ на дѣвичье училище 100 руб. А вотъ воспоминаніе другого протоіерея, С. Сулимы, объ экзаменахъ Филарета. «Болѣе всего занимало каждаго (священника) то, что Филаретъ, при обзорѣннн епархіи, намѣтилъ экзаменовать духовенство и хорошо свѣдущихъ въ богословіи переводить на лучшія мѣста, а оказавшихъ неудовлетворительные отвѣты на худшія. Однихъ это радовало, но другихъ и особенно стариковъ сильно смущало. Настала весна 1849 г. и Филаретъ предпринялъ свои поѣздки по епархіи, а съ ними и экзамены. Условившись съ своимъ товарищемъ по семинаріи свящ. Іоанномъ Рудинскимъ, мы заранѣе, дня за три до назначеннаго срока, приѣхали въ свою Алексѣевскую крѣпость, гдѣ въ домѣ благочиннаго Павла Ковалевскаго назначенъ былъ экзамень, наняли квартиру и занялись чтеніемъ семинарскихъ тетрадокъ по догматическому богословію. Наша квартира обратилась въ временную школу, куда приходили нѣкоторые священники послушать наши уроки. Владыка гдѣ-то въ дорогѣ былъ задержанъ и, вопреки своему росписанію, двумя днями опоздалъ. Вдругъ часовъ въ 11 утра раздался колокольный звонъ. Всѣ мы встрепнулись. Видя блѣдныя лица товарищей, (да и самъ, конечно, поблѣднѣлъ)

я невольно, почти дрожащимъ голосомъ сказалъ: «какой страхъ, св. отцы, напалъ на насъ при необычайномъ колокольномъ звонѣ и приближеніи владыки экзаменатора, человѣка подобострастнаго подобно намъ. Что-же будетъ, когда загремятъ ангельскія трубы и позовутъ насъ на всемірный экзаменъ къ владыкѣ неба и земли. Теперь будемъ давать отвѣтъ сами за себя, а тогда и за насомыхъ нашихъ». Всѣ молчали и, поникнувъ головы въ землю, тихими шагами потянулись на гору въ церковь. Здѣсь благочинный поставилъ насъ около амвона съ правой стороны. Народу было очень много. Вотъ является и преосвященный и съ нимъ членъ консисторіи прот. І. Гапоновъ. Роста преосвященный былъ небольшого, лицо очень красивое, но истомленное и блѣдное, волосы на головѣ и бородѣ черные, клобукъ носилъ очень низко, смотрѣлъ больше внизъ, и когда подымалъ голову, то взглядъ казался серьезнымъ, даже нѣсколько сердитымъ. По окончаніи благочиннымъ обычнаго при встрѣчѣ молитвословія, владыка сказалъ нѣсколько словъ къ народу и затѣмъ началъ давать ему благословеніе, а мы всѣ пошли въ домъ благочиннаго. Дѣрогой одинъ изъ священниковъ, и какъ теперь помню св. М. Л., говоритъ мнѣ: «я такъ перепугался суровымъ взглядомъ преосвященнаго, что по всей вѣроятности, ни на одинъ вопросъ не дамъ отвѣта. Ну что если владыка скажетъ: докажи изъ священ. писанія Божество св. Духа, а я всѣ тексты перезабылъ». Слушай, говорю ему: «Апаніе, почто сатана исполни сердце твое»... «Помню, помню, прервалъ меня Л.» И что же? этого счастливца дѣйствительно владыка спросилъ о Божествѣ Св. Духа и онъ отдѣлался этимъ текстомъ, даже сказалъ ему хорошо. Еще до начала экзамена нѣкоторые священники взяли отъ меня и Рудинскаго слово въ затруднительныхъ случаяхъ подсказывать, я долженъ былъ стать по правую сторону священниковъ, а о. Рудинскій по лѣвую. На долю свящ. Рудинскаго палъ жребій, доказать божественное достоинство І. Христа на основаніи священнаго писанія. Легкій вопросъ, подумалъ Рудинскій и смѣло отвѣтилъ, что Апостоль Іоанпъ, въ началѣ своего Евангелія говорить: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* Здѣсь подъ словомъ разумѣется второе лицо Св. Троицы. «Чѣмъ это докажешь?»

Спрашиваетъ владыка. «Тѣмъ, отвѣтилъ Рудинскій, что въ этой же первой главѣ своего Евангелія сему Слову Апостолъ приписываетъ воплощеніе: *Слово плоть бысть*. Похваливъ его за этотъ отвѣтъ, владыка и говорить: «ну теперь объясни каждое слово Евангелія». Рудинскій покойно и обдумавши отвѣчалъ, что *въ началъ* означаетъ предвѣчное существованіе Иисуса Христа, *было у Бога*—означаетъ единство Его съ Богомъ Отцомъ: но на послѣднихъ словахъ текста совершенно растерялся: вмѣсто того, чтобы сказать—*Слово было Богъ*, сказалъ *Богъ былъ Слово*. «Не такъ, замѣчаетъ ему владыка, повтори еще». Онъ повторилъ попрежнему. Я подсказалъ ему: ὁ λόγος. Владыка говорить: «тебѣ подсказываютъ ὁ λόγος», и при этомъ сказалъ по гречески всю фразу: Θεός ἦν ὁ λόγος. Рудинскій еще болѣе смѣшался и молчалъ. Тогда владыка говорить ему: «здѣсь λόγος очевидно есть лицо, о которомъ разсуждаетъ евангелистъ, а Θεός сказуемое Слова; Θεός поэтому уже, что есть сказуемое, поставлено безъ числа. Значить, слова: Θεός ἦν ὁ λόγος нужно перевести такъ: *Слово есть самъ Богъ*. Смотри же замѣть мнѣ это хорошенько». «Ну, теперь скажи ты, подсказчикъ», обратился ко мнѣ владыка: «чѣмъ еще можно доказать Божество второго лица св. Троицы?» «Чудесами Иисуса Христа, отвѣчалъ я». «Чудеса, говорить владыка, творили пророки и апостолы, но чудесами нельзя доказать Божества Иисуса Христа». Пророки и апостолы творили чудеса, отвѣчалъ я, не своею силою, но данною имъ Богомъ, а Иисусъ Христосъ совершалъ чудеса силою своего Божества. Онъ не только воскрешалъ мертвыхъ, но и самъ воскресъ изъ мертвыхъ. Воскресить самому себя это было самое величайшее чудо изъ всѣхъ чудесъ и оно свойственно только Сыну Божію». Этимъ отвѣтомъ, сколько помню, экзамень мой кончился. Ни похвалы, ни порицанія онъ не высказалъ, а сдѣлалъ какую-то отмѣтку противъ моей фамиліи въ благочиннической вѣдомости. Нѣкоторыхъ священниковъ за худые отвѣты сильно конфузиль, называя неучами, невѣжами, дураками, такихъ священниковъ, кои болѣе 40 лѣтъ были на службѣ. По многимъ благочинническимъ округамъ были не рѣдкіе примѣры, когда Филаретъ священниковъ и діаконовъ, оказывавшихся по экзамену весьма слабыми въ богословіи,

туть же штрафоваль деньгами въ кассу какого либо учрежденія, вызываль въ Харьковъ и поручаль кому либо изъ городскихъ священниковъ для наученія или переводилъ на худшія мѣста». Какія же познанія нашель Филареть у причетниковъ? Нѣкоторые изъ нихъ оказались совершенно безграмотными, не умѣвшими ни пѣть, ни читать, ни писать. Если же кто изъ нихъ оказывался неодобрительнаго къ тому поведенія, онъ туть же подвергалъ порицанію: ставилъ на поклоны, посылалъ для наученія въ монастырь или къ сосѣднему, хорошо знающему пѣніе и уставъ, причетнику, или вовсе удалялъ отъ службы. Назначенное имъ наказаніе онъ самъ отмѣчалъ въ спискѣ; тѣмъ же, кои оказались на своемъ мѣстѣ по познаніямъ и доброму поведенію, объявлялъ благодарность. Отмѣтки его въ спискахъ отличались разнообразіемъ, оригинальностью, внушительностью. Вернемся къ разсказу священника. «Спусти около полугода послѣ этого экзамена владыка потребовалъ меня къ себѣ. Послѣ доклада обо мнѣ владыка вышель, держа въ рукѣ тетрадь. Оказалось, что это была та вѣдомость, куда онъ вносилъ экзаменаціонныя отмѣтки.» «Первый вопросъ его былъ: «ты такъ хорошо окончилъ курсъ, почему же поступилъ на бѣдное мѣсто»? «Мѣсто это, отвѣчалъ я, было зачислено за мной преосв. Инокентіемъ, когда я былъ еще за скамьей семинаріи. Женившись немедленно по окончаніи курса на сиротѣ, я тогда же поступилъ на это мѣсто». «Это дѣлаетъ тебѣ честь сказалъ владыка, хвалю и за то, что продолжаешь заниматься богословскими предметами; я предлагаю тебѣ богатый приходъ въ слободѣ Волоская Балаклейка, согласенъ ли?» Согласіе мое я высказалъ молча, павши ему въ ноги. Возвращая мнѣ прошеніе, которое, по приказанію его, я написалъ туть-же въ еѳо канцеляріи, онъ сказалъ: «тамъ есть старшій священникъ З. А., у него по церкви оказались безпорядки, да видно онъ и малограмотенъ, я назначилъ тебя старшимъ священникомъ». Вторично я палъ ему въ ноги. На другой годъ проѣздомъ въ г. Бу-пянскъ, преосвященный посѣтилъ Балаклейскую церковь. При встрѣчѣ, я стоялъ въ облаченіи среди церкви шло обычное краткое молитвословіе; товарища моего, свящ. З. А. владыка позвалъ въ алтарь объяснить ему три изображенія, написанныя на стѣнахъ алтарныхъ. Два

изъ нихъ (моленіе Спасителя о чашѣ и преломленіе хлѣба въ Еммаусѣ) онъ объяснилъ, но третье—ангела держащаго въ правой рукѣ фонарь, а въ лѣвой зеркало—не сѣумѣлъ. Тогда владыка предложилъ объяснить мнѣ. Я сказалъ, что по толкованію отцовъ церкви, зеркало означаетъ зеркало судебъ Божіихъ о спасеніи рода человѣческаго, а горящая свѣча въ фонарѣ, хотя и свѣтящаяся, но закрытая стекломъ, означаетъ то, что эти судьбы Божіи до времени были закрыты». «Стыдно, сказалъ онъ свящ. А—ву, видѣть столько лѣтъ передъ собой это изображеніе и не интересоваться узнать смыслъ его». Послѣ осмотра церковной отчетности и ризницы онъ зашелъ къ молодому священнику въ домъ, выпилъ чашку чаю и при прощаньи, благословилъ его семью, а ему велѣлъ прибыть въ г. Буяанскъ и на другой день съ нимъ служить. На служеніи онъ его наградилъ набадренникомъ. Послѣ перваго экзамена Филаретъ въ предложеніи своемъ консисторіи изложилъ: «хотя духовенство Харьковской епархіи, по жизни своей, особенно по духу кротости и миролюбію вообще заставляеть благодарить за него Господа, но свѣдѣнія весьма многихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ въ догматахъ вѣры очень слабы. Это безъ сомнѣнія зависитъ отъ того, что не занимаются ни чтеніемъ книгъ, ни размышленіемъ о вѣрѣ. Почти нигдѣ мнѣ не случалось видѣть ни въ церкви, ни у священниковъ даже пространнаго катихизиса Филарета. Потому необходимо, дабы всѣ священники и диаконы снабжены были пространными катихизисами, а всѣ причетники краткими катихизисами Филарета и внушено было заниматься предметами вѣры съ должнымъ стараніемъ, такъ какъ особенно священникъ долженъ быть готовъ къ отвѣту на всякій вопросъ о вѣрѣ по Апостолу».

Такой объѣздъ епархіи оставлялъ глубокій слѣдъ въ церковной жизни. Это не былъ форменный объѣздъ епархіи, гдѣ видятъ архіерея во время перепряжки лошадей и то не всегда, да мелькомъ въ церкви. Намъ извѣстно, какъ пѣкоторыми епархіальными архіереями составлялись такіе маршруты для ихъ викаріевъ, что послѣдніе не имѣли физической возможности ихъ выполнить, даже нигдѣ не останавливаясь, причемъ не удавалось на почлегъ доѣхать до назначеннаго пункта.

Какой можно ожидать результатъ отъ такого обзора? Узнавая близко нужды церкви, знакомясь лично съ пастырями и причтомъ, онъ безобиднѣе дѣлалъ назначенія, не уступая ни передъ чьимъ ходатайствомъ, ни передъ какимъ бы то ни было давленіемъ. Мы приводили отвѣты его самому близкому къ душѣ его человѣку, Н. Н. Романовскому, приведемъ для образца другой случай. Начальникъ восьми округовъ украинскаго военнаго поселенія, генералъ-лейтенантъ баронъ Энгельгартъ просилъ уволить за штатъ старика-священника 1-го округа, слоб. Преображенской Корнильева и перевести на его мѣсто племянника его свящ. с. Березоваго Григорія Попова. Резолюція Филарета (6 Апр. 1851 г.). «Отвѣчать отъ моего имени генералу, что на увольненіе Корнильева за штатъ по дряхлости и болѣзни согласенъ я, но на переведеніе Попова согласиться не могу, потому что Поповъ въ числѣ 49 товарищей своихъ окончилъ ученіе только 42 ученикомъ, т. е. однимъ изъ послѣднихъ, тогда какъ Преображенскій приходъ, гдѣ одного мужскаго пола 1393 человѣка, требуетъ священника съ хорошимъ запасомъ свѣдѣній и съ хорошими дарованіями ума и сердца». При этомъ Филаретъ предложилъ туда студента семинаріи Гав. Вертеловскаго. Священникъ же Поповъ самъ обратился съ просьбою о его переводѣ, подкрѣпляя ее тѣмъ, что въ Преображенскомъ онъ уже купилъ домъ за 250 руб. Филаретъ положилъ на прошеніи слѣдующую резолюцію: «если торгашъ обманулся въ торгашествѣ: кто въ отвѣтъ? Пусть притомъ не забываетъ, что торгашъ — непадежный священникъ.» Снова генералъ обратился съ тою же просьбою къ Филарету. Резолюція Филарета: отвѣчать, что по причинамъ, прописаннымъ въ прежнемъ отношеніи, не могу недостойнаго Попова опредѣлить на мѣсто Корнильева въ оскорбленіе совѣсти моеи и воспитанникамъ достойнымъ, тѣмъ болѣе, что по законамъ церкви ни родство, ни денежныя расчеты не должны входить въ разсужденія о правахъ на священство!»

Въ первый же объѣздъ епархіи Филаретъ экзаменовалъ и крестьянъ и встрѣтился съ полнѣйшимъ ихъ невѣжествомъ, многіе изъ нихъ не знали самыхъ простыхъ молитвъ. Филаретъ возложилъ на священниковъ обязанности обучать народъ молитвамъ въ самомъ храмѣ. Въ предло-

женіи консисторіи онъ писалъ: «Замѣчено мною, что немногіе священники занимаются тѣмъ, чтобы обучать народъ молитвамъ и правиламъ благочестія, да и въ рѣдкихъ церквахъ случалось мнѣ видѣть такую полезную для простаго народа книгу, какова Тихона Задонскаго о должностяхъ христіанина. Потому-то считаю особенно должнымъ, дабы объявлена была моя благодарность протоіерею Лобковскому, священникамъ Іоанну Чижевскому и Ѳеодору Тиранскому за усердіе ихъ къ обученію народа христіанскому благочестію. Между тѣмъ необходимо: а) обязать всѣхъ сельскихъ священниковъ подписками, дабы ревностно занимались обученіемъ народа молитвамъ, правиламъ вѣры и благочестія; б) вмѣнить въ обязанность, дабы послѣ каждой воскресной литургіи сами священники, или, по ихъ приказанію, кто-либо другой изъ причта вслухъ всѣхъ читалъ молитвы «Царю Небесный», «Пресвятая Троица», «Отче Нашъ», «Милосердія двери отверзи намъ», и заповѣди Божіи, а каждый изъ народа повторялъ бы слова вслухъ вслѣдъ за учащимъ. Само собой понятно, что обученіе должно совершаться дотолѣ, пока большинство не узнаетъ наизусть всего того, что указано выше. Особенно вступающихъ въ бракъ молодыхъ людей испытывать, знаютъ ли молитвы необходимыя, и настоятельно требовать отъ нихъ, дабы изучали необходимыя молитвы. Но послѣднее, во-первыхъ, тогда должно быть требуемо, когда обученіе со стороны священниковъ уже было дѣлаемо, во-вторыхъ, требованіе это не только не должно соединяться съ видами корысти, но даже и подозрѣніе въ томъ должно быть всячески отклоняемо, иначе нарушители сего будутъ судимы со всею строгостью; в) поставить священникамъ въ обязанность, дабы, какъ можно чаще, читали для народа сочиненія св. Тихона о должностяхъ, Синодскія еженедѣльные поученія и т. д. Это относится преимущественно къ сельскимъ церквамъ, такъ какъ для простаго народа другого рода поученія мало понятны или вовсе непонятны, а слѣдовательно и бесполезны; г) благочиннымъ вмѣнить въ обязанность, дабы строго наблюдали за выполненіемъ сихъ предписаній и о невыполняющихъ доносили подъ опасеніемъ быть въ отвѣтственности за нерадивыхъ. Имъ же вмѣнить въ обязанность, дабы донесли, въ какихъ церквахъ нѣтъ книжки о должностяхъ христіанина,

а консисторіи озаботиться высылкою потребнаго числа экземпляровъ сей необходимой книги». По обычаю своему, Филаретъ и здѣсь не ограничился бумагой за извѣстнымъ №, а провѣрялъ исполненія при своихъ объѣздахъ, испытаніемъ дѣтей и взрослыхъ крестьянъ въ знаніи Закона Божія. Въ 1855 году онъ могъ уже въ отчетѣ св. Синоду о религиозномъ состояніи паствы написать: «знаніе сельскими прихожанами начальныхъ истинъ вѣры и необходимѣйшихъ молитвъ замѣтно возвысилось, потому что на сей предметъ было обращено мною особое вниманіе священниковъ».

Въ Харьковской епархіи пять монастырей, изъ коихъ три мужскіе и два женскіе. Куряжскій-Преображенскій мужской и Хорошевскій Вознесенскій женскій существовали издавна; но въ нихъ не было общезжитія. Особеннымъ безобразіемъ отличался Хорошевскій монастырь. Филаретъ при первомъ его посѣщеніи этого монастыря, былъ восхищенъ красотою его мѣстности; но убожество, запущенность и внутренняя неурядица монастыря возмущали его духъ. Келіи монаховъ представляли собою кучки невзрачныхъ ветхихъ избышекъ, среди которыхъ ничѣмъ не выдѣлялась и келія игуменіи. Все построено безъ плана, непорядочно. Тутъ же помѣщался домикъ для богомольцевъ и 6 избъ для служителей. По тѣснотѣ помѣщенія, многія келіи стояли внѣ монастыря, а потому надъ сестрами, тамъ жившими, почти не было надзора. Когда Филаретъ сличилъ планъ монастыря съ дѣйствительнымъ расположеніемъ построекъ, оказалось полное отступленіе ихъ отъ плана. Напримѣръ, проулокъ на сѣверной сторонѣ былъ совершенно застроенъ и такъ тѣсно, что въ случаѣ пожара не было возможности спастись и самимъ жившимъ въ нихъ. На южной сторонѣ Архангельской церкви грозила опасность пожара отъ келій, которыми она была облѣплена. Келіи, составляя собственность въ нихъ живущихъ, переходили по условіямъ продажи и купли, что вызывало ссоры, тяжбы, неудовольствія. Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ Филарета въ Харьковъ явилась къ нему глубокая старица-инокиня, проживавшая въ монастырѣ болѣе 40 лѣтъ съ просьбой о денежномъ пособіи изъ суммъ понечительства, такъ какъ она принадлежала къ духовному званію и не имѣла средствъ къ жизни. Филаретъ

обратился къ игуменіи съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Добрая и опытная мать-игуменія озаботится содержать просительницу на доходахъ обители. вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю ей войти въ соображеніе объ открытіи для бѣдныхъ сестеръ и послушницъ общей трапезы, на первый разъ для небольшого числа, и соображенія представить ко мнѣ. Убѣждаю къ сему и любовію христіанскою, и примѣрами христіанъ апостольскаго времени». Въ монастырѣ, оказалось, не только не было общежитія, но не было ни больницы, ни богадѣльни для престарѣлыхъ. Каждая монахиня жила особнякомъ, на свои средства, кои иная получала отъ близкихъ, а иная зарабатывала шитьемъ золотомъ или отдѣлкою въ фольгу иконъ. Неимѣвшія же благодѣтелей и небывшія въ силахъ зарабатывать пищенствовали. Между тѣмъ забота о своемъ днѣ отдаляла сестеръ отъ ихъ прямыхъ обязанностей, принятыхъ обѣтомъ, и ихъ время поглощалось суетой. Послушницъ можно было всегда встрѣтить въ городѣ, гдѣ онѣ зачастую и проводили ночь, куда ихъ посылали монахини съ порученіями купить необходимое для ихъ работъ и продовольствія.

Такое непрестанное шатавіе молодыхъ послушницъ по многолюдному городу далеко не отвѣчало требованіямъ монастырской жизни. «Иноческое общежитіе», говорилъ Филаретъ сестрамъ въ одной изъ бѣсѣдъ, «есть отреченіе отъ всякой собственности въ пользу общества и вслѣдствіе того отреченія отъ всякаго желанія, коль скоро найдутъ его несогласнымъ съ видами иноческаго общества». Онъ не пропускалъ ни одного служенія своего въ монастырѣ, не давъ наставленій сестрамъ въ своей церковной бесѣдѣ, иногда грозно предостерегая ихъ. «Возлюбленныя сестры! Вы счастливы, но умѣйте, пользоваться вашимъ счастьемъ. Берегитесь сходить съ горы (обитель расположена на высокой горѣ). Не умно мѣнять чистый воздухъ обители на удушливый воздухъ мірской. Берегитесь подъ предлогомъ певинной любви къ роднымъ и знакомымъ оживлять связь съ оставленнымъ міромъ. Долго-ли до того, что эта связь увлечетъ туда слабую душу невозвратно? Пусть мысль и сердца ваши неуклонно смотрятъ на небо. Оттуда спасеніе для немощныхъ душъ нашихъ. Разумно разумѣвайте себѣ и свое пребываніе на горѣ. Между вами не должно быть Рахили, унесшей изъ дома Лавала

идоловъ, не должно быть такихъ, которыя приносили бы сюда тайно идоловъ плотоугодія и самочинія. Если на пустынной горѣ ропщутъ на ея скудость, на ея труды, на ея скуку пустынную: то не то ли дѣлаютъ, что Израилѣтяне, вздыхавшіе въ пустынѣ о мясахъ и котлахъ египетскихъ? О, пусть поддерживаютъ въ себѣ терпѣніе памятью объ участи вздыхавшихъ о мясѣ. Они погибли въ гробахъ похотѣнія». Когда игуменія доложила, что хлопоты о хозяйствахъ до того овладѣли монахинями, что во время богослуженія, особенно утренняго, храмъ не рѣдко бываетъ пустъ, Филаретъ въ слѣдующее же за тѣмъ служеніе свое обратился къ сестрамъ съ такою рѣчью: «сестры о Господѣ! видитъ Богъ: страшно мнѣ за васъ. Вы дали обѣтъ посвящать время ваше молитвѣ, какъ же вы исполняете его? Какъ? Во время утрени и у васъ храмъ пустъ? Кто вы? Зачѣмъ вы въ оградѣ святой? Или думаете вы, что можете безнаказанно смѣяться жизнью своею надъ обителью молитвы? А вы смѣтаетесь надъ нею, вы позорите ее, когда претворяете ее изъ обители молитвы въ обитель служенія прихотямъ плоти. «Какъ быть»? говорятъ: «нужны же пища и одежда, нужно время для пріобрѣтенія той и другой». А кто далъ вамъ уставъ заботливыхъ Марфъ? Кто мѣшаетъ предоставить двумъ—тремъ изъ васъ совершать изъ послушанія службы Марѣ, чтобы всѣмъ прочимъ оставаться блаженными Маріями? Имъ былъ бы только воздухъ, когда давали обѣтъ, исполнять правила общежитія и молитвы? Придите въ себя, устраштесь положенія своего, подумайте, что ожидаетъ нарушителей данныхъ Богу обѣтовъ. Боже мой! Что за ослѣвленіе! Нравится всегда быть въ услугахъ у своихъ прихотей. Кому же адъ, какъ не рабамъ прихоти и своеволія? Мѣняютъ бесѣду съ Господомъ на бесѣду съ мелочными предметами суеты. И еще думаютъ быть близкими къ Господу. Сжальтесь надъ собою. Будете взывать: Господи, Господи, отверзи намъ, а Господь скажетъ—не вѣмъ васъ».

Филаретъ рѣшился ввести въ обоихъ монастыряхъ общежитіе. Куряжскій монастырь непрекословно исполнилъ волю своего владыки. Но духъ своеволія, царившій въ Хорошевскомъ монастырѣ, поставилъ Филарету много затрудненій, принесъ ему много скорби и слезъ, какъ увидимъ мы ниже.

Филаретъ задумалъ перестроить весь монастырь, сломать ветхія лачуги и выстроить пять каменныхъ корпусовъ, съ теплою въ одномъ изъ нихъ церковью. По смѣтѣ на это требовалось 100 т. руб. Монастырь же не имѣлъ денегъ. Но это не остановило Филарета. При монастырѣ былъ устроенъ огромный кирпичный заводъ, нѣсколько надежныхъ монахинь разосланы были по сбору съ книгами. Филаретъ лично обратился къ многимъ знакомымъ помѣщикамъ и купцамъ, напечаталъ въ Харьковскихъ вѣдомостяхъ «воззваніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, приглашая «любовью ихъ во Христѣ къ пособіямъ на возобновленіе Святой обители, которая въ теченіе двухъ столѣтій была предметомъ особой заботливости дворянства и казаковъ Украйны». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пригласилъ настоятелей монастырей пожертвовать изъ монастырскихъ суммъ; поручилъ священникамъ въ теченіе трехъ лѣтъ собирать пожертвованія въ пользу монастыря, сюда обратилъ штрафныя деньги, испросилъ у управленія Государственныхъ Имуществъ отпускъ безплатно лѣса, а самъ первый пожертвовалъ болѣе 3000 руб. Между тѣмъ Филаретъ воспретилъ тасканіе монахинь по городу, предписалъ о нуждахъ своихъ обращаться къ настоятельницамъ. Такъ какъ настоятельница была женщина слабая, Филаретъ вызвалъ изъ Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря монахиню Антоницу Чубарову, дочь помѣщика, и вручилъ ей должность настоятельницы Хорошевскаго монастыря. При ея содѣйствіи, онъ сейчасъ же, въ видѣ опыта, учредилъ общую трапезу, склонивъ междѣ упорныхъ питаться отъ общей трапезы. Стараніями новой игуменіи и казначеи Елисаветы средства были обезлечены. Сюда поступали: 1) хлѣбъ и др. продукты со 100 дес. пахатной монастырской земли; 2) помоль съ двухъ монастырскихъ мельницъ, 3) рыба изъ двухъ довольно обширныхъ озеръ монастыря, 4) доходы отъ продажи просфоръ, 5) всѣ пожертвованія продуктами и деньгами за неусынное чтеніе въ трапезѣ псалтыри съ моленіемъ о душахъ усопшихъ, 6) всѣ доходы по продажѣ разныхъ монастырскихъ издѣлій, для чего каждая сестра, питающаяся отъ общей трапезы, обязана была три дня въ недѣлю работать на общее дѣло, 7) выручка за изданія Филарета «Историко-статистическое описаніе монастырей Харьковской епархіи».

Весною 1852 г. Филаретъ приступилъ къ постройкамъ, за которыми слѣдилъ самъ, вникая въ мельчайшія подробности. Менѣе чѣмъ черезъ 2 года былъ оконченъ первый трехъ-этажный корпусъ. О величинѣ его можно судить по устроенному тамъ помѣщенію: въ верхнемъ этажѣ 18 келій, келіи для всѣхъ начальствующихъ и приѣмные покои владыки, во второмъ—34 келіи и свѣтлая, и просторная трапезная, въ нижнемъ—12 келій, кухни и 4 подвала. Кромѣ того устроены каменные службы и гостинница для богомольцевъ.

Еще въ концѣ 1852 г. Филаретъ писалъ пр. Иннокентію: «Дѣла Хорошевскаго монастыря мало по малу устраиваются въ лучшемъ видѣ. Число участвующихъ въ общей трапезѣ по своей волѣ увеличивается. Теперь питается до 130 бѣдныхъ и ревнующихъ о безмятежномъ житіи». Конечно, съ возведеніемъ новыхъ зданій и обширной трапезной, число ихъ должно было увеличиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ росло неудовольствіе среди упорныхъ монаховъ, привыкшихъ къ своеволію и къ своимъ угламъ. Вѣдь для того, чтобы воздвигнуть эти обширныя каменницы, нужно было уничтожить тѣ полустгнившія гнѣзда, гдѣ каждая считала себя почти самостоятельною владѣлицею гнѣзда съ его маленькой грядкой, клумбочкой цвѣтовъ или деревцомъ акаціи или сливы. Входя въ новую келію каменнаго корпуса, каждая чувствовала, что жизнь измѣняется, можетъ быть, и къ лучшему для души, но въ ущербъ земнымъ привычкамъ. Но Филаретъ, служа церкви и дѣлу спасенія, менѣе всего былъ склоненъ къ уступкамъ передъ суетными прихотями плоти. Подъявъ трудъ пересоздать, или вѣрнѣе создать изъ этой кучки лачугъ, монастырь благоустроенный, онъ любилъ этотъ трудъ, по своему обыкновенію, какъ свое дѣтище. Замѣтивъ, напримѣръ, какъ трудно доставлять воду на высокую гору, онъ устроилъ на свой счетъ водоподъемную машину, которая обошлась ему въ 2300 руб. Устроивъ это, онъ писалъ Иннокентію: «Водоподъемная машина уже доставляетъ въ монастырскую гору воду на протяженіи 60-ти шаговъ. Это на будущее время сохранитъ здоровье многихъ, очень многихъ жительницъ Хорошева, которыя безъ того бѣдственно страдали.

Въ теченіе трехъ лѣтъ чинъ общежитія настолько окрѣпъ, что Фи-

ларетъ призналъ своевременнымъ обратиться за благословеніемъ къ высшей духовной власти, а поэтому писалъ о томъ Синоду, донося между прочимъ: «каждая изъ сестеръ, пользующаяся общою трапезой, менѣе имѣетъ заботы и житейскихъ попеченій о своемъ существованіи. Службу церковную слушаютъ безъ развлеченія и разсѣянія мыслей о утреннемъ днѣ — что ясти и пити. Имѣя обширную трапезу, непремѣнно избавляются нѣкоторые отъ зависти, а иныя отъ прихотливости, всѣ же въ точности исполняютъ церковный уставъ о пищѣ и питіи, чего не бывало въ Хорошевѣ при господствѣ своеволія келейнаго, дозволявшаго себѣ даже петрезвость. При прежнемъ образѣ жизни молодыя послушницы посылались старшими въ городъ то по дѣйствительнымъ нуждамъ келіи, то подѣ предлогомъ своихъ нуждъ, и это пріучало молодыхъ къ разсѣянности и разнымъ порокамъ духа. Прекратить эти гибельныя отлучки въ городъ не было возможности, пока могли указывать на многочисленныя нужды келейной жизни». Святѣйшій Синодъ, утвердилъ общежитія, выразивъ желаніе «чтобы и самая одежда монашествующихъ была общественная, дабы и въ семъ отношеніи монахини были отрѣшены отъ житейскихъ нуждъ и попеченій». Желаніе высказанное св. Синодомъ, было, разумѣется, по душѣ Филарету и онъ сейчасъ же положилъ начало капиталу на сооруженіе одеждъ бѣднымъ монахинямъ, пожертвовавъ самъ 1000 руб. Принимать въ монастырь позволялъ Филаретъ не иначе уже, какъ съ подчиненіемъ общежительному уставу.

Филарету удалось значительно увеличить недвижимую собственность монастыря. По его ходатайству удѣлено монастырю изъ казенныхъ дачъ 12 дес. луговой и сѣнокоспой земли и 40 дес. лѣса, а 40 дес. куплено уже на монастырскія средства. Самый успѣхъ построекъ свидѣтельствуетъ, что средства эти значительно стекались отъ частныхъ пожертвованій. Благодаря имъ и усердію игуменіи Филаретъ возобновилъ Вознесенскую церковь, расширилъ пристройкою двухъ придѣловъ церкви Архангельскую. Когда попечительница его, генеральша С. Н. Герасимова пожертвовала значительную сумму на этотъ предметъ и выразила желаніе, чтобы одинъ изъ придѣловъ былъ посвященъ въ память св. патрона пресвященнаго, Филаретъ написалъ резолюцію:

«Пусть по желанію благотворительницы обители С. Н. Герасимовой, одинъ придѣль зимней церкви будетъ во имя праведнаго Филарета, который помолится и за грѣшнаго Филарета».

Въ 1854 году Филаретъ за труды по устройству монастыря выразилъ игуменіи и казначею благодарность со внесеніемъ въ послужной списокъ и предоставилъ право, когда, по старости или другимъ причинамъ, пожелаютъ оставить должность, занимать до самой смерти въ новомъ корпусѣ келію въ 3 комнаты каждая; въ 1855 году по ходатайству Филарета игуменія Антонина получила благословеніе св. Синода, а въ слѣдующемъ году наперсннй крестъ, какъ сказано въ указѣ, за труды по приведенію обители въ лучшій видъ постройкою каменныхъ зданій и за учрежденіе въ обители порядка самаго стройнаго и чистаго, прекратившаго множество неустройствъ, беспокоившихъ до того времени епархіальное начальство.

И здѣсь Филаретъ, отстранивъ себя отъ воздаяній за его труды, выдвигаетъ своихъ помощниковъ передъ его начальствомъ; а самъ онъ довольствовался тѣмъ утѣшеніемъ, какое давало ему доброе дѣло, доведенное имъ до конца. Такое утѣшеніе получилъ онъ, окончивъ первыя зданія монастыря, главный его корпусъ и положивъ прочное начало общежитію. На освященіе были приглашены многіе горожане. Филаретъ самъ освящалъ и благословилъ первую трапезу. Къ этому же времени имъ сооружена была въ монастырѣ и теплая церковь во имя Филарета Милостиваго. Радость Филарета, при видѣ выполненія его мысли и заботъ, все читали на его лицѣ. Онъ самъ водилъ всѣхъ почитателей по новому зданію, объясняя назначеніе каждаго помѣщенія. Въѣздъ въ монастырь былъ очень неудобный: приходилось или изъ села Бабаевъ объѣзжать далеко по помѣщичьимъ полямъ и лѣсу, или изъ села Хорошева взбираться по крутой, изрытой горѣ. Окнувъ взоромъ эту мѣстность, Филаретъ сейчасъ же указалъ игуменіи, гдѣ можно устроить прямой и удобный въѣздъ, прямо изъ села Бабаевъ. Игуменія исполнила безпрекословно его указаніе. Гору съ восточной стороны раскопали, овраги, образовавшіеся отъ весенней воды, укрѣпили кольями и плетнемъ и устроили такимъ образомъ хорошую дорогу, сокративъ путь

на 2--3 версты. Онъ приказалъ было по горѣ засадить лѣсъ; но, узнавъ, что сосѣдніе крестьяне лишатся чрезъ то пастбища, отмѣнили это распоряженіе.

Хотя дѣло уже было поставлено хорошо и прочно и хотя цугуменія, какъ замѣтили мы, была усердною исполнительницею плана своего архипастыря; но Филаретъ бдительно наблюдалъ надъ монастыремъ и нерѣдко посылалъ туда благочиннаго или соборнаго ключаря, протоіеря М. осмотрѣть и донести ему, исполняются-ли въ точности его указанія.

Монастырь требовалъ еще много сооруженій и исправленій. Значительно упавъ въ глазахъ народа, благодаря отсутствію въ немъ всякаго благолѣпія и благочинія, онъ мало привлекалъ къ себѣ молящихся. Филаретъ сразу поднялъ монастырь. Ежегодно, въ храмовой праздникъ, служилъ онъ самъ, придавая служенію особенную торжественность. Самъ съ крестнымъ ходомъ обходилъ онъ вокругъ стѣнъ монастыря, а потомъ благословлялъ хлѣбы и раздавалъ съ помощію сослужащаго духовенства народу. Народъ сталъ стекаться тысячами. Чтобы болѣе упрочить общежитіе, онъ въ пользу его отдалъ второй томъ «Историческо-статистическаго описанія. Харьковской епархіи» и завѣщалъ 2 тысячи рублей.

Удивляться надо и быстротѣ сооруженій, и обилію средствъ на нихъ въ одномъ городѣ и въ самое неблагопріятное время, когда былъ полный застой промышленности и когда неумолкаемый грохотъ пушекъ подъ стѣнами Севастополя, отзываясь болью въ сердца Русскаго, побуждали каждаго къ жертвамъ на защиту отечества.

А какъ отнесся къ этому тяжкому для отечества времени Филаретъ?

Когда, по полученіи указа о призваніи Харьковской губерніи къ государственному ополченію, 23 августа 1855 г. открыто было чрезвычайное дворянское собраніе, на которое съѣхалось до 500 дворянъ, Филаретъ передъ присягой произнесъ рѣчь. Онъ указалъ на готовность дворянъ произнести болѣе чѣмъ когда либо важную клятву, принимая близко къ сердцу страданія отечества отъ окружающихъ его враговъ, необходимость пожертвованій на его нужды, важность порученія дворянству—избрать изъ среды своей защитниковъ. Онъ говорилъ о томъ,

какъ ни зорко смотритъ за своими выгодами своекорыстіе, но оно слѣпо, а дальновидна одна только христіанская любовь. Онъ напомнилъ о совѣщаніи Мономаха съ князьями по случаю ожидавшагося набѣга Половецъ, когда мудрый и благочестивый князь говорилъ дружинѣ: «Чудно мнѣ, что жалѣете вы лошадей, на которыхъ пахать надобно, а о томъ не подумаете, что тогда, какъ крестьянинъ начнетъ пахать, Половецъ, прыскачетъ, убьетъ его стрѣлою, возьметъ лошадь его, а въ селѣ жену и дѣтей и все имущество. Лучше это будетъ?»—и потомъ присовокупилъ, что мы не ожидаемъ Половецъ, а свирѣпые Половцы уже вторглись въ предѣлы отчины нашей, что нынѣшніе Половцы погубили нашихъ братьевъ болѣе, чѣмъ тѣ, свирѣпые изъ жадности до чужого. Должно оставить въ сторонѣ всѣ расчеты своекорыстія, котораго зоркость такъ сомнительна, и дать слово передъ Господомъ исполнить порученіе Царя съ совѣстью чистою, совершить свято, какъ бы ни было тяжело душѣ». «Дайте же слово», сказалъ онъ въ заключеніе, «совершить великое жертвоприношеніе отчины и Господу съ твердостью христіанина, для котораго ничего нѣтъ на землѣ и все на небѣ». Въ теченіе трехъ дней дворянами были избраны изъ среды своей 228 офицеровъ для 12 дружинъ. Воодушевленіе, какимъ было объято дворянство, одинъ изъ дворянъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Послѣдовавшій Высочайшій указъ о сформированіи ополченія занялъ умы всѣхъ сословій. Все взволновалось. Пожертвованія полились рѣкой, всякія матеріальныя жертвы были ничемъ: то сухари, то полушубки, то воловые парки, все охотно давалось дворянствомъ на помощь общему дѣлу. Но не однѣ матеріальныя жертвы приносились: рѣдка дворянская семья не послала здороваго члена своего въ дѣйствующую армію».

Самъ Филаретъ, не только не удерживалъ духовныхъ лицъ своей епархіи, просившихся въ армію; но охотно благословлялъ ихъ на этотъ подвигъ.

Такъ на прошеніи наставника школы, бывшаго семинариста, Николая Яхонтова, Филаретъ далъ такую резолюцію: «увольняется изъ духовнаго званія для поступленія, по желанію, въ ряды защитниковъ отчины. Да благословитъ Господь благое желаніе. Выдать немедленно всѣ

нужные документы». Подобно тому, какъ преп. Сергій далъ Дмитрію Донскому иноковъ Пересвѣта и Ослаба, Филаретъ избралъ своихъ лучшихъ іеромонаховъ Святогорской обители о.о. Веніамина и Никандра сопутствовать воинамъ, служить имъ утѣшеніемъ. Оба они оправдали выборъ: за геройскіе подвиги челоуѣколюбія подь градомъ пуль были награждены медалями, орденами и кабинетными крестами на георгіевской лентѣ. Оба потомъ были архимандритами, а первый даже кавалеромъ св. Анны 1-й степени.

По окончаніи формированія ополченія, вызвавшего въ иныхъ губерніяхъ недоразумѣнія, Филаретъ 20 марта 1855 года доносилъ Св. Синоду, по всѣмъ донесеніямъ благочинныхъ, при избраніи ратниковъ ополченія, духовенство Харьковской епархіи вело себя съ примѣрнымъ приличіемъ къ своему званію и не только никто изъ духовныхъ не навлекъ на себя ни одной жалобы или укоризны при совершеніи великаго дѣла между крестьянами епархіи, но получили похвальные отзывы со стороны военныхъ начальствъ, за что должно благодарить великаго пастыреначальника Христа Иисуса Господа». О своей же предусмотрительной распорядительности онъ умолчалъ.

На войну смотрѣлъ Филаретъ какъ на кару Божію за грѣхи, поэтому въ своихъ рѣчахъ воинамъ онъ призывалъ всѣхъ къ покаянію. Слова эти были потомъ изданы подь заглавіемъ «Голосъ Божій къ грѣшнику». «Но вотъ горе», писалъ онъ Романовскому, «война, кажется, продолжается. Слышно, что скоро будетъ новый наборъ со всей Россіи, а съ коренной—Московской Россіи еще и дополнительное ополченіе по 6 и 7 съ тысячи. Видно, грѣхи наши еще требуютъ бича; видно худо каемся».

Переписка Филарета съ Романовскимъ во время войны открываетъ передъ нами—сколь глубоко это бѣдствіе трогало и заботило Филарета; говорить о томъ и дѣятельность его за это время.

Когда получено было извѣстіе, что черезъ Харьковъ будутъ проходить войска, Филаретъ далъ слѣдующее предложеніе консисторіи (15 Leth. 1853 г.). «Поелику въ скоромъ времени имѣютъ проходить черезъ г. Харьковъ многіе полки на войну за св. вѣру христіанскую про-

тивъ враговъ Христова имени—магометанъ, при томъ во время суровой зимы, то предложить лицамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи консисторіи, живущимъ въ г. Харьковѣ, дабы кто что можетъ пожертвовалъ деньгами въ пользу воиновъ Христовыхъ. Съ своей стороны жертвую для сего 150 руб. Сейчасъ же городское духовенство собрало такую же сумму. Такъ какъ эта сумма была слишкомъ незначительна, чтобы ею можно было оказать матеріальную помощь, Филаретъ далъ ей другое назначеніе. Не объяснивъ по чьему почину собраны деньги и кто былъ главнымъ жертвователемъ, Филаретъ препроводилъ ихъ къ г.-губернатору Кокошкину, сообщивъ ему, «что духовенство г. Харькова, желая заявить молитвенную любовь свою къ христіолюбивымъ воинамъ, отправляющимся на войну съ врагами Христа—Господа и его помазанника, Государя Императора, пожертвовало для войскъ 17 и 18 пѣхотныхъ дивизій 300 руб. съ тѣмъ, чтобы передъ тѣми—12-ю иконами, которыми будутъ благословлены имъ эти войска, при переходѣ ихъ черезъ г. Харьковъ, горѣлъ въ теченіе всей войны слей въ лампадахъ, какъ знаменіе молитвъ за нихъ передъ Господомъ».

За это пожертвованіе городскому духовенству объявлена Высочайшая благодарность. Той-же благодарности удостоилось и все духовенство, пожертвовавшее, по примѣру городского 976 руб. Донеся о томъ Св. Синоду, (31 марта 1854 г.), Филаретъ испрашивалъ ему благословеніе, которое и было Св. Синодомъ преподано. Этимъ, конечно далеко не кончились жертвы Филарета и духовенства Харьковской епархіи. Извѣстно, какъ много осиротѣло семействъ моряковъ, героевъ—защитниковъ Севастополя. Въ пользу этихъ несчастныхъ Филаретъ собралъ 2700 руб. среди духовенства, за что оно удостоилось снова Высочайшей благодарности. Конечно, и здѣсь была значительная лента самого Филарета, такъ какъ иначе онъ не начиналъ никакого сбора.

Всѣ войска съ дружины, проходившіе черезъ Харьковъ къ Севастополю, Филаретъ встрѣчалъ передъ храмомъ св. Николая Чудотворца. Мѣсто это избралъ онъ, какъ объяснилъ Синоду, потому что 2 іюня достопамятнаго 1709 г. Императоръ Петръ Великій на пути изъ Азова къ Полтавѣ, въ семь храмъ «возносилъ пламенные молитвы свои пе-

редъ престоломъ Царя Царей, готовясь сразиться съ грозными воинами Карла XII, короля Шведскаго.» Здѣсь Филаретъ, послѣ краткаго молитвословія, окроплялъ воиновъ св. водою, благословлялъ иконами, раздавалъ крестики. Столь живое отношеніе святителя воодушевило всѣхъ и встрѣча войскъ сдѣлалась трогательнымъ народнымъ торжествомъ. Вотъ, на примѣръ, какъ описываетъ очевидецъ встрѣчу Тульского егерскаго полка (1853 г. 31 Декабря). «Лишь только полкъ занялъ свои мѣста, изъ храма св. Николая, при колокольномъ звонѣ, вышла духовная процессія. Филаретъ взомель на заранѣе приготовленный амвонъ и здѣсь совершилъ молебствіе, командира полка онъ благословилъ иконою св. Николая Чудотворца и при этомъ произнесъ краткое назидательное слово. Городской голова С. Костюринъ поднесъ начальнику полка хлѣбъ-соль. Потомъ преосвященный съ животворящимъ крестомъ обошелъ всѣ ряды полка и окропилъ св. водою. Торжественна была та минута, когда войско и народъ при молитвѣ архипастыря и пѣніи клира, съ благоговѣйнымъ чувствомъ на душѣ и со слезами на глазахъ, возносили теплыя моленія свои къ Царю царствующихъ о ниспосланіи побѣдъ Государю Императору и его христоролюбивому воиству. Генераль, штабъ и оберъ-офицеры были угощены гражданами г. Харькова обѣдомъ въ прекрасномъ обширномъ залѣ купца Павлова. Подпрапорщиковъ и юнкеровъ угощали обѣдомъ воспитанники 1-й и 2-й гимназій. Нижнимъ чинамъ были розданы булки и порціи мясныя, рыбныя и винныя.»

Съ лѣта 1855 года началось передвиженіе дружинъ ополченія черезъ Харьковъ, всего въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ 40 дружинъ. Съ такою же торжественностью встрѣчалъ ихъ Филаретъ.» Духовенство облачалось въ лучшія ризы. Впереди, при колокольномъ звонѣ, несли городскіе значки, хоругви и выносные кресты, затѣмъ шли пѣвчіе, духовенство, потомъ несли чудотворную икону Божей Матери Озеряпской или Елецкой, осѣняемую рипидами, за нею слѣдовалъ преосв. Филаретъ, всегда окруженный множествомъ народа. Все это естественно производило сильное впечатлѣніе на героевъ—виновниковъ торжества. Многіе начальники дружинъ со слезами на глазахъ принимали св. иконы, коими Филаретъ благословлялъ ихъ, и духовное назиданіе, какое онъ преподавалъ имъ

въ своихъ краткихъ, но сильныхъ рѣчахъ. Когда Филаретъ обходилъ ряды воиновъ, брося ихъ св. водой, а чудотворный образъ несли передъ нимъ, офицеры выбѣгали изъ рядовъ, цѣловали икону и преклоняли головы къ водѣ. Особенно жаждалъ каждый ополченецъ, чтобы и до него долетѣла капля св. воды и потому съ жаждою хватали капли, летѣвшія по воздуху и ими утирали свои лица и головы. Съ тѣмъ же глубокимъ чувствомъ благоговѣнія они принимали, раздаваемые по рядамъ, позолоченные крестики на шелковыхъ лепточкахъ и хлѣбы, освященные наканунѣ на всеобщемъ бдѣніи. Кстати замѣтимъ при этомъ, что, не взирая на непогоду и зимнюю стужу, Филаретъ почти всегда самъ лично встрѣчалъ войска. Такъ повѣствуетъ живой свидѣтель. Въ дневникѣ архимандрита Герасима подъ 10 Февраля 1856 г. записано: «Сегодня преосв. Филаретъ служилъ для Харьковскаго ополченія литургію и молебенъ и въ заключеніе сказалъ рѣчь. Хилый и слабый, едва даже ноги передвигавшій отъ боли,—за часъ онъ какъ бы переродился и, ставъ передъ сонмомъ воиновъ, яко трубу, по словамъ пророка, возвысилъ свой голосъ. Потомъ передалъ на благословеніе начальнику этой дружины икону Елецкой Божіей Матери и окропилъ всѣхъ св. водою, а намъ приказалъ раздать ополченцамъ золоченные крестики на шелковой тесьмѣ».

Уѣзжая въ началѣ 1854 года въ Москву на полтора мѣсяца, Филаретъ озаботился, чтобы въ его отсутствіи, по установленному имъ порядку, производилась встрѣча войскъ и дружинъ, поручивъ замѣнить его ректору семинаріи, о чемъ далъ предложеніе консисторіи. При этомъ онъ препроводилъ 100 руб., назначивъ по 25 руб. на елей для каждой иконы, какою благословляется дружина. Предложивъ всему духовенству встрѣчать войска и дружины, которыя не должны слѣдовать черезъ Харьковъ, въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ съ краткимъ молитвословіемъ; съ крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ, и окропленіемъ св. водою, онъ и благочиннымъ вмѣнилъ въ обязанность доносить ему о выполненіи его предложенія. Особенно торжественна была встрѣча ополченія въ г. Сумахъ и въ г. Ахтыркѣ стрѣлковаго полка императорской фамиліи.

Филаретъ получилъ за его жертвы лично и письменно благодарность отъ кн. Горчакова и многихъ начальниковъ ополченій и письменныя благодарности за трогательную встрѣчу и благословеніе многими сельскими священниками, что для Филарета было великимъ утѣшеніемъ. Для образчика приведемъ изъ писемъ письмо начальника ополченія Калужскаго гр. Толстого и Тамбовскаго г-м. Жихарева. Первый писалъ: «Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность принести мою искреннюю благодарность за ваше духовенство, отъ котораго, предводимое мною, калужское ополченіе, во время прохода черезъ Сумскій и Ахтырскій уѣзды повсюду встрѣчало напутствованіе и благословеніе. Особенно же не могу умолчать объ усердіи свящ. Ахтырскаго Покровскаго собора Василя Лопатина, который, какъ меня, такъ и всѣхъ начальниковъ дружинъ, Высочайше вѣреннаго мнѣ ополченія, благословилъ образомъ Ахтырской Богоматери, съ искреннимъ и усерднымъ напутствованіемъ въ предлагающій намъ трудный подвигъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ въ настоящее время находится русское христіанское воинство, молитва церкви и благословеніе служителей ея—есть лучшее для него утѣшеніе». Второй писалъ: «Благодарю отъ души свящ. с. Городища Симеона Иларіонова за его распорядительность и радушіе, съ какими были встрѣчены дружины №№ 177--180 и мой штабъ. Такой священникъ, какъ о. Симеонъ, у котораго подъ кровомъ я провелъ нѣсколько дней, по справедливости, дѣлаетъ честь русскому духовенству, и мнѣ пріятно выразить передъ вашимъ преосв—мъ мои чувства къ нему».

Но вотъ за передвиженіемъ войскъ настала забота о раненыхъ, въ огромномъ числѣ препровождавшихся въ Харьковъ. И Филаретъ въ этомъ дѣлѣ челоуѣколюбія стоялъ впереди всѣхъ. Онъ лично навѣщалъ раненыхъ, входилъ въ ихъ нужды, онъ приглашалъ къ пожертвованіямъ всѣ сословія, давая самъ первый примѣръ. Такъ въ концѣ 1855 г. онъ роздалъ 40 раненымъ нижнимъ чинамъ полное больничное бѣлье — по простынѣ, наволоку, рубахѣ, парѣ чулокъ. Въ другой разъ роздалъ 150 раненымъ по холщевой рубахѣ. Между тѣмъ для помѣщенія раненыхъ не было удобнаго зданія, размѣщеніе же по тѣснымъ квартирамъ было вовсе неудобнымъ. Ген.-губернаторъ Кокошкинъ обратился къ

Филарету съ просьбой — уступить подъ временный госпиталь зданіе семинаріи. Филареть, не задумавшись, сейчасъ же перевелъ семинарію въ частные дома, не испрашивая разрѣшенія и не замедляя тѣмъ дѣла, а Синоду въ оправданіе свое донесъ: «Поелику настоящая война, болѣе чѣмъ другая есть война за святую вѣру христіанскую, то съ своей стороны считаю за грѣхъ, отказывать въ такомъ прошеніи мѣстнаго губернскаго начальства.» Для того, чтобы еще болѣе оживить дѣло попеченія о раненыхъ и дать ему правильную организацію, Филареть предложилъ учредить въ Харьковѣ общество попеченія о раненыхъ и больныхъ, пользующихся во временномъ Харьковскомъ военномъ госпиталѣ. По этому поводу онъ писалъ кн. Горчакову: «по распоряженію вашему, въ г. Харьковѣ учрежденъ военно-временный госпиталь на двѣ тысячи раненыхъ и больныхъ воиновъ изъ предводимой вашимъ с — вомъ храброй христіанской Крымской арміи. Жители г. Харькова, постоянно питаютъ живое и глубокое сочувствіе къ тяжкому положенію любезнаго отечества нашего, и въ настоящемъ случаѣ пожелали, по мѣрѣ силъ и средствъ, споспѣшествовать благотворнымъ попеченіямъ правительства о доблестныхъ защитникахъ возлюбленнаго отечества нашего, а потому съ этою цѣлью предложили учредить общество улучшенія быта военнораненыхъ и больныхъ. Представляя при этомъ проектъ устава предполагаемаго общества, имѣю честь покорнѣйше просить обратить на оный благосклонное вниманіе вашего с — ва и разрѣшить предложеніе это, дабы безъ замедленія предоставить возможность осуществить желаніе здѣшнихъ жителей, такъ какъ въ настоящее время собрано уже на сей предметъ до трехъ тысячъ рублей сер. Съ душевнымъ удовольствіемъ, принявъ на себя званіе предсѣдателя общества, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше с — во въ числѣ иныхъ измѣненій, которыя вы сочтете нужнымъ сдѣлать въ уставѣ дѣла, прежде всего разрѣшить мнѣ избрать себя въ помощники вице-губернатора гр. Сиверса, который по чувствамъ и правиламъ своимъ въ дѣлѣ семъ будетъ весьма усерднымъ сотрудникомъ моимъ. Обращаюсь къ вашему с — ву непосредственно потому, дабы избѣгнуть всякой проволочки въ дѣлѣ семъ и не лишиться обществу возможности, съ Божіею помощію, быть немедленно

полезнымъ помѣщеннымъ въ здѣшнемъ военно-временномъ госпиталѣ раненымъ и больнымъ». Спустя мѣсяца два послѣ того кн. Горчаковъ, проѣздомъ въ Петербургъ, ночь подъ 6 января пробылъ въ Харьковѣ. Въ день Богоявленія слушалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Филаретъ распорядился, чтобы на сугубой ектеніи приложено было прошеніе о его здравіи. Кн. Горчаковъ послѣ литургіи осмотрѣлъ госпиталь, затѣмъ посѣтилъ Филарета и въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ благодарилъ его за его попеченія о раненыхъ.

Какъ ни пряталъ Филаретъ свою дѣятельность въ своихъ донсеніяхъ, выдвигая другихъ, но она слишкомъ замѣтна въ дѣйствительности и не могла укрыться передъ правительствомъ, и Филаретъ во время войны получилъ четыре Высочайшихъ благодарности.

Пошли, наконецъ, разговоры о мирѣ, пошли толки и слухи, печалившіе русскихъ людей, горькіе для самолюбія. Дошли они и до Филарета, который въ отвѣтъ на нихъ писалъ Романовскому: «О чадахъ хананейскихъ ничего нѣтъ новаго, а все прежнее—неопредѣленное и невѣрное. Думаю, что если и будетъ что сдѣлано, то немногое. Многого сдѣлать нельзя, какъ ни прядай, сколько ни звони въ «колоколь Лондонскій» (газета, издававшаяся Герценомъ). Смыслъ здравый еще не отнять у русскихъ, потому нѣтъ нужды и беспокоиться».

Наконецъ парижскимъ миромъ окончилась великая драма, унесшая много жизней и возникшая по побужденіямъ зависти и недоброжелательства. Въ память геройской войны розданы были бронзовыя медали, а русскому православному духовенству бронзовые кресты. Но Филаретъ, признавая службу духовенства Харьковской епархіи во время войны заслуживавшею большаго противу другихъ отличія, исходатайствовала духовенству своей епархіи, такъ какъ Харьковская губернія состояла на военномъ положеніи, бронзовыя медали на андреевской лентѣ.

Въ то самое время, когда возгоралась война, Харьковскую губернію въ числѣ другихъ постигло другое бѣдствіе—холера. Когда гражданскія власти изыскивали средства ослабить ея силу, Филаретъ старался духовно приготовить паству свою къ великому испытанію и усилить молитвенное настроеніе жителей, глубоко вѣруя самъ въ силу молитвы.

Во всѣхъ храмахъ городскихъ совершалось молебное пѣніе, въ Іюнь мѣсяцѣ доставлена была изъ Курьянскаго монастыря чудотворная икона Озерянской Божіей Матери и передъ нею среди толпы народа, на соборной площади, Филаретъ съ колѣнопреклоненіемъ служилъ молебенъ. Наступалъ Августъ, холера не прекращалась. «Холера жнеть у насъ,» писалъ Филаретъ Горскому. По распоряженію святителя 1 Августа къ крестному ходу на рѣку со всѣхъ церквей были принесены, особо чтимыя прихожанами, св. иконы. По окончаніи водоосвященія каждый причтъ обошелъ съ окропленіемъ св. водою границы и улицы своего прихода. Усиленная и истинно-отеческая проповѣдь составляла другую черту дѣятельности Филарета за это время. Онъ не угрожалъ гнѣвомъ Божіимъ, а старался ободрить упавшій духъ своей паствы и призвать ее къ внутреннему самоисправленію». Не смотря на свои хроническія желудочныя страданія, онъ съ тою же цѣлью, предпринялъ свое путешествіе по епархіи, выбирая мѣста, гдѣ особенно свирѣпствовала болѣзнь. Въ иныхъ мѣстахъ служилъ литургію, въ другихъ молебны, произнося въ утѣшеніе назидательное слово. Приглашая своего друга Романовскаго сопутствовать ему, онъ писалъ: «кажется не лишне будетъ, если скажу, что кто-то будетъ проповѣдывать о жизни загробной». Мысль, что и самъ онъ близокъ, быть можетъ, къ смерти, никогда не покидавшая, по видимому его, особенно теперь присуща была его душѣ. И первую свою проповѣдь онъ началъ такъ. «Кто-бы ты ни былъ странникъ земной жизни, скоро и твоей и моей душѣ придется разстаться съ землею. Мысль эта такъ естественна, особенно въ то время, когда губительная болѣзнь такъ неожиданнымъ провожаетъ съ земли въ другой міръ». Въ то-же время писалъ онъ Иннокентію. «У меня теперь нерѣдко вырывается желаніе умереть, лечь на отдыхъ. Да что пользы въ моей жизни?» И тогда же имъ написано было духовное завѣщаніе. Наконецъ, въ половинѣ Сентября прекратилась болѣзнь. Признательный предъ Богомъ за его милосердіе, 20 Сентября Филаретъ совершилъ въ Успенскомъ соборѣ литургію и благодарный молебенъ на соборной площади. Не только храмъ, но и площадь были полны народа. Очевидецъ такъ описываетъ общее впечатлѣніе, лишь только священный соборъ духовенства во главѣ

архіерея вышелъ со святынею на площадь для принесенія всеблагому промыслителю благодаренія за избавленіе отъ губительной болѣзни, на всѣхъ лицахъ отразилась умиленная радость. Завѣреніе матери нашей церкви, что творецъ не до конца прогнѣвался на свое созданіе, въ одно мгновеніе, какъ бы незримо какою силою, успокоило предстоящихъ».

Въ 1855 году за успѣшныя труды по званію вице-президента Харьковскаго тюремнаго комитета онъ получилъ Высочайшее благословеніе. Значить, и сюда удѣлилъ онъ крупную долю своего труда и заботъ. Впрочемъ, это засвидѣтельствовано и его современниками.

Къ этому времени относится его значительный трудъ «*Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи*». Къ этому труду привлечено имъ было почти все духовенство епархіи. Онъ составилъ вопросы и препроводилъ ихъ къ благочиннымъ и священникамъ. Отвѣты на предложенные вопросы, которые и должны составлять нужныя ему свѣдѣнія, священники обязаны были вносить въ памятныя тетради и имѣть ихъ при церквяхъ. Онъ самъ просматривалъ всѣ эти тетради, представленныя ему черезъ благочинныхъ, дѣлалъ поправки и измѣненія, и возвращалъ ихъ для переписки. Это было однимъ изъ первыхъ распоряженій его по пріѣздѣ въ Харьковъ. Въ первое же лѣто (1849 г.) онъ два мѣсяца употребилъ на объѣздъ епархіи, не упуская изъ виду ничего, что могло обогатить его свѣдѣніями о краѣ. А въ 1851 году обзорѣніе имъ епархіи было до того подробно, что ему доводилось въ иныхъ мѣстахъ проѣзжать по два и по три раза.

Ему въ этомъ дѣлѣ очень много помогъ Ч. Н. Ромаповскій. Онъ, видя, какъ дорожилъ Филаретъ каждымъ лѣтописнымъ листомъ, самъ роаясь въ архивахъ, пересмотрѣвъ у знакомыхъ своихъ помѣщиковъ архивы и консисторскія бумаги, доставилъ Филарету много весьма цѣнныхъ для его труда документовъ и письменныхъ памятниковъ Украины. Какъ старожилъ, онъ передалъ Филарету много народныхъ преданій о первоначальномъ заселеніи г. Валокъ и его уѣзда: «Ожидая вашихъ писаній объ о. протоіереѣ и блаженномъ Иванѣ. Какъ хотите, а въ Пасху привезите ихъ». Рѣчь идетъ здѣсь о протоіереѣ о. Василии Синцаревѣ, личности замѣчательной, служившемъ въ Валкахъ съ 1787 по 1833 г

Чтобы имѣть понятіе объ этомъ священникѣ, достаточно указать, что попечитель учебнаго округа гр. Потоцкій, побывъ на его урокъ въ училищѣ и прослушавъ его проповѣдь въ церкви, предложилъ ему кафедру Богословія въ Харьковскомъ университетѣ. Его біографія, написанная Романовскимъ, помѣщена была Филаретомъ въ его «Описаніи». Иванъ Храля, сынъ Харьковскаго торговца, извѣстенъ былъ въ 30-хъ годахъ Харькову какъ юродивый Христа ради. Скончался въ 1841 г. «Алфировъ, пишетъ Филаретъ, обѣщалъ мнѣ прислать фамиліи записки о Леввицкихъ. Но все не дождусь. Даже не знаю—гдѣ онъ теперь живетъ. Иначе во второй разъ написалъ бы къ нему. Не окажете ли вы помощи». Такъ понуждалъ онъ всѣхъ помочь ему въ сборѣ матеріаловъ для его труда.

Приступая къ этому труду, вотъ что писалъ онъ Горскому: «Въ душѣ есть желаніе составить описаніе Харьковской епархіи. Думаю, что это будетъ довольно занимательная картина, не безъ интереса для всѣхъ и особенно для друзей церкви Русской. Жаль, что доселѣ рѣшительно ни въ одномъ мѣстѣ не было записано ни строки. Что дѣлать? Остается удовольствоваться тѣмъ, что собрано будетъ въ настоящее время. Здѣшній край имѣетъ свою исторію, съ своими красками и штрихами. Россія не то, что какая-нибудь страна колбасниковъ. Югъ и Сѣверъ, Востокъ и Западъ вмѣщаетъ она въ себѣ. Полосы климата разные, и полосы быта житейскаго не одинаковыя».

Для такой работы, какую взялъ на себя Филаретъ, онъ долженъ былъ познакомиться съ многочисленными старинными актами, доставленными ему изъ губернскаго правленія, со многими фамиліиными записками помѣщиковъ, архивными дѣлами консисторіи. Изъ губернскаго правленія были сообщены ему не только межевыя книги, но и грамоты царей Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, свернутыя длинными свитками. Многія изъ нихъ для него переписывались. Не довольствуясь дѣлами своей консисторіи, онъ посылалъ одного протоіерея съ консисторскимъ архиваріусомъ въ Курскъ для ознакомленія съ дѣлами и актами архива Курской духовной консисторіи за время состоянія нынѣшней Харьковской епархіи подъ управленіемъ Бѣгородскихъ архіереевъ.

А какъ къ подобнымъ памятникамъ относились другіе? Филаретъ жаловался: «Въ Бѣлгородѣ собраны были святителемъ Іоасафомъ *) старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ Польско-Литовскихъ типографіяхъ, но подозрѣнію въ ихъ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно въ главѣ соборной (бывшей кафедральной) церкви. Преосвященный Владиміръ **) приказалъ свезти ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычиа исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискивался я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украйны книгъ. Если такъ распорядился епископъ, что думать остается о священникахъ? По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ; но теперь ихъ уже нѣтъ: съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владиміра. Было же время непонятной страсти къ Европейскому и ненависти или пренебреженія къ Русскому! Все писанное на Французскомъ языкѣ казалось образцомъ ума и чуть не святымъ, а все, что писано было на Русскомъ, было предметомъ или насмѣшки, или холодности самой крайней *). Въ обзорѣннй 2-й части епархіи вышло довольно такого, что относится къ гражданской исторіи; я писалъ вамъ и собственное признаніе мое. Набѣги непріятельскіе, по моему, еще имѣютъ необходимое отношеніе къ положенію церкви; но эти набѣги вызвали за собою и кое-что другое. Остается сказать, что допущена нецривильность, но допущена, по многимъ частію мѣстнымъ, частію и общимъ причинамъ. Болѣе всего побуждала удерживать и кое-что гражданское новизна матеріаловъ, а потомъ увѣренность, что здѣшніе жители очень рады будутъ каждой новой вѣсти о своихъ предкахъ». Также точно и въ описаніе Черниговской епархіи вошло немало историческихъ повѣствованій о политическихъ событіяхъ.

*) Іоасафъ Горленко, котораго мощи почиваютъ подъ спудомъ въ Бѣлгородѣ.

**) Владиміръ Уживскій, впоследствии архіеп. Казанскій, скончался на покой въ Свіяжскомъ монастырѣ.

*) Любознательные соотечественники изошрялись въ изысканіи способовъ истребленія письменныхъ памятниковъ. Такъ, когда упраздненъ былъ Суражичскій монастырь (Черниговской губ.), архивъ его закопали въ землю, гдѣ онъ, конечно, и сгнилъ. Въ настоящее время и мѣсто это отыскать едва-ли возможно.

Настоящимъ трудомъ Филаретъ стяжалъ себѣ глубокую признательность. Тѣхъ свѣдѣній, какія удалось ему собрать 38 лѣтъ назадъ, теперь невозможно было бы и получить. Примемъ въ расчетъ, сколько архивныхъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, по позднѣйшему распоряженію, поступило въ продажу и исчезло. Припомнимъ, что Филаретъ воспользовался едва-ли не самымъ цѣннымъ для исторіи края матеріаломъ—фампильными бумагами и записками помѣщиковъ. Свѣдѣнія эти собирались имъ наканунѣ сильнаго экономическаго потрясенія дворянства, отъ котораго мало уцѣлѣло дворянъ въ ихъ насиженныхъ родовыхъ гнѣздахъ. Обездоленное дворянство разбрелось по лицу земли Русской въ погонѣ за хлѣбомъ. Этимъ кочевникамъ обновленной Россіи не до того уже было, чтобы носиться съ фамильными архивами и отцовскими записками. Имъ, пожалуй, скорѣе желалось забыть о своихъ родовыхъ преданіяхъ, чтобы легче примириться съ настоящимъ. А на ихъ гнѣздахъ между тѣмъ засѣли хищники, для которыхъ эти архивы имѣютъ лишь цѣну бумаги, продающейся на вѣсъ. И намъ извѣстно, какъ архивы знаменитыхъ людей шли на оклейку оконныхъ рамъ...

Къ тому же времени относится изданіе его «Бесѣдъ о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа». По свидѣтельству, извѣстнаго Петербургу, іеромонаха Сергіевой пустыни Пимена, Филаретъ писалъ эти бесѣды подъ вліяніемъ вдохновеній, вызывавшихся молитвою. О. Пимень, служившій при немъ въ Харьковѣ, читалъ обыкновенно ему вечернее правило. Филаретъ молился, потомъ начиналъ ходить по комнатѣ и садился затѣмъ писать эти трогательныя и возвышенныя бесѣды.

Въ Великій постъ Филаретъ заболѣлъ; но, не смотря на болѣзнь свою, не позволявшую ему покинуть постель, Филаретъ не переставалъ заниматься. Призвалъ онъ къ себѣ протоіерея о. Іоанна Шароцкаго. «Противу обычая, передаетъ такъ о. Іоаннъ, пригласили меня въ спальную комнату, которая была и его кабинетомъ. Преосвященный больной лежалъ на кровати, прикрытый одѣяломъ и съ какою-то книжкою въ рукахъ. Получивъ благословеніе владыки, я сталъ поближе къ нему, чтобы внимательнѣе выслушать его приказанія, такъ какъ у него былъ слабый голосъ. Преосвященный, съ трудомъ поднявшись на локоть, взялъ

со стола толстую рукопись и, подавая мнѣ, сказалъ: «На, прочитай и, если что замѣтишь. напиши на особомъ листѣ». Рукопись эта и была «Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа». Она прочтена мною со вниманіемъ и любовью и возвращена, какъ было мнѣ сказано». Не довольствуясь этимъ, Филаретъ посылалъ «Бесѣды» къ Горекому, прося его и инспектора просмотрѣть ихъ.

Въ тотъ же періодъ Харьковскаго служенія вышли въ свѣтъ его «Обзоръ Русской духовной литературы съ 862 по 1720 годъ (окончаніе этого труда Обзоръ отъ 1720 по 1858 и дополненіе по 1862 годъ изданы въ Черниговѣ), многія статьи, заключающія въ себѣ разныя историческія изслѣдованія, поученія, также два тома поученій, произнесенныхъ въ Ригѣ.

* * *

Ревностная дѣятельность Филарета не ослабляла его духовной связи съ Рижскою паствою. Да и могъ ли онъ, изстрадавшею душою сроднившись съ нею, не чувствовать этой связи? «Четыре года прошло», писалъ онъ 28 Іюля 1853 года изъ Харькова графу Д. Н. Толстому, «какъ изъ Риги не имѣю ни одной строки, за исключеніемъ пустыхъ, официальныхъ. Не порадуете ли меня какою-либо вѣстію о Ригѣ? Иначе что-то дико не знать ничего добраго. Что трудолюбивый и счастливый преемникъ Рижскій? Такъ много говорили объ его ловкости, о его умѣннхъ правительственномъ! Много успѣховъ? Ловить вѣтеръ! Знающіе его не ожидали большаго. Все это между нами, которые не даромъ же пили вмѣстѣ медъ полынный».

Правда, чрезъ два мѣсяца по отъѣздѣ оттуда Филарета, Рига напомнила ему о себѣ: отъ него потребовали объясненія по поводу извѣта князя Суворова. Позднѣе митрополитъ Московскій сообщалъ ему о повои сплетнѣ на него. Между прочимъ Митрополитъ шлетъ ему такой укоръ за рѣзкость его выраженій: «Можетъ быть скажете, что я слишкомъ нападаю на выраженія и тонъ рѣчи вашей. Если ошибаюсь,

простите; но скажу, почему это дѣлаю. Мнѣ кажется, что, по братолюбію, долженъ я нанести вамъ *язвы друга*, которыя, по слову писанія, *достовернѣе, нежели волныя лобзанія врага*, — именно обратить вниманіе на вашъ обычай выражаться очень рѣзко, и предложить вамъ, чтобы вы въ семь ограничили себя, потому что сіе можетъ причинять вредъ въ дѣлахъ и службѣ. Могу сіе доказать вашимъ опытомъ». Но прочтемъ и отвѣтъ самого Филарета митрополиту, которое познакомитъ насъ съ этимъ обстоятельствомъ. «У ногъ вашего высокопреосвященства испрашиваю прощенія въ грѣхахъ моихъ. Буду молить Господа, чтобы обуздалъ нетерпѣливость мою. Не могу на сей разъ ничего сказать о предметѣ, возбудившемъ послѣднюю нетерпѣливость. Надобно имѣть время, чтобы обдумать дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ велятъ смотрѣть на него. Другой предметъ поразилъ меня. «Вы рѣзкимъ и непокойнымъ тономъ написали о подсудимомъ священникѣ покойному графу Протасову. Вамъ въ отвѣтъ послали наставленіе, написанное свѣтскимъ человѣкомъ и подписанное митрополитомъ Антоніемъ и пр.» Эти слова вовсе непонятны. Если дѣло идетъ о несчастномъ священникѣ Назаревскомъ, то никогда никакого письма къ графу Протасову не писалъ я о немъ; равно никакого наставленія отъ митрополита Антонія по сему предмету не получалъ я. Истинно не понимаю, что это значить? Не только письма не писалъ, но даже ни полслова не говорилъ графу Протасову о Назаревскомъ. Ужели братъ мой *), который не разъ самъ просилъ меня сообщать ему совѣты и которому кромѣ любви никогда ничего не показывалъ я, рѣшился письмомъ, писанное братомъ къ брату, обратить въ дѣло формальное и вызывать начальника на судъ противъ меня? Къ нему точно писалъ я письмо о Назаревскомъ; но повторяю — писалъ по увѣренности въ братскихъ отношеніяхъ нашихъ между нами. Если онъ счелъ себя оскорбленнымъ, то оставалось бы сказать брату въ письмѣ: ты оскорбилъ меня, и только. Да онъ и писалъ мнѣ подобный отвѣтъ. Какія же причины заставили идти далѣе? Если онъ позволилъ себѣ такъ отплатить мнѣ за мое благорасположеніе, Господь проститъ его.

*) Говорится о братствѣ по церковно-служебному. Слова относятся къ преемнику его преосвящ. Платону.

Долженъ при томъ сказать, что письмо писано мною при первомъ извѣстїи о задержанїи Назаревскаго по доносу извѣстной мнѣ женщины (которую уже судить Господь). Когда же узналъ я, что въ дѣлѣ замѣшано и мое имя и отъ вашего в—ва получено мною въ отвѣтъ, что священникъ виноватъ: я даже мыслямъ моимъ не позволялъ себѣ болѣе пререкать сему дѣлу. Отъ митрополита Антонїя по сему предмету, повторяю, не получалъ я ни строки по сіе время. Одно письмо было писано ко мнѣ отъ него, велѣдствїе Высочайшаго повелѣнїя, съ вопросами. И то было спустя мѣсяца два по прїѣздѣ въ Харьковъ. Но это было особенное дѣло, дѣло странное. Имъ домогались погубить меня; но Господь, одинъ Господь спасъ меня. Я послалъ отвѣты на вопросы. Слышалъ послѣ, что повѣрили мои отвѣты въ Ригѣ и ничего не нашли противъ меня. По содержанїю дѣла надлежало бы представить дѣло Государю; но имѣю основанїе полагать, что оно, какъ непрїятное для доносителя, а не для меня, осталось безъ конца. Не могу не присовокупить при семъ моей исповѣди, что когда слышалъ я отъ архїепископа Арсенїя отзывъ вашего в—ва, что неуступчивъ я и рѣзокъ, то, вовсе не зная того, что теперь стало извѣстнымъ, согрѣшалъ я—обвинялъ и Муравьева въ наговорахъ. Что касается до Лифляндскаго дѣла, то въ первые годы по прїѣздѣ въ Харьковъ одно воспоминанїе о немъ приводило всѣ нервы мои въ сотрясенїе: такъ разстроены были весь организмъ мой муками, какія испытывалъ я семь лѣтъ сряду. Теперь благодарю, благодарю и хвалю безпредѣльное милосердіе Божїе, спасшее меня отъ тысячи бѣдъ. Упоминаю объ этомъ потому, что бѣдный братъ мой, еслибъ и видѣлъ въ письмѣ моемъ къ нему нѣкоторую жесткость, зная тогдашнее положенїе мое, долженъ бы былъ изъ сожалѣнїя къ калѣчеству моему простить меня. Еще болѣе долженъ бы тоже сдѣлать Протасовъ, которому ближе, чѣмъ кому-нибудь другому, извѣстно было мое положенїе. Много надлежало бы говорить, если-бы говорить о дѣлахъ сего человѣка; но онъ уже на судѣ Божїемъ. Да и мнѣ не слѣдуетъ говорить о себѣ».

Случай съ письмомъ представляетъ большую загадку. Намъ кажется, ее объяснить можно только слѣдующимъ образомъ: когда *братское* письмо было показано оберъ-прокурору, послѣдній просилъ митро-

полита Антонія сдѣлать внушеніе погорячившемуся архіерею. Митрополитъ Антоній согласился. Письмо Антонія очевидно было написано лицомъ близкимъ Митрополиту Филарету, быть можетъ А. Н. Муравьевымъ, который, зная его расположеніе къ Филарету и сообщилъ ему копію. Митрополитъ же Антоній, сострадая положенію Филарета и понимая всю неловкость давать официальное значеніе письму и установить тѣмъ пріемъ, непрacticуемый въ нашей церкви, письма не отправилъ.

Между тѣмъ обвиненіе от. Назаревскаго было возмутительное. В. Г. Назаревскій былъ одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московской духовной академіи, принявшій приглашеніе Филарета и вмѣстѣ съ о. Ѳомою Варпицкимъ, промѣнявшимъ ученую карьеру на скромное и трудное пастырское служеніе въ Ригѣ, Назаревскій сдѣлался близкимъ помощникомъ Филарета въ послѣдній годъ его служенія въ злосчастной епархіи. Потому-то неудовольствіе мѣстной власти къ Филарету въ сильной степени отражалось и на Назаревскомъ. И вотъ тотъ случай, который раздули чуть не до политическаго преступленія! По переводѣ Филарета въ Харьковъ онъ перевелъ туда и Назаревскаго, желая уберечь его отъ преслѣдованій. И какъ бы опасаясь, чтобы Назаревскій не попалъ въ сѣти, которыхъ избѣжалъ Филаретъ, онъ постоянно торопилъ его отъѣздомъ. «Пріѣзжай скорѣе въ Харьковъ. Миѣ хотѣлось, чтобы ты не слишкомъ медлилъ въ Ригѣ; этого требуютъ обстоятельства», писалъ Филаретъ. Предполагая, что денежные затрудненія Назаревскаго могутъ замедлить его переѣздъ, онъ заботился устранить и ихъ, а самъ какъ видно, не имѣлъ въ ту пору возможности помочь ему, а потому писалъ: «Что касается до путевыхъ издержекъ, то найми извозчиковъ, чтобы можно было расплатиться въ Харьковѣ. Здѣсь какъ нибудь расплатимся. Благословляю твою семью и жду тебя. При свиданіи поговоримъ. Обнимаю тебя любовію Христовой».

Но свиданію этому не суждено было состояться. 15 Января 1850 г. о. Назаревскій служилъ въ Ригѣ въ небольшой домово́й церкви Рижскаго архіерейскаго дома и, прощаясь съ Ригею, произнесъ проповѣдь на текстъ *«Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы»*. Про-

повѣдь эта и погубила его. Мы приведемъ изъ нея то именно ея мѣсто, коимъ воспользовались, чтобы вмѣнить эту проповѣдь въ вину о. Назаревскому, исказивъ и слова и смыслъ.

«Благодарю Господа, что мнѣ опредѣлено было промысломъ удостоиться сана священства въ то именно время, когда въ жителяхъ здѣшней страны созрѣло желаніе принять православную вѣру. Благодарю Господа, что я малый удостоился трудиться въ мѣру моихъ способностей и усердія для святого дѣла, подъ мудрымъ руководствомъ такого іерарха, какимъ былъ архипастырь Филаретъ. Не знаешь чему удивляться въ этомъ святителѣ? Удивляться ли его славнымъ дѣйствіямъ, которыя займутъ мѣсто въ исторіи отечественной нашей церкви, его неимоверному терпѣнію, его неутомимому трудолюбію, съ какими онъ въ короткое время успѣлъ приобрести для церкви десятки тысячъ (120000) новыхъ чадъ и устроить много православныхъ храмовъ въ здѣшнихъ предѣлахъ? Или лучше удивляться глубокому его смиренію, его кроткому молчанію, чрезъ которое наблюдательные всегда видѣли его тонкій, предусмотрительный умъ, соображавшій издалека начала съ послѣдствіями, способы съ цѣлями, предназначенія съ исполненіемъ. Такъ настоящій драгоценный металлъ познается умѣющими отличать его, въ какой бы оправѣ и видѣ онъ ни являлся. Какъ поучительна для насъ самая жизнь архипастыря! У него не нужно учиться обращенію, такъ называемому, свѣтскому; за то у него нужно было учиться преданности волѣ Божіей, христіанскому благочестію, которое у него выражалось во всемъ, въ жизни строго-подвижнической, болѣе слова назидательной, въ обращеніи съ другими, въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ, а особенно въ умиленномъ совершеніи богослуженія, гдѣ пролито предъ престоломъ Господа столько сердечныхъ слезъ, вознесено къ нему столько благоговѣйныхъ вожделѣній души и молитвенныхъ воплей о мирѣ, здравіи, спасеніи и благоденствіи пасомыхъ, о моемъ и твоёмъ, слушатель! Какая поучительная любовь его, любовь ко всѣмъ, любовь воспитанная духомъ Евангелія! Всякій, кто бы онъ ни былъ, знатный или простолюдинъ, богатый или бѣдный, знакомый или неизвѣстный, всякій могъ имѣть свободный къ нему доступъ, встрѣчалъ отъ него пріемъ добрый

и ласковый, и никому не было отказа, въ совѣтѣ-ли полезномъ, въ наставленіи ли добромъ и предостереженіяхъ—какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, въ защитѣ, ходатайствѣ, въ помощи или по крайней мѣрѣ въ сердечномъ участіи и благожеланіи. А благотвореніе нищимъ, состраданіе къ утѣсняемымъ составляли въ этомъ святителѣ не послѣднее достоинство. Трудившіеся для дѣла православія скажутъ: «онъ не щадилъ себя, своихъ трудовъ для насъ, готовъ былъ пожертвовать для насъ всѣмъ, когда мы находились въ запутанныхъ обстоятельствахъ». Мы наслаждались благодѣянiami этого незабвеннаго архипастыря и, можетъ быть, не умѣли достойно оцѣнить этого сокровища въ свое время; потому мы и лишились его съ тѣмъ, чтобы по времени познали ему цѣну. Желалъ бы я говорить объ отличномъ служеніи Христовой церкви словомъ и дѣломъ настоящаго нашего архипастыря; но это еще неблаговременно, доколѣ онъ здѣсь проходитъ свое служеніе». Далѣе проповѣдникъ указалъ на необходимость «молить Господа, чтобы святительскій духъ ихъ (архипастырей), ихъ правила, преподанныя въ словѣ и осуществленныя въ жизни, обратились въ жизнь и духъ нашъ».—«Молю и я, недостойный, прощаясь со здѣшнею паствой, чтобы онъ даровалъ ей во всякое время служителей церкви честныхъ, здравыхъ, усердныхъ въ проповѣданіи Евангельскаго ученія о вѣрѣ и благочестіи, ревностныхъ къ принятію въ нѣдра церкви ищущихъ для себя въ ней спасенія, попечительныхъ о возвращеніи на путь истины блуждающихъ на распутіяхъ. Въ здѣшней паствѣ особенно нужны пастыри ревностные, проникнутые духомъ православія, для охраненія нашей вѣры среди общества иновѣрныхъ. Исповѣдующіе здѣсь православную вѣру вмѣстѣ съ воспитаніемъ перенимаютъ отъ иновѣрцевъ не только языкъ, но и обычаи, нравы, приличія, привычки; все это само въ себѣ невинно и безвредно; но та здѣсь опасность, что вмѣстѣ съ этимъ незамѣтно вкрадываются самыя мнѣнія о вѣрѣ. Скажите гдѣ-либо, среди общества православныхъ, что всѣ вѣры одинаковы: васъ сейчасъ обличатъ за это; но здѣсь при смѣшеніи съ иновѣрцами, можно перѣдко слышать такое мнѣніе. Жалкіе! они вовсе не понимаютъ, что одна только Церковь истинная—православная, апостольская, соборная, въ ко-

торой, какъ въ сокровищницѣ, самимъ Духомъ Святымъ заключено здравое и чистое ученіе...». 15 Января, какъ сказали мы, произнесено было это теплое, казалось, никого не оскорблявшее слово, а 28 числа того же мѣсяца, прежде, чѣмъ успѣлъ проповѣдникъ покинуть Ригу, въ Святѣйшемъ Синодѣ состоялъ уже указъ, совершенно измѣнившій судьбу о. Назаревскаго. Указъ мы приведемъ цѣликомъ, такъ какъ въ немъ прописано отношеніе кн. Суворова, составленное, какъ сейчасъ-же можно замѣтить, тѣмъ же лицомъ, которымъ писано приведенное выше письмо Суворова къ Филарету. «Св. Прав. Синодъ слушали: во первыхъ предложеніе г. исправляющаго обязанность оберъ-прокурора дѣйст. стат. совѣтника и кавалера А. И. Карасевскаго, при которомъ предложено въ списокъ, на усмотрѣніе св. Синода, поступившее къ его сіятельству, г. оберъ-прокурору св. Синода, отъ г. генераль-губернатора Прибалтійскихъ губерній, отношеніе за № 150 слѣдующаго содержанія: «15 Января произнесена въ архіерейской домово́й церкви соборнымъ ключаремъ протоіереемъ Владиміромъ Назаревскимъ рѣчь, которая съ быстротою распространилась по городу и произвела сильное и пагубное впечатлѣніе не только *на всѣхъ* православныхъ, по и *на всѣхъ иновѣрцевъ*. Подробности рѣчи этой уже сообщены мѣстному преосвященному, который въ это время находился въ С.-Петербургѣ и, вѣроятно, не безызвѣстны вашему сіятельству. Я умалчиваю о выходахъ, лично противъ меня направленныхъ, онѣ не въ первый разъ произносятся (!) и какъ прежде, такъ и нынѣ я оставляю ихъ совершенно безъ вниманія. Не коснусь въ подробности и тѣхъ выраженій, коими православный священникъ вызывалъ православныхъ на нравственную брань противъ иновѣрцевъ, внушалъ имъ недовѣріе къ согражданамъ своимъ и не только требовалъ отъ православныхъ чадъ своихъ удаляться отъ всѣхъ иновѣрцевъ, но чтобы они въ томъ же духѣ воспитывали и дѣтей своихъ. (?). Я въ этихъ рѣчахъ *не обвиняю лично отца Влади́мира. Онъ дѣйствовалъ въ духъ, внушенномъ ему бывшими его начальниками* (?), расположеніе коихъ онъ симъ путемъ полагалъ еще болѣе утвердить за собою. *Онъ долженъ былъ возстать противъ слова мира и любви христіанской, провозглашаемыхъ въ храмахъ*

Божіихъ и виѣ оныхъ начальникомъ его епископомъ Рижскимъ; въ не-
 мощности своей протоіерей Назаревскій воспользовался отъѣздомъ мѣст-
 наго преосвященнаго для произнесенія рѣчи, наполненной наставленіями,
 противными наставленіямъ викарнаго его начальника, не согласными ни
 съ дѣйствіями, ни съ чувствами кротости и христіанской любви мѣст-
 наго преосвященнаго. Тутъ является, по моему мнѣнію, главнѣйшая вина
 протоіерея Назаревского, вина неоправдываемая никакою дисциплиною —
 ни гражданскою, ни духовною. Вина эта отличается еще слѣдующими
 обстоятельствами: слово о. Владиміра произнесено въ собственной домо-
 вой его преосвященства церкви. Мнѣ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ духо-
 венству предоставляется право въ рѣчахъ, произносимыхъ въ церквахъ,
 говорить о дѣйствіяхъ своихъ пачальниковъ, но во всякомъ случаѣ въ
 глазахъ моихъ въ высшей степени неумѣстно, чтобы дозволено было
 протоіерею Назаревскому, при восхваленіи двухъ бывшихъ Рижскихъ
 епископовъ (Иринарха и Филарета), умалчивать о нынѣшнемъ (?) и
 заключить рѣчь свою желаніемъ, чтобы православные въ Лифляндіи
 послѣ геніальнаго сѣятеля православія Иринарха и украшеннаго всѣми
 добродѣтелями, кромѣ свѣтской тонкости, Филарета (ну, ни дать, ни
 взять выдержка изъ нѣмецкой статьи!), получили подобнаго имъ архи-
 пастыря, который, какъ и они, оградилъ бы овецъ стада своего. Съ
 истиннымъ восторгомъ я оцѣниваю возвышенныя чувства кротости и
 христіанскія добродѣтели здѣшняго епископа, и тѣмъ менѣе могу допу-
 стить, чтобы въ отсутствіе его кто либо осмѣливался публично произ-
 вести малѣйшее недоброжелательное о немъ слово. Я знаю, что лич-
 ныя добродѣтельныя качества преосвященнаго не могутъ быть помрачены
 никакими происками нигдѣ и никогда: но ваше сіятельство раздѣлите
 со мною мнѣніе о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое должно
 произвести на умы не только иновѣрцевъ, но и самихъ православныхъ,
 слово подчиненнаго священника не только противъ дѣйствій, но и про-
 тивъ личности (?) начальника своего. Въ личномъ объясненіи со мною
 протоіерей Назаревскій приписывалъ выставленныя мною обстоятельства
 недоразумѣніямъ съ одной стороны, а съ другой — перетолкованіемъ словъ
 недоброжелателями его (орудіями интриги), но тѣмъ не менѣе я не могу

скрыть предъ вами, м. г., что въ общественномъ мнѣніи слово, произнесенное протоіереемъ Назаревскимъ, произвело впечатлѣніе выше сего мною выставленное. Хотя я убѣжденъ, что здѣшній преосвященный, по извѣстной мнѣ добротѣ души своей, и проститъ раскающагося виновника, и хотя я съ моей стороны не желаю несчастія протоіерею Назаревскому, котораго считаю орудіемъ, употребленнымъ личными недругами, какъ моими, такъ и здѣшняго преосвященнаго (?), и, къ сожалѣнію, можетъ быть, и общественнаго спокойствія въ Лифляндіи (опять излюбленная ссылка Лифляндскихъ начальниковъ!), но за всѣмъ тѣмъ предоставляю усмотрѣнію вашего е—ва, можетъ ли остаться настоящій случай безъ послѣдствій и въ особенности не слѣдуетъ ли со всею строгостію сдѣлано быть внушеніе 'всѣмъ духовнымъ лицамъ въ Лифляндіи о преступленіи предѣловъ подчиненности и права произнесенія рѣчей, имѣющихъ предметомъ разсмотрѣніе официальныхъ дѣйствій правительства и начальствующихъ лицъ». Приказали: Св. Прав. Синодъ, по внимательномъ (?) разсмотрѣніи означенныхъ бумагъ, находить, что протоіерей Назаревскій, рѣшившійся произнести безъ всякаго дозволенія, безъ просмотра цензуры и въ отсутствіи вашего преосвященства, въ домової вашей церкви рѣчь, наполненную непринадлежащими ему сужденіями и возбуждавшую непріятное впечатлѣніе и толки, за одну уже такую рѣшимость подлежить строгому взысканію и вслѣдствіе того опредѣляетъ: запретивъ ему священнослуженіе, отправить его немедленно для содержанія впредь до рѣшенія дѣла о немъ, въ одинъ изъ Псковскихъ монастырей, по усмотрѣнію вашего преосвященства, и между тѣмъ предписать вамъ, по истребованіи отъ Назаревскаго и др. лицъ объясненій, представить оныя въ Св. Синодъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе, съ своимъ заключеніемъ, о чемъ и послать вашему преосвященству указъ. Января 28 дня 1850 года.

Изъ этого указа мы видимъ, сколько неправды, намѣренной лжи и клеветы было въ сообщеніи генераль-губернатора. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о беззащитности не только новыхъ чадъ православной церкви въ Лифляндіи, но и всѣхъ служившихъ церкви и отечеству. По голословному обвиненію, не разслѣдовавъ, не истребовавъ объясненій, ли-

шаютъ права священнодѣйствія и заточаютъ въ монастырь. И жертвовали человѣкомъ, его репутаціей, его спокойствіемъ, его здоровьемъ и всѣмъ благополучіемъ семьи только для того, чтобы бросить лишнюю тѣнь на Филарета, который лежалъ поперегъ дороги передъ притязательностью бароновъ. Да, дѣйствительно это было дѣло *странное*, какъ замѣтилъ Филаретъ, странное до такой степени, что, читая, не вѣришь. Мы не знаемъ, насколько имѣла успѣхъ «всепрощающая кротость и любовь» новаго архипастыря, засвидѣтельствованная кн. Суворовымъ; но жизнь въ Спасо-Миронскомъ монастырѣ, указанномъ по его выбору была такова: «въ зимнее время ветхія каменные келіи были нестерпимо холодны и сыры и отапливались скудно, черезъ два три дня, (зимою-то на сѣверѣ!) а въ весеннее время отъ разлитія рѣки Великой нижній этажъ жилыхъ зданій монастыря въ продолженіи болѣе недѣли весь былъ залитъ водою на четыре аршина, такъ что съ верхняго этажа, гдѣ я былъ помѣщенъ, никуда нельзя было укрыться отъ холода и сырости; до церкви же нужно было плыть по монастырскому двору на лодкѣ. Содержаніе въ такомъ монастырѣ сперва въ холодное, а потомъ въ сырое время года погубило мое здоровье». Такъ страдалецъ, о. Назаревскій, описывалъ свое положеніе. А что онъ долженъ испытать за семью и сколько семья изстрадастся за него?! Для насъ удивительно и то, какъ могли вмѣнить въ вину о. Назаревскому произнесеніе имъ проповѣди въ церкви архіерейскаго дома и безъ одобренія цензуры, когда его прямому начальнику было извѣстно, что первое узаконено было обычаемъ, а цензоромъ былъ самъ Назаревскій.

Правда, это не единственная печальная для насъ страница въ исторіи нашего отечества. Мы знаемъ, что сто лѣтъ ранѣе, при царицѣ Аннѣ, архіепископъ Тверской Теофилактъ Лопатинскій за то, что подъ его руководствомъ (по благословенію Св. Синода) изданъ былъ «Камень вѣры», обличавшій лютеранство, по лишеніи сана, томился въ Петропавловской крѣпости. А каково было его помѣщеніе, можно судить потому, что когда его черезъ 8 лѣтъ, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, освободили еле живаго, 153 экземпляра «Камня вѣры», брошенные вмѣстѣ съ нимъ въ подвалъ, истлѣли! Изстрадавшійся старецъ имѣлъ та-

кой видъ, что царевна Елисавета Петровна, прѣхавшая его навѣстити, не могла на него смотрѣть и прослезилась.

Такое давленіе вѣмцевъ не только на сферу государственнаго управленія, но на русскій народный духъ, на русскую церковь, на народную совѣсть представляетъ далеко не случайное явленіе. Вотъ почему признательность русскаго народа за освобожденіе Россіи отъ пагубной для нея опеки, (если не сказать плѣна) безпредѣльна.

Наученный опытомъ, Филаретъ предупреждалъ неоднократно о Назаревскаго быть особенно осторожнымъ. «Даже митрополитъ Кіевскій», писалъ онъ послѣ свиданія съ Кіевскимъ Филаретомъ, «опасается того, чтобы за правое слово не метили люди, подобные Суворову». Говоря о своемъ преемникѣ, онъ давалъ искренній совѣтъ: «не обнаруживай въ отношеніи съ нимъ короткости ко мнѣ и къ нему. Причина понятна. здѣсь, конечно, намекъ на преслѣдованіе мѣстной власти. Старайтесь особенно о томъ, чтобы о близости нашей къ нему, если будетъ продолжаться, не зналъ С—въ. Будь пожалуйста, спокойнѣе, не давай воли чувствамъ. Равно старайся, какъ можно болѣе хранить молчаніе. Скучно, больно станеть на душѣ, помолись Господу. Тамъ за каждую каплю слезъ встрѣтишь радость. Обнимаю тебя любящею душею!»

Эта теплая, можно сказать, трогательная забота Филарета о Назаревскомъ восполняетъ ту черту его характера, которой коснулись мы при повѣствованіи о Рижскомъ его служеніи: оберегать отъ гоненій, служащихъ русскому дѣлу и церкви, подставляя себя подъ выстрѣлы враговъ православія.

Черезъ полгода о. Назаревскій, которому было вмѣнено содержаніе въ монастырѣ въ наказаніе, былъ назначенъ на должность приходскаго священника на его родинѣ въ Тульской губерніи, подъ строгимъ приглядомъ. «Розыски» о немъ и Филаретъ ни къ чему не привели и ничего не дали, потому что ничего и не могло оказаться. Но между тѣмъ дѣло было представлено въ такомъ видѣ, что осторожный и испытанный интригами Московскій святитель заставилъ Филарета отказаться отъ ходатайства о. Назаревскомъ. И только позднѣе, когда суть всего дѣла дошла до него въ настоящемъ свѣтѣ, быть можетъ, черезъ епи-

скопа Тульскаго Димитрія, принимавшаго участіе въ Назаревскомъ, онъ перевелъ его въ Москву, сдѣлалъ профессоромъ, поручилъ ему завѣдывать своею перепискою съ восточными патріархами и назначилъ его на прекрасный приходъ. Не могъ онъ только возвратить ему здоровья, пострадавшаго отъ монастырскаго заключенія.

Вообще скудно доходившія изъ Риги вѣсти, какъ видно, мало утѣшали Филарета. Такъ писалъ онъ Горскому: «Что дѣлается въ Лифляндіи? Мало имѣю свѣдѣній. Впрочемъ вы знаете преемника моего. Господи, даждь ми зрѣти моя согрѣшенія».

*
* * *

Облагодѣтельствованный Филаретомъ, Хорошевскій монастырь приносилъ много ему горя. Нѣкоторыя сестры монастыря были недовольны общежитіемъ, требующимъ смиренія. На бѣду почтенная игуменія монастыря Анатолія Веревкина скоро скончалась. «Смерть почтенной матери Анатоліи очень опечалила меня», писалъ Филаретъ Иннокентію. Онъ обратился къ преосвященному Симбирскому съ просьбой уволить для Хорошевской обители Симбирскую игуменію Серафиму, но преосвященный Симбирскій ему въ томъ отказалъ. Просьбу свою онъ объяснялъ такъ Иннокентію: «я имѣлъ на это особенныя причины, именно необходимость, чувствуемую всѣми здѣшними, чтобы въ Хорошевѣ было общежитіе, для заведенія котораго необходима настоятельница, способная начать и привести къ окончанію дѣло общежитія, а такова извѣстна мнѣ Серафима». Поневолѣ Филарету пришлось предоставить выборъ сестрамъ монастыря изъ своей среды. Но онѣ избрали, вовсе не желаемую для Филарета, монахиню Палладію «Хорошевскія тянутца и шумять по обычаю бабъ», писалъ онъ Иннокентію. «Думалъ, думалъ и вотъ что сдѣлалъ. Взялъ съ собой Матвѣя Алексѣевича (брата Иннокентія) и Ник. Ник. Романовскаго и, отправясь въ Хорошевъ съ ними, поставилъ въ игуменіи Анатолію, но не Палладію, которую избрали крикуны». Тогда же онъ назначилъ благочиннымъ обители архимандр.

Арсенія, какъ опытнаго учредителя общежитія въ Святогорьи, поручилъ ему руководить въ этомъ дѣлѣ назначенную имъ игуменію. Послѣдней же онъ далъ слѣдующую инструкцію: 1) поставить въ непремѣнную обязанность игуменіи Анатоліи и старшимъ сестрамъ обители, дабы самая первая забота ихъ обращена была на скорое заведеніе общей трапезы, о чемъ было уже предписываемо мною; 2) внимательно надзирать, дабы живущіе въ обители, какъ посвятившія себя Богу, неопустительно ходили въ храмъ Божій въ установленныя церковью времена Богослуженія какъ и на слушаніе монастырскаго правила, не внимающихъ своему спасенію матерински увѣщивать, а когда стали бы невнимать увѣщанію любви, вразумлять строго; 3) позволять отлучаться въ городъ изъ обители не иначе, какъ для благословныхъ нуждъ и при томъ молодыхъ послушницъ отпускать не иначе, какъ въ сопровожденіи старшихъ, а не одиѣхъ; 4) желающимъ поступить въ обитель, не позволять жить за стѣнами обители, и изъ тѣхъ, которыя живутъ уже тамъ, оставить жить только самыхъ благонадежныхъ до времени, пока можно принять въ ограду обители, прочимъ же приказать удалиться по избранію воли».

Но дѣла монастыря шли плохо: въ монастырскомъ хозяйствѣ былъ непорядокъ, а во внутренней жизни царилъ попрежнему произволъ. Игуменія Анатолія не оправдала ожиданій Филарета. Не сочувствуя правиламъ общежитія, она первая ставила имъ противодѣйствіе. Уволивъ казначею Смараду и назначивъ на ея мѣсто монахиню Антонину Чубарову, Филаретъ далъ предложеніе консисторіи: «Поелику предписаній моихъ доселѣ не начинали исполнять, то объявить указомъ игуменіи и сестрамъ, что сопротивляющихся правиламъ общежитія, которыя принимающія монашество обязываются соблюдать непремѣнно до гроба, и разрушающихъ порядокъ монашества начальство вынуждено будетъ объявить недостойными пребыванія въ монастырѣ семъ, если векорѣ не увидимъ раскаянія». Но такая угроза не подѣйствовала на упорныхъ въ своеволіи монахинь. Тогда Филаретъ предписалъ благочинному обязать монахинь подписками подчиниться правиламъ общежитія. Многія монахини отказались дать такую подписку. Такъ прошелъ годъ.

Филаретъ не могъ далѣе допускать такого своеволія и безпорядка въ обители, въ жизни которой главное условіе—смиреніе и послушаніе. Онъ убѣдилъ Анатолію отказаться отъ должности игуменіи и на ея мѣсто опредѣлилъ казначею Антонину Чубарову. Побужденіемъ къ такому назначенію послужило, по словамъ Филарета, то, что онъ призналъ ее «одною изъ лучшихъ сестеръ Хорошевскаго монастыря по образованію, опытности и строгой монашеской жизни». Таковою дѣйствительно и была Антонина. Она много принесла пользы монастырю, неуклонно выполняя указанія своего архипастыря. Но уже одно ея назначеніе усилило смуту въ монастырѣ, чему способствовала уволенная Филаретомъ бывшая игуменія Антонина, увѣрявшая сестеръ, что она пострадала, защищая ихъ интересы и привычныя порядки, противодѣйствуя нововведеніямъ. По подстрекательству ея монахини составили изъ среды своей депутацію, во главѣ которой, какъ старшая, была Палладія, и отправили ее къ Филарету съ просьбой: возвратитъ имъ прежнюю игуменію. Филаретъ принялъ Палладію. Разъяснивъ, со строгимъ внушеніемъ, неумѣстность ихъ поступка, приказалъ возвратиться въ монастырь и пребывать въ полномъ послушаніи новопоставленной игуменіи. Понимая, что неопредѣленное положеніе послѣдней, поддерживая несбыточныя надежды у монахинь, должно питать смуту, онъ вызвалъ настоятельницу въ Харьковъ и, не дожидаясь указа Святѣйшаго Синода, посвятилъ ее въ игуменіи. Затѣмъ распорядился, чтобы благочинный отправился въ монастырь, созвалъ всѣхъ сестеръ въ церковь, отслужилъ молебень, объявивъ, что Антонина посвящена въ санъ игуменіи и прочиталъ имъ отъ него слѣдующее предостереженіе: «По нѣсколькимъ опытамъ замѣченъ мною въ Хорошевскихъ обитательницахъ духъ своеволія, совершенно несообразный съ обѣтами монашества, почему внушается имъ за первое правило принять для себя—исправиться въ сей тяжелой слабости. Пусть придуть въ себя и не выпускаютъ изъ вниманія, что такъ какъ неповиновеніе начальству есть разрушеніе самого монашества, то начальство, обязанное охранять правила и достоинство монашества, впредь вынуждено будетъ наказывать каждый поступокъ противъ обѣтовъ послушанія снятіемъ сана монашескаго съ виновной или

изгнаніемъ изъ обители, дабы такимъ образомъ возстановить, по возможности, разрушенный въ Хорошевской обители порядокъ монашества». Но строгость Филарета увеличивала ропоть и негодованіе жительницъ обители, прикрывавшихъ черною рясою упорное своеволие и безчинство. До чего дошла дерзость ихъ, можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Разъ въ храмовой праздникъ Филаретъ назначилъ свое служеніе въ монастырѣ. Келія игуменіи была снесена для вновь строившагося корпуса. Для приѣма владыки игуменія распорядилась приготовить номѣщеніе въ келіи монахини Порфиріи, которая по уговору другихъ сестеръ, отказала уступить свою келію. На рапортѣ о поступкѣ Порфиріи Филаретъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Грубую, непослушную и глупую Порфирію поставить на поклоны въ храмѣ съ тѣмъ, чтобы въ три праздничныя служенія клала каждый разъ по 300 земныхъ поклоновъ. При семъ внушить ей въ слухъ прочихъ, что за ея непослушаніе къ игуменіи и грубую дерзость подлежало бы лишити ее монашества и выбросити за ограду монастырскую, но наказаніе полагается не по преступленію, а по вниманію къ старости и малоумію ея. Духовнику монастыря, іеромонаху Макарію, внушити въ обязанность употребити все стараніе о водвореніи страха Божія въ сердцахъ жительницъ Хорошевской обители, у которыхъ такъ мало его и о внушеніи имъ монашескихъ правилъ безпрекословнаго послушанія, вниманія къ себѣ и своимъ грѣхамъ, къ молитвѣ и уклоненію отъ празднословія». Иннокентію писать Филаретъ: «Если есть ропщущія на общую трапезу, то прежде спрашивается: кто это люди? тѣ-ли, которыя участвуютъ въ общей трапезѣ? Нѣтъ, онѣ благодарятъ Господа за свою долю. Кто-же ропщущія? Это избранныя изъ тѣхъ, которыя по желанію своему не участвуютъ въ трапезѣ. Судите, не дикій-ли это ропоть? Не оказываютъ ли довольно благодушія и благоразсужденія, если и такихъ людей оставляютъ въ покоѣ, не касаясь ихъ даже розгою, не только тростью суда? Если же есть и между этими и такія, которыя самое снисхожденіе къ нимъ обращаютъ въ поводъ къ ожесточенію, къ злости, то что съ ними дѣлать? Тяжелый вопросъ» Но Филаретъ не подозрѣвалъ того, что поводъ къ ожесточенію давалъ не одинъ уставъ общежитія, а давали строгость и несправедли-

вость лицъ, которымъ поручено было Филаретомъ дѣло и которыя не оправдывали его довѣрія. Игуменія Антонина, много помогавшая Филарету въ его трудахъ по устройству монастыря, снискала тѣмъ его довѣріе и уваженіе къ себѣ. Но, опираясь на такое расположеніе Филарета, она позволяла себѣ явныя несправедливости въ отношеніи монахинь, преувеличивая въ глазахъ Филарета ихъ проступки. Главною помощницей ея была казначея Елисавета. Это была родственница Филарета, съ юныхъ лѣтъ бывшая при ней келейницей въ одномъ изъ Тамбовскихъ монастырей. Ее Антонина взяла съ собою въ Хорошевъ, куда сама была вызвана Филаретомъ. Филаретъ отнесся къ ней съ расположеніемъ и посвятилъ ее въ монахини. Привязанность и довѣріе къ ней Антонины, а быть можетъ и расчетъ угодить тѣмъ владыкѣ побудили послѣднюю ходатайствовать о назначеніи ее казначеей, что охотно Филаретъ и исполнилъ. Опираясь на родство свое съ владыкой, Елисавета гордо держала себя передъ другими сестрами, пользовалась особыми удобствами, а ея капризамъ и своеволію иногда и сама игуменія приуждена была подчиняться. Когда все это открылось передъ глазами Филарета, онъ писалъ Иннокентію: «Извѣстно по отвѣту, что родственники вездѣ и для всеѣхъ преосвященныхъ ничего болѣе не приносили кромѣ скорбей, по милости страстей человѣческихъ».

Родство Филарета съ Елисаветой было близкое. Она была двоюродною ему сестрою по своей матери. Потому-то онъ принималъ особое участіе, во всей ихъ семьѣ. Ея отца онъ выкупилъ у Нарышкина, о чемъ говорено выше. Брата ея Ивана онъ, замѣтивъ способности его къ живописи, помѣстилъ въ Академію Художествъ, давъ ему средства окончить курсъ. По окончаніи курса, онъ посвятилъ его въ Ригѣ въ діаконы въ Покровскую церковь. Въ Ригѣ онъ оставилъ по себѣ память, написалъ всѣ иконы въ архіерейскую церковь. По переводѣ Филарета въ Харьковъ, онъ вызвалъ его туда и посвятилъ во священники, въ сел. Деркачи, гдѣ вскорѣ, однако, онъ умеръ.

Игуменія Антонина держала себя далеко отъ сестеръ, была мало доступною. Видя во многихъ монахиняхъ враговъ своихъ и подозрѣвая ихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшею игуменіей Анатоліей, она до-

билась у Филарета воспрещенія монахинямъ входа къ Анатоліи. Хотя такое воспрещеніе не противорѣчило строгому монастырскому уставу, но въ стѣнахъ монастырскихъ допускались бесѣды монахинь между собою, а потому принужденное затворничество Анатоліи еще болѣе возмутило ее и сестеръ. Въ Сентябрѣ 1852 года, когда Императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Чугуевъ, Анатолія, безъ вѣдома игуменіи, отправилась туда, съ цѣлью лично подать жалобу на Филарета Государю. Конечно, Филарету это могло грозить непріятностью, такъ какъ подобная жалоба шла въ тонъ тѣмъ обвиненіямъ, которыя ввозили на него недавно рижскія власти. По этому-то Филаретъ не могъ отнестись равнодушно къ случившемуся. «Несчастная Анатолія, писалъ онъ Романовскому, надѣлала опять кутерму и даже не одну.» Но молитвы его были услышаны и Богъ отвелъ бѣду. Анатолія, какъ отвѣтилъ на отношеніи консисторіи начальникъ военнаго округа Энгельгардъ, пріѣхавъ въ Андреевку къ своему родственнику, маіору Р., заболѣла и пролежала тамъ все время пребыванія Государя. Но Филаретъ боялся довѣриться такому сообщенію и посылалъ лично соборнаго ключара Мелимовскаго лично удостовѣриться въ истинѣ сообщаемого.

Однако какъ этотъ случай, такъ и вообще дурное вліяніе Анатоліи на сестеръ монастыря дѣлали естественнымъ желаніе Филарета освободить отъ нее хорошевцевъ, почему онъ и перевелъ ее въ Никольскій монастырь. Но это распоряженіе такъ напугало никольскую игуменію Эмилию, что она вошла съ ходатайствомъ, прося избавить ее отъ неспокойной сестры. Филаретъ на этомъ прошеніи положилъ слѣдующую резолюцію: «Поелику игуменія Эмилія въ прилагаемой просьбѣ просить освободить монастырь ея отъ такой чумы, какова Анатолія, то остается опредѣлить слѣдующее: 1) Объявить Анатоліи черезъ духовника, іеромонаха Макарія, что если она хочетъ оставаться въ Хорошевѣ, то обязалась бы поднискою оказывать полное послушаніе настоятельницѣ, и никогда не дѣлать ей никакой дерзости и грубости, не нарушать порядка и покоя болтовней, не дѣлать ничего вопреки настоятельницѣ, тѣмъ болѣе не отлучаться изъ монастыря, вообще же не дѣлать ничего подобнаго тому, что дѣлала дурного, съ обязательствомъ оставить въ противномъ

случаѣ Хорошевѣ и удалиться въ другую епархію. 2) Заставить ее, монахиню Анатолію, въ храмѣ при всѣхъ сестрахъ, послѣ того какъ положить 500 земныхъ поклоновъ, испросить у настоятельницы прощеніе въ нанесенныхъ ей оскорбленіяхъ. 3) Сестрамъ въ томъ же храмѣ объявить, чтобы впредь болтовни глупой и злой старухи не слушали и не смущали бы тѣмъ души своей, а въ молчаніи занимались молитвой и тѣми вѣстями, которыя принесены къ намъ съ Неба въ священномъ писаніи, между прочимъ и того, что грѣшниковъ ожидаетъ огонь не угасающій. Дать знать и благочинному о семъ, дабы при случаяхъ вразумлялъ глухихъ людей.»

Послѣ столь строго внушенія, еще разъ доказавшаго, что Филаретъ не думаетъ отступать отъ своего рѣшенія—водворить въ монастырѣ порядокъ, Анатолія утихла, стихли нѣсколько и монахини и монастырскія волненія. Но Анатолія, бывъ игуменьей, конечно составила себѣ знакомства въ городѣ, имѣли и сестры своихъ доброжелателей и покровителей, которыхъ не мало могла возмущать строгость Филарета въ отношеніи ихъ кліентовъ. А потому и въ городѣ замѣчалось неудовольствіе на Филарета, что къ тому же поддерживалось несправедливостью, пристрастіемъ и даже нѣкоторыми злоупотребленіями со стороны новой игуменіи Антонины и казначеи Елисаветы. Къ сожалѣнію, Филаретъ узналъ объ этомъ поздно. Такъ, напримѣръ, игуменія требовала, вопреки прямому указанію Филарета, чтобы общественную работу исполняли три дня въ недѣлю не только тѣ монахини, которыя пользовались общею трапезой, но и не пользовавшіяся ею. Филаретъ дѣлалъ значительные заказы: вышивать митры, облаченія и щедро платилъ, приказавъ деньги эти выдать въ пользу трудившихся. Но игуменія съ казначеей деньги эти дѣлили между собою, а трудившихся игуменія заставляла, при пріѣздѣ Филарета, благодарить его за щедрое вознагражденіе. Филаретъ былъ доволенъ и не подозрѣвалъ обмана. Опытный и осторожный Митрополитъ Московскій, слѣдившій зорко за административною дѣятельностью своего любимца въ Харьковѣ, писалъ ему въ предостереженіе: «О монахахъ епископу пецись должно; но способъ попеченія надобно соображать съ обстоятельствами времени и мѣста. Въ управленіи жен-

скими монастырями меньше удобства входить близко, и здѣсь труднѣе выборъ начальствующихъ; здѣсь нужна особенная осторожность». Совѣтъ мудрый; но система, рекомендуемая Митрополитомъ свидѣтельствуесть кромѣ житейскаго опыта и о чисто субъективныхъ его свойствахъ. Пылкій, горѣвшій ревностью къ церкви, Филаретъ не могъ довольствоваться тихою работою устроения; да и для самаго успѣха дѣла въ Харьковѣ нужно было сдѣлать крутой поворотъ, не уступая передъ голосомъ воцарившагося тамъ своеволія. Къ сожалѣнію, Филаретъ не сошелся съ представителемъ власти въ краѣ съ ген.-губернаторомъ Кокоскинымъ. Было ли тому причиною неблагопріятное для Филарета предупрежденіе Кокоскина—неизвѣстно. Изъ образа дѣйствій послѣдняго вѣрнѣе предполагать желаніе завоевать большую область власти—недугъ властолюбія. Во всякомъ случаѣ въ отношеніяхъ къ Филарету постоянно со стороны Кокоскина замѣчались недоброжелательства и придирки. Началось съ того, когда Филаретъ окончилъ зданіе училища дѣвицъ духовнаго званія, онъ наканунѣ освященія этого зданія получилъ отъ Кокоскина оффиціальныя запросы: что за зданіе выстроено и съ чьего разрѣшенія? Отписаться Филарету было нетрудно: зданіе построено въѣ города, на землѣ кладбищенской, состоявшей въ исключительномъ вѣдѣніи епархіальной власти, строилось епархіальнымъ архитекторомъ съ разрѣшенія Св. Синода. Вотъ другой случай: лѣтъ еще за пять до назначенія Филарета въ Харьковъ въ Св. Синодѣ состоялось опредѣленіе о постройкѣ въ городѣ каменной часовни Харьковскимъ монастыремъ. Опредѣленіе до Филарета оставалось неисполненнымъ. Заботясь объ увеличеніи средствъ благодѣтельной имъ обители, Филаретъ рѣшилъ, немедля, исполнить синодское опредѣленіе, а потому вошелъ съ ходатайствомъ къ ген.-губ. Кокоскину о разрѣшеніи поставить часовню на Михайловской площади, обширной и свободной. Кокоскинъ отказалъ безъ основанія, предоставивъ избрать другое мѣсто. Филаретъ указалъ еще нѣсколько мѣстъ; по Кокоскинъ не согласился ни на одно изъ предложеній. Тогда Филаретъ просилъ его самого указать мѣсто для часовни. Кокоскинъ указалъ на мѣсто близъ Муроносицкой церкви. Но мѣсто это по многимъ причинамъ было совершенно неудобнымъ, а главное

здѣсь предполагалось провести московское шоссе, что вскорѣ и исполнено, и часовня должна бы подлежать снесенію. На это неудобство Филаретъ указалъ Кокоскину, но не получилъ и отвѣта. Дѣло разрѣшено уже по переводѣ Кокоскина, и часовня поставлена на мѣстѣ, первоначально указанномъ Филаретомъ. Въ требованіяхъ своихъ Кокоскинъ не былъ умѣренъ; и Филаретъ въ угоду ему, послѣ обзора епархіи, долженъ былъ къ нему являться. Такъ писалъ Филаретъ Романовскому: «къ удивленію услышалъ я, что онъ (Кокоскинъ) сердится за то, что я не былъ у него съ визитомъ по возвращеніи ихъ епархіи. Я не хотѣлъ вѣрить по многимъ причинамъ, но Суханова (помѣщица Старобѣльскаго уѣзда) увѣрила въ этомъ и надобно было видѣться, что было не легко. При свидѣніи оказалось, что вѣсть невѣроятная была справедлива. Такъ водится въ свѣтѣ. Чудные люди». Въ Августѣ 1852 г. онъ обзрѣвалъ Старобѣльскій уѣздъ и освящалъ церкви въ с. Богодаровкѣ Изюмскаго уѣзда. Владѣлецъ села, очень почтенный помѣщикъ Иванъ Петровичъ Плещеевъ на устройство храма употребилъ изъ собственныхъ средствъ 100 т. р. и завѣщалъ 15 т. на ея поддержаніе. Филаретъ послѣ освященія не оставался тамъ, а въ письмѣ къ Романовскому объяснилъ такъ причину послѣдшаго отъѣзда. «Если я послѣдствовалъ уѣхать изъ Богодаровки, этому виною, не скажу—обстоятельства, а мои мысли объ обстоятельствахъ. Впрочемъ мысли мои не оказались невѣрными. По возвращеніи въ Харьковъ, я нашелъ сильное негодованіе противъ себя въ Кокоскинѣ. За что бы вы думали? За то, какъ отзывался онъ вслухъ многихъ, что я слишкомъ много уважаю «Потемкину» въ оскорбленіе уваженію, какое долженъ оказывать къ нему представителю Государя». Филаретъ не успѣлъ изъ этого объѣзда возвратиться ко дню коронаціи, къ 22 Августа. И вотъ на другой день по его возвращеніи онъ получаетъ отъ Кокоскина сообщеніе, что въ высокотожественный день священнаго коронованія служилъ одинъ изъ архимандритовъ и пѣли «какіе-то частныя пѣвчіе въ самомъ неопрятномъ и безобразномъ видѣ и въ числѣ ихъ булочникъ Смирновъ». Филаретъ сдѣлалъ замѣчаніе соборному ключарю и благочинному, предложилъ консисторіи, чтобы впредь не были приглашаемы въ соборъ частныя

пѣвчіе, о чемъ извѣстилъ Кokoшкіна. «Этотъ отвѣтъ оказался очень удачнымъ», писалъ Филаретъ Романовскому, «потому что,—какъ оказалось впоследствии, эти самые частные пѣвчіе приглашались въ университетскую церковь, и безъ нихъ некому тамъ пѣть». Кokoшкінь же былъ одновременно и попечитель учебнаго округа. Этотъ случай еще разъ подтверждаетъ, что Кokoшкінь придирался къ святителю. На слѣдующій годъ Филаретъ писалъ по этому поводу Романовскому: «Августа 22 мнѣ нужно быть въ Харьковѣ, чтобы не насладиться питьемъ, которымъ поили меня въ прошлый годъ.» «Такъ много непріятностей и домашнихъ и городскихъ, что душа утомилась», писалъ онъ Романовскому. «Добрѣйшій нашъ гр. Сиверсъ вытѣсенъ изъ Харькова. Онъ разстроень, особенно по экономическому и семейному быту. Переѣздка въ Харьковъ стоила ему 7000 руб. Теперь все это не послужило ни къ чему. Опять надобно дѣлать траты. Дѣтокъ отправляетъ онъ на-дняхъ въ Москву, самъ остается на нѣсколько недѣль, чтобы управиться съ дѣлами. Его перевели въ Саратовъ, но едвали поѣдетъ онъ туда. Бѣдный Вевиховъ (старшій совѣт. губ. правленія) также вытѣсенъ изъ Харькова. Двухъ другихъ совѣтниковъ губ. прав. также хотятъ вытѣснить отсюда. Все это дѣлають страсти одного. Слышно, что и меня грѣшнаго хочетъ онъ выпроводить отсюда. За что?—знаетъ совѣтъ его. Богъ ему судья за все оскорбленія, которыя терпѣлъ я отъ него въ теченіе 6 лѣтъ» На слѣдующій день долженъ былъ пріѣхать въ Харьковъ Государь Николай Павловичъ и Филаретъ, не безъ основаній, опасался неблагопріятнаго о немъ отзыва Кokoшкіна передъ государемъ, а кстати набѣжалъ и случай. На Николаевской площади стояла каменная колокольня, принадлежавшая къ Николаевской церкви и стоявшая на столько отъ нея далеко, что между нею и церковью былъ проѣздъ. Колокольня имѣла безобразный видъ и, какъ было предположеніе строить новую, не ремонтировалась много лѣтъ. Кokoшкінь потребовалъ, чтобы она была снесена и препроводилъ Филарету проектъ надстройки надъ церковной папертью для помѣщенія колоколовъ. Какъ любитель старины, Филаретъ дорожилъ сохраненіемъ архитектуры древнѣйшаго въ Харьковѣ храма. Другое обстоятельство, по которому не нравился ему проектъ—

онъ придавалъ храму видъ католическаго костела. Изложивъ это въ своей бумагѣ Кокоскину, Филаретъ просилъ его обождать, пока прихожане соберутъ средства на сооружеііе новой колокольни, отвѣчающей характеру храма. Приѣхалъ Государь. Въ соборѣ его встрѣтилъ Филаретъ съ сонмомъ священно-служителей, всѣ въ новыхъ бѣлыхъ глазетовыхъ облаченіяхъ. Видимо, умное и красивое лицо архіерея, величественная фигура и благозвучный голосъ протодіакона и стройное пѣііе влира, (подъ управленіемъ священника С. Любинскаго) произвели на Государя пріятное впечатлѣііе. Особенно очаровалъ его голосъ протодіакона Андрея Червонецкаго, котораго тутъ-же онъ приказалъ Гр. Адлерберу взять къ придворной церкви, при которой прослужилъ онъ въ должности протодіакона 35 лѣтъ, участвовалъ при священномъ коронованіи Императора Александра II-го и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и скончался въ 1888 году кавалеромъ ордена Св. Владимира 4 степени. Послѣ торжественной службы Государь, проѣзжая по Николаевской площади, замѣтилъ злополучную колокольню. Несомнѣііно, возраженіе Филарета, которому Государь, конечно, далъ бы большую цѣііу, не было объяснено ему Кокоскинымъ и дѣло представлено, какъ капризъ со стороны епископа; и Филаретъ на другой-же день получилъ проектъ Кокоскина для исполненія, по Высочайшему повелѣіію. На другой день по отъѣздѣ Государя колокольня была разобрана, а православный храмъ получилъ фizioномію костела. Такія отношенія Кокоскина къ Филарету, конечно, не мало затрудняли дѣятельность послѣдняго на пользу церкви и особенно Хорошевскаго монастыря, принесшаго ему скорѣ такъ много горя. Мы уже говорили о злоупотребленіи игуменіи Антонины довѣріемъ къ ней Филарета. Оно доходило до того, что преосвященный уволилъ монастырскаго священника о. Аѳанасія Протопопова, прослужившаго 25 лѣтъ въ монастырѣ, по заявленію игуменіи, что оіі возбуждаетъ противъ нея сестеръ; а вся вина заключалась въ томъ, что онъ, какъ духовный отецъ бывшей игуменіи Анатоліи, иногда навѣщалъ свою духовную дочь. Архимандритъ Герасимъ въ своемъ дневникѣ дѣлаетъ такую замѣтку объ Антонинѣ: «въ Хорошевскомъ монастырѣ была игуменія Антонина, которая не

пользовалась расположеніемъ какъ монахинь, такъ и вообще жителей Харьковскихъ частію потому, что по настоянію преосв. Филарета для пресѣченія частыхъ отлучекъ монахинь въ Харьковъ, она заботилась о введеніи общежитія въ обители, не правившагося многимъ, и еще болѣе за рѣзкій и довольно жестокій характеръ, къ коему никакъ не могли приноровиться Хорошевскія монахини, привыкшія видѣть въ предшественницахъ ея, особенно въ покойной игуменіи Анатолиі Веровкиной, мать-друга, носившую на себѣ тяготы ихъ. Но сильная постояннымъ расположеніемъ и покровительствомъ къ себѣ преосвященнаго, она шла наперекоръ всему и всѣмъ, не обращая вниманія ни на особенности края, ни на духъ и преданія обители, считавшей за собой болѣе 200 лѣтъ. Такія натянутыя отношенія между игуменіей и монахинями время отъ времени озабочивали и преогорчали преосвященнаго, и не разъ онъ внушалъ игуменіи—быть по осмотрительнѣе и благоразумнѣе, но послѣдняя не унималась и накликала бѣду на свою голову. Бѣда эта была слѣдующая:

Въ пятидесятыхъ годахъ проживалъ у самаго монастыря обѣднѣвшій молодой графъ, кол. регист. А. П. Девіеръ. Своими неприличными поступками онъ нерѣдко нарушалъ тишину монастырской жизни. Такъ напр., у самаго храма курилъ сигары, пѣлъ нескромныя пѣсни, передъ св. воротами устраивалъ фейерверки, стрѣлялъ изъ ружья и т. п., а наконецъ, сманилъ красивую молодую послушницу Татьяну Хороманову и женился на пей въ родномъ ей городѣ, старомъ Осколѣ. Возвратясь домой въ первый праздничный день (29 Ав. 1857 г.), онъ явился съ молодою женою, одѣтой по модѣ въ монастырскій храмъ, занявъ мѣсто впереди всѣхъ. Игуменіи это показалось большимъ соблазномъ для молодыхъ послушницъ и она черезъ благочинную просила Девіера удалиться съ женою изъ храма; но Девіеръ не обратилъ вниманія на желаніе игуменіи. Тогда послѣдняя, по совѣту казначеи, приказала монахинямъ стать цѣпью передъ иконостасомъ и, подвигаясь назадъ, отодвигать чету Девіеровъ до западныхъ дверей храма. По окончаніи обѣдни графъ отправился домой, но врата оказались запертыми, а потому пришлось проходить черезъ калитку. Какъ только графиня

переступила калитку, заточанка (крестьянка бывшая на эпитемии по распоряжению суда) по знаку сторожа, вылила на нее ведро помоевъ. На ее крикъ бросился графъ и получилъ изъ другого ведра ту же дачу. Игуменія была въ церкви. Узнавъ, что графъ ее разыскиваетъ она велѣла запереть себя въ церкви, а на другой день отправилась съ докладомъ къ владыкѣ. Скрывъ отъ него исторію на счетъ помоевъ, она рассказала, какъ приглашали графа удалиться, какъ она сдѣлала цѣль изъ монахинь, чтобы уберечь отъ соблазна молодыхъ послушницъ, прибавивъ, что Девіеръ, обидившись такимъ ея распоряженіемъ, по выходѣ изъ церкви, бѣгалъ съ крикомъ по оградѣ, искалъ ее съ намѣреніемъ бить ее палкой, что онъ ударилъ по щекѣ монахишу Раису, тетку жены своей, грозилъ стрѣлять въ монахинь и навелъ на нихъ такой страхъ, что онѣ боялись выходить изъ келій. Филаретъ довѣрилъ словамъ игуменіи и не подозрѣвая того, что она многое скрыла, многое передала въ преувеличенномъ видѣ, отнесся къ начальнику губерніи съ просьбой распорядиться объ огражденіи обители отъ возмутительныхъ поступковъ Девіера.

Въ это время въ Харьковѣ проживалъ отставной чиновникъ Наполовъ. Онъ давно питалъ неудовольствіе противъ Филарета за удаленіе послѣднимъ изъ Хорошевскаго монастыря двухъ его сестеръ, главныхъ зачинщицъ всѣхъ монастырскихъ смуть. Онъ посовѣтовалъ Девіеру начать дѣло противъ игуменіи и взялъ на себя его вести. По наставленіямъ его, Девіеръ подалъ жалобы губернатору, жандармскому полковнику и преосв. Филарету. Въ жалобѣ преосвященному Девіеръ просилъ назначить слѣдствіе и немедленно удалить игуменію и казначею. Такъ какъ въ консисторіи уже 10 днями рапѣ заслушанъ рапортъ игуменіи и дѣлу дано движеніе, то прошеніе Девіера оставлено было безъ послѣдствій, о чемъ ему объявлено надписью на самомъ прошеніи. Очевидно такое распоряженіе было неправильно: но оно состоялось, конечно, подъ вліяніемъ личнаго довѣрія къ игуменіи и той дурной репутаціи, какою пользовался Девіеръ. Тогда послѣдній подалъ жалобу Св. Синоду и шефу жандармовъ, прося, чтобы слѣдствіе производилось въ присутствіи жандармскаго офицера. «Сколько Филаретъ на первыхъ порахъ,» отмѣчаетъ

въ дневникѣ архимандритъ Герасимъ, ни защипалъ Антонину и Елисавету, признавая жалобу Девіера извѣтомъ, Девіерь, руководимый Наполовымъ и подстрекаемый нѣкоторыми монахинями, не сдавался и крѣпко настаивалъ, чтобы по взысканіи съ нихъ за причиненное ему безчестіе устранины онѣ были отъ должности. Дѣло это длилось съ полгода и сильно безпокоило преосвященнаго.

14 Февраля въ консисторію Девіерь подалъ прошеніе о прекращеніи дѣла, выразивъ сомнѣніе, чтобы здѣсь была причастна игуменія Антонина. Это было неожиданно для Филарета и столько обрадовало его, что онъ на другой день отслужилъ въ соборѣ молебень передъ Елецкой иконой Богоматери. Консисторія изготовила рапортъ Синоду о прекращеніи дѣла. Но еще не былъ отправленъ рапортъ, какъ 20 Февраля отъ Девіера поступило новое прошеніе, въ которомъ онъ излагаетъ. «На-дняхъ явился ко мнѣ кол. секр. Матвѣй Богуславскій съ убѣдительными предложеніями отъ имени Филарета кончить миромъ дѣло, но вѣнецъ его убѣжденій былъ не въ устахъ посредника, а въ 1500 рубляхъ, которые онъ предложилъ мнѣ отъ имени Филарета. Случай тотъ вызвалъ слѣдующія соображенія; а) что дѣло о предосудительныхъ поступкахъ монашествующихъ лицъ не прекращаются даже по силѣ заключенія мировыхъ сдѣлокъ; б) что я могъ помириться только за себя, а за жену не имѣю права и не желаю; в) что сдѣланное мнѣ предложеніе ясно доказываетъ, что виновнымъ грозитъ отвѣтственность, принудившая ихъ искать пощады, хотя бы даже цѣною денегъ. Эти соображенія привели меня къ заключенію: взять эти деньги и употребить ихъ на какое либо благотвореніе; дѣло продолжать за личность жены и вѣсегъ съ сямъ обнаружить особенное покровительство, которымъ пользуются игуменія и казначея отъ Филарета. Послѣ такого заключенія ободряемаго здравымъ смысломъ, я взялъ деньги и вручилъ ему мировое прошеніе для подачи въ консисторію. Если я рѣшился взять означенныя деньги, то еще и потому, что пріятно воспользоваться ошибкою противника, употребивъ деньги на что либо благое. Впрочемъ, если преосв. Филарету угодно будетъ 1500 руб. употребить по собственному его усмотрѣнію, то я обязуюсь представить

ихъ въ Дух. Консисторію. За тѣмъ прошу дѣло производить, не стѣсняясь подачею отъ имени моего мирового прошенія». Составители прошенія сейчасъ сдѣлали это извѣстнымъ по городу и произвели большой говоръ, который шелъ и въ средѣ духовныхъ лицъ. «Бумага, пишетъ архим. Герасимъ говорить ужасная. У меня не достало духа зайти въ консисторію, чтобы прочитать наглыя сплетни, коими плетется свѣтлый вѣнецъ нашему святителю, какъ видно, своими трудами и подвигами порядкомъ пасолившему врагу нашего спасенія. Укрѣпи его Господи понести до конца этотъ крестъ». Наглая клевета Девіера сильно возмутила чистую душу святителя. Со свойственною ему пылкостью писалъ онъ губернатору. «По словесному извѣщенію г. секретаря здѣшней консисторіи г. Девіеръ въ просьбѣ своей, поданной вчера въ сію консисторію о возстановленіи иска объ обидѣ, нанесенной ему и жепѣ его въ Хорошевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, дозволилъ себѣ написать наглую клевету на меня—будто отъ меня посланъ былъ къ нему кто-то съ деньгами для прекращенія дѣла его миромъ. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня съ другой стороны, какой-то Наполовъ съ другими распространяетъ эту клевету по городу. Поелику же эта клевета, въ вышей степени оскорбительная для меня, можетъ имѣть нравственно-вредное вліяніе какъ вообще на пародъ, такъ въ особенности на управленіе духовными дѣлами, то обращаюсь къ в. п—ву, какъ начальнику губерніи, съ покорнѣйшею моею просьбою употребить зависящія отъ васъ мѣры къ обузданію зла и къ огражденію меня отъ наглыхъ оскорбленій: 1) Немедленно допросить Девіера, кто сочинялъ ему просьбы? 2) Допросить чиновника Харьк. угол. палаты Богуславскаго, писавшаго просьбу о прекращеніи Девіеромъ иска по означенной жалобѣ его, кто участвовалъ въ томъ? Если возможно, секретнымъ распоряженіемъ чрезъ вашего довѣреннаго чиновника, отобрать все ябедническія бумаги у отставнаго чиновника Наполова, съ основаніями подозрѣваемаго мною въ сочиненіи бумагъ подобнаго рода, равно какъ и въ распространеніи всякихъ оскорбительныхъ для моей личности толковъ. Питаюсь надеждою, что ваше пр—во и по долгу начальника губерніи и по христіанскому благородству души не откажете удовлетворить сей просьбѣ моей». На слѣдующій день Филаретъ, утвердивъ по-

становленіе консисторіи о возвращеніи Девіеру прошенія его съ надписью, какъ заключающее въ себѣ оскорбительныя выраженія, написалъ губернатору: «Харьковская духовная консисторія представляла на мое усмотрѣніе копію съ опредѣленія своего, состоявшагося по просьбѣ гр. Девіера. Изъ опредѣленія сего я, къ крайнему своему сожалѣнію, усмотрѣлъ, что Девіеръ, забывъ страхъ Божій, позволилъ себѣ въ официальной бумагѣ оклеветать меня въ такихъ гнусныхъ и низкихъ дѣйствіяхъ, которыя вовсе несовмѣстны ни съ моими нравственными правилами, ни съ моимъ званіемъ, и именно онъ назвалъ меня подкупателемъ его, Девіера, и покровителемъ несправедливости. Посему, препровождая при семъ копію съ означеннаго опредѣленія консисторіи, въ которой изложена просьба Девіера, наполненная дерзкими оскорбленіями, къ лицу и званію моему относящимися, я покорнѣйше прошу сдѣлать зависящее съ вашей стороны распоряженіе о поступленіи съ виновными за клевету и оскорбленіе по законамъ. При этомъ считаю долгомъ присовокупить: а) что я никакого человѣка для подкуна Девіера не посылалъ; б) что денегъ 1500 р. для этой надобности никому не давалъ, да и не въ состояніи дать— по неимѣнію; в) покровителемъ незаконныхъ дѣйствій подчищенныхъ мнѣ лицъ не былъ: и это несогласно какъ съ моими правилами, такъ и съ моимъ званіемъ; г) что дѣло о нанесеніи будто-бы графу Девіеру и женѣ его въ Хорошевскомъ монастырѣ обиды производствомъ по духовному вѣдомству еще не окончено, и что если слѣдствіемъ будутъ открыты виновные, въ личной обидѣ гр. Девіера, то они подвергнутся законному взысканію, потому заботиться мнѣ о прекращеніи этого дѣла не предстояло и не предстоитъ никакой надобности; д) хотя Девіеръ и называетъ себя сочинителемъ означенной просьбы своей, наполненной клеветами, но я утвердительно въ этомъ сомнѣвался, ибо Девіеръ, какъ человѣкъ не получившій никакого образованія и, можно сказать, почти малограмотный, не можетъ составить столь хитро сочиненной бумаги, а сочинителемъ ея, вѣроятно, былъ нѣкій чиновникъ Наполовъ, который, какъ я освѣдомился, есть полный распорядитель графа и который, имѣя въ Хорошевскомъ монастырѣ двухъ сестеръ, надѣлялъ ихъ разными нелѣпными

и возмутительными совѣтами, поселявшими между общиной монашествующихъ раздоры, несогласіе и неповиновеніе къ старшимъ. Потому благоволите ваше пр—во, обратить особенное вниманіе не только на поступокъ Девіера, но и на вредныя дѣйствія Наполова». По строгому дознанію, произведенному по порученію губернатора Лужица, оказалось, что знакомый Девіеру чиновникъ Богуславскій склонилъ дѣйствительно послѣдняго къ миру за 1500 руб., которыя вручила ему генеральша Герасимова. Предполагая навсегда поселиться въ Хорошевскомъ монастырѣ, гдѣ часто и проживала, С. Н. Герасимова, сочувствуя скорби сестеръ, смущенныхъ непріятнымъ дѣломъ, думала прекратить дѣло, уполномочивъ Богуславскаго убѣдить къ тому Девіера, предложивъ послѣднему 1500 р. какъ сумму, какую, по словамъ его, онъ издержалъ на веденіе дѣла. Губернаторъ, извѣстивъ Филарета о результатѣ разслѣдованія, подтвердилъ вѣрность предположеній его на счетъ руководящей въ дѣлѣ роли Наполова и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ поспѣшить такъ или иначе удовлетворить просьбу Девіера. Изъ вышеприведеннаго сообщенія Филарета Губернатору видно, что Филаретъ мало былъ склоненъ къ тому, чтобы потворствовать своимъ подчиненнымъ, а потому при первомъ указаніи на вину начальствующихъ въ монастырѣ, онъ удалилъ изъ обители въ Николаевскій монастырь и игуменію и свою родственницу—казначею. Конечно, о случившемся онъ извѣстилъ митрополита Московскаго, который (28 марта 1858 г.) писалъ Тульскому епископу Алексѣю: «Вѣкъ, сдѣлавшись худъ, легче вѣрить худому, нежели доброму, а особенно тамъ, гдѣ добро должно быть примѣрнымъ. Вы слышали о искушеніи преосвященнаго Харьковскаго. Начало его—незначительная неосторожность: онъ взялъ изъ другой епархіи монахиню-родственницу и опредѣлилъ ее казначею въ монастырь. Какой-то графъ совратилъ послушницу монастыря, женился на ней и имѣлъ безтыдство явиться съ нею въ монастырь. Его здѣсь оскорбили. И отсюда клевета. Я поздно узналъ о казначей-родственницѣ преосвященнаго: а потому поздно писалъ къ нему, что архіерею должно осторожно вести себя въ отношеніи къ родственникамъ, которые служатъ въ его епархіи; а изъ другихъ епархій родственниковъ лучше совсѣмъ не брать.

Теперь игуменія и казначея-родственница по дѣлу отрѣшены, а послѣдняя удалена въ другой монастырь: не знаю будетъ ли сіе достаточно для удостовѣренія, что преосвященный дѣйствуетъ безпристрастно? Итакъ, мудрый московскій святитель не оставлялъ своими совѣтами своего ставленника. Въ то же время губернаторъ Лужинъ сообщилъ оберъ-прокурору св. Синода: «дѣло Девіера по иску объ обидѣ, нанесенной будго-бы ему игуменіей, а равно и другое по жалобѣ игуменіи на Девіера объ оскорбленіи имъ святыни монастырской, въ сущности хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего чрезвычайно выходящаго изъ круга обыкновенныхъ проступковъ, но по тому направленію, которое дается ему посторонними лицами, руководящими Девіера, желающими привлечь къ этому дѣлу личность архипастыря, и особенно со времени прикомандированія къ производству слѣдствія корпуса жандармовъ генераль маіора Богдановича, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе и даетъ поводъ къ нелѣпымъ толкамъ, ослабляющимъ значеніе архипастырскаго сана. Независимо отъ всего этого обязаннымъ считаю увѣдомить, что игуменія Антонина дѣйствительно не пользуется всеобщюю любовью подчиненныхъ ей лицъ и причина эта находится вѣрнѣе въ грубомъ обращеніи ея съ монахинями и въ строптивомъ ея характерѣ, нежели въ предосудительной жизни. И сколько возможно было, по кругу моихъ обязанностей, я сообщалъ объ этомъ словесно Филарету на его усмотрѣніе: а въ послѣднее время просилъ его, для прекращенія всякихъ толковъ, обратить особенное вниманіе на жалобу Девіера и, безпристрастно разсмотрѣвъ оную, подвергнуть виновныхъ, если таковые окажутся, наказанію, на что получилъ отвѣтъ, что имъ все это непременно будетъ сдѣлано». Изъ этого сообщенія видно, что въ городскихъ сплетняхъ коснулись уже поведенія игуменіи и не стѣснялись бросать тѣнь и на святителя. Лужинъ объ этой клеветѣ не рѣшился сказать Филарету и сказалъ ему о ней Романовскій. У Филарета ручьями потекли слезы и онъ воздѣлъ руки, произнесъ: «Господи! это уже выше моихъ силъ!» Несмотря на такое сообщеніе губернатора и распоряженіе Филарета объ удаленіи игуменіи и казначеи, что облегчало правильный ходъ дѣлу, св. Синодъ поручилъ настоятелю Московскаго Данилова монастыря архимандриту Іакову произ-

вести слѣдствіе. Это, по словамъ архимандрита Герасима, глубоко опечалило Филарета. «Несомнѣнно, замѣтилъ въ дневникѣ своемъ архим. Герасимъ, «что тяжелое время переживалъ Филаретъ. Девіерь въ своихъ жалобахъ, св. Синоду и шефу жандармовъ не щадилъ личности Филарета; обвиняя его въ особомъ покровительствѣ игуменіи и казначеи, онъ коснулся келейной его жизни, не останавливаясь предъ самою гнуснѣйшею клеветой. Разносимыя повсюду людскою молвою клеветы на Филарета выслушивались лицами богобоязненными съ искреннею скорбью и омерзениемъ къ клеветникамъ, но были и такіе, которые съ жадностью ловили каждое слово и съ злорадствомъ передавали другимъ. Былъ даже составленъ пасквиль на Филарета, который секретно ходилъ по рукамъ. «На преосвященнаго Харьковскаго, писалъ Московскій митрополитъ Алексію, «введена, конечно, клевета, но жаль не одного его. Клевета на одного и другого легко обращается въ нареканія на духовенство».

Смирение Филарета, взволнованнаго вѣстью Романовскаго о клеветѣ, скоро принесло ему душевный покой. И когда преданная ему игуменія Никольскаго монастыря Эмилія, вся въ слезахъ взволнованная и огорченная, явилась ему и пересказала ему мірскую клевету, Филаретъ съ улыбкой ей сказалъ: «Слава Богу, что клеветуютъ на меня напрасно. Этимъ снимаютъ съ меня мои грѣхи и уменьшаютъ мнѣ за нихъ отвѣтъ предъ Богомъ. Жаль мнѣ только бѣдныхъ клеветниковъ, что, облегчая мою душу, свои души они обременяютъ грѣхомъ клеветы». Вспоминая эту бесѣду, мать Эмилія не могла удержать своихъ слезъ и, утирая ихъ, говорила: «вотъ былъ мужъ дивный, мужъ великодушный, не намъ малодушнымъ чета».

Священникъ Вознесенской церкви о. Григорій Томашевскій, какъ духовный депутатъ, очень хорошо знаетъ это дѣло. Вотъ что онъ повѣствуетъ: «Прошли уже десятки лѣтъ, а у меня и теперь горько бываетъ на сердцѣ, когда вспомню о клеветѣ и неправдѣ людской. «Филаретовское дѣло», эти два слова оглашали нѣкогда г. Харьковъ. Что вытерпѣлъ страдалецъ-владыка, Богу извѣстно. Городъ трубилъ ужасы. Прокуроры дѣлали дознанія. Монашки клеветали во вся тяжкая, дошли до такого безстыдства, что утверждали будто владыка ѣздилъ въ Хо-

рошевскій монастырь по почамъ на бѣговыхъ дрожкахъ и ему отворялась калитка. А кто видѣлъ владыку, кто отворялъ калитку, долго-ли и у кого именно владыка былъ въ монастырѣ, гдѣ въ это время лошадь стояла? и пр. и пр. на эти и подобныя вопросы никто не далъ отвѣта. Да, сколько не сплетали клеветъ на Филарета враги его, — ни одно перо или языкъ, руководимые ненавистью къ нему, не дерзнули написать или проговорить, или даже намекнуть на какой либо фактъ, который дѣлалъ бы подозрительными нравственную чистоту и цѣломудренность чувствъ этого святителя. Ясно было, какъ день, что клеветы, направленные на личность Филарета, при самомъ прикосновеніи къ нему, разоблачались и рвались какъ паутина. По этому дѣлу я часто бывалъ у владыки. Разъ во время моего доклада, смотрю, онъ ходитъ молча по залѣ и вздыхаетъ. Вдругъ, ставши предо мной, спрашиваетъ: «какъ ты о Григоріи думаешь о взведенной на меня вѣщѣ?» и въ ту же минуту залился слезами. вмѣсто отвѣта я палъ ему въ ноги и самъ заплакалъ. «Видно я, грѣшникъ, сдѣлалъ кому либо доброе, если врагъ спасенія сплелъ на меня такую смрадную клевету и въ моемъ лицѣ вывелъ на людской позоръ архіерея». Когда сталъ я уходить, онъ благословляя меня, сказалъ: «да будетъ воля Божія во всемъ!»

Миръ показалъ себя тѣмъ же, какимъ былъ 19 вѣковъ назадъ. За проповѣдь истины, за труды на спасеніе многихъ и молитвы за паству, онъ воздалъ скорбями, возложилъ вѣнецъ изъ терній на пастьера, готоваго «душу свою положить за овцы».

Съ болью въ сердцѣ мы должны занести сюда, что добить Филарета, подкрѣпить доносъ своимъ авторитетнымъ словомъ, принялъ на себя кн. Суворовъ. Узнавъ о такомъ сильномъ метителѣ, Филаретъ уныло глядѣлъ на свою участь. Не погрѣшимъ, полагаю, если скажемъ, что всего болѣе огорчало Филарета соблазнительное для церкви сведеніе ея архипастыря на позоръ. «Доселѣ ничего не зналъ я о своей бѣдѣ», писалъ Филаретъ митрополиту Московскому, «болѣе того, что писалъ къ вашему в—ву. Два дня тому назадъ Кіевскій митрополитъ, при свиданіи сказалъ мнѣ въ немногихъ словахъ, что подано доношеніе на меня во взяткахъ и худой жизни и что это доношеніе лично доста-

вилъ кн. Суворовъ въ тайную канцелярію (?) Обдумавъ дѣло съ послѣдствіями, остаюсь убѣжденнымъ, что если бы слѣдствіе и оправдало меня, столь сильный гонитель довелъ бы дѣло до того, что я вынужденъ бы былъ отказаться отъ епархіи. Убѣжденіе это — слѣдствіе близкаго знакомства съ бѣдною мстительностью Суворова. Потому посылаю письмо къ С.-Петербургскому митрополиту, что готовъ я отказаться отъ епархіи и безъ слѣдствія, если невозможно ограничиться вытребованіемъ объясненій по конціи доноса, доселѣ въ точномъ видѣ неизвѣстнаго мнѣ».

Но вдругъ дѣло приняло неожиданный оборотъ. По Высочайшему повелѣнію производство слѣдствія было прекращено. По всеподданнѣйшему докладу кн. Долгорукова Государемъ Императоромъ повелѣно было: 1) дальнѣйшее производство слѣдственныхъ дѣлъ, возникшихъ по упомянутымъ жалобамъ, прекратить; б) поступившіе въ св. Синодъ прошенія гр. Девіера и жены его, равно какъ и рапортъ преосвящ. Филарета по настоящему дѣлу, оставить безъ заключенія: в) игуменію Антонину и казначею Елисавету, устранивъ отъ должностей, перевести на жительство въ другой монастырь; г) гр. Девіера за то, что въ своихъ жалобахъ онъ дозволилъ себѣ выражаться о чести епископа Филарета дерзко и несправедливо, на полгода арестовать въ его деревнѣ; д) чиновника Наполова за подстрекательство и составленіе пасквильныхъ прошеній, какъ вреднаго и безпокойнаго человѣка, выслать навсегда изъ Харьковской губерніи».

Такъ кончилось дѣло, столько надѣлавшее шуму, столько принесшее горя ревностному служителю алтаря и всѣмъ, преданнымъ церкви и ея завѣтамъ.

Когда Филаретъ получилъ назначеніе въ Харьковъ, онъ не разъ задавалъ себѣ вопросъ: «что-то ожидаетъ меня въ Харьковѣ?» Преосв. Иннокентій, (тогда уже архіеп. Таврической), поздравляя его съ пріѣздомъ въ Харьковъ, писалъ ему, что «въ Харьковѣ можно созидать и устроить дѣла въ тишинѣ и мирѣ», но Филаретъ отвѣчалъ на это. — «Натерпѣвшись горя въ Ригѣ, не могу увѣрить себя, чтобы не случилось терпѣть и въ Харьковѣ». Конечно, покой и тревога здѣсь стояли въ зависимости отъ личныхъ свойствъ каждаго. Болѣе равнодушія къ дѣлу

и дѣло пойдетъ хотя тихо, но спокойно, не раздражая никого, не нарушая и собственнаго покоя. Резолюція «къ свѣдѣнію» вмѣсто живаго отношенія къ дѣлу, мы видимъ удовлетворяетъ иныхъ. Бумага подъ сукномъ—и все спокойно. Ревность же Филарета въ служеніи церкви не имѣла предѣловъ, какъ безгранична была его приверженность къ церкви, его забота о душевномъ спасеніи ввѣренной ему паствы. Вотъ почему, по переводѣ его изъ Риги, спокойно прожилъ тамъ 17 лѣтъ его преемникъ. Филарета тѣснили, а его поддерживали, потому что опасались получить взамѣнъ его другого Филарета. Вотъ почему спокойно служилъ и предмѣстникъ Филарета въ Харьковѣ.

Этимъ случаемъ еще не закончились невзгоды Харьковскаго служенія Филарета. Недовольный закрытіемъ Старобѣльскаго духовнаго правленія, первоприсутствовавшій протоіерей Сильванскій, ревниво оберегая собственные интересы, подалъ жалобу въ св. Синодъ, а оберъ-прокурору докладную записку, обвиняя въ ней письмоводителя Филарета во взяткахъ, между прочимъ и при раздачѣ бронзовыхъ крестовъ, установленныхъ въ память Севастопольской войны. Правда, Филаретъ въ выборѣ письмоводителей терпѣлъ постоянно неудачу: Въ 1854 году онъ взялъ лучшаго студента семинаріи, сына своего духовника, почтеннаго іеромонаха, впоследствии архимандрита Макарія, разсчитывая, конечно, что, находясь при отцѣ и подъ его надзоромъ, онъ не пойдетъ по скользкому и соблазнительному пути своихъ предмѣстниковъ. Но и его Филаретъ долженъ было уволить, исходатайствовавъ однако ему мѣсто. Обвиненіе же взведенное на него прот. Сильванскимъ на счетъ крестовъ, не подтвердилось. «Надобно молиться», писалъ Филаретъ Романовскому изъ Петербурга, «видно грѣхи мои призываютъ бурю за бурей на меня. Благодареніе Господу за все. Не знаю, какъ дѣла пойдутъ дальше; но въ Синодѣ съ изумленіемъ и негодованіемъ слушали каверзу Сильванскаго. Даже Божановъ, (протопресвитеръ), къ изумленію моему, въ два засѣданія выражалъ отвращеніе и негодованіе. Съ своей стороны старался я молчать, чтобы не отягощать вину виновнаго».

Но не такъ легко было разсѣять клевету. На пути въ Петербургъ Филаретъ заѣхалъ къ Московскому святителю. Онъ желалъ узнать взглядъ

его на случившееся и, конечно, желалъ найти въ немъ нравственную поддержку, въ его бесѣдѣ, въ его словѣ. Въдѣ 15 лѣтъ его труженической жизни протекли передъ глазами митрополита. Ему извѣстна Рижская его дѣятельность и онъ далъ уже настоящую оцѣнку, сочиненной на Филарета, клеветѣ въ Ригѣ. И вотъ послѣ свиданія съ нимъ Филарета пишетъ Романовскому: «у него выслушалъ я многое, въ томъ числѣ слышалъ и такое, что не надѣялся слышать. Напримѣръ, сказано арх. Іаковомъ, будто какой-то студентъ предлагалъ за мѣсто 300 руб. въ пользу Хорошевскаго монастыря, и будто по вашему совѣту какой-то протопопъ далъ 400 р. и получилъ мѣсто. Объясните мнѣ, если можете, что это за сплетня, и откуда она?» Видно, что арх. Іаковъ безъ надлежащей критики принималъ, доходившіе до него слухи. Послѣ слѣдующей бесѣды Филаретъ писалъ: «Хвала и слава Господу милосердному, что главная гнусная клевета на меня свалилась съ грѣшной головы моей. Благодарный Господу за послѣднее, не хочу говорить о другихъ сплетняхъ Хорошевскихъ. Господь да проститъ и вразумитъ слѣпцовъ.... Прощѣдили, пропустили сквозь крѣпкіе тиски всю жизнь мою Харьковскую нынѣшній годъ съ однимъ памѣреніемъ—показать въ ней нечистое и грязное. Но на Господа полагалъ и полагаю всѣ надежды мои и если ошибался, ошибался по ошибкѣ совѣсти, а не противъ совѣсти. И вотъ надежда моя на Господа не осталась во стыдѣ. Тебѣ, Господи, слава за все».

Мы знаемъ по письмамъ митрополита Московскаго къ преосв. Алексію Тульскому, что клеветамъ на Филарета онъ не вѣрилъ, понимая, что они явились выраженіемъ сильнаго неудовольствія на него, вызваннаго самыми чистыми побужденіями со стороны Филарета. Очевидно, митрополитъ сообщилъ Филарету о всѣхъ, дошедшихъ до него, слухахъ, чтобы подтвердить тѣмъ необходимость осторожности, о чемъ нерѣдко предупреждалъ онъ пылкаго и ревностнаго своего ставленника. Филаретъ дорожилъ мнѣніемъ и расположеніемъ Московскаго святителя. Вотъ почему, убѣдившись изъ его бесѣдъ, что слухи не поколебали мнѣнія о немъ дальновиднаго старца, Филаретъ находилъ въ этомъ полное удовлетвореніе.

А какъ и чѣмъ побѣждалъ свои скорби Филаретъ? съ этимъ знакомить насъ сослуживецъ его, о. Н. Лашенковъ. «Въ этихъ случаяхъ, когда Филаретъ оставался одинъ со своею скорбью и тяжело болѣлъ душой, томился и не зналъ куда дѣваться отъ тоски, онъ обыкновенно уединялся въ свою спальню, предваривъ келейныхъ слугъ, чтобы для всѣхъ просителей и посѣтителей былъ одинъ отвѣтъ: «владыка боленъ». Здѣсь, стоя на колѣняхъ въ слезной молитвѣ, онъ изливалъ предъ Господомъ свою душу. Когда сердечная тревога начинала нѣсколько стихать, онъ садился и читалъ евангеліе. Любимымъ мѣстомъ изъ евангелія въ это время была послѣдняя бесѣда Спасителя съ своими учениками. Потомъ выходилъ въ залу и заложивъ руки за спину, быстро ходилъ по ней и пѣлъ, любимый имъ, канонъ 8-го гласа, повторяя его нѣсколько разъ и всего чаще шестую пѣснь «очисти мя, Спасе, многого беззаконія»... Засимъ уходилъ въ кабинетъ и садился за работу. Занятіе какимъ либо ученымъ дѣломъ служило вѣрнымъ признакомъ, что душевная буря прошла и онъ успокоился. «При смущеніи сердца», писалъ онъ Романовскому, «всего надежнѣе обращаться къ двумъ средствамъ: къ молитвѣ и къ чтенію священнаго писанія. Тутъ душа находитъ и отдыхъ и свѣтъ». Видно эти средства не разъ были испытаны имъ самимъ.

Филаретъ былъ чрезвычайно отзывчивъ. Но при всей своей ревности, замѣчательныхъ способностяхъ и трудолюбіи, онъ всегда искалъ нравственной опоры въ достойномъ человѣкѣ. Такъ дорожилъ онъ дружбой Горскаго, считая друга «даромъ Божиимъ». Такъ привязался онъ къ духовнику своему о. Макарію, скучая въ его отсутствіи. При вѣсти о вызовѣ его на чреду въ св. Синодъ, онъ обратился съ такою просьбой къ Макарію: «съ тобой, отецъ-духовникъ, я боюсь разставаться: ты нуженъ для моей души. Сотвори любовь со мною: поѣдемъ со мною и будемъ всегда вмѣстѣ до самой могилы». И съ этого времени онъ не разлучался съ нимъ дѣйствительно до самой могилы. Большою дружбою Филарета пользовался Романовскій. Николай Николаевичъ Романовскій, Валекскій предводитель дворянства, былъ большой умница, человѣкъ просвѣщенный и благочестивый. Онъ хорошо зналъ край и ока-

заль большую помощь Филарету при его описаніи Харьков. епархіи. Н. Н. былъ замѣчательно пріятный собесѣдникъ какъ въ кругу людей духовныхъ, такъ и въ свѣтскомъ обществѣ. Его рассказы, полные остроты и юмора, дѣлали бесѣду его въ высшей степени интересною и забавною. Онъ бывалъ самымъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ у Потемкиныхъ, когда они съ Петербургскими друзьями и знакомыми пріѣзжали въ Святые Горы. Филаретъ называлъ Романовскаго «дорогимъ соловьемъ», сравнивая красоту его рѣчи съ чудною пѣсью соловья. Съ нимъ онъ иногда не разставался по нѣскольку мѣсяцевъ. «Всѣмъ усердіемъ любящей души прошу васъ пріѣзжайте поскорѣе въ Харьковъ, чтобы вмѣстѣ праздновать 25 сентября— день преп. Сергія», писалъ онъ ему. «А васъ слѣдуетъ побранить: зачѣмъ не пріѣхали сюда говѣть? Здѣсь тепло и покойно». Романовскій часто говѣлъ въ архіерейской крестовой и слушалъ богослуженіе изъ моленной. «Пожалуста возвращайтесь скорѣе въ Харьковъ. Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ. Думаю, что для уборки хлѣба вы слишкомъ много назначили времени; по крайней мѣрѣ самое нужное можетъ быть окончено гораздо скорѣе. Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ. У васъ теперь есть покойная карета. Кажется можно бы вамъ безъ опасности проѣхаться въ Харьковъ, гдѣ любятъ, очень любятъ васъ. Какъ чутки души наши! Вчера и завчера собирался я писать къ вамъ. И вотъ нынѣ получилъ ваше письмо. Радуюсь, что Господь присылалъ къ вамъ добраго будильника. И за ваше бодрствованіе и любовь Господь да воздастъ вамъ тамъ, гдѣ воздаянія дороже всѣхъ земныхъ награды. Знаете-ли о чемъ собирался я писать къ вамъ? Не догадаетесь? Собирайтесь въ Москву. Т. Борисовна (Потемкина) писала, что обѣщала отпустить меня въ М. и я съ завтешнею почтою отправляю письмо къ Петербургскому митрополиту, прося его испросить мнѣ разрѣшеніе отпавиться для поклоненія пр. Сергію. Писалъ о желаніи своемъ и М. митро—ту. Итакъ, за вами дѣло. Что скажете вы? Впрочемъ не смущайтесь неожиданностью. Я еще и самъ для себя не рѣшилъ, когда могу отправиться въ путь? Такъ и писалъ въ Петербургъ. Зимой или весною ѣхать,—объ этомъ надобно подумать. Я уже много думалъ и все еще не дошелъ до твердаго рѣшенія. Надѣюсь скоро видѣть васъ

по вашему общапію. Второе посланіе пишу къ вамъ. И опять о томъ, же: пожалуста прїѣзжайте ко мнѣ. Вотъ и третій зовъ мой къ вамъ. Но этотъ зовъ не то, что прежніе. Отъ Арсенія изъ Москвы получилъ я вѣсть, что митрополитъ уже получилъ извѣстіе о разрѣшеніи Синода на путь мой въ Москву. И владыка даже надѣялся, что я уже въ дорогѣ. Потому мнѣ остается собраться въ путь. Да и близость поста велитъ не медлить. Итакъ, если здоровье и обстоятельства не позволяютъ вамъ рѣшиться на холодное и скорое путешествіе, пожалуста, прїѣзжайте по крайней мѣрѣ проводить меня». Но Романовскій не отказался сопутствовать Филарету и съ душевнымъ восторгомъ воспоминалъ о времени, проведенномъ съ нимъ въ Москвѣ и подъ сѣнію св. Лавры преп. Сергія. Последнее письмо Филарета, кромѣ его любви къ Романовскому, свидѣтельствуетъ намъ о сыновней покорности Филарета передъ святителемъ Московскимъ. Достаточно было слова его и нерѣшенный вопросъ о времени поѣздки разрѣшенъ даже при сомнѣніи на счетъ сопутствія любимаго человѣка. Уѣзжая въ Петербургъ на чреду, Филаретъ еще болѣе ощущалъ необходимость въ бесѣдѣ своего друга и писалъ больному Ник. Ник—чу: «Еслибъ вы были сколько нибудь здоровы: попросилъ бы васъ побывать въ Петербургѣ. Но объ этомъ не время и говорить. Укрѣпляйтесь, укрѣпляйтесь». Получивъ назначеніе въ Черниговъ и предполагая на нѣсколько дней заѣхать въ Харьковъ, Филаретъ писалъ ему: «Если можете, при своей немощи, побывайте въ Харьковѣ около 25 мая, побывайте для любви Христовой, — повидаемся въ послѣдній разъ. Постараюсь поспѣть туда около 25 мая или 30. Очень хотѣлось бы видѣться съ вами. Другого, болѣе любимаго и болѣе достойнаго любви нѣтъ у меня въ Харьковѣ, по крайней мѣрѣ такъ думаю по опыту дѣлъ вашихъ». Дѣйствительно, это было уже послѣднее свиданіе ихъ. Филаретъ не могъ разстаться съ мыслью не видѣть болѣе «друга души» и писалъ изъ Чернигова: «Не хворай, а выздоравливай. Мы съ отцомъ Макаріемъ ждемъ, что вы, посѣтивъ святыхъ Божіихъ въ Кіевѣ, посѣтите насъ грѣшныхъ въ Черниговѣ. Если нужно говорить; то я скажу, что любилъ и люблю васъ о Господѣ, какъ никого въ Харьковѣ. Это знаетъ душа моя».

Чѣмъ особенно дорогъ былъ для Филарета Ник. Николаевичъ, даетъ понять о. Лещенковъ «Въ горькой земной жизни любовь друга—даръ Божій, за который надобно благодарить Бога». Такъ смотрѣлъ онъ (Филаретъ) на дружбу. Въ эти тяжкія минуты горькой его жизни (когда шло дѣло Девіера) любовь къ нему друга его, Романовскаго, была дѣйствительно даромъ Божиимъ. Конечно, Романовскій не всегда могъ дать Филарету благовременный практическій совѣтъ, какъ поправить то или другое дѣло, причинившее ему непріятность, да и не этого собственно жаждала душа его отъ Романовскаго. Она просилась подѣлиться съ нимъ горемъ своимъ. Важная услуга со стороны Романовскаго была уже та, что своимъ участіемъ, своею задушевною бесѣдой онъ успѣвалъ, хотя на короткое время, отвлечь мысль его отъ предмета гнетущей его скорби и успокоить смущенный духъ его. Филаретъ чувствовалъ, что онъ не одинъ среди своей скорби, что есть душа, вполне преданная ему, которую онъ называлъ «дорогою душою», которая радуется его радостью и скорбитъ его скорбями. Это чувство облегчало тяготу его скорби, ободряло и придавало ему силы и мужество» — «Вотъ уже 9 дней, какъ душа въ сильной тоскѣ, которую и отогнать отъ души не могу», писалъ Филаретъ Николаю Ник — чу, смиренно добавивъ: «но — такъ надобно за грѣхи мои».

Филаретъ и самъ не оставлялъ своего друга наставленіями и совѣтами, излагая ихъ въ самой мягкой формѣ. «Да хранигъ Всевышній своею благостію домашнюю церковь вашу. Бодро идите путемъ Христовымъ и не смущайтесь вѣтрами житейскими. Не знаю, скажу-ли полезное, но хочу сказать на пользу. Имѣвъ случай видѣться и говорить съ Ник. Николаевичемъ (Бахметезымъ губерн. предводителемъ), и съ вице-губернаторомъ и пѣкоторыми другими, узналъ, что разрѣшеніе на составленіе уѣздныхъ собраній признано нужнымъ дать по собраніи свѣдѣній г.г. предводителями, дабы иначе не произошло безурядливаго шума по губерніи. Потому ожидаютъ васъ со свѣдѣніями въ Харьковъ къ 21 января. По моему мнѣнію и убѣжденію такое разсужденіе основательно и заслуживаетъ полного одобренія. Желалъ-бы отъ глубины души, чтобы искреннѣйшій мой Ник. Ник. принялъ его съ миромъ души и со-

вѣсти, а за тѣмъ и послѣдовалъ по его мыслямъ». Дѣло шло о приготовленіи къ работѣ, получившей разрѣшеніе 19 февраля 1861 года. Во взглядѣ на этотъ вопросъ Филаретъ расходился съ своимъ другомъ, какъ увидимъ мы ниже, и былъ далеко дальновиднѣе его. Думая о приближеніи смерти, Романовскій въ одномъ изъ писемъ своихъ жалуется Филарету на то, что онъ не подготовилъ себя къ разлукѣ *съ своими*, къ которымъ онъ такъ привязанъ и которые должны оставаться одни. Филаретъ отвѣчалъ: «Благодареніе Господу и за то, что чувствуете это». Затѣмъ, указавъ на нѣкоторыя духовныя средства, способствующія къ успокоенію духа, продолжаетъ: «могу только прибавить, если не сочтете лишнимъ, слово грѣшной любви моей, что привязанность ваша *къ своимъ* и по моимъ замѣчаніямъ иногда бываетъ излишняя и переступаетъ границу, крѣпясь на мысли не святой, что будто-бы вы слишкомъ много значите *для своихъ*, тогда какъ все и во всемъ— Господь. Зачѣмъ намъ братья быть сильными господами и владыками счастья другихъ, когда мы такъ немощны и близоруки, а силенъ и всевидящъ только Господь? Простите меня, Господа ради, что говорю такъ вамъ». Романовскій высказывалъ свое мнѣніе подчасъ очень рѣзко, въ особенности о распоряженіяхъ Филарета, сдѣланныхъ иногда сгоряча: и эта прямота и смѣлость Романовскаго принималась Филаретомъ, какъ выраженіе искренняго расположенія къ нему и любви его друга. Такъ, напримѣръ, когда Филаретъ отказалъ въ пособіи вдовѣ священника по несправедливому и гнусному навѣсту благочиннаго и когда онъ, узнавъ, что это была клевета, прибавилъ ей пособіе, она бросилась къ его ногамъ, обливая ихъ слезами. Романовскій, по окончаніи сцены, при немъ же происшедшей, сказалъ Филарету, что она обливала слезами его ноги, а онъ на ея мѣстѣ искусалъ бы ихъ, чтобы владыкѣ было самому больно, и онъ въ другой разъ по одному доносу благочиннаго не дѣлалъ бы такихъ распоряженій. Филаретъ отвѣтилъ христіанскимъ лобзаніемъ. Вотъ чѣмъ былъ Филарету, всегда скорбящему о своихъ немощахъ и недостаткахъ, Романовскій. Всѣ знаменательные для него дни: день рожденія, день ангела, день его хиротоніи, храмовые праздники его крестовыхъ церквей, дни говѣнія, дни преп. Сергія и нѣкоторыхъ

другихъ святыхъ Филаретъ цѣпременно проводилъ съ Романовскимъ. «Владыка Филаретъ», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Томашевскій, «былъ очень друженъ съ Романовскимъ, съ которымъ не разставался иногда по нѣскольку мѣсяцевъ. Бывало, какъ начнутъ они прощаться и цѣловаться, такъ и со стороны трогательно до слезъ. Тутъ и земные поклоны одинъ другому и благословенія и благожеланія безъ конца».

Но столь близкія и задушевные отношенія Филарета къ Романовскому не стѣсняли Филарета въ отказѣ въ какомъ либо ходатайствѣ, какъ видѣли мы выше.

Первымъ побужденіемъ Филарета по полученіи указа о прекращеніи дѣла, было воздать благодареніе Творцу. Онъ пожелалъ помолиться передъ чудотворною Озерянскою иконой Божіей Матери, въ то время находившейся въ Куряжскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ лѣтней архіерейской дачи—Всесвятскаго. 20 мая Филаретъ въ соупствіи преосв. Иннокентія, бывшаго епископа Екатеринбургскаго и проживавшаго на покоѣ въ Куряжскомъ монастырѣ, и Романовскаго отправился пѣшкомъ въ Куряжъ. Настоятель монастыря, архимандритъ Герасимъ, отслужилъ акафистъ и занесъ въ свой дневникъ слѣдующее повѣствованіе о путешествіи двухъ владыкъ. «Умиленное пѣніе, важность обстоятельства, вызвавшего объѣтъ молитвенный, а можетъ быть предчувствіе, что не увидимся мы уже въ Куряжѣ— все это, соединившись, очень затронуло мое сердце и я готовъ былъ плакать. Изъ церкви оба владыки зашли въ мои келіи и здѣсь пили чай, а потомъ объѣдали. Романовскій принесъ съ собою къ объѣду бутылку вина: «бұшайте», приговаривалъ онъ,—вѣдь это не вино, а любовь». Выпилъ и самъ рюмку, хотя прежде никогда не пилъ».

Дѣло окончилось, но заботы о Хорошевѣ не прекратились. Одною изъ заботъ было приисканіе игуменіи, способной успокоить возмущенія страсти, водворить порядокъ и продолжать неуклонно начатое Филаретомъ благоустроеніе обители. Временно управляла монастыремъ монахиня Смарагда. Но Филаретъ не могъ довѣрчиво отпоситься къ ней не столько по тому, что во время слѣдствія она враждебно относилась

къ бывшей игуменіи, но главнѣе потому, что она была изъ числа монахинь, возстававшихъ противъ устава общежитія; а это указываетъ на большой недостатокъ смиренія, недостатокъ всего нежелательнѣе у игуменіи, которая должна служить примѣромъ для другихъ сестеръ. Однако горькій опытъ побудилъ Филарета остерегаться брать игуменію изъ другого монастыря. И вопросъ объ игуменіи остался неразрѣшеннымъ, когда Филаретъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Романовскій ходатайствовалъ за Смарагду. Филаретъ понятно, долженъ былъ отказать ему. Тогда Смарагда обратилась къ посредничеству другого лица, Харьковскаго городского головы О. К. Костюрина. Костюринъ написалъ въ Петербургъ Филарету. Похваливъ Смарагду за ея дѣятельность и попеченіе объ обители, опъ отъ имени всѣхъ сестеръ и отъ всего кунечества просилъ Филарета утвердить Смарагду въ должности игуменіи. Филаретъ очень чтилъ Костюрина, какъ человѣка благочестиваго, преданнаго церкви и оказавшаго ему большую помощь при постройкѣ женскаго духовнаго училища, какъ крупною жертвой, такъ и личнымъ трудомъ. Въ отвѣтъ на ходатайство Костюрина Филаретъ написалъ епископу Иннокентію: «чтобы прекратить многіе толки, посвятить Смарагду въ игуменію». Сомнѣваясь въ пользѣ такого назначенія, писалъ Филаретъ Романовскому: «дай Богъ, чтобы это послужило къ міру и во благое». И въ ожиданіяхъ своихъ Филаретъ не ошибся. Вскорѣ на Смарагду поступила жалоба отъ архимандрита Герасима. Смарагда лишь по подозрѣнію своему въ укрывательствѣ келейной ея заподозрѣнной ею въ похищеніи у нея 12 руб., выгнала другую келейную изъ монастыря въ одной свиткѣ, забравъ все ея платье и задержавъ ея, увольнительное свидѣтельство. Родина келейной, куда должна была она идти, отстоитъ отъ Харькова на 200 верстъ. Арх. Герасимъ дважды лично обращался къ Смарагдѣ о выдачѣ келейной ея увольнительнаго свидѣтельства, но получалъ отказъ. Смарагда выдала свидѣтельство лишь по полученіи указа изъ консисторіи, куда о. Герасимъ вынужденъ былъ обратиться. Филаретъ положилъ такую резолюцію: «Жаль о событіи. Игуменіи Смарагдѣ дать знать указомъ, что никакое начальство, ни свѣтское, ни духовное не потерпятъ непокорныхъ начальству и глупыхъ въ распоряженіяхъ

своихъ. На сей разъ ограничиваясь симъ внушеніемъ, остаюсь въ увѣренности, что впредь она не дозволитъ себѣ подобныхъ поступковъ, вынуждающихъ начальство къ тяжкимъ и глубоко болѣзненнымъ скорбямъ».

Кливету переносилъ Филаретъ, какъ крестъ, отъ молодыхъ лѣтъ до гроба. Такъ, когда онъ былъ ректоромъ академіи, частыя свиданія его съ г-жею Я., урожденною Ш., были поводомъ злорѣчія. Люди, знавшіе Филарета ближе, не допускали въ отношеніяхъ его къ Я—ой ничего дурного. Къ счастью, живы еще лица, на глазахъ которыхъ протекло время ректорства Филарета: это бывшіе его ученики. Всего легче къ репутаціи человѣка относятся въ молодости; съ другой стороны, кому ближе подмѣтить въ начальствующемъ какую-либо слабость, какъ не ученику? И вотъ свидѣтельство одного уважаемаго пресвитера А. И. С—ва, бывшаго ученика Филарета, которое постараемся дословно передать: «Боже мой! Да никому изъ насъ, студентовъ, въ голову никогда не могло придти что-нибудь дурное о Филаретѣ. Сохрани Богъ! Это былъ праведникъ. Да ему съ Горскимъ и времени не было подумать-то о грѣхѣ: они всю жизнь проводили въ трудахъ, въ занятіяхъ, да какъ! 3—4 часа въ сутки, больше имъ и спать не доводилось. А Я—на была у насъ въ академіи своимъ человѣкомъ. Съ дѣтьми ея (старшему было лѣтъ 12) занимались наши студенты, и она бывала каждый день въ академіи. А умница была, и образована, и поговорить съ нею было любо». Къ тому же, еслибы въ этихъ отношеніяхъ было что-либо дурное, это не укрылось бы отъ его друга Горскаго, благочестивая жизнь котораго была всеѣмъ извѣстна; это остудило бы чувство привязанности его къ Филарету. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ отношенія ихъ не только непоколебленными, но замѣчаемъ, что Горскій смотрѣлъ на Филарета, какъ на опору и въ важныхъ вопросахъ жизни искалъ его совѣта и наставленія. Онъ даже былъ огорченъ, когда въ отвѣтъ на просимый совѣтъ Филаретъ, вслѣдствіе крайне неспокойнаго состоянія духа во время непріятнаго дѣла въ Ригѣ, отвѣчалъ: «не знаю». Наконецъ, Филаретъ, бывъ ректоромъ, жилъ съ Горскимъ въ одной квартирѣ, и его жизнь была на глазахъ послѣдняго. Злорѣчіе всякій фактъ готово толковать въ угоду себѣ. Такъ, когда Я—на переѣхала въ Москву для

дальнѣйшаго образованія сына (не могъ же онъ окончить образованіе въ Сергіевскомъ посадѣ), стали говорить, что ей предложено выѣхать по распоряженію митрополита. Того не хотѣли понять, что если Я—на дорожила бесѣдою Филарета, то потому, что, живя въ посадѣ, она, какъ женщина образованная и умная, не находила другого общества. Къ тому же при той трудовой жизни, какую велъ Филаретъ въ академіи, онъ и не могъ имѣть много свободнаго времени для этихъ бесѣдъ. Отъѣздъ его изъ Академіи, какъ знаемъ мы, былъ спѣшный. Онъ не имѣлъ досуга разобраться съ бумагами и поручилъ это сдѣлать безъ него. Между бумагами его оказалось письмо Я—ой. И что же въ немъ заключалось? Совѣтъ переносить скорбь безропотно, какъ волю Творца! А скорбь вызвана была разлукою съ академіей. И ни одного слова, ни одного намека, указывающаго на короткость; напротивъ, письмо удостоверяло, что отношенія были чистодуховныя».

Мы упомянули объ этомъ случаѣ быть можетъ и забытомъ, чтобы хотя по смерти снять съ памяти святителя незаслуженное нареканіе, измышленное и пронесенное о немъ людскимъ легкомысліемъ.

Въ подтвержденіе замѣчанія почтеннаго пресвитера мы приведемъ мнѣніе о Филаретѣ его бывшаго товарища, архіепископа Іосифа *). «Это была чистая, простая душа. Онъ не понималъ зла. Бывало, его станешь предостерегать: зачѣмъ ты такъ неосторожно поступишь? Могутъ вѣдь вотъ какъ объяснить, во зло истолковать. А онъ этого не понимаетъ: какъ человѣкъ въ невинномъ можетъ объяснить зло». «Да какъ же это? Да какъ же можно сказать, чего нѣтъ?» «И съ такимъ младенческимъ сердцемъ онъ остался до гроба. Таковъ онъ былъ и въ Харьковѣ. Если онъ дѣйствовалъ иногда неосторожно и вызывалъ клевету на себя, то не потому, чтобы былъ ея достоинъ, а потому, что не былъ остороженъ: видѣлъ въ людяхъ одно доброе и не вѣрилъ, что можно измыслить зло тамъ, гдѣ его не было».

Такою клевету перенесъ Филаретъ и въ Черниговѣ. Тамъ распускали о немъ слухъ, что онъ беретъ дащъ отъ духовенства и безъ прино-

*) Слѣнца, недавно скончавшагося въ Воронежѣ.

шеній ничего не дѣлаеть. А на чемъ построень былъ этотъ слухъ? Еще по пути въ Черниговъ, при обзорѣ церковей Конотопскаго уѣзда, онъ остался недоволенъ двумя священниками, которыхъ, приѣхавъ въ Черниговъ, думалъ перевести въ другіе приходы. Намѣстникъ монастыря замѣтилъ ему: »Лучше оштрафуйте ихъ, владыка. Они люди состоятельные, этимъ ихъ не разорите. А переведете ихъ въ другое село, тѣ же порядки заведутъ». — «Да куда-же этотъ штрафъ?» недоумѣвая спрашиваетъ Филареть. «Какъ куда? Да вотъ у насъ колокола того-ляди унадутъ, потому что перекладины подгнили; и оштрафуйте въ пользу монастыря». Филареть послушался. Но сейчасъ же стали говорить, что архіерей оштрафовалъ въ свою пользу. Такое мнѣніе объ архіерей, распространявшееся среди духовенства, было весьма кстати для ловкаго писмоводителя, который безъ всякихъ стѣсненій сталъ злоупотреблять именемъ своего архіерея. Могилевскій архіепископъ Евсевій говорилъ по поводу слуховъ о Филаретѣ: «Не вѣрю я разсказамъ, не таковъ Филареть; я его знаю. Каковы окружающіе-то его? Онъ вѣдь довѣрчивый. Да некогда ему и къ людямъ-то присматриваться». Слухъ этотъ дошелъ и до высокопресвященнаго Исидора, бывшаго тогда митрополитомъ Кіевскимъ. Ревнуя о доброй славѣ своего собрата, владыка-митрополитъ сообщилъ ему о слышанномъ. Филареть, получивъ это братское предостереженіе, говорилъ своему послушнику: «Вотъ, братъ, говорятъ обо мнѣ, что я взятки беру. Господи, и такъ я великій грѣшникъ предъ тобою: куда бы я себя готовилъ, еслибъ еще этимъ занимался!» Въ это время проводилъ у него каникулы покровительствованный имъ Д. Показавъ ему письмо, Филареть его спросилъ: «Ну что́ это значить, какъ ты полагаешь?» — «Дѣйствительно, владыка, объ этомъ всѣ говорятъ, что Р. злоупотребляеть вашимъ именемъ». — «Да какъ же это, никто мнѣ не скажетъ?» — «Опасаются». — «И ты зналъ?» — «И я зналъ». — «Почему же ты-то мнѣ не сказалъ?» — «Тоже боялся. Я видѣлъ, что вы къ нему расположены и думалъ, что, пожалуй, мнѣ не повѣрили бы, или онъ успѣлъ бы убѣдить васъ, что это клевета. Дѣлуто я не помогъ бы, а въ немъ имѣлъ бы вѣчнаго врага, который и васъ могъ настроить противъ меня, а вѣдь я живу только милости-

вымъ вашимъ участіемъ въ моемъ положеніи». И все смотрѣли на писмоводителя, какъ на человѣка самаго близкаго Филарету. Никто не преподлагалъ, чтобы онъ разстался съ нимъ. Но Филаретъ, сейчасъ-же позвавъ его къ себѣ, сказалъ ему: «Господь съ тобой! Ступай отъ меня и чтобы завтра тебя не было». Предположеніе-же Евсевія оправдалось. Вскорѣ онъ ѣздивъ, для поклоненія святынь, въ Кіевъ и по пути заѣзжалъ въ Черниговъ къ своему старому товарищу Филарету погостить. По возвращеніи онъ рассказывалъ: «Спрашиваю я своего келейника: а каковъ владыка показался тебѣ? Хорошій, говоритъ, владыка, очень; да народъ-то возлѣ него плохой». И этотъ недостатокъ въ окружавшихъ со всею ужасающею правдою обнаружился по его кончинѣ.

Но клевета на Филарета, пущенная въ ходъ въ высшей Петербургской сферѣ, мало оказала воздѣйствія на Св. Синодъ. Слава Филарета, какъ ученаго, уже прогремѣла по Россіи. Не было почти ни одного свѣтскаго литературнаго журнала, который бы не посвятилъ нѣсколькихъ статей разбору его сочиненій, отдавая дань уваженія его таланту и познаніямъ. Разныя ученые общества почтили его дипломами. Такъ 25-го Января 1847 года онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 14-го Февраля членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества; 15-го Марта 1852 года дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и того же числа почетнымъ членомъ Императорскаго Харьковскаго университета. Онъ былъ тогда уже почетнымъ членомъ Копенгагенскаго Общества древностей; 22-го Марта 1855 года избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго Московскаго университета; 21-го Мая 1856 года почетнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества; 21-го Мая 1857 года почетнымъ членомъ Кіевской Духовной Академіи. Позднѣе, а именно 3-го Апрѣля 1860 года, Филаретъ былъ удостоенъ Кіевскою Духовною Академіей степени доктора богословія, а въ 1865 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московской Духовной Академіи. Какъ-то странно, что родная академія послѣднею почтила своего знамениаго питомца и ректора.

Апостольское служеніе его въ Ригѣ сдѣлалось извѣстнымъ членамъ Св. Синода въ его настоящемъ свѣтѣ; передъ глазами ихъ было и дѣло о незаслуженной Филаретомъ клеветѣ въ Ригѣ. Вслѣдствіе этого къ новой клеветѣ Св. Синодъ долженъ былъ отнестись, если не съ недоувѣріемъ, то съ крайнею осмотрительностью. Дѣятельность его въ Харьковѣ была столь богата результатами, сколько Рижская дѣятельность скорбями. Вотъ почему, вмѣсто отвѣта на доносъ, Филаретъ, возведенный въ 1857 году въ санъ архіепископа, былъ почтенъ назначеніемъ присутствовать въ Св. Синодѣ. Одно, въ чемъ успѣлъ князь Суворовъ, это — поколебать мнѣніе о Филаретѣ въ Бозѣ почившаго Государя. Такъ, въ непродолжительномъ времени, когда Филаретъ былъ назначенъ въ Черниговъ, Государь предупреждалъ губернатора Шабельскаго о Филаретѣ съ невыгодной стороны для послѣдняго. И только, когда подписывалъ въ 1866 году рескриптъ Филарету на пожалованіе ему ордена Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, бывшій обер-прокуроръ Св. Синода гр. Д. Н. Толстой открылъ смѣло глаза Государю, указавъ на истинныя заслуги Филарета для церкви, отечества и науки. И въ Высочайшемъ рескриптѣ были засвидѣтельствованы его ученые труды, составляющіе украшеніе духовной отечественной письменности».

Уѣзжая въ Петербургъ, Филаретъ имѣлъ утѣшеніе удостовѣриться, что клеветѣ, распространяемой его зложелателями, Харьковскимъ обществомъ дана надлежащая оцѣнка. Всѣ наперерывъ старались выразить глубокое почтеніе невинному своему страдалцу. Прощаніе съ нимъ было трогательное. Губернскій предводитель дворянства, воспользовавшись съѣздомъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей, почтилъ его первый объѣдомъ. На слѣдующій день съ тою же цѣлью данъ былъ объѣдъ начальникомъ губерніи. Купечество поднесло ему лѣбъ-соль. При этомъ всѣ единодушно выражали желаніе скорѣйшаго возвращенія архипастыря. Комнаты архіерейскаго дома съ утра до ночи наполнялись желавшими принять святительское благословеніе отъѣзжавшаго Владыки. «Общая всѣхъ сословій губерніи любовь и уваженіе къ преосвященному Филарету», сказано было по поводу его отъѣзда въ «Харьковскихъ Вѣдо-

мостяхъ», совершенно стануть понятны, если мы только вспомнимъ, что Харьковская епархія болѣе десяти лѣтъ озарялась свѣтомъ просвѣщеннаго его ума и согрѣвалась теплотою добраго его сердца».

Оставляя епархію, какъ предполагалось, на годъ, Филареть сдѣлалъ необходимыя распоряженія, которыя изложилъ въ слѣдующемъ предложеніи консисторіи: «1) Преосвящ. Иннокентій принялъ на себя трудъ рукополагать ставленниковъ и совершать богослуженіе въ торжественные, праздничные и воскресные дни. Ключарь протоіерей А. Малиновскій обязанъ каждый разъ за день до служенія испрашивать распоряженій преосвященнаго о служеніи; архимандритъ Пармень имѣеть давать для него экипажъ и лошадей на служеніе, и когда преосвященный сочтетъ для себя нужнымъ, принимать и покоить въ комнатахъ моихъ. 2) Члены консисторіи имѣють неунустительно и благовременно являться въ консисторію и усердно заниматься дѣлами по уставу, дѣла рѣшать безъ промедленія и по буквѣ закона, въ протоколахъ всегда писать правила или статьи закона, на основанія которыхъ рѣшается дѣло. 3) Ректору семинаріи, архимандриту Герасиму, поручаются смотрѣніе училища дѣвиць духовнаго званія и все монастыри. 4) Крестовыя церкви и архіерейскій домъ поручаются въ завѣдываніе архимандр. Парменю. 5) Страннопріимнымъ домомъ имѣеть завѣдывать онъ же, архимандр. Пармень, ни въ чемъ не нарушая, введеннаго мною порядка и употребляя, когда нужды потребуютъ, мои деньги и будетъ доносить мнѣ о ходѣ дѣлъ черезъ два мѣсяца. 6) Непосредственное завѣдываніе свѣчнымъ заводомъ поручается іеромонаху Аврамію и каждый мѣсяць вѣдомости должны быть присылаемы мнѣ. 7) О происшествіяхъ по каѳедральному собору имѣеть доносить мнѣ ключарь черезъ двѣ недѣли, о происшествіяхъ по городскимъ церквамъ — благочинный, по архіерейскому дѣлу — архим. Пармень. 8) Такъ какъ и въ свѣчномъ заводѣ находятся мои деньги, дашныя въ пользу завода взаимобразно и дому архіерейскому очень довольно передано мною денегъ въ разное время или же не получено, слѣдующее мнѣ, то члены консисторіи, прот. Ганюшовъ и Элеидовъ имѣють привести въ извѣстность сколько именно денегъ моихъ состоитъ въ долгу за заводомъ и за домоуправленіемъ и доставить донесеніе мнѣ.

Столь обстоятельныя распоряженія съ требованіемъ донесеній по всѣмъ предметамъ его вѣдомства удостовѣряютъ насъ въ серьезномъ отношеніи Филарета къ своему служенію.

*
* * *

Въ Апрѣлѣ 1859 года, въ бытность Филарета въ Петербургѣ, состоялось назначеніе его въ Черниговъ. Было-ли въ связи съ этимъ перемѣщеніемъ Харьковское дѣло, велѣдствіе котораго считали неудобнымъ оставаться ему въ Харьковѣ, неизвѣстно. Самъ преосвящ. Филаретъ, бывшій въ ту пору въ Петербургѣ, а потому имѣвшій возможность ближе знать всѣ обстоятельства, относилъ это перемѣщеніе къ интригѣ рижской. Такъ писалъ онъ Романовскому: «Какъ это случилось, спросите вы? Случилось по такимъ обстоятельствамъ, о которыхъ не только вы, но и я не думалъ или если и думалъ, то очень мало по ихъ десятилѣтней давности. При свиданіи поговоримъ, если Богу угодно. Скажу только: Рига».

Передъ покойнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ не рѣшились бы выкладывать наново рижскія клеветы на Филарета. Интрига была для него ясна и получила разъ навсегда его оцѣнку. Зложелатели Филарета, очевидно, воспользовались новымъ царствованіемъ, чтобы передъ воцарившимся Государемъ, не посвященнымъ тогда въ тайны рижской интриги, очернить Филарета. Вотъ чтò могло породить невыгодное для Филарета мнѣніе о немъ Государя, высказанное имъ Шабельскому, и бросить тѣнь на его Харьковское служеніе. Во всякомъ случаѣ мы готовы видѣть въ этомъ назначеніи милосердіе Божіе къ Черниговской паствѣ, гдѣ предшественникъ Филарета, архіепископъ Павелъ, по своей дряхлости и слабости: много лѣтъ почти не управлялъ епархіей.

Одновременно съ полученіемъ указа о переводѣ преосвященнаго Филарета въ Черниговъ, въ Харьковѣ разнесся слухъ, что онъ по пути изъ Москвы въ Черниговъ заѣдетъ въ Харьковъ. Дѣйствительно, въ концѣ Іюня 1859 года, когда назначенный туда изъ Тамбова преосвя-

щенный Макарій былъ уже въ Харьковѣ, пріѣхалъ и Филаретъ. Цѣлью пріѣзда его было разъяснить своему преемнику нѣкоторыя экономическія дѣла архіерейскаго дома и уложить свою сокровищницу—библіотеку.

По полученіи въ консисторіи отъ вновь назначеннаго эконома архіерейскаго дома донесенія о пріемѣ всѣхъ суммъ по книгамъ, а всего имущества по описямъ, и по выдачѣ отъ консисторіи квитанціи, преосвященный Филаретъ выѣхалъ въ первыхъ числахъ Іюля изъ Харькова, пробывъ тамъ четыре дня. Прощаясь съ членами консисторіи и цѣлуя каждаго, онъ каждому говорилъ: «Христосъ съ тобою!» «Это было любимое его выраженіе», замѣчаетъ о. Іоаннъ Шароцкій, «которое весьма часто выходило изъ устъ и указывало на доброе расположеніе его души. Онъ можно сказать, дышалъ именемъ Христовымъ».

Простившись съ городскимъ духовенствомъ, Филаретъ отправился въ Всесвятское, гдѣ ожидалъ его къ обѣду его преемникъ, преосвященный Макарій. На обѣдѣ былъ и, любимый имъ, преосвященный Иннокентій. Отсюда черезъ Куряжъ отправился онъ въ Валки, повидаться съ другомъ своимъ Романовскимъ, который, по болѣзненному состоянію своему, не могъ прибыть въ Харьковъ и нетерпѣливо ждалъ къ себѣ Филарета. Проведя два дня въ семьѣ дорогого сердцу человѣка, уже въ послѣдней задушевной съ нимъ бесѣдѣ, Филаретъ двинулся въ сѣдой Черниговъ, чтобы пополнить собою въ его лѣтописяхъ рядъ его великихъ святителей,

Сдѣлавъ послѣдній почлегъ въ Батуриномъ монастырѣ, на слѣдующій день въ 4 часа пополудни Филаретъ прибылъ въ Черниговъ, предупредивъ, чтобы не было встрѣчи.

Черниговская епархія произвела грустное впечатлѣніе на Филарета. Онъ нашелъ здѣсь полное запустѣніе, непочатый уголь. «Дѣла здѣсь очень—очень не мало», писалъ онъ Романовскому. Нерѣшенныхъ дѣлъ консисторіи оказалось до тысячи. Между тѣмъ каждый день поступаетъ до 30 и 40 просьбъ. Къ тому же и дѣлать дѣла по консисторіи некому, все люди старые, дряхлые. Коротко сказать: некогда за-

думываться. Противъ Харькова здѣсь втрое дѣль епархіальныхъ». — «Знакомлюсь съ паствою. Повторяю прежнее: дѣль очень много». — «Домъ здѣшній, самъ по себѣ небогатый, запущенъ отъ плохого надзора. Нужно много хлопотъ, чтобъ поправить его». «Церкви и жилия строенія», жаловался онъ митрополиту, «готовы были падать.» — «Не понимаю», писалъ онъ Романовскому, «какъ люди могутъ такъ беззаботно жить, какъ жили въ Елецкомъ *). Для меня такъ жить невозможно: измучится душа». — «Пармень **) говоритъ: «къ чему хлопотать о домѣ? Въ Харьковѣ хлопотали и все досталось другимъ». Я отвѣчаю ему: смотри, вотъ другіе посадили намъ здѣсь прекрасные сады, построили огромный храмъ и домъ. Они трудились для насъ. Почему же намъ не потрудиться для другихъ? Не то ли и выгодно для насъ въ вѣчности, если трудимся для другихъ и какъ можно менѣе для своего удовольствія? Какъ вы думаете, не правъ ли я? Правда, Иванъ Васильевичъ Платоновъ еще назадъ тому лѣтъ шесть говорилъ мнѣ въ Всесвятскомъ «удивляюсь вашей хлопотливости по дому, все это не для васъ, а для другихъ; право—не умно». Но и тогда и теперь желаю оставаться со своими убѣжденіями».

Филаретъ, конечно, не ошибаясь, что, приводя въ лучшій видъ монастыри, гдѣ были зимнее и лѣтнее его пребываніе, онъ созидаль для себя обитель вѣчности. И нынѣ еще и старъ и малъ вамъ укажутъ: этотъ храмъ возобновилъ Филаретъ, этотъ домъ устроилъ Филаретъ, фруктовый садъ этотъ насадилъ онъ; этотъ въѣздъ имъ устроилъ, заводъ свѣчной—дѣло рукъ его. Какъ въ прошломъ столѣтіи Лазарь Барановичъ, такъ въ настоящемъ Филаретъ были выдающимися созидателями: первый устроилъ зданія, второй возстановилъ ихъ почти изъ развалинъ и главное—обеспечилъ ихъ поддержку въ будущемъ, оставивъ одному монастырю свѣчной заводъ, а другому типографію и лѣсные дачи. Пользующіеся же плодами трудовъ его несомнѣнно молитвенно вспоминаютъ о труженикѣ.

*) Монастырь, гдѣ было зимнее мѣстопребываніе Черниговскихъ святителей.

**) Архимандритъ, взятый Филаретомъ изъ Харькова.

Духовенство Черниговское не отличалось своимъ развитіемъ. Сутяжничество, легкое отношеніе къ своимъ обязанностямъ и слабая забота быть добрымъ примѣромъ для окружающихъ чуть ли не составляли тогда общую его черту. По крайней мѣрѣ, если встрѣчались исключенія, то не особенно часто. Нравственный надзоръ за будущими пастырями былъ слабъ. Тѣсное и грозившее разрушеніемъ зданіе ученическаго общежитія семинаріи было очищено и ученики выведены на частныя квартиры, что много затрудняло инспекцію. Можно сказать, семинаристы жили въ надзора. На строгій приговоръ ректора слабый архипастырь замѣчалъ: «а ну, что путнаго будетъ? Ты будешь исключать, а я ихъ буду въ поны ставить».

Итакъ, вотъ сколько дѣлъ и заботъ предстояло Филарету. Они мало могли обѣщать ему свободнаго времени для его ученыхъ занятій, что не могло не сокращать его. «Кажется, здѣсь уже не дадутъ мнѣ заниматься ни шпаргалами, ни книгами», писалъ онъ Романовскому.

Такія нерадостныя свѣдѣнія, получаемыя Романовскимъ изъ Чернигова еще менѣе могли примирять его съ переводомъ Филарета изъ богатаго университетскаго города Харькова въ глухой Черниговъ. Онъ зналъ, что Филарету желалось сложить въ Харьковѣ свои кости, для какой именно цѣли и устроена имъ церковь во имя трехъ вселенскихъ святителей. Зналъ онъ, что преосвященный отказался отъ Симбирской кѣдры и писалъ по этому поводу: «видите, хотя Харьковъ поитъ меня полынью, но я еще держусь за Харьковъ». Но Филаретъ безропотно подъялъ труды Черниговскаго архипастыря, какъ возложенные на него волею Божіей, и отвѣчалъ на сѣтованія Романовскаго: «Вы спрашиваете: зачѣмъ удалили меня отъ васъ? Отвѣтъ простой: затѣмъ, что негоденъ для васъ. Все нужное намъ Господь подастъ намъ. Это несомнѣнная правда. Спасайтесь во Господѣ».

Въ это время начались уже работы по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Вопросъ этотъ близко лежалъ къ христіанской душѣ Филарета. Расходясь во взглядахъ на него съ своимъ другомъ Романовскимъ, Филаретъ сильно этимъ огорчился. Желая воздѣйствовать на Романовскаго, въ письмѣ къ нему, которое мы сейчасъ изложимъ, Филаретъ заставляетъ смотрѣть на дѣло съ христіанской точки зрѣнія. Письмо это замѣчательно одобреніемъ Филарета мысли о надѣлѣ землею крестьянъ, что составляетъ самую мудрую мѣру реформы 19 Февраля, и эту мысль онъ отстаиваетъ передъ Романовскимъ. «Тѣмъ, что Господь посылаетъ каждому изъ насъ, не надобно тяготиться. Вамъ, какъ помѣщику, назначены теперь особенныя хлопоты. Не тяготитесь ими. Тяготясь ими, вы по многимъ отношеніямъ становитесь виновными передъ своею совѣстью. Во-первыхъ, вы разстраиваете тѣмъ свое слабое здоровье. Далѣе — идете противъ воли Божіей. Поберегите свою душу. Вы говорите, что и то и другое выйдетъ дурно, что и для помѣщиковъ и для крестьянъ было бы лучше, если бы сдѣлано было по вашему. Мечта самолюбія! Кто вамъ далъ право думать, что правительство—врагъ вамъ, или, что оно менѣе васъ заботится о томъ, какой отвѣтъ придется ему дать за свое дѣло? Нѣтъ, теперь уже извѣстно, что правительство много и много думало о дѣлѣ и обсудило до 100 проектовъ. Мнѣ странно за васъ особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Пусть польскій панъ, австрійскій магнатъ, пусть лифляндскій дворянинъ были столь жестоки къ людямъ, работавшимъ на нихъ столѣтія, что сказали имъ наконецъ: вы свободны, чтобы умирать съ голоду: намъ до того дѣла нѣтъ, для васъ нѣтъ у насъ ни клочка земли! Но русскій дворянинъ, русскій христіанинъ упорно хочетъ сдѣлать тоже самое! Это непосижимая задача. Гдѣ же наше православное, братолюбивое христіанство? Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напр., на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ холодомъ. Это—неоправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствія. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій: это вамъ предоставлено, но не осуждайте святого дѣла. При томъ вы оши-

баются, если думаете, что правительство не имѣть въ виду невыгодныхъ послѣдствій сосѣдства съ безопаснымъ хохломъ и не приготовило средствъ оградить покой вашихъ. Будемъ думать какъ можно лучше о другихъ и какъ можно хуже о себѣ: это будетъ во всякомъ случаѣ выгодно для насъ».

Филаретъ близко стоялъ къ дворянской семьѣ. Его манера, смиреніе, готовность помочь и утѣшить каждаго, при его глубокой учености и увлекательной бесѣдѣ тянуло къ нему всякаго, кто только имѣлъ случай его узнать. Любовь же его въ своемъ выборѣ не соображалась съ заможностью и положеніемъ лица. Такъ онъ былъ близокъ съ помѣщикомъ Ефимомъ Ивановичемъ Топчимъ, Харьковскимъ старожиломъ. Е. И. состоялъ въ должности совѣтника палаты государств. имуществъ, а потому занималъ скромное мѣсто въ Харьковскомъ обществѣ. Богобоязненный и преданный церкви Топчій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Изъ архіереевъ Харьковскихъ были знамениты своею ученостью Иннокентій и Филаретъ, оба они любили меня, послѣдній считалъ меня своимъ другомъ, что я старался всячески оправдать на самомъ дѣлѣ. Заплати имъ Господи за ихъ любовь». Въ письмахъ своихъ къ Романовскому Филаретъ часто вспоминаетъ о Топчемъ. «Ефимъ Ивановичъ утѣшаетъ меня своими посѣщеніями. Спаси его Господь». Когда Топчій послѣ тяжелой болѣзни посѣтилъ въ первый разъ Филарета, послѣдній писалъ Романовскому: «Еф. Ив. третьяго дня былъ у меня. Я такъ былъ радъ, такъ былъ радъ, увидавъ его въ своихъ келіяхъ, что готовъ былъ прыгать отъ радости».

Любя миръ, Филаретъ принималъ участіе въ семейныхъ несогласіяхъ и успѣвалъ утишить раздоръ. И въ подобныхъ дѣлахъ его правою рукою былъ Романовскій. Такъ, въ 1856 году возникъ тяжёбный споръ между двумя родственными дворянскими семьями Шидловскихъ и Лужиныхъ. Расположенный къ обѣимъ, Филаретъ сокрушался объ этой враждѣ и склонялъ ихъ къ миру. Предметомъ спора было богатое имѣніе Вальковского уѣзда—Старый Мерчикъ. Такъ какъ Романовскій былъ Московскимъ предводителемъ, то этого было достаточно для Филарета,

чтобы опереться въ такомъ дѣлѣ на услуги послѣдняго. «Думаю», писалъ ему Филаретъ, «часто думаю о вашемъ мерчинскомъ дѣлѣ. Оно неприятно. Какъ-то Господь поможетъ вамъ устроить опеку! Да тяжело дѣлать неудобное людямъ, но чего однако требуетъ совѣсть». Два мѣсяца спустя онъ извѣщаетъ Романовскаго, что онъ предлагалъ И. Д. Лужину помириться съ Шидловскими, что Лужинъ и жена его не прочь отъ мира и желаютъ посредничества Романовскаго. «Для добра почему не похлопотать», писалъ Филаретъ. «И должность ваша обязываетъ васъ къ тому. Примитесь-ка плотнѣе за дѣло». Результатомъ было то, что обѣ стороны, сдѣлавъ обоюдныя уступки, окончили распрю миромъ.

Жила въ Харьковѣ богатая помѣщица Н. Н. Костевская. Пр. Иннокентій уважалъ ее за ея набожность и постоянныя жертвы на дѣла благотворенія. Много пожертвовала она земель и денегъ въ пользу возобновленнаго имъ Ахтырскаго монастыря. Уважалъ ее и Филаретъ и нерѣдко навѣщалъ ее. Она попрежнему продолжала жертвовать на храмы и, что было особенно дорого для Филарета,—на училище дѣвиць духовнаго званія. У Костевской была воспитанница, сирота круглая. Она была дѣвушка нервная и неразвита, а старуха—ея благодѣтельница была избалована жизнью, была требовательна и капризна. Разъ въ церкви кто-то похитилъ у воспитанницы молитвенникъ старухи, подаренный послѣдней какимъ-то схимникомъ. Костевская до того озлобилась на несчастную, что не пустила ее въ домъ. Кто-то изъ монаховъ направилъ ее къ Филарету въ расчетъ, что Филаретъ убѣдитъ старуху положить гнѣвъ на милость. Но инокъ не ошибся только въ участіи своего архипастыря къ положенію бѣдной сироты. Дѣйствительно Филаретъ сейчасъ-же поручилъ благочинному отвезти дѣвушку къ Костевской, которую попросить отъ его имени простить несчастную. Но старуха не хотѣла и слышать. Тогда Филаретъ обратился къ Романовскому. Тотъ ее принялъ въ свой домъ и вскорѣ выдалъ замужъ, а Филаретъ снабдилъ средствами на первое обзаведеніе. Такое участіе Филарета въ горькомъ положеніи сироты не только не тронуло Костевскую, но еще болѣе усилило ея озлобленіе даже противъ самого святителя, котораго она при всякомъ случаѣ бранила за то, что онъ будто

бы предпочелъ ей «дрянную дѣвченку». Филареть все это зналъ и молчалъ; написалъ только Иннокентію: «Наталя Николаевна на меня въ большомъ неудовольствіи. Удивительная богомолка! Выгнала изъ дому на морозъ воспитанницу за то, что кто-то утащилъ въ церкви ея молитвенникъ». Такъ прошло болѣе года прежде чѣмъ одумалась старуха, тронутая, наконецъ, великодушіемъ святителя. Она простила воспитанницу, взяла снова ее къ себѣ и явилась съ повинною къ Филарету. Онъ же все предалъ забвенію и попрежнему сталъ бывать у нея. Приглашая разъ Романовскаго въ Харьковъ, онъ писалъ ему: «Да васъ и кромѣ меня ждуть многіе, между прочими и Наталя Николаевна, у которой пишу къ вамъ сіе письмо».

Не разъ Филареть выражалъ заботу, чтобы сраженные недугомъ, кромѣ приготовленія души къ переселенію въ горній міръ, подумали и объ оставляемыхъ ими. «Ольгѣ Николаевнѣ», (Ковалевской), писалъ онъ Романовскому, «назначенъ короткій срокъ мудрѣйшимъ. Между тѣмъ она еще не сдѣлала распоряженія о заемномъ письмѣ или лучше о своихъ. По отзыву родныхъ самое лучшее, что можетъ она сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы на заемномъ письмѣ подписала передачу права своего *дочери*. Съ этимъ и я согласенъ, согласенъ вполне по мыслямъ о супругѣ, сынѣ и братѣ. Говорятъ мнѣ, что она желаетъ слышать мой отзывъ. Если это справедливо: передайте мое мнѣніе. Какъ бы то ни было, поспѣшите сдѣлать доброе дѣло, сказать ей о необходимомъ по земному бытію; побывайте у нея». Романовскій исполнилъ желаніе Филарета, а Ковалевская приняла его совѣтъ. Въ завѣщаніи своемъ она между прочимъ написала: «У святительскихъ ногъ его преосвященства испрашиваю милосерднаго мнѣ упокоенія. Со мною живетъ родной братъ мой, студентъ университета Д. Н. Шараровъ, находящійся въ болѣзненномъ состояніи до того, что не можетъ самъ распорядиться своимъ содержаніемъ и требуетъ непремѣнно чловѣка, съ истинною любовью о немъ заботящагося. Не имѣя кому поручить его и зная опытно, какъ милосердно сердце ангела церкви Харьковской, я умоляю ваше преосвященство оказать мнѣ милость и принять несчастнаго брата моего Димитрія подъ отеческое попеченіе ваше, помѣстивъ его въ ка-

кую найдете возможным обитель. По сему завѣщанію имѣютъ быть доставлены вамъ полторы тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ на эту сумму братъ мой былъ содержимъ, а капиталъ хранился бы въ казенномъ кредитномъ учрежденіи до смерти его, а по кончивъ его, капиталъ тотъ долженъ остаться неотъемлемою собственностью обители, его призрѣвшей, для поминаенія какъ его, такъ и меня». Какъ ни была скудна сумма, назначенная Ковалевской на содержаніе брата, Филаретъ заботливо отнесся къ несчастному. Отправивъ его въ Ахтырскій монастырь, онъ писалъ настоятелю: «прошу, для поданія братской любви несчастному, опредѣлить благонаправнаго и сострадательнаго послушника». Шарповъ вскорѣ умеръ, незабытый постояннымъ попеченіемъ о немъ Филарета.

Какъ только заболѣлъ Топчій въ 1857 году, Филаретъ прежде всего позаботился объ обращеніи больного къ врачу духовному. Черезъ духовника своего, іеромонаха Макарія, онъ убѣдилъ его приобщиться св. Таинъ, а Романовскаго просилъ настоять, чтобы Топчій составилъ духовное завѣщаніе. Все это исполнилъ больной, приславъ завѣщаніе свое Филарету. Завѣщаніе это Филарету пришлось возвратить самому Топчю по случаю его выздоровленія.

Несомнѣнно, многія доблестныя черты дворянства, съ такою мощью заявившія о себѣ въ эпоху Севастопольской войны, еще болѣе влекли къ нему чистое и возвышенное сердце святителя-патріота. Онъ съ нимъ нераздѣльно переживалъ и его радости и его скорби. Такъ, когда ожидали въ Харьковѣ императора Николая Павловича, неувѣренный въ доброжелательствѣ ген.-губернатора Коконкина, Филаретъ писалъ Романовскому: «Да будетъ воля Божія во всемъ. Помолитесь за дворянъ и за меня грѣшнаго.»

Вотъ почему многіе дворяне Харьковскіе съ искреннимъ сожалѣніемъ разставались съ нимъ, а многіе дворяне Черниговскіе съ глубокою скорбью провожали его въ могилу. Да и нынѣ есть изъ среды ихъ много, знавшихъ лично Филарета и благоговѣнно чтущихъ его память. «Люблю я дворянство», говаривалъ онъ. Можно, кажется, непогрѣшимо сказать, что за эту любовь онъ получалъ отплату тѣмъ-же.

Понимая важность религіозно-нравственнаго воспитанія во всѣхъ словіяхъ и состояніяхъ, а тѣмъ болѣе въ духовныхъ семинаріяхъ, преосвященный Филаретъ не могъ оставить существовавшій порядокъ. Онъ немедленно обратился къ духовенству съ предложеніемъ удѣлить въ пользу семинаріи изъ церковныхъ суммъ, остающихся въ избыткѣ, и сдѣлалъ одновременно воззваніе и къ частной благотворительности. Въ Августѣ 1862 года, составилаь сумма 12.742 р., что дало возможность Филарету войти съ представленіемъ въ Св. Синодъ о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ семинаріи. Св. Синодъ почему-то болѣе года продержалъ это представленіе, и только въ Октябрѣ слѣдующаго 1863 года получилось разрѣшеніе. Но не прошла у Филарета зима даромъ для дѣла. Нетерпѣніе его равнялось гибельному положенію семинаріи. Заготовивъ зимою строительные матеріалы, онъ, едва стаялъ снѣгъ, еще въ Мартѣ, положилъ основаніе зданію. Строительная сумма къ этому времени болѣе чѣмъ удвоилась, а къ Январю 1866 года выросла до 56.447 руб. Такъ съ малыми, иногда ничтожными, средствами Филаретъ начиналъ, не задумываясь, большія сооруженія. На эту сумму къ Январю онъ не только окончилъ постройку новаго большого корпуса семинаріи, переложилъ два прежніе, устроилъ церкви, но еще сберегъ остатокъ въ матеріалахъ и деньгахъ до семи тыс. рублей.

Чтобы поднять семинарію и привлечь лучшія преподавательскія силы, Филаретъ озаботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія наставниковъ. Въ 1864 году онъ устроилъ нѣсколько квартиръ для нихъ въ одномъ изъ семинарскихъ корпусовъ. Въ Мартѣ 1866 года онъ вошелъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ объ отнесеніи $4\frac{1}{2}\%$ изъ церковныхъ суммъ на увеличеніе содержанія наставниковъ съ предоставленіемъ права духовенству и еще увеличить процентъ отчисленія, если найдетъ возможнымъ, для уравненія окладовъ по Черниговской семинаріи съ другими. Въ Апрѣлѣ уже получено было разрѣшеніе, и такимъ образомъ мѣра эта введена была еще при жизни Филарета. Подавая всегда первый примѣръ въ дѣлахъ благотворенія, онъ внесъ изъ собственныхъ средствъ на постройку семинаріи и устройство квартиръ для наставниковъ 1.500 руб. и пожертвовалъ изданіе свое «Письма

преосвященнаго Лазаря Барановича». На увеличеніе же содержанія наставникамъ онъ отчислилъ изъ неокладныхъ суммъ Черниговской каѳедры по 960 руб. въ годъ. Пожертвованія его расположили къ посильнымъ жертвамъ и духовенство.

Съ цѣлью развитія воспитанниковъ онъ въ 1862 году открылъ при семинаріи ученическую бібліотеку, подарилъ въ нее всѣ свои сочиненія; а по смерти его семинарія получила завѣщанную ей всю его цѣнную бібліотеку, состоявшую изъ 1.752 названій.

Зная, насколько необходимо для правильной постановки дѣла воспитанія въ духовныхъ училищахъ (гдѣ воспитываются мальчики въ отроческомъ возрастѣ) близкое отношеніе къ нимъ родителей и возможность ихъ надзора надъ дѣтьми, съ другой стороны соболѣзнуя духовенству сѣверныхъ уѣздовъ (Стародубскаго, Новозыбковскаго, Суражскаго и Мглинскаго) въ неудобствахъ обученія дѣтей въ отдаленномъ отъ нихъ Новгородсѣверскомъ училищѣ, онъ предположилъ открыть училище въ Стародубѣ. По его почину во второй половинѣ 1861 года былъ собранъ капиталъ. Немедленно купленъ возлѣ ц. Вознесенія въ г. Стародубѣ домъ за 4 тыс. руб., и 1 Октября того же года училище открыто, т.-е. менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца было все устроено. Къ этому дѣлу, столь энергически веденному, съ большимъ сочувствіемъ отнеслись всѣ сословія, а духовенство установило сборъ для оплаты расходовъ по страхованію.

Мы видѣли, какъ заботами Филарета возникло училище для дѣвиць духовнаго званія въ Харьковѣ. Мысль объ учрежденіи такого же училища не покидала его и въ Черниговѣ. Пожертвовавъ самъ тысячу руб., онъ сдѣлалъ воззваніе къ духовенству. Пожертвованія принимались даже зерновымъ хлѣбомъ, мукою, холстомъ, бѣльемъ и другими предметами. Хлѣбъ зерновой и мука продавались причтами совмѣстно съ церковными старостами въ торговыхъ пунктахъ; а холстъ, бѣлье и другіе предметы натурою доставлялись попечительству. Синодъ медлилъ и здѣсь разрѣшеніемъ. Къ этой мысли преосвященнаго особенно сочувственно от-

неслась покойная супруга губернатора княгиня Голицына *). Въ бытность свою въ Петербургѣ, какъ видно изъ письма Филарета къ митрополиту Петербургскому, она обращалась лично съ ходатайствомъ къ оберъ-прокурору. Опасеніе было у князя Урусова, какъ объяснила княгиня Голицына, чтобы не потребовали на училище денегъ. «Напрасныя опасенія», писалъ Филаретъ митрополиту: «содержаніе училища обезпечено капиталомъ своимъ до 14 тыс. р. и собственнымъ своимъ домомъ», за который Филаретъ заплатилъ 9 т. р. Это былъ домъ, бывший Дворянскаго Собранія. Но, не смотря на это разъясненіе и повтореніе своего ходатайства, Филаретъ только въ Апрѣлѣ 1865 года получилъ разрѣшеніе: а 30 Января слѣдующаго 1867 года училище уже было открыто, съ церковью во имя трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Радость духовенства была безпредѣльна. Какъ бы сговорившись, все духовенство выразило попечительному владыкѣ сыновнюю благодарность и ознаменовало свою признательность пожертвованіями. Духовенство же Глуховскаго уѣзда учредило стипендію имени Филарета и даже съ передачею его фамиліи, Гумилевской, каждой его стипендіаткѣ-воспитанницѣ. Такимъ образомъ это оригинальное постановленіе увѣковѣчило даже и фамилію заботливаго святителя въ учрежденномъ имъ училищѣ. Съ сочувствіемъ отнеслось къ этому дѣлу и все населеніе губерніи, выразивъ его въ той-же формѣ пожертвованій. Когда Филаретъ скончался, по предложенію Остерскаго духовенства, все духовенство губерніи немедленно собрало сумму, на которую, въ признательную память о своемъ архіепископѣ, соорудило для училищной церкви икону Филарета Милостиваго, установивъ вѣчное поминовеніе и заупокойное служеніе въ день кончины Филарета—9 Августа и въ день его именинъ—1 Декабря.

Всѣ учрежденія, скромное основаніе которымъ положено заботливостію архіепископа Филарета, не только окрѣпли, но получили широкое развитіе какъ по постановкѣ дѣла, такъ и по объему.

*) Княгиня Любовь Петровна Голицына, урожденная графиня Апраксина, по своимъ добродѣтельнымъ качествамъ и благочестію пользовалась вполне заслуженнымъ уваженіемъ Филарета.

Сопоставляя усильное развитіе учреждений, въ основаніе которыхъ положены трудовая лепта и забота преосвященнаго Филарета, съ печальною участію многихъ благотворительныхъ учреждений, возникшихъ по общественному почину, невольно приходится доискиваться причины въ чистотѣ и святости побужденій и въ истинномъ и беззавѣтномъ желаніи блага.

По прибытіи въ Черниговъ, объѣзжая въ томъ же 1859 г. епархію, Филаретъ встрѣтился съ полною неграмотностію крестьянъ, которые не были даже знакомы съ самыми простыми молитвами. Тоже нашелъ онъ и въ Харьковской епархіи. Во всей Черниговской епархіи оказалось двадцать школъ большею частью вѣдомства государственныхъ имуществъ. Не задаваясь сразу широкою программю, Филаретъ предписалъ, чтобы священники открывали школы для дѣтей обою пола, обучали необходимѣйшимъ молитвамъ, чтенію церковной и гражданской печати, главнѣйшимъ сказаніямъ изъ Священной Исторіи, а желающихъ и письму. Помѣщать школы, за неимѣніемъ помѣщеній, предложилъ священникамъ въ ихъ домахъ. Затѣмъ онъ обратился съ ходатайствомъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ объ отводѣ для училищъ по одной комнатѣ въ свободныхъ домахъ упраздненныхъ волостныхъ правленій, что и было уважено. Къ концу 1860 года было уже 769 церковно-приходскихъ школъ и въ нихъ учащихся 5.777 мальчиковъ и 1.292 дѣвочки. Интересуясь дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла и опасаясь, чтобы рвеніе къ нему не остыло, онъ вмѣнилъ въ обязанность священникамъ ежемѣсячно представлять въ консисторію свѣдѣнія о приходскихъ школахъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ велѣно было, между прочимъ, излагать о числѣ наставниковъ, о числѣ учащихся казаковъ и казенныхъ крестьянъ, о разныхъ случаяхъ въ жизни школъ, обращающихъ на себя вниманіе. Замѣчая изъ сравнительныхъ вѣдомостей благочинныхъ малое приращеніе учащихся, какъ напр. въ 1862 году по сравненіи съ 1861, Филаретъ немедленно требовалъ объясненія о причинахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ же предписывалъ доносить ему о встрѣчаемыхъ препятствіяхъ къ открытію школъ съ мнѣніемъ, какъ устроить ихъ. Все это давало чувствовать духовенству, что архіерей на дѣло смотреть

серьезно, съ полнымъ вниманіемъ, которое не ослабѣвало съ годами. По освобожденіи крестьянъ благое дѣло Филарета должно было принять болѣе широкіе размѣры, и въ первомъ же году число учащихся почти удвоилось. Школы открывались и при единовѣрческихъ церквахъ, куда ходило до шестидесяти дѣтей раскольничьихъ. Обозрѣвая въ этомъ году епархію, Филаретъ многія школы нашелъ въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Трудящимся на пользу народнаго образованія онъ объявлялъ благодарность, преподавалъ благословеніе, многимъ молодымъ священникамъ жаловалъ набедренники, усердныхъ и одобрительнаго поведенія причетниковъ посвящалъ въ діаконы. Словомъ, всѣми отъ него зависѣвшими средствами онъ побуждалъ духовенство энергично заниматься образованіемъ народа. Приуроченное къ такому благому и живому дѣлу духовенство само возвышалось нравственно, наполняя дѣятельностію свободные для него часы. Въ 1862 году было уже 843 школы, 923 наставниковъ и наставницъ, 15.116 учащихся мальчиковъ и 2.360 дѣвочекъ. Предпринимая въ послѣдній разъ объѣздъ епархіи, Филаретъ предписалъ благочиннымъ, чтобы они, по прибытіи его, представляли вѣдомости о состояніи приходскихъ школъ, списки учениковъ съ означеніемъ имени и фамиліи каждаго, съ отмѣтками ихъ успѣховъ, со свѣдѣніями, гдѣ помѣщаются училища, кто наставники. Ученики же должны были собираться при его посѣщеніи въ храмахъ.

Чтобы еще прочнѣе поставить эти школы и ближе придвинуть ихъ къ населенію, Филаретъ предложилъ, образовавъ братства, передать въ ихъ вѣдѣніе заботу о школахъ. «Пусть встрепенется святая христіанская любовь въ добрыхъ сердцахъ Русскихъ! Духъ любви умнѣе всякихъ хитро придуманныхъ организацій, соединитъ лучшихъ членовъ сельскихъ общинъ въ тѣсныя круги на пользу школъ и на другія дѣла благотворенія. Для всѣхъ покойно будетъ, когда школы будутъ па попеченіи братствъ». Съ такими словами обратился Филаретъ къ своей паствѣ.

Прочитавъ въ одномъ журналѣ въ 1862 году, что механизмъ чтенія будто бы схватывается дѣтьми легче по гражданской печати, чѣмъ по церковной, Филаретъ не принялъ этого «опытнаго заявленія», а велѣлъ въ одной школѣ ввести въ видѣ опыта. Опытъ привелъ къ про-

тивуположнымъ выводамъ: дѣти Малороссіянъ, оказалось, легче усваиваютъ чтеніе церковной печати, такъ какъ Малороссійскій языкъ болѣе сближается съ церковнымъ. А потому въ Сентябрѣ того же года Филаретъ предиксалъ начинать обученіе грамотѣ съ церковной печати, замѣтивъ притомъ, что для нравственнаго образованія простолюдиновъ полезнѣе первоначальное изученіе грамотности церковной. Наконецъ пробудилось и населеніе. Въ 1863 году 88 приходовъ изъявили готовность выстроить школы и содержать ихъ. Къ тому же году было выстроено на церковную кошелевкую сумму 568 домовъ для школъ. Филаретъ хлопоталъ и въ Управленіи Государственными Имуществами, и въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, чтобы помѣщеніе и отопленіе школъ и содержаніе сторожей были возложены на приходы.

*
* *

Когда въ Черниговѣ было открыто присутствіе по дѣламъ духовенства, онъ вошелъ съ мнѣніемъ, чтобы священники за труды въ школахъ получали вознагражденіе отъ обществъ по приговорамъ послѣднихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Филаретъ имѣлъ въ данномъ случаѣ не одно желаніе матеріальной пользы для духовенства, не одно поощреніе его къ труду, но и другія, болѣе важныя соображенія. Скудное средствами сельское духовенство по необходимости принуждено брать вознагражденіе за исполненіе такихъ духовныхъ требъ, которыя, по духу церкви, должны преподаваться безмездно. Открывая источникъ дохода, который ставится въ зависимость отъ личнаго труда, Филаретъ могъ смѣлѣе дѣйствовать противъ исконнаго порядка, существующаго во вредъ церкви. У насъ же принято возставать противъ подобныхъ поборовъ, не указывая источниковъ для жизни духовенству. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ существовать на 140 руб. годоваго жалованья сельскому священнику, а иному причетнику на 35 рубл. съ семьями. Мы смѣло указываемъ на такую мысль Филарета по знакомству, какъ съ направленіемъ его дѣятельности, такъ и съ его воззрѣніями. Въ это дѣло, кромѣ заботъ и трудовъ, вносилъ Филаретъ и свою лепту, какъ и во всякое на-

чатое имъ дѣло: оныя одновременно пожертвоваль на буквари 75 рубл. и 372 экземпляра книжекъ для чтенія.

Позднѣе, съ открытіемъ земства и земскихъ школъ, Филаретъ, радуясь распространенію грамотности, не спускалъ глазъ, какъ говорится съ пародной школы и, найдя въ школьныхъ библіотекахъ книжки не назидательныя по содержанію, представлялъ ихъ оберъ-прокурору Св. Синода. Были такіе примѣры: книжка самая невинная, а на обложкѣ, на исподней ей страницѣ, мелкою печатью излагалось не позволительное ученіе.

Говоря о трудахъ Филарета по народному образованію, небезынтересно привести его взглядъ на значеніе духовенства въ этомъ дѣлѣ, высказанный имъ С.-Петербургскому митрополиту, какъ члену Св. Синода. Въ Синодѣ шла въ ту пору работа о преобразованіяхъ въ духовенствѣ, преобразованіяхъ, которыми хотѣли, кажется, всколыхнуть и самую церковь. Мнѣніе Филарета въ числѣ другихъ, затронутыхъ имъ, вопросовъ изложено было въ особой запискѣ.

Объ участіи духовенства въ приходскихъ и сельскихъ школахъ.

«1) Никакое училище приходское въ городѣ и никакое училище въ селѣ для православнаго населенія не должно существовать безъ участія священника».

«2) Въ приходскомъ городскомъ и сельскомъ училищахъ начальникъ его — приходскій священникъ по значенію сана его. Предложенное проектомъ министерства просвѣщенія поставленіе учителя ариметики выше священника-законоучителя въ сельскомъ училищѣ и по жалованью, и по праву управленія, несогласно ни съ жизнію народною, ни съ значеніемъ священника, ни съ желаемыми послѣдствіями для училища».

«3) Преподаваніе Закона Божія въ таковыхъ училищахъ принадлежитъ званію священника. Если по отдаленности училища отъ мѣста жительства священника послѣдній не въ состояніи самъ преподавать Законъ Божій, оныя поручаетъ это преподаваніе испытанному имъ лицу; но ни въ какомъ случаѣ никто не имѣетъ права преподавать Законъ Божій помимо вѣдѣнія и согласія священника».

«Предположенное проектомъ министерства просвѣщенія предоставленіе права каждому, кто захочетъ, открывать училище и учить въ немъ Закону Божию, противно даже естественному праву, тѣмъ болѣе благоустройству гражданскому. Право природы предоставляетъ родителямъ право учить дѣтей своихъ, но подѣ условіемъ способности ихъ къ тому; иначе природа предоставила бы родителямъ право убивать своихъ дѣтей. Гражданскій порядокъ приведенъ былъ бы въ крайнее разстройство, если бы наставнику бунтовъ и крамоль дозволили быть публичнымъ учителемъ».

Мнѣніе Филарета цѣнно своей поучительной стороною для насъ. Черезъ 25 лѣтъ мы приходимъ къ высказанному имъ положенію. Мы придвигаемся къ нему, благодаря только тому, что опытъ, пережитый нами, заставляетъ присмотрѣться къ дѣлу; потому что намъ, наконецъ, напоминаютъ, что мы—Русскіе—должны учиться у самихъ себя, въ своихъ жизненныхъ опытахъ, по своимъ историческимъ урокамъ. Тоже говорилъ и Филаретъ: «самыя ошибки Русскія для насъ, какъ опытъ, цѣнны». Что подсказывало Филарету въ его прозорливыхъ взглядахъ? Любовь къ родинѣ и правдѣ. Не значить-ли, что мы должны наиболѣе заботиться о водвореніи этого чувства на родной землѣ, какъ лучшаго средства противъ болѣзни лжи и зла, какъ залога гражданской и политической силы отечества? Эти мысли при удобныхъ случаяхъ проводилъ въ своихъ поученіяхъ Филаретъ.

Въ епархіальныхъ дѣлахъ Филаретъ держался той же системы, какъ и въ Харьковѣ. Сейчасъ же по вступленіи въ управленіе епархіею онъ сдѣлалъ представленіе Синоду о закрытіи трехъ духовныхъ правленій и взамѣнъ ихъ объ увеличеніи штата консисторіи двумя членами. На послѣднее было получено разрѣшеніе; по поводу закрытія духовныхъ правленій, онъ долженъ былъ повторить свое представленіе, подкрѣпляя его, какъ мы видѣли, увѣреніемъ, что духовенство отслужитъ тогда благодарный молебенъ. «Признательный къ назначенію новыхъ двухъ членовъ консисторіи, остаюсь въ тревогѣ о томъ, что не получено разрѣшенія закрыть три духовныя правленія» писалъ онъ оберъ-прокурору. Замѣчальна въ такихъ случаяхъ настойчивость Филарета.

Къ положенію сельскаго духовенства Филаретъ вообще былъ внимателенъ, и ему не нравилось привилегированное положеніе членовъ духовныхъ правленій и консисторій, пользовавшихся матеріальнымъ избыткомъ на счетъ бѣднаго сельскаго духовенства и величавшагося передъ нимъ своимъ положеніемъ. Это было, по своему нравственному типу, нѣчто въ родѣ интендантства въ нашей арміи. Вотъ почему Филаретъ бралъ на себя массу труда по епархіальнымъ дѣламъ. Каждое утро, послѣ обѣдни выходилъ онъ въ большую прихожую, садился у столика на диванъ, принималъ тутъ всѣ прошенія и жалобы, и тутъ-же положивъ резолюцію, отдавалъ просителю для передачи, куда слѣдуетъ. Конечно, духовное интендантство было недовольно. Жалобы и неудовольствие распространялись въ обществѣ; нѣкоторые смѣльчаки доводили даже о нихъ до свѣдѣнія митрополита Московскаго, который о всѣхъ этихъ жалобахъ сообщалъ Филарету. Принимая съ сыновнею почтительностію замѣчанія митрополита, Филаретъ давалъ объясненія. «Приношу искреннѣйшую и усерднѣйшую благодарность за назидательное письмо вашего святѣйшества. Во всю жизнь мою старался я быть точнымъ исполнителемъ совѣтовъ и наставленій высшихъ меня. При помощи Божией постараюсь выполнять во всей *буквальной* точности всѣ совѣты и мысли *вашего святѣйшества*».

Нельзя не остановить вниманіе на томъ, что Филаретъ титулуется Московскаго митрополита *«ваше святѣйшество»*. И надо думать, что митрополитъ Московскій не дѣлалъ противъ этого возраженій, такъ какъ титулованіе его *«святѣйшествомъ»* продолжалось. Но между тѣмъ намъ извѣстно, что онъ сдѣлалъ замѣчаніе одному молодому ученому, когда тотъ въ разговорѣ съ нимъ называлъ его *«святѣйшествомъ»*.

«Письмо вашего св—ва», писалъ далѣе Филаретъ, «драгоценно для меня и потому, что живущему въ глухой провинціи сообщаетъ свѣдѣнія вовсе неизвѣстныя и однако же необходимыя въ пастырскомъ служеніи. Святый владыка! Господомъ умоляю ваше св—во, не оставляйте насъ грѣшныхъ провинціальныхъ пастырей безъ подобныхъ вразумленій. Ваше св—во думали, по довѣрью къ о. Ласкаронскому *), что грѣшный Чер-

*) Бывшій соборный протоіерей, по отзывамъ, отличавшійся заносчивостію и неуживчивымъ нравомъ.

ниговскій пастырь не исполнилъ вашей воли. Какъ же это такъ? Ужели въ самомъ дѣлѣ архипастыри Русской церкви стали непокорнѣе передъ своимъ архипастыремъ-отцомъ? Мы ваши сыновья, вы нашъ отецъ. Дѣлъ у вашего св—ва множество. Но пришлите, безъ титуловъ, записку, и съ глубочайшею благодарностію принята она будетъ и будетъ принята въ исполненіе. Иначе и архіерей безъ вины будетъ виновать».

Какія же клеветы на Филарета доходили до митрополита Московскаго? Филаретъ имѣлъ при себѣ письмоводителя. О злоупотребленіяхъ и удаленіи перваго изъ нихъ мы имѣли случай упомянуть. Вотъ и сообщено митрополиту, что письмоводитель архіерея злоупотребляетъ, что обзоръ Филаретомъ епархіи очень отяготителенъ для духовенства, что архіерей не защищаетъ духовенства отъ клеветы и оскорбленій, неправильно на него возводимыхъ. Въ особенности на это смѣло и рѣзко указывалъ протоіерей Ласкаронскій, увѣрявшій митрополита, что Филаретъ вытѣспилъ его изъ собора. Наконецъ, ставилось въ вину Филарету, что онъ, посвящая дьячковъ въ діаконы, дьяконовъ въ священники, даетъ послѣднимъ хорошіе приходы, тогда какъ окончившіе курсъ въ семинаріи получаютъ плохіе. Вотъ противъ какихъ обвиненій долженъ былъ давать Филаретъ «своему владыкѣ» слѣдующія объясненія. «Консисторія пріучила духовенство думать, что если доносъ на священника или дьякона не подтверждается слѣдствіемъ, то будто бы духовное начальство непременно должно само требовать отъ судебного мѣста удовлетворенія за оскорбленіе бывшаго подъ слѣдствіемъ духовнаго лица. Послѣдствія изъ того, возможныя со стороны свѣтскихъ, для архіерея—понятны. (Консисторія всегда въ сторонѣ)». При этомъ онъ указалъ на случай, какъ при слѣдствіи доносчица не пожелала представить доказательствъ виновности священника, а когда была привлечена къ суду за клевету—представила ихъ. Онъ писалъ митрополиту, что самому Ласкаронскому два часа объяснял онъ, что преслѣдовать за клевету—это дѣло личное его, а не дѣло архіерея; но тотъ и ушелъ отъ него неубѣжденнымъ. «Такъ застарѣлый неправильный порядокъ приводитъ чловѣка не только къ незаконному негодованію на законный порядокъ, но еще возбуждаетъ его вносить клеветы на певиннаго. О. Ласкарон-

скій клеветаль на меня, будто вытѣснялъ я его изъ собора, тогда какъ не говорилъ я ему о томъ ни слова, а онъ для своихъ выгодъ перешелъ въ богатое село. Опъ оклеветалъ меня. Теперь понимаю, что убѣжденный въ холодности моеи къ его участи, хотя и ни разу не бывши у меня ни съ объясненіемъ словеснымъ, ни съ письменною просьбою, съ такимъ ожесточеніемъ возсталъ на меня». По своему незлобію при личныхъ непріятностяхъ, Филаретъ и здѣсь оправдываетъ виновнаго. «Уродливый старый порядокъ дѣлъ довелъ его до того, и я теперь, узнавъ отъ него убѣжденія совѣсти его, вовсе не виню его. Считаю нужнымъ присовокупить, что не беру на свою совѣсть дѣлъ консисторіи, ея членовъ и канцеляри; по у меня принимаются просьбы просителей мною самимъ, и я, написавъ резолюцію, отдаю самому просителю просьбу его въ руки для доставленія куда слѣдуетъ по содержанию просьбы. Этотъ порядокъ несогласенъ съ уставомъ: но еще съ перваго года по приѣздѣ въ Черниговъ, узнавъ страсть къ кляузничеству здѣшнихъ, слѣдую ему неизмѣнно, за исключеніемъ дней тяжелой болѣзни». Вотъ какъ въ томъ же письмѣ Филаретъ объясняетъ причину, побудившую его дѣйствовать вопреки уставу. «Покойный предѣстникъ мой ни одного опредѣленія консисторіи не измѣнялъ: а судья консисторіи оправдывалъ каждаго за деньги и обвинялъ каждаго, кто не давалъ денегъ. И вотъ другой источникъ жалобъ и клеветъ на меня. Духовенство Черниговской епархіи бѣдное, по историческимъ обстоятельствамъ пріученное къ кляузничеству и покупке опредѣленій деньгами, при всей бѣдности готово не жаловаться, когда продаютъ правду за деньги; но по той же бѣдности бѣснуется въ сутяжничествѣ, когда и деньгами не успѣваетъ защищать честь. Вотъ почему горько бываетъ на души, когда видишь, что въ томъ и другомъ случаѣ обвиняютъ бѣднаго архіерея и принимаютъ во вниманіе всякую клевету на него со стороны».

Чтобы устранить клевету объ отягощеніи Филаретомъ священниковъ при обзорѣни епархіи (слухъ о чемъ, какъ видно, доходилъ до Москвы), вотъ къ какимъ подвигамъ опъ долженъ былъ прибѣгать. «Нынешній годъ», писалъ онъ митрополиту, «и въ третьемъ году вовсе не ѣздилъ по особеннымъ обстоятельствамъ. Къ священникамъ боюсь заѣз-

жать. Случалось такъ, что въ цѣлый день только у становаго въ квартирѣ съѣмъ два яйца и выпью два стакана чаю». Разъ, пріѣхавъ въ одинъ городъ и осмотрѣвъ церкви, онъ получилъ приглашеніе отъ благочиннаго на чай. «Поди ты съ твоимъ чаемъ», отвѣчалъ на приглашеніе Филаретъ, «надоѣлъ ужъ онъ мнѣ! Покорми ты лучше меня: я третій день не ѣвши».

«Нѣтъ ли близъ васъ лица», писалъ митрополитъ, «которое бросаетъ на васъ свою неблагообразную тѣнь? Помнится, я обращалъ ваше вниманіе на такое лицо, но вы едва-ли употребили предосторожность». — «Уже два года, какъ нѣтъ и въ Черниговѣ Рыжкова (бывшаго писемоводителя, онъ возвратился въ Харьковъ), отвѣчалъ Филаретъ; послѣ него уже третій у меня писемоводитель. Одобренный мѣстнымъ отзывомъ (а не моимъ выборомъ) оказался развратнымъ и больнымъ отъ разврата. Судите Господа ради, какъ тутъ жить? Какъ доискиваться правды въ словахъ злорѣчія?» Не преминули донести митрополиту и о томъ, что Филаретъ празднуетъ свои именины. И на это онъ долженъ былъ объяснить, что у него въ этотъ день бываютъ исключительно одни монашествующіе. Мы видѣли, что одною изъ мѣръ для поощренія причтовъ къ занятію ихъ въ школахъ, Филаретъ ввелъ посвящать усердствующихъ дьячковъ въ дьяконы, оставляя ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, а дьяконовъ въ священники. Хотя онъ дѣлалъ это, какъ объяснялъ митрополиту, съ соблюденіемъ правилъ соборныхъ, посвящая самаго достойнаго по службѣ (прослужившаго не менѣе 10 лѣтъ), по жизни и познаніямъ, что онъ назначалъ ихъ священниками на самыя бѣдныя приходы; но «избѣгая злорѣчія злости, бѣснующейся противъ архіереевъ-монаховъ», отмѣнилъ это правило. Объяснялся онъ и по поводу назначенія будто бы имъ на бѣдныя приходы окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи. Оказалось, что они сами, не узнавъ о состояніи прихода, указывали на него, а потомъ ходатайствовали часто о переводѣ на другой. Вслѣдствіе этого Филаретомъ даже дано было предложеніе ректору: «внушить имъ (семинаристамъ), чтобы они предварительно вѣрнѣе собирали свѣдѣнія о приходахъ, дабы впослѣдствіи не затруднять начальство». Эти объясненія такъ смиренно закан-

чиваетъ Филаретъ: «Въ заключеніе прошу, Господа ради, святѣйшій владыка, писать мнѣ прямо, если дойдетъ до свѣдѣнія вашего кажущееся незаконнымъ въ дѣйствіяхъ моихъ. При всей худобѣ моей, желаю служить Господу по искренней совѣсти и боюсь быть нежелающимъ выслушивать совѣты и вразумленія, тѣмъ болѣе, что нынѣ время самое тяжелое для каждаго архинастыря, особенно же для такого грѣшника, какъ я». Измученный клеветою Филаретъ думалъ о покоѣ, но митрополитъ ему замѣтилъ: «Объ оставленіи службы помыслять вамъ рано, и не думаю, чтобы это было нужно. Надобно стараться извести на свѣтъ правду, если ее затмѣваютъ».

О томъ же намѣреніи своемъ писалъ онъ Архіепископу Анаголію, жившему тогда на покоѣ въ Бессарабской епархіи. «Скорби времени довели душу мою до желанія оставить управленіе епархіею. Но мнѣ указали на то, что вамъ высочр. жалѣете о своемъ избраніи уединенной жизни. Правда ли послѣднее? Мнѣ бы желалось слышать отъ васъ самихъ извѣстіе о состояніи души своей. Надобно намъ учиться и учиться. Всего труднѣе знать самого себя. Самолюбіе слишкомъ много скрываетъ меня отъ меня самого. Примѣры иногда просвѣтляютъ взоръ души на себя самую».

Филаретъ вѣрно указалъ на кляузничество, доведившее до ужающей клеветы. Такъ мы можемъ привести слѣдующій возмутительный случай. Одинъ благочинный, желая очистить мѣсто для своего зятя, сдѣлалъ доносъ на священника. Послѣдній поѣхалъ хлопотать въ Черниговъ и разъяснить дѣло. По совѣту мѣстнаго своего помѣщика, проживавшаго въ Черниговѣ, онъ отправился къ секретарю консисторіи. Когда тотъ объяснилъ ему, что все зависитъ отъ архіерея, проситель пошелъ просить заступничества къ архимандриту Пармену, пользовавшемуся расположеніемъ Филарета. Это былъ старикъ простой, грубый. Онъ завѣдывалъ хозяйствомъ архіерейскаго дома, которое шло у него въ образцовомъ порядкѣ. Пармень раскричался и, не церемонясь, выгналъ въ шею просителя. И не прежде, какъ когда натолкали его въ шею, проситель рѣшился идти къ самому владыкѣ. Оказалось, что самый

кроткій и благосклонный пріемъ онъ встрѣтилъ у архіерея. Филаретъ потребовалъ донесеніе благочиннаго, прочиталъ и сказалъ: «вижу, что кляуза». Тутъ же положивъ резолюцію «оставить безъ послѣдствій», отпустилъ онъ «съ Богомъ» просителя. Каково-же было удивленіе помѣщика, когда онъ, пріѣхавъ въ деревню, узналъ о слухѣ, распущенномъ священникомъ, будто бы онъ поклонился архіерею тремя сотнями. «Батюшка», укоризненно замѣтилъ ему помѣщикъ, «не стыдно ли вамъ клеветать на архипастыря, да еще едѣлавшаго вамъ добро? Не вы ли говорили мнѣ, что дѣло безъ копѣчки устроилось?» — «Да помилуйте, отвѣчалъ священникъ, иначе нельзя: теперь я покоенъ, потому что всякій разсудитъ, что если мнѣ, чтобъ усидѣть на своемъ мѣстѣ, стоило 300 рублей, то ему, чтобъ занять мое, надо везти 600». Итакъ, чтобы оградить себя отъ козней другихъ, священникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вымыслу, не задумываясь передъ тѣмъ, что онъ кидаетъ тѣнь на своего архипастыря. Пусть подобные случаи составляли рѣдкія исключенія, но и одинъ говоритъ немало о нравственномъ состояніи духовенства того времени и объясняетъ намъ жалобы Филарета и борьбу, какую приходилось ему вести съ этою закоренѣлою страстью — сутяжничествомъ. На такую неразвитость духовенства указалъ одинъ изъ мѣстныхъ проповѣдниковъ въ рѣчи своей о Филаретѣ: «Заботливость о насъ почившаго была необычайная. Чѣмъ мы ее заслужили? Оказываемся ли мы достойными благодѣяній, столь щедро излитыхъ на насъ? Едва ли заслуживаетъ благодѣянія тотъ, кто не знаетъ ни цѣли, ни значенія благодѣянія».

Въ заботливости своей о духовенствѣ Филаретъ учредилъ *пенсительство о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія*, пожертвовавъ сюда свои сочиненія: «Обзоръ епархіи» и «Каѳедральные монастыри», за которыя выручено 270 руб. Пожертвованія идутъ и понынѣ, и дѣло это настолько поставлено прочно, что въ настоящее время, какъ слышали мы, до 20 т. р. въ годъ выдается пособій. Сколько бѣдниковъ, благодаря заботливости Филарета, избавлены такимъ образомъ отъ голодной смерти. Онъ же учредилъ эмеритальную кассу, основаніе которой положилъ отчисленіемъ ежегодно 3% изъ кошелевой суммы.

Обезпеченіе нуждъ духовенства составляло предметъ его заботъ и въ Харьковѣ. Немедленно по прибытіи туда, въ первые же дни, писалъ онъ Горскому: «Много хлопотъ и заботъ о распредѣленіи лицъ, оставшихся внѣ штата по случаю введенія новаго штата. Бѣда и та еще, что здѣсь въ нынѣшнемъ году ужасный голодъ и надежь на скотъ. Нищета въ духовенствѣ внѣштатномъ увеличилась. Хлопочу объ увеличеніи способовъ къ выдачѣ пособій вдовамъ и сиротамъ».

Въ видахъ обезпечить престарѣлыхъ священно и церковно-служителей, ихъ вдовъ и сиротъ, Филаретъ положилъ основаніе эмеритальной кассѣ. Это дѣло столь близко лежало къ сердцу его, что онъ почти всякаго священника спрашивалъ о положеніи этого дѣла и ходя по залѣ, заложивъ руки за спину, объяснялъ имъ о неотложной потребности въ самопомощи, о необходимой жертвѣ на святое дѣло.

Многіе просители, обращаясь къ Филарету, вмѣстѣ съ просьбами подавали записки съ деньгами, объяснивъ въ нихъ, что жертвуютъ на Елецкій или Троицкій монастырь, на семинарію или другое учрежденіе. Филаретъ, принимая съ признательностію жертву, принесенную иногда не отъ искренняго сердца, а по сутяжническому разсчету, говорилъ каждому: «спаси тебя Христосъ!» На этомъ построенъ былъ слухъ, что архіерей беретъ взятки. Кто по настоящему очерку уже знакомъ съ свѣтлою личностію Филарета, тому ненужно вразумительныхъ оправданій для него. Но, принявъ на себя трудъ составить настоящій очеркъ, мы считаемъ себя не въ правѣ обойти молчаніемъ ни одинъ фактъ, служащій къ опроверженію клеветы. Послѣ кончины Филарета казначей Елецкаго монастыря приглашалъ каждого, кто позволялъ себѣ вѣрить столь незаслуженному Филаретомъ нареканію, просмотрѣть монастырскія дѣла и книги и удостовѣриться, что всѣ записки передавались въ монастырь, подшивались въ одно объемистое дѣло, а деньги оприходованы. «Вы знаете, говорилъ казначей, что монастырь былъ въ полуразрушеніи; но Вы не знаете, быть можетъ, того, что намъ нечего было ѣсть. Теперь монастырь весь обновленъ, пріобрѣлъ собственность, обезпеченъ доходомъ. Того не хотятъ сообразить—откуда же взялись эти средства?» Другое доказательство: передъ послѣднимъ объѣздомъ преосвященнаго Филарета

епархіи, одинъ преподаватель семинаріи, пользовавшійся его расположеніемъ, обратился къ нему съ просьбою помочь ему, ссудивъ 300 или 400 рублей. «Вѣрь, нѣтъ», отвѣчала Филареть. «А вотъ что: есть моихъ полторы тысячи въ свѣчномъ. О. Николай, скажи, какъ за свѣчами пріѣдутъ, выдали бы ему» (такую-то сумму). Между тѣмъ, когда скончался Филареть въ пути, и въ кабинетѣ его вскрыли конторку, нашли тамъ нѣсколько записокъ съ деньгами около 300 рублей, которыя, какъ полученныя передъ самымъ отъѣздомъ, Филареть не успѣлъ передать по принадлежности. Значить, онъ настолько считалъ деньги эти неприкосновенными, что, при всемъ желаніи помочь любимому человѣку, не коснулся ихъ.

Изыскивая всѣ мѣры, чтобы улучшить положеніе духовенства, не отказывая никому въ частности въ его нуждѣ, Филареть выше дѣла состраданія ставилъ дѣло церкви, дѣло общее. Такъ, наприимѣръ, при преосвященномъ Павлѣ введено было въ обычай оставлять по смерти священника приходъ за его дочерью; женившійся на ней получалъ приходъ. Такимъ образомъ браки священниковъ устраивались не по склонности, а по расчету, и молодой священникъ начиналъ свое пастырское служеніе заботою о земныхъ благахъ, въ жертву коимъ приносилось и его супружеское счастье. Но главнѣйшее зло заключалось въ томъ, что приходъ, въ ожиданіи совершеннолѣтія дѣвицы, иногда много лѣтъ оставался празднымъ въ вѣдѣніи наблюдающаго, сосѣдняго священника. Понятно, что служеніе въ церкви совершалось рѣдко, въ исполненіи духовныхъ требъ были большія упущенія. Филареть, можетъ быть, скрѣпя сердце, положилъ конецъ этому порядку и на первой же просьбѣ вдовы священника оставить приходъ за ея дочерью и пожаловать послѣдней жениха, положилъ такую резолюцію: «архіерей не свать и приходъ не приданое.»

Эта борьба состраданія съ требованіемъ порядка въ дѣйствіяхъ Филарета наблюдалась не рѣдко. Такъ, предполагая перевести единовѣрческихъ монахинь изъ Мослаковъ въ Малиноостровскій монастырь, онъ писалъ оберъ-прокурору, что жаль ему нѣкоторыхъ старушекъ-инокинь, имѣвшихъ свои домики и которымъ не хочется оставлять обсиженное

гнѣздышко свое. Уступая сожалѣнію, онъ думалъ представить Синоду объ оставленіи ихъ въ Мослакахъ доживать свой вѣкъ. Но потомъ, взвѣсивъ другія условія монашеской жизни и монастырскихъ правилъ, добавилъ: «Но, съ одной стороны, это можетъ быть исполнено безъ всякаго разрѣшенія Синода; съ другой, освященіе желанія самоволія Синодомъ было бы само-по-себѣ несовѣмъ прилично, да и по послѣдствіямъ не-полезно.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ позволялъ себѣ дѣлать отступленія отъ правилъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда они не сопровождались общимъ ущербомъ. Такъ одинъ помѣщикъ, не бывъ еще знакомъ съ Филаретомъ, явился къ нему съ просьбою за дьякона своего села. На казенный счетъ въ духовныхъ училищахъ принимались предпочтительно круглыя сироты, а затѣмъ сироты, не имѣющія отца или матери. Помѣщикъ, объяснивъ бѣдственное положеніе дьякона, обремененнаго семьею изъ одиннадцати душъ, просилъ сына его (хотя послѣдній и не сирота), принять въ духовное училище на казенный счетъ. «Спаси васъ Христосъ, что принимаете участіе въ бѣдномъ духовенствѣ», сказалъ Филаретъ, принимая прошеніе, а черезъ недѣлю получено было распоряженіе о зачисленіи мальчика въ Стародубское училище.

Изъ этого можно видѣть, что Филаретъ дѣло благотворительности поставилъ на правильную ногу. Онъ увеличилъ средства духовныхъ учебныхъ заведеній и комплектъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, основалъ попечительства для призрѣнія бѣдныхъ вдовъ и сиротъ учредилъ эмеритуру для увеличенія размѣра пенсіи, самъ не могъ видѣть горя ближняго и готовъ былъ дѣлиться послѣднимъ, но не жертвовалъ изъ состраданія къ одному выгодами многихъ.

«Добрая Елиз. Ник.», писалъ онъ Романовскому, «заботится о мнѣ, чтобы не отягощала себя суетами. Да спасетъ ее Господь за доброе желаніе. Но что же дѣлать? Такъ приходится мнѣ вездѣ, чтобы только хлопотать о постройкахъ, починкахъ. Такъ и здѣсь хлопоты за хлопотами. Св. Синодъ былъ такъ снисходителенъ ко мнѣ грѣшному, что отдалъ въ мое управленіе первоклассный Елецкій монастырь. Громкое имя

первоклассный! О. Макарій теперь мой намѣстникъ тамъ. Но оказывается, что много, очень много надобно хлопотать, чтобы возстановить этотъ монастырь въ значеніи первокласснаго. Потому уже начались у насъ съ о. Макаріемъ заботы и работы. Гдѣ средства? Что пока есть, тѣмъ мытаримъ. Умремъ и тогда останутся, пожалуй, на тяжесть души. Нѣтъ, Господи, и безъ того много грѣховъ у меня. Избавь меня сколько нибудь отъ тяжестей. Ревную о благолѣпнн храма Божія, Филаретъ не щадилъ труда и денегъ, когда онѣ были у него, не смотрѣлъ на то, что храмъ не принадлежитъ его епархіи. Такъ, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на годъ и помѣстился въ одномъ изъ подворьевъ, онъ сейчасъ же украсилъ убогій храмъ его, сдѣлалъ новыя одежды на престоль, жертвенникъ и пожертвовалъ другія необходимыя вещи.

На постройку церквей и увеличеніе доходовъ монастырей и архіерейскаго дома въ Черниговѣ немало также удѣлялось труда Филаретомъ. Онъ обновилъ Елецкій монастырь два раза, такъ какъ послѣдній при немъ пострадалъ отъ пожара, устроилъ теплую крестовую церковь и вторично соорудилъ послѣ пожара. Въ Троицкомъ-Ильинскомъ монастырѣ¹⁾, гдѣ нынѣ архіерейскій домъ, передѣлалъ теплую церковь, сдѣлалъ новый иконостасъ, обновилъ величественный холодный храмъ, выстроенный архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ (во второй половинѣ XVIII ст.), возстановилъ весь монастырь. Для увеличенія доходовъ перваго монастыря устроилъ Филаретъ на свои средства типографію, оставивъ изъ затраченной суммы 2.800 рубл. въ пользу монастыря, прося поминать его и его родителей, купилъ лѣсную дачу. Во второмъ монастырѣ, т.-е. ар-

¹⁾ Въ Троице-Ильинскомъ монастырѣ находятся древнѣйшая святыня: подлинная икона Черниговской-Ильинской Божіей Матери; списки съ нея чествуются: одна въ Соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, а другая—въ скиту Троицко-Сергіевой Лавры, который и получилъ названіе Черниговскаго. Надъ этой иконой устроена Мазею серебряная корона, поддерживаемая двумя ангелами, внизу вензель Мазепы. При Аннѣ Иоанновнѣ уничтожили всѣ подобныя «приличія» Мазепы; но настоящее украшеніе, надо думать было, прикрыто драпировкою и ускользнуло отъ вниманія исполнителей царицыной воли.

хіерейскомъ домѣ, на свои средства и на позаимствованныя у попечительства устроилъ свѣчной заводъ. Часть затраченной суммы получилъ онъ въ возвратъ изъ доходовъ завода, а 1.700 рубл. оставилъ въ пользу архіерейскаго дома. Изъ доходовъ свѣчнаго завода выстроилъ въ городѣ, на принадлежащей архіерейскому дому землѣ, каменный двухъ-этажный домъ, отдающійся въ наемъ, купилъ лѣсную дачу. Въ семинаріи была очень тѣсная и низенькая церковь въ домѣ, верхній этажъ котораго занимался архивомъ. Онъ весь домъ обратилъ въ обширную высокую церковь, придавъ ей прекрасный внѣшній видъ. Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ устроилъ три иконостаса ¹⁾.

Въ Черниговѣ есть знаменитая древностію святыня, Спасо-Преображенскій соборъ. Онъ заложенъ въ 1031 при Мстиславѣ, если еще не въ 1026 году. Такимъ образомъ онъ древнѣе Кіевскаго Софійскаго собора ²⁾. И вотъ стоитъ пезыблемо эта святыня, какъ бы въ укоръ и назиданіе современнымъ зодчимъ, коихъ храмы, едва вознеся высоко свои главы, обращаются въ груды камней и мусора. А 8½ вѣковъ, погромъ Татарскій, два пожара, два десятка выдержанныхъ осадъ не черкнули ни одной трещинки на стѣнахъ храма! Его коснулася только невѣжественная рука усердствующихъ, чтò изъ боязни обложила кирпичемъ его порфиrowыя колонны, вывезенныя изъ Греціи (обдѣланныя еще въ VII-мъ вѣкѣ), замазала древнія фрески масляною краскою и соорудила иконостасъ, не отвѣчающій стилю храма. Мечтою Филарета было возвратить этому старѣйшему въ Имперіи храму его первобытную фізіономію. Зная энергію этого святителя, мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что только смерть его не допустила осуществленія этой мысли.

1) Въ соборѣ этомъ прекрасныя серебряныя, мѣстами съ позолотою, царскія врата, жертва гетмана Мазепы.

2) Нѣкоторые относятъ заложеніе собора къ 1036 году, но едва-ли это вѣрно, такъ какъ у Нестора значится: «Положиша и (Мстислава) въ церкви святаго Спаса, юже бѣ самъ заложи; бѣ бо vzdано ея при немъ возвыше, яко на кони стоящи». А Мстиславъ умеръ въ 1036 году.

Кстати указать, какъ велико было у насъ равнодушіе къ отечественной старинѣ. Когда перестраивали хоры собора, унавішій брусъ пробилъ склепъ, гдѣ оказалось много гробовъ Черниговскихъ князей. Изъ нѣкоторыхъ гробовъ торчала парча, на одномъ лежалъ мечъ. Довольствуясь тѣмъ, что на гробахъ не оказалось надписей, что же сдѣлали? Склепъ засыпали! А, можетъ быть, эти мечи имѣли надписи, которыя можно было еще прочесть. А можетъ быть, въ самыхъ гробахъ были предметы, по коимъ можно было бы узнать многое; наконецъ, хотя бы скопировать рисунки матерій и одеждъ, за 8—9 вѣковъ до насъ бывшихъ въ употребленіи. Несомнѣнно, любознательность Филарета заставила бы эти полуразрушенные гробы рассказать о многомъ....

И въ дѣлѣ устройства монастырей Филаретъ также не могъ избѣжать клеветы и долженъ былъ объясняться съ Московскимъ владыкою. Такъ донесли митрополиту, что Филаретъ сдѣлалъ сборъ и затратилъ капиталъ попечительства на постройку дома, о которомъ сейчасъ было говорено. Филаретъ писалъ: «Домоправленіе не тратило ни одной копѣйки изъ суммъ попечительства. Оно только заняло на нужды дома (архіерейскаго) деньги у попечительства и платитъ проценты; а слѣдовательно приноситъ пользу попечительству, а не убытокъ. Сумма занятая обезпечена матеріалами свѣчнаго завода, которыхъ имѣется во всякое время на сумму вдвое болѣе той, которая занята у попечительства. Безъ свѣчнаго же завода домъ, при бѣдности средствъ, могъ бы дойти до крайняго разстройства. «Когда прибылъ я въ Черниговъ, и церкви, и жилия строенія готовы были падать. Теперь по милости Божіей мало-по-малу исправлены зданія. Изумительно какъ людямъ хочется во всемъ отыскивать худое. Въ прошедшій годъ выставляли меня виновнымъ за то, что домоправленіе продаетъ свой домъ для училища. Теперь другую вину отыскиваютъ относительно того же дома, будто на домъ собираются деньги, тогда какъ онъ отдается въ наймы. Если уже домъ выстроенъ и отдается въ наймы, къ чему же собирать деньги для него съ духовенства или церквей? Странное толкованіе», замѣчаетъ Филаретъ. О томъ же предметѣ на слѣдующій день Филаретъ снова пишетъ митрополиту и прецрвождаетъ выписку изъ шнуровыхъ книгъ,

объявляя, что 150 тыс. кирпича употреблено изъ завода домоуправленія (значить, приготовленнаго хозяйственнымъ способомъ), за лѣсъ, известь и работу уплачено 6 т. р. изъ доходовъ свѣчнаго завода. Съ чего взяли толковать о такихъ-то пожертвованіяхъ? Истинно не понимаю. Это клевета самая наглая».

Хозяйство архіерейскаго дома было такъ поставлено, что ничто не ускользало отъ вниманія. Если, наиримѣръ, былъ втупѣ лежащій кусокъ, земли, онъ былъ при Филаретѣ непременно засаженъ фруктовыми деревьями. Извѣстно, что въ монашеской трапезѣ главное мѣсто занимаютъ продукты растительные, остатки коихъ въ немаломъ количествѣ всегда пропадаютъ. Чтобы дать имъ назначеніе и обратить въ статью дохода, Филаретъ завелъ свиноводство. И поставлена была эта статья такъ, что на выставкѣ архіерейскому дому присуждена была медаль. Многіе не одобряли этого занятія; а многіе находили, что если оно приноситъ доходъ скудному средствами монастырю и пользу краю, то тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И по этому поводу Филарету приходилось объясняться съ митрополитомъ: «Относительно нечистоплотныхъ животныхъ, попавшихъ въ честь, оказалось, что тогда какъ экономъ былъ боленъ, начальникъ губерніи настоятельно просилъ, чтобы было что-нибудь на ихъ выставкѣ. Такова краткая исторія. Но видно, по грѣхамъ моимъ надобно, чтобы были непріятности мнѣ. Да будетъ воля Божія благословенна!»

Объясненіе Филарета, какъ видно, не удовлетворило митрополита, и онъ писалъ ему: «Не завидую вашему свѣчному богатству; но дивлюсь, какъ вы рѣшились на такое многосложное дѣло, и какъ умѣете вести оное. Оно требуетъ немало искусства, работы, счетовъ, вѣрности, многихъ озабочиваетъ, едва-ли не тяготитъ. Теперь, когда вы вашимъ примѣромъ подали поводъ тому, что всѣ архіереи могутъ сдѣлаться фабрикантами, и многіе священники прикащиками, желалъ бы я имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ у васъ сіе устроено и откуда берете вы мастеровъ».

Въ устройствѣ свѣчнаго завода Филаретъ имѣлъ уже опытъ. Имъ устроецъ былъ такой заводъ въ Харьковѣ. По неимѣнію наличныхъ средствъ, онъ прибѣгалъ вначалѣ къ кредиту, но, благодаря дѣятель-

ному надзору игумена (впоследствии архимандрита) Пармена и иером. Макария, заводъ былъ поставленъ прочно и работалъ потомъ на собственные средства, получая солидную прибыль. Филаретъ былъ первымъ изъ иерарховъ, устроившимъ свѣчныя заводы при архіерейскихъ домахъ двухъ епархій. Позднѣе онъ нашелъ подражателей; а теперь, когда на частныхъ заводахъ воскъ мѣшаются съ разными примѣсями, потребность для церкви въ епархіальныхъ заводахъ сдѣлалась еще настоятельнѣе.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе митрополита можно бы привести Русскую поговорку: «сытый голоднаго не разумѣетъ». Богатая и благоустроенная лавра не можетъ дать понятія о существующихъ нуждахъ иныхъ обитателей и архіерейскихъ домовъ. Черниговскій архіерей получилъ для своего помѣщенія огромный пустой монастырь. Онъ засталъ его въ полуразрушеніи и безъ средствъ для поддержки. Устроивъ свѣчной заводъ, онъ далъ назначенія нѣсколькимъ корпусамъ, стоявшимъ безъ оконъ и почти безъ крыши и сразу приступилъ къ исправленію всѣхъ построекъ на счетъ доходовъ завода.

*
* *

Если Филарета занимали археологическія изслѣдованія Лифляндіи, по его словамъ, мало имѣющія интереса для общей Русской исторіи, то можно судить, какъ интересовали его древности Чернигова. Прочитавъ, напримѣръ, Некро-Ливоніку Крузе и отнесясь съ похвалою о подробности въ описаніи древностей, о тщательности опредѣленія крѣпостей и точности, съ которою Крузе «набросалъ эскизъ исторіи Лифляндіи до прибытія Нѣмцевъ въ Лифляндію», онъ находилъ между прочимъ, что предположеніе его на счетъ торговыхъ дорогъ отъ Нѣмецкаго моря до Чернаго ошибочно. Его заинтересовало различіе въ построеніи крѣпостей Западными и Византійцами, какое, по замѣчанію его «довольно точно» опредѣлялъ Крузе. Но почему заинтересовало? «Это безъ сомнѣнія», писалъ онъ, «поведетъ къ дальнѣйшимъ результатамъ

по отношенію къ Русскимъ стариннымъ крѣпостямъ, если будутъ сдѣланы подобныя розысканія въ Россіи». Вотъ и отвѣтъ. Эти слова подтверждаютъ высказанныя многими замѣчанія о Филаретѣ, что къ каждому предмету относился онъ серьезно, и къ тому во всѣхъ его трудахъ лежала патриотическая основа. Въ Черниговѣ онъ перебралъ всѣ церковныя вещи, опредѣлилъ ихъ время и исторію многихъ священныхъ предметовъ, возобновилъ нѣкоторые древніе памятники. А въ настоящее время одинъ изъ нихъ, церковь пророка Іліи, бывшаго Ильинскаго монастыря, историческій памятникъ XII-го вѣка, запечатана и отдана въ полное распоряженіе всесокрушающаго времени. Что-бы спасти этотъ памятникъ и укрѣпить гору, необходимо 8 т. р.; но архіерейскій домъ, къ которому приписана эта святыня, нынѣ бѣденъ и не въ состояніи поддерживать свои необходимыя сооруженія когда-то славнаго Троицкаго монастыря, гдѣ многіе изъ крупныхъ художниковъ, не исключая графа Растрелли, оставили память своего таланта. И какая странность! Мы роемъ курганы, разрываемъ фундаменты древнихъ построекъ, чтобы узнать что-нибудь о быломъ, а наши существующіе историческіе памятники на нашихъ глазахъ допускаемъ превращаться въ груды, давая работу потомству раскапывать эти груды и рыться въ архивной пыли и мусорѣ, чтобы составить понятіе о томъ памятникѣ, который могъ быть убереженъ для него, какъ живой свидѣтель старины.

Близкое и основательное знакомство Филарета съ археологіею всего болѣе высказалось въ Черниговѣ. Это можно отчасти замѣтить въ «Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи», а особенно въ описаніи города Чернигова. Въ его время при постройкѣ одного дома наткнулись на фундаментъ древнѣйшей кладки. Филаретъ сейчасъ же опредѣлилъ, что это былъ княжескій дворецъ, и по указанію отыскали фундаментъ церкви архистр. Михаила, пристроенной ко дворцу. Тамъ найдена была женская коса, и Филаретъ объяснилъ, что она должна принадлежать княжнѣ, дочери Михаила Черниговскаго, замученнаго въ ордѣ. Нынѣ отъ этихъ развалищъ остались лишь признаки. Мѣсто это принадлежитъ земству. Въ видахъ, должно быть, сбереженія этихъ ос-

татковъ древности, заботливое земство прикрываетъ ихъ мусуромъ и сметьемъ со своего двора ¹⁾).

Труды по управленію епархією, занятія ученыя, плоды которыхъ кажется, въ наибольшемъ обилии явились въ послѣднія семь лѣтъ жизни святителя, именно во время управленія Черниговскою епархією, не отвлекали вниманія Филарета отъ общаго положенія церкви и не отчуждали его отъ общества. За всѣми явленіями общественной жизни, казалось, слѣдилъ онъ съ глубокимъ вниманіемъ. Такъ напримѣръ, намъ извѣстно, какъ предъ открытіемъ перваго земскаго собранія въ Черниговѣ онъ поразилъ прїѣхавшихъ къ нему двоихъ губернскихъ гласныхъ своими свѣдѣніями о земскомъ дѣлѣ. Оказалось, что онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ его въ другихъ губерніяхъ, гдѣ уже было введено земство, и знакомилъ съ нимъ гласныхъ путемъ критическихъ пріемовъ. Что касается положенія церкви, то оно не переставало заботить Филарета. Извѣстно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ либерализмъ готовъ былъ подточить устои самой церкви. Проекты сыпались у насъ, какъ звѣзды въ Ноябрьскую ночь. Немало этихъ померкшихъ звѣздъ пало и на долю церкви. Опасаясь, чтобы страсть къ проектамъ, охватившая нашу высшую правительственную сферу, не повредила церкви, Филаретъ изъ своего Троицкаго-Ильинскаго монастыря, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ подвижнической жизни первый инокъ земли Русской ²⁾, то убѣждалъ митрополита Кіевскаго, то писалъ къ Петербургскому, то къ архіерею, присутствовавшему въ Синодѣ. Въ числѣ проектовъ касающихся церкви, былъ проектъ о передачѣ епархіальнаго управленія бѣлому духовенству. Противъ этого-то главнымъ образомъ и возсталъ Филаретъ. Онъ дѣлалъ немало указаній, кои прямо вытекали изъ практики или были неопровержимымъ логическимъ выводомъ. Мы думаемъ, что недо-

¹⁾ Такое равнодушіе еще можетъ имѣть объясненіе въ глуши, въ провинціи; но не то ли же видимъ мы въ столицахъ? Кто, напр., пробѣгая мимо подмосковнаго Царицына, глядя на разрушающійся причудливый дворецъ, не задастъ себѣ вопроса: почему допускаютъ его разрушеніе и въ то-же время затрачиваютъ милліоны на сооруженіе въ столицѣ и внѣ оной разныхъ богоугодныхъ заведеній и казармъ? Такой же участи преданъ гетманскій дворецъ въ Батуринѣ.

²⁾ Преподобный Антоній Печерскій.

вѣріе его къ чистотѣ веденія дѣлъ въ то время въ Св. Синодѣ имѣло достаточно основаній для него. «Дозволяю себѣ сказать, писалъ онъ въ Петербургъ: надобно домогаться, чтобы въ ваше присутствіе, если не всѣ части, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя непремѣнно были окончательно рѣшены и закрѣплены протокольнымъ постановленіемъ. Дом—чѣ и по характеру копотунъ мелкотравчатый, да и онъ же только и держится начинаемыми и неоканчиваемыми проектами; иначе съ концомъ ихъ и ему конецъ.... Потому возьмите напередъ осторожность. Твердымъ настояніемъ заставьте, чтобы дѣла каждаго засѣданія въ слѣдующее засѣданіе были предлагаемы къ закрѣпленію подписями членовъ. Иначе останетесь въ обманѣ. Не вѣрьте обѣщаніямъ. Кто и разъ обманулъ, плохо вѣрятъ тому; а десять и двадцать разъ обманувшему—ни на волосъ не вѣрятъ, если не хотятъ быть жалкою игрушкою». Вотъ какія предупрежденія онъ дѣлалъ митрополиту. А вотъ его замѣчаніе на проектъ объ управленіи епархіею. «Кажется настааетъ владычество поповства; а затѣмъ скоро явится и «безпоповство». Это несомнѣнно: поповство «для сладкаго куска продастъ Иисуса». Указываютъ на Константинополь. Но онъ-то и служилъ урокомъ предкамъ нашимъ не пускать на столь поповства. Дай Богъ, чтобы ошибочно было убѣжденіе мое, но по-моему ничего добраго ожидать нельзя отъ поповства. Разгулъ страстей и разгулъ противохристіанскихъ мыслей—вотъ что явится въ Русской церкви съ управленіемъ поповства».

Рядомъ съ высказанными опасеніями за владычество «поповства», у Филарета, какъ мы видѣли, была постоянная забота о матеріальномъ улучшеніи быта духовенства и о нравственномъ его подъемѣ. Постановкою учебнаго и воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, обязательнымъ трудомъ по образованію народа, привлеченіемъ къ совмѣстному съ нимъ труду по составленію «Общаго обзора Черниговской епархіи» (въ семи книгахъ), изданіемъ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій» и живымъ назидательнымъ словомъ, можно непогрѣшимо сказать, Филаретъ въ короткій срокъ своего управленія пробудилъ духовенство отъ его нравственнаго оцѣпененія. Вотъ его записки или, какъ онѣ названы имъ, «мнѣнія».

А. О средствахъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства.

1) Уже въ 1829 году правительство признавало нужду увеличить надѣлъ земли для церковнаго причта не менѣе, какъ въ полтора раза (указъ 6 Декабря 1829 г. № 3323). Въ настоящее время эта нужда еще болѣе ощутительна, какъ по увеличившейся дороговизнѣ содержанія, такъ по неимѣнію другихъ средствъ облегчить бѣдное положеніе самой большей части сельскаго духовенства. Потому слѣдуетъ поставить закономъ: а) во владѣніе cadaго сельскаго причта, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, не менѣе 48 десятинъ земли. б) Тамъ, гдѣ не достаетъ сего количества десятинъ у причта или нѣтъ даже и усадебной земли, отводится добавочная земля пахотная и усадебная въ первый же годъ по изданіи новаго закона. в) Гдѣ отводъ церковной земли окажется невозможнымъ по недостатку земель у поселенцевъ прихода (именно, гдѣ на ревизскую душу приходится менѣе трехъ десятинъ), тамъ прихожане, не отлагая времени, представляютъ въ консисторію свое обязательство, утвержденное въ судѣ, доставлять причту вознагражденіе, соразмѣрное недостающему количеству земли, или деньгами, или отсыпнымъ хлѣбомъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы то или другое доставлялось причту изъ волостнаго управленія (послѣднее условіе необходимо для того, чтобы избавить священника отъ униженія ходить по дворамъ для собиранія хлѣба или денегъ; засвидѣтельствованіе акта въ судѣ необходимо для предотвращенія споровъ прихожанъ съ священниками, которые ни въ какомъ случаѣ не пакомятъ голоднаго священника). г) Въ приходахъ многоземельныхъ о церковныхъ земляхъ остается въ силѣ указъ 1829 года. Эта мѣра, безпokoйная для прихожанъ, значительно улучшить бытъ сельскаго причта. Въ такомъ случаѣ священникъ, обработавъ 8 десятинъ озимаго хлѣба, можетъ получить до 100 четвертей и, удержавъ для пропитанія своей семьи половину пропорціи, за другую половину можетъ получить до 200 р., и до 100 р. можетъ получить за проданный яровой хлѣбъ».

«2) И свѣтскіе давно изъявляютъ желаніе, дабы число членовъ бѣлаго духовенства было ограничено противъ нынѣшняго. Одна была

причина не согласиться съ этимъ желаніемъ: некому бы было читать и пѣть на клиросѣ. Въ настоящее время, когда въ сельскихъ школахъ столько поселянскихъ дѣтей обучается и обучалось церковному чтенію и пѣнію, и эта причина отклонена. Между тѣмъ сокращеніемъ числа членовъ духовнаго причта значительно улучшится матеріальный бытъ остальныхъ членовъ. Потому слѣдуетъ положить: а) духовными лицами считаются: священникъ, дьяконъ, учителя духовныхъ и сельскихъ церковныхъ училищъ; дьяконъ только тогда считается въ числѣ духовныхъ лицъ, когда онъ способенъ быть сельскимъ учителемъ, на каковую должность опредѣляется по испытанію; равно должны остаться въ духовномъ званіи и тѣ, которые доселѣ занимали и занимаютъ причетническую должность. б) Причетники избираются священникомъ и прихожанами и содержатся на условіяхъ съ послѣдними; они не пользуются правами духовныхъ лицъ, но лично они и съ дѣтьми своими свободны отъ всѣхъ сельскихъ повинностей, которыя принимаетъ на себя общество прихожанъ. в) Дьячекъ, хотя бы исполнялъ должность учителя, если вступаетъ во второй бракъ, по правиламъ св. церкви, «не можетъ быть ниже въ спискѣ священнаго чина» (Апост. пр. 17, Василія Вел. пр. 12)».

«3) Сельскій приходъ долженъ состоять не меньше, какъ изъ 260 душъ мужескаго пола; иначе онъ присоединяется къ ближайшему сосѣднему, и только тогда назначается для него особый причтъ, когда сверхъ узаконенной пропорціи земли въ обезпеченіе причта вносится въ кредитное установленіе сумма, проценты которой приносили бы до 100 руб. въ годъ. Если по силѣ сей мѣры придется закрыть въ епархіи церкви, то штатное жалованье закрытыхъ причтовъ раздѣляется между остальными причтами 6 и 5 классовъ епархіи по росписанію, утвержденному Св. Синодомъ; а церковная земля, если она есть, приписывается къ той сосѣдней церкви, къ которой приписываются прихожане».

«4) Для того, чтобы полевые работы не отнимали у священника времени, необходимаго для исполненія духовныхъ требъ, прихожане по добровольному приговору или назначаютъ ему изъ своей среды годового работника, или же во время дѣловой поры убираютъ хлѣбъ его,

о чемъ приговоръ представляется въ консисторію для соображенія на случай возможныхъ споровъ».

«5) Выморочное имѣніе, движимое и недвижимое, духовнаго лица бѣлаго духовенства поступаетъ въ распоряженіе епархіальнаго духовнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Поелику же опытами дознано, что законъ, предоставляющій имѣніе, оставшееся послѣ настоятелей и настоятельница штатныхъ монастырей и послѣ архипастырей родственникамъ ихъ (т. IX, ст. 267), не достигаетъ своей цѣли (платя, книги гниютъ безъ призора, и капиталы рѣдко не растрачиваются, пока наслѣдники явятся для полученія наслѣдства, и отъ того плодится только бесполезная переписка), то представляется болѣе благотворнымъ, дабы въ томъ случаѣ, если не оставлено законнаго завѣщанія, имѣніе покойнаго архипастыря одною половиною поступало въ пользу архіерейскаго дома, а другою въ пользу сиротъ духовныхъ, обучающихся въ мѣстной семинаріи; а имѣніе настоятеля или настоятельницы штатнаго монастыря одною половиною поступало въ пользу монастыря, а другою также въ пользу духовныхъ сиротъ мѣстной семинаріи. При такомъ порядкѣ дѣлъ мѣста, заинтересованныя въ оставшемся послѣ покойнаго имуществѣ, сохранять его въ цѣлости, и душѣ покойнаго будетъ болѣе пользы и покоя».

«6) Тогда какъ каждый гражданскій чиновникъ отдаетъ пакеты на почту, не платя почтовой пошлины, въ консисторіяхъ производятся изъ-за того дѣла, что почтовые конторы не иначе принимаютъ пакеты отъ священниковъ и депутатовъ, какъ съ платою почтовой пошлины. Потому справедливость требуетъ и нужда заставляетъ, дабы постановлено было закономъ принимать на почтахъ безъ платы вѣсовыхъ отъ всѣхъ священниковъ пакеты и посылки, запечатанные церковною печатью и подписанные «по казенному». Равно тогда какъ по ст. 381 и 382 т. XII за пересылку Губернскихъ Вѣдомостей и съ ихъ неофициальною частью не взыскивается никакая плата на почтѣ, за пересылку Епархіальныхъ Вѣдомостей церкви и причты платятъ деньги; между тѣмъ Епархіальныя Вѣдомости замѣняютъ собою для церквей и причтовъ указы, которые по закону (ст. 202, 205 т. II, ст. 377 т. XII)

разсылаются безденежно, и Епархіальными Вѣдомостями еще облегчается почтовое вѣдомство, такъ какъ одинъ номеръ вѣдомостей замѣняетъ собою до 25 указовъ. Потому справедливость требуетъ, дабы сила закона (ст. 381 и 382 т. XII) распространена была во всей его обширности и на Епархіальныя Вѣдомости, и законъ о пересылкѣ указовъ безденежно не былъ нарушаемъ почтовыми конторами».

«7) Въ силу указа 1786 г. Апрѣля 10, никто изъ лицъ монашесствующихъ и бѣлаго духовенства не можетъ быть ходатаемъ по дѣламъ, кромѣ дѣлъ своей церкви и дѣлъ о малолѣтнихъ, состоящихъ подъ его опекою (Св. Зак. т. IX, ст. 264 и 288). Этотъ законъ и самъ по себѣ страненъ, поставляя духовное лицо въ уровень съ лицами, лишенными правъ состоянія, и по послѣдствіямъ оказывается весьма вреднымъ для быта духовенства. По Черниговской епархіи множество имѣній собственно-духовныхъ лицъ перешли въ чужія руки, такъ какъ судебная практика, принимая законъ въ смыслъ слишкомъ тѣсномъ, не принимала никакихъ просьбъ отъ духовныхъ лицъ, просившихъ о восстановленіи правъ собственности женъ ихъ или безграмотныхъ сестеръ, племянницъ и племянниковъ, и всѣ эти лица сами не были въ состояніи писать и подавать просьбы отъ своего имени, также какъ и ходить по судамъ. Потому и справедливость, и настоятельная нужда требуютъ, дабы ст. 288 т. IX измѣнена была такъ: никто изъ лицъ бѣлаго духовенства не можетъ быть ходатаемъ и повѣреннымъ по чужимъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ своей церкви, кромѣ дѣлъ собственности своихъ родныхъ, какъ и своей собственности, и также дѣлъ о малолѣтнихъ, состоящихъ подъ его опекою».

8) «Такъ какъ въ нынѣшнее время не время опасаться за излишнее усердіе жертвователей въ пользу церкви и монастыря, а между тѣмъ существующій доселѣ порядокъ укрѣпленія недвижимаго имѣнія за церковію или монастыремъ чрезвычайно отяготителенъ: то представляется должнымъ, дабы право церкви и монастыря православнаго вѣдомства оставлено было только въ предѣлахъ, положенныхъ для каждаго частнаго лица и общества, безъ испрашиванія Высочайшаго разрѣшенія на каждый случай» (т. IX ст. 309).

А. О значеніи духовныхъ лицъ въ гражданскомъ обществѣ.

«1) Священникъ, какъ пастырь своей паствы, есть первое лицо въ своемъ приходѣ.

«2) Такъ какъ помимо религіи никакое общество человѣческое не можетъ имѣть ни благоустройства, ни прочности, а священникъ—проводникъ религіи въ общество: то какъ въ думахъ городскихъ, такъ въ сельскихъ управленіяхъ священнику принадлежитъ право голоса».

«3) Никакого нѣтъ сомнѣнія, что никакое нравственно-исправительное заведеніе не можетъ достигать благихъ послѣдствій, пока въ его управленіи не участвуетъ пастырь-законоучитель. Это ясно и по сущности дѣла, и по опытамъ. Но и въ учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ существеннымъ и вознаграждаемымъ недостаткомъ ихъ останется, если законоучитель-священникъ остается безъ права голоса въ ихъ учебномъ и нравственномъ управленіи».

«4) Священникъ въ дѣйствіяхъ, касающихся религіозной жизни народа не долженъ быть стѣсняемъ гражданскою властію, и не вмѣнять ему въ вину, если онъ за тайный грѣхъ и за преступленіе, не обнаруженное гражданскимъ судомъ, налагаетъ на согрѣшившаго частную эпитимію, какъ-то: временное удаленіе отъ причастія, поклоны, постъ. Если-бы священникъ вопреки долгу допустилъ что-либо оскорбительное для гражданского порядка, власть гражданская доводитъ о семъ до свѣдѣнія духовной власти, обязанной преслѣдовать вины духовнаго лица».

«5) Въ общихъ выборахъ уѣздныхъ и городскихъ, когда въ нихъ участвуютъ все сословія мѣстныя, было бы явкою несправедливостію и незаслуженнымъ оскорбленіемъ, если-бы въ нихъ не участвовали довѣренные лица духовнаго сословія».

«6) Членамъ консисторіи, благочиннымъ и депутатамъ для проѣздовъ ихъ по дѣламъ службы, по примѣненію къ ст. 92 т. XI, выдаются изъ казначейства прогоныя деньги: члену консисторіи-архимандриту на 6 лошадей, члену консисторіи-протоіерею и священнику на 4 лошади, благочинному на 3 лошади, депутату на 2 лошади».

«7) Протоіереи и священники также, какъ духовные Римско-католическаго исповѣданія (т. IX, ст. 49), достаиваемые ордена св. Анны, пользуются правомъ личнаго дворянства».

«8) Какъ бы высоко ни поставлены были въ гражданскомъ обществѣ законами гражданскими священники, униженіе духовнаго ихъ начальства не можетъ не падать на все духовное сословіе и не сопровождаться послѣдствіями вредными для самого гражданского общества. На этомъ основаніи необходимо архипастырямъ церкви православной возвратить въ возможной степени древнее значеніе ихъ среди общества Русскаго. Потому: а) высшее духовное правительство (Св. Синодъ) должно быть совѣтникомъ высшаго гражданского правительства (Государственнаго Совѣта). б) Архипастыри церкви должны быть выведены изъ нынѣшней ихъ скудости, которая оставляетъ ихъ безъ средствъ, быть раздавателями милости для бѣдныхъ и иногда и безъ средствъ для содержанія служащихъ имъ. Пусть по крайней мѣрѣ производится намъ жалованье въ томъ числѣ рублей, какое назначено было штатами императрицы Екатерины, хотя дороговизна на все предметы жизни нынѣ противъ тѣхъ временъ возвысилась едва ли не вчетверо».

Можетъ быть, многимъ требованіе Филарета—отвести высшей духовной іерархіи такое положеніе въ сферѣ правительственной покажется очень смѣлымъ, пожалуй, и болѣе того, по здѣсь нужно оговориться. Мы не можемъ заподозрить, чтобы у Филарета въ данномъ случаѣ говорили самолюбіе или тщеславные расчеты. Мы видѣли, съ какою боязнію смотрѣлъ онъ на тягость и отвѣтственность служенія пастырскаго. Когда въ 1843 году назначенъ былъ инспекторомъ Московской Академіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, Евгений, безъ управленія монастыремъ, а товарищъ его Алексій, одновременно назначенный ректоромъ Московской семинаріи, получилъ въ управленіе Заиконоспаскій монастырь, Филаретъ писалъ: «Радуюсь объ Евгении и такъ какъ люблю душу его, то не желаю, чтобы онъ сколько нибудь думалъ о томъ, что другой получилъ уже и настоятельство. Подобныя радости, а точнѣе несчастія для души, идутъ чередомъ; не нынѣ, то завтра придутъ. А преобразование души въ жизни Христовой—вотъ это не

такъ легко совершается, тутъ череды нѣтъ: если самъ не забочусь, то дѣло останавливается или даже возвращается назадъ». Но Филаретъ былъ историкъ. Изучая исторію путемъ глубокаго анализа событій, сопоставленія историческихъ эпохъ, знакомства съ бытовыми условіями народа, онъ не могъ не вывести убѣжденія, что Русское царство слагалось самобытно, огражданствованіе Россіи, типъ ея монархіи установились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ церкви. На первомъ шагѣ, который сдѣлало христіанство въ Россіи, оно встрѣтило во внутреннихъ свойствахъ народа (см. свидѣтельство блаженнаго патріарха Фотія) столько готоваго, сроднаго съ его ученіемъ матеріала, что церковь слилась съ народомъ и стала жить съ нимъ нераздѣльною жизнію. Такое наблюденіе и привело г. Вогюэ къ заключенію, что «Русскій народъ собственно не нація, а церковь». Эти же условія вызвали и замѣчаніе Делингера, что «Русскую церковь ожидаетъ великая будущность». «Съ удивленіемъ мы увидимъ», говоритъ Овербекъ, «какъ постепенно будутъ возникать все болѣе и болѣе важныя послѣдствія для политическихъ судебъ нашей части свѣта отъ тѣснаго союза между православною церковью и Русскимъ государствомъ». Эта тѣсная связь, по его словамъ, должна оказывать самое рѣшительное вліяніе на всю будущность и развитіе государства. Такое преимущество православной церкви онъ ставитъ въ противоположность католической (что весьма поучительно для насъ и вразумительно для нашихъ братьевъ-Чеховъ, силищихся доказать, увы! бездоказательно, противное). Эта связь или вѣриѣ единеніе народа и государства съ церковью, по мнѣнію того же мыслителя, сформировали исключительное національное чувство у Русскаго народа. Сожалѣя, что Германія не располагаетъ такою счастливою особенностію, Овербекъ говоритъ: «У Франціи сильно національное чувство, но оно утверждается не на религіи, а на славѣ. Англія имѣетъ также не менѣе развитое національное чувство, но оно утверждается не на религіи, а на свободѣ. Россія же утверждается на вѣрѣ, и потому ее ожидаетъ великая будущность».

Если таково мнѣніе иностранцевъ, добросовѣстно изучающихъ нашу исторію и нашу церковь, то какъ-же могъ иначе смотрѣть Русскій

человѣкъ, какимъ былъ Филаретъ, почти отъ дѣтства съ увлеченіемъ занимавшійся исторіею своего отечества и своей церкви, и, какъ пастырь ея, самоотверженно служившій и тому и другой?

Если съ завистию смотрѣлъ сторонній наблюдатель на этотъ залогъ силы и могущества нашего отечества, то, конечно, сторона этихъ счастливыхъ условій заставляла смотрѣть извнѣ на положеніе Россіи съ сильнѣйшими опасеніями. Нужно было съ особенною ловкостію и дальновидностію дѣйствовать, чтобъ эту связь свести съ ея историческаго пути, дабы слова Овербека не явились въ судьбахъ міра грознымъ пророчествомъ. Самый страшный врагъ—домашній». И вотъ, вырывая у Руской семьи ея членовъ, организовали изъ нихъ кучку домашнихъ враговъ. Не размышляя о томъ—кому они служатъ, разбѣлись они по всемъ куткамъ родной земли, стараясь притупить у народа, страшное врагамъ, его завѣтное оружіе. Филаретъ видѣлъ эту работу и дощупывался до ея корня. Онъ понималъ, что противодѣйствовать этой подпольной работѣ можетъ только церковь, и для успѣха ея дѣйствій нужно ее придвинуть къ средѣ правительственной. Онъ вѣрилъ, что свѣтъ ея просвѣтитъ облегающую тьму. Онъ жаловался на «людей—остатковъ XVIII вѣка, которые тѣмъ болѣе дѣлаютъ вреда въ обществѣ, что занимаютъ высокія мѣста, имѣютъ въ рукахъ своихъ власть и голосъ ихъ силенъ». «Платонъ Любарскій, воспитанникъ Екатерины, той Екатерины, по милости которой язычество господствуетъ доселѣ во многихъ губерніяхъ, и многія тысячи крещеныхъ до времени Государа Николая I жили и вѣрили опять по-язычески. Палерояльская философія ея надѣлала столько зла Россіи, что еще долго будетъ страдать Россія по ея милости, а многое едва ли уже можно исправить по вкоренившемуся образу дѣйствій. Да, оставила по себѣ память Екатерина! Не дай Богъ, чтобы что-нибудь подобное повторилось въ Россіи. Можетъ быть я потому слишкомъ невыгодно думаю, что иного еще не знаю. Но при нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ скорблю и негодую». Такъ писалъ онъ Горскому по поводу сужденій о дѣлахъ миссіи. Его слово гремѣло съ его архіерейской кафедры въ обличеніе исторической неправды ложныхъ ученій, проводимыхъ въ обществѣ. Но этого было недостаточно. Надобно было

войти церкви въ тѣсный союзъ съ властію, дѣйствуя въ духѣ единенія, проводя это начало и въ народную жизнь, или, вѣрнѣе сказать, возвративъ ему его мѣсто. Если намъ докажутъ, что Россія съ тѣхъ поръ, какъ мы повернулись спиною къ нашимъ историческимъ опытамъ и стали брать отъ Запада и насаждать у себя верхи по цивилизаціи и государственности, сдѣлала шагъ впередъ въ нравственномъ своемъ развитіи, мы признаемъ ошибку Филарета. Но пока мы, не закрывая глазъ передъ нашимъ настоящимъ, не видимъ такихъ доказательствъ, воздержимся отъ такого приговора.

Впрочемъ предполагаемое участіе духовной власти, какъ совѣтника въ высшемъ государственномъ управленіи, не составляетъ новости. Въ проэктѣ Екатерины, не любившей заимствованій извнѣ, не отвѣчающимъ особенностямъ русскаго быта, о преобразованіи Сената сказано: «генеральный судъ составляется изъ Сената, Синода четырехъ первыхъ классовъ имперіи и изъ предсѣдателей государ. и пр. Судеб. Палатъ».

Еще въ 1858 году Филаретъ писалъ Горскому: «Весьма нужно бы напечатать статью противъ безразличія въ вѣрѣ. Просилъ объ этомъ здѣшняго митрополита, но не ожидаю исполненія просьбы. Господа ради, печатайте статьи, прямо или косвенно направленные противъ пагубнаго духа времени. Мнѣ уже не разъ высказывали угрозу, что готовы произвести реформацію Лютерову. Я отвѣчалъ вотъ что: «народъ нашъ, благодареніе Господу, довольно благочестивъ и не послушаетъ васъ». Справедливъ ли отвѣтъ мой? Не подумайте, что угроза высказывалась мнѣ людьми безъ силы и значенія. Нѣтъ, и высказывавшіе съ значеніемъ, и они же высказывали свою угрозу не лично отъ себя, а отъ какого-то большого общества. Сообщите это о. намѣстнику ¹⁾ и попросите молитвъ его. Предъ вами же повторяю снова просьбу печатать статьи противъ злобнаго духа времени. Скажите объ этомъ о. ректору и о. Петру Спиридоновичу ²⁾. Если не ошибаюсь, злобное общество думаетъ соединиться съ расколомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно.

¹⁾ Архимандритъ Антоній.

²⁾ Профессоръ Московской Академіи Делицынъ.

Къ несчастію, многіе изъ бѣлаго духовенства становятся въ ряды враговъ св. церкви».

Вотъ его слово, обращенное къ дворянству весною 1863 года (во время польской смуты), еще до знаменитой ноты князя Горчакова:

«Сколько крови Русской уже пролил домашній врагъ нашъ, всегда бывшій себѣ и намъ врагомъ! Вотъ, по его вызову, и тѣ самые, которые такъ громко кричали о невмѣнательствѣ въ чужія дѣла, вмѣшиваются *въ дѣло наше*. Это уже *оскорбленіе* для Россіи. Но они же грозятъ намъ и мечемъ; они готовы снова истощать Россію губительною войною. Вы понимаете послѣ того, какъ много любви къ святой родинѣ, какъ много самопожертвованія должно быть въ тѣхъ, которые по избранію вашему должны дѣйствовать въ такое время. Для общаго *мое, твое, ихъ* должны быть забыты. Грозны видимыя бѣды. Но нѣтъ ли недовольно примѣчаемыхъ и болѣе грозныхъ? Не ново для Россіи терпѣть бѣды отъ враговъ. Среди бѣдъ росла и крѣпла она, но отъ бѣдъ не ослабѣла, а крѣпла. Почему? Потому, что въ основѣ ея общественной жизни было сильное начало—любовь къ святой родинѣ. Съ этимъ живительнымъ началомъ она счастливо выдержала всѣ политическія бѣды и, имъ оживленная, шла отъ побѣды къ побѣдамъ. Что же теперь? Да не оскорбятся правдивымъ словомъ немошняго служителя Божія. Насколько нынѣ дорожатъ св. вѣрою? Люди легкіе смысломъ, незнакомые съ опытами жизни, пользуются свободою слова для того, чтобы разрушать основу жизни Русской, которую доселѣ такъ крѣпка была Россія. Потрясая основу государственной жизни нашей, не близятъ ли государство къ разрушенію? Да нашлись Русскіе, которые стали проводить въ Русское общество посредствомъ литературныхъ органовъ и контрабандныхъ книгъ тѣ самыя начала, которыя уже облили потоками крови Западъ».

Указавъ на задачу нигилистовъ «низводить умнаго до степени неразумнаго», онъ говоритъ: «Подчасъ чувствуютъ они низость свою и тѣмъ раздражительнѣе, тѣмъ свирѣпѣе бываютъ въ отношеніи къ другимъ. Вотъ каковы болѣзни нашего времени! Несчастный духъ времени готовъ все разрушить: государство, семейство, быть каждаго лица. Вотъ противъ чего надобно бороться тѣмъ, кого избираете вы для слу-

женія общественнаго! Много надобно имѣть имъ твердости для добра и разумѣнія добра. Но не удивитесь, если скажу, что все это они будутъ имѣть, ко благу общему, если будутъ избыточествовать *живительнымъ началомъ Русской жизни*, которое такъ слабо стало во многихъ и многихъ.... Цѣль всякаго правленія есть порядокъ, правда, благо. А гдѣ основаніе всякаго блага, порядка, правды? Въ благой, премудрой волѣ Божіей. Итакъ, основаніе всякаго благоустройства въ томъ, если не дѣлають и не попускають ничего противнаго волѣ Божіей. Тотъ, кто исполненъ страха Божія, находится у самаго источника разума и премудрости, поелику *начало премудрости страхъ Божій*. Боящійся Господа выше всякаго страха человѣческаго. Страшенъ ли стукъ повозки во время грома? Наглые нечестивцы только жалки для богобоязненной души. Она смѣло говоритъ имъ правду и смѣло сдерживаетъ разнузданную ихъ волю въ обществѣ, семьѣ, наединѣ. Нѣтъ такой жертвы, которой она не была бы готова принести для угрожаемыхъ со стороны нечестія государства и семьи, потому что для нея все это воля Божія».

Такъ недремлющимъ окомъ смотрѣлъ Филаретъ на болѣзненные явленія времени. Дѣйствуя противъ нихъ обличительнымъ и вразумительнымъ словомъ, онъ въ тоже время будилъ къ тому другихъ и, какъ къ послѣдствующей силѣ, обращался къ молитвѣ.

О «поповствѣ» писалъ Филаретъ и Могилевскому архіепископу Евсевию, вызванному для присутствованія въ Св. Синодѣ. «Полною душою благодарю васъ за душевное письмо ваше. Надобно, тысячу разъ надобно, архипастырямъ нынѣшняго времени быть между собою въ частомъ и близкомъ общеніи любви. Время требуетъ того болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Къ скорби, не такъ легко это устраивается, какъ бы хотѣлось видѣть. Чтѣ дѣлать? Молитесь Господу. Нужды времени: а) читали ли вы печатный проектъ церковнаго Русскаго управленія? На вопросъ о томъ, предложенный при свиданіи Кіевскому митрополиту, отвѣчалъ онъ: нѣтъ. Когда же сказалъ я о содержаніи, что это проектъ лютеранскаго управленія и что понамъ хочется быть независимыми правителями церкви, онъ съ скорбію сказалъ: что-же пусть управляютъ! По моему грѣшному разсужденію, изъ поповскаго правленія не можетъ выйти нечего, кромѣ

разрушенія православія, и что такое правленіе, какъ разрушеніе порядка Апостольскаго управленія церковнаго, всѣми мѣрами должно быть не допускаемо; а потому тѣ, которые имѣютъ какую-либо возможность не допускать его, не допусаятъ въ молчаніи, будутъ отвѣчать за то на судѣ Господа Иисуса. Объ этомъ проектѣ мимоходомъ писалъ я и Петербургскому митрополиту. Но не знаю, въ пользу ли кому-либо? Странное время! По времени надлежало бы обуздывать замашки поповскаго властолюбія: но поповъ глядятъ только по головкѣ, а архіереи только выслушиваютъ Бироновскую резолюцію. Боже мой! Къ чему это идетъ?»

Письмо это даетъ видѣть, что къ проектированной церковной реформѣ Митрополитъ Кіевскій относился довольно апатично, и чтобы возбудить его ревность, Филаретъ сдѣлалъ ему страшное указаніе на судѣ Божій. Оно же знакомитъ насъ съ необыкновенною энергією и ревностію Филарета о нерушимомъ храненіи церкви, хотя, не присутствуя въ Св. Синодѣ, онъ не могъ лично возражать проекту. Благодаря такому живому отношенію къ вопросамъ церковнымъ, Филаретъ и не былъ желателенъ въ Синодѣ, почему, разъ познакомившись съ нимъ, его болѣе и не вызывали. Но мнѣніе его близко пришлось къ душѣ архіепископа Евсевія, котораго, какъ извѣстно намъ, вопросъ этотъ очень занималъ. Архіепископъ Евсевій обладалъ умомъ практическимъ. Онъ прямо и вывелъ вопросъ на этотъ путь, указавъ на возможность такихъ случаевъ: «Архіерей поступитъ въ извѣстномъ дѣлѣ, какъ требуетъ справедливость, а архіерейшу-то разжалобятъ. Глядишь, и архіерей не устоитъ и къ соблазну церкви окажетъ снисхожденіе. А то и такъ можетъ быть: архіерей то честный, да съ другаго крыльца архіерейша начнетъ принимать прошенія и убѣждать будетъ нѣжнаго супруга погрѣшнить противъ справедливости. Какія послѣдствія для церкви?»

Итакъ, Филаретъ опасался, чтобы не управляли церковью *попы*, а Евсевій предвидѣлъ, что управлять тогда будутъ *попадги*.

Тякія опасенія немало омрачали дни Филарета. Такъ, прочитавъ въ № 135 «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1863 г. статью о духовенствѣ,

писалъ онъ Горскому: «Сколько нынѣ печатается статей подобныхъ статьѣ № 135. Боже мой, доколѣ гнѣвъ Твой на пастыряхъ Русской церкви? Изъ всѣхъ силъ бьешься, чтобы содѣйствовать лучшему быту священниковъ и другихъ членовъ церковнаго причта; а какой-нибудь Сер—кій пишетъ публичное осужденіе даже распоряженіе Св. Синода. А какой нибудь разстроенный попъ, желающій вмѣсто одной имѣть семь женъ, бросаетъ грязью въ забытаго архіерея, безмолвнаго и безотвѣтнаго. Этотъ бѣдняга борется съ вѣтрогонами изъ-за того, чтобы какъ-нибудь, въ исполненіе начальственнаго распоряженія, притянуть ихъ въ комитетъ для разсужденій о мѣстныхъ нуждахъ духовенства, навлекаетъ на себя гнѣвъ и осужденія ихъ, принимаетъ разные извороты, въ томъ числѣ очень нелегіе, чтобы достигнуть цѣли. А въ архіереевъ въ награду бросаютъ грязью тѣ самые, за которыхъ они хлопчатъ. Что это такое? Чего ждать отъ такихъ священниковъ? И себя губятъ и церковь, губятъ. Досада увеличивается и отъ того, что поручаешь имъ самимъ составить предположеніе о возвышеніи правъ ихъ, и получаешь жалкую ограниченность смысла. Теперь къ вамъ слово. Что вы молчите? Вы скажете: двѣ статьи напечатаны и не безъ пользы. Правда, за статью Платонова поклонъ въ ноги. За вашу статью о монахахъ-епископахъ—поясной поклонъ. Извините, что не могу принудить себя поклониться до земли. Осторожность ваша, часто очень излишняя, виною того, что неясныя слова лѣтописи, молчаніе лѣтописи вы по обыкновенію своему принимаете за свидѣтельство въ пользу сомнительнаго мнѣнія. Это—логическая несправедливость, которая для жизни оказывается весьма вредною. Простите меня, что говорю о вашей слабой сторонѣ. Высказываю то, что давно хранилось въ душѣ послѣ долгихъ и очень долгихъ наблюденій. Высказываю это особенно потому, что вы теперь имѣете дѣло не съ одними логическими построеніями, а съ дѣлами жизни, почему ошибка логики можетъ быть опасною для св. церкви».

Получивъ отъ преосвященнаго Евсевія свѣдѣнія о вновь назначенномъ оберъ-прокурорѣ, Филаретъ отвѣчалъ ему: «Радуюсь извѣстію вашему о ***. Другого не ожидалъ я. Но окружающіе? Одинъ добрый человекъ, давно извѣстный по добротѣ, на прежней должности растратилъ

до 12 милліоновъ учебнаго капитала. Теперь по той же добротѣ доводить до разстройства епархіальное управленіе, давая ходъ всякой странной жалобѣ, даже и несогласной съ закономъ. Другой выставляетъ изъ себя строгаго блюстителя порядковъ экономическихъ, но не понимаетъ и азбуки церковнаго правленія, съ жаромъ по первому слуху (не по документамъ) хватается за дѣло, до которыхъ рѣшительно нѣтъ никакого ему дѣла, а свои дѣла путаетъ до смѣха. Помогите Господи графу привести дѣла въ порядокъ!»

*
* * *

«Ни для кого не была тайною частная и домашняя жизнь почившаго; но по нашей мелочности и недальновидности мы не всегда могли понять и цѣнить ее надлежащимъ образомъ. Мы знали безпримѣрное его трудолюбіе; оно изумляло насъ, — не могло не изумлять: ни въ себѣ, ни около себя мы нечего никогда не видѣли подобнаго. Но бесплодно изумляясь, мы не думали ни подражать ему, ни помогать ему. Мы съ трудомъ могли слѣдить за разнообразными предметами его вѣдѣнія и дѣятельности; разнообразіе ихъ граничало со всеобъемлемостію. Все, что касалось мысли и жизни, на все онъ отзывался». «Но такой свѣтъ вѣдѣнія и опытности очень мало озарялъ нашу умственную и нравственную темноту». — «Его требованія отъ подчиненныхъ были не всегда и не вполне исполняемы. Почему? Конечно многое по нерадѣнію и лѣности исполнителей, но многое отъ того, что его понятія и требованія далеко превышали наше развитіе, наши стремленія. Онъ былъ для насъ недосыгаемъ... Кому благопріятныя обстоятельства позволяли видѣть близко почившаго, тотъ не можетъ не сознаться, по собственному опыту, что снисхожденіе его къ немощамъ равнялось только его всестороннему превосходству надъ нами. То обстоятельство, что не только немногіе могли помогать, но и понимать его, было причиною того, что онъ самъ съ безмолвнымъ самоотверженіемъ несъ ее на своихъ мощныхъ раменахъ. Самоотверженію его, казалось, не было предѣловъ: оно было для насъ невѣроятно.

мы, судя о всѣхъ по себѣ, искали другихъ причинъ его безпримѣрной жизни и дѣятельности, подозрѣвая причины, по которымъ большею частію дѣйствуемъ сами. Вѣчная память тебѣ со всѣми незабвенными просвѣтителями и благодѣтелями человѣчества! И да забыты будутъ наши немощи и наши неправды предъ тобою!»

Вотъ смиренная исповѣдь и правдивое слово къ характеристикѣ и дѣятельности Филарета, произнесенныя самымъ близкимъ сотрудникомъ его по образованію Черниговской паствы.

Когда земля скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ тѣлесную одежду человѣка, по большей части только тогда открывается для всѣхъ его нравственный обликъ. По крайней мѣрѣ это удѣлъ большинства смиренныхъ тружениковъ на пользу человѣчества. Только по смерти Филарета стали отдавать ему дань, изучая его и изумляясь ему. Только тогда умолкшая передъ его гробомъ клевета дала просторъ и свободу слову правды и удивленія.

Въ частной жизни святитель былъ простъ и нетребователенъ. Никогда почти не садясь за обѣденный столъ, по крайней мѣрѣ никогда не досиживая до конца обѣда, онъ принималъ пищу какъ бы мимоходомъ. Нерѣдко гостю приходилось почти голоднымъ выходить отъ Филаретовскаго обѣда. Бывало, человѣкъ долго стоитъ съ блюдомъ возлѣ архіерея, а тотъ въ бесѣдѣ и не замѣчаетъ этого. Взявъ себѣ немного на тарелку кушанья, онъ, почти не касаясь его, продолжаетъ бесѣду. Гости стѣсняло ѣсть во время такой бесѣды, а тамъ человѣкъ приметъ тарелку архіерея, а за нею и гостя. Самъ Филаретъ, увлекаясь разговоромъ, этого не замѣчалъ. Но голоднымъ выходя отъ стола, гость съ удовольствіемъ принималъ вторичное приглашеніе на обѣдъ: такъ много поучительнаго и интереснаго представляла бесѣда святителя. Когда онъ жилъ въ Елецкомъ монастырѣ (обыкновенно въ зимнее полугодіе), кому доводилось въ числѣ послѣднихъ выходить изъ его крестовой церкви, тотъ могъ, благодаря неплотно прилегавшей къ окну шторѣ, видѣть въ окно Филарета въ его рабочемъ кабинетѣ. Это была маленькая съ однимъ окномъ комната и чуть-ли ни съ однимъ стуломъ. У окна стоялъ столъ, заваленный книгами, изъ коихъ многія были развернуты. Передъ

столомъ сидѣлъ углубленный въ свою работу, Филаретъ; передъ нимъ горѣли двѣ свѣчи и подъ рукою лежалъ пестрый фуляровый платокъ. Иногда ночью, среди занятій, великій труженикъ чувствовалъ голодь, шелъ въ комнату, занимаемую послушниками (которые, слышавъ его, притворялись обыкновенно спящими), отворялъ шкафъ, доставалъ черный хлѣбъ, отрѣзывалъ ломоть и, посоливъ, ѣлъ, запивая водою. Утоливъ такимъ образомъ голодь онъ опять садился на прерванную работу Тщедушный и слабый отъ дѣтства, онъ занимался такъ много, что никогда не спалъ болѣе пяти часовъ въ сутки. Даже утомительная дорога не отнимала у него болѣе этого времени для отдыха. Возвращаясь, напримѣръ, изъ Москвы (съ пятидесятилѣтняго юбилея Академіи) осенью 1864 года, онъ, проѣхавъ 500 верстъ, прибылъ въ Клинцы въ полночь. Отказавшись отъ ужина, онъ выпилъ только чаю. Былъ часъ ночи, когда онъ легъ, и его келейникъ попросилъ у хозяина лисьей шубы ему укрыться. Хозяинъ пользовавшійся расположеніемъ къ нему Филарета, поужинавъ съ духовенствомъ, замѣтилъ еще огонь у своего гостя-архисаестыря. Заглянувъ въ спальню, онъ увидѣлъ Филарета сидящимъ на диванѣ, на которомъ устроена была ему постель, съ протянутыми ногами и прислонившимся спиною къ подушкамъ. Онъ весь и грудь, для которой вѣроятно и требовалась особенная теплота, былъ укрытъ лисьей шубой. На столикѣ горѣла свѣча, а онъ дремалъ. Въ пять часовъ утра онъ уже былъ въ церкви, слушалъ утреню, а послѣ ранней обѣдни выѣхалъ въ Черниговъ, до котораго оставалось почти 200 верстъ.

Будучи умѣренъ въ пищѣ, онъ не отказывался однако отъ общественныхъ обѣдовъ. Люди близорукіе объясняли это его желаніемъ весело пообѣдать. Какъ бы ни былъ онъ занятъ, онъ всегда охотно удѣлялъ время для бесѣды. Съ младенческою вѣрою, набожный, безъ ханженства, постникъ въ своей келіи, онъ радовался бесѣдѣ вѣрующаго, какъ бы обрѣтая сокровище. Вотъ почему онъ не скрывался отъ людей. Онъ не избѣгалъ общества, потому что любилъ челоуѣка, какимъ онъ есть, со всѣми его слабостями, считая себя послѣднимъ передъ Богомъ. Но не выносилъ онъ неправды. Глубоко печалили его вольномысліе,

распространившаяся въ обществѣ, и упадокъ религіознаго чувства. Мы упомянули о рѣчи его къ дворянству въ 1863 году. Извѣстно намъ, какъ наканунѣ открытія дворянскаго собранія въ 1866 году онъ говорилъ одному помѣщику: «люблю я дворянство; но вотъ завтра долженъ служить, приводить къ присягѣ, и ничего не могу ему сказать; такія идеи распространяются среди его»... Говорилъ онъ это съ грустію, покачивая склоненною головою. «Если вы это находите, владыко, замѣтилъ его собесѣдникъ, «значить, теперь-то и время вамъ говорить». Филаретъ задумался немного. «Не знаю, не знаю, посмотрю», сказалъ онъ. Но все-таки слова онъ не произнесъ. На слѣдующій затѣмъ день онъ присутствовалъ на официальномъ обѣдѣ у губернскаго предводителя. Помѣщикъ, съ которымъ былъ приведенный разговоръ, сидѣлъ противъ него. «Памятевъ вамъ, владыка, нашъ разговоръ, бывшій третьяго дня?» — «Помню». — «Я могу къ утѣшенію вашему указать на два факта: вчера повѣрялись права дворянъ на участіе въ собраніи; былъ вопросъ: допустить-ли къ участію въ собраніяхъ дворянина, позволившаго себѣ избраннымъ свою мать? Единогласный отвѣтъ: «не допускать». Филаретъ поклонился. «Былъ второй вопросъ», продолжалъ тотъ же помѣщикъ, «допустить-ли дворянина, позволившаго себѣ въ нетрезвомъ видѣ выстрѣлить въ крестьянъ?» Отвѣтъ былъ единогласный — «нѣтъ». Филаретъ опять поклонился. А когда, сидѣвшій возлѣ него, губернской предводитель подтвердилъ это, онъ порывисто его обнялъ и поцѣловалъ. Гость за здоровье Государя былъ принятъ восторженно. Долго не смолкало «ура». А Филаретъ стоялъ, склонивъ голову, и набожно крестился. Послѣ обѣда въ гостинной группа дворянъ усѣлась возлѣ него. Онъ велъ тихую бесѣду видимо съ удовольствіемъ. Одинъ изъ помѣщиковъ обратился къ нему съ изъявленіемъ сожалѣнія, что «мы не имѣемъ случая категорически высказать ему то глубокое уваженіе, которое питаетъ къ нему дворянство». «Другъ мой!» задумчиво произнесъ Филаретъ. «вонъ о чемъ надо думать» (онъ показалъ на небо), «а это все пустое».

Не смотря на то, что Филаретъ отличался очень слабымъ тѣлосложеніемъ и уже жаловался на усталость, чего прежде съ нимъ не

бывало; но все-таки, повидимому, онъ былъ еще довольно бодръ. Онъ скоро и легко ходилъ, спускался къ Антоніевымъ пещерамъ и поднимался по крутой горѣ къ могильнымъ курганамъ (временъ язычества), что возлѣ его Троицкаго монастыря.

Вообще Филаретъ отличался очень слабымъ здоровьемъ, а сидячая жизнь еще болѣе его сокращала. «Болятъ спина отъ того, что безтолково сижу; привязался къ бесѣдамъ». («Бесѣды о страданіи Господа нашего Иисуса Христа»), такъ писалъ онъ Романовскому. Нерѣдко зубная боль заставляла его проводить безсонныя ночи, а ревматизмъ приковывалъ его къ постелѣ на нѣсколько недѣль. Особенно страдалъ онъ всегда въ Петербургѣ и жаловался Романовскому: «здѣсь стоитъ зима съ половины Октября. Но по временамъ очень сыро и потому тяжело для скудельнаго тѣла моего». «Я уже болѣе двухъ недѣль лежу на постели, безъ ноги, которая сильно страдаетъ отъ ревматической боли. Особенно по ночамъ очень тяжело бываетъ.— Господи, даждь ми терпѣніе и умиленіе!». Но главная хроническая болѣзнь его была—катарръ желудка. «Нашъ владыка, писалъ арх. Герасимъ въ 1857 году, сильно изнемогъ отъ разстройства желудка, которое по его замѣчанію, возобновляется у него періодически». «Боленъ я былъ,» писалъ тогда Филаретъ Романовскому и если не ошибаюсь, современнымъ эта болѣзнь положитъ меня во гробъ. Такъ думаю по ея ходу и началу». Горскому же писалъ онъ: «два раза былъ я боленъ и въ первый разъ такъ сильно, что близокъ былъ ко гробу. Того и смотри, что позовуть туда. Худо то, что худо готовлюсь къ той жизни.» Но, не смотря на болѣзненные страданія свои, онъ пересиливалъ, сколько возможно, себя и продолжалъ работать.

Лѣтомъ 1866 года въ Кіевѣ начала свирѣпствовать холера, грозя посѣтить и сосѣднюю губернію Черниговскую. Она уже стучалась въ двери. Наконецъ проникла она въ южные уѣзды губерніи, подвигаясь болѣе и болѣе къ Сѣверу. Преосвященный Филаретъ возымѣлъ намѣреніе обозрѣть чуть-ли не половину епархіи. Его отговаривали. Такъ какъ порядокъ жизни и привычки нарушались въ дорогѣ, то съ этой

стороны ему и представляли опасность. «Теперь-то я нахожу мою поѣздку благовременною и благопотребною», отвѣчалъ на такія предостереженія Филаретъ: «народъ упалъ духомъ; его слѣдуетъ ободрить». Такъ въ служеніи своей паствѣ Филаретъ былъ способенъ дойти до самоотверженія, которымъ и запечатлѣлъ свои земные подвиги.

5-го Августа 1866 года, въ пять часовъ утра, Филаретъ выѣхалъ изъ Чернигова. Маршрутъ его, разсчитанный по днямъ, доведенъ былъ до Ущерпя, Суражскаго уѣзда, на 17 Августа, далѣе числа не были опредѣлены, изъ чего надо было заключить, что въ Ущерпѣ предполагалъ онъ дать себѣ отдыхъ въ семьѣ любимаго имъ помѣщика. Провожая его, помощникъ исправника спросилъ: «Такъ прикажете ожидать ваше преосвященство въ Черниговѣ 18-го?— Какъ такъ 18-го?— «Да вы изволили такъ писать».— «Какъ это случилось и самъ не знаю! Вѣдь я самъ составлялъ маршрутъ... Какъ же это такъ вышло?... На этомъ и окончился разговоръ, и отвѣтомъ были послѣдующія событія. 6-го, въ день Преображенія Господня, онъ служилъ въ г. Борзнѣ. Въ с. Загоровкѣ въ тотъ же день онъ слушалъ всенощную, а 7-го утромъ прямо къ служенію прибылъ въ с. Фастовцы, гдѣ совершалъ освященіе храма. Отъ Херувимской пѣсни до приобщенія обыкновенно видали его въ слезахъ; тутъ, въ продолженіи всей этой, послѣдней въ жизни его, литургіи, слезы текли изъ глазъ его, а во время совершенія св. Даровъ и приобщенія св. Таинъ онъ неудержимо заливался слезами, такъ что навелъ трепеть на предстоящихъ. Обѣдая у мѣстнаго священника, онъ много говорилъ о нареканіяхъ, коимъ подвергается духовенство. Съ силою и убѣжденіемъ опровергалъ онъ обвиненія, указывая, какъ трудно служеніе пастырское и по высотѣ его задачи, и по борьбѣ съ невѣжествомъ и предразсудками, при скудости средствъ къ жизни и къ образованію. Послѣ обѣдни одинъ изъ созидателей церкви испрашивалъ у Филарета благословенія на приобрѣтеніе новаго колокола, больше вѣсомъ противъ существующаго. Филаретъ, поцѣловавъ его и священника въ голову, сказалъ имъ въ отвѣтъ: «Колоколъ и настоящій собираетъ вѣрующихъ на молитву; такъ вмѣсто новаго колокола лучше будетъ жертва Богу, если перенесется вашъ старый

храмъ на кладбище. Намъ, старикъ, съ тобой недолго жить: такъ вотъ и для насъ, и для другихъ будетъ полезнѣе, какъ будетъ церковь на кладбищѣ». Никому на мысль не приходило, что эти слова оправдаются на Филаретѣ съ поразительною быстротою. Вообще же всю дорогу онъ много говорилъ о смерти, какъ бы готовясь къ ней. Изъ Фастовцевъ послѣ обѣда онъ выѣхалъ въ с. Бѣльмачевку. Тутъ, встрѣтивъ священника І. Я—го, бывшаго благочиннаго, съ трогательнымъ смиреніемъ просилъ онъ его простить ему, что незаслуженно лишилъ его благочинія. Мы упоминали, что священникъ этотъ былъ оклеветанъ. Осмотрѣвъ церкви въ Рожновкѣ, Парафіевкѣ, на ночь прибылъ онъ въ с. Коченовку къ помѣщику Т. Никогда не ужиная, Филаретъ, вѣроятно чувствуя слабость, думалъ пищею подкрѣпить свои силы и не отказался отъ ужина. На другой день 8-го, онъ, позавтракавъ у Т., поѣхалъ въ с. Рубанку и посѣтилъ помѣщика Р., котораго, какъ извѣстно намъ, любилъ. Усердный его почитатель предложилъ ему обѣдъ. Филаретъ не могъ ему отказать, чѣмъ опять нарушилась его привычка: онъ принималъ пищу обыкновенно разъ въ день. Выѣхавъ отъ Р., онъ почувствовалъ себя уже очень не хорошо. Упадокъ силъ и другіе симптомы давали понять, что онъ вступаетъ въ страшныя объятія Кіевской гостыи. Опъ жаловался, что непривычная и несвоевременная пища его разстроила.

Прибывъ въ 7 часовъ вечера въ г. Конотопъ, Филаретъ не взирая на крайній упадокъ силъ, посѣтилъ еще двѣ церкви. Вошелъ онъ въ Успенскую церковь и чувствуетъ, что не можетъ стоять. «Отдохну я у васъ», сказалъ онъ. Ему подали стулъ. Онъ сѣлъ, просмотрѣлъ на-скоро церковныя книги и посидѣвъ въ соборѣ. Тамъ тоже недолго оставался. Кто успѣлъ принять его послѣднее благословеніе и облобызывать его руку, замѣтили, что рука святителя была холодна какъ ледъ. А на лицѣ его уже не было той кроткой улыбки, которою привѣтствовалъ онъ всякаго и къ которой привыкли всѣ его знавшіе. Изъ собора онъ проѣхалъ къ протоіерею, о. Стефану Ивашутичу. Сейчасъ же попросилъ онъ чаю и покоя. Но еще не подали ему чаю, какъ сильныя приступы болѣзни сложили его въ постель. Послали за докторомъ. Док-

торь и присутствующіе не столько удивлялись безуспѣшности медицинскихъ пособій, сколько терпѣнію, съ какимъ переносилъ страданія архипастырь, не перестававшій молиться и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Только по временамъ онъ утолялъ жажду и тошноту кусочками льда. Въ 12 часовъ ночи послали за другимъ докторомъ. Но больной сознавалъ свое безнадежное положеніе и въ первомъ часу ночи, подзававъ къ себѣ настоятеля Крупецкаго монастыря, архимандрита Августина, сказалъ ему: «исповѣдуй меня». О. Стефанъ, узнавъ отъ доктора о безнадежномъ положеніи своего архипастыря, подошелъ къ нему и, напомнивъ о его собственномъ наставленіи совершать надъ болящими соборованіе, просилъ разрѣшить его пособоровать. «Хорошо. Дѣлайте, что нужно; но скорѣй, скорѣй, скорѣй: мнѣ худо. А вы докторъ, будьте тутъ». А самъ все крестится и молится; то пожметъ руку доктору, ослабѣвшею, похолодалою рукою, то возьметъ его за плечо. Это выраженіе признательности врачу было послѣднею данью землѣ... Въ два часа ночи приступили къ соборованію. Во время чтенія седьмаго Евангелія начались его предсмертныя страданія. Въ пятомъ часу утра стали читать канонъ на отходъ души, а въ пять часовъ не стало Филарета. Осталось только его имя, которое съ благоговѣніемъ должно передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію въ признательной памяти соотечественниковъ. Двѣнадцати-кратно раздавшійся звонъ соборнаго колокола тяжелымъ эхомъ отозвался въ сердцахъ осиротѣлой наставы...

Или утомленное безсонною ночью и тревогою, или напуганное страшною болѣзнію, опасности которой не сознавались до того времени, духовенство не скоро собралось отслужить панихиду надъ тѣломъ своего архипастыря. И первый, пожелавшій помолиться и отслужить панихиду, былъ помѣщикъ Р.

На слѣдующій день, 10-го Августа, тѣло Филарета, положенное въ бѣломъ глазетовомъ гробѣ, было внесено въ соборъ, а на пятый день, послѣ литургіи и панихиды, гробъ этотъ былъ поставленъ въ другой, болѣе большой, обитый желѣзомъ. Этотъ гробъ, накрытый чернымъ сукномъ съ бѣлыми позументами, поставили на дроги, запряженные въ 6 лошадей цугомъ, и такъ повезли, подъ сѣнію ринидъ, тѣло святителя

въ Черниговъ. Въ то время въ Конотопѣ уже началась Успенская ярмарка. Изъ опасенія холеры ярмарка была расположена за городомъ. Передъ отбытіемъ тѣла, ярмарка опустѣла: всѣ побѣжали къ собору. Версты 2—3 ярмарочный людъ провожалъ гробъ за городомъ. Не любопытство влекло народъ. Нѣтъ! Тутъ-то сказалась духовная связь народа съ его «добрымъ пастыремъ», раскрывъ смыслъ слезъ, которыя такъ обильно текли изъ глазъ святителя при молитвѣ за себя и за свою паству. Въ народѣ только слышны были возгласы: «Прости нашъ владыка, прости владыка, прости»... Да, можно было видѣть, какъ набожно осѣнялъ себя народъ крестнымъ знаменіемъ. Это было такое торжественное шествіе, съ какимъ не сравнятся шествія царей, вождей и побѣдителей, потому что здѣсь соединялась земля съ небомъ... Отъ одной церкви до другой провожали гробъ съ хоругвями и крестнымъ ходомъ при неумолкаемомъ пѣніи лика. А народъ, смѣняя одинъ другого, въ числѣ 10—12 тысячъ, сопутствовалъ гробъ отъ Конотопа до Чернигова, 180 верстъ. За 20 и болѣе верстъ народъ шелъ къ пути слѣдованія гроба отдать послѣдній долгъ усопшему. Кто оповѣщалъ народъ и что звало его къ этому гробу, что на простыхъ дрогахъ, прикрытый чернымъ сукномъ, двигался мѣрнымъ ходомъ по дорогѣ къ Чернигову? И дивное дѣло—ни одного холернаго случая! И забыли всѣ объ этомъ страшномъ бичѣ. Холера и не доходила до Чернигова, и прекратилась. Филаретъ какъ бы отдалъ себя въ искупленіе за многихъ. Кто разгадаетъ смыслъ его поѣздки, его постоянного воспоминанія о смерти, его молитвы и рыданій за послѣдней литургіей?...

18-го Августа, въ 10 часовъ утра, на берегу рѣки Десны, въ трехъ верстахъ отъ города, гробъ былъ встрѣченъ Кіевскимъ викаріемъ епископомъ Порфиріемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ и всѣми, можно сказать, жителями города, начиная отъ представителя администраціи. Какъ только съ парома свезли гробъ, вся многотысячная толпа народа заколыхалась. Гробъ остановился. Оказалось, что народъ отпрягъ лошадей, желая самъ везти гробъ своего архипастыря. Когда этотъ гробъ

остановили для литіи на Красномъ мосту, противъ зданія семинаріи, сооруженнаго усопшимъ святителемъ, то примкнули къ шествію воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній и духовнаго дѣвичьяго училища, основаннаго тѣмъ же святителемъ. «И Боже, какъ плакали дѣти!» восклицаетъ очевидецъ.

19-го, послѣ отпѣванія, колесницу съ гробомъ народъ опять повезъ на себѣ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія святителя, къ Троицко-Ильинскому монастырю, остоящему въ 2-хъ верстахъ отъ собора. Здѣсь подь самымъ престоломъ Троицкаго храма была приготовлена могила. Надъ гробомъ Филарета устроены каменный надгробникъ въ видѣ продолговатаго престола. Въ ногахъ святителя поставленъ, усердіемъ игуменіи Нѣжинскаго монастыря, большой крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа, а въ головахъ утверждена икона,—усердное приношеніе одного помѣщика,—съ изображеніемъ Спасителя во славу и надписью: «*Идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ*». Эта усыпальница представляетъ недостроенный храмъ. Онъ оштукатуренъ, своды его мѣстами украшены лѣбною работою, гладкій каменный полъ. Словомъ, не достаеъ только иконостаса и печей, да болѣе удобнаго входа, чтобъ превратить эти катакомбы въ теплый храмъ. Несомнѣнно, рано или поздно, это устроится, и надъ гробомъ ревностнаго слуги Христова будетъ современемъ возноситься безкровная жертва. Такое мѣсто для своего упокоенія, можно сказать, выслужилъ, вымолилъ и выплакалъ Филаретъ.

Въ установленное время было вскрыто и прочитано слѣдующее завѣщаніе Филарета:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. По благости Твоей, Господи, Ты открылъ человѣку все необходимое для спасенія его. По премудрости Твоей Ты скрылъ отъ него день и часъ смерти его, чтобы каждый день и часъ готовились мы къ отвѣту за дѣла свои. Благодарный къ благости Твоей и благоговѣйный предъ мудростію Твоею, на случай смерти моей, въ полномъ смыслѣ и памяти, пишу завѣщаніе моею рукою».

«1) Предъ Тобою, Господи, должникъ я неоплатный. Благодѣянiя и милости, излитыя Тобою на меня недостойнаго, необозримы; а я платилъ и плачу за любовь Твою нечестiями сердца. Агнче Божiй, вземлай грѣхи мiра, покрой долги моя предъ правдою Отца Твоего! Заступница христiанъ, благая Матерь Сына Божiя, не оставь меня недостойнаго, защити меня грѣшнаго Твоею молитвою къ сыну и Богу Твоему».

«2) Прошу и молю всѣхъ, кого когда-либо, намѣренно или ненамѣренно, оскорбилъ или навелъ на грѣхъ, простить меня по любви христiанской и помолиться за меня недостойнаго. Если же кто и предо мною остался должнымъ, въ чемъ бы то ни было, молю Господа не только не вспоминать о долгѣ его, но воздать ему щедротами благодати. Всѣхъ прошу для любви христiанской поминать меня въ молитвахъ».

«3) Книги мои, которымъ есть каталогъ, написанный моею рукою, отдать въ библиотеку семинарiи той епархiи, гдѣ застанеть меня смерть. Если противъ каталога не окажется налицо какихъ-либо книгъ, за недостатокъ ихъ не взыскивать ни съ кого. Туда же поступать и всѣ рукописи, въ томъ числѣ дѣла, относящiяся къ Лифляндской церкви ¹⁾). Прошу за сiе приношенiе творить о мнѣ поминовенiе въ Субботу передъ Сырною недѣлею» ²⁾).

«4) Изъ денегъ двѣ тысячи рублей назначаю въ пользу общежитiя Хорошевскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы монастырь пользовался процентами съ капитала, а капиталъ всегда находился въ кредитномъ установленiи. Если найдутся при смерти моей то двѣ тысячи назначаю отдать въ кредитное установленiе, съ тѣмъ, чтобы процентами пользовались дѣти роднаго брата моего о. діакона Василя, Григорiй и Иванъ, а по смерти ихъ проценты по распоряженiю Св. Синода имѣють поступать въ пользу сиротъ, воспитанниковъ Тамбовской семинарiи».

«5) Серебряныя вещи столовыя всѣ останутся въ пользу старшаго сына брата моего, священника Григорiя Гумилевскаго».

¹⁾ Къ сожалѣнiю, всѣ дѣла и переписка Филарета изъ семинарской библиотеки исчезли.

²⁾ Время, установленное церковью для поминовенiя усопшихъ.

«6) Если кромѣ всего помянутаго найдены будутъ у меня деньги и вещи мои собственныя, то все употребить въ пользу Харьковскаго духовно-сиротскаго училища дѣвицъ, которому предоставляю право издавать въ свою пользу мои сочиненія и переводы въ опредѣленный закономъ срокъ».

«Филаретъ епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

«Написано моею рукою 1853 г. Декабря 21-го дня».

И въ завѣщаніи своемъ Филаретъ не измѣнилъ своему правилу: ставить выше своего благо и пользу общую или многихъ.

* * *

Капитальными трудами Филарета за послѣднія семь лѣтъ жизни его, т.-е. за время управленія его Черниговскою епархіею, были: «Историческій обзоръ пѣснопѣній и пѣснопѣвцевъ Греческой церкви, съ примѣчаніями и снимками древнихъ нотныхъ знаковъ», «Обзоръ Русской духовной литературы» (отъ 1720—1858 г.) и «Дополненіе» къ нему (по 1862 г.), «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», «Св. подвижницы Восточной церкви», «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи» и много статей по разнообразнымъ предметамъ. Къ этому же времени относится изданіе его знаменитаго «Догматическаго Богословія», «Историческаго ученія объ отцахъ церкви» и въ сокращенномъ изложеніи «Исторія Русской церкви». Онъ же положилъ основаніе изданію «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій», въ которыхъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Тамъ, между прочимъ, онъ помѣщалъ очень много библиографическихъ замѣтокъ и статей о современныхъ вопросахъ общественной жизни.

Его любознательность и разнообразіе предметовъ его знаній были дѣйствительно изумительны. Стоитъ посмотрѣть на каталогъ его собственной библіотеки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Тамъ были и всевозможные журналы свѣтской литературы за нѣсколько лѣтъ, и юридическія сочиненія, или напримѣръ Азанчевскаго «Сатирическіе журналы

1763—1774 г.), Императрицы Екатерины «Были и небылицы», Снегирева «Русскія пословицы». «Объ электро-магнитныхъ телеграфныхъ линіяхъ» и т. д. Не говоримъ о замѣчательныхъ отдѣлахъ богословскомъ и историческомъ. И все это онъ читалъ. На многія статьи литературныхъ журналовъ онъ отвѣчалъ своими критическими замѣчаниями. Даже «Пословицы» Снегирева къ нему попали неслучайно. Онъ составилъ изъ нихъ статью «Народная мудрость», извлекиши для поученія все, что говорилось въ нихъ и Божествѣ, о вѣрѣ, о спасеніи и (ненавистой ему) тяжбѣ.

Въ трудахъ Филарета поражасть масса критическихъ статей и замѣтокъ. Это была особенность его таланта: пытливо относиться ко всякому предмету, все провѣрять путемъ критики. Такой способъ отношенія къ прочитанному, облегчая усвоеніе его памятью, до такой степени развилъ у него послѣднюю способность, что онъ изумлялъ ею всѣхъ. Рѣдкое письмо его къ Горскому не заключало какой-либо критической замѣтки. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ оригинальностью его выраженій, его таланта, его взгляда.

«Признаюсь искренно, что Могила *) мнѣ очень не нравится по образу мыслей и нѣкоторыхъ дѣлъ; да и почти ничего нѣтъ у него собственнаго, а все, что названо его именемъ, принадлежитъ не ему. Потому мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобы дано было ему почетное мѣсто между учителями и просвѣтителями церкви. Папистическій энтузіазмъ или фанатизмъ не даютъ права на такое званіе».

«Съ удовольствіемъ, большимъ удовольствіемъ прочелъ твою статью о св. Кириллѣ и Меодіѣ (Горскій посылалъ ему рукопись). Сдѣлалъ кое-какія замѣчанія. Мнѣ кажется, что временемъ статьи надобно положить конецъ X-го вѣка. Это такъ и по извѣстію объ Адальбертѣ, и по выпискамъ Нестора. Что касается до мысли, что будто слова о Русскомъ Евангеліи вставлены Русскимъ, то она мнѣ несовсѣмъ представляется близкою къ правдѣ. У насъ вставокъ не дѣлали, да и не-

*) Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій.

кому было дѣлать. Правда, въ лѣтописяхъ это случалось; но о жизни святыхъ едва-ли можно утверждать ту-же мысль. Мнѣ кажется, что мысль о Русскомъ Евангеліи и замѣчанія о началѣ Русской грамоты просто мысль недалёкоумнаго жезнеописателя. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что жезнеописатель точенъ въ своемъ повѣтствованіи, выставляетъ обстоятельства, которыхъ исторической вѣрности опровергать нельзя: онъ имѣлъ и средства говорить истину; но согласитесь съ тѣмъ, что онъ не великій философъ и не глубокій богословъ; онъ немногимъ стоитъ выше современныхъ ему писателей легендъ темнаго Запада. Присовокупите къ тому и ту вѣроятную мысль, что онъ имѣлъ въ виду защищать достоинство Славянскаго письма отъ нападеній злыхъ псовъ-Нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ мысль о сверхъ-естественномъ происхожденіи Русской грамоты отзывается этимъ недалёковиднымъ благочестіемъ. До того ему дѣла нѣтъ что въ другомъ мѣстѣ самъ-же проговаривается онъ, что у Славянъ нѣтъ письма. Это вещь сторонняя, нужная для другой бесѣды».

«Другая мысль, не высказанная въ замѣчаніяхъ, относится къ тому, чтобы какъ можно чаще и точнѣе говорить словами жезнеописаній, что вы очень много заботились о краткости и сжатости. Фразы легендъ—лишняя постройка. Ихъ прочь! Но, пожалуста, не опускайте ни одного самаго малаго обстоятельства, сколько бы оно ни было частно. Вы знаете, что энтузіасты слишкомъ дорожатъ каждою щепочкою старины. Да и нельзя иногда и винить ихъ въ томъ. Неважное для насъ важнымъ можетъ быть для другихъ».

Неизвѣстны намъ подробныя «замѣчанія» Филарета, но дальнѣйшая переписка его даетъ понять, что съ изложеннымъ выше мнѣніемъ Горскій не соглашался, и Филаретъ писалъ ему:

«О жезнеописателѣ Кириллѣ и Меодіи остается предоставить времени сказать рѣшительное и вѣрное. Теперь, при недостаткѣ фактовъ въ защиту моего или твоего мнѣнія, нельзя рѣшить, кто изъ насъ съ тобою правъ и кто виноватъ. Теорія прочна (въ исторіи), когда основана она на несомнѣнныхъ и многихъ случаяхъ; иначе будетъ волненіе мыслей, не болѣе. Здѣсь же пока не столько у насъ случаевъ, чтобы выдти могло прочное построеніе. Замѣчу еще о нашихъ древ-

нихъ повѣствователяхъ, что прибавленія и вставки въ жизнеописаніяхъ пока не обличены. Не разумѣю того, чтобы у насъ послѣ одного жизнеописанія не являлось другого; но другой жизнеописатель намъ является обыкновенно въ другомъ кафтанѣ и все чаще разряженнымъ по при- мѣру позднихъ Греческихъ шивателей великолѣпно-пустыхъ фразъ».

Но не всегда и не вездѣ требовалъ Филаретъ такихъ подробностей, какъ въ статьѣ о Кириллѣ и Меѳодіи. Здѣсь онъ считалъ ихъ полезными ради новизны предмета и споровъ, для рѣшенія которыхъ могъ быть пригоденъ и частный, незначущій на первый взглядъ, фактъ. Тамъ же, гдѣ по его взгляду нужна была сила и блескъ статьѣ, словомъ нужно произвести впечатлѣніе на читающаго, онъ одобрялъ краткость изложенія, предоставляя мысли читающаго работать. Такъ писалъ онъ о статьѣ Горскаго «Описаніе Сергіевской Лавры»: «Кратко, но сильно, есть о чемъ подумать. Быть можетъ тѣ, которымъ думать—Египетская работа, и недовольны будутъ краткостію; но объ иномъ нельзя говорить пространнѣе, другое не стоитъ многихъ словъ, а потому жалобы—пустяки».

Иногда, разбирая статьи, Филаретъ, подобно своему учителю, доходитъ до мелочей. Такъ, одобряя мысль напечатать слова Серапіона, онъ замѣтилъ Горскому: «Переводъ чистъ, но одно мѣсто особенно бросилось въ глаза; слова «восхищени быша» переведены «погибли». Это далеко отъ точности. Почему же не сказать «внесанно взяты»? Придирка. Простите. Простите и за то, что скажу. Слово Юліанъ, повторенное до десяти разъ въ замѣчаніяхъ *) и большею частію сряду, немножко странно. Если не встрѣтилось ничего, что надобно было бы прибавить, хотя бы для избѣжанія однозвучія, лучше было бы не повторять сего слова. Почти тоже—Галлъ. Грѣхъ переводчика или издателя, не помню. Но издателямъ во всякомъ случаѣ не легче. Замѣчанія къ переводу на переводчика или издателя падаютъ нелегкою тяжестію. Глазъ критика всего легче пробѣгаетъ ихъ. Съ своей стороны желалъ

*) Въ жизнеописаніи Григорія Богослова, Твор. Св. Отцовъ, кн. 1-я.

бы, чтобы были вы болѣе щедры на замѣчанія. Это нужно. Читатель скажетъ вамъ спасибо, если вы не только помогли ему въ уразумѣннн сочинителя, но и подарили его двумя-тремя новыми мыслями».

Поблагодаривъ Горскаго за замѣчанія на статью его о Златоустомъ, онъ пишетъ: «Одно замѣчаніе считалъ бы ненужнымъ, это относительно чудесъ. Мнѣ самому случилось слышать отъ одного монаха, добраго и разсудительнаго: почему «Христіанское Чтеніе» ничего не сказало о чудесахъ Златоуста, о коихъ говорится въ Четьи-Миней? Предполагаю, что вопросъ монаха можетъ измѣнить мысль издателя на счетъ спроса читающей публики. Если пустынный монахъ предложилъ вопросъ любопытства, что сказать о другихъ? Читающіе житія святыхъ послѣ Четьи-Миней прежде всего потребуютъ, почему такъ, а не иначе говорится о святомъ? Недовѣрчивость къ Четьи-Миней со стороны ученой довольно обща, почти столько же, сколько и довѣрчивость къ назидательности. Пусть такъ, пусть назидательность остается преимущественною цѣлію вашего журнала, по соединеніи его съ чтеніемъ Св. Отцовъ; это такъ и должно быть; но не будьте слишкомъ холодны къ требованіямъ ума, чтобы не впасть въ крайность. Назиданія ищетъ «Воскресное Чтеніе», назиданія православнаго домогается «Христіанское Чтеніе»; но согласитесь, что то и другое частію бываютъ каррикатурны: дѣтей нынѣ нѣтъ на Руси, баснями сладкими никого не накормишь, а требуютъ крѣпкой пищи. Святые отцы, и особенно такіе, каковъ Богословъ, предлагали такъ много и для философа, и для поэта, и для историка, и для филолога, что право не такъ легко поставить подъ рядъ ихъ такую ученость, которая, хотя бы на одинъ дюймъ, стала выше ихъ учености. А вамъ особенно удобно слѣдовать ихъ направленію. Это прилагаю и къ филологическимъ замѣчаніямъ на сочиненія св. Григорія Богослова; не говорю о проповѣдяхъ и статьяхъ назидательныхъ, гдѣ нѣкоторые боятся говорить языкомъ ученыхъ, тогда какъ вовсе не боялся того Богословъ. Ученый поморщится на васъ, прочитавъ ученую историческую статью безъ доказательствъ, а неученый читатель не останется недовольнымъ, если поставлены будутъ доказательства, въ замѣчаніи или «inter caetera».

Филаретъ былъ крайне остороженъ въ оцѣнкѣ извѣстныхъ приемовъ и положеній въ религіозныхъ спорахъ. Такъ, на примѣръ, писалъ онъ: «Получилъ я нисѣмо владыки митрополита. Онъ гнѣвается. Сколько могъ, писалъ я о дѣлѣ, какъ оно было по совѣсти моей. Если не примутъ дѣла, какъ оно было, это уже не моя вина. Судь предъ Господомъ. Православіе не требуетъ для своей твердости гнилыхъ подпоръ, каковы ни на чемъ не основанныя слова объ апостольскомъ происхожденіи троеперстія. Бояться крика невѣждъ? Ихъ не заставишь молчать тѣмъ, что будешь кричать неправду. Правда сама себѣ защита, а подмостки человѣческія только годны на то, чтобы сломало ихъ время».

«Не получили вы Майевы *Specilegium Romanum*? Ожидаю съ нетерпѣніемъ и доселѣ не дождусь. Даже доселѣ не могу составить точнаго понятія объ изданіи. Видѣлъ, что тутъ помѣщены и Греческія древности святыя; но видѣлъ и то, что довольно латыни несчастной. Признаюсь: если тутъ будетъ схоластика Латинская, брошу въ печь. Этотъ скелетъ и безъ того наскучилъ хуже чумы. Зачѣмъ бы его вытаскивать изъ помойной ямы, или Ватикана? Послѣднія слова по-моему однозначущія. Пусть бы грѣхи отцовъ лежали покрытые пылью». Но, не смотря на такой суровый взглядъ, онъ упрекаетъ Евсевія за его статью «Бесѣды о Таинствахъ». «Скажите, Господа ради, къ чему приняли проповѣдывать такъ открыто недоразумѣнія папизма, давно оставленныя?» Въ религіозной полемикѣ онъ требовалъ особенной чистоты и ясности.

А въ печку у Филарета, какъ видно, летала не одна книга. Такъ писалъ онъ между прочимъ: «Вчера взялъ я въ руки Аммона *) и принужденъ былъ бросить, какъ мерзость запустѣнія. Кажется, препровожду его въ печку».

Филаретъ чистою душою понималъ православіе. Разбирая «Таинства» Евсевія, онъ говоритъ: «Правда, я бы сказалъ еще и то, что мнѣ не нравится, когда проводятъ мысль откровенія по категоріямъ

*) Fortbildung des Christenthums zur Weltreligion. 1840.

церковной схоластики, какъ душу по мытарствамъ. De gustibus non disputandum est. Иначе, одинъ любить формы катихизиса, а другому кажется, что иное дѣло катихизисъ, другое—размышленіе систематическое; одному кажется, что верхъ совершенства, когда освѣтить склоненія вѣры логикою вѣры, а другому думается, что для вѣры размышляющей сух и скудна подобная пища. Единая апостольская, вселенская церковь: эти вещи полезно помнить христіанину; это формы, которыя въ немногомъ говорятъ ему о многомъ». «Желаете ли знать мысли мои о письмахъ и стихахъ Григорія? Вы почти знаете ихъ. О первыхъ тоже скажу, что вы говорите, т.-е. немногія изъ нихъ имѣютъ догматическое или христіански-нравственное значеніе; они образцы письменнаго слога; кажется, они съ тѣмъ преимущественно и писаны, чтобы христіанское юношество видѣло въ нихъ, а не въ письмахъ язычниковъ, образцы писемъ. Впрочемъ можно бы потрудиться надъ тѣмъ, чтобы избрать лучшее и не оставить безъ вниманія труды великаго мужа. Между ними, нѣкоторые по крайней мѣрѣ, столько же важны, сколько и письма Василя Великаго. Потрудитесь пересмотрѣть».

«Между стихами Григорія есть превосходные, кто какъ ни думай о нихъ. Вы знаете, что по моей мысли непреодолимое затрудненіе переводить стихи Григорія. Но капля пробиваетъ камень. Чтобы сказать вамъ о лучшемъ, посылаю недавно изданныя стихотворенія Григорія, признанныя Греками за лучшія. Правда, вкусъ Грека ищетъ только Греческой языческой красоты: это дѣло давно извѣстное. Для поздняго Грека нѣтъ философа выше Аристотеля, и нѣтъ поэта выше Гомера или Софокла; для поздняго Грека сокровище, богатство веѣхъ родовъ въ томъ позднемъ произведеніи, гдѣ, какъ видимъ, говорятъ съ нимъ или діалектика Аристотелева, или пѣвучій слѣпецъ міеологическаго вѣка. Потому-то, слѣдуя своему вкусу, отмѣтилъ я карандашемъ то, что мнѣ показалось лучшимъ, и не могу не сказать, что стихи, поставленные Грекомъ на послѣднемъ мѣстѣ, въ Русскомъ переводѣ должны занять первое мѣсто. Къ сему надобно присовокупить особенно двѣ молитвы къ Богу, одну ту, которая у Галанда; стихи: «Жизнь», переведенные и въ «Христіанскомъ Чтеніи», два стихотворенія о са-

момъ себѣ и жизни своей. Послѣднія два прилично могли-бы составить заключеніе сочиненіямъ, хотя по достоинству своему они должны слѣдовать послѣ Билліевыхъ: τὰ ἀπόρητα. Вотъ пересмотрѣлъ содержаніе всѣхъ переведенныхъ статей (но не переводъ) и отмѣтилъ то, что показалось лучшимъ. Очень не лишнее дѣло издать ихъ. Въ нихъ говоритъ душа. Иныя отличаются глубиной мысли. Вотъ вамъ все извѣстное мнѣ по памяти о Григоріевыхъ стихахъ».

Слѣдующее сужденіе Филарета болѣе всего даетъ понятіе всегдашнее настроеніе его души: «Моей душѣ грѣшной казалось бы взятыся надобно послѣ Григорія за Ефрема. Если говорить строгую правду, пустынный Ефремъ, несмотря на то, что пустынный, едва ли не во всѣхъ отношеніяхъ выше Василія. Съ какой стороны ни посмотрите на него, возьмете-ли какъ проповѣдника, онъ не уступаетъ Калпадокійскому учителю; даже по сердечной живости слова; ближе онъ говоритъ сердцу, чѣмъ Василій. У послѣдняго есть искусство, да и строгость его нѣсколько пугаетъ душу грѣшную, тогда какъ слезы Ефрема Сирина—сладость сердечная. Не сравниваю Ефрема толкователя съ Василіемъ. Тутъ нѣтъ между ними и сравненія». Вотъ почему писалъ онъ Горскому: «Отцы церкви, особенно преп. Ефремъ Сиринъ, вѣрные путевказатели». «Творенія преп. Ефрема—любимыя мои пѣсни, толкованія его—драгоценныя камни».

Сдѣлавъ выборку изъ писемъ Филарета къ Горскому, можно составить цѣлый покаянный канонъ. А если привести на память потоки слезъ, которыя неудержимо текли изъ глазъ его во время совершенія имъ Божественной службы, для насъ будетъ понятнымъ, почему такъ близки душѣ Филарета были слезы Сирскаго пустытника.

По случаю большой печали Тончія, потерявшаго меньшую дочь, Филаретъ писалъ Романовскому: «Добрый Е. Ив. нашъ плохъ здоровьемъ. Его разстроило что бы вы думали? Смерть той, которая звала меня батюшкою. Бѣдный человѣкъ! о чемъ онъ не плачетъ? Плачетъ и отъ того, что нѣтъ дѣтей; плачетъ и отъ того, что есть дѣти; плачетъ, когда нѣтъ жены, плачетъ и тогда, когда есть жена. Плачетъ отъ недостатка денегъ; плачетъ и отъ кучи денегъ. Сказалъ-бы, что

послѣ того не стоитъ плакать ни о чемъ. Но есть у меня страшные грѣхи. Объ этой бѣдѣ нельзя не плакать. Она слишкомъ страшна. О, когда бы плакать о ней столько, сколько стоитъ она слезъ».

Самый близкій сотрудникъ Филарета по образованію паствы ¹⁾ такъ опредѣляетъ значеніе трудовъ и дѣятельности Филарета для церкви и общества:

«Дѣятельность пастыря, а тѣмъ болѣе архипастыря, слагается изъ сочетанія самыхъ разнообразныхъ отношеній общественныхъ и личныхъ; его обязанности касаются всѣхъ сторонъ жизни пасомыхъ, его вліяніе простирается на всю нравственно-общественную жизнь его паствы. Научить спасенію невѣдущихъ, руководить неопытныхъ и слабыхъ, возбуждать недѣятельныхъ, вразумлять строптивыхъ—какое широкое, многотрудное поприще для дѣятельности! Немногіе успѣваютъ подвизаться едва на одной какой-либо сторонѣ сего поприща, а ихъ память не остается безъ благословеній. Какова же должна быть память о томъ, кто преуспѣлъ во всѣхъ сторонахъ великаго служенія, кто указалъ и новыя стороны въ семъ служеніи и во всѣхъ родахъ архипастырской дѣятельности былъ мужемъ, преисполненнымъ жизни, мысли и добродѣтели?»

«Архипастырь первѣе всего, учитель-просвѣтитель своей паствы свѣтомъ вѣры. Вѣчная память тебѣ, нашъ приснопамятный наставникъ и просвѣтитель, свѣтлю всей Русской церкви! Не встрѣтимъ противорѣчія, если скажемъ, что чада Русской церкви отъ почившаго получили понятіе, чрезъ него приняли въ сознаніе, кто они и что они по отношенію къ св. вѣрѣ Христовой. Ибо что такое его «Исторія Русской церкви», какъ не глубоконазидательное руководство Русскому народу къ самопознанію въ религіозномъ отношеніи?»

«Церковь Русская, богатая простотою вѣры и жизни христіанской, далеко не была знакома съ тѣми свѣтильниками вѣры и жизни христіанской, которые своими писаніями уяснили, раскрыли ученіе Христово. Не имѣя знакомства съ писаніями отеческими, Русскій народъ не могъ надлежащимъ образомъ понимать высокаго историческаго достоинства

¹⁾ Ректоръ Черниговской семинаріи, нынѣ преосвященный Евгеній, епископъ Могилевскій.

христіанскаго ученія. «Ученіе объ Отцахъ церкви», пополнившее этотъ пробѣлъ въ нашей духовной литературѣ и въ нашемъ религіозномъ сознаніи, соотавляетъ и будетъ составлять нерушимый и блистательный памятникъ почившему учителю церкви Русской».

«Не всѣ имѣютъ время и возможность изучить ученіе Христово въ писаніяхъ отеческихъ; но для каждаго христіанина необходимо твердо и сознательно помнитъ основныя истины христіанства, всякому вѣрующему подобаеъ готову быть къ отвѣту всякому вопрошающему о его упованіи. Является новый трудъ—обстоятельное изложеніе догматическаго ученія православной церкви, и при томъ не только расширяющій область нашихъ познаній въ вѣрѣ вообще, но и руководствующій въ борьбѣ съ современными лжемудрыми лжеученіями».

«Догматы, какъ созерцательныя истины, требуютъ своего осуществленія въ жизни; оказывается нужда въ наставленіи о томъ, какъ жить съ исповѣдуемою нами вѣрою. Почившій, блжститель вѣры и жизни христіанской, не отказался и отъ этого труда. Но, какъ премудрый учитель, задумалъ изобразить намъ жизнь христіанскую не въ сухихъ правилахъ, не въ отвлеченныхъ истинахъ, а въ живыхъ образахъ святыхъ лицъ вселенской церкви (Лавсакъ) и преимущественно въ жизни нашихъ отечественныхъ святыхъ и близкихъ къ намъ по народности, исторіи и жизни, святыхъ Русскихъ и южныхъ Славянъ. Можетъ ли быть изображеніе жизни христіанской назидательнѣе, вѣрнѣе, понятнѣе для насъ?»

«Но жизнь, видоизмѣняясь ежеминутно, каждый разъ предлагаетъ ученію христіанскому вопросы, какъ смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія на такое или другое явленіе, на ту или другую истину; какъ поступать по-христіански въ такихъ или другихъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ? Въ отвѣтъ на такіе вопросы заботливый учитель Русской церкви отверзалъ уста свои для поученія, и мы изумляемся въ нихъ тому высокому благодатному искусству, которымъ слово Божіе, христіанство, непосредственно прилагается къ жизни и дѣятельности, озаряетъ яснымъ свѣтомъ самыя темныя углы нашей обыденной жизни и научаеъ дѣлать изъ нея свѣтлый праздникъ».

«Христіанская церковь, какъ общество, имѣетъ свои законы, правила, которыми устанавливаются различныя отношенія между ея членами, опредѣляется образъ жизни и поведенія. Каноническія правила соборовъ и св. отцовъ въ точномъ и ясномъ видѣ издавна составляли крайнюю потребность для Русской церкви. Почившій не отказался и отъ сего труда на пользу церкви, и (переводъ Книги Правиль) съ обычною ему ревностію, со свойственною ему добросовѣстностію исполнилъ его во славу Божию, а не въ похвалу своего имени».

«Обозрѣвъ такимъ образомъ труды почившаго, какъ пастыря-учителя церкви, кто не согласится, что онъ сказалъ всю волю Божию, насколько это необходимо требовалось состояніемъ не одной ввѣренной ему паствы, а состояніемъ и потребностями всей Русской церкви? Одного изъ его трудовъ было бы достаточно для всякаго учителя, чтобы его имя не исчезло изъ благодарной памяти людей».

* * *

Что касается значенія ученыхъ трудовъ Филарета, профессоръ казанской академіи Елисеѣвъ говоритъ: «Филаретъ—это былъ, можно сказать, единственный дѣйствительно ученый богословъ въ Россіи, который, какъ богословъ-догматикъ, какъ богословъ-историкъ, какъ богословъ-археологъ, стоялъ, если не выше, то никакъ не ниже значеніи иностранныхъ богослововъ, человѣкъ необыкновенно талантливый всецѣло преданный наукѣ». Профессоръ же Московской академіи С. Смирновъ выразился о немъ такъ: «Филаретъ—это знаменитый представитель духовной учености и дѣятель на поприщѣ духовной литературы—сильный и непостижимый».

Если мы примемъ во вниманіе, что Филаретъ, поражая насъ массою своей ученой работы, громадною эрудиціей, глубиною мысли, справедливо занявшій почетнѣйшее мѣсто въ средѣ ученыхъ, въ то же время самолично управлялъ обширными епархіями, былъ замѣчательнымъ администраторомъ, не упускавшимъ ничего изъ виду, дѣятельнѣйшимъ па-

садителемъ просвѣщенія и ревностнымъ служителемъ алтаря, то взвѣсивъ все это содержаніе въ одномъ лицѣ, притомъ физически слабымъ, вѣчно преслѣдуемомъ скорбями, какими одѣляла его людская неправда, нельзя подобрать болѣе вѣрнаго выраженія, чтобы составить понятіе о немъ, какое привелъ профессоръ Смирновъ, «непостижимый».

Принявъ на себя задачу составить жизнеописаніе Филарета и сдѣлать извѣстными тѣ цѣнные матеріалы, кои имѣются у насъ, мы не беремъ на себя непосильнаго труда входить въ критическую оцѣнку его ученой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что слово о ней произнесено уже людьми авторитетными. Мы позволимъ себѣ, въ подтвержденіе или опроверженіе извѣстнаго мнѣнія указать на раскрытую нынѣ жизнь усопшаго святителя. О значеніи литературной дѣятельности Филарета говорится въ прекрасной статьѣ г. Пономарева, вышедшей въ годъ кончины Филарета. Онъ же перечислилъ его печатныя произведенія. Мнѣніе г. Пономарева цѣнно по непристрастію, котораго не ослабило у него потрясающее впечатлѣніе внезапной смерти такого крупнаго отечественнаго дѣятеля. «Гдѣ разгадка такой плодотворной дѣятельности?» спрашиваетъ Пономаревъ, и далѣе говоритъ: «Разгадка заключается въ его неоспоримо великихъ и разнообразныхъ дарованіяхъ, въ его громаднѣйшей учености, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, принадлежавшихъ его времени и въ нѣкоторыхъ свойствахъ, принадлежавшихъ исключительно его натурѣ. Послѣ смерти митрополита Евгенія, у насъ не осталось ни одного духовнаго писателя съ такимъ разностороннимъ объемомъ дѣятельности. Кто же были другіе?... Въ «Обзорѣ Русской духовной литературы (1720—1858)» мы встрѣчаемъ, въ сороковыхъ годахъ, многіе десятки писателей; но изъ нихъ мы можемъ привести здѣсь, конечно, только замѣчательнѣйшихъ, такихъ, съ которыми можно болѣе или менѣе поставить въ уровень нашего автора. Это были: митрополитъ Московскій Филаретъ, архіепископы Григорій Казанскій, Игнатій Воронежскій, Иннокентій Херсонскій, Іаковъ Нижегородскій, архимандритъ Гавріилъ; протоіереи: Веніаминовъ, Голубинскій, Григоровичъ, Дебольскій, Кочетовъ, Маловъ, Никольскій, Нордовъ, Павскій, Путятинъ, Скворцовъ; монахи Іакинфъ Вичуринъ; профессора духовныхъ академій: Авсенева, Амфи-

театровъ, Горскій, Делицынъ, Барновъ, Сидонскій, Шимкевичъ; къ нимъ же присоединимъ и Надеждина. Изъ свѣтскихъ, кажется, одинъ Муравьевъ. Лица эти такъ извѣстны вамъ, читатель, что вы сами, конечно, легко вспомните объемъ и характеръ ихъ дѣятельности; припомните же хорошенько, загляните въ «Обзоръ Русской духовной литературы (1720—1858 г.)» нашего автора,—и вы убѣдитесь въ относительномъ однообразіи и скудности (не пугайтесь этого слова), скудости духовной литературы въ то время, при столькихъ высоко-даровитыхъ дѣятеляхъ. Изъ «Обзора» вы видите, что наличная духовная дѣятельность, въ сороковые годы и нѣсколько далѣе, преимущественно отличалась религіозно-нравственнымъ и проповѣдническимъ характеромъ. Если и были сочиненія другаго содержанія, то ихъ сравнительно было немного. Въ свѣтскую литературу и публику едва ли проникалъ десятокъ именъ ихъ всѣхъ названныхъ нами. Является преосвященный Филаретъ. У него на первомъ планѣ стали Исторія Русской духовной литературы, Исторія Русской церкви—предметы такіе, которые болѣе прочихъ способны заинтересовать собою любопытное вниманіе общества. Онъ изъ первыхъ завелъ сношенія съ свѣтскими органами литературы или, по крайней мѣрѣ, съ учеными обществами. Онъ сталъ издавать труды свои и отдѣльно, и въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно свѣтскихъ. Естественное дѣло, что всѣмъ этимъ онъ быстро расширилъ кругъ своей извѣстности. Съ перваго же шагу его къ литературѣ, о немъ шумно заговорили. Московское Общество исторій и древностей поспѣшило избрать его въ свои дѣйствительные члены; журнальная критика возложила на него широкія надежды. Періоды его «Исторія Русской церкви», въ которыхъ впервые послышался разговоръ о временахъ сравнительно-недалекихъ отъ насъ и интересныхъ, встрѣчены были живымъ любопытствомъ, громкимъ одобреніемъ и привлекли къ нему вниманіе публики. Литературная извѣстность его скоро была упрочена твердо и незыблемо. Людей, подобныхъ ему по учености, въ сороковые годы, было слишкомъ мало; у нихъ былъ свой кругъ занятій, и въ разборы его сочиненій они не пускались; журнальная критика положительно не могла сравняться съ нимъ по широтѣ зна-

ній и глубокомыслию взглядовъ; она большею частію привѣтствовала его почтительными отзывами; понятно, что остальная публика только съ безмолвнымъ уваженіемъ встрѣчала его труды. И преосвященный Филаретъ очень хорошо понималъ всю эту обстановку своей дѣятельности. Его, конечно, радовала мысль, что онъ своими учеными трудами занялъ себѣ мѣсто, недостижимое для многихъ; но онъ и на этомъ мѣстѣ не позволилъ себѣ успокоиться. Почти вслѣдъ за нимъ явился новый могучій дѣятель, также во всеоружіи и также разнообразный: второстепенными свѣтилами явились и другіе, несомнѣнно даровитые и трудолюбивые; историческое, осмысленное изученіе состоянія церкви и духовенства сдѣлалось предметомъ немалаго числа ученыхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Эти успѣхи, безъ всякаго сомнѣнія, радовали нашего автора, но еще болѣе побуждали его къ новой дѣятельности. Словно избѣгая малѣйшаго соперничества и какъ бы стремясь оставить всѣхъ далеко за собою, онъ неутомимо и еще съ большею энергіею прилагалъ труды къ трудамъ. Окрыленный успѣхомъ, историкъ Русской церкви скоро сдѣлался энциклопедистомъ въ духовной области, но въ этомъ энциклопедизмѣ видна была и серьезная подготовка. Раскройте любое капитальное сочиненіе Филарета 50-хъ и 60-хъ годовъ,—и васъ сейчасъ же поразитъ неоглядное обиліе въ немъ ссылокъ и цитатъ; въ нихъ нестрѣбуютъ названія многихъ сотенъ изслѣдованій, памятниковъ, изданій, рукописей... Съ великимъ изумленіемъ глядишь на эту громадную начитанность и думаешь: «Господи, да когда онъ успѣлъ прочитать все это; какъ могъ удержать въ памяти и кстати примѣнить къ дѣлу всю эту массу свѣдѣній?» Притомъ, не смотря на все обиліе цитатъ и ссылокъ, мы положительно утверждаемъ, что и тѣ и другія дѣлаемы имъ были еще довольно скупы, часто отличались крайней сжатостью (и къ сожалѣнію—иногда неопредѣленностью и невѣрностію). Соображая все это, я готовъ думать, что онъ писалъ свои книги, приводилъ цитаты, ставилъ ссылки на память, приблизительно, лишь бы не останавливалось дѣло».

«Вся жизнь его была посвящена чтенію и труду. Обществу, публикѣ онъ отдавалъ себя только по крайней необходимости. Время между

рукъ у него не уходило. Науколюбивый духъ его не позволялъ ему ни минуты бездѣйствія. Люди, близко къ нему стоявшіе, говорили намъ, что онъ и работалъ, и отдыхалъ, и ѣлъ и пилъ вѣчно съ кнпгою въ рукахъ и что въ ту же минуту онъ дѣлалъ нужныя ему замѣтки и извлеченія. «Надо удивляться, говорить одинъ близко знавшій покойнаго преосвященнаго, надо удивляться его неутомимой дѣятельности. Онъ не ложился иначе спать какъ при двухъ горящихъ свѣчахъ. Ночью онъ часто пробуждался, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать. Такихъ занятій, какъ видно, онъ не отлагалъ на утро; даже и во время сна его занимала кака-либо умственная задача». Этimgь отчасти объясняется изумительно быстрая производительность этого многоталантливаго трудолюбца. Говоримъ «отчасти», потому что не можемъ же не признать въ немъ другой, внутренней силы — яркаго энергическаго желанія за все взяться, во всемъ явиться если не первоначинателемъ, то усилъть больше прочихъ, во всемъ оставить по себѣ широкій слѣдъ, добрую память. Съ теченіемъ времени, у него не было уже спеціальной задачи, опредѣленнаго вопроса, рѣшеніе котораго заняло бы его исключительно; дѣйствовать на сценѣ обширной стало его завѣтною думой. Его не смущали ни огромные размѣры поприща, ни разнообразіе предметовъ, ни недостатокъ многихъ необходимыхъ данныхъ и источниковъ. Нисколько не задумываясь передъ трудностями, онъ отважно погружался въ начатое дѣло, быстро осваивался съ его фактической обстановкой и въ увлеченіи снѣшилъ извлекать изъ него сжатые, рѣшительные выводы. Послѣ этого неудивительно, что, при его огромной начитанности, при быстрой его работѣ, разнороднѣйшія книги и статьи являлись одна за другою на свѣтъ Божій. Разнообразіе это наиболѣе замѣтно въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, когда уже, казалось бы, можно было человѣку почувствовать утомленіе. Онъ его не зналъ вовсе. Немощи тѣлесныя нисколько не осиливали его духа. Переѣзды съ епархіи на епархію были для него новымъ толчкомъ къ новой дѣятельности. На новомъ мѣстѣ онъ словно чуялъ въ себѣ новыя силы. Немедленно оглядывалъ онъ поле днн своихъ литературныхъ работъ, быстро усматривалъ невоздѣ-

лажные углы и тотчас рѣшалъ, что ему нужно дѣлать, за что прежде всего взялся. Понятно, что такихъ пробѣловъ открывалось довольно, и онъ брался за все разомъ. Съ 1860 годовъ замѣчаемъ въ немъ особенно усиленное вниманіе къ крупнымъ явленіямъ жизни и движенію современной мысли, и тутъ онъ спѣшилъ сказать свое отрывистое, смѣлое слово. Глядя на эту кипучую, на все бросающуюся дѣятельность, готовъ думать, что ему во всемъ хотѣлось дѣйствовать одному; а между тѣмъ и обстоятельства приводили его къ этому. Онъ не только опредѣлялъ для себя кругъ занятій, но указывалъ и другимъ на то дѣло, для котораго, по его мнѣнію, настало время. Онъ заботился, чтобы извѣстный трудъ былъ совершенъ какъ можно успѣшнѣе и для этого указывалъ, какъ раздробить работу, гдѣ соединить силы. Но видя, что совѣты его принимаются равнодушно, видя, что жатвы много, а дѣлателей мало, и что одни изъ нихъ занимаются ученою роскошью, другіе погрузились въ епархіальное управленіе, третьи просто-на-просто облынились, а дѣло остается нетронутымъ, и наконецъ, сознавая, можетъ быть, про себя, что почти все дѣятели много уступаютъ ему въ свѣдѣніяхъ, и въ дарованіяхъ, и въ любви къ труду, онъ смѣло бралъ на себя ту работу, для исполненія которой нужны были усиленные труды десятка лицъ. При этомъ невольно вспоминается одно крупное обстоятельство, подтверждающее наше послѣднее предположеніе. Именно, при своей стремительной и гибкой натурѣ, онъ довѣрялся исключительно своему огромному запасу силъ и не всегда оказывалъ должное вниманіе къ чужому голосу, чужимъ однороднымъ изслѣдованіямъ (особенно разборамъ его сочиненій), а почти всегда самъ, своимъ трудомъ, и составлялъ, и перерабатывалъ, и дополнял свои произведенія... Такимъ образомъ, два самыя дорогія сокровища ученаго — время и трудъ не всегда у него сберегались какъ должно бы. Въ послѣдніе годы его жизни, физическія силы его ослабѣли до того, что онъ не могъ писать сидя; но онъ не остановился передъ этимъ; онъ началъ писать лежа, дрожащею рукою.... Вслѣдствіе этого ослабленія тѣла вслѣдствіе этихъ смѣлыхъ надеждъ на свои свѣдѣнія и вслѣдствіе спѣшной работы, въ трудахъ его появлялось нѣсколько упущеній и неточностей, и любому

крупнотливому изыскателю можно было уловить эти промахи. Но за то едва ли кому можно было сравниться съ нимъ въ способности оупускаться въ глубину дѣла — кратко и рѣзко обозначить сущность предмета, ярко и мѣтко опредѣлить значеніе писателя. Свѣжестью вѣяло, правдою било отъ иныхъ его изслѣдованій, точнѣе отъ многихъ и многихъ страницъ. Въ этомъ случаѣ, самый языкъ его, обыкновенно сухой и неясный, получалъ неотразимую силу, жизненность и счастливую своеобразность. Гибкая находчивость его способна была уловить тончайшіе оттѣнки выраженія, чтобы ярче выставить на видъ особенности предмета или лица. Въ своихъ приговорахъ онъ не любилъ тратить словъ и всегда выражался отрывисто и сильно, смѣло и увѣренно. Трудно было на первыхъ порахъ примириться съ этимъ свойствомъ его приговоровъ, тѣмъ болѣе, что они часто не подкрѣплялись доказательствами, выписками, и произносились голословно; но критическая сила автора и его начитанность заставляли потомъ вѣрить такимъ его сжатымъ приговорамъ, хотя они и напоминаютъ собою резолюціи. Дѣйствительно, онъ всегда велъ свою рѣчь, какъ власть имѣющій. Нельзя однако не вспомнить, что приговоры его иногда отзывались неумолимою суровостью, а въ судѣ о дѣятеляхъ древняго періода — нерѣдко и неточностію. Здѣсь видимъ, что онъ судитъ иногда по первому впечатлѣнію, самоувѣренно уклоняясь отъ болѣе внимательныхъ изысканій. Въ этомъ случаѣ взгляды и выводы его пуждаются по временамъ въ пересмотрѣ и повѣркѣ».

«Въ литературѣ нашей, всякій разъ, чуть только заходила рѣчь о преосв. Филаретѣ, можно было встрѣтить довольно любопытное признаніе, что труды его все еще остаются не вполне оцѣненными нашею духовною критикою. Отсутствие ли преданій, страхъ-ли оскорбить достоинство святителя, или что другое удерживали критику нашу отъ такого шага, какъ бы онъ ни былъ честенъ и серьезенъ. И вполне справедливо замѣтилъ въ 1862 году «Духовный Вѣстникъ», что критика въ духовной журналистикѣ еще такое молодое дитя, которое, Богъ знаетъ, когда вырастетъ. «Духовный Вѣстникъ» первый повелъ открытую, смѣлую рѣчь о сочиненіяхъ преосв.¹ Филарета, рѣчь, основанную на тру-

долюбивомъ изученіи ихъ. И что же? На эту критику многіе и очень многіе взглянули съ изумленіемъ, дивясь ея смѣлости и выдумывая закулисные намеки; а дѣльности ея отдали справедливость очень немногіе. Оставимъ въ сторонѣ (какъ недостойную сплетню) затаенныя догадки, почему явилась подобная критика въ Харьковскомъ журналѣ; обратимъ вниманіе только на то, что было высказано по поводу содержанія этой критики. Въ какой степени показалась нова и смѣла ея попытка, можно видѣть изъ того, что даже ученая редакція «Православнаго Обозрѣнія» успѣшила довести до общаго свѣдѣнія, что критика «Духовнаго Вѣстника», на преосв. Филарета напоминаетъ отвагу моськи противъ слопа. Въ публикѣ, сколько мы знаемъ, нашлось немного голо-совъ за эти статьи; а большинство ея, знакомое по слуху съ трудами преосвящ. Филарета, было озадачено отчасти смѣлостью тона критики, отчасти слишкомъ невысокимъ мнѣніемъ ея о достоинствѣ трудовъ давно и громко извѣстнаго автора. Самого преосвящ. Филарета сильно задѣли эти статьи: много разъ, и въ своихъ предисловіяхъ, и въ своихъ сочиненіяхъ, онъ скорбно жалуется на рѣзкость и односторонность приговоровъ о его произведеніяхъ и, не любя оставаться въ долгу, направляетъ въ лица, допустившія подобныя приговоры, свои тяжелые раздраженные укору и насмѣшки. Мы охотно соглашаемся, что духъ придиричivosti и осмѣянія дѣйствительно сказывается въ статьяхъ «Духовнаго Вѣстника» о книгахъ преосв. Филарета; но эти свойства можно было съ избыткомъ найти, напримѣръ, хоть въ «Чернигов. Епарх. Извѣстіяхъ», гдѣ извѣстныхъ литераторовъ ставили въ ряды дураковъ и, какъ мы уже видѣли въ «Православномъ Обозрѣніи», гдѣ обзывали честныхъ тружениковъ «моськами». Значить, нечего сваливать вину за это печальное настроеніе рѣчи на одинъ «Духовный Вѣстникъ»... Время это прошло и, теперь, судя спокойно, говоримъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что критика «Духовнаго Вѣстника», по своему содержанію, права во многомъ: пробѣлы, разнородные промахи въ сочиненіяхъ преосвящ. Филарета были указаны въ ней съ такою убѣдительностію, что самъ преосвящ. Филаретъ успѣшилъ признать нѣкоторые изъ нихъ и отчасти воспользовался трудами критики. Но преобладающій *тонъ* этой

критики, ея *изложеніе*, далеко нечуждые прицѣпокъ и придирокъ, могли бы быть въ самомъ дѣлѣ значительно смягчены».

«Итакъ, громадные дарованія, вооруженныя глубокою ученостью, всегдашній трудъ, проникнутый увлеченіемъ, вѣчно-производительное чтеніе, кипучая жажда научной дѣятельности, стремительная отвага во все проникнуть, лаконическая сжатость выводовъ, неослабное вниманіе ко многимъ движеніямъ современной мысли и (кто упрекнетъ его за это?) жажда приобрести себѣ имя доброе, вотъ что произвело то обиліе работъ, которое такъ изумляетъ насъ. Но вслѣдствіе научныхъ обстоятельствъ времени, вслѣдствіе жизненной обстановки его, вслѣдствіе разнородной массы работъ и снѣшнаго характера дѣятельности, во многихъ сочиненіяхъ его, при необыкновенной широтѣ и раскинутости ихъ поля, не видишь обдуманнаго плана, не встрѣчаешь полнаго рѣшенія задачи, сообразно современнымъ требованіямъ науки; такъ что почти все сочиненія его представляютъ собою по преимуществу *материалы*, счастливо собранные и удачно сгруппированные. И въ этомъ отношеніи, значеніе его чрезвычайно велико: во многихъ областяхъ духовной науки, безъ книгъ его нельзя и шагу ступить. Труды его, какъ богатѣйшая организованная масса матеріаловъ, какъ пособіе для дальнѣйшаго дѣланія, составляютъ обильный, драгоцѣнный и незамѣнимый вкладъ въ сокровищницу духовной литературы».

«Такимъ же по преимуществу сборникомъ полезныхъ матеріаловъ являются и «Черниговскія Епархіальныя Извѣстія», которыя онъ создалъ, въ которыхъ онъ принималъ непрерывное, самое широкое участіе въ теченіи пяти лѣтъ и своими трудами доставилъ имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій. Ими, впрочемъ, не столько дорожила масса публики, сколько ученый труженикъ; да и тотъ, взглянувъ на содержаніе иного нумера, думалъ про себя: «А, хорошо! Вотъ будетъ случай, обращусь за справкой».

«Если въ свѣтской литературѣ дорожатъ всякой мелкой рецензіей даровитаго критика, до того даже, что перепечатываютъ ее въ собраніи сочиненій его; то, уже по одному закону справедливости, подобная доля должна постигнуть и критическія замѣтки такого автора, какъ преосвящ.

Филаретъ. Но нами руководить здѣсь не авторитетъ его имени, а сущность самыхъ статей его: оцѣнить достоинства книги, указать ея слабыя стороны, произнести мѣткое заключеніе и выразиться языкомъ живымъ, сжатымъ и бойкимъ, во всемъ этомъ преосв. Филаретъ являлся истиннымъ мастеромъ. Всякій, кто хочетъ получить о разобранныхъ имъ книгахъ яркое и точное понятіе, необходимо долженъ прочесть его отзывы».

«Наконецъ нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что литературные труды его и вся его дѣятельность всегда были проникнуты у него ревностію о чистотѣ православія. Достаточно вспомнить, какъ оберегалъ онъ школы отъ незванныхъ педагоговъ, какъ зорко слѣдилъ за книгами, изданными для народа *). Какъ энергически возстаетъ онъ въ своей догматикѣ противъ дерзающихъ колебать святость вѣры!... Люди, близко знавшіе его, передадутъ, конечно, много трогательныхъ фактовъ о томъ, какъ радовался владыка всякому проявленію добра и уваженія къ тѣмъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь наша».

*
* *

Прежде, чѣмъ остановиться на догадкахъ и заключеніяхъ объ извѣстныхъ проявленіяхъ въ дѣятельности Филарета, мы постараемся нѣсколькими штрихами обрисовать его характеръ и склонности. Мы воспользуемся, какъ весьма цѣннымъ для того матеріаломъ, письмами его къ другу его Горскому, изданными почтеннымъ протоіереемъ С. К. Смирновымъ.

Прежде всего Филаретъ привлекаетъ къ себѣ своею беззавѣтною любовью къ правдѣ, для которой онъ готовъ былъ жертвовать всеми невзгодами жизни. Жалуясь, на примѣръ, на комитетъ, гдѣ задерживали его рукописи, онъ писалъ, что будетъ писать о дѣлѣ митрополиту Антонію, «и объясню ему дѣло по христіанскому расположенію, а не съ тѣмъ, чтобы враждовать съ людьми; впрочемъ не скрою и правды, хотя

*) См. отношеніе его къ г-ну оберъ-прокурору Св. Синода о книгѣ «Бояринъ Матвѣевъ». М. 1864 г.

и горькой для нѣкоторыхъ». И дѣйствительно цензура была крайне недоброжелательною къ Филарету. Достаточно сказать, что сочиненіе его «пятый періодъ исторіи Русской церкви» она продержала 10, а «Ученіе объ отцахъ церкви» 17 лѣтъ! «О Господь увѣреть, что митрополитъ не оставитъ дѣла безъ вниманія и защиты. Итакъ, съ своей стороны я не желалъ бы избѣгать косыхъ взглядовъ людей нѣкоторыхъ и останавливать дѣла. Истина не боится свѣта. «Начальство поддерживаетъ книгу». Дай Богъ счастья начальству! Я не желалъ и не желаю быть въ тягость начальству, а желалъ и желаю не быть лѣнивымъ рабомъ предъ церковію Господа моего, говорить и дѣлать желаю то, что по совѣсти считаю полезнымъ. Боже мой, мы думаемъ поддержать истину Твою гнилыми клѣтками подмостковъ Римскихъ! Въ стыдѣ останемся: Быть можетъ, и я въ числѣ такихъ же дѣятелей безумія? Но, Господи, просвѣти меня грѣшнаго». — «Одесскій Иннокентій былъ въ Харьковѣ, но не засталъ меня», писалъ Филаретъ графу Толстому, «потому что я былъ въ крестномъ ходу съ чудогворною Ахтырскою иконою Божіей Матери. И это къ лучшему. Пріятно-ли встрѣчаться съ людьми, которые не любятъ правды?» — «Недавно былъ здѣсь Сербиновичъ *). Безъ сомнѣнія вы, другъ мой, при всей вашей скромности, или осердились бы, или расхотались бы, если бы услышали, что катихизисъ митрополита поручаютъ замѣнить сочиненіемъ другимъ, кому? Мнѣ! Не правда-ли, что это или досадно, или смѣшно. А это было. По какой причинѣ? «Катихизисъ митрополита — лютеранскій катихизисъ», точныя слова Сербиновича. Эти люди, истинно, почти помѣшаны. Нужно-ли говорить, что на продолжительное разсужденіе объ одной и той же темѣ отвѣтомъ служило глубокое молчаніе. Или нѣтъ, къ сожалѣнію, не выдержалъ обѣта молчанія, сказалъ нѣсколько словъ не по ихъ вкусу. Но моя уже такая судьба: меня давно внесли въ списокъ упорныхъ лютеранъ. Не сѣтую на то, хотя и не радуюсь. Молю Господа, чтобы принялъ душу мою съ вѣрою, которою доселѣ жилъ, воспитанный молитвами угодника Его, прендобнаго Сергія».

Очень льстиво и очень лестно было такое предложеніе для молодого ученаго, но въ подобныхъ случаяхъ его не колебали земныя выгоды.

*) Состоявшій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

«Другъ мой! Тебѣ хотѣлось узнать правду, и ты допустилъ до души безпокойство. Въ такомъ случаѣ надобно много имѣть вниманія къ своей душѣ, чтобы не позволять ей приходить въ тревогу, не давать ей покуситься на какую-либо несправедливость. Слѣдуетъ говорить въ пользу неправой стороны, но душою оставаться на сторонѣ правой: беречься того, чтобы оскорбляться чѣмъ либо въ тѣхъ, съ кѣмъ на этотъ разъ имѣешь дѣло. Трудно въ дракѣ соблюсти равнодушіе и правду, но надобно соблюдать: тогда только можемъ съ спокойною совѣстью оставлять мѣсто брани и спора, когда внутренно не отступили ни въ чемъ-нибудь отъ правды. Слова—не важное дѣло. Они только развѣ въ такомъ случаѣ должны обратить на себя вниманіе, когда, не возмущая меня, возмущаютъ сосѣда. А душа? Душа должна быть охраняема».

«Лѣта приближаются, лѣта приближаютъ къ гробу; а душа не лучше, не смотря на приближеніе грознаго отчета. Опытность научаетъ многому для житейскаго обихода, а для душевнаго спасенія и она не прибавляетъ ничего. Человѣкъ бывалъ грѣшникомъ, грѣшникъ и теперь. Страсти владѣютъ всею попрежнему. Однѣ засыпаютъ, другія пробуждаются; однѣ слабѣютъ, а другія становятся сильнѣе. Что это за страшная сцена—человѣкъ? Не отвергни меня, Господи, во время старости моей, когда оскудѣвать будетъ крѣпость моя. Силы тѣлесныя вѣтшаютъ, а что приобрѣтено для вѣчности?»

«Работаемъ, трудимся; а не видно, не ощутительно, сколько изъ того плода для вѣчной блаженной жизни». — «Понемногу, но будемъ идти впередъ по пути спасенія; многого гдѣ ожидать намъ отъ себя? Но будемъ побуждать себя къ немногому. Нынѣ и завтра будемъ говорить себѣ: надобно явиться на судъ, надобно давать отчетъ въ жизни, надобно отвѣчать за все, даже за слово праздное, даже за мысль блуждающую».

О глубококомъ смиреніи его свидѣлствуютъ письма его къ другу его Романовскому. Сдѣлаемъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ, которыя даютъ понять, что Филаретъ считалъ себя, кажется, послѣднимъ изъ людей. Такъ, на примѣръ, писалъ онъ Романовскому: «Умирать тебѣ

такъ рано не приказано. Надобно, чтобы вы отправили меня туда напередъ: мнѣ дѣлать здѣсь нечего, потому что добраго не дѣлаю». — «Мнѣ что-то грустно. Мнѣ навѣялъ на душу грусть. Все суета. Надобно молиться, чтобы было съ чѣмъ явиться въ тотъ мнѣ міръ безъ стыда и скорбей». — «Господи! Дай намъ дрійти въ сознаніе своихъ немощей и преступленій». «Господи Иисусе Христе, Милостивый для всѣхъ, и особенно для страждущихъ, да пребываетъ съ вами, утѣшая и укрѣпляя васъ среди вашихъ болѣзней. Хотѣлось бы помочь вамъ: вы такъ много помогали мнѣ. Но чѣмъ? Такой бѣднякъ я, что ровно ничего нѣтъ изъ духовнаго добра. А безъ духовнаго имущества куда годится человѣкъ? Богатый въ милости да подастъ вамъ нужное за меня, бѣдняка». «Будьте милостивы ко мнѣ, не взирая на мою худобу. Пишите ко мнѣ». — «Милостивый Отецъ Небесный! Худыя мы дѣти Твои, но все же Твои. Не оставь насъ. Спасай насъ милостію Твоею. Видно, что не стоимъ мы милостей Твоихъ. Но и псы пользуются крохами, падающими со стола». «Обнимаю васъ любовію, съ молитвою недостойною за васъ». Извиняясь въ продолжительномъ молчаніи, послѣ состоявшагося перевода его изъ Харькова въ Черниговъ, Филаретъ писалъ: «были и обстоятельства, которыя наполняли собою голову мою пустую. Господи! прости меня грѣшнаго» Всякое письмо онъ оканчивалъ обыкновенно: «грѣшный Филаретъ». Переноса скорби отъ людскаго зложеланія и неправды, онъ успокаивалъ себя мыслью о спасеніи. «Видите, другъ мой», писалъ онъ Романовскому. «Желаю ли я непріятнаго людямъ. А люди всетаки толкаютъ меня то въ бокъ, то въ спину. Господь да устройте все ко спасенію вѣчному». Встрѣчаясь съ нѣкоторыми явленіями общественной жизни, онъ провѣряетъ съ ними состояніе души своей и выводитъ для себя поученіе. Такъ въ письмѣ изъ Петербурга въ 1859 году писалъ онъ: «На землѣ все перемѣняется. Особенно же въ столицѣ перемѣнъ какъ волны бѣгутъ перемѣны за перемѣнами. Пусть бы это было такъ по дѣламъ, зависящимъ не отъ воли. Но странно, что и мысли бѣгутъ за мыслями, какъ волны. Одинъ Господь—неизмѣненъ. О! еслибы и грѣшная дума моя слѣдовала волѣ Его! Въ ней было-бы постоянство»!

Рядомъ съ такимъ смиреніемъ, конечно, должно стоять строгое блюденіе за собою, своими поступками, что и замѣчается у Филарета, свидѣтельствуя, что это былъ истинный подвижникъ, нелицемѣрный рабъ Божій. «Все земное пройдетъ» — писалъ онъ Романовскому. «Останутся съ нами только наши мысли и дѣла, особенно дѣла. Мысли бываютъ въ насъ похожими на вѣтеръ—дуютъ и проходятъ мимо. Дѣянія-же — созрѣвшій плодъ души. Съ ними, съ ними, если онѣ плохи, плохо будетъ тамъ, за гробомъ. Этимъ нѣсколько ограждаю себя отъ смущеній за мысли докучливыя».

Такое смиреніе и строгое блюденіе за собою приучили Филарета не только благодушно выслушивать дѣлаемые ему замѣчанія, но понуждали его постоянно просить людей близкихъ ему и которымъ близокъ былъ онъ, какъ, напримѣръ, митрополита Филарета и Горскаго, указывать ему на его недостатки. «Отъ владыки получилъ я нагонку», писалъ онъ изъ Харькова, «да и по-дѣломъ. Спасетъ его Господь за любовь». «Благодарю, искренно благодарю тебя, другъ мой, за дружеское письмо твое. Въ горькой земной жизни (писано изъ Риги), которая и дая всѣхъ горька, но отъ того не легче тому, кому больше она горька, чѣмъ другимъ, въ горькой земной жизни любовь друга—даръ Божій, за который надобно благодарить Господа. Такъ и я благодарю Господа за дружескую любовь твою, которая даритъ меня утѣшеніями». Въ чемъ же эти утѣшенія? Горскій сдѣлалъ ему замѣчанія и вѣроятно довольно жестко, такъ что самъ поспѣшилъ поправиться, извиняясь, что вѣроятно прошедшее письмо было ему несприятно. Но Филареть кротко отвѣчаетъ: «Не знаю, отъ чего показалось тебѣ, будто прежнес письмо твое могло сколько-нибудь быть неприятнымъ мнѣ. Всѣ письма твои читалъ и читаю съ сердечнымъ удовольствіемъ. Если-бы и встрѣчалась въ нихъ горькая для меня правда: знаю, что пишетъ другъ мой, который желаетъ мнѣ одного добра. Но это и ненужно объяснять».

Когда Горскій огорченъ былъ какимъ-то замѣчаніемъ митрополита, Филареть писалъ ему въ успокоеніе: «По опыту убѣжденъ, что слова владыки весьма благотворны. Надобно дорожить ими. Такихъ словъ, какія онъ говоритъ, отъ другого нельзя услышать. Это такая правда святая

что въ ней не сомнѣваюсь, какъ въ томъ, что предо мной горитъ теперь свѣча. Нужды нѣтъ, что слова его бывають черствы; но они всегда полезны».

Съ теченіемъ времени, съ годами стала ослабѣвать забота Горскаго о своемъ другѣ, а, быть можетъ, и неумѣстнымъ уже считалъ онъ дѣлать нравоученіе шестидесятилѣтнему архіепископу. Но Филаретъ, боясь ослабнуть въ надзорѣ за собою, съ любовію и смиреніемъ отвѣчаетъ просьбою на суровый отказъ своего друга. «Ты предлагаешь мнѣ избрать вмѣсто тебя кого-либо, кто-бы сталъ говорить мнѣ о всемъ? Нѣтъ? если отказываешься отъ меня ты, который такъ много знаешь меня, кому придетъ желаніе быть вмѣсто тебя около меня? Всего же прежде надобно сказать, что у меня не лежитъ душа къ кому либо другому. Что же дѣлать съ своей душою? Надобно ломать себя? Но и тогда едва-ли выйдетъ что-либо въ пользу для меня и для дѣла. Если другіе не расположены такъ, какъ бы мнѣ для души моей хотѣлось, къ чему близость къ нимъ? Нѣтъ другъ мой, для Господа не оставляй ты меня. Говори о пужномъ и полезномъ. При помощи Божіей буду отвѣчать на слова души словами души, а не одного языка. Господь не оставитъ тебя за твои добрыя желанія; и если отъ худобы моей тебѣ бывасть иногда больно, Онъ утѣшитъ тебя, а ты прости меня. Я буду стараться, чтобы не быть худобою моею тебѣ въ тягость и въ скорбь. Господь не безъ милости и къ грѣшнику. Онъ подастъ крѣпость не увлекаться движеніемъ оскорбленнаго самолюбія, оскорбленной гордости и всей подобной дряни. Отъ души и для Господа прошу тебя, не бросай негоднаго Филарета».

Филаретъ былъ въ постоянномъ духовномъ настроеніи. Дорожа имъ онъ искалъ перѣдко уединенія и живя въ Харьковѣ, два раза ежегодно уѣзжалъ въ Святогорье, гдѣ образцовый порядокъ и строгій аѳонскій уставъ доставляли ему истинное утѣшеніе. Здѣсь онъ оставался по нѣскольку дней. Богослуженіе здѣсь совершается почти непрерывное, день и ночь, и самъ Филаретъ ежедневно служилъ то въ одномъ, то въ другомъ монастырскомъ храмѣ, то въ домовой церкви Потемкиныхъ, совершая крестные ходы къ

монастырскому скиту или по крытой галлерей съ лѣстницей въ 400 ступеней къ храму св. Николая чудотворца. Этотъ храмъ стоитъ на мѣловой горѣ такъ высоко, что главы собора отъ него кажутся далеко внизу. Стеченіе народа къ храмовому празднику бываетъ столь велико, что все, что могъ окинуть взоръ съ верху горы, было переполнено молящимися. «Чувство благоговѣйнаго восторга обнимало душу Святителя при столь величественномъ христіанскомъ зрѣлищѣ, о чемъ онъ любилъ говорить всякій разъ, когда заходила рѣчь о храмовомъ праздникѣ въ въ Святогорѣ. Особенно умилительное впечатлѣніе какъ на Филарета и сослужащихъ ему, такъ и на молящихся цѣлыхъ тысячъ мірянъ производило совершеніе литій подъ открытымъ небомъ предъ западными воротами храма въ тихую и теплую южную ночь, при мерцаніи звѣздъ на небѣ и при множествѣ свѣтильниковъ, возженныхъ на мѣстѣ службы и на карнизаль храма и другихъ монастырскихъ зданіяхъ». Такъ передаетъ современникъ Харьковскаго служенія Филарета.

Въ Святогорѣ проживалъ тогда юродивый монахъ Θεодоръ, называвшійся обыкновенно Федей. Послушаніе онъ несъ на кузницѣ. При своей замѣчательной физической силѣ онъ былъ кротокъ, какъ агнецъ. Разговорившись съ нимъ на кузницѣ и подмѣтивъ у него глубокую духовную мудрость и даже прозорливость, Филаретъ постоянно сталъ приглашать его къ себѣ и вель съ нимъ бесѣду. Федея говорилъ ему «ты», говорилъ просто и даже рѣзко, но всегда умѣлъ сказать что-либо на пользу души. Подвигъ послушанія былъ настолько усвоенъ Федей, что безъ благословенія своего духовнаго отца онъ не бралъ даже предложеннаго ему стакана чаю, а съ благословенія бралъ, не вредя себѣ, закаленное желѣзо, какъ увѣряетъ о. Лещенковъ. Въ то же время тамъ подвизался другой подвижникъ, іеросхимонахъ Іоаннъ, 17 лѣтъ, прожившій въ скважинѣ мѣловаго утеса, напоминающей болѣе птичье гнѣздо, чѣмъ жилище человѣка. Каждый разъ, бывая въ Святогорѣ, Филаретъ, во образѣ простого богомольца, входилъ къ нему въ келію, приносилъ ему въ даръ восковыя свѣчи и у изголовья его гроба, передъ высокимъ деревяннымъ крестомъ, въ слезахъ приносилъ покаяніе. Уваженіе и любовь къ нему Филарета облегчали ему непрепятственно

проходить его трудный подвигъ, воздерживая братію отъ глумленія надъ его дѣтскою простотою.

Любовь къ правдѣ заставляла Филарета отворачиваться отъ лести, клеветы и нестерпимаго для него наушничества. «Искренно скажу тебѣ и о томъ, что, право, не имѣю желанія и не позволяю себѣ принимать слухи со стороны. Всякому дѣлу есть свое мѣсто. Каждому чувству есть правило. Каждому знакомству есть свой кругъ. Зачѣмъ мнѣ мѣшать дѣла, неподходящія одно къ другому? Повторяю, что не только не люблю, но ненавижу людей и тѣхъ, которые по видамъ своимъ домогаются низкими поступками (каковы сплетни) что-либо выиграть для себя, такъ и тѣхъ, которые приближаютъ къ себѣ подобныхъ людей. Не скрою и того, что подъ послѣдними разумѣю одного извѣстнаго тебѣ и мнѣ. Кажется, передъ судомъ Божиимъ могу сказать неукоризненно, что не принималъ къ себѣ наушниковъ. По-моему, они низки во всякомъ случаѣ. Ужели чья-либо совѣсть дозволить считать подобныхъ людей доброжелателями? Не вѣрю. Китайская пословица говоритъ умно: правду или неправду говорить низкій человѣкъ, не слушай его».

Мы указали на отзывъ о Филаретѣ архіепископа Юсифа и дѣйствительно Филаретъ имѣлъ младенческую душу и желалъ, чтобъ она соблюдена была и его другомъ, которому писалъ: «Вы упомянули: многое нынѣ мнѣ не такъ кажется, и то, что прежде поражало душу, теперь не сильно дѣйствуетъ на нее». Не знаю, какіе предметы имѣете вы при семь въ виду. Но если и вообще говорить о перемѣнѣ, какая бываетъ въ душѣ при переходѣ изъ одного возраста въ другой, не надобно упускать изъ виду, что дѣтское чувство—чувство прекрасное. Дѣтская душа такъ близка къ тому состоянію, въ какомъ душа вышла изъ рукъ Творца природы, какъ не близка другая, по крайней мѣрѣ по отношенію къ невинности и чистотѣ чувствъ. Душа дѣтская такъ близка къ Богу и ко всему святому, какъ не бываетъ близка душа мужа, развлеченнаго разнообразіемъ и множествомъ предметовъ. Душа дѣтская довольно близко идетъ къ мысли о единомъ на потребу: разсудительность мужа всего болѣе разсуждаетъ о нуждахъ и неудоб-

ствахъ земной жизни. Пылкость юности всего болѣе развлекается и увлекается воображеніемъ, наполняемая красными міра и поджигаемая пыломъ страстей. Потому надобно даже съ понужденіемъ обращать душу къ положенію дѣтства. Надобно имѣть даже недовѣрчивость къ разсудительности зрѣлаго возраста, созрѣвающего для земли, незамѣтно для разсудительности, не только для воображенія. Всѣ умремъ, и все пройдетъ. Земная разсудительность полезна для земли. Но съ чѣмъ же явимся въ ту жизнь? Бѣда, если будемъ обмануты холодною расчетливостію, незамѣтно для насъ рассчитывающею только на спокойствіе земное. Самолюбіе, какъ мало видное въ первыхъ лѣтахъ нашихъ, какъ сильно и какъ умно располагаетъ нами въ зрѣлыхъ возрастахъ; но оно же и готовитъ безотрадную вѣчность».

Опасаясь, чтобы слова его не показались укоризною его другу и не смутили его, онъ спѣшитъ добавить: «Простите меня, Господа ради, что пишу то, что попадется на душу, безъ осмотрительности. Худое, ненужное отбросьте, хорошее употребите въ дѣло и тѣмъ обогатите мнѣ благодаріемъ, мнѣ бѣдному и нищему душею. Радъ бы я посмотрѣть на милаго Александра Васильевича, котораго такъ давно не видалъ: очень былъ бы радъ. Да вотъ уже скоро два года какъ не вижу васъ. Посидѣлъ бы съ вами, поговорилъ бы съ глазу на глазъ. Заочная бесѣда какъ-то не все даетъ душѣ, что даетъ личная. Провелъ бы часъ хвораго здоровья и облегчилъ бы тяготу души. Но да будетъ воля Господа!».

Труды свои Филаретъ не подогрѣвалъ тщеславіемъ, имѣя о нихъ самое скромное понятіе. Посылая Горекому статьи свои, онъ просилъ, по примѣру своего великаго наставника, митрополита, замѣчаній и, можно сказать, съ жадностію на нихъ бросался. «Добрый другъ мой!» писалъ онъ изъ Петербурга; — «ты любишь меня попрежнему и попрежнему выполняешь догучливыя мои желанія. Спасеть тебя Господь! Какъ томимый жаждою и голодомъ, напалъ я на твои замѣчанія и все принялъ къ сердцу и всѣмъ воспользовался. Такъ я здѣсь скуденъ, такъ пуж-

даюсъ въ душевной пищѣ, или лучше въ пищѣ для ума». — «Недостатокъ мой, о которомъ говорятъ мнѣ и котораго доселѣ не могу исправить, хотя и желаю, состоитъ въ томъ, что иногда не договариваю кое-что или неясно говорю. Да, это бѣда моя!» Не указываетъ ли это, во-первыхъ, на быстрый полетъ мысли, за которою едва успѣвалъ онъ слѣдовать, а во-вторыхъ, на увлеченіе предметомъ, которое иногда можно было прировнять вдохновенію? Такимъ образомъ, этотъ недостатокъ свидѣтельствуеетъ только о богатствѣ мысли и обилии матеріаловъ для ея работы.

Напечатавъ статью о Максимѣ Грекѣ (въ Ноябрьской книжкѣ «Москвитянина» 1842 г.) онъ, по прочтеніи ея въ печати, самъ произнесъ надъ нею суровый приговоръ. А прочитавъ статью Горскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, написалъ ему: «Основательное и осмотрительное изслѣдованіе; мнѣ никогда не написать такой статьи. Это чувствую вполне. Каждая часть осмотрѣна съ разныхъ сторонъ, и для каждой мысли цѣльной найдено нужное объясненіе или подтвержденіе. Особенно же важно то, что нѣтъ лишняго, такого, что показывало бы только охоту говорить ученымъ образомъ и не прибавляло бы ничего для ученыхъ, какъ давно знающихъ подобныя вещи. Вотъ это послѣднее свойство для меня недоступно и не по силамъ, отъ того что мало самъ сознаявалъ, а только собираю написанное другими. Что дѣлать? Когда нѣтъ силъ, остается только сознаваться въ недостаткѣ ихъ. Бѣдность кругомъ меня; куда ни посмотрю на свой скарбъ—тряпье! Отчасти и досадою на себя; но такъ и быть. Дѣло конечно, путь миновался». Вотъ какъ скромно смотрѣлъ Филаретъ на свои ученые труды.

Мы не можемъ сказать, чтобъ Филаретъ пренебрегалъ замѣчаніями. Даже г-нъ Пономаревъ утверждаетъ, что онъ воспользовался нѣкоторыми замѣчаніями пресов. Макарія. Да можно указать и много подобныхъ примѣровъ. На счетъ цензурованія его «Исторіи Русской церкви» онъ писалъ Горскому: «Отцу протоіерею, пересматривавшему обѣ части «Исторіи», я очень благодаренъ. Въ одномъ мѣстѣ окъ сдѣлалъ очень дѣльное замѣчаніе». «Очень доброе дѣло сдѣлали для меня, что напомнили о недостаткѣ «введенія». Я въ началѣ дѣла имѣлъ въ виду, по разсмотрѣннн частей дѣла, сдѣлать обзоръ общему; но потомъ забылъ

и опустилъ совѣмъ изъ виду за давностію». — «Душевно благодарю васъ, другъ мой, за душевное, дружеское участіе ваше въ пересмотрѣ рукописей Харьковской епархіи. Каждое слово, каждое замѣчаніе ваше и цензора принимаю съ благодарною любовью». «Да, жутко бывало выслушивать или читать приговоры трудамъ или замысламъ отъ великаго владыки нашего. За то, какъ это много принесло пользы! Нѣтъ, какъ ни многимъ хочется записать себя въ разрядъ великихъ талантовъ или гениевъ, но доселѣ только одинъ есть въ Россіи и великій богословъ, и великій критикъ, и великій философъ. Не скоро дождется Россія подобнаго человѣка. Да, есть у меня письма владыки нашего. Есть и письма другого, именующагося знаменитымъ ораторомъ *). Очень много слушалъ я разговоры владыки нашего. Слушалъ недавно и разговоры именующагося знаменитымъ. Какъ послѣдній далеко ниже стоитъ перваго! Такъ далеко, такъ далеко, что, стоя около послѣдняго, не видать перваго. А къ сожалѣнію видна охота у послѣдняго критиковать перваго. Къ чему бы, казалось, эти затѣи? Какъ не понять, что это не возвышаетъ, а унижаетъ его самого? Но таково самолюбіе паше. Извините, удалился отъ предмета, впрочемъ, не безъ пользы для предмета. Это показываетъ то же самое, что нужно мнѣ показать, т.-е. вы, мои милые, выученные подъ ферулою великаго критика, филолога, историка, философа, богослова, вы именно должны не оставлять безъ употребленія данныхъ вамъ теперь способовъ — знакомить съ памятниками древности, которыхъ съ такою жаждою ждуть теперь всѣ». «Первое извѣстіе твое до крайности изумило меня. Меня обвиняютъ, будто я не отвѣчалъ на письмо владыки объ «Исторіи». Изъ этого составляютъ заключенія. Помню, очень помню и безъ справокъ, что мною написано было въ отвѣтъ на письмо владыки въ самый день и даже въ самый часъ полученія письма его. Но я справлялся въ оправданіе памяти съ почтовою книжкою, и оказалось, что письмо отдано на почту 7-го Февраля сего года (1851). Теперь вопросъ: какъ случилось, что письмо не получено владыкою? Истинно не понимаю. Немедленно написалъ я и вчера же отправилъ на почту новое письмо къ владыкѣ, гдѣ объ-

*) Иннокентія.

являлъ постоянныя расположенія мои къ нему и то, какъ принялъ замѣчанія его на «Исторію». Однако, извѣстіе ваше не перестаетъ безпокоить меня странностію дѣла. Неприятно, что независимо отъ воли моей письмо не получено и тѣмъ наведено безпокойство душѣ великаго святителя. Письмо его не было мнѣ неприятно, хотя содержаніе замѣчаній, конечно, неблагопріятствуетъ дѣлу «Исторіи». Но еслибы и во сто разъ оно было неприятнѣе, и тогда у меня есть еще настолько смысла и совѣсти, чтобы понять и оцѣнить расположеніе владыки. У меня даже возникаютъ сомнѣнія: не содержаніемъ ли полученнаго письма не совѣмъ доволенъ владыка? И въ немъ съ жаромъ сыновней любви благодарилъ его за наставленія. А оцъ, быть можетъ, ожидалъ, чтобы я вошелъ въ какое-либо разсмотрѣніе замѣчаній его?» — «Возвращаюсь къ замѣчаніямъ и отзыву: они написаны въ такомъ умѣренномъ тонѣ, съ такою снисходительностію, какихъ прежде не случалось мнѣ ни разу видѣть ни въ письмахъ, ни въ официальныхъ отвѣтахъ его. Правда, есть нѣсколько замѣтокъ, которыя могли бы быть и не выставлены, то по ихъ неважности, а то и по оказывающейся исторической неточности; но это противъ прежнихъ его опытовъ критики уже малость, едва замѣтная. Ни въ первомъ, ни во второмъ письмѣ ни слова не сказано о содержаніи замѣчаній. Къ чему это? Дѣлу своему тѣмъ не помогу, а между тѣмъ могу обезпокоить душу святителя».

Препровождая инныя статьи свои г. Горскому для передачи въ цензуру, Филаретъ нерѣдко предоставлялъ ему, что признаетъ нужнымъ выбросить, перемарать, отстраняя всякое авторское самолюбіе. И не только предоставлялъ ему, но и цензурѣ. «Да, вы спрашиваете отъ имени другихъ, соглашусь ли я, чтобы сдѣланы были перемѣны въ статьѣ о пророчествахъ Исаи? Пусть дѣлаютъ! Не спорю за свое, не спорю и противъ рѣшимостей чужихъ. Другъ мой, надобно мнѣ помнить, что каждый отвѣчаетъ за свое. Пусть что и какъ хотятъ—перемѣняютъ!»

Очевидно, что здѣсь разумѣется отвѣтственность не передъ читающими, для которыхъ ошибки цензуры прикрывались именемъ автора; отвѣтственность разумѣлась передъ Богомъ, передъ собственною совѣ-

стью. Филаретъ посылалъ сочиненія свои къ Горскому неспорно для провѣрки, чтобъ не было допущено ошибки, погрѣшности противъ чистоты ученія, что легче замѣтить со стороны. Осмотрительность его въ подобномъ случаѣ доходила до того, что когда писалъ онъ «Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа», то выслушалъ лекцію анатоміи знаменитаго профессора и хирурга Харьковскаго университета Нарановича, чтобъ не погрѣшить въ объясненіи страданій Господа на крестѣ. Также точно все свои статьи присылалъ ему и Горскій. Потому-то онъ благодушно принималъ указанія цензуры. Такъ, когда св. Синодъ сдѣлалъ замѣчанія на V-й томъ его «Исторіи русской церкви», находя неудобнымъ обличать высшее духовное правительство, хотя и прежняго времени, въ протестантствѣ, онъ отвѣчалъ, что «съ сыновнею почтительностью» принимаетъ указанія и погрѣшность книги постарается исправить. Это дѣлаетъ понятною единственную цѣль этихъ труженниковъ—служить церкви. «Какъ идутъ занятія ваши по переводу Новаго Завѣта?» спрашиваетъ Филаретъ Горскаго изъ Петербурга въ 1858 г., куда вызванъ былъ на чреду въ Синодъ. «Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ скорой присылки трудовъ вашихъ. Ожиданіе общее. Надобно удовлетворить ему, чтобы хотя чѣмъ-нибудь утишить начавшія раздаваться жалобы противъ духовныхъ.... Боже мой, вступишь за наслѣдіе Твое! Мы грѣшимъ, виноваты; но желали дѣлать въ Твоемъ садѣ. Не попусти ругаться наглому невѣжеству и нечестію надъ Твоимъ достояніемъ».

Когда дѣло шло о святой церкви, Филаретъ дѣйствовалъ смѣло и открыто, не кладя на вѣсы свои земныя выгоды, и поучалъ дѣйствовать такъ и Горскаго, которому писалъ: «Будь же храбръ и честенъ въ защитѣ св. вѣры и церкви».

«Извѣстія ваши о результатахъ розысканій вашихъ о Славянскомъ переводѣ Библіи въ высшей степени интересны. Помогай вамъ Богъ въ святомъ трудѣ вашемъ! Такіе труды найдутъ награду на небѣ».

Можно ли же предполагать въ статьяхъ Филарета, направленныхъ противъ критики его сочиненій, широкой размахъ уязвленнаго самолю-

бія? Вотъ его взглядъ на такой предметъ, изложенный въ письмѣ его къ Горскому. «Вчера получилъ, вчера и нынѣ читалъ статью вашу объ училищахъ XVIII столѣтія. Она прекрасна. Пишите, пишите побольше такихъ статей. Да, у васъ много готоваго, давно готоваго. Пожалуйста, отдавайте печати. Зачѣмъ лежать добру безъ пользы? Такъ пріятно, такъ радостно мнѣ было читать вашу статью. Она такъ богата новыми свѣдѣніями. Почти чтó ни строка, то новость. Благодарю, благодарю душу твою. Господь да освѣтитъ ее Своею благодатію. Знаете ли что? Не отыщите ли чего-нибудь въ дополненіе? Вы сами говорите, что тамъ и здѣсь остается кое-что неяснымъ, неизвѣстнымъ. Дополненіе напечатайте, какъ дополненіе. Было бы прекрасно. Повѣрьте— за каждую строку будутъ вамъ благодарны многіе, какъ и я грѣшный. Вы, какъ кажется, думаете, что то и другое извѣстно, то и другое уже знаютъ; зачѣмъ говорить объ извѣстномъ? Напрасно! Сколько людей у насъ съ познаніями? Сколько съ средствами такими, какія вы имѣете, или точнѣе, какія вы добыли любовію къ духовному просвѣщенію и дарованіями, данными вамъ отъ Господа? Немного. Обочтешся на трехъ. Пишите же, пишите, что знаете, не дозволяя щекотать себя самолюбію, мыслію объ извѣстномъ, о прошломъ. Самолюбіе, другъ мой, вездѣ беретъ съ насъ податъ. Зачѣмъ же уступать грѣху? Лучше смиряться и смирять самолюбіе».

Прежде, чѣмъ сдѣлать заключеніе о рѣзкости отзывовъ Филарета, надо рѣшить, чего самъ онъ требовалъ отъ своего труда. «Вообще мнѣ хотѣлось бы, если Господу угодно, дѣло мое окончить такъ, чтобы по крайней мѣрѣ совѣсть моя была покойна и могла бы сказать о Господѣ: кажется ты дѣлалъ все, что было нужно. Если люди (чего и надѣюсь по настоящему ходу дѣла), если люди*) будутъ недовольны трудомъ и отвергнуть его, пусть они сами отдадутъ отчетъ Господу».

Не значить ли, что мы должны искать другую причину рѣзкости въ отвѣтахъ и замѣчаніяхъ Филарета, а не оскорбленное самолюбіе? Тутъ дѣйствовали съ одной стороны прирожденная нылкость Филарета

*) Здѣсь говорится о Петербургской духовной цензурѣ.

и усиленная Рижскою жизнію раздражительность, въ чемъ каялся онъ самъ. Въ особенности, какъ не разъ мы имѣли случай замѣчать, эта раздражительность неустойчиво обрушалась у него на самихъ виновниковъ этого раздраженія—Нѣмцевъ. Напримѣръ по поводу его «Синодальнаго періода исторіи Русской церкви» напали на него за рѣзкость въ изложеніи борьбы съ реформаціею. «Мнѣ писали будто воюю я съ Нѣмцами, и это-то инымъ не по вкусу. Повѣрялъ и не разъ повѣрялъ написанное о Нѣмцахъ и по совѣсти не нахожу несправедливаго въ сказанномъ. Даже послѣдующія справки мои еще болѣе утвердили меня въ прежнемъ убѣжденіи относительно Лопатинскаго. Рѣзки выраженія? И этого не сознаю. Да, другъ мой, если бы другому пришлось вытерпѣть то же отъ Нѣмцевъ и такъ же близко видѣть дѣла ихъ, какъ довелось мнѣ терпѣть и видѣть, не такъ бы заговорилъ онъ о Нѣмцахъ. Въ этомъ убѣжденъ по совѣсти. Нѣмцы въ книгахъ умные и тихіе люди; но пусть пожили бы съ ними въ Лифляндіи, да и на моемъ мѣстѣ. Нѣтъ, другъ мой, не осуждайте меня за рѣзкость. Душа моя грѣшная слишкомъ настрадалась,—въ ней все болитъ до самой малѣйшей фибры. Не думайте и того, что я не удерживалъ порывовъ души, когда доводилось говорить о нихъ. Лучше разберите и мое положеніе, и дѣла исторіи. Я старался говорить каждое слово по совѣсти, справляясь съ документами. Во время Елисаветы не такъ говорили и думали о Нѣмцахъ. Нынѣ иные добры стали къ Нѣмцамъ. Не дай Богъ никому изъ такихъ испытать на себѣ благодарность Нѣмцевъ. Она была бы слишкомъ черства *). Охъ, эти универсальные люди! Взялъ бы метлу да и вымелъ ихъ изъ св. Руси, которая такъ тѣсна и дурна для нихъ. И зачѣмъ они не спѣшатъ переѣхать во Франкфуртъ на тамошній сеймъ? Въдѣ имъ тамъ и мѣсто. Знаете ли, кто вице-президенты сейма? Два Жиды. Кто основатели сейма? Булочникъ да адвокатъ. Честь и слава Нѣмцамъ! Какъ жаль, что Лифляндскіе негодяи отступились отъ рѣшимости своей вступить въ союзъ Франкфуртскій. Но что дѣлать? Всегда успѣваютъ обманывать, точь въ точь, какъ Жиды. Вся исторія ихъ—торговля кровью другихъ».

*) Здѣсь, конечно, не имѣлись въ виду Австрійцы и Пруссаки.

Зная по опыту сплоченность Нѣмцевъ, успѣвающихъ въ своихъ дѣлахъ, благодаря силѣ своего вліянія на высшую правительственную сферу, Филаретъ намекалъ на это явленіе при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, послѣ извѣстія о пораженіи нашемъ во время Севастопольской войны, онъ писалъ Романовскому: «Царство небесное навшимъ за вѣру! съ ихъ довольно. Винять Нѣмца — корпуснаго командира, но Нѣмецъ можетъ ли быть виновать.

Мы не можемъ не подмѣтить здѣсь высокой черты Филарета: раздражительность его противъ Нѣмцевъ и укору замѣчаются у него только въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о козняхъ Нѣмцевъ противъ православной церкви, противъ нашего отечества и объ угнетеніи несчастнаго народа. Мы припомнимъ читателю, что Филаретъ переносилъ смиренно козни, лично противъ него направленныя, принимая ихъ, какъ заслуженное имъ наказаніе Божіе. Выражая эту мысль въ письмахъ своихъ къ Горскому, онъ верѣдко добавлялъ: «да проститъ ихъ Господь!»

Въ своей рѣзкости сознавался Филаретъ самъ. «Другъ мой, я грѣшный человѣкъ. Ты знаешь, какъ легко и сильно поражаютъ меня неприятности. Правда, скорбь и тревоги жизни довольно истоцили жара и влаги; но переиживать человѣка только благодать: а грѣшный Филаретъ не лучшимъ, а худшимъ становится день ото дня» — «Благодарю тебя искреннею душою за благое вразумленіе. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. И прежде я неисправенъ былъ въ отзывѣхъ о другихъ; а тѣсное положеніе мое, какъ кажется мнѣ, увеличило мою раздражительность. Впрочемъ, мнѣ думается, что критическая статья по самому своему содержанію не могла обойтись безъ шероховатостей для тѣхъ, которыхъ касалась. Если согрѣшилъ я, Господи, противъ ближняго по страсти, — прости мнѣ негодному». — «Другъ мой, не сѣтуй на меня за мои шероховатыя слова. Иному Богъ далъ способность жить подъ ладъ желаніямъ человѣческимъ. Въ себѣ, грѣшный, я не вижу этой способности. Невѣрный звукъ раздражаетъ мои нервы, потрясаетъ душу. Что же мнѣ дѣлать? Повторю, — горькая жизнь моя въ Ригѣ сдѣлала меня

еще болѣе раздражительнымъ. Особенно первыя впечатлѣнія, прежде, чѣмъ съумѣю во-время осмотрѣть ихъ и умѣрить чувства, тяжелы мнѣ бывають. Въ настоящемъ случаѣ о. Макарій попался на глаза такъ недавно. Теперь и самъ раскаиваюсь, что одна строка (Латинская) вовсе не нужна и даже не умна. Не видишь въ судъ съ работою Твоимъ! — Ты знаешь меня, каково обходятся душѣ моей чуждыя людскія, коль скоро душа займется ими. Покоень, пока закрываю отъ нихъ глаза. Что же дѣлать съ собой?»

И тотъ же Филаретъ былъ мягокъ и кротокъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ, побѣждая своею кротостію ихъ нерадѣніе и погрѣшности. Но въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ зло поправимое, невредящее церкви; оно не составляло плода людскаго самолюбія, которому въ жертву приносились бы чистота св. ученія, польза церкви. Последняя-то «чуждость людская» и была невыносимою для Филарета, вызывая его раздраженіе.

Съ этою особенностію характера (мы не назовемъ ее недостаткомъ, какъ называетъ самъ Филаретъ) онъ боролся во всю жизнь. Если рѣзкость идетъ въ уровень съ ревностію къ добру и правдѣ, защищая которыя, она вызывается, мы не рѣшимся поставить ее въ укоръ святителю: она для насъ цѣннѣе, нежели спокойное примиреніе съ извѣстнымъ теченіемъ. Рѣзкое слово Филарета — воля ваша — ближе сердцу, чѣмъ равнодушное: «пусть управляютъ!» Но какъ лицо духовное, какъ человѣкъ строгій къ себѣ, Филаретъ самъ порицалъ эту рѣзкость, и все-таки сознавался, что не могъ «подлаживаться подъ топъ людей». «Статья о Кириллѣ подаде новодѣ къ искушеніямъ. Мнѣ, писалъ о. Макарій, кажется окончилась ссора, а я право не хотѣлъ ни съ кѣмъ ссориться. Если бы зналъ я, что «Христіанское Чтеніе» пишѣ подѣ особою редакціею людей великихъ, до которыхъ касаться не мое дѣло, то, конечно, не коснулся бы о. Макарія. Да, вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умру». «Не знаю, случилось ли вамъ испытать на себѣ, а мнѣ грѣшному много разъ пришлось испытать, хотя и доселѣ еще не вразумляюсь испытаннымъ: послѣ каждаго случая, когда

сильно бываю раздраженъ противъ кого-нибудь, Богъ посылаетъ тяжкія непріятности. Не умѣю рѣшить себѣ, такъ ли Господь милостивъ ко мнѣ грѣшному, что Онъ благоволитъ именно въ наказаніе и наставленіе посылать мнѣ такія обстоятельства и именно при такомъ расположеніи души моеѣ. Только это случалось со мною много разъ. Одно несомнѣнно, что гнѣвъ и раздраженіе мои точно дурны». Не говорятъ ли намъ эти слова Филарета, какъ строго-внимателемъ онъ былъ къ самому себѣ? «Желалъ бы передать тебѣ подробный отчетъ о здѣшнихъ дѣлахъ», писалъ онъ изъ Риги. «Но съ одной стороны много нужно для того времени; съ другой, дѣла здѣшнія такъ мудрены, что христіанскія чувства велятъ лучше покрывать ихъ молчаніемъ, чѣмъ неосторожному сердцу давать просторъ для выраженія мыслей или самолюбія, или униженія другихъ. Желалъ бы я лучше поговорить съ тобою или у тебя на кровати, или у себя на постелѣ, какъ это бывало въ прежніе годы: тогда твой глазъ много увидалъ бы, чего не сказалъ бы языкъ мой; тогда слухъ твоей дружбы понялъ бы живой голосъ сердца, передаваемый теперь въ мертвой буквѣ. Но да будетъ, что угодно Господу».

Указываютъ на рѣзкій отзывъ его о статьѣ «Дня», редактора которой онъ называлъ дуракомъ. Воспроизведемъ нѣсколько строкъ замѣчаній Филарета. «Редакторъ «Дня» не коротко описалъ свое «сожалѣніе» о порученіи Черниговскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія надзирать за выполненіемъ крестьянами долга исповѣди. Онъ желаетъ, постоянно желаетъ, чтобы каждый жилъ, какъ хочетъ. Думаемъ, что редакторъ не заявилъ бы такихъ желаній, если бы онъ зналъ Украинскую пословицу: *паны, якъ дурни, що хочуть, то роблять*. Если бы онъ зналъ это, то, конечно не захотѣлъ бы прежде всего записать себя самого въ число дурней».

Надобно перенестись къ шестидесятымъ годамъ, когда въ печати ратовали о гражданскомъ бракѣ или, другими словами, узаконеніемъ сожителствѣ, о свободѣ совѣсти въ исповѣданіи вѣры, т.-е. когда проповѣдывали о всемъ, что, идя въ разладъ съ нашимъ историческимъ

ладомъ, расшатывало наши государственныя основы. Мы теперь признаемъ мудрую политику Грознаго, понимавшаго хорошо, что тѣмъ болѣе въ такомъ разноплеменномъ и обширномъ государствѣ, какъ Россія, послѣдователей одной господствующей вѣры, тѣмъ прочнѣе связь народная и сильнѣе самое государство. Съ этою цѣлію онъ во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ строилъ церкви, и строилъ ихъ съ поспѣшностію, на примѣръ (какъ говорить преданіе) въ Казани церковь была выстроена въ три дня, а въ слѣдующемъ году по покореніи, какъ извѣстно, уже была открыта тамъ епархія. Мы сознаемъ ошибки наши въ Прибалтійскомъ краю. И вотъ, наперекоръ этимъ урокамъ, усиленно заботились о разобщеніи народа. Вѣдь статья «Дня» какъ нельзя болѣе была на руку агентамъ анархіи. Могъ ли Филаретъ спокойно отнестись къ этой игрѣ въ случайности, въ которую втягивали отечество? Опять вопросъ: власть помѣщиковъ надъ крестьянами въ 1861 году пала; правительство не могло ее вполнѣ замѣнить своими органами: народъ незрѣлый политически, народъ, котораго нравственность была неопредѣлена, такъ какъ ея управляла сила вещей чисто-виѣшняго порядка, могъ проявить самыя дикіе инстинкты, и единственнымъ оплотомъ ей могла быть церковь, съ ея уставами, съ ея словомъ. Но эту-то попечительную роль ея думали замѣнить свободою. Какъ же могъ отнестись къ такому посягательству Филаретъ, какъ служитель церкви, какъ патріотъ, искренно при томъ любившій народъ? Мы не можемъ согласиться съ поклоненіемъ передъ авторитетнымъ именемъ автора и тогда, когда онъ очевидно впадаетъ въ ошибку, она тѣмъ опаснѣе, тѣмъ грознѣе, чѣмъ популярнѣе это имя; и тѣмъ понятнѣе съ другой стороны рѣзкость осужденія: «кому много дано, отъ того много и потребуется». Наконецъ, распоряженіе крестьянскаго присутствія шло какъ нельзя болѣе въ тошъ законодательству; извѣстно, что самый законъ установилъ подобный надзоръ за классомъ даже интеллигентнымъ. Такъ лица, состоявшія на государственной службѣ и болѣе двухъ лѣтъ не бывшія у исповѣди и св. причастія исключались изъ службы. Мы не можемъ теперь провѣрить, что стало съ этимъ закономъ? Или просто превратился онъ въ мертвую букву, или исчезъ при новой кодификаціи Свода, какъ исчезли, не бу-

дучи отмѣнены Высочайшею властію, статьи закона, ограждавшія Русское населеніе отъ разорительной для него эксплуатаціи Евреевъ (въ Малороссіи).

Находятъ слова Филарета крайне рѣзкими, обидными; но не въ тысячу ли разъ обиднѣе, когда эта обида наносится милліонамъ соотечественниковъ и самому отечеству? Вѣдь эти опасенія за отечество подсказывались Филарету любовью къ нему, а ужели любовь довела проповѣданныя доктрины до позорнаго дня 1-го Марта?!

Филаретъ не имѣлъ времени входить въ тонкій критическій анализъ каждой подобной статьи, изъ какихъ сшита почти вся литература шестидесятыхъ годовъ. Опять надо принять во вниманіе среду, для которой писалась статья Филарета. Здѣсь тонкая философія и политическія разсужденія не циковали бы къ себѣ вниманія читающихъ, а рѣзкія два слова сильнѣе могли подѣйствовать на умы.

Рѣзко относился Филаретъ къ трудамъ А. Н. Муравьева. Намъ со стороны казалось бы, что занятія людьми свѣтскими предметами духовной литературы должны быть привѣтствуемы Филаретомъ. Но такъ ли это? Филаретъ замѣтилъ разъ: «Странное дѣло, какъ въ Греческой церкви дѣла шли запутанно предъ паденіемъ имперіи. Брались судить и ридить о вѣрѣ люди, которыхъ дѣло—тесакъ и ружье». Если онъ съ такимъ предубѣжденіемъ взглянулъ на труды Муравьева, то по ревности его предъ нимъ уже рисовалось сближеніе въ положеніи дѣла двухъ имперій: Византін и ея преемпицы. Жизнь въ Петербургѣ и Ригѣ могла ему дать только прибавку къ его грустнымъ размышленіямъ объ этомъ предметѣ. Къ тому же онъ не вѣрилъ, чтобы труды Муравьева были плодомъ горячей любви къ церкви, а смотрѣлъ на нихъ какъ на спекуляцію. Какъ много могъ извинить онъ въ первомъ случаѣ, такъ непощадець былъ во второмъ. Мы знаемъ, что Андрей Николаевичъ удостоился христіанской кончины, а потому съ увѣренностію сказать можемъ, что онъ имѣлъ заслуги передъ Богомъ; но недобрыя свѣдѣнія о немъ доходили до Филарета. Это обстоятельство могло прибавить еще болѣе рѣзкости къ его отзывамъ о немъ. Затѣмъ были и другія причины. «Преев. Иннокентій Одесскій подсыпалъ мнѣ жару

подъ огонь, таившійся подъ пепломъ», писалъ Филаретъ. Ъхавъ въ Москву, Иннокентій убѣждалъ Филарета записаться житіями святыхъ, указавъ на недостатокъ книги Муравьева. На обратномъ пути, или съ цѣлюю подвинуть Филарета къ этому труду, или, можетъ быть, и вовсе безъ всякой цѣли, онъ сообщилъ, что «Муравьевъ поднимаетъ противъ него всѣхъ...» Въ этихъ «всѣхъ» конечно разумѣлся прежде всего митрополитъ, котораго расположеніемъ такъ дорожилъ Филаретъ. «Вотъ вамъ исповѣдь о житіяхъ», писалъ онъ Горскому. «Къ этому надобно прибавить, что Московскому владыкѣ написалъ я, грѣшный, самое жесткое письмо о Муравьевѣ, съ тѣмъ, желаніемъ чтобы показать несправедливость любви его къ Муравьеву. Последнее письмо, какъ думаю, долго будутъ припоминать мнѣ. И по-дѣломъ тебѣ, скверный Филаретъ! Зачѣмъ тебѣ смотрѣть на чужіе грѣхи? Смотри на свои».

Усмотрѣвъ ошибки въ сочиненіи Муравьева «житія Русскихъ святыхъ», Филаретъ почелъ долгомъ указать на нихъ св. Синоду, а дабы исправить эти ошибки, а главнѣе—пополнить пробѣлъ въ нашей духовной литературѣ, онъ сталъ готовить матеріалы, въ расчетѣ заняться этимъ предметомъ. Но, желая придать, сочиненію своему, какъ указалъ митрополитъ Московскій, характеръ церковнаго писанія, онъ просилъ св. Синодъ поручить ему эту работу. Синодъ передалъ его представленіе митрополиту Филарету, на его заключеніе. Митрополитъ долженъ былъ, при рѣшеніи этого вопроса, примирить въ себѣ два чувства: уваженіе къ законности, каковую представляло заявленіе Филарета, и личное расположеніе къ Муравьеву. Эти два чувства въ данномъ случаѣ настолько расходились между собою, что потребовалась особенная христіанская мудрость, чтобы примирить ихъ и на этомъ примиреніи построить свое рѣшеніе. И задача эта была такъ разрѣшена святителемъ: Указывая на необходимость поощренія къ такому труду частныхъ лицъ спихожденіемъ къ замѣчаннымъ погрѣшностямъ, онъ полагалъ, въ видахъ осторожности, поручить епископу Харьковскому (Филарету) составить полный списокъ святыхъ Русской церкви, «съ показаніемъ основаній признанія въ семь достоинствъ особенно тѣхъ, которые менѣе извѣстны», и представить для образца жизнеописаніе

одного святаго. На первый взгляд кажется, что въ отвѣтъ мы слышимъ пристрастіе къ одной сторонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, митрополитъ требуетъ снисхожденія къ ошибкамъ начинающаго свѣтскаго писанія, а святителю, извѣстному своею ученостію, еще дѣлается экзаменъ и предлагается, такъ сказать, черный трудъ, которымъ могъ воспользоваться тотъ-же свѣтскій писатель, при новомъ изданіи своего сочиненія. Но если глубже взглянуть въ смыслъ отвѣта святителя, нельзя не признать за нимъ глубокой мудрости. Онъ понималъ, что пробный трудъ Филарета сразу откроетъ передъ Синодомъ его превосходство, по своей серьезности, богатству матеріала, критической оцѣнкѣ послѣдняго передъ книгою Муравьева. А это самое побудитъ Синодъ самому непосредственно разрѣшить представленіе Филарета. Такимъ образомъ въ это дѣло не будетъ внесено пристрастіе, а самъ святитель оставался въ неизмѣнныхъ личныхъ отношеніяхъ къ обѣимъ сторонамъ. Далѣе, разрѣшая вопросъ: должно ли остано­вить изданіе и должно ли разсмотрѣть обвиненіе, митрополитъ переходитъ на общую логическо-законную почву. «Остано­вливать изданіе, по моему мнѣнію, не должно; потому что въ пользу изданія говоритъ свидѣтельство цензуры, а въ пользу обвиненія не говоритъ ничто, ибо оно произнесено безъ всякаго доказательства. Никакой судъ не произноситъ осудительнаго рѣшенія по обвиненію недоказанному». Понятно, еслибъ въ сочиненіяхъ Муравьева встрѣтились погрѣшности каноническія, митрополитъ Филаретъ не извинилъ бы это свидѣтельствомъ цензуры. Но въ данномъ случаѣ погрѣшности могли быть указаны въ критической статьѣ. Въ подтвержденіе своего заключенія митрополитъ указываетъ на такой случай: изданіе пріостановлено, а обвиненіе оказалось недѣйствительнымъ, автору будутъ нанесены невознаградимый убытокъ и обида.

Но Филаретъ былъ видимо огорченъ такимъ оборотомъ дѣла. Конечно, онъ, имѣлъ въ рукахъ матеріалы, считалъ ошибки книги Муравьева вполне обнаруженными и былъ увѣренъ, что его святительскому слову даже будетъ болѣе довѣрія. Подозрѣвая здѣсь происки Муравьева, онъ написалъ митрополиту письмо, рѣзкость котораго по отношенію къ Муравьеву самъ впоследствии призналъ. И дѣйствительно письмо Фила-

рета было весьма рѣзко. Отвѣтивъ на него по существу дѣла, митрополитъ указываетъ и на эту сторону письма съ тою христіанскою кротостію и любовью, которыя вмѣстѣ съ высокою христіанскою мудростію и свѣтлымъ взглядомъ на вещи ставятъ Московскаго святителя на свѣщникѣ, съ котораго онъ долго, быть можетъ, столѣтіе еще будетъ святитель нашей церкви. О комъ говорите вы, что я «знаю сего злого духа?» Нѣтъ! Не имѣю несчастія знать между извѣстными мнѣ людьми злого духа, и желаю, и совѣтую вамъ не допускать себя до сего несчастія.—На что такой суровый взоръ? На что такое жестокое слово? Согласно ли оно съ ученіемъ апостола: *рабу Господню подобаетъ быти кротку?* Знаешь ли, какимъ человѣка видитъ Богъ? Что, если жестоко осуждаемъ того, кого Онъ милуетъ и, можетъ быть, оправдываетъ? Не безопаснѣе ли отъ погрѣшности, не покойнѣе ли для нашей собственной души представлять себѣ человѣка лучшимъ, нежели какъ онъ намъ кажется и, если угодно, лучшимъ, нежели мы? Не то ли совѣтуютъ отцы? Скромной мысли да послѣдуетъ скромное слово. Выищу еще изъ вашего письма: «получены бумаги и отвѣтъ на мою бумагу, и отъ другихъ скорбей не отдѣлялась скорбь о томъ, что силецъ сатаны». Какія это бумаги подали вамъ мысль о силѣ сатаны? Это указъ, въ которомъ прописано опредѣленіе Св. Синода. Изъ сего надобно заключить, что вы опредѣленіе Св. Синода подчиняете вліянію сатаны. Вы, конечно, не думали сего: но видите, какъ неудерживаемое терпѣніемъ негодованіе увлекаетъ насъ далѣе, нежели мы думали. Перекрестимся, владыко святыи! «*Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его*». Онъ совѣтовалъ при этомъ вмѣсто того, чтобы тратить время на скорбь и нахожденіе другого писателя, сѣсть и написать списокъ святыхъ и житіе одного святаго и послать въ Синодъ! «Дѣло пойдетъ», добавилъ онъ, прямою дорогою, не оглядываясь на другое дѣло, которое идетъ въ сторонѣ».—«Можетъ быть скажете, что я слишкомъ нападаю на выраженія и тонъ рѣчи вашей. Если ошибаюсь, простите, но скажу почему это дѣлаю. Мнѣ кажется, что по братолюбію долженъ я нанести вамъ *язвы друга*, которыя, по слову писанія, *достовѣрныя, нежели вольныя лобзанія враги*».

Конечно для того, чтобы отвѣчать на язвы друга съ сыновнею почитательностью, надо обладать именно тѣмъ смиреніемъ, на какое указывалъ митрополитъ. Но какъ ни было велико смиреніе Филарета, темпераментъ его, чистота и ревность его побужденій брали верхъ и онъ не могъ согласиться съ своимъ великимъ учителемъ на счетъ снисхожденія къ погрѣшностямъ свѣтскихъ писателей духовныхъ сочиненій. Онъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы Муравьевымъ руководило здѣсь одно желаніе служить церкви, не могъ измѣнить своего мнѣнія о немъ.

Митрополитъ, какъ кажется, и былъ недоволенъ; а сюда примкнулъ и Горскій. Къ сожалѣнію, обидѣлись тѣмъ, что другой сказалъ вмѣсто похвалы легкое неодобреніе житіямъ, которыхъ, если говорить искренно, не за что и хвалить. «Вы пишете апологію своимъ намѣреніямъ, но иное дѣло—намѣренія, другое—выполненіе ихъ. Сознайтесь лучше, писалъ онъ Горскому, что дѣло не обошлось безъ человѣкоугодничества. Иначе же вы позволяете ожидать, что одобрите «похожденія Ильи Муромца» въ видѣ житія прен. Ильи Муромца. Видно, всякому своя доля. Мнѣ доля—горечь, и горечь, и горечь. Да будетъ благословенно имя Господа Спасителя грѣшниковъ, изъ которыхъ я самый негодный».

«У меня не было ничего на душѣ на Московскую цензуру, — писалъ онъ Горскому, — собственно за мои сочиненія; но, какъ я писалъ, осуждалъ я ее за странныя поблажки къ дичи Муравьева. Владыка принялъ за странность слова мои: «Муравьевъ терзаетъ терпѣніе другихъ своими житіями». «Относительно о. Василія вовсе не могу быть согласнымъ съ вами; его нельзя ставить на одну доску съ простодушными біографами, опиравшимися по простодушію. Это—человѣкъ гордый, принявшій на себя роль учителя церковнаго и съ высокоуміемъ разглагольствовавшій о лицахъ и дѣлахъ, хотя и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжда и безтолковый человѣкъ. Владыкѣ писалъ я, что Муравьевъ—почти тоже, что о. Василій. Люди подобнаго разряда всегда паносили страшный вредъ церкви. Такъ думаю по совѣсти, а не по страсти. Судить же насъ всѣхъ будетъ Господь». Вотъ какъ увѣренъ онъ былъ въ правотѣ и чистотѣ своего взгляда на Муравьева.

Изъ Петербурга, когда присутствовалъ Филаретъ въ Св. Синодѣ въ 1858 году, писалъ онъ Горскому: «А. Муравьевъ говорилъ мнѣ что Александръ Васильевичъ хотѣлъ писать мнѣ о его трудахъ quasi ученыхъ; но я ничего не получалъ. И до того надобно смириться, чтобы подписать опредѣленіе о выдачѣ 500 рублей на изданіе Греческаго перевода житій! И добрый мой Александръ Васильевичъ стоитъ за благочестіе Муравьева! Господи, прости меня грѣшнаго. Дажь ми зрѣти моя прегрѣшенія». Волей-неволей подписавъ опредѣленіе, Филаретъ не стерпѣлъ, чтобъ не высказать своего мнѣнія. «Чтобы сказать все, что было, надобно признаться и въ томъ, что, погорячившись, сказалъ я о требованіи денегъ: это безсовѣстно. Вѣроятно не преминуть довести это до свѣдѣнія Муравьева, и тогда достанется мнѣ на орѣхи! Охъ, чего уже не лили на сѣдую мою бороду? Что-то будетъ далѣе? «Противъ Андрея Николаевича самое сильное мое неудовольствіе за то (объяснялъ Филаретъ Горскому), что онъ очень много вредитъ столько любимому мною святителю Московскому; къ тому же часто не таковъ въ отношеніи къ нему на дѣлѣ, какимъ является передъ нимъ. Но да будетъ воля Божія! Постараюсь слѣдовать совѣту дружбы вашей». — «Да», добавляетъ онъ, «православіе на устахъ—дѣло очень опасное. Не говорю о немъ (Муравьевѣ) болѣе ничего; потому что съ одной стороны довольно терпѣлъ отъ него скорбей, съ другой—потому что, кажется, ему, лицемѣрному фарисею, прошло уже время».

Мы приведемъ здѣсь мнѣніе Филарета о времени Грознаго и Стоглавѣ, что дастъ намъ ключъ къ разгадкѣ строгаго отношенія Филарета къ духовнымъ сочиненіямъ Муравьева. «Вы не повѣриге, какъ много глупость самонадѣянныхъ людей времени Стоглава портила въ священной древности своими ребяческими толкованіями. Нельзя довольно удивиться, какъ отважны, какъ самонадѣянны, какъ даже наглы были эти люди, будучи пошлыми невѣждами! Досада на нихъ иногда выводитъ меня грѣшнаго изъ терпѣнія. Этотъ страшный духъ, это чудовище, а не человѣкъ, Иванъ Грозный, столько надѣлалъ бѣдъ и для государства, и для церкви, что послѣдняя и доселѣ не освободится отъ терзаній его. Подумайте и согласитесь. Гордость—истинный сатана для

человѣческаго рода. Простите за недостатокъ терпѣливости. Едва освободились изъ-подъ аранниковъ Монгольскихъ, какъ уже гордость и подняла ихъ такъ высоко, что чуть-чуть видно стало ихъ на землѣ. «Мы — православные, Греки-бусурманы, мы одни учителя и хозяева православія» — кричали эти странные люди, и давай судить и радить въ книгахъ о церкви; а на дѣлѣ до того были низки, грубы, пошлы и по жизни, и по образованію, что больно смотрѣть на этотъ пошлый сбродъ невѣждъ. Эта-то невѣжественная гордость была тою чумою для святой церкви, которая настолько вѣковъ заразила толпы темныя. Опять прошу прощенія».

Вотъ эта-то боязнь заразить толпы темныя и вызывала строгое отношеніе Филарета къ духовнымъ сочиненіямъ. Но все-таки, находя въ «Житіяхъ Русскихъ Святыхъ» Муравьева много недостатковъ, онъ не рѣшался произнести въ печати своей приговоръ, а указалъ на это Св. Синоду, т. е. какъ говорится, «донесъ по начальству». Но когда Синодъ разрѣшилъ его ходатайство согласно мнѣнію Митрополита Московскаго, онъ медлил исполненіемъ, возложеннаго на него, порученія. И вотъ что писалъ онъ по этому поводу своему учителю — Московскому митрополиту. «На бумагѣ нельзя написать всего и относительно святыхъ.... Два дѣла надобно дѣлать: представить доказательства на то, что то или другое лицо признано святымъ со стороны церкви и представить описаніе Житія Святыхъ. Если нелегко послѣднее, то болѣе тяжело первое. Для перваго, если дѣлать его по совѣсти и со всею отчетливостію, надобно пересмотрѣть патріаршіи архивъ и частію митрополичій.... Коротко сказать, легко писать, но легко ли выполнять? Въмѣсто того, если Св. Синоду благоугодно, чтобы выполненъ былъ указъ его, присланный ко мнѣ, надобно вызвать меня въ Петербургъ. Говорю это не для себя и потому говорю съ свободою. У меня готовы и описанія Житія Святыхъ и свѣдѣнія о причисленіи того или другого лица къ Святымъ; но представить ихъ Синоду не позволяю себѣ. Легкомысленно поступать въ дѣлѣ важномъ не желалъ и не желаю. Страсти и предубѣжденія вездѣ только портятъ дѣло. О Житіяхъ Святыхъ было и теперь есть слѣдующее убѣжденіе мое. Должно: 1) составить опи-

саніе житій на основаніи лѣтописей, рукописныхъ описаній и повѣстей, чтобы это было чтеніе назидательное и для ума, и для сердца, а не соблазнительное для того и другого; 2) издать древнія житія, повѣсти и записки о святыхъ, не прибавляя къ ихъ тексту ничего своего; 3) читать же то, что издастся Муравьевымъ. простите, святой владыка, за мое мнѣніе, тоже, что читать басни, передѣланныя на новый ладъ: тутъ что ни строка, то ошибка -- противъ исторій, фронологіи, языка, логики, психологіи, ошибка во всѣхъ видахъ и родахъ. Богъ видитъ, говорю не по предубѣжденію, но по свѣдѣніямъ, какія Богъ далъ. По убѣжденію моему начальство должно быть первымъ дѣятелемъ тамъ, гдѣ дѣло касается до св. церкви. Иначе иновѣрцы давно порицають Русскихъ епископовъ и за недѣятельность, и за рабство; а ихъ голосъ стали повторять и вслухъ Русской церкви (назидательно ли послѣднее для раскольниковъ и для чадъ церкви?). Изданіе древнихъ біографій, повѣстей и записокъ о святыхъ могло бы легко совершиться при трехъ академіяхъ: каждая издавала бы описанія только тѣхъ святыхъ, которые подвизались въ ея округѣ. Самыя древнія описанія могли бы быть изданы на древнемъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ; позднія довольно издать только въ переводѣ. Изданіе могло бы быть названо: «Памятники Благочестія», и составить, если не особое изданіе, то особый отдѣлъ выпѣшнихъ изданій. Не обвиняйте меня, святой владыка, что не представлялъ и не представляю замѣчаній объ ошибкахъ Муравьева. Не представлялъ прежде отъ того, что не считалъ нужнымъ для своего дѣла, а вызываться на дѣло не свое -- не считалъ должнымъ; не представляю теперь по другимъ причинамъ совѣсти моей».

Причина же нынѣ понятна: «довольно терпѣлъ отъ него скорбей» Филаретъ, а потому опасался, чтобы личное неудовольствіе не примѣшалось къ святому дѣлу.

Приведенное письмо къ митрополиту еще разъ свидѣтельствуеть объ особенной осторожности Филарета въ ученыхъ трудахъ по предметамъ вѣры. Ошибка въ повѣствованіяхъ о политическихъ событіяхъ всегда поправима, она не идетъ далѣе книги; тогда какъ ошибка въ предметахъ вѣры, въ ученіяхъ церкви можетъ вовлечь въ заблужденіе

массу и породить разномысліе. Поэтому-то и не могъ равнодушно относиться Филареть къ тѣмъ, кто легкомысленно обращался съ этимъ предметомъ. Чтобы поправить ошибки другихъ и предотвратить послѣдствія, Филареть бралъ на себя трудъ заняться тѣмъ же предметомъ. Такъ, осудивъ книгу Муравьева, онъ самъ написалъ *Русскіе Святые, чтимые всею церковью или мѣстно*. Замѣтивъ погрѣшности въ сочиненіи Макарія, самъ написалъ *Жизнь преподобнаго отца нашего игумена Печерскаго Θεодосія, описанное преподобнымъ Несторомъ, въ переводѣ на современный Русскій языкъ*.

Архіеп. Анатолій, поблагодаривъ Филарета за «наслажденіе, доставленное ему чтеніемъ его «Догматическаго Богословія», высказалъ сѣтованіе на «цензурныя мытарства». Но Филареть на это отвѣчалъ ему: «Согласенъ съ вами, что пынѣшнія облегченія цензуры имѣють хорошую сторону; но убѣжденъ и въ томъ, что цензура умная и благонамѣренная нужна. Она тяжела бываетъ для авторскаго самолюбія; но за то книги могутъ являться не бесполезными или не вредными».

Такую ревность о чистотѣ ученія не могъ не замѣтить у Филарета Московскій святитель и не отдать ему дань уваженія. Вотъ почему митрополитъ, какъ ни былъ близокъ ему Муравьевъ, съ довѣріемъ отнесся къ мнѣнію Филарета, къ его глубокимъ познаніямъ и его побужденіямъ и уклончиво отвѣчалъ Муравьеву на его просьбу: «унять Харьковскаго критика».

Раздраженіе, вызванное у Филарета критическими статьями «Духовнаго Вѣстника», имѣло весьма вѣскія причины. Ходили слухи, (мы не беремса рѣшить и согласны скорѣе отнести ихъ къ сплетнямъ), что этимъ статьямъ было много придано смѣлости, если не сказать болѣе, лицомъ высокопоставленнымъ. Указанія на недостатки и погрѣшности его сочиненій, какъ мы видѣли, принимались съ признательностію Филаретомъ; но такое отношеніе къ трудамъ его, какое замѣчается въ статьяхъ «Духовнаго Вѣстника», не могъ безъ горечи встрѣтить Филареть, какъ *извѣстное современное явленіе*, оставляя въ сторонѣ авторское самолюбіе. Огорченный труженикъ не могъ огнестись спокойно къ этому явленію; а тутъ нѣсколько обстоятельствъ подкрѣпляли вѣроятность

слуха: 1) журналъ издавался въ Харьковѣ; 2) до сего времени въ духовной литературѣ не встрѣчалось критическихъ статей такого тона и направленнаго противъ не начинающаго, а уже имѣвшаго громкую репутацію ученаго и при томъ заслуженнаго іерарха; 3) когда ученые труды Филарета пріобрѣли ему громкую извѣстность и засвидѣтельствованы всѣми учеными обществами Имперіи, нужно было имѣть большую, отвагу, чтобы рѣшиться окатить ихъ насмѣшками, отвагу, которой до этого случая не замѣчалось у автора статей.

Филарету, конечно, припомниться могли прицѣпки Петербургской духовной цензуры, впечатлѣніе, какое произвелъ онъ неосторожною критикою статей «Христіанскаго Чтенія», и ему легко могло показаться, что автору статей «Духовнаго Вѣстника» придало бодрости лицо, желавшее свести съ нимъ старые счеты, т. е. Макарій. Мы вовсе не желаемъ утверждать справедливость слуха и пріурочить такое убогое чувство къ достопамятной личности; но желаемъ сказать, что въ силу сложившихся обстоятельствъ оно могло такъ показаться Филарету, впоследствии раскаявшемуся въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ.

По поводу этой критики Филаретъ писалъ профессору Платонову: «Отчасти вы угадали расположеніе мое, съ какимъ принять вашъ подарокъ,—но только отчасти. (Платоновъ прислалъ ему свою статью, помѣщенную въ «Духовномъ Вѣстникѣ»). Я изумлялся тому, что добрый мой Иванъ Васильевичъ посылаетъ статьи въ журналъ столь дикій и столь дико враждующій противъ меня, но оканчивалъ мысли изумленія спокойнымъ рѣшеніемъ: чего не бываетъ на свѣтѣ? Да, казалось, никому въ Харьковѣ не желалъ я дѣлать непріятности, а старался быть полезнымъ по мѣрѣ силъ. И однако изъ Харькова сыплются на мою голову въ продолженіи не одного года брань и злость. Странно! Тѣмъ самымъ, которые такую неприязненность ко мнѣ высказываютъ, кажется, сдѣлалъ я кое что и доброе. А отвѣчаютъ чѣмъ? Странно! Почему не отвѣчаю на ихъ брань? Богъ милостивъ къ грѣхамъ моимъ—терплю, чтобы терпѣніемъ закрыть въ душѣ язвы грѣховныя. Съ другой стороны не много ли чести будетъ для тѣхъ странныхъ людей, чтобы отвѣчалъ я имъ? Если полусумасшедшій человѣкъ плететь противъ меня

ахиною, хотя во всеуслышаніе; ужели же стоитъ онъ того, чтобы имѣть съ нимъ дѣло,—отвѣчать ему, спорить, настаивать на своемъ? Самъ я былъ бы смѣшнымъ. Если десятокъ или два зѣвакъ слушаютъ полусумасшедшаго: на то они и зѣваки, имъ нечего болѣе дѣлать. У меня много дѣлъ, для которыхъ мало времени. Сколько у меня такого, чего и не начиналъ я дѣлать, а что крайне должно дѣлать! Другое дѣло пожалѣть о большихъ людяхъ—мое дѣло, и я жалѣю, что больные они. Дай Богъ имъ сколько нибудь поздоровѣть».

А вотъ что писалъ онъ между прочимъ на критическую статью «Харьковскаго Вѣстника». «Критическая статья» Харьковскаго Вѣстника» о книгѣ *Историческое ученіе объ отцахъ церкви* имѣетъ въ виду, по ея словамъ, объяснить точное значеніе этого ученія. Мысль добрая, но каково исполненіе ея? «Любовь критика къ преданію достойна всякаго уваженія; но онъ по мѣстамъ даже патетически говоритъ о томъ, что ученіе объ отцахъ есть ученіе о преданіи. Вѣрна ли мысль его? О томъ ни слова, что отцы церкви въ своемъ ученіи держались преданія, гдѣ было нужно, точно также какъ благоговѣнно описывали дѣянія церкви и частныхъ лицъ. Но они же размышляли о словѣ Божіемъ, о предметахъ вѣры, о правилахъ жизни, они спорили и ораторствовали, философствовали и были филологами, и при томъ даже ошибались. Потому говорить, что ученіе объ отцахъ церкви тоже, что ученіе о преданіи, значить не понимать отцовъ церкви или, намѣренно закрывъ глаза для предмета, толковать о немъ по своему изволу. Если хотите, можете извлекать изъ ученія отцовъ церкви ученіе преданія, но это будетъ особая работа у васъ, но не ученіе объ отцахъ. Точно также можете, если угодно, извлекать изъ сочиненій отеческихъ текстъ евангельскій; но это будетъ ли ученіе объ отцахъ? Еще другой составитъ правила герменевтики словами отцовъ; и это будетъ ученіе объ отцахъ? Четвертый и пятый займутся изученіемъ философіи отцовъ церкви; плодомъ труда ихъ будетъ прекрасная и занимательная часть ученія объ отцахъ, но только часть. Критикъ такъ наивенъ, что разъ прямо говоритъ: «патрологія вовсе не должна заниматься обзорнѣмъ тѣхъ сочиненій, гдѣ отцы церкви являются обыкновенными учеными,

философами, знагоками естествоныхъ наукъ и пр.» Это отъ чего? спросите вы. Видите, критикъ рѣшается показать вамъ отца церкви въ такомъ видѣ, какъ ему критику угодно, а не въ томъ, какимъ былъ отецъ церкви на самомъ дѣлѣ. Скажете, что это несогласно съ значеніемъ историческаго ученія объ отцахъ, что это смахиваетъ на недобросовѣстный папизмъ? Ужели критику хочется быть въ такомъ народѣ? Да, честь православнаго въ томъ, что онъ и не протестантъ и не папистъ, или, какъ писалъ покойный Хомяковъ, не своевольничаетъ, не умничаютъ онъ ни на манеръ папизма, ни на манеръ протестантизма».

Здѣсь Филаретъ, дѣлая возраженіе по существу дѣла, объ остальныхъ погрѣшностяхъ критики умалчиваетъ, *покрывая ихъ любовью*.

Къ тому же Филаретъ, кажется, не признавалъ гениальности преосвященнаго Макарія. Такъ по поводу напечатанія послѣднимъ сочиненія Іакова въ «Христіанскомъ Читеніи», Филаретъ писалъ Горскому: «Не могу однако умолчать, что Макарій ¹⁾, скорый въ дѣлахъ, но мало основательный, видѣнъ и въ этомъ дѣлѣ. Къ чему было печатать драгоценную древность съ испорченныхъ позднихъ списковъ? Развѣ въ Петербургѣ далеко отъ него музей Румянцова и публичная бібліотека?» — «Слышно, въ духовныхъ журналахъ нашихъ предписано помѣщать статьи о расколѣ. Пожалуста, не допускайте такихъ безтолковыхъ статей, какова помѣщена въ Ноябрьской книжкѣ «Христіанскаго Читенія» ²⁾. Такія статьи могутъ только сбивать съ толку нетолковыхъ бородачей». По поводу статьи Макарія «Три памятника Русской духовной литературы XI-го вѣка», Филаретъ писалъ Горскому: «Что касается до статьи о Ѳеодосіѣ Печерскомъ, между нами будь сказано, она могла бы лежать въ бумагахъ сочинителя до времени, пока умъ его будетъ основательнѣе. И я ожидалъ, что дѣльная статья Билярекаго заставитъ сочинителя обратиться съ мыслями, которыя у него странствуютъ тамъ и здѣсь, какъ кочующіе Ирокезы... Гораздо болѣе было бы пользы напечатать Несторово житіе Ѳеодосія или въ подлинникѣ съ варіантами по рукописямъ, или въ Русскомъ переводѣ. А статья сочинителя, кромѣ неудовольствія на пу-

¹⁾ Тогда ректоръ С.-Петербургской Академіи.

²⁾ Макарія «Очеркъ исторіи Русскаго раскола».

стыя догадки, на безтолковое многословіе, чѣмъ дарить читателя? Уставъ Студита—вещь важная: но безъ доказательствъ не вѣрятъ сочинителю, будто уставъ, выписанный имъ, есть уставъ Θεодора Студита. Сочинитель не заглянулъ даже въ каталоги Греческихъ рукописей, чтобы точнѣе узнать, что тамъ называется уставомъ Студита? Такъ ли поступаютъ дѣльные ученые люди? Пожалуй и «Москвитянинъ» написалъ жизнь Θεодосія. Для кого? Для Чухонцевъ? Русскіе, вѣдаешь, не говорятъ такъ, какъ онъ говоритъ». Или писалъ онъ Горскому: «Петербургскіе рецензенты недовольны мною особенно за изображеніе бояръ Никонова времени: это извѣстно мнѣ и по частнымъ свѣдѣніямъ. Пусть о. Макарій забавляетъ ихъ водянистыми разсказами безъ мысли и силы, и пустыми догадками о проповѣди апостола Андрея Славянамъ. Недавно читалъ его *Введеніе въ Богословіе*. Что это за вздорная путаница? Ни логическаго порядка, ни силы въ доказательствахъ нѣтъ. Если-бы мнѣ грѣшному привелось читать и студенческое подобное сочиненіе, не оставилъ бы четвертой части не измаранною». Но здѣсь не играло роли самолюбіе или пристрастіе вообще, такъ какъ только передъ этимъ онъ съ одобреніемъ отозвался о трудѣ того же Макарія «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Очень добрыя и даже близкія отношенія его съ преемникомъ его по академіи Евсеіемъ не помѣшали Филарету въ письмахъ къ Горскому строго осудить его «Бесѣды о сносительныхъ таинствахъ». Къ тому же надо принять во вниманіе, что рѣзкій отзывъ Филарета о сочиненіяхъ Макарія высказывался имъ въ дружескихъ письмахъ, а не въ печати.

Филареть, напротивъ, съ особенною радостію привѣтствовалъ всякое дѣльное сочиненіе, какъ цѣнный вкладъ въ науку и высказывалъ похвалу ему въ письмахъ къ Горскому. Такъ, въ томъ же письмѣ, въ которомъ порицалась статья Макарія о расколѣ, онъ писалъ о статьѣ проф. Кудрявцева: «Статья о единствѣ рода человѣческаго», превосходная статья. Я читалъ ее съ наслажденіемъ. Слышалъ прекрасные отзывы о ней докторовъ здѣшняго (Харьковскаго) университета. Дай Богъ молодому сочинителю силъ и усердія трудиться и впередъ съ такою же

пользою для св. церкви». Такъ же точно, въ томъ же письмѣ, въ которомъ указаны погрѣшности въ статьѣ Макарія о Θεодосіѣ, онъ выхвалялъ сочиненіе Смирнова-Платонова «О преждеосвященной литургіи». Опъ съ восторгомъ отзывался о сочиненіи Нечасва «Житіе святителя Димитрія». «Сколько мнѣ видно, въ ученomъ отношеніи у насъ еще не было ни одного подобнаго жизнеописанія». По крайней мѣрѣ я съ своей стороны сто разъ цѣлую васъ и, до земли кланяюсь, благодарю. Обзоръ источниковъ Четьихъ-Миней—дѣло превосходное. Это такъ было нужно для церкви, какъ нельзя болѣе. Не только легкомысленныя головы, но люди дѣловые, какъ напримѣръ владыка нашъ, не имѣвъ возможности въ точности знать дѣло, выражали сильныя сомнѣнія противъ вѣрности свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Четьихъ-Минеяхъ. Теперь они могутъ видѣть, что сомнѣнія ихъ были напрасны, или что по крайней мѣрѣ святитель съ своей стороны сдѣлалъ слишкомъ много для перваго опыта, чтобы не имѣли права не довѣрять ему».

При какой бы ни было нравственно-высокой жизни, темпераментъ и характеръ лица всегда скажутся. Люди святые представляли всегда возможность наблюдать ихъ характеръ: настолько онъ сквозь обликъ смиренія просвѣчиваетъ всегда. Мы знаемъ, что полемика св. Іоанна Златоустаго и св. Кирилла Александрійскаго дошла до того, что послѣдній пересталъ поминать его въ церковной молитвѣ, и даже кончина Златоустаго не примирила его съ нимъ. И въ этомъ разладѣ играла роль ревность къ ученію церкви; каждому казалось съ своей точки зрѣнія, что его оппонентъ нарушаетъ чистоту св. ученія. И такой примѣръ далеко не единичный въ исторіи церкви.

Обращаясь опять къ критическимъ статьямъ «Духовнаго Вѣстника», мы не можемъ не признать ихъ по приѣмамъ и по отношенію къ предмету и лицу крайне-неприличными. Неспорно, если взять отдѣльно какое-либо изъ сочиненій Филарета, строгая критика можетъ найти себѣ пищу, но такой способъ оцѣнки трудовъ Филарета не дастъ намъ яснаго понятія объ изумительной дѣятельности и глубокой его учено-

сти. Это не одно-два сочиненія, которымъ посвящена вся жизнь, всё способности, все знаніе; это масса, въ которой не легко разобратся. У Пономарева одинъ перечень его сочиненій и статей составляетъ до 160 нумеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключаются въ томахъ. Чтобы написать все это, по расчету нужно до 60 стоиъ бумаги. Если принять въ соображеніе необходимыя выписки, поправки, дополненія при новыхъ изданіяхъ (такъ какъ большинство сочиненій его выдержало 2, 3 и 4 изданія), расчетъ этотъ по крайней мѣрѣ удвоится. Чтобы исписать болѣе 120 стоиъ бумаги, да, кажется, одного механическаго труда хватить должно на цѣлую жизнь. А сколько для того, чтобъ написать все это, Филаретъ долженъ былъ прочесть, когда его сочиненія поражаютъ массою цитатъ и ссылокъ и когда отзывы его о цѣлой книгѣ иной разъ излагались лишь въ нѣсколькихъ строкахъ?

Одинъ изъ современныхъ ему и знаменитыхъ ученыхъ—песпорно митрополитъ Макарій. Передъ нами его труды: 12 томовъ Исторіи Русской церкви, 6 томовъ Богословія и полтора тома проповѣдей. Но такой серьезный и громаднй трудъ митрополита Макарія не только не можетъ умалить, а возвышаетъ передъ нами труды Филарета. Во-первыхъ, Макарій имѣлъ уже передъ собою по этимъ предметамъ труды Филарета; онъ шелъ, такъ-сказать, по торной тропѣ, уже пробитой одинокимъ Филаретомъ. Во-вторыхъ, Макарій имѣлъ у себя до десяти черно-рабочихъ, а самъ, можно сказать, бралъ на себя только верховную работу. Въ-третьихъ, онъ вовсе не управлялъ епархіей и всегда имѣлъ викарія. Только по дѣламъ особенно-важнымъ, какъ извѣстно, секретарь докладывалъ ему въ самой сжатой формѣ суть дѣла: самъ же онъ не читалъ ни одной бумаги. А Филаретъ не имѣлъ викарія. И замѣчательно: какъ только перевели его изъ Харькова въ Черниговъ, а на его мѣсто назначили Макарія, послѣднему дали викарія. Какъ только Филаретъ скончался, преемнику его, Варлааму дали викарія. Мы видѣли, какъ Филаретъ управлялъ епархією. Ни одна жалоба или прошеніе не миновали его рукъ: самъ свѣрялся онъ со справками или дѣлами, самъ разрѣшалъ прошенія. Кромѣ того, онъ обновляетъ монастыри и церкви, строитъ и перестраиваетъ училища и семинаріи, устраиваетъ типографію,

свѣчной заводъ для усиленія средствъ монастырей, строить съ тою же цѣлію дома, непосредственно наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, устраиваетъ церковно-приходскія школы, о коихъ не было и помину, заботится объ обезпеченіи духовенства, призрѣніи вдовъ и сиротъ, неупустительно совершаетъ божественное служеніе и не лишаетъ никого своей назидательной бесѣды. Кажется, для этого человѣка имѣлось 48 часовъ въ сутки, да и тѣ надо работать безъ усталы, чтобы добиться подобныхъ результатовъ.

Что же двигало такую кипучею дѣятельностію этого святителя? Было бы ошибкою предполагать, что двигали его: слава, польщенное успѣхомъ его первыхъ трудовъ самолюбіе, или даже забота составить доброе имя. Такіе двигатели способны терять свою силу; самый организмъ человѣкъ долженъ устать, и это утомленіе сказаться въ трудахъ. У Филарета же замѣчалось противное: съ годами ученая дѣятельность его, какъ постоянно подогреваемая вода, доходитъ до кипѣнія, достигла поражающей насъ силы.

Любовь его къ книгамъ была у него, какъ видѣли мы, съ дѣтства. Онъ даже боялся, чтобъ она, развиваясь въ немъ, не обратилась бы въ страсть и не отяготила его души. Такое опасеніе выражалъ онъ Горскому. Выѣзжаетъ онъ на ревизію семинаріи; кажется, дѣла много; но онъ забираетъ съ собою книги и еще не довольствуется этимъ. «Ты конечно поймешь», пишетъ онъ изъ Тамбова (въ Іюль 1841 г.) Горскому, «что мнѣ очень хочется возвратиться скорѣе въ академію и къ книгамъ, здѣсь ничего нѣтъ; что взялъ съ собою, тѣмъ и пользуюсь». — Митрополитъ совѣтуетъ ему отдохнуть, видя слабое его здоровье. «Не знаю, что буду дѣлать», пишетъ онъ по этому поводу Горскому, «но недѣлать не могу. Такъ привыкъ къ книгамъ и бумагамъ, что безъ нихъ скучаю». Собирается наконецъ онъ па отдыхъ въ Іосифовъ монастырь, бывъ ректоромъ, и проситъ Горскаго привезти ему: а) тетрадь, въ которой съ синодальной рукописи записаны церковные писатели, б) описаніе рукописей графа Толстого, в) Калайдовичевы Памятвики XII вѣка и «Экзарха Болгарскаго», необходимые ему для его работъ. Отправляясь въ Симбирскъ по непріятному порученію, увлеченный разска-

зомъ іеромонаха Евстафія, ѣдетъ къ нему осмотрѣть найденную пергаментную рукопись, отнесенную къ XIII вѣку, дѣлаеть свои замѣчанія и просить сейчасъ же Горскаго справиться съ синодальными и Строевскими перечнями писателей и извѣстить его о результатѣ. ѣдетъ онъ въ Петербургъ черезъ Новгородъ, — сейчасъ же отправляется въ Софійскую бібліотеку. Времени нѣтъ, но все-таки онъ отыскиваетъ тамъ массу любопытныхъ памятниковъ, сообщаетъ о томъ другу своему Горскому, высказываетъ свои предположенія на счетъ иѣкоторыхъ. Пріѣзжаетъ онъ въ Петербургъ и немедленно знакомится съ Румянцевскимъ музеемъ и публичною бібліотекою. Двое сутокъ употребляетъ онъ на чтеніе описанія рукописей Румянцевскихъ: такъ заняло оно его. «Что дѣлаю въ Петербургѣ?» отвѣчаетъ онъ Горскому, тоже, что въ лаврѣ: пишу, пишу и пишу». «Пока еще остаюсь съ прежнею привычкою, съ прежними дѣлами. То пишу, то читаю; то читаю, то пишу». — «Другъ мой!», писалъ онъ изъ Риги, «я все живу какъ будто въ академіи: пишу и читаю, читаю и пишу. Лишь только буря затихнетъ, опять весь въ книгахъ, и ночь, и день за книгами. Но когда буря настаетъ, — то уже не до книгъ; не знаешь, куда и душу дѣвать». — «То, что въ рукахъ моихъ часто бываетъ, — это кпиги. Попрежнему книжный червякъ». — Онъ съ интересомъ занимается исторіею Китая, съ увлеченіемъ читаетъ Идслера о Египетской литературѣ. Онъ почти никогда не садился за обѣденный столъ, а вкушалъ пищу какъ говорится, мимоходомъ, не разставаясь съ книгой. Ночью пробуждался онъ часто, бралъ свѣчу, шелъ въ бібліотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать, не отлагая такихъ занятій на утро. Подъ старость, когда физическія силы его слабѣли, онъ ложился спать на полу; по обѣ стороны его горѣли свѣчи, лежали книги и бумаги. Когда уставалъ одинъ бокъ у него, онъ переворачивался на другой и продолжалъ работу. Впрочемъ, такъ работалъ онъ и въ молодости. Когда уставала спина, онъ ложился на полу и занимался лежа. Занятія въ такомъ положеніи часто оканчивались головою болью, а иногда и кровоизліяніемъ изъ гортани. Онъ еще находилъ, что не мало времени проходитъ у него въ праздности и, очевидно, съ цѣлью напоминать о

трудѣ и его необходимости, завелъ небольшую пасѣку. «Завожу», писалъ онъ Иннокентію, «по-немногу пчелъ. Чудныя насѣкомыя! Пріятно и полезно смотрѣть на нихъ».

Откуда же брались силы у этого, отъ дѣтства слабаго организма? Что же двигало его неустанною работою? Мы можемъ не погрѣша сказать, что единственно желаніе служить Богу и ближнему всецѣло управляло трудами и жизнію этого святителя. Только ревность къ этому служенію давала ему благодатную, изумляющую насъ силу. О своихъ трудахъ говорить онъ: «Что дѣлать, если иногда и встрѣчаютъ насъ очень неласково. Быть можетъ, что впоследствии признають что-нибудь и доброе въ трудѣ немощи, въ трудѣ грѣшника, но въ трудѣ искреннемъ. А если не увидать люди, Онъ Сердцевѣдецъ, узрять. А если и того не будетъ, что же удивительнаго, чтò у грѣшника все худо?» «Владыка писалъ, что вамъ разрѣшено печатать описаніе библейскихъ рукописей. Поздравляю васъ съ радостію. Это радость и для всѣхъ, понимающихъ значеніе разумнаго служенія Господу». Изданіе «Твореній Св. Отцовъ» не переставало заботить его, и онъ постоянно напоминалъ о немъ Горскому. «Готовьте, друзья Христовы, готовьте пишу для искушенныхъ Христовыхъ. О Боже мой, Боже мой! Какъ мы грѣшны предъ Тобой и какъ немощны! Надобно творить угодное предъ Тобою для себя и другихъ. А что у насъ? Куда дѣла наши? Скажутъ ли они что-нибудь въ защиту? Найдется ли что полезное для братій? Господи, Господи! Ты Сердцевѣдецъ. Ты управляешь сердцами людей; Ты вѣдаешь полезное для души; Ты и пылинкою двигаешь горы. А что мы? О грѣшню и вспомнить о себѣ, когда думаешь о Твоемъ величій, о Твоей святости. И тогда, какъ поставляешь себя вблизи другихъ, и тогда стыдъ покрываетъ лицо за свое ничтожество предъ другими; и тогда чувствуешь грусть и уныніе души, подавляемой силою дѣлъ другихъ, при моей пустотѣ. Безотвѣтенъ я, Господи, предъ Тобою. Безотвѣтепъ я предъ братіями моими. Безотвѣтенъ я предъ самою землею, которую попираю ногами, самъ достойный попиранія всѣми». — Наконецъ, когда первая книжка «Твореній» вышла въ свѣтъ, съ какимъ восторгомъ писалъ онъ Горскому: «Душа горитъ и радостію, и

желаніями. Дай Богъ, чтобы все было къ Его славѣ. Трудитесь, друзья мои, трудитесь. Награда на небѣ!»

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что во всякомъ дѣлѣ онъ съ дѣтскою вѣрой молитвенно обращался къ Богу. Такъ, напримѣръ, по поводу кончины законоучителя Харьковскаго дѣвичьяго училища, онъ писалъ Романовскому: «такого дѣятеля не легко найти. Надобно молить Господа», и, по своему смиренію, оканчивалъ такъ: «а я, окаянный, худо молюсь». Мы видѣли, какъ много такихъ образцовъ представляютъ письма его къ Горскому.

Вотъ тотъ великій двигатель и тотъ источникъ силы, который изумлялъ всѣхъ въ Филаретѣ.

Закончимъ статью нашу словами пресвященнаго Евгенія, произнесенными надъ гробомъ Филарета.

«Гробъ—тайна. Окончившій земное поприще, нисходитъ въ могилу—въ область мрака, педоумѣнія и забвенія. Таковъ удѣлъ большинства людей обыкновенныхъ»..

«Не то при этомъ гробѣ! При немъ, какъ бы впервые, слышишь и понимаешь возгласъ церкви: *вѣчная память*. Этотъ гробъ сокрылъ отъ насъ благочестный ликъ доблестнаго архипастыря. Но не скрость онъ, а напротивъ, откроетъ на память родамъ чудное богатство внутренней, сокровенной жизни почившаго. Изъ сего мрачнаго гроба возсіяетъ въ полномъ блескѣ благоплодность подвиговъ успокоившагося въ немъ, изъ-подъ сумрака могилы поднимется въ полномъ величій значеніе многотрудной, разнообразной, *обще-полсзной и истинно-христіанской* дѣятельности почившаго. Исторія Церкви и Отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если не прежде всего, скрижали книги судебъ царствія Божія, неизгладимо, въ вѣчную память, обозначутся именемъ почивающаго въ сему гробѣ. Весь многообъемлющій смыслъ молитвеннаго желанія церкви о дарованіи почившему вѣчной памяти только и можетъ быть понятъ надлежащимъ образомъ при гробахъ, подобныхъ сему гробу».

Пользуясь статьею г. Пономарева, мы перечисляемъ труды архієпископа Филарета по отдѣламъ, съ указаніемъ рецензій на нихъ.

I. Священное писаніе.

1. Явленіе Господа Савлу (Черниговскія епарх. извѣстія, 1861 г. № 2).
2. Забѣтки о священномъ писаніи (тамъ-же 1862 г. №№ 1, 3, 7, 10 и 16).
3. Ученіе апост. Павла объ антихристѣ (тамъ-же, № 19).
4. О посланіи апост. Павла къ Галатамъ (тамъ-же, № 20).
5. Забѣтки о священномъ писаніи (тамъ-же, 1864 и 1865 г.).
6. Объясненіе на евангеліе Іоанна (тамъ-же. 1865 и 1866 г.).

II. Переводы изъ отцовъ церкви.

7. Блаженнаго Іоанна Мосха. Лучъ Духовный, переводъ съ греческаго, М. 1848 г. Второе изданіе М. 1853 г.
8. Посланіе св. Игнатія Богоносца. (Черниговскія епархіал. извѣстія 1861 г. № 8).
9. Завѣщаніе св. Ефрема Сирина, переводъ съ Сирскаго текста съ примѣчаніями (тамъ-же, 1862 г. №№ 5 и 6).
10. Полезные и вредные члены въ обществѣ, переводъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста (тамъ-же, № 22).
11. Св. Іоанна Златоустаго: воспитаніе дѣтей, переводъ съ греческаго (тамъ-же, 1864 г.).
12. Блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго, слово о Христіанскомъ обученіи (тамъ-же, 1863 г. № 24).
13. Блаженнаго Іеронима; письмо къ Гавденцію о воспитаніи малолѣтней Пакатулы (тамъ-же, 1866 г. № 5).

III. Догматика.

14. Свидѣтельство временъ апостольскихъ о томъ, какъ должно писать имя Исусъ и изображать крестъ, (прибавл. къ творен. св. Отцовъ, 1843 г. кн. 1).
15. Пророкъ (Черниг. епарх. извѣстія 1863 г. № 1).
16. Православное Догматическое Богословіе. (Черниговъ 1864 г. въ 2 частяхъ, второе изданіе Черниг. 1866 г.).
17. Ученіе св. Іоанна Златоустаго о Словѣ. (Черниговскія епархіал. извѣстія 1865 г. Второе посмертное изданіе 1869 г.).
18. Сличеніе лютеранства съ православіемъ. (Черниговск. епарх. извѣст. 1868 г.,—посмертное изданіе).

IV. Проповѣди.

19. Слова и бесѣды, говоренныя въ Ригѣ. (М. 1850, въ 2 частяхъ).
20. Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ. (М. 1856 г., второе изд. Черниг. 1859 г.).
21. Бесѣда о страданіяхъ Господа нашего Исуса Христа. (М. 1857 г. Второе изд. СПБ. 1859 г., въ 2 частяхъ). Рецензія: Духовная Бесѣда, 1858 г. № 37 „Странникъ“, 1860 г. № 3.
22. Гласъ Божій къ грѣшнику, поуч. (Чугуевъ 1857 г., третье изд. Черниг. 1860 года).
23. Слова и Бесѣды. (СПБ. 1859 г., въ 3-хъ частяхъ, второе изданіе Черниг. 1863 г.).
24. Что стоите весь день праздны. (Черниг. епарх. извѣстія 1861 г.).
24. Рѣчь къ дворянамъ при приводѣ ихъ къ присягѣ во время выборовъ, (тамъ-же, 1863 г. № 12, „Странникъ“ 1863 г. № 6).
26. Рѣчь при открытіи Черниговскаго Губернскаго Земскаго собранія. (тамъ-же, 1865 г.).

V. Нравственное ученіе.

27. Объ употребленіи дара слова, (тамъ-же, 1861 г. № 2).
28. Новое вино въ старыхъ мѣстахъ (тамъ-же, № 3).

29. Вѣрность въ маломъ (тамъ-же).
30. Правила для монашествующихъ (тамъ-же, № 4).
31. Два сына неодинаковые (тамъ-же, № 11).
32. Умѣнье жить (тамъ-же, № 12).
33. И мы туда пойдёмъ (тамъ-же, № 27).
34. Ложные пророки (тамъ-же, 1862 г. № 1).
35. Самовольное учительство (№ 2).
36. Душе моя, душе моя востани, что спиши? (№ 5).
37. Се женихъ грядеть въ полночи.—Блюда убо душе моя (№ 6).
38. Не бойся, я съ тобою (№ 9).
39. Не довѣрай себѣ (№ 11).
40. Христіанская свобода (№ 20).
41. Не унижай себя (№ 11, 1863 г.).
42. Народная мудрость. Собрание пословицъ о Божествѣ, о вѣрѣ, о спасеніи, о тяжбахъ (№ 20).
43. Объясненіе молитвы Господней (№ 3, 4, 5, 6, 7—1864 г.).
44. Религія и нравственность (то же 1865 г.).
45. Воззваніе къ Черниговской цаствѣ (тоже, № 20).

VI. Церковное законодательство.

46. Нѣсколько словъ о книгѣ „Стоглавъ“ (Москвитян. 1845 г. № 12).
47. Постановленіе о церковномъ причтѣ (Черниг. епарх. извѣст. 1861 г. № 4. Перепечатано почти во всѣхъ епар. вѣдомост.).
48. Браки между ближними родными (тамъ-же, 1863 г.).
49. О степеняхъ родства (тамъ-же).

VII. Житія святыхъ.

50. Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно. Опыт описанія жизни ихъ (Черниговъ 1861 г., второе изданіе Черниг. 1865 г.).

Рецензія: а) Духовный Вѣстникъ 1862 г. №№ 5 и 9.

б) Отечественныя записки, 1862 г. № 9.

в) Странникъ, 1863 г. № 7.

г) Истор. Рус. церкви Арх. Макарія т. IV, VI и VII.

51. Св. Князь Михаилъ Черниговскій (Черниг. епархіальныя извѣстія (1864 г.).
52. Святые Южныхъ славянъ (Черниг. 1865 и 1866 г.г.).
53. Святые подвижницы Восточной церкви (Черниг. епарх. извѣстія 1866 г. № 14. СПб. 1871 г.—посмертное издание).

УІІІ. Патрологія.

54. Историческое ученіе объ отцахъ церкви (СПБ. 1859 г. въ 3-хъ томахъ).

Рецензія: а) Духовный вѣстникъ 1864 г., т. VIII.

б) Извѣстія 2 отд. Импер. Академіи наукъ 1860 г., т. 9.

в) Отечественныя записки 1859 г., № 10.

г) С.-Петербур. вѣдомости 1859 № 242.

д) Странникъ 1860 г. № 1.

55. Историческое ученіе объ отцахъ церкви, въ сокращеніи (Черниг. 1864 г.).

Рецензія: а) Книжн. Вѣстникъ 1865 г. № 14.

б) Правосл. обозрѣніе 1866 г. № 6.

ІХ. Исторія вселенной церкви.

56. Кириллъ и Меѳодій: славянскіе просвѣтители (чтен. въ Импер. общ. исторіи и древностей Россійск. при Московск. университетѣ годъ 2-й, 1846—47 г., кн. 4).

Рецензія: Отечеств. записки 1847 г. т. 50.

57. Дополненіе къ ст. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители (тамъ-же. кн. 5 и Кирилла Меѳодіевъ сборникъ М. 1865 г.).

Примѣч. Статья эта переведена на нѣмецкій языкъ и напечатана въ 1846 г. въ Митавѣ. Въ справочномъ энциклопед. календарѣ Старческаго (СПБ. 1848 г. т. XI) говорится, что это историческое изслѣдованіе переведено на нѣмецкій языкъ и напечатано въ 1847 г. въ Лейпцигѣ.

58. Св. великомученикъ Димитрій Солунскій и Солунскіе славяне (тамъ-же. 1847—1848 г. кн. VI).
59. Геннадій, патріархъ Константинопольскій (въ XV в.) Правосл. обзорѣніе 1860 г. № 4).
60. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣвній греческой церкви, съ примѣчаніями и снимкомъ древнихъ нотныхъ знаковъ (СПБ. 1860 г. Второе изданіе Черниговъ 1864 г.).
Рецензія: а) Духовный вѣстникъ 1862 г. № 1. ст. Сербинова (въ критикахъ Сербинова см. въ кн. А. Бухарева „о современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно Русской“ М. 1865. Возраженіе на ст. Сербинова въ Черн. епар. извѣстіяхъ 1865 г. № 8).
б) Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. наукъ 1861 г. т. X.
в) Странникъ 1862 г. № 12.
61. Святые иконы первыхъ шести вѣковъ (Черниг. епарх. извѣстія 1861 г.).
62. Авгарь князь Эдесскій и нерукотворенный образъ Спасителя, (тамъ-же № 4).
63. Діакониссы (тамъ-же, 1862 г. № 18).

Х. Исторія русской церкви.

64. Откуда коренные жители Лифляндіи первоначально получили христіанство—съ Востока или Запада. (Москвитянинъ 1843, т. VII).
65. Изысканія о проповѣдникѣ XIII в. Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ (прибавл. къ Твор. св. Отцовъ 1847 г., ч. 1).
66. Богослуженіе Русской церкви до-Монгольского времени (чтенія въ Импер. Обществѣ Истории и Древностей Рос. 1846—1847 г. кн. 7 и отдѣльно М. 1847).
Рецензія: Современникъ 1847 г., т. III, ст. Кавелина.

Примѣч. Кромѣ собственныхъ изслѣдованій Филаретъ сообщилъ въ редакцію Чтеній нѣсколько памятниковъ древней нашей письменности, снабдивъ ихъ своими примѣчаніями.

67. Посланіе Геннадія Іоасафу Архієпископу Ростовскому и Ярославскому (тамъ-же, кн. 8).
68. Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу (Челядинину) (тамъ-же, кн. 8).
69. **Исторія Русской церкви.** Періодъ 1-й отъ начала Христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ (988—1236) М. 1848; періодъ 2-й отъ опустошенія Россіи Монголами до раздѣленія митрополій (1237—1410) М. 1848. Періодъ 3-й отъ раздѣленія митрополій съ учрежденія патріаршества (1410—1588) М. 1847 г. Періодъ 4-й патріаршество (1588—1720) Рига 1847. Періодъ 5-й Синодальный (1721—1826) М. 1848. Всѣ пять періодовъ выдержали четыре изданія.
- Рецензія: а) Голось, 1864 г. № 52.
 б) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія 1848 г. ч. 5—7 отд. VI.
 в) Извѣстія 2 отд. Импер. Акад. наукъ 1854 г. т. 3 и 1858 т. 6, замѣтка Читовича объ „Исторіи Руск. церкви еп. Макарія сравнительно съ исторіей Руск. церкви Филарета“, 1858 г. ч. 7.
 г) Въ исторіи Русской церкви Архіеп. Макарія встрѣчаются замѣчанія и поправки.
 д) Москвитининъ, 1848 г. т. 1.
 е) Отечеств. записки, 1848 г. т. 56 и 59 и 1849 т. 62.
 ж) Русская Весѣда, 1859 г. т. III.
 з) Русскій Вѣстникъ, 1860 г. т. 25.
 и) Современникъ, 1849 г. т. 14.
 і) Сынъ Отечества, 1848 г. № 11, статья Соловьева—Ростиславича: „Разборъ мнѣнія Погодина о началѣ Руси (въ защиту исторической правды и автора Исторіи Русской церкви)“.
 к) Сѣверное обозрѣніе, 1848 г. т. 1.
70. **Житіе препод. отца нашего игумена печерскаго Θεодосія, описаннаго преподобн. Несторомъ въ переводѣ на современный Русскій**

языкъ (ученыя записки 2 отд. Импер. Академіи наукъ. СПБ. 1856 г. кн. 2).

Рецензія: а) Русскій вѣстникъ 1856 г. т. III.

б) Современная лѣтопись, 1856 г. ст. Попова.

71. Рязанскіе іерархи (Христ. чтеніе 1859 № 2 и № 5).
72. Исторія Русской церкви, въ сокращеніи (СПБ. 1860 г.).
Рецензія: Христіан. чтеніе, 1861 г. ч. 2, отд. III).
73. О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ (Черниг. ен. извѣстія 1862 г. № 17).
74. Службеникъ преосвящ. Лазаря Барановича (тамъ-же, 1864 г.).
75. Кіевскій соборъ 1691 г. (тамъ-же).
76. Черниговскіе іерархи (труды Кіев. дух. академіи 1860 г. кн. 2).

XI. Исторія духовной литературы.

77. Максимъ Грекъ, историческое изслѣдованіе (Москвитянинъ 1842 г.).
Примѣч. Здѣсь-же приложены въ подлинникъ два сочиненія Максима.
78. Содержаніе рукописи Злотаѣ Чепъ, принадлежащей началу XIV в. (чтеніе Общей Исторіи и Древностей 1846—1847 г. кн. 2).
79. Посланіе Льва Митрополита Россійскаго къ Римлянамъ или Латинянамъ объ опреснокахъ со свѣдѣніями о сочинителѣ посланія (Временникъ, 1850 г. кн. V).
80. Обзоръ Русской духовн. литературы (съ 862—1720 г.). (Ученыя записки Императ. Акад. Наукъ 1858 г. кн. 3. Отдѣльный выпускъ СПБ., 1857 г. Второе изданіе — Харьковъ 1859 г.).
Рецензіи: а) Духовный Вѣстникъ 1862 г. № 7.
б) Извѣстія 2-го отд. Импер. Акад. наукъ 1858 г. т. VI, выпускъ I, тамъ-же выпускъ III, 1859 г. т. VIII.
в) Исторія Русской церкви Арх. Макарія.
г) Отечественныя записки 1857 г. № 6.
д) Русскій Вѣстникъ 1857 г. Перепечатано въ историческихъ очеркахъ Буслаева. Замѣчанія на эту статью: Русская Бесѣда 1857 г. № 4, Сынъ Отечества 1857 г. № 45.
е) Странникъ, 1862 г. № 9.

81. Дополненіе къ обзору Русской дух. литературы (по 1862 годъ) (Чернигов. епарх. извѣстія 1865—1866 годы).

ХІІ. Исторія, статистика и археологія.

82. Изслѣдованіе о смерти Царевича Дмитрія (Чтеніе въ Обществѣ Исторіи и Древностей 1858 г. кн. 1, — отдѣльно М. 1858 г.).
83. Историко-Статистическое описаніе Харьковской епархіи:
- Отдѣлъ 1-й.* Краткій Обзоръ епархіи и подробное разсмотрѣніе монастырей. (М. 1852 г. Второе изданіе Харьковъ 1859 г.).
- Отдѣлъ 2-й.* Уѣзды Харьковскій и Валкскій. (М. 1856 г.).
- Отдѣлъ 3-й.* Уѣзды Ахтырскій, Богодуховскій, Сумскій и Лебядинскій (М. 1865 г.).
- Отдѣлъ 4-й.* Чугуевскій округъ военнаго поселенія, уѣзды Зміевскій и Волчанскій (Харьковъ 1857 г.).
- Отдѣлъ 5-й.* Уѣзды Изюмскій. Купянскій и Старобѣльскій. Купянскіе и Старобѣльскіе округа военнаго поселенія (Харьковъ 1858 г.)
Рецензія: а) Вѣстникъ Русск. Географическаго Общества 1859 г. т. 27. № 10, отд. IV.
б) Извѣстія 2-го отд. Импер. Акад. Наукъ 1859 г. т. VII.
84. Общій обзоръ епархіи Черниговской (о языческихъ обитателяхъ края и началѣ Христіанства, о Іерархахъ, объ открытіи епархіи и состояніи наставы. о расколѣ. Черниговъ 1861 г.).
85. Нѣжинъ и его уѣздъ (Чернигов. епарх. извѣстія 1862 г. № 19 и 20)
86. Черниговъ—(Черниговъ 1863 г.).
87. Описаніе г. Остра и его уѣзда (Чернигов. епарх. извѣстія).
88. Описаніе Чернигова и его уѣзда (тамъ-же, 1863 и 1864 г.).
89. Глуховской уѣздъ (тамъ-же, 1865 и 1866 г.).
90. Новозыбковскій уѣздъ (тамъ-же, 1865 и 1866 г.).
91. Черниговское епархіальное управленіе (тамъ-же).
92. Мглинскій уѣздъ (тамъ-же).
93. Стародубскій уѣздъ (тамъ-же).

94. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи: губ. городъ Черниговъ. уѣзды: Черниговскій, Козелецкій, Суражскій, Кролевецкій и Остерскій (Чернигов. 1874 г. посмертное изданіе).

Примѣч. Здѣсь вошли три уѣзда Козелецкій, Суражскій и Кролевецкій, описаніе когорыхъ при жизни Филарета не явилось въ печати.

XIII. Монастыри.

95. Черпѣвъ Николаевскій монастырь, Тамбовской епархіи. Шацкого уѣзда (Харьковъ 1849 г.).
96. Черноморская Николаевская обитель при Лебяжемъ Лиманѣ (Харьковъ 1851 г.).
97. Кафедральные Черниговскіе монастыри: Ильинскій (*Троицкій*) Елецкій и Борисоглѣбскій, (съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій Св. Димитрія Ростовскаго ¹⁾ и многихъ грамотъ съ планомъ древняго Чернигова (Черниговъ 1861 г.).
98. Описаніе Новгородъ - Сѣверскаго Спасо - Преображенскаго перво-класснаго муж. монастыря (Чернигов. епархіальн. извѣстія 1861 г.).
99. Нѣжинскій мужскій монастырь. При этомъ неизданныя сочиненія Митрополита Стефана (тамъ-же, №№ 9, 7, 9, 10 и 11).
100. Думницкій Богородицкій монастырь (тамъ-же, 1862 г.).
101. Глуховской Петропавловскій монастырь (тамъ-же, № 5 и 5).
102. Рыхловскій монастырь (тамъ-же, № 7, 13 и 15)
103. Козелецкій Георгіевскій монастырь (таже-же, № 16, 17 и 18).
104. Крупецкій монастырь Св. Николая, близъ Батурина (тамъ-же. № 21 и 22).
105. Гамалѣвскій Харлампіевъ монастырь (тамъ-же, № 23 и 24, — отдѣльно Черниговъ 1862 г.).
106. Закрытые монастыри Черниговской епархіи (тамъ-же, 1864 и 1865 г.).
107. Максаковскій Спасскій монастырь (тамъ-же, 1864 г.).
108. Дополненіе къ описанію Сѣверскаго монастыря (тамъ-же, 1864 г.).
109. Нѣжинскій женскій монастырь (тамъ-же, 1864 г.).
110. Каменскій женскій монастырь (тамъ-же).

¹⁾ Св. Димитрій былъ игуменомъ Елецкаго монастыря въ Черниговѣ.

XIV. Воспитаніе и образованіе.

111. Какъ должно начинать воспитаніе человѣка въ вѣрѣ? (Черн. епарх. извѣстія 1861 г. № 1. Перепечатано въ Душенолезномъ чтеніи 1861 г. № 5 и Домашней Весѣдѣ 1861 г. № 20 и отдѣльнымъ выпускомъ).
112. Обученіе въ народныхъ школахъ (тамъ-же, 1862 г. № 23).
113. Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. (Въ книгѣ подъ тѣмъ-же названіемъ СПБ. 1862 г. ч. 1).
114. Замѣчанія на проектъ общаго устава Император. Россійск. Университетовъ: (Въ книгѣ подъ тѣмъ-же названіемъ СПБ. 1862 г. ч. 1).
115. Обученіе въ сельскихъ школахъ (Черниговскія епархіальныя извѣстія 1862 г. № 36).
116. Народная школа (тамъ-же, 1864 г.).
117. Семинарское воспитаніе въ началѣ 19 столѣтія (тамъ-же).

XV. Расколъ.

118. Къ вопросу о сектантахъ Тамбовской епархіи (тамъ-же, 1862 г. № 36),
119. Толкъ Слободскихъ раскольниковъ о книгахъ (тамъ-же).
120. Состояніе раскола поповщины въ послѣднее время (тамъ-же. 1866 г. № 14).
121. Историческія свѣдѣнія о раскольникахъ Черниговской епархіи (труды Кіев. духов. Академіи 1860 г. кн. 3).

XIVІ. Біографія.

122. Къ біографіи Черниговскаго архіеп. Антонія Стаховскаго (тамъ-же, 1862 г. № 28).
123. Къ жизни митрополита Стефана Яворскаго (тамъ-же).
124. Архимандритъ Венедиктъ Курковскій, настоятель Новгородъ-Сѣверскаго монастыря. Некрологъ (тамъ-же, 1861 г.).

XVІІ. Современные вопросы.

125. Голосъ Русскаго въ защиту Греческой церкви (тамъ-же, 1861 г.).
126. Событія на о. Критѣ въ 1660 г. (тамъ-же).

127. Содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и духовенства (тамъ-же, № 5).
 128. Нѣсколько вопросовъ (тамъ-же).
 129. Сельскій пастырь (тамъ-же, 1862 г. № 6). По поводу повѣсти въ современникѣ 1861 г. „Грязь и Золото“.
 130. Не бойся, я съ тобою (тамъ-же, № 9).
 131. Къ четвертому пункту іезуитской инструкціи (тамъ-же, № 12).
 132. Погребеніе иновѣрцевъ священникомъ (№ 12) По поводу заявленій Чеховъ въ Диканьѣ.
 133. Запѣтка современности (тамъ-же, № 16).
 134. Извѣстія современныя (тамъ-же).
 135. Запѣтка о современномъ (тамъ-же, 1863 г.).
 136. Запѣтки о современномъ (1864 г.).
 137. Запѣтки о современномъ (1865).
 138. Запѣтки о современномъ. Кое что о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ (1866 г.). По поводу статьи Пѣвницкаго въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи (1864 г.).

ХУІІІ. Изданія.

139. Блаженнаго Іоанна Мосха—Лугъ Духовный, въ переводѣ съ греческаго. М. 1848. Второе изданіе М. 1853).
 140. Письма Преосвящ. Лазаря Барановича Архіепископа Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго. Переводъ многихъ писемъ съ польскаго языка и примѣчанія въ объясненіи содержанія (Чернигов. епарх. извѣстія 1861—1865 г. Отдѣльно Черниговъ 1865).
 141. Акты уніи 1742—1747 (тамъ-же, 1862 г. № 1, 4, 8, 9, 10 и 11).
 142. Неизданныя сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго (каедр. Чернигов. монастыря. Черниговъ 1861 г.).
 143. Неизданныя сочиненія Стефана (*Яворскаго*) Митрополита Рязанскаго (Черниг. еп. извѣстія 1861 г.).

ХІУ. Юритика и библіографія.

144. Разборъ сочиненія г. Смирнова: „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи (26 присужденіе Демидовскихъ наградъ 17 іюня 1857 г. СПб. 1858 г.).

145. **Библиографія:** а) Св. Евангеліе на Русскомъ языкѣ; б) книга премудрости Іисуса сына Сирахова; в) обзоръ четверо-евангелія Гречулевича; г) обзорѣніе посланій св. апост. Павла къ Коринѳянамъ. М. Голубева (Чернигов. епарх. извѣстія 1861 г. № 1).
146. **Библиографія:** а) Исторія Христіанской церкви Чельцова; б) М. Богословскаго св. Исторія; в) начертаніе житія св. Филиппа митр. Московскаго; г) сказанія о св. Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго; д) общежительная Саровская пустынь Геромонаха Авеля; е) воспоминаніе поклонника св. Гроба В. Каминскаго (тамъ-же).
147. **Библиографія:** а) обличительное Богословіе архимандрита Иннокентія; б) о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, свящ. Венескриптова; в) ученіе православно-каѳолической вѣры въ бесѣдахъ; г) премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и человѣка; д) постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій Новицкаго (тамъ-же № 6).
148. **Библиографія:** а) письма къ друзьямъ съ Аѳонской горы инока Мелетія; б) о необходимости Священства, свящ. А. Предтечинскаго. в) истинно-древняя и истинно-православная церковь Христова, митрополита Григорія (тамъ-же № 8).
149. **Библиографія:** Торжество Христіанскаго ученія надъ Талмудомъ (тамъ-же № 10).
150. **Библиографія:** а) Нравственное Богословіе Косгромскаго епископа Платона; б) напоминаніе священнику объ обязанностяхъ при совершеніи таинства покаянія, его-же; в) литургика А. Черняева; г) литургика, свящ. д. Смолодовича; д) Аѳонскій Патерикъ; е) слова къ наставѣ Вологодской, пресвящ. Иннокентія; ж) христіанскія начала, Тирша; з) приготовленіе къ исповѣди, протоіерея Богословскаго; и) избранныя слова и рѣчи протоіерея Раевского (тамъ-же).

Примѣч. Всего въ 1861 г. разобрано Филаретомъ 31 книга.

151. **Библиографія:** книга Іова въ русск. переводѣ, съ краткимъ объясненіемъ (тамъ-же 1862 г. № 3).
152. **Библиографія:** а) историческое описаніе Тамбовской епархіи, соч. свящ. Хитрова; б) Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ, со временіи завоеванія Константинополя Турками; в) объ измѣненіяхъ

въ чинѣ литургіи, указанныхъ въ поморскихъ отвѣтахъ и въ мечѣ духовномъ, соч. игумена Варлаама; г) письма о расколѣ, Мельникова (тамъ-же № 10).

153. Библиографія: богослуженіе, праздники и обряды нынѣшнихъ евреевъ, соч. А. Алексѣева (№ 12).
154. Библиографія: а) слова ректора С.-Петербургской духов. академіи Феофана; б) слова къ Тамбовской паствѣ, его-же; в) отвѣты на возраженія прогивъ вѣры истинной; г) духовно-нравственная христоматія, А. Невскаго; д) дѣтскій міръ, Ушинскаго (№ 18).
155. Библиографія: а) историческое обозрѣніе соборовъ, бывшихъ въ первые три вѣка христіанства, А. Поморцова. Орелъ 1861 г.; б) дѣло патріарха Никона, Н. Субботина М. 1862 г. (тамъ-же 1863 г. № 6).
156. Библиографія: а) записки по нравственному богословію, протоіерея П. Солярскаго. 2 т. СПб. 1860—1862 г.; б) изъ исторіи Преображенскаго кладбища. М. 1862 г. (№ 6).
157. Библиографія: сравнительный обзоръ четверо-евангелія, составлено прот. В. Гречулевичемъ (тамъ-же, 1866 г. № 13).

Почитаемъ не безынтереснымъ сообщить исторію портрета, снимокъ съ котораго приложенъ къ настоящей книгѣ. Въ Черниговѣ проживалъ одно время дальній родственникъ архіеп. Филарета Ник. Ив. Дмитріевъ, художникъ, высланный въ Черниговъ изъ Петербурга врачами, такъ какъ при его слабой жизни климатъ Петербургскій былъ очень ему вреденъ. По кончинѣ Филарета, помѣщикъ д. с. с. А. И. Ханенко, донинѣ здравствующій, просилъ Дмитріева напечатать ему большой портретъ усоншаго святителя съ фотографической карточки. Дмитріевъ не разъ пранимался писать, но портретъ не выходилъ удачнымъ; пользовавшійся-же дружбою Филарета, А. И. желалъ нетерпѣливо имѣть его портретъ и упрекалъ Дмитріева въ лѣни. Послѣ такого разговора, вернувшись вечеромъ домой, Дмитріевъ, приготовилъ полотно съ намѣреніемъ утромъ приняться за работу. Утромъ передъ пробужденіемъ его, говорилъ онъ намъ, является ко мнѣ во снѣ Филаретъ и спрашиваетъ: „ты собираешься писать мой портретъ?“ —

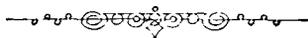
„Да владыко.“ — „Ну такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ, смотри ка меня!“ Онъ сѣлъ, а я смотрѣлъ на него, какъ казалось мнѣ, сполчася времени. Проснувшись онъ сейчасъ-же принялся за работу и портретъ вышелъ до того дивнымъ и вѣрнымъ, что А. И. пришелъ въ восторгъ, когда его увидѣлъ, и замѣтилъ Дмитріеву, что очевидно всему виною была его лѣнь, а не то, что не могъ онъ написать. Да замѣтилъ художникъ, и не написалъ-бы, еслибъ не помогъ самъ Филаретъ, при чемъ рассказалъ ему о сонномъ видѣніи и о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое вынесъ онъ, созерцая лицо святителя.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
4	18	Черниговской	Чернецкой.
5	24	25 октября	26 октября.
8	послѣд.	родителямъ	родителями.
38	26-27	того время, которое	требуеть и доставляеть.
54	16	что подавляло	такъ подавляло.
84	8	Фелареть	Филареть.
93	11	глубь ея	глубь его.
106	17	воскресенье	воскресное.
116	7	волостнаго	волостнаго.
122	23	понималъ	поминалъ.
144	6	странствующій	странствующій.
161	13	Г. М. Муравьевъ	А. Н. Муравьевъ.
168	19	было было	было.
170	6	нашей	вашей.
—	18	что и медлилъ	что я медлилъ.
189	13	погорилъ	погорѣлъ.
201	27	это и давалъ	что и давало.
207	15	дѣломъ	дѣламъ.
220	13	какъ бы не случилось	быть случилось.
220	31	про восхитившій	восхитившій.
221	22	горскому	Горскому.
221	23	академики	академисты.
238	30	церкви	церковь.

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
239	5	казначею	казначей.
248	3	ночь подѣ 6	въ ночь подѣ 6.
250	4	творецъ	Творецъ.
—	8	значить	значитъ.
253	2	38 лѣтъ	40 лѣтъ.
266	10	увѣщивать	увѣщавать
267	11	Антонина	Анатолія.
270	17	лично соборнаго	соборнаго.
271	11	строга	строгаго.
272	7	въ Харьковѣ	въ Хорошевѣ.
289 ^б	25	общала	общали.
306	32	Маковскимъ	Валескимъ.
350	7	на прерванную	за прерванную.
371	14	ихъ всѣхъ	изъ всѣхъ.
—	22	къ литературѣ	въ литературѣ.
376	6	братимъ	обратимъ.
384	27	17 лѣтъ,	17 лѣтъ
396	2	тѣмъ	чѣмъ.
399	31	даже	дано.
400	6	святитель	свѣтитъ.
—	11	знаешь не	знаешь ли.
403	14	своей приговоръ	свой приговоръ.
404	7	хронологіи	хронологіи.
408	6	народѣ	нарядѣ.
417		послѣд. мѣстахъ	мѣхахъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” – это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru